

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

16+

Вестник славянских культур

Научный журнал

Издается с 2000 г.

Том 65

Сентябрь 2022

*Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68467 от 27 января 2017 г.
ISSN 2073–9567*

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий
для публикации трудов соискателей ученых степеней

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

**Москва
2022**

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. KOSYGIN RUSSIAN STATE UNIVERSITY
(TECHNOLOGIES. DESIGN. ART)

THE INSTITUTE OF SLAVIC CULTURES

16+

VESTNIK SLAVIANSKIKH KUL'TUR [BULLETIN OF SLAVIC CULTURES]

Scientific journal

Published since 2000

Volume 65
September 2022

The journal is registered in Federal service on legislation observance in sphere
of communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ПИ № ФС77-68467 of January, 27, 2017

ISSN 2073–9567

The Bulletin is included in the list of the periodicals, the publications in which are
accepted for the consideration by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation when defending the thesis for PhD and DSc degrees

E-mail: vsk_gask@mail.ru
www.vestnik-sk.ru

Moscow
2022

Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 65. — 375 с.; ил. — ISSN 2073-9567

Главный редактор

О. А. Запека (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

О. А. Туфанова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

К. К. Маслова (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Редактор

М. В. Рудаков (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. М. Воробьев (РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия), *М. Н. Громов* (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *С. Елушич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), *Е. М. Калашикова* (ФГБОУ ВО «ПГГПУ», Пермь, Россия), *И. И. Калиганов* (Институт славяноведения РАН Москва, Россия), *В. Ф. Козлов* (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Россия), *М. Костова-Панайотова* (Юго-западный университет им. Неофита Рылского, Благоевград, Болгария), *Н. Мотоки* (Университет Хоккайдо, Хоккайдо, Япония), *К. В. Никифоров* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. Спак* (Университет INALCO — Институт восточных языков и восточных культур, Париж, Франция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. И. Бажов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *В. Вилмек* (Философский факультет Остравского университета, Острава, Чешская Республика), *Х. Ковальска-Стус* (Ягеллонский университет, Краков, Польша), *А. К. Коненкова* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Н. Б. Корина* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *М. Ю. Люстров* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *В. Н. Матонин* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия), *Г. П. Мельников* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. А. Пожидаева* (ВТУ им. М. С. Щепкина при ГАМТ России, Москва, Россия), *М. А. Пузина* (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия), *Т. И. Радомская* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Е. В. Сальникова* (Государственный институт искусствознания, Москва, Россия), *И. Е. Светлов* (МГАХИ им. В. И. Сурикова, Москва, Россия), *С. С. Степанова* (Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия), *Н. В. Трофимова* (ФГБОУ ВО «МПГУ», Москва, Россия), *Е. С. Узенева* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Адрес редакции: 129337 г. Москва, Хибинский проезд, д. 6

Телефон: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. — 2022. — Volume 65. — 375 p.; il. — ISSN 2073–9567

Editor-in-Chief

Oksana A. Zapeka (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Olga A. Tufanova (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Ksenia K. Maslova (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editor

Mikhail V. Rudakov (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Vyacheslav M. Vorob'ev (A. N. Kosygin Russian State University, Tver, Russia), *Mikhail N. Gromov* (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Sinisa Jelusic* (University of Montenegro, Podgorica, Montenegro), *Elena M. Kalashnikova* (Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia), *Igor I. Kaliganov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vladimir F. Kozlov* (D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, Moscow, Russia), *Magdalena Kostova-Panayotova* (Neofit Rilski South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria), *Nomachi Motoki* (Slavic Research Center of Hokkaido University, Hokkaido, Japan), *Konstantin V. Nikiforov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Gaiane Spach* (University INALCO — The Institute of Eastern Languages and Cultures, Paris, France)

EDITORIAL BOARD

Sergey I. Bazhov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vitezslav Vilimek* (Philosophical department, Ostrava University, Ostrava, Česká republika), *Hannah Kowalska-Stus* (Jagiellonian university, Krakow, Poland), *Alla K. Konenkova* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Nataliya B. Korina* (Department of Slavonic Studies University of Vienna, Wien, Austria), *Mikhail Iu. Lyustrov* (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vasiliy N. Matonin* (Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia), *Georgiy P. Melnikov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Galina A. Pozhidaeva* (Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Moscow, Russia), *Maria A. Puzina* (V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Tat'iana I. Radomskaia* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Salnikova* (The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia), *Igor E. Svetlov* (V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute, Moscow, Russia), *Svetlana S. Stepanova* (The State Tretyakov gallery, Moscow, Russia), *Nina V. Trofimova* (Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, Russia), *Elena S. Uzeneva* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Address: Khibinsky proezd 6, Moscow 129337

Telephone: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Website: www.vestnik-sk.ru

© РГУ им. А. Н. Косыгина, 2022

© Вестник славянских культур, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

ЖИРОВ В. К., МИТИНА Е. Г., ИЩЕНКО А. В.

Просветительское значение садово-парковой архитектуры в России:
сакральный символизм и образовательная среда.....8

ГУСЕВ Н. С. Средневековые памятники архитектуры в Македонии
в описаниях русских путешественников (середина XIX – начало XX вв.).....26

КЛЮКИНА Л. А. Строительство Александро-Невской церкви в городе
Петрозаводске в XIX в. как пример обращения старообрядцев в православие.....44

БЕЛОВ А. В. Культурная среда Москвы на рубеже XVIII–XIX вв.:
дворянские театры города. Основные типы и особенности функционирования.....62

УСАНОВА Н. С., АРХИПОВА М. Л. Прагматика бала в России
в диахронном аспекте: от истории к современности.....71

МОСОЛОВА Л. М., БОНДАРЕВ А. В., ЗЫКИН А. В. «Коренные народы»
как конструирующий концепт: проблематизация, интерпретации и дискурсы.....83

МОКШИНА И. С., НЕЧАЕВА Т. Ю. Молодежная периодическая печать
как средство патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны...115

АНХИМЮК М. Ю. Внешняя политика в программах чешских
политических партий на рубеже XX–XXI вв.: история изучения вопроса.....128

Филологические науки

КУЗЬМИНА М. Д. Переписка князя А. Д. Кантемира с сестрой
и пути развития эпистолярного жанра в России XVIII в.....142

ЮХНОВА И. С., ПЯТКИН С. Н.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» в русской культуре.....158

ИСАЧЕНКО Т. А. Альманах Королевы Ольги
с автографами Белой эмиграции на аукционе в Монако 2018 г.....169

ЗУСЕВА-ОЗКАН В. Б. К истории русской поэтической наррации:
прозаической автокомментарий в поэмах П. Буслаева
«Умозрительство душевное» и М. Амелина «Веселая наука».....192

ШАДУРСКИЙ В. В. Рецепция Аввакума в творчестве Марка Алданова.....208

ИСАЕВА Л. А., ЕПАТКО Т. А. Лексико-семантическое поле вербализаторов
концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ: общекультурная и региональная специфика.....221

ТВЕРДОХЛЕБ О. Г. Специфические способы ироничного
истолкования антропонимов в афоризмах.....234

ЕМЕЛЬЯНЕНКОВ В. В. Термин-ассоциация-образ
в русском и польском языке на примере хореографического искусства.....247

ШАПОВАЛОВ А. В. Риторические вопросы и восклицания в славянском
историческом повествовании рубежа XI–XII вв. («Повесть временных лет»,
«Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима»).....256

Искусствоведение

ГРОМОВ М. Н. Методология изучения древнерусского искусства и культуры...269

БЕЛГОРОДСКИЙ В. С., КОТОВСКАЯ М. Г., ШВЕЦ Э. Г. Социология повседневности: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами художников.....	279
ТОМИЛОВА А. И. Увековечивание исторических дат при Николае II в культовых постройках (на примере 300-летия Дома Романовых).....	297
ПАТИНА Т. Е., КОВАЛЕВА О. В. Формирование и становление русского авангарда в период 1910–1930 гг. Идеи русского текстильного авангарда.....	315
УВАРОВ В. Д. К вопросу применения искусства таписсерии в интерьерах общественных зданий в XX–XXI вв.....	325
ЧЕРНЯЕВА И. В., БАЛАХНИНА Л. В. Меценатство и благотворительность как особенности художественного рынка России.....	333
ХМЕЛЬНИЦКАЯ О. В. Особенности этнической направленности развития творческого почерка омской школы дизайна костюма (Omsk fashion design school OFDS).....	345
БАРСУКОВА Н. И. Семиотические функции образно-ассоциативных форм дизайна в городской среде.....	359
От редакции	372

CONTENTS

Theory and history of culture

ZHIROV V. K., MITINA E. G., ISHCENKO A. V. Enlightening Significance of Landscape Architecture in Russia: Sacred Symbolism and Educational Environment...8	
GUSEV N. S. Medieval Architectural Monuments of Macedonia in the Descriptions of Russian Travelers (Mid-19 th – Early 20 th Centuries).....	26
KLYUKINA L. V. The Construction of the Church of Alexander Nevsky in the City of Petrozavodsk in the 19 th Century as an Example of Converting Old Believers into Christianity.....	44
BELOV A. V. Cultural Environment of Moscow at the Turn of the 19 th Century: Noble Theaters of the City. Main Types and Features of Operation.....	62
USANOVA N. S., ARKHIPOVA M. L. Pragmatics of the Ball in Russia in a Diachronic Aspect: from Origins to Modernity.....	71
MOSOLOVA L. M., BONDAREV A. V., ZYKIN A. V. “Indigenous People” as a Constructing Concept: Problematization, Interpretation and Discourses.....	83
МОКШИНА И. С., НЕЧАЕВА Т. Ю. Youth Periodical Press as a Means of Patriotic Education During the Great Patriotic War.....	115
ANKHIMIUK M. YU. Foreign Policy in Programs of Czech Political Parties at Turn of the 21 st Century: Historiographical Essay.....	128

Philological sciences

KUZMINA M. D. Correspondence by A. D. Kantemir with his Sister and the Development of the Epistolary Genre in Russia of the 18 th Century.....	142
--	-----

YUKHNOVA S. N., PYATKIN S. N. Lermontov's Poem "The Sail" in the Russian Culture.....	158
ISACHENKO T. A. The Almanac of Queen Olga with Autographs by the White Emigration at the Auction in Monaco 2018.....	169
ZUSEVA-ÖZKAN V. B. Towards the History of Russian Poetical Narration: Prosaic Autocommentary in the Poems "The Speculations of the Soul" by P. Buslaev and "The Joyous Science" by M. Amelin.....	192
SHADURSKY V. V. Perception of Avvakum in the Works of Mark Aldanov.....	208
ISAEVA L. A., YEPATKO T. A. Lexical Semantic Field of Verbalizers of the Concept "Horse/Mare": General Cultural and Regional Specifics.....	221
TVERDOKHLEB O. G. Specific Ways of Ironic Interpretation of Anthroponyms in Aphorisms.....	234
EMELIANENKOV V. V. Term-association-image in Russian and Polish by the Example of Choreographic Art.....	247
SHAPOVALOV A. V. Rhetorical Questions and Exclamations in Slavic Historical Narration of the 11–12 Centuries ("Russian Primary Chronicle", "Chronica Boemorum", "Gesta Principum Polonorum").....	256

History of Arts

GROMOV M. N. Methodology of the Study of Ancient Russian Art and Culture.....	269
BELGORODSKY V. S., KOTOVSKAYA G. M., SHVETS E. G. Sociology of Everyday Life: Russo-Turkish War of 1877–1878 through the Eyes of Artists.....	279
TOMILOVA A. I. Perpetuation of Historical Dates under Nicholas II in Religious Buildings (in the Context of the 300 th Anniversary of the House of Romanov).....	297
PATINA T. E., KOVALEVA O. V. Formation and Evolvement of the Russian Avant-Garde during 1910–1930. Ideas of the Russian Textile Avant-Garde.....	315
UVAROV V. D. The History of the Use of Tapestry Art in the Interiors of Public Buildings in the 20–21 Centuries.....	325
CHERNYAEVA I. V., BALAKHNINA L. V. Philanthropy and Charity as the Features of the Russian Art Market.....	333
KHMELNITSKAYA O. V. Ethnical Trend Features in the Creative Style Development of the Omsk Fashion Design School.....	345
BARSUKOVA N. I. Semiotic Functions of Figurative and Associative Forms of Design in the Urban Environment.....	359
Editorial note.....	372

Теория и история культуры
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-8-25>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. К. Жиров
г. Апатиты, Россия

© 2022 г. Е. Г. Митина
г. Мурманск, Россия

© 2022 г. А. В. Ищенко
г. Апатиты, Россия

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
САДОВО-ПАРКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В РОССИИ:
САКРАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА**

Аннотация: Основные вехи эволюции отношений человека и природы отражаются в смене социальных функций ландшафтной архитектуры в различные периоды ее исторического развития. Во многом оно связано с просветительской деятельностью садов и парков. Гармоничное сочетание древнего сакрального и современного образовательного символизма отличает садово-парковое искусство от других архитектурных форм. Данная статья посвящена историческому развитию просветительского значения русской садово-парковой архитектуры, которое рассматривается в контексте отношений сакральной и образовательной функций. Процесс становления просветительской роли российской садово-парковой архитектуры исследуется авторами от эпохи Древнего мира до Новейшего времени: на этапах ее реализации через сакральные сооружения древних славян, создание монастырских садов и аптекарских огородов, формирование системы ботанических садов и экологических парков. Изучение эволюции этих отношений позволяет заключить, что сакральная и образовательная функции русского ландшафтного искусства, возникнув раньше других, не только находятся в развитии до наших дней, но и имеют тесную взаимосвязь именно в дискурсе просвещения.

Ключевые слова: садово-парковая архитектура, культовые сооружения древних славян, монастырские сады, аптекарские огороды, ботанические сады, экологические парки, сакральный символизм, образовательная среда.

Информация об авторах:

Владимир Константинович Жиров — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник председателя, Кольский научный центр Рос-

сийской академии наук, ул. Ферсмана, д. 14, 184209 г. Апатиты, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8519-1082>

E-mail: v_zhirov_1952@mail.ru

Елена Гарисоновна Митина — доктор педагогических наук, профессор кафедры естественных наук, Мурманский арктический государственный университет, ул. Капитана Егорова, д. 15, 183038 г. Мурманск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2640-5092>

E-mail: elena_mitina08@mail.ru

Анастасия Владимировна Ищенко — младший научный сотрудник, Лаборатория медицинских и биологических технологий, Кольский научный центр Российской академии наук, ул. Ферсмана, д. 14, 184209 г. Апатиты, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3087-9960>

E-mail: anestezia_zhirova@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.06.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.03.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: *Жиров В. К., Митина Е. Г., Ищенко А. В.* Просветительское значение садово-парковой архитектуры в России: сакральный символизм и образовательная среда // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 8–25.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-8-25>

Отношения человека и природы в подавляющем большинстве случаев двусторонне симметричны, хотя и неравнозначны. Как правило, природная среда невербально воздействует на психоэмоциональную сферу человека, который оставляет в ней материальный след своих действий.

Эти особенности наиболее наглядно отражаются в образной системе садово-парковой архитектуры. В процессе своего развития человеческое общество преобразует окружающую среду, руководствуясь как практическими (в частности, сельскохозяйственными), так и высшими (духовными, исследовательскими) мотивами. Вместе с тем, с этой точки зрения, смысл ландшафтного искусства заключается в создании на основе различных природных объектов цельной композиции, наделенной сакральным, образовательным или художественным смыслом [22, с. 6].

Известный отечественный филолог и искусствовед, академик Д. С. Лихачев утверждал, что главное отличие садов от других архитектурных форм заключается именно в его смыслообразующем потенциале. По его словам, сад — это «большая книга, учебное помещение, своего рода классная комната». Сад целенаправленно сообщает своему зрителю «различные аллегории, символы определенных понятий, событий, людей, богов», и через вызываемые ими ассоциации создает определенное настроение [8, с. 11]. Вместе с тем в различных культурных традициях сады продолжают выполнять чисто хозяйственные функции, преимущественно сельскохозяйственного назначения.

С религиозной точки зрения, в существующем многообразии искусственных ландшафтов можно выделить языческие (поли- и пантеистические) и монотеистические (христианскую, иудейскую и мусульманскую) составляющие.

Несмотря на принципиальные догматические различия между этими конфессиями, в большинстве сформировавшихся под их влиянием мировых культур сад является обобщенным образом первоначального мира [9, с. 49]. Основываясь на этом, можно

утверждать, что первые попытки человека изменить окружающий ландшафт имели прежде всего сакральный и только во вторую очередь хозяйственный смысл. Об этом свидетельствует древнее происхождение различных мегалитических и других культовых сооружений, значительно превосходящих по возрасту известные атрибуты сельскохозяйственных технологий [1, с. 16].

Большое число исторических свидетельств о непрерывности перехода от древних сакральных к современным образовательным функциям садово-паркового искусства значительно расширяет возможности анализа взаимоотношений религиозного и светского мировосприятия. Первые попытки использования реорганизованного пространства сакральных садов и рощ в древнем ландшафтном искусстве в качестве образовательной среды послужили основой современных представлений об исторической связи просвещения и религии [16, с. 12]. С этой точки зрения история развития отечественного садово-паркового искусства может быть представлена в виде следующей схемы (рисунок 1):

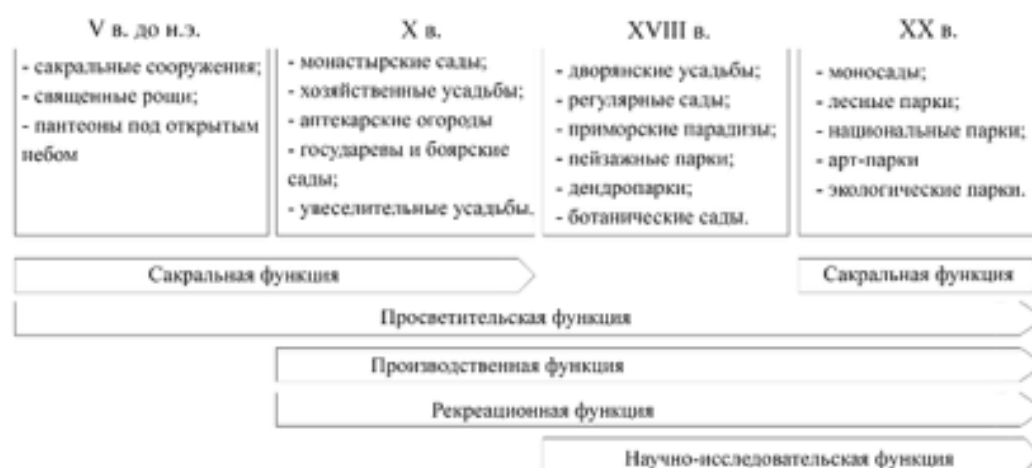

Рисунок 1 – Основные этапы становления садово-парковой архитектуры в России согласно периодизации А. П. Вергунова и В. А. Горохова [1, с. 5–8]
Figure 1 – The Main Formation Stages of Landscape Architecture in Russia According to the Periodization of A. P. Vergunov and V. A. Gorokhov [1, с. 5–8]

Как видно, сакральная и просветительская функции выполнялись объектами садово-паркового искусства на территориях обитания древних славянских племен около V в. до н. э. и реализовывались через сакральные сооружения на возвышенностях, священные рощи и пантеоны под открытым небом. Согласно историческим данным (В. Я. Пропп, П. В. Шейн, Д. С. Лихачев, В. А. Липинская, Б. А. Тимошук, И. П. Русанова и др.), все создаваемые древними славянами ландшафтные объекты принадлежали к языческой культуре, для которой они имели сакральное значение. Так, для Древней Руси были характерны обожествление природных явлений, культ растений и животных, ритуальное отношение к естественным ландшафтам. Их почитали, как хозяев и защитников, боялись, как неизведанной и неуправляемой силы, им молились и приносили жертвы. Через образы, запечатленные на рукотворных культовых сооружениях, древние славяне сообщали следующим поколениям сведения о своих богах и их космогонической роли. Перун занимал высший уровень в славянской духовной

иерархии и подчинял себе всех остальных: Стрибога, олицетворявшего небо, Дажьбога — божества природных явлений и Солнца, Макошь — богиню урожая, Ладу — богиню весенней пахоты и сева, Семаргла — бога семян, корней и всходов, и т. д. [18, с. 431, 443]. Организация пространства древнеславянского капища, соответствующая иерархии отношений между этими духовными сущностями, показана на рисунке 2.

Рисунок 2 – Схема предполагаемого расположения божеств на капище древних славян (на примере городища Богит, прекратившего свое существование в XI в. н. э.) [18]
Figure 2 – Plan of the Estimated Location of Deities' figures on the Ancient Slavs Heathen Temple (on the Example of the Bogit Settlement, Ceased to Exist in the XI Century AD) [18]

Первые признаки планирования садов, как производственных объектов, появились уже позднее, после крещения Руси (X в. н. э.) с появлением таких форм, как хозяйственные усадьбы и монастырские сады. При этом исполнение сакральной функции последними продолжается, но она постепенно начинает сходить на нет под влиянием западной культуры к завершению XVII в.

Согласно мнению О. Б. Сокольской, монастырские сады на Руси были двух типов: 1) утилитарные — плодовые, располагающиеся за стенами монастыря; 2) декоративные — малые палисадники внутри монастырских стен [22, с. 154].

Несмотря на то что славяне-язычники, несомненно, владели навыками садоводства, а также возводили вышеописанные архитектурные формы, первые свидетельства о концептуально-семантическом оформлении сада, как рукотворного природного образа, относятся к христианской эпохе и связаны с монастырским способом хозяйствования [11, с. 101]. По одному из мнений (В. Д. Черный, А. Г. Мельник), возникшие после крещения Руси монастырские сады носили нравственно-воспитательный и даже дидактический характер. Необходимо отметить, что, во-первых, место возведения монастыря выбиралось неслучайным образом. Монастырь должен был располагаться в окружении определенного ландшафта, подчеркивающего его сакральное и эстетическое значение. Топографически он был местом соединения различных природных и рукотворных экосистем. Выбор такой пространственной организации был продиктован символическим смыслом монастыря как места соединения дольного и горнего миров [10, с. 113].

Во-вторых, религиозной символике подчинялись и общие принципы организации монастырского пространства, включая территорию его сада. Архитектура древнерусских монастырей наследовала греко-византийские традиции, предполагающие обязательное наличие в монастырском саду главного собора — земного символа «престола Бога и Агнца», центральной, ведущей к нему аллеи, как «дороги к Богу», водного источника — «реки жизни» и ограждения — «духовной ограды» [11, с. 101].

Представляя собой обобщенный образ Эдема, сады-вертограды в стенах и за пределами монастырей включали в себя также яблони, цветы и птиц в качестве земных аналогов его обитателей [22, с. 153]. Крестообразно пересекающиеся тропы рядом с водным источником вместе символизировали необходимость преодоления Крестного Пути для возвращения в утраченный Рай по «реке жизни».

В дополнение к яблоням в иноческих обителях часто выращивали груши, сливы, вишни, шиповник и другие цветущие деревья, а также кустарники и многолетние травы, в частности, пионы [21, с. 22]. Рядом с цветущими растениями в монастырских садах часто располагались кедры или сосны, символизирующие крестные страдания Спасителя [12, с. 158]. Поскольку ливанский кедр упоминается в Священном Писании, но не произрастал на территории средневековой Руси, русские монахи уподобляли ему различных представителей семейства сосновых. Кроме того, в монастырских садах Киевской Руси часто можно было встретить виноградную лозу — расхожий во времена Средневековья христианский образ, побеги которой символизировали учеников, а гроздь — Тело и Кровь Спасителя.

Христианский символизм монастырских садов проявляется не только в видовой принадлежности, но и в способе посадки растений. Так, три липы во Свято-Введенском Толгском женском монастыре олицетворяют Святую Троицу, а двенадцать кедров — апостолов Христовых [2, с. 28]. Данная видовая композиция была выстроена с расчетом как на ее динамическое созерцание во время прогулки по главной аллее, так и на восприятие в статике — из беседки у восточной стены монастыря [22, с. 154] (рисунок 3).

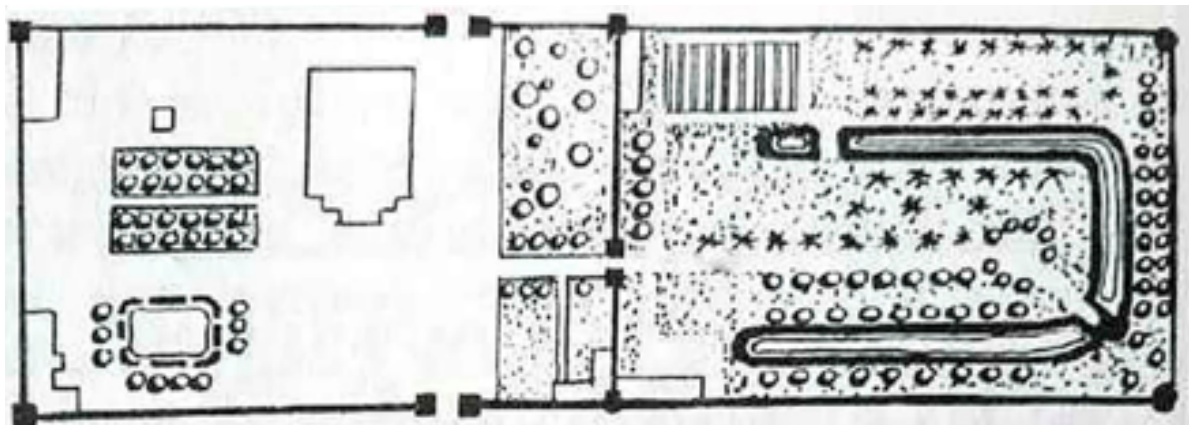

Рисунок 3 – План Свято-Введенского Толгского монастыря (1314 г.) [22, с. 153]

Figure 3 – Plan of St. Vvedensky Tolga Monastery (1314) [22, p. 153]

Следует отметить, что во многих русских монастырях, особенно после того, как в идеологии монастырского строительства сторонники прп. Иосифа Волоцкого одержали верх над «нестяжателями» прп. Нила Сорского, получил развитие общежительный принцип организации монастырей. Он повлек за собой значительное увеличение числа насельников вблизи «райских куш». По практическим соображениям стали выращиваться ягодные кустарники: смородина, малина, крыжовник. Были устроены грядки с овощами, иногда — с лекарственными растениями [21, с. 22].

По мнению С. А. Маленко, «Иноческое подвижничество условно разделило природу на две ипостаси: во-первых, это пространство, находящееся за пределами монастыря, выступающее символом первозданного, нерукотворного замысла, объек-

том преклонения и вдохновения. . . Во-вторых, это природа, сотворенная руками самих иноков, которая иллюстрирует жизненный и духовный путь иноческого подвижничества по преобразованию своего тела, души и сознания в соответствии с замыслами Творца» [10, с. 114].

Таким образом, уже в Средневековье сады русских монастырей служили не только хозяйственным и эстетическим, но и воспитательным целям, по существу представляя собой одну из первых попыток целенаправленной организации садового пространства как образовательной среды. Символическое устройство садов при русских православных монастырях соответствовало библейской символике и повествовало о первозданной гармонии природного и человеческого начал. Оно было призвано настроить человека на общение с Богом и способствовало погружению в благочестивые раздумья. Монастырские сады — внутренние или специально огражденные (тайные) — традиционно связывались с образом Пресвятой Богородицы, олицетворяя всю Церковь Христову.

Существует мнение, что символика садов русских монастырей была навеяна образной системой соответствующих ландшафтов средневековой Европы, поскольку многие русские монахи владели латынью и греческим языком и были способны пользоваться зарубежными литературными источниками [12, с. 517]. Согласно противоположной точке зрения, идея сада как материализованного «воспоминания об Эдеме» интерсубъективна, вследствие чего могла возникнуть в разных культурах, независимо от других [15, с. 43].

Просветительское значение садов усиливается при появлении их новых форм — «аптекарских огородов», на которых не только культивировались лекарственные растения, но также изучались их свойства. Потребность в производстве лекарственного сырья на ранних этапах становления фармакологии уже в Средние века послужила причиной широкого распространения садов с лечебными и другими полезными растениями [13, с. 63]. Возникшие на стыке хозяйственной деятельности монастырей и академического образования лечебные сады, а позднее — аптекарские огороды, вскоре заняли устойчивую позицию в образовательной сфере, явившись первыми проводниками ботанических знаний.

Лечебные сады появляются на Руси в XVI–XVII вв. в форме гряд, засаженных лекарственными растениями, которые обычно разводили при монастырях для частного пользования [1, с. 62]. Один из таких садов был устроен в Московском Кремле на территории Чудова монастыря в 1581 г. по приказу царя Иоанна IV (Грозного) для обслуживания нужд придворной Государевой аптеки [20, ч. 1, с. 399]. Для повышения качества и расширения ассортимента производимого растительного сырья, на службу в Государеву аптеку приглашались доктора, аптекари и ботаники из-за рубежа: доктор Ричард Рейнольд, аптекарь Томас Карвер, инженер Хемфри Лок и другие специалисты [5, с. 40]. Это сыграло немаловажную роль в развитии интродукции лекарственных растений в Российской империи.

В более широком смысле лечебные сады как центры, обеспечивающие медиков сырьем для приготовления лекарств, появляются при царе Михаиле Федоровиче Романове (1613–1645) [20, ч. 2, с. 6]. За время его правления, в рамках «Аптекарского указа» (точная дата его создания варьируется между 1581 и 1620 г.), кроме кремлевского лечебного сада, в Москве и ее окрестностях было организовано еще несколько садов, благодаря чему в значительной степени увеличились объемы и улучшилось каче-

ство выращиваемых растений. Сын Федора Михайловича, царь Алексей Михайлович («Тишайший», 1645–1676) принял особые меры по обеспечению страны лекарственными растениями: расширил сеть лечебных садов в Москве и селе Измайлово и сделал ежегодное царское повеление военачальникам «собирать травы, цветы и корни, которые годны к лекарственному делу». В это время открывается первый и важнейший в России аптекарский огород у Каменного моста, с западной стороны от Кремля, следом за ним — второй у Мясницких ворот, далее — третий вблизи Немецкой слободы, и после того еще несколько аптекарских огородов в окрестностях Москвы [25, с. 130].

С приходом к власти Петра I к началу XVIII в. складываются наиболее благоприятные условия для развития просветительского потенциала русской садово-парковой архитектуры.

В 1706 г. на окраине Москвы за Сухаревой башней был заложен старейший из ныне сохранившихся аптекарских огородов (сейчас — Ботанический сад Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова). Уже в то время огородам вменялось в обязанность пополнять коллекцию редкими интродуцированными растениями. Существует мнение, что Петр лично посадил там три дерева: ель, пихту и лиственницу — «для научения граждан в их различии» [23, с. 97].

В 1786 г. директором московского Аптекарского огорода был назначен доктор медицины, философии и права Ф. Х. Стефан. Новый руководитель добился присоединения Аптекарского огорода к Медико-хирургической академии, что позволило ему приобрести статус образовательного и научного учреждения. Тогда же впервые были предприняты попытки создания в условиях сада образовательной среды. Вместо господствовавшего тогда чисто утилитарного «медицинского» принципа посадок растений по характеру применения, их стали сажать в систематическом порядке: по родству, или месту происхождения. В московском Аптекарском огороде активно развивался образовательный процесс: студенты-медики учились различать и правильно применять лекарственные растения [23, с. 97].

Первым огородом, на базе которого была целенаправленно организована исследовательская работа, еще до 1713 г. (точная дата основания неизвестна), стал «Аптекарский сад» в Санкт-Петербурге. Он был спланирован по регулярному принципу: две пересекающиеся под прямым углом аллеи делили его на четыре квадрата, в центре была устроена круглая площадь. В 1732 г. здесь началось строительство теплиц, оранжерейных корпусов и других зданий. Уже в 1737 г. сад располагал крупнейшей коллекцией растений из Европы и Азии. Ближе ко второй половине XVIII в. сад вошел в состав учебно-вспомогательных учреждений Медико-хирургической академии. Кроме лекарей, на его базе в то время проходили практику и ботаники. Образовательное значение сада подтверждается его тесными связями с учебными заведениями северной столицы [17, с. 729].

Таким образом, именно аптекарские огороды послужили отправной точкой для формирования и дальнейшего развития ботанических садов, как объектов ландшафтной архитектуры, самостоятельно осуществляющих просветительскую и научную деятельность. По сравнению с аптекарскими огородами, которые были созданы до XVIII в., в коллекциях садов петровского времени были значительно шире представлены отечественные и иноземные виды растений, имелись крупные, рационально организованные оранжереи. В это время изучение и практическое использование природных, в том числе ботанических, ресурсов рассматривалось как одна из центральных государственных задач Российской империи.

Середина XVIII в. в России стала поворотным этапом в истории развития просветительского направления садово-паркового искусства. Наряду с государственными садами, быстро увеличивались размеры и разнообразие частных ботанических коллекций в приусадебных парках, преобладающим становился регулярный принцип планировки.

Ботанические коллекции Демидовского парка (позднее — «Нескучного сада»), созданного в 1756 г. вблизи имения Н. Ю. Трубецкого на берегу Москвы-реки, к 1760 г. обогатились более чем двумя тысячами видов растений, а к 1786 г. их число увеличилось в четыре раза. Многие образцы растений были интродуцированы из отдаленных уголков России, а также из Индии и Америки.

Ежегодно в Демидовском парке составлялись гербарии. Каталог-травник, созданный на их основе академиком П. А. Палласом в 1781 г., предназначался для «любителей и охотников ботаники», и фактически стал первым в своем роде путеводителем — образовательным пособием, созданным для ориентации в видовом многообразии растений сада [15].

В начале XIX в., когда с развитием медицины лечение травами постепенно стало утрачивать свое значение, аптекарские огороды и частные ботанические коллекции начали преобразовываться в ботанические сады, среди основных функций которых преобладали наука и просвещение.

Аптекарский сад в Санкт-Петербурге был переименован в Ботанический сад в 1823 г. [17, с. 729]. В это время его коллекция растений была сравнительно небольшой и включала всего 1500 видов. Хотя еще не были изданы научные пособия, но сад уже служил базой для практических занятий студентов медицинских и ботанических факультетов. В 1823 г. высочайшим повелением императора Александра I управление садом было поручено немецкому ботанику Ф. Б. фон Фишеру. В течение нескольких лет число видов коллекционных растений выросло в десять раз, появились обширная гербарная коллекция, музей и библиотека. При саде были открыты курсы обучения садоводству и огородничеству. Крупнейшие ботаники того времени: И. Х. Буксбаум, Ф. Б. фон Фишер, И. Г. Сигезбек и другие — читали здесь лекции. Во второй половине XIX в. научные занятия при Императорском ботаническом саде еще более расширились, открылась семинария и биологическая лаборатория [22, с. 174].

В связи с формированием и активным развитием ботанических садов как самостоятельных объектов ландшафтной архитектуры, синтезирующих научную деятельность, просвещение, культуру и эстетику, на основе систематических каталогов садовых коллекций начали появляться первые путеводители и лекционные курсы для посетителей.

В 1855 г. Николай Андреевич Гартвис — известный российский ботаник и директор Никитского ботанического сада в Крыму — публикует свой труд «Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия», где были изложены основные цели и задачи указанных учреждений и обзор результатов их многолетней работы, в том числе и по проблемам образовательной деятельности: «...заведены школы оливковых и шелковичных деревьев, первых — вообще жителям южного берега Крыма, вторых — всем желавшим заниматься шелководством...» [4, с. 2].

Статья «Путеводитель по Санкт-Петербургскому Ботаническому саду» директора Императорского Ботанического сада им. Петра Великого Эдуарда Людвиговича Регеля, опубликованная в 1875 г., стала одной из первых работ, в которых оценивалось просветительское значение садовых коллекций [19, с. 164].

Во второй половине XIX в. число ботанических садов и дендропарков, значительно возросло, в связи с чем можно говорить о принципиальной смене социальной значимости их как архитектурных объектов: утилитарное использование коллекций аптекарских огородов окончательно вытесняется научными исследованиями, а просветительская функция расширяется и усложняется до уровня образовательных требований.

Характерными особенностями ландшафтной архитектуры в конце XIX – начала XX вв. стали многофункциональность садов и парков, а также образование в них так называемых «внутренних садов» — моносадов, ботанических участков, дендрариев, альпинариев и др. В это время появились первые национальные и лесные парки.

В 1905 г. был опубликован новый Иллюстрированный путеводитель по Императорскому Ботаническому саду, составленный его сотрудниками под общей редакцией известного русского ботаника и директора Санкт-Петербургского ботанического сада Александра Александровича Фишера фон Вальдгейма. В новом путеводителе получили развитие просветительские идеи Э. Л. Регеля, но при этом они были представлены как обоснование новых принципов организации образовательной среды ботанического сада. Так, коллекционные растения оформлялись с помощью так называемых «ярлыков» — табличек, содержащих краткие сведения о каждом из экспонатов. По словам А. А. Фишера, «Посещение сада достигает полной цели, когда всякому легко видеть, к какому семейству принадлежит растение, как оно называется и где его родина» [7, с. 8]. Таким образом, информационные таблички — привычные атрибуты образовательной среды современных ботанических садов — начали использоваться только с 1905 г.

На данном этапе сакральная функция садов была постепенно утрачена. Признаки нового витка ее развития стали заметны только в наши дни в связи с развитием экологических парков (как правило, создаваемых на базе ботанических садов), национальных парков и других особо охраняемых территорий.

Понятие «экологический парк» появилось в семантическом поле отечественного ландшафтного строительства сравнительно недавно. Традиционно под ним понимается «устойчивая экологически жизнеспособная самовоспроизводящаяся модель ландшафтного планирования, основной целью которой является укрепление связей между построенной окружающей средой и естественным ландшафтом» [26, с. 24].

Структура и наполнение современных экологических парков могут приобретать разнообразные формы, однако их объединяет обязательное наличие зон: 1) экологического покоя (лесопарковой зоны); 2) постоянных экспозиций (ботанического сада и вивария); 3) буферного пространства для образования и творчества; 4) экстенсивной (прогулочные тропы, видовые площадки, туристические стоянки) и активной (игровые и спортивные площадки) рекреации; 5) защиты. Все перечисленные элементы полифункциональны и композиционно взаимообусловлены. Устойчивость природных комплексов и сохранение биоразнообразия экопарка достигается естественной сменой видов на его территории [3, с. 22].

Удачным примером такого зонирования является экологический парк в долине реки Припять на территории Белоруссии (рисунок 4).

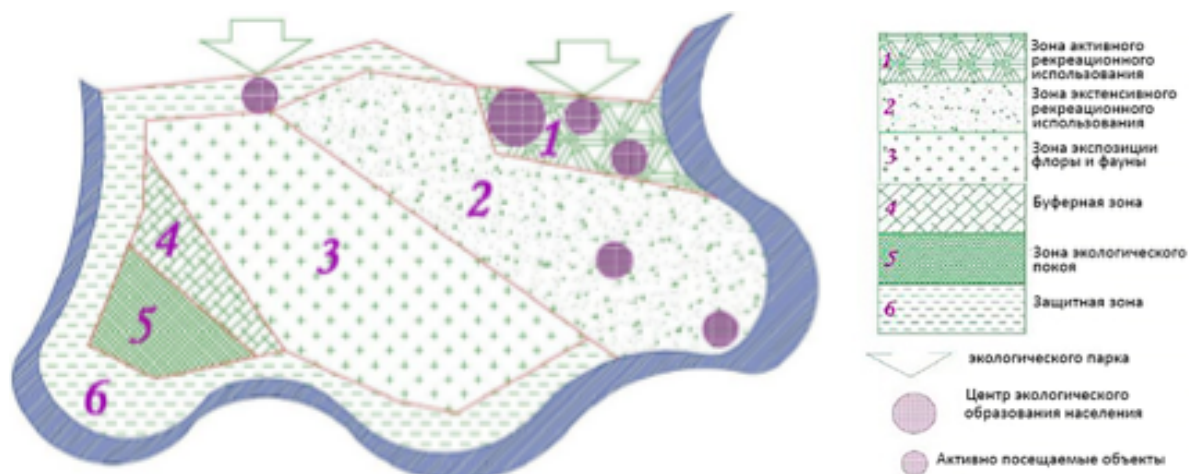

Рисунок 4 – Проект экологического парка в долине реки Припять (Белоруссия, д. Повчин, Гомельская обл.) [3, с. 21]
 Figure 4 – Project of Ecological Park in the Pripjat' River Valley (Belarus, Povchin Village, Gomel Region) [3, p. 21]

В этом проекте представлена наиболее удачная компоновка перечисленных зон. Часто посещаемые зоны активной и экстенсивной рекреации с центром экологического образования расположены вблизи друг друга, у предполагаемого входа на территорию экопарка. С буферной зоной их объединяет экспозиционная, служащая одновременно образовательным и рекреационным целям. Вблизи буферной и на достаточном удалении от рекреационных зон располагается зона экологического покоя, как наименее подходящая для рекреации и наиболее интересная с точки зрения образования. Природоохранной функции экологических парков отвечает расположение защитной зоны, которая не предназначена для посещения и не пересекается с зоной активной рекреации.

Таким образом, можно считать, что экологический парк представляет собой оптимальную конфигурацию образовательной среды в условиях объекта ландшафтной архитектуры, призванную воспитывать уважительное и бережное отношение к природе. Эффективность использования экологических парков в этом направлении определяется возможностью сочетания вербальных и невербальных методов воздействия на посетителей в целях наиболее полного и быстрого освоения транслируемых идей.

Образы, создаваемые объектами экологического парка, обычно символизируют разные стороны отношений человека и природы. Они читаются во взаимной обусловленности естественных и рукотворных ландшафтов, экосистемной целостности ботанических и зоологических экспозиций, антропоморфных изображениях растений и животных.

В связи с этим особое внимание обращает на себя то, что в идее экологических парков сравнительно недавно начали звучать сакральные мотивы, языческие по своей духовной принадлежности. На глазах сформировалась особая мифология парка с населяющими его сказочными персонажами — разнообразными духами (леса, реки, гор и т. п.), легендами, связанными с его объектами, новосозданными, или в разной степени заимствованными у представителей дохристианских культур обрядовыми действиями («волшебное» дерево, камень, ручей, у которых можно загадывать желания).

В современной России накоплен сравнительно небольшой опыт строительства подобных объектов садово-паркового искусства [14, с. 60]. На сегодняшний день действуют экологические парки: «Дерево-дом» (Московская область); «Лукоморье» (г. Севастополь); «Черное озеро» (г. Ульяновск); «Биосфера» (г. Калуга); «Саамская деревня» (Ловозерский район Мурманской области). На стадии проекта находятся Камышевский (г. Санкт-Петербург), Вишерский (г. Красновишерск, Пермский край) и Темерникский (Ростовская область) экопарки.

Официально создание экопарков мотивируется образовательно-туристическими, часто — краеведческими и этнографическими целями, обычными для «месторазвитий» [6, с. 544] языческих субэтносов. При этом во многих случаях отдельные мифологические атрибуты аранжировки таких парков становятся доминирующими, и экопарк фактически выступает в роли языческого капища. Одним из примеров такого парка является известный туристический объект Мурманской области, транслирующий культурные традиции и бытовые устои саами — коренного народа Кольского полуострова. Экспозиции экологического парка «Саамская деревня» («Самь-сыйт»), среди прочих объектов включают в себя аллею саамских идолов, которым полагается приносить мелкие монеты в качестве пожертвования (рисунок 5).

**Рисунок 5 – Экологический парк «Саамская деревня»
(Ловозерский район Мурманской области) [21]
Figure 5 – Ecological Park “Sami Village”
(Lovozerky District, Murmansk Region) [21]**

В последние годы эко-языческие парки, а также их фрагменты достаточно часто возникают стихийно. Так, вскоре после выхода в свет нашумевшего фильма Андрея Звягинцева «Левиафан», возле дороги в поселок Териберка (Мурманская область) появился небольшой парк сейдов — каменных пирамид, уложенных специфическим образом, использовавшихся народом саами в ритуальных целях (рисунок 6).

**Рисунок 6 – Новосозданный парк сейдов вблизи автодороги
Мурманск — Териберка, Мурманская область [24]
Figure 6 – Newly Created Seid Park Near the Murmansk-Teriberka
Highway, Murmansk Region [24]**

В начале 2000-х гг. на Беломорской биологической станции Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (станция Пояконда, северная Карелия), проходившие летнюю практику студенты соорудили настоящее языческое капище, на котором перед зачетами полагалось приносить в жертву старую обувь и отслужившие свой срок мобильные телефоны (рисунок 7).

Рисунок 7 – Языческое капище, возведенное студентами, проходившими практику на Беломорской биологической станции МГУ им. М. В. Ломоносова. Станция Пояконда, Северная Карелия (фото автора)
Figure 7 – Pagan Temple Built by Students Interning at the White Sea Biological Station of the Lomonosov Moscow State University. Poyakonda Station, North Karelia (Photo by Author)

Суммируя сказанное, можно заключить, что сакральная и просветительская функции ландшафтного искусства в России возникли раньше других. Первая развивалась исключительно в тесной связи со второй до конца XVII и с начала XX в. до настоящего времени, а в развитии второй наблюдался индивидуальный этап (с начала XVIII и до конца XIX в.). Эволюция просветительского значения российской садово-парковой архитектуры проходила через этапы языческих сооружений древних славян — монастырских садов — аптекарских огородов — ботанических садов — экологических парков.

Сакральная и просветительская функции не отделяются друг от друга на этапе языческих культовых сооружений и усиливают значение своей взаимосвязи с появлением монастырских садов.

Исторически первые упоминания о просветительской деятельности садов и парков Древней Руси были тесно связаны с религиозной тематикой. Пространственную организацию и образную систему таких садов тщательно планировали и создавали с учетом того, что, находясь в условиях сада и созерцая его пейзаж, посетитель испытывает определенное невербальное воздействие, которое приведет его к тем или иным вербальным умозаключениям.

Далее — на этапе аптекарских огородов и ботанических садов — они расходятся, но с появлением современных экологических парков снова приходят к синергии в условиях специально организованной образовательной среды. Данное замечание свидетельствует о необходимости более детального изучения экопарков, как отдельного полифункционального направления садово-парковой архитектуры в целом и интегрирующего в себе сакральный и просветительский потенциал — в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вергунов А. П.* Садово-парковое искусство России от истоков до начала XX века. М.: Белый город, 2007. 670 с.
- 2 *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до нач. XX в.). М.: Культура, 1996. 430 с.
- 3 *Волкова В. В.* Методика перманентного проектирования и формирования экологических парков // Вестник Полесского государственного университета. Серия природоведческих наук. 2018. № 2. С. 19–24.
- 4 *Гартвис Н. А.* Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия, составленный Н. Гартвисом и изданный Департаментом сельского хозяйства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855. 51 с.
- 5 *Герман Ф. Л.* Врачебный быт до-Петровской Руси. Харьков: Изд-е Адольфа Дарре, 1891. 119 с.
- 6 *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. 560 с.
- 7 Иллюстрированный путеводитель по Императорскому Ботаническому саду / под ред. А. А. Фишера-фон-Вальдгейма. СПб.: Тип.-литограф. «Герольд», 1905. 301 с.
- 8 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. М.: КоЛибри, 2018. 413 с.
- 9 *Махлина С. Т.* Сады и парки как коды культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 1 (30). С. 48–58.
- 10 *Маленко С. А.* От восторга к преображению природы: «Возделывание» иноческой Самости в традициях Новгородской земли // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4–1 (87). С. 112–116.
- 11 *Маркарян Д.* Некоторые особенности архитектурно-ландшафтного комплекса древнерусского монастыря // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 99–110.
- 12 *Мельник А. Г.* К семантике монастырского сада // Памятники культуры. Новые открытия (1994) / сост. Т. Б. Князевская; под ред. Н. А. Алпатова, А. В. Бездидько. М.: Наука, 1996. С. 517–518.
- 13 *Мубаракишина Ф. Д., Морозова Е. В., Илалова А. Ф.* К вопросу истории развития ботанических садов в России и за рубежом // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 4 (26). С. 63–67.
- 14 *Мурзин А. Д.* Экологический парк как инструмент обеспечения устойчивости городского пространства // Экономика и экология территориальных образований. 2019. № 4 (11). С. 60–66.
- 15 *Паллас П. С.* Каталог растений находящимся в Москве в саду его превосходительства / действительного статского советника и императорского воспитательного дома знаменитого благодетеля, Прокопия Акинфиевича Демидова. СПб.: Имп. Акад. наук, 1781. 163 с.

- 16 Парки. Сады / под ред. Т. Евсеевой. М.: Аванта+, 2005. 183 с.
- 17 *Потемин М. А.* Объект культурного наследия федерального значения «Ботанический сад». Отдельные исторические сведения по материалам паспорта объекта культурного наследия. Соблюдение требований законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия // *Hortus botanicus*. 2018. Т. 13. С. 728–743.
- 18 *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
- 19 *Регель Э. Л.* Путеводитель по С.-Петербургскому Ботаническому саду // Труды С.-Петербургского Ботанического сада. 1875. Т. II. С. 164–165.
- 20 *Рихтер В. М.* История медицины в России: в 3 ч. М.: Унив. тип., 1814. 466 с.
- 21 *Синельщикова Е.* Как живет исчезающий народ русской Лапландии саамы // *Russia Beyond*, 20.11.2019. URL: <https://ru.rbth.com/read/585-sami-people-russian-lapland> (дата обращения: 16.07.2021).
- 22 *Сокольская О. Б.* История садово-паркового искусства: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 260500 «Садово-парковое и ландшафт. стр-во». М.: ИНФРА-М, 2004. 348 с.
- 23 Три века истории // Высшее образование в России. 2007. № 7. С. 97–100.
- 24 *Циелавс Я.* День 3. Мурманск-Териберка-Мурманск. Баренцево. Край Земли. 04.09.2016 // *Livejournal.com*. URL: <https://roadof7winds.livejournal.com/139447.html> (дата обращения: 16.07.2021).
- 25 *Цицилин А. Н.* Аптекарские огороды в Москве: История и современность // Генетические ресурсы лекарственных и ароматических растений. Сб. науч. тр. М.: Всероссийский научно-исследовательский ин-т лекарственных и ароматических растений, 2004. С. 129–132
- 26 *Power A. M.* Designing for ecology: the ecological park. Thesis (M.C.P.). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology. Dept. of Urban Studies and Planning, 2006. 144 p.

© 2022. **Vladimir K. Zhirov**
Apatity, Russia

© 2022. **Elena G. Mitina**
Murmansk, Russia

© 2022. **Anastasia V. Ishchenko**
Apatity, Russia

**ENLIGHTENING SIGNIFICANCE
OF LANDSCAPE ARCHITECTURE IN RUSSIA:
SACRED SYMBOLISM AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

Abstract: The main milestones in the evolution of relationship between man and nature are reflected in social functions of landscape architecture through different periods of its historical development. It is largely associated with gardens and parks educational activity, which harmonious combination of ancient sacred and modern educational

symbolism distinguishes them from other architectural forms. The present study discusses the historical development of Russian landscape architecture, considered in the context of the relationship of sacred and educational functions. The authors examine formation process of the educational role of Russian landscape architecture from the Ancient World to modern times: at the stages of its implementation through the ancient Slavs sacred buildings, monastic and apothecary gardens creation, the development of a system of botanical gardens and ecological parks. The analysis of the evolution of these relations allows us to conclude that the sacred and educational functions of Russian landscape art, having begun earlier than others, are not only developing to the present days, but also having a close relationship precisely in the discourse of the enlightenment at all stages.

Keywords: Landscape architecture, religious buildings of the ancient Slavs, monastery gardens, apothecary gardens, botanical gardens, ecological parks, sacred symbolism, educational environment.

Information about the authors:

Vladimir K. Zhiron — DSc in Biology, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Advisor, The Kola Science Center Russian of the Academy of Sciences, Fersman St., 14, 184209 Apatity, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8519-1082>

E-mail: v_zhiron_1952@mail.ru

Elena G. Mitina — DSc in Pedagogy, Professor, Murmansk Arctic State University, Captain Egorov St., 15, 183038 Murmansk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2640-5092>

E-mail: elena_mitina08@mail.ru

Anastasia V. Ishchenko — Junior Researcher, Medical and Biological Technologies Laboratory, The Kola Science Center Russian of the Academy of Sciences, Fersman St., 14, 184209 Apatity, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3087-9960>

E-mail: anestezia_zhirova@mail.ru

Received: June 16, 2021

Approved after reviewing: March 15, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Zhiron V. K., Mitina E. G., Ishchenko A. V. Enlightening Significance of Landscape Architecture in Russia: Sacred Symbolism and Educational Environment. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 8–25. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-8-25>

REFERENCES

- 1 Vergunov A. P. *Sadovo-parkovoe iskusstvo Rossii ot istokov do nachala XX veka* [Landscape Art of Russia from the Origins to the Beginning of the 20th century]. Moscow, Belyi gorod Publ., 2007. 670 p. (In Russian)
- 2 Vergunov A. P., Gorokhov V. A. *Vertograd: Sadovo-parkovoe iskusstvo Rossii (ot istokov do nach. XX v.)* [Vertograd: Garden and Park Art of Russia (from the Origins to the Beginning of the 20th century)]. Moscow, Kul'tura Publ., 1996. 430 p. (In Russian)
- 3 Volkova V. V. Metodika permanentnogo proektirovaniia i formirovaniia ekologicheskikh parkov [Permaculture Design and Formation of Ecological parks]. *Vestnik Polesskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Series prirodovedcheskikh nauk [Natural Sciences]*, 2018, no 2, pp. 19–24. (In Russian)
- 4 Gartvis N. A. *Obzor deistvii Imperatorskogo Nikitskogo sada i Magarachskogo uchilishcha vinodeliia, sostavlennyi N. Gartvisom i izdannyi Departamentom sel'skogo khoziaistva* [Actions Review of the Imperial Nikitsky Garden and the Magarachsky School of Winemaking]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1855. 51 p. (In Russian)
- 5 German F. L. *Vrachebnyi byt do-Petrovskoi Rusi* [Medical Life of pre-Petrine Russia]. Khar'kov, Izdanie Adol'fa Darre Publ., 1891. 119 p. (In Russian)
- 6 Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Moscow, AST Publ., 2001. 560 p. (In Russian)
- 7 *Illiustrirovannyi putevoditel' po Imperatorskomu Botanicheskomu sadu* [Illustrated Guide to the Imperial Botanical Garden], ed. by A. A. Fisher-fon-Val'dgeim. St. Petersburg, Tipo-litografiia “Gerol'd” Publ., 1905. 301 p. (In Russian)
- 8 Likhachev D. S. *Poeziia sadov* [Poetry of Gardens]. Moscow, KoLibri Publ., 2018. 413 p. (In Russian)
- 9 Makhlina S. T. Sady i parki kak kody kul'tury [Gardens and Parks as Cultural Codes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2017, no 1 (30), pp. 48–58. (In Russian)
- 10 Malenko S. A. Ot vostorga k preobrazheniiu prirody: “Vozdelyvanie” inocheskoj Samosti v traditsiiakh Novgorodskoi zemli [From delight to the Transfiguration of Nature: “Cultivation” of Monastic Self in the Traditions of Novgorod Land]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, 2015, no 4–1 (87), pp. 112–116. (In Russian)
- 11 Markarian D. Nekotorye osobennosti arkhitekturno-landshaftnogo kompleksa drevnerusskogo monastyria [Some Features of the Architectural and Landscape Complex of an Old Russian monastery]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Series “Filosofia. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie”* [Philosophy. Sociology. Art history], 2018, no 3 (13), pp. 99–110. (In Russian)
- 12 Mel'nik A. G. K semantike monastyrskogo sada [To the Semantics of the Monastic Garden]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia (1994)* [Cultural monuments. New discoveries (1994)], comp. T. B. Kniazevskaia; ed. by N. A. Alpatova, A. V. Bezdid'ko. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 517–518. (In Russian)
- 13 Mubarakshina F. D., Morozova E. V., Ilalova A. F. K voprosu istorii razvitiia botanicheskikh sadov v Rossii i za rubezhom [To the History of Botanic Gardens Development in Russia and other Countries]. *Izvestiia Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2013, no 4 (26), pp. 63–67. (In Russian)
- 14 Murzin A. D. Ekologicheskii park kak instrument obespecheniia ustoichivosti gorodskogo prostranstva [Ecological Park as a Tool for Sustainability of Urban Space]. *Ekonomika i ekologiya territorial'nykh obrazovanii*, 2019, no 4 (11), pp. 60–66. (In Russian)
- 15 Pallas P. S. *Katalograstenii nakhodiashchimsia v Moskve v sadu ego prevoskhoditel'stva / deistvitel'nogo statskogo sovetnika i imperatorskogo vospitatel'nogo doma znamenitogo blagodeliia, Prokopiia Akinfiievicha Demidova* [Catalog of Plants Located in Moscow in the Garden of His Excellency / Full State Councilor and Imperial Educational Home of the Famous Benefactor, Prokopy Akinfiievich Demidov]. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1781. 163 p. (In Russian)

- 16 *Parki. Sady* [Parks. Gardens], ed. by T. Evseevoi. Moscow, Avanta+ Publ., 2005. 183 p. (In Russian)
- 17 Potemin M. A. Ob"ekt kul'turnogo naslediiia federal'nogo znacheniiia "Botanicheskii sad". Otdel'nye istoricheskie svedeniia po materialam pasporta ob"ekta kul'turnogo naslediiia. Sobliudenie trebovanii zakonodatel'stva v sfere okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediiia [Botanical Garden as the Cultural Heritage Object of Federal Importance. Some Historical Data according to the Materials of the Cultural Heritage Object Passport. Observance of the Requirements of Legislation in the Field of Cultural Heritage Protection]. *Hortus botanicus*, 2018, vol. 13, pp. 728–743. (In Russian)
- 18 Rybakov B. A. *Iazychestvo drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 782 p. (In Russian)
- 19 Regel' E. L. Putevoditel' po S.-Peterburgskomu Botanicheskomu sadu [Guide to the St. Petersburg Botanical Garden]. *Trudy St.-Peterburgskogo Botanicheskogo sada*, 1875, vol. II, pp. 164–165. (In Russian)
- 20 Rikhter V. M. *Istoriia meditsiny v Rossii: v 3 ch.* [History of Medicine in Russia: in 3 parts]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1814. 466 p. (In Russian)
- 21 Sinel'shchikova E. Kak zhivet ischezaiushchii narod russkoi Laplandii saamy [How the Disappearing People of Russian Lapland Live, the Sami]. *Russia Beyond*, November 20, 2019. Available at: <https://ru.rbth.com/read/585-sami-people-russian-lapland> (accessed 16 July 2021). (In Russian)
- 22 Sokol'skaia O. B. *Istoriia sadovo-parkovogo iskusstva: uchebnik dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti 260500 "Sadovo-parkovoe i landshaftnoe stroitel'stvo"* [History of Landscape Art: Textbook for University Students Studying in the Specialty 260500 "Landscape and Landscape Construction"]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 348 p. (In Russian)
- 23 Tri veka istorii [Three Centuries of History]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, no 7, pp. 97–100. (In Russian)
- 24 Tsielavs Ia. Den' 3. Murmansk-Teriberka-Murmansk. Barentsevo. Krai Zemli. 04.09.2016 [Day 3. Murmansk-Teriberka-Murmansk. Barents Sea. The Edge of the Earth. September 04, 2016]. *Livejournal.com*. Available at: <https://roadof7winds.livejournal.com/139447.html> (accessed 16 July 2021). (In Russian)
- 25 Tsitsilin A. N. Aptekarskie ogorody v Moskve: Istoriia i sovremennost' [Apothecary Gardens in Moscow: History and Modernity]. *Geneticheskie resursy lekarstvennykh i aromaticsikh rastenii. Sbornik nauchnykh trudov* [Genetic Resources of Medicinal and Aromatic Plants. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut lekarstvennykh i aromaticsikh rastenii Publ., 2004, pp. 129–132. (In Russian)
- 26 Power A. M. *Designing for ecology: the ecological park. Thesis (M.C.P.)*. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Urban Studies and Planning Publ., 2006. 144 p. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-26-43>

УДК 008

ББК 85.103(3)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Н. С. Гусев
г. Москва, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ В МАКЕДОНИИ В ОПИСАНИЯХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 20-18-00294, в филиале ЦНИИП Минстроя России
«Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства»

Аннотация: В статье показан процесс «открытия» русскими путешественниками средневековых памятников архитектуры и монументальной живописи на территории современной Северной Македонии. Привлекаются материалы, которые знакомили русского читателя с объектами культурного наследия, — книжные, журнальные и газетные публикации. Хронологически статья охватывает период от первой половины XIX в., когда появились первые отрывочные упоминания монастырей и храмов, до 1909 г. — издания книги Н. П. Кондакова по итогам его экспедиции в регион. Прослеживается маршрут путешественников, приводятся сведения о состоянии увиденных ими памятников, анализируется достоверность опубликованной информации. До русско-турецкой войны 1877–1878 гг. интерес к этим территориям был незначительным, и по интересующей теме вышли лишь травелоги В. И. Григоровича, М. А. Хитрово и М. Ф. Карловой. На волне увлечения Балканами в конце 1870-х гг. была переиздана книга В. И. Григоровича и опубликованы записки архимандрита Антонина (Капустина), написанные во время его путешествия 1865 г. Затем же до конца века эту часть полуострова фактически забыли, и только в связи с обострением македонского вопроса она стала привлекать новых странников. Однако они обращали внимание на этно-религиозную ситуацию, игнорируя памятники культуры. В итоге, несмотря на довольно широкий круг авторов очерков путешествий по Македонии на рубеже XIX–XX вв., средневековые храмы упомянули лишь П. Н. Милюков, А. А. Башмаков и П. А. Риттих. Причиной тому является то, что македонские земли представлялись русскому обществу некоей экзотической частью Востока, а потому средневековое культурное наследие вызывало неоправданно пренебрежительное отношение.

Ключевые слова: Северная Македония, архитектура, живопись, фрески, монастыри, церкви, русское общество, путешественники, травелоги.

Информация об авторе: Никита Сергеевич Гусев — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 а, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9573-7018>

E-mail: gusevns@gmail.com

Дата поступления статьи: 08.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 05.05.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Гусев Н. С. Средневековые памятники архитектуры в Македонии в описаниях русских путешественников (середина XIX – начало XX вв.) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 26–43.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-26-43>

В XIX в. македонские земли являлись белым пятном на карте Европы. Путешественники редко посещали данный регион, сведения же собирали для составления карт или в интересах государственных ведомств. Исключением не являлись и российские подданные [7]. В итоге и в России в том числе представления об этой части Балкан оставались довольно смутными, а о богатом архитектурном наследии Средневековья фактически ничего не было известно. Так, в 1828 г. в связи с очередной русско-турецкой войной вышли из печати несколько очерков о европейской части Турции. В одной книге сведения о том или ином городе Македонии приводились либо из античной истории, либо из истории войн XVIII в. [13, с. 14–18], в другой о Скопье, Штипе и Битоле сообщалась лишь численность населения или географическое положение [39, с. 93–94], в третьей же города не упоминались вовсе, а современное население региона возводилось к античным македонянам [26, с. 26–28]. Таким образом, не только широкая публика, но и ученые не знали о сокровищах архитектурного и изобразительного искусства, сохранившихся в сердце Балкан. Однако русские и европейские путешественники постепенно изучали полуостров и обследовали новые и новые его уголки. Анализу процесса этого открытия культурного наследия средневековых балканских государств для русского общества и посвящена данная статья.

В связи с поставленной целью необходимо сделать несколько уточнений. Нас будут интересовать именно те произведения, которые были нацелены на широкого читателя и выходили на русском языке, что подразумевает сознательное игнорирование следующего ряда источников. В последней трети XIX в. начали появляться обзоры сохранившихся памятников архитектуры, подготовленные в Сербии или Болгарии, они оставались малоизвестными и недоступными рядовому русскому читателю, потому не могли влиять на его представления о Македонии. Как и направлявшиеся по закрытым каналам донесения консулов и военных агентов. Вдобавок укажем и географические рамки работы — территория современной Северной Македонии. Это обусловлено не непрекращающимися на Балканах спорами о границах Македонии как исторической области, а, прежде всего, необходимостью выделения описаний Салоник и Афона в отдельную категорию. Причина в том, что эти места в XIX в. посещали многие путешественники и паломники, потому их «открытие» произошло много ранее¹.

Российских подданных, посетивших Македонию и представивших публике свои повествования об этом, не так уж мало, особенно во второй половине XIX в. и начале

¹ Так в одной из упомянутых книг 1828 г. сведения о непосредственно македонских городах, как правило, умещаются в одну строку, но содержится информация о церквях Салоник.

XX в. Можно назвать хотя бы А. В. Амфитеатрова, архимандрита Антонина (Капустина), А. А. Башмакова, К. Д. Бербенко, В. В. Водовозова, М. Ф. Карлову, Н. П. Кондакова, Н. Г. Кулябко-Корецкого, Н. Лендера, В. В. Макушева, П. Н. Милюкова, П. А. Риттиха, А. А. Ростковского, А. А. Сиротинина, Н. Н. Сурина, Б. Л. Тагеева, В. А. Теплова, М. А. Хитрово, И. С. Ястребова. Однако их редко интересовали руины церквей и остатки фресок. Их прежде всего занимали вопросы этнического и религиозного характера, поскольку конец XIX – начала XX вв. были ознаменованы борьбой болгар, сербов и греков за территорию региона. В итоге интересующих нас текстов немного. Отметим, что и научную литературу, посвященную именно описанию архитектурного наследия, нельзя назвать обильной. Исследователи фокусировались или на вопросах политического характера, или на изучении письменных памятников, обнаруженных в храмах на этой территории. Потому, несмотря на существование трудов о личностях путешественников и об их поездках по Македонии, непосредственно по нашей теме работ пока нет. Хотя, признаем, историки используют свидетельства русских очевидцев для реконструкции состояния памятников в разное время (например: [42]).

Первым русским путешественником, обратившим внимание на культурное наследие Македонии, являлся знаменитый ученый славист В. И. Григорович во время своей поездки для изучения зарубежных славян в рамках подготовки к занятию славистической кафедры в Казанском университете. Ранее ученые О. М. Бодянский, И. И. Срезневский и П. И. Прейс посещали лишь окраины Балкан. В середине XIX в. приобрел особую актуальность вопрос о языке, на который Кирилл и Мефодий перевели церковные тексты, потому изучение сохранившихся в монастырях региона памятников письменности представлялось очень перспективной задачей. И в 1844 г. Григорович был командирован в Европейскую Турцию. Через Одессу и Константинополь он прибыл в Салоники, откуда направился во внутренние территории полуострова — Водену, Битолу, Охрид, Стругу, Штип, Серес, монастырь Иоанна Рильского, а затем через Софию и Тырново приехал в Румынию [27, с. 214–218]².

При подготовке маршрута он использовал труды иностранных путешественников, искавших следы Античности (А. Божура, Е.-М. Кузинери, Ф. Пуквиля и В. М. Лика), и географов (А. Буэ, А. Гризебаха, Й. Мюллера). Однако, как он признал, все эти произведения были далеки не только от полноты, но и от соответствия истине в плане топонимов и описаний населенных пунктов [12, с. 173–177]. В частности, развернутый рассказ об Охриде и окрестностях он привел в своем очерке потому, что описание Й. Мюллера «туземцы находили неверным» вплоть до того, что монастырь св. Наума был указан в противоположном направлении относительно Охридского озера [12, с. 176]. Таким образом, книга Григоровича стала первым точным и первым русским оригинальным описанием региона.

Первым монастырем, описанным им на территории Северной Македонии, стал находившийся под Битолой Свято-Преображенский близ с. Буково. Уже по нему Григорович составил себе представление обо всех остальных: «Он обитает двумя монахами и потерял от небрежения почти все свои достопримечательности» [12, с. 96]. В итоге он редко распространялся о состоянии церквей, часто ограничиваясь лишь упоминанием их посещения. Так это произошло, например, со Слеченским монастырем, где был обнаружен Слеченский апостол XII в. Впрочем, это вполне объяснимо: целью Григоровича являлся поиск памятников письменности. Но о некоторых следах монументальной старины ученый все же посчитал нужным рассказать читателям.

² Литературы, посвященной В. И. Григоровичу, весьма немало. См., например, список, приведенный Л. П. Лаптевой [26, с. 211], а также новейшие публикации [8; 30].

Наиболее интересно и подробно описание Охрида, «прекрасного снаружи города», поразившего Григоровича «своим беспорядком и нечистой»³. Знаменитую Софию Охридскую он застал в плачевном состоянии — несмотря на то что храм был обращен в мечеть, надлежащий за ним уход отсутствовал, и «по ветхости здания» даже сами турки его редко посещали. Однако это позволило Григоровичу подробно осмотреть строение и первому из русских путешественников оказаться перед загадкой: в средневековых произведениях строительство храма связывалось с архиепископом Львом, а на фасаде храма четко читалась ктиторская надпись с другим именем — «Григорий»⁴. Русскому слависту удалось увидеть и не сохранившиеся ныне остатки двух храмов — Церкви Богородицы Пантанассы и монастыря Пантелеймона на Плаошнике. Последние он описал как развалины мечети, «которые напоминают собой христианское начало», с заметными мраморными столбами и приделом, который, по его предположению, служил скинией гробу св. Климента⁵. Опустелым, но с сохранившейся росписью он застал храм Иоанна Богослова Канео. Тщательно осмотрел Григорович и сохранившиеся в городе церкви — свв. Космы и Дамиана (видимо, Малые святые врачи), свв. Константина и Елены, Богородицы Чельницы, св. Николая (очевидно, тоже Чельника), св. Климента (Малую), Богородицы (Больничной) и св. Николая Больничного. В каждой он нашел «следы надписей», однако не упомянул дошедших до нас средневековых фресок.

Большее внимание он уделил кафедральной церкви — св. Богородице Перивлепте. Там он обнаружил уцелевшую древнюю живопись и деревянную статую Климента Охридского, которую местное население относило «ко временам латинов». Мощи самого святого, по словам Григоровича, незадолго до его приезда пострадали — голову скрытно унесли монахи Скита Иоанна Предтечи близ Верии [12, с. 97–101]. Близ Охрида ученый попытался найти упомянутое в житии св. Климента местечко Главиница. Через ущелья он достиг села Издеглавье, где обнаружил лишь кладбище, разрушенную церковь св. Димитрия и заброшенный храм св. Николая, внутренность алтаря которого заполонили летучие мыши [12, с. 105–106]. В этой же части региона Григорович посетил Лешанский храм Всех святых и зафиксировал сохранившуюся на стене надпись XVI в. [12, с. 107], которую следующим посетителям уже не удалось застать.

В не дошедшем до нас виде описал Григорович и монастырь св. Наума, поскольку через несколько десятилетий после его визита произошел большой пожар, и комплекс подвергся значительной перестройке. Близ обители сохранились остатки древней стены, а ее пространство было заполнено возведенными на деньги местных купцов амбарами и помещениями, использовавшимися во время ежегодной ярмарки. Однако, несмотря на богатство монастыря, храм производил удручающее впечатление — двухкупольная «небольшая, ветхая, осевшая церковь», чей экстерьер ученый посчитал «неизящным». Внутри были различимы фрески позднейшего времени, надгробная плита св. Наума лежала расколота, в одном из приделов пол покрывали следы разлитого масла, поскольку там чистили кадила, а в камерке близ паперти валялись разрозненные части книг — остатки большой библиотеки, которую сжег предыдущий

³ Аналогичные впечатления испытал и Н. П. Кондаков более полувека спустя [25, с. 277].

⁴ В вопросе современных представлений о памятниках региона отсылаем к классическому труду сербского исследователя Джурича [15]. Если же существуют новейшие издания, существенно дополняющие описание приведенных в статье памятников, то это будет оговорено отдельно. Подробнее о Софии Охридской см.: [46].

⁵ Подробнее о том, что описал В. И. Григорович, см.: [33].

игумен Дионисий, стремясь известить памятники славянской письменности [12, с. 108–110]. Причину пренебрежительного отношения богатого монастыря к религиозной стороне своей деятельности Григорович видел в системе управления македонских обителей: митрополит и местный турецкий властитель их фактически отдавали в откуп желающим стать игуменом. По мнению ученого, «такой способ владеть монастырями знаком особенно грекам и македоно-валахам», потому чаще всего именно они становились настоятелями и ревностно уничтожали сохранившиеся славянские рукописи [12, с. 112]. Отметим, что и в следующие десятилетия русские путешественники будут фиксировать схожее положение дел [20, с. 178].

Завершение поездки по Македонии оказалось менее продуктивным. Находясь рядом с монастырем св. Наума обитель св. Заума Григорович по какой-то причине не посетил (видимо, она ему не была известна), памятники на Преспанском озере он лишь упомянул, в с. Долне Перове он обозрел не сохранившуюся ныне церковь св. Афанасия, в Прилепе увидел лишь издали Маркову крепость. Не везде он встречал и благожелательный прием. В монастыре Трескавец его ждало «безнравственное негостеприимство»: ему отказали даже в том, чтобы указать на сохранившиеся надписи [12, с. 116]. Хуже ситуация сложилась в Велесе, где Григорович был вынужден познакомиться с турецкими порядками. Местные представители власти проигнорировали имеющиеся у него документы от центральных властей, схватили из-за того, что «он дерзнул носить оружие», — нарушил исключительную привилегию мусульман. Пока он подвергался унижительному допросу со стороны главы администрации города, толпа столкнула лошадей ученого с моста. Потому Григорович, спеша покинуть опасный для него Велес, на следующий день уехал дальше, не осмотрев сохранившихся церквей [12, с. 119–120]. Дальнейший путь его лежал уже по территории современной Болгарии.

В. И. Григорович фактически открыл русскому читателю эти земли, и его скрупулезность, отсутствие языкового барьера между ним и местным населением, позволили создать произведение, на долгие годы определившее понимание географии и этнографии региона. Недаром знаменитый болгарский этнограф И. Шишманов утверждал: «Григорович — собственно первооткрыватель болгарской Македонии для мира науки» [10, с. 242]. Впрочем, очерк вышел в Казани в 1848 г., частично донесения были опубликованы в те годы в «Журнале Министерства народного просвещения». Таким образом, они остались фактически неизвестными широкой публике. Лишь при подъеме волны интереса к Балканам в 1877 г. с началом русско-турецкой войны очерк был переиздан, а в 1915 г., когда македонский вопрос приобрел особую актуальность, из печати вышли донесения Григоровича, почти дословно повторяющие текст очерка. Однако к 1877 г. публика ознакомилась с новыми произведениями, открывающими македонское культурное наследие. В итоге путешествие Григоровича можно отнести к категории не замеченных публикой открытий.

В 1863 г. в журнале «Русский вестник» вышел рассказ русского консула в Битоле М. А. Хитрово о поездке в окрестности Прилепа — как раз о тех местах, которые Григоровичу не удалось осмотреть. Хитрово, заняв свой пост в 1861 г., в августе того же года отправился на Прилепскую ярмарку. Всю свою бытность консулом он активно ездил по региону, однако его целью были все же не научные изыскания, а работа по защите местного христианского населения и сбор информации о возможных подпольных анти-турецких организациях⁶. Вдобавок, видимо, в силу военного образования, следы архитектуры и древней живописи не представлялись ему столь интересными. Так, побывав

⁶ См. подробный очерк о его деятельности в Македонии: [44].

в монастыре св. Архангела Михаила он отметил, что тот «отстроен в нынешнем году, на месте древней разрушенной обители», а «незатейливая монастырская живопись — произведение местного художника, убитого недавно разбойниками» [45, с. 227]. Хотя в действительности тогда произошла лишь перестройка храма, до сих пор сохранились части изначального здания XI–XIII вв. и фрагменты росписи XIII–XIV вв. Их заметил и Хитрово — изображения королей Вукашина и Марко, но не понял древности фресок⁷. В монастыре Трескавец консул осмотрел древний храм, справедливо увидел аналогии ему в церквях Салоник⁸. Там он зафиксировал несколько надписей, но живопись опять-таки всю счел «возобновленною в позднейшее время» [45, с. 240–241], хотя там оставались и фрески XIV–XV вв. Вновь подчеркнем, перед Хитрово и не стояло научной цели — его очерк скорее этнографического характера, и знакомил русского читателя с жителями Македонии, а не с ее памятниками. Потому пересказу легенд о короле Марко или мифов о древнем богатстве монастырей он уделил большее внимание, чем самим обителям.

Другого склада был следующий посетитель македонских обителей — настоятель храма при российском посольстве в Константинополе архимандрит Антонин (Капустин). Его вклад в изучение христианских древностей в Османской империи колоссален. Однако прежде всего он известен своими исследованиями синайских рукописей и активностью на месте начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, которое занимал около тридцати лет [9; 22; 29; 43]⁹. В 1865 г. до перевода в Иерусалим из столицы Османской империи, желая отвлечься от тяжких дум об уходе из жизни отца, отец Антонин отправился в путешествие на Афон и в Македонию. Регион он представлял смутно. Рекомендованную ему книгу французского географа А. Буэ смог заполучить лишь в пути [2, с. 13], потому опирался на византийские и античные труды, описание востока француза А. Изамбера, некую болгарскую карту и наиболее авторитетную в то время карту Г. Киперта, который был «хотя и немец, но посвященный во все таинства славянства» [2, с. 6]. Впрочем, в своем дневнике, опубликованном полтора века спустя, священник отметил, что вечерами читал труд Григоровича [4, с. 572]. Так что он не был столь наивен в своих представлениях о Македонии, как желал предстать перед читателем. В то же время рассуждения архимандрита Антонина о Прилепе демонстрируют плохое знакомство с регионом. Так, он недоумевал, почему крепость, остатки которой он наблюдал там, именовали Марковой, ведь, по его представлениям, король Марко правил в другом месте [2, с. 317]. Его же пространное рассуждение об истории Прилепа завершилось ошибочным выводом, что тот покоится на руинах античной Персиады. Таким образом, в плане истории Македонии архимандрит Антонин скорее вводил читателя в заблуждение, чем знакомил с этой частью Балкан. Однако же увиденное им воочию имело большее значение.

Итак, в 1865 г. в сопровождении других русских духовных лиц отец Антонин через Салоники отправился вглубь полуострова и первую остановку на территории Северной Македонии совершил в Битоле. В самом городе за несколько дней он не обнаружил древностей, но близ него осмотрел две церкви в с. Слепче. Первая, Иоанна Богослова, относящаяся к XVII в., названная путешественником народным именем

⁷ О них см.: [16].

⁸ Подробнее о памятнике: [21].

⁹ О признании значимости фигуры архимандрита Антонина говорит и то, что к его 200-летию была выпущена памятная почтовая марка, а в его родной Курганской области 2007 г. объявили годом архимандрита Антонина.

церковью Св. Николая, поразила его «своим убожеством», хотя он и привык «видеть нищету церквей на Востоке» [2, с. 280]. В Слепченском монастыре Иоанна Предтечи арх. Антонина ждало еще большее разочарование — фактически построенная заново за несколько лет до того церковь, уничтожившая следы первоначального храма, который посетил, но не описал Григорович [2, с. 286].

В Прилепе путешественник осмотрел развалины Марковой крепости и монастырь Св. Архангела Михаила. Последний нашел далеким от его представлений о монашеской обители — «везде полно было приезжего народа с целою оравой детей и всякого рода и вида прислуги, с кухней и даже с музыкой» [2, с. 313]. Монастырскую церковь путешественник нашел неинтересной в плане архитектуры, а из древних росписей увидел только фигуру короля Марко, которую идентифицировал по сохранившейся надписи, и находившуюся рядом в притворе «фигуру старика» (короля Вукашина, как мы уже знаем) [2, с. 325]. Все остальное, по свидетельству архимандрита, закрыла новая штукатурка. Впрочем, и увиденные росписи он ошибочно не считал синхронными по времени ктиторами. Монастырь Трескавац также не впечатлил отца Антонина. А храмы Вароша под Прилепом его явно удивили¹⁰. Церковь св. Димитрия он назвал отличающейся «красивым византийским стилем», хотя и не смог осмотреть интерьер — «не могли отыскать человека, владеющего ключами»¹¹. Понравился ему и храм, названный им церковью св. Петки¹². Он особо отметил его наружное убранство, оформленное кирпичом и камнем «с разными игривыми узорами», и соответствие византийским образцам в плане. Однако счел ее все же слишком миниатюрной. Еще большее впечатление произвел храм Св. Николая, замысловатость внешней отделки которого приводила к тому, что он казался «дорогою игрушкой, на которую следует поставить футляр, чтобы защитить от непогоды». Во внутренней росписи архимандрит признал «старую кисть», но не распространился о ней [2, с. 344–346].

Из Прилепа священник вернулся в Битоля, близ него еще осмотрел храмы в селах Крстоар и Буково, где отметил лишь наличие рукописей, и отправился в другую часть региона [2, с. 356–358]. В Охриде он первым делом осмотрел митрополию — церковь Богородицы Перивлепты, которую местное население по находившимся там мощам именовало храмом св. Климента Охридского. С некоторым даже злорадством отец Антонин обратил внимание спутника, что киторская надпись сделана на греческом языке: «Будьте уверены, — прибавил я, — что Св. Климент, “народный” учитель и просветитель болгар, учил по-гречески». При этом, прочтя о постройке храма в XIII в., ученый богослов пустился в пространные рассуждения о том, относится ли к X в., времени смерти ученика свв. Кирилла и Мефодия, его надгробная плита. К чести архимандрита Антонина признаем, что он посчитал ее в итоге созданной «ранее конца XV столетия», что соответствует истине [1]¹³.

Св. София Охридская поразила путешественника — в глухом углу Балкан он не ожидал увидеть «такого изящного памятника древнего искусства», в то же время отметил далеко зашедшее запустение и разруху — пыль, паутину, пожелтевшую, в разводах штукатурку. В своем теоретизировании священник он значительно удрев-

¹⁰ О них см.: [18].

¹¹ Здесь на основании личного опыта хочется лишь воскликнуть: «Как многое неизменно на Балканах!»

¹² Такого храма в Вароше нет. К сожалению, идентифицировать его не удастся. Вероятно, это либо церковь свв. Петра и Павла, либо церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

¹³ В это время мощи св. Климента Охридского были перенесены с места первоначального погребения на холме Плаошник.

нил храм, правда, при этом решил загадку, которой задавался Григорович: ктиторская надпись относилась лишь к пристройке храма. В «малой, но весьма изящной» церкви св. Иоанна Богослова Канео отец Антонин отметил сохранившуюся в барабане древнюю стенопись, но о других храмах города ничего не сообщил. В монастыре св. Наума представитель русской православной церкви «не досмотрелся ничего, что могло бы напомнить о древнейших временах обители» [3]. Дальнейший его путь уже проходил по территории современной греческой Македонии, потому на нем мы останавливаться не будем.

Архимандрит Антонин (Капустин) исходил из своего ученого интереса и преклонения перед Античностью и Византией, очевидного из его рассказа об Охриде, к тому же имел довольно противоречивые сведения об истории региона или увлекался построением шатких гипотез. Потому его попытки объяснить те или иные надписи, исторические явления можно считать лишь гимнастикой для ума. Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, архаичность языка и обилие ненужных деталей, для определенной категории читателей записки архимандрита Антонина (Капустина) могли оказаться интересным рассказом о Македонии и ознакомить их с наследием региона. К тому же священник опубликовал пусть довольно схематичные и стилизованные, но подробные зарисовки ряда храмов. Впрочем, открывателем этого уголка Балкан данного автора нельзя назвать: первая часть его книги вышла в 1879 г. на волне всеобщего интереса к региону, вторая же — об отрезке маршрута после Битоли, включая Охрид, — только в 1886 г. А уже ранее, в 1870 г., в популярном журнале «Вестник Европы» появился развернутый рассказ М. Ф. Карловой о путешествии по Македонии в 1868 г. И именно он стал первым повествованием о культурном богатстве края, изначально обращенным к массовому читателю.

О самом авторе, к сожалению, сказать почти нечего. При републикации текста в 1986 г. болгарские составители сборника откровенно признались: «До сих пор не выявлены никакие данные об авторе путевых заметок» [41, с. 317]. Но уже в последнее время отечественные исследователи Ж. Л. Левшина и К. В. Мельчакова убедительно показали, что М. Ф. Карлова — спутница знаменитого русского ученого и дипломата А. Ф. Гильфердинга в его поездке по региону [28, с. 82–83; 33, с. 145–146]. Сам славист, оставивший ценнейшие тексты о предыдущих путешествиях по Балканам, на этот раз в печати о своих впечатлениях не распространялся. В то же время, видимо, он способствовал публикации очерка Карловой, поскольку с просьбой об этом обращался к издателю газеты «Голос» [33, с. 146], но, очевидно, безуспешно. Тем не менее о личности Карловой пока ничего достоверно сказать нельзя.

Итак, в 1868 г. она в сопровождении спутников посетила страну, «в которой, кажется, ни одна русская женщина еще не бывала» [19, с. 721]. Обзор территории современных Греции и Болгарии, группа путешественников въехала в «западный край Македонии», который «весь усеян монастырями». Первой им встретилась Лесновская обитель. Карлова упомянула не дошедшие до нас остатки колокольни, именуемой Оливеровой башней, и старинную церковь, в которой сохранилась роспись XIV в. — портреты ктиторов (деспота Йована Оливера с супругой) и «другие фрески, в числе которых можно разглядеть остатки портрета сербского царя Душана». Как особо подчеркнула автор, Лесновский монастырь — счастливое исключение из правила, поскольку в большинстве посещенных ею действующих храмов древняя живопись была либо забелена, либо покрыта штукатуркой. В поисках же следов кисти древних мастеров, считала она, необходимо искать заброшенные церкви. Впрочем, добавила она, большинство фресок

были исцарапаны или носили следы пуль, и ей не встретилось ни одного изображения, у которого сохранились бы глаза. Карлова это связала с действиями турок [20, с. 164–165], хотя в отношении уничтожения глаз на ликах существуют и другие версии [19, с. 100–106].

В монастыре св. Прохора Пчинского путешественница отметила «церковь небольшую с одним куполом», в которой «есть несколько старых образов» [20, с. 169], — видимо, средневековый храм, части которого ныне встроены в современный. Упомянула она и сохранившиеся фрески и резную ктиторскую надпись XIV в. в церкви св. Георгия в с. Старо-Нагоричане, однако о многих святынях той части Македонии она сообщила только факт пребывания их группы там или детали бытового характера — о монастырях Зебел, Лешокском, Топличском, Кичевском, Слепченском. Вдобавок к названным, сообщала читателям Карлова, в регионе имелось множество заброшенных храмов. Некоторые из них силами местных энтузиастов возобновлялись, и с одним из таких сподвижников она познакомилась — «просто сельский поп, в овчинном тулупе вместо рясы, весельчак и на вид гуляка» Георгий Цветанович, чьими усилиями восстанавливались обители Зебел и Матейче [20, с. 169].

А вот Охрид Карлову явно разочаровал. Она сочла его единственной достопримечательностью — собор Богородицы Перивлепты, которую также именовала по-народному собором св. Климента. Строение ей показалось изящным по архитектуре, но «его безобразит весьма дурная живопись икон, новых и подновленных». Деревянной статуи, упомянутой Григоровичем, она не отметила, зато сообщила о наличии бархатной плащаницы и большого образа в серебряном окладе — якобы вкладов ктитора, византийского императора Андроника [20, с. 182]. Последовавшие на пути монастырь св. Наума и церкви в селах Дреново и Бобоштице также не произвели впечатления на путешественницу, и там она больше внимания уделила неблагоприятному поведению греческого клира [20, с. 183–184].

Уже из заявления о бедности Охрида на достопримечательности можно сделать вывод, что Карлова была незнакома с книгой Григоровича, хотя путешествовала вместе с одним из лучших знатоков Балкан того времени А. Ф. Гильфердингом. Тем не менее она посетила и описала ту часть Македонии, о которой ранее не рассказывалось в русской печати, что придает ее произведению дополнительную значимость.

А вскоре после публикации травелога Карловой разразились Великий восточный кризис, русско-турецкая война 1877–1878 гг., и массово выходившая литература насытила и пресытила интерес к Балканам. Однако затем стало набирать силу противостояние болгар, греков и сербов за обладание Македонией, и русские путешественники стали смотреть на регион сквозь призму этно-религиозного противостояния, и средневековым памятникам внимания почти не уделяли.

Счастливым и довольно случайным исключением из этого является П. Н. Мильков. В 1897 г. будущий лидер кадетов стал профессором Софийского университета, но в результате вмешательства российского дипломатического представителя, менее чем через год был отстранен от преподавания. Однако он не предался праздности, наладил связи с Русским археологическим институтом в Константинополе и летом в 1898 г. вместе с директором РАИК Ф. И. Успенским отправился в экспедицию в Македонию с целью изучения византийских и славянских памятников¹⁴. Первыми своими впечатлениями он поделился с русским читателем уже в 1898 г. посредством газеты «Русские ведомости». Впрочем, как он сам признавался в статьях, именно археологические итоги

¹⁴ Подробнее об этом периоде его жизни см.: [31, с. 181–209].

поездки, т. е. рассказ о древностях, предназначается для научного издания, а на страницах газеты он постарался дать «более или менее ясное представление о том, что теперь делается в Македонии» [34]. И почти весь цикл его заметок был посвящен именно религиозным и этническим вопросам. Лишь при рассказе о Преспанском регионе он поведал о нескольких сохранившихся надписях да развалинах храмов на острове Аила, где в древности находился монастырь св. Ахиллия [37]. Примечательно тем не менее его указание на то, что местное население воспринимало древние надписи как обоснование притязаний того или народа на эти территории [35; 37], что только вредило сохранности памятников — в одном из монастырей близ Скопье болгарские монахи «старательно замазали фрески, которые могли напоминать про сербских кралеи» [36]. В последовавшей публикации в «Известиях Русского археологического института в Константинополе» Милюков на полутора сотнях страниц описал македонские памятники с поразительной детальностью — вплоть до анализа складок на одеждах святых, изображенных на фресках [38]. Тем не менее данная статья, вышедшая в научном издании, вряд ли всерьез могла оказать влияние на полноту представлений широкого круга читателей о памятниках на территории нынешней Северной Македонии.

В конце века в условиях обострившейся между сербами и болгарями информационной войны за Македонию периодически появлялись упоминания об архитектурном наследии края [14]. Так, в 1899 г. вышел русский перевод произведения уроженца Австрийской империи серба С. Гопчевича, в котором упоминались многие памятники. Но, как правило, он о них рассказывал со слов реальных или вымышленных попутчиков или видел лишь в подзорную трубу [11, с. 92]. Данное произведение носило откровенно пропагандистский характер и имело своей целью доказать исключительно сербский характер населения спорных территорий. Определенным ответом на него стало произведение видного деятеля славянского движения, бывшего чиновника временного русского управления в Болгарии А. А. Башмакова. В 1899 г. он совершил путешествие по Македонии и под псевдонимом «Вещий Олег» опубликовал свои впечатления сначала в газете «Санкт-Петербургские ведомости», а затем и отдельной книгой¹⁵. Однако из доосманских построек он рассказал лишь о Лесновском монастыре, в русской литературе, как он ошибочно считал, ранее не упоминавшемся. Впрочем, в отличие от церковных споров экзархистов и патриархистов в небольших городках, красоты Лесново не заняли большого места в тексте Башмакова: «Снаружи и внутри интересные фрески. Я видел около главного алтаря древние лики сербских царей» [5, с. 301].

Через два года после Башмакова по Македонии проехал военный географ П. А. Риттих. Но из интересующей нас стороны путешествия можно отметить только воспоминания о Лешокском монастыре св. Афанасия — о руинах старой монастырской церкви Успения Богородицы, стены которой поросли мхом, но в темноте все же были различимы лики [40, с. 179–180]. К сожалению, из слов автора нельзя понять, остатки какого из слоев росписи — XIV, XVII или XIX вв. — он видел. Отметим, что и книга вышла лишь в 1909 г. К тому моменту еще ряд русских очевидцев живописали Македонию, а во время Ильинденского восстания 1903 г. в рядах македонских четников сражались русские добровольцы, которые также опубликовали свои впечатления. Однако ни один более автор не обращал внимания на красоты архитектурного наследия. Впрочем, вряд ли в том была уже необходимость: в 1901 г. в Македонию отправилась знаменитая экспедиция крупнейшего специалиста по истории искусства Н. П. Кондакова. Ее результаты были опубликованы в 1909 г., в книге приводились почти все архитек-

¹⁵ Подробнее о поездке см.: [6].

турные памятники. Хотя труд имел и этнографические цели, именно ему принадлежат лавры полноправного открытия македонского культурного наследия для русского читателя. Как в предисловии признавал Кондаков, до его экспедиции положение Македонии напоминало «близко положение России времен Олеария, Флетчера и Герберштейна» [24, с. 4], т. е. более диковинки, чем предмета серьезного изучения и восприятия. После же издания с фотографиями, планами, вдобавок старающегося быть научно-популярным, русское общество получило возможность полноценно представить македонские памятники.

А уже через несколько лет на Балканах разразилась череда войн, по итогам которых описываемые в статье земли вошли в состав Королевства СХС/Югославии. Но массовый русский турист открыл эти территории уже после войны в рамках отдельных туристических поездок, а уже в начале XXI в. заполнил пространства всемирной паутины рассказами и фотографиями архитектурного наследия Северной Македонии.

Подытоживая, отметим, что для русских путешественников XIX в. памятники средневековой архитектуры и живописи в Македонии не были целью поездки и основным предметом их рассказов. Ученых интересовали древние рукописи, дипломатов и журналистов — этническая и религиозная ситуации. Вдобавок журналисты и писатели в травелогах рисовали в первую очередь условный Восток — экзотическую страну с экзотическим населением, особенность которого состояла в том, что этот «другой» был очень близок к «своему», а потому еще более вызывал интерес, нежели диковинные племена Африки. В результате произведения средневекового зодчества и живописи занимали периферийное место в повествовании. Потому лишь малая часть путников обратила на них внимание, а те, кто все же обратил, рассказали только об объектах, их лично впечатливших. В итоге, видимо, и при подготовке визитов, путешественники не уделяли должного внимания литературе о красотах искусства тех земель. Это объясняет и то, что М. Ф. Карлова не знала об охридских храмах, описанных у В. И. Григоровича, А. А. Башмаков считал, что он первым рассказал русскому читателю о Лесновском монастыре, а архимандрит Антонин пускался в пространные дилетантские рассуждения.

Причина такого пренебрежения данной категорией наследия в том, что согласно массовому представлению о средневековом искусстве того времени в таком глухом углу Европы не могло возникнуть памятников, аналогичных по своему уровню салоникским или константинопольским. Лишь в середине XX в., сразу после Великой Отечественной войны, осознавая значимость средневековых архитектуры и живописи региона для мировой и русской культуры, советские искусствоведы запланировали обширную экспедицию на Балканы, однако проект так и остался на бумаге [25, с. 191]. И даже сейчас можно говорить лишь об отдельных серьезных работах о некоторых конкретных жемчужинах мировой культуры в Северной Македонии, а общего их очерка на современном уровне знания на русском языке так и нет. В итоге, можно констатировать: архитектурное и живописное наследие Северной Македонии все еще на той стадии, когда оно открыто, но по-прежнему неизвестно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Антонин (Капустин)*. Лихнид. 2 июня 1865 // Из Румелии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/iz-rumelii/5 (дата обращения: 23.02.2022).
- 2 *Антонин (Капустин)*. Поездка в Румелию. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1879. 376 с.

- 3 *Антонин (Капустин)*. Свети Наум. 4 июня. Пятница // Из Румелии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/iz-rumelii/8 (дата обращения: 23.02.2022).
- 4 *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. 1861–1865 / изд. подгот. Л. А. Герд. М.: Индрик, 2020. 856 с.
- 5 *Башмаков А. А.* Болгария и Македония. СПб.: Слово, 1903. 386 с.
- 6 *Беклемишева М. М.* Русский публицист А. А. Башмаков о македонском вопросе в письмах и публицистике (1899 г.) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 33–59.
- 7 *Белов М. В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2011. С. 38–65.
- 8 *В. И. Григорович* и развитие славяноведения в России / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 252 с.
- 9 *Герд Л. А.* Архимандрит Антонин Капустин и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 8–35.
- 10 *Германов С.* Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос / съст. Д. Мичев. София: Полиграфически комбинат, 1993. Кн. 1. С. 237–274.
- 11 *Гопчевич С.* Старая Сербия и Македония. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1899. 364 с.
- 12 *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1877. 181 с.
- 13 *Гурьянов И.* Взгляд на Турецкую империю в теперешнем ее состоянии, с приложением обозрения военных подвигов россиян в сию компанию. М.: Унив. тип., 1828. 74 с.
- 14 *Гусев Н. С.* Македонский вопрос в освещении сербской и болгарской пропаганды в России в конце XIX – начале XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб.: НП-Принт, 2020. Вып. 10. С. 740–754.
- 15 *Джурич В.* Византийские фрески: Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик, 2000. 588 с.
- 16 *Дятлова Е. С.* Фрески церкви Архангела Михаила в Прилепе. Особенности иконографии и стиля // Византийский временник. 2020. Т. 104. С. 289–305.
- 17 *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017. 355 с.
- 18 *Захарова А. В., Дятлова Е. С.* О строителях и художниках, работавших в македонском Прилепе в конце XIII века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 2. С. 46–72.
- 19 *Карлова М. Ф.* Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. № 6. С. 721–753.
- 20 *Карлова М. Ф.* Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. № 7. С. 150–190.
- 21 *Касапова Е.* Архитектурата на црквата Успение на Богородица — Трескавец. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 2009. 243 с.
- 22 *Киприан (Керн)*. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. 214 с.

- 23 *Кондаков Н. П.* Македония. Археологическое путешествие. М.: Индрик, 2019. 646 с.
- 24 *Кондаков Н. П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб.: ОРЯС, 1909. 308 с.
- 25 *Кудрявцев А. А.* Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. (проект и итоги) // *Российская археология.* 2020. № 3. С. 189–203.
- 26 *Ладыженский М.* Взгляд на Европейскую Турцию и окрестности Константинополя в топографическом и военном отношении, с присовокуплением описания главнейших постановлений Оттоманской империи. СПб.: Тип. К. Крайя, 1828. 167 с.
- 27 *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
- 28 *Левшина Ж. Л.* Путешествие А. Ф. Гильфердинга 1868 года и славянские рукописи его «македонской» коллекции (итоги и перспективы изучения) // *Археографски прилози.* 2012. Бр. 34. С. 77–107.
- 29 *Лисовой Н. Н.* Архимандрит Антонин (Капустин) — исследователь синайских рукописей: По страницам дневника // *Церковь в истории России.* М.: ИРИ РАН, 2000. Сб. 4. С. 197–207.
- 30 *Макарова Н. И.* Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: наследие В. И. Григоровича // *Ученые записки Казанского университета.* Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 24–35.
- 31 *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань: П. А. Трибунский, 2001. 439 с.
- 32 *Мальцева С. В.* Монастырская архитектура эпохи святых Наума и Климента Охридских в контексте храмового зодчества Первого Болгарского царства и архитектурных традиций византийских провинций IX–XI веков // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст.* СПб.: НП-Принт, 2020. Вып. 10. С. 809–828.
- 33 *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.
- 34 *Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию // *Русские ведомости.* 1898. 11 августа.
- 35 *Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию // *Русские ведомости.* 1899. 20 августа.
- 36 *Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию // *Русские ведомости.* 1899. 27 марта.
- 37 *Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию // *Русские ведомости.* 1899. 7 января.
- 38 *Милюков П. Н.* Христианские древности Западной Македонии // *Известия Русского археологического института в Константинополе.* 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 21–151.
- 39 *Оттоманская империя или Обзорение Европейской Турции в нынешнем ее физическом, географическом, статистическом и политическом состоянии, заимствованное преимущественно из Всеобщей географии г. Малте-Брюна, изданной на французском языке 1826 г., дополненное и объясненное новейшими известиями лучших писателей.* М.: Тип. С. Селивановского, 1828. 328 с.
- 40 *Риттих П. А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. 224 с.
- 41 *Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / съст., предговор, коментар и бележки М. Кожухарова.* София: Изд-во на Отечествения Фронт, 1986. 390 с.

- 42 *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия от падането ѝ под турците до нейното унищожение (1394–1767 г.). София: Печатница П. Глушков, 1932. 615 с.
- 43 *Филиппов М. В.* О научной и литературной деятельности архим. Антонина (Капустина) // Богословские труды. 1986. Сб. 27. С. 212–219.
- 44 *Фролова М. М. М. А.* Хитрово — первый русский консул в Македонии (1860–1864) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 38–56.
- 45 *Хитрово М. А.* Поездка на Прилепскую ярмарку и в монастыри Св. Архангел и Тресковец // Русский вестник. 1863. № 3. С. 207–244.
- 46 *Ćiran B.* St. Sophia. The Cathedral Church of the Ohrid Archbishopric. A Chronology of the Architecture. Skopje: Ss. Cyril and Methodius University, 1996. 147 p.

© 2022. Nikita S. Gusev
Moscow, Russia

**MEDIEVAL ARCHITECTURAL
MONUMENTS OF MACEDONIA IN THE DESCRIPTIONS
OF THE RUSSIAN TRAVELERS
(MID-19th – EARLY 20th CENTURIES)**

Acknowledgements: This research has been performed with support of the Russian Science Foundation (RSF), project № 20-18-00294.

Abstract: The study shows the process of “discovery” of medieval monuments of architecture and monumental painting on the territory of modern Northern Macedonia by Russian travelers. The work is based on materials that introduced the Russian reader to the objects of cultural heritage — book, magazine and newspaper publications. Chronologically, the article covers the period from the first half of the 19th century, when the first fragmentary mentions of monasteries and temples appeared, to 1909 — the publication of N. P. Kondakov's book on the results of his expedition to the region. The paper traces route of travelers, addresses their information about the state of monuments and considers reliability of the information published by them. Before the Russian-Turkish War of 1877–1878, there was little interest in these territories. Only travelogues by V. I. Grigorovich, M. A. Khitrovo and M. F. Karlova were published on the topic of the study. In the wake of the fascination with the Balkans in the late 1870s, V. I. Grigorovich's book was republished and the notes of Archimandrite Antonin (Kapustin) about his journey, written earlier in 1865, were published. Then, until the end of the century, this part of the peninsula sank into oblivion, and only in connection with the aggravation of the Macedonian issue, it began to attract new wanderers. However, they paid attention to the ethno-religious situation, mostly ignoring cultural monuments. As a result, despite a fairly wide range of authors of travel essays on Macedonia at the turn of the 20th century, only P. N. Milyukov, A. A. Bashmakov and P. A. Rittikh mentioned medieval temples. The reason for this is that the Macedonian lands were presented to the Russian society as a kind of exotic part of the East, and therefore the medieval cultural heritage gave rise to unjustifiably disdainful attitude.

Keywords: North Macedonia, architecture, painting, frescoes, monasteries, churches, Russian society, travelers, travelogues.

Information about the author: Nikita S. Gusev — PhD in History, Scientific Secretary, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave 32 A, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9573-7018>

E-mail: gusevns@gmail.com

Received: March 08, 2022

Approved after reviewing: May 05, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Gusev N. S. Medieval Architectural Monuments of Macedonia in the Descriptions of Russian Travelers (Mid-19th – Early 20th Centuries). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 26–43. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-26-43>

REFERENCES

- 1 Antonin (Kapustin). Likhnid. 2 iunia 1865 [Lychnid. June 2, 1865]. In: *Iz Rumelii* [From Rumelia]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/iz-rumelii/5 (accessed 23 February 2022). (In Russian)
- 2 Antonin (Kapustin). *Poezdka v Rumeliiu* [Trip to Rumelia]. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1879. 376 p. (In Russian)
- 3 Antonin (Kapustin). Sveti Naum. 4 iunia. Piatnitsa [Saint Naum. June 4. Friday]. In: *Iz Rumelii* [From Rumelia]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/iz-rumelii/8 (accessed 23 February 2022). (In Russian)
- 4 Arkhimandrit Antonin (Kapustin). *Dnevnik. 1861–1865* [Diary. 1861–1865], publ. by L. A. Gerd. Moscow, Indrik Publ., 2020. 856 p. (In Russian)
- 5 Bashmakov A. A. *Bolgariia i Makedoniia* [Bulgaria and Macedonia]. St. Petersburg, Slovo Publ., 1903. 386 p. (In Russian)
- 6 Beklemisheva M. M. Russkii publitsist A. A. Bashmakov o makedonskom voprose v pis'makh i publitsistike (1899 g.) [The Russian Publicist Alexandre Baschmakoff on the Macedonian Issue in Letters and Journalism (1899)]. *Slavianskii al'manakh*, 2021, no 1–2, pp. 33–59. (In Russian)
- 7 Belov M. V. Russkie puteshestvenniki i diplomaty na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka: tipologii i evoliutsiia opisatel'nykh strategii [Russian Travelers and Diplomats in Balkans in the First Half of the 19th century: Typology and Evolution of Descriptive Strategies]. In: *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh* [Man in the Balkans through the Eyes of Russians], ex. ed. R. P. Grishina, A. L. Shemiakin. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2011, pp. 38–65. (In Russian)
- 8 *V. I. Grigorovich i razvitie slavianovedeniia v Rossii* [V. I. Grigorovich and the Development of Slavic Studies in Russia], comp. and ex. ed. G. P. Miagkov, E. A. Chiglintsev. Kazan', Kazanskii universitet Publ., 2015. 252 p. (In Russian)
- 9 Gerd L. A. Arkhimandrit Antonin Kapustin i ego nauchnaia deiatel'nost' (po materialam peterburgskikh arkhivov) [Archimandrite Antonin Kapustin and his Scientific Activity (Based on St. Petersburg Archives)]. In: *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [The Handwritten Heritage of Russian Byzantinists in the Archives of St. Petersburg], ed. by I. P. Medvedeva. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 8–35. (In Russian)
- 10 Germanov S. Ruski p"teshestvenitsi, ucheni i obshchestvenitsi za Makedoniia ot XVII do 1912 g. [Russian Travelers, Scientists and Public Figures on Macedonia from

- the 17th Century to 1912]. In: *Izsledvaniia po makedonskiiia v'pros* [Studies on the Macedonian Issue], comp. D. Michev. Sofia, Poligraficheski kombinat Publ., 1993, book 1, pp. 237–274. (In Bulgarian)
- 11 Gopchevich S. *Staraia Serbiia i Makedoniia* [Old Serbia and Macedonia]. St. Peterburg, Tipografiiia V. V. Komarova Publ., 1899. 364 p. (In Russian)
- 12 Grigorovich V. I. *Ocherk puteshestviia po Evropeiskoi Turtsii* [An Essay on a Journey through European Turkey]. Moscow, Tipografiiia M. N. Lavrova i K^o Publ., 1877. 181 p. (In Russian)
- 13 Gur'ianov I. *Vzgliad na Turetskuiu imperiiu v tepereshnem eia sostoianii, s prilozheniem obozreniia voennykh podvigov rossiian v siiu kompaniiu* [A Look at the Turkish Empire in its Current State, with the Application of a Review of the Military Exploits of Russians in this Company]. Moscow, Universitetskaia tipografiiia Publ., 1828. 74 p. (In Russian)
- 14 Gusev N. S. *Makedonskii vopros v osveshchenii serbskoi i bolgarskoi propagandy v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [The Macedonian Question in the Coverage of Serbian and Bulgarian Propaganda in Russia in the late 19th – Early 20th Centuries]. In: *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Actual Issues of Theory and History of Art: Papers Collected]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020, vol. 10, pp. 740–754. (In Russian)
- 15 Dzhurich V. *Vizantiiskie freski: Srednevekovaia Serbiia, Dalmatsiia, slavianskaia Makedoniia* [Byzantine Frescoes: Medieval Serbia, Dalmatia, Slavic Macedonia]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 588 p. (In Russian)
- 16 Diatlova E. S. *Freski tserkvi Arkhangel Mikhaila v Prilepe. Osobennosti ikonografii i stilia* [Frescos of Archangel Michael church in Prilep, Northern Macedonia: Stylistic and Iconographic Specifics]. *Vizantiiskii vremennik*, 2020, vol. 104, pp. 289–305. (In Russian)
- 17 Ezernik B. *Dikaia Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov* [Wild Europe. Balkans through the Eyes of Western Travelers]. Moscow, Lingvistika Publ., 2017. 355 p. (In Russian)
- 18 Zakharova A. V., Diatlova E. S. *O stroiteliakh i khudozhnikakh, rabotavshikh v makedonskom Prilepe v kontse XIII veka* [On the Builders and Painters Active in Prilep, North Macedonia, in the late 13th Century]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, no 2, pp. 46–72. (In Russian)
- 19 Karlova M. F. *Turetskaia provintsiiia i ee sel'skaia i gorodskaia zhizn'. Puteshestvie po Makedonii i Albanii* [The Turkish Province and its Rural and Urban Life. Journey through Macedonia and Albania]. *Vestnik Evropy*, 1870, no 6, pp. 721–753. (In Russian)
- 20 Karlova M. F. *Turetskaia provintsiiia i ee sel'skaia i gorodskaia zhizn'. Puteshestvie po Makedonii i Albanii* [The Turkish Province and its Rural and Urban Life. Journey through Macedonia and Albania]. *Vestnik Evropy*, 1870, no 7, pp. 150–190. (In Russian)
- 21 Kasapova E. *Arkhitekturata na tsrkvata Uspenie na Bogoroditsa — Treskavets* [Architecture of the Church of the Assumption of the Virgin — Treskavets]. Skopje, Makedonska Akademija na naukite i umetnostite Publ., 2009. 243 p. (In Russian)
- 22 Kiprian (Kern). *O. Antonin Kapustin, arkhimandrit i nachal'nik Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime (1817–1894 gg.)* [Father Antonin Kapustin, Archimandrite and head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem (1817–1894)]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvor'e Publ., 1997. 214 p. (In Russian)
- 23 Kondakov N. P. *Makedoniia. Arkheologicheskoe puteshestvie* [Macedonia. Archaeological Journey]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 646 p. (In Russian)

- 24 Kondakov N. P. *Makedoniia. Arkheologicheskoe puteshestvie* [Macedonia. Archaeological journey]. St. Petersburg, ORIAS Publ., 1909. 308 p. (In Russian)
- 25 Kudriavtsev A. A. Balkanskaia arkheologo-etnograficheskaia ekspeditsiia AN SSSR 1946 g. (proekt i itogi) [Balkan archaeological-ethnographical expedition AN SSSR 1946 g. (project and results obtained)]. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2020, no 3, pp. 189–203. (In Russian)
- 26 Ladyzhenskii M. *Vzgliad na Evropeiskuiu Turtsiiu I okrestnosti Konstantinopolia v topograficheskom i voennom otnoshenii, s prisovokupleniem opisaniia glavneishikh postanovlenii Ottomanskoi imperii* [A View of European Turkey and the Environs of Constantinople in Topographical and Military Terms, with the Addition of a Description of the Main Decrees of the Ottoman Empire]. St. Petersburg, Tipografiia K. Kraiia Publ., 1828. 167 p. (In Russian)
- 27 Lapteva L. P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v.* [The history of Slavic Studies in Russia at the End of the 19th – First Third of the 20th century]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 840 p. (In Russian)
- 28 Levshina Zh. L. Puteshestvie A. F. Gil'ferdinga 1868 goda i slavianskie rukopisi ego “makedonskoi” kollektzii (itogi i perspektivy izucheniia) [The Journey of A. F. Gilferding in 1868 and the Slavic Manuscripts of his “Macedonian” Collection (Results and Prospects of Study)]. *Arkheografski prilozhi*, 2012, no 34, pp. 77–107. (In Russian)
- 29 Lisovoi N. N. Arkhimandrit Antonin (Kapustin) — issledovatel' sinaiskikh rukopisei: Po stranitsam dnevnika [Archimandrite Antonin (Kapustin) — Researcher of the Sinai Manuscripts: According to the Pages of the Diary]. In: *Tserkov' v istorii Rossii* [The Church in the History of Russia]. Moscow, IRI RAN Publ., 2000, vol. 4, pp. 197–207. (In Russian)
- 30 Makarova N. I. Iz istorii pervykh universitetskikh nauchnykh shkol slavianovedeniia v Rossii: nasledie V. I. Grigorovicha [From the History of the First University Scientific Schools of Slavic Studies in Russia: the Legacy of V. I. Grigorovich]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2007, no 2, pp. 24–35.
- 31 Makushin A. V., Tribunskii P. A. *Pavel Nikolaevich Miliukov: trudy i dni (1859–1904)* [Pavel Nikolaevich Milyukov: Works and Days (1859–1904)]. Riazan', P. A. Tribunskii Publ., 2001. 439 p. (In Russian)
- 32 Mal'tseva S. V. Monastyrskaiia arkhitektura epokhi sviatykh Nauma i Klimenta Okhridskikh v kontekste khramovogo zodchestva Pervogo Bolgarskogo tsarstva i arkhitekturnykh traditsii vizantiiskikh provintsii IX–XI vekov [Monastic Architecture of the Circle of Saints Naum and Clement of Ohrid in the Context of the Church Architecture of the First Bulgarian Kingdom and the Architectural Traditions of the Byzantine Provinces of the 9th–11th Centuries]. In: *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sbornik nauchnykh statei* [Actual Issues of Theory and History of Art: Collection of Articles]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2020, vol. 10, pp. 809–828. (In Russian)
- 33 Mel'chakova K. V. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* [Bosnia and Herzegovina in the Socio-political Life of Russia in 1856–1875]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 432 p. (In Russian)
- 34 Miliukov P. N. Iz poezdki v Makedoniu [From a Trip to Macedonia]. In: *Russkie vedomosti*. 1898. 11 August. (In Russian)

- 35 Miliukov P. N. Iz poezdki v Makedoniu [From a Trip to Macedonia]. In: *Russkie vedomosti*. 1899. 20 August. (In Russian)
- 36 Miliukov P. N. Iz poezdki v Makedoniu [From a Trip to Macedonia]. In: *Russkie vedomosti*. 1899. 27 March. (In Russian)
- 37 Miliukov P. N. Iz poezdki v Makedoniu [From a Trip to Macedonia]. In: *Russkie vedomosti*. 1899, 7 January. (In Russian)
- 38 Miliukov P. N. Khristianskie drevnosti Zapadnoi Makedonii [Christian Antiquities of Western Macedonia]. *Izvestiia Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole*, 1899, vol. 4, no 1, pp. 21–151. (In Russian)
- 39 *Ottomanskaia imperiia ili Obozrenie Evropeiskoi Turtsii v nyneshnem ee fizicheskom, geograficheskom, statisticheskom i politicheskom sostoianii, zaimstvovannoe preimushchestvenno iz Vseobshchei geografii g. Malte-Briuna, izdannoii na frantsuzskom iazyke 1826 g., dopolnennoe i ob"iasnennoe noveishimi izvestiiami luchshikh pisatelei* [The Ottoman Empire or the Survey of European Turkey in its Current Physical, Geographical, Statistical and Political State, Borrowed Mainly from the General Geography of Malte-Brun, Published in French in 1826, Supplemented and Explained by the Latest News of the Best Writers]. Moscow, Tipografia S. Selivanovskogo Publ., 1828. 328 p. (In Russian)
- 40 Rittikh P. A. *Po Balkanam. Putevye vpechatleniia voennogo turista* [On the Balkans. Travel Impressions of a Military Tourist]. St. Petersburg, Tipografia V. F. Kirshbauma Publ., 1909. 224 p. (In Russian)
- 41 *Ruski p"tepsi za b"lgarskite zemi XVII–XIX vek* [Russian Travels in the Bulgarian Lands of the 17th–19th Centuries], preface, comm., and notes by M. Kozhukharova. Sofia, Izdatelstvo na Otechestveniiia Front Publ., 1986. 390 p. (In Bulgarian)
- 42 Snegarov I. *Istoriia na Okhridskata arkhiepiskopiia-patriarshiiia ot padaneto ù pod turtsite do neinoto unishchozhenie (1394–1767 g.)* [The History of the Ohrid Archdiocese-Patriarchate from its Fall under the Turks to its Destruction (1394–1767)]. Sofia, Pechatnitsa P. Glushkov Publ., 1932. 615 p. (In Bulgarian)
- 43 Filippov M. V. O nauchnoi i literaturnoi deiatel'nosti arkhim. Antonina (Kapustina) [On the scientific and literary activity of Archim. Antonin (Kapustina)]. In: *Bogoslovskie trudy*, 1986, vol. 27, pp. 212–219. (In Russian)
- 44 Frolova M. M. M. A. Khitrovo — pervyi russkii konsul v Makedonii (1860–1864) [M. A. Khitrovo — the first Russian consul in Macedonia (1860–1864)]. *Slavianskii al'manakh*, 2015, no 3–4, pp. 38–56. (In Russian)
- 45 Khitrovo M. A. Poezdka na Prilepskuuiu iarmarku i v monastyri Sv. Arkhangel Treskovets [Trip to the Prilep Fair and the Monasteries of St. Archangel and Treskovets]. In: *Russkii vestnik*, 1863, no 3, pp. 207–244. (In Russian)
- 46 Ćipan B. *St. Sophia. The Cathedral Church of the Ohrid Archbishopric. A Chronology of the Architecture*. Skopje, Ss. Cyril and Methodius University Publ., 1996. 147 p. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. А. Клюкина
г. Петрозаводск, Россия

СТРОИТЕЛЬСТВО АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЦЕРКВИ В ГОРОДЕ ПЕТРОЗАВОДСКЕ В XIX в. КАК ПРИМЕР ОБРАЩЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПРАВОСЛАВИЕ

Аннотация: Статья посвящена изучению вопроса об обращении в православие старообрядцев, работавших в XIX в. на Александровском заводе в городе Петрозаводске и находившихся под сильным влиянием выходцев из общины Выговская пустынь. Александровский пушечно-литейный завод был важным стратегическим объектом Российской империи. Поэтому к старообрядцам завода репрессии не применялись, а использовались методы идеологического воспитания. Одним из таких мероприятий было строительство в 1826–1832 гг. Александро-Невской церкви в Петрозаводске. При исследовании культуры старообрядцев губернии и их отношений с властью и православной церковью использовались труды Н. А. Басовой, В. В. Ефимовой, Н. Ю. Кузнецовой, М. В. Пулькина, И. Н. Ружинской, Т. В. Сорокиной. Религиозно-идеологические и эстетические аспекты, связанные со строительством церкви, были описаны на основе изучения материалов статьи К. Э. Тюковой и архивных документов, опубликованных в тематических сборниках Национальным архивом Республики Карелия, а также архивных материалов, впервые введенных в научный оборот автором статьи. Интерпретация архивных материалов осуществлялась в контексте семиотического подхода, разработанного Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским. Ученые отождествили понятия культуры и текста. Мыслители предложили рассматривать русскую культуру имперского периода в виде области взаимодействия двух традиций: русской православной культуры и имперской культуры, основанной Петром I. Они установили, что взаимодействие между вышеназванными традициями осуществлялось в ходе интерпретации каждой культурой оппозиции «свое» и «чужое», где «свое» определялось путем противопоставления «чужому». В статье впервые исследован процесс строительства Александро-Невской церкви в городе Петрозаводске в качестве текстовой деятельности власти, направленной на обращение старообрядцев Александровского завода в православие, а образ самого храма — в виде культурного текста, в котором отразились представления, ценности и смыслы эпохи первой трети XIX в. В результате исследования автором были получены следующие выводы. Семиотический анализ проведенных во время строительства храма православными священниками ритуалов и действий администрации завода, показал, что властью была сформирована новая семиотическая система внутри

старообрядческой культуры рабочих завода. Фокусом этой знаковой системы была идея империи. В образе построенного храма и в храмовой деятельности был создан ряд религиозно-государственных символов, в которых образ святого благоверного князя Александра Невского переносился на образ императора Александра I. Трансформация культуры рабочих-старообрядцев завода осуществлялась властью на основе использования культурного кода петровской эпохи, где в качестве «своего» трактовалась идея империи, которой противопоставлялось «чужое» — древлеправославие. Противоречие между двумя крайними членами оппозиции снималось посредством отождествления идеи почитания духовного наставника у старообрядцев с идеей обожествления личности императора.

Ключевые слова: Александро-Невская церковь в г. Петрозаводске, духовное наставничество, имперская культура, православие, семиотический подход, старообрядчество.

Информация об авторе: Людмила Александровна Клюкина — доктор философских наук, доцент, профессор, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-9357>

E-mail: klyukina-la77@yandex.ru

Дата поступления статьи: 03.09.2021

Дата одобрения рецензентами: 19.10.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Клюкина Л. А. Строительство Александро-Невской церкви в городе Петрозаводске в XIX в. как пример обращения старообрядцев в православие // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 44–61.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-44-61>

В XIX в. в Олонецкой губернии Российской империи проживало много старообрядцев, которые внешне соблюдали православные обряды, но тайно исповедовали свою веру. Согласно собранным И. Н. Ружинской официальным статистическим данным, в губернии проживало 6538 старообрядцев в 1815 г. и 8764 в 1825 г., что составляло 4% населения [12, с. 171]. Однако, учитывая, поправки статистики староверия для первой половины XIX в., принятые в современной науке, Ружинская выдвинула гипотезу о том, что фактически в данный период в регионе проживало 30–38 тыс. старообрядцев, что составляло 12–16% всего населения [12, с. 171]. В. В. Ефимова отмечала, что в 20-х гг. XIX в. российское правительство еще не предпринимало серьезных репрессивных мер по отношению к старообрядцам губернии. В результате проведенной в 1827–1828 гг. общей ревизии губернии сенатор Д. О. Баранов сделал вывод, что бороться с таким злом, как раскол, можно только «кротостью и христианским назиданием», так как гонения на старообрядцев в прошлом показали, что такие меры отпугивают от православия и способствуют большему упорству [6, с. 53]. Поэтому, чтобы привлечь старообрядцев к православию, олонецкие архипастыри в 20-х гг. XIX в. занимались просвещением населения губернии, строились храмы и церкви, при которых открывались церковно-приходские школы [2, с. 10–16]. Одним из таких мероприятий было строительство Александро-Невской церкви в 1825–1831 гг. в городе Петрозаводске. Александровский пушечно-литейный завод стал работать с 1774 г. Свое название завод получил в честь благоверного князя Александра Невского по указу императрицы Екатерины II, так как святой считался покровителем ратных дел и новгородских земель, в состав которых

входила Олонецкая губерния. К началу XIX в. численность рабочих завода, многие из которых были тайными или явными старообрядцами, увеличилась и потребовалась новая большая каменная церковь [14, с. 114]. В 1808 г. было получено разрешение на строительство церкви митрополита Новгородского Амвросия, поставившего условие строить храм на добровольные пожертвования (Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 37. Оп. 2. Д. 29/255. Л. 6–6 об.). С 1810 г. с ежемесячного заработка согласившихся рабочих стали вычитать по две копейки с каждого рубля (НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 29/255. Л. 8). Император Александр I выделил на строительство храма 30 000 руб. из государственной казны (НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 29/255. Л. 133 об.). В 1825 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим дал «благославление на сооружение церкви по плану и фасаду г-на архитектора Посникова» (НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 29/255. Л. 125–125 об.). Александр Иванович Посников (Постников) был архитектором Департамента горных и соляных дел, в ведении которого находился Александровский завод. Посников был известен как автор проекта колонного зала Горного института в стиле классицизма, а также проекта колокольни при Крестовоздвиженском соборе на Лиговском проспекте в Санкт-Петербурге в стиле ампира. По плану Посникова храм должен быть пятикупольным и построенным в стиле русского классицизма (ил. 1–2).

Иллюстрация 1 – Фрагмент плана Александро-Невской заводской церкви, выполненного заведующим чертежной Александровского завода инженером-технологом М. Марковым 19 декабря 1877 г.

Figure 1 – Fragment of the Design Document of the Factory Church of Alexander Nevsky, Drafted by M. Markov, Technical Engineer and Head of the Design Office of the Aleksandsrovsky Factory, on December 19, 1877

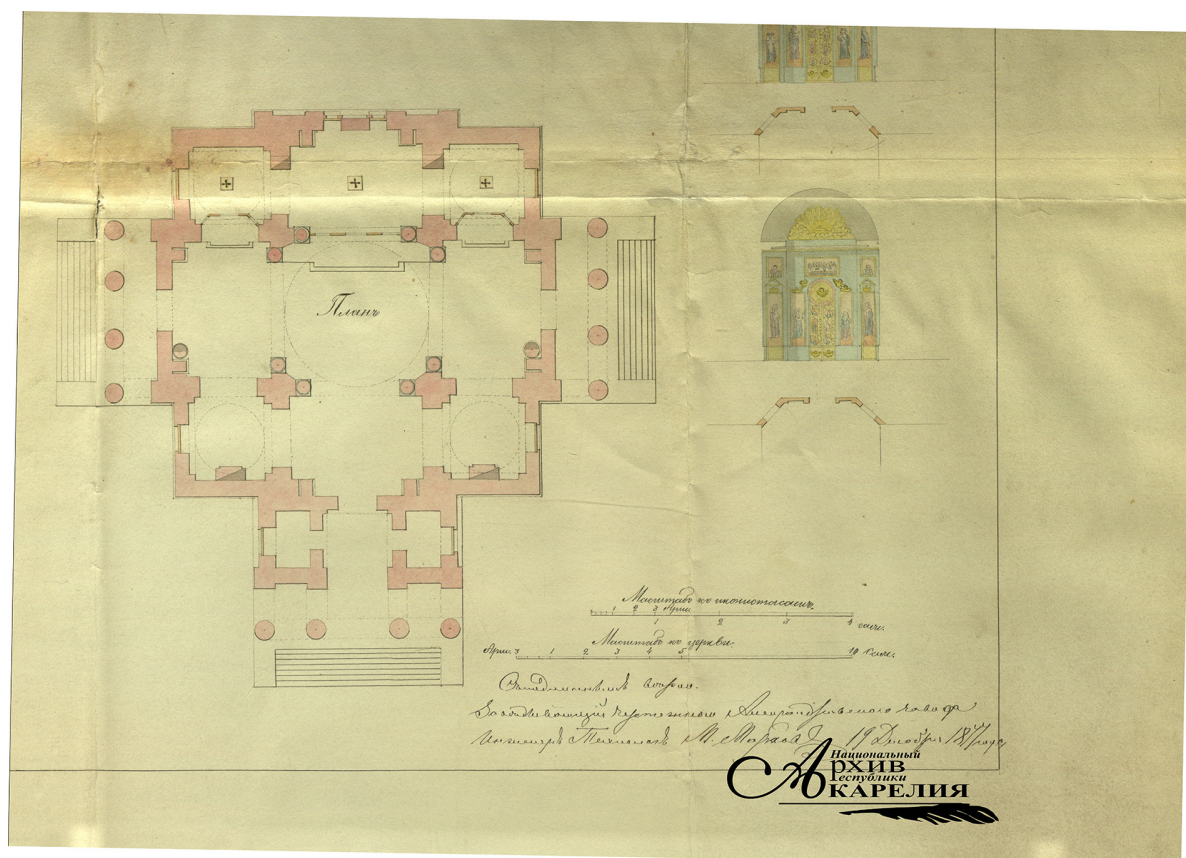

Иллюстрация 2 – Фрагмент плана Александро-Невской заводской церкви, выполненного заведующим чертежной Александровского завода инженером-технологом М. Марковым 19 декабря 1877 г.

Figure 2 – Fragment of the Design Document of the Factory Church of Alexander Nevsky, Drafted by M. Markov, Technical Engineer and Head of the Design Office of the Aleksandsrovsky Factory, on December 19, 1877

Впервые в Петрозаводске церковь было решено строить в стиле классицизма, тем более она предназначалась для старообрядцев, для которых петербургская архитектура не являлась образцом для подражания. Исследователь русского искусства И. Э. Грабарь утверждал, что после строительства Петербурга и перенесения туда столицы империи, русская архитектура стала развиваться, за исключением национальных окраин, двумя путями — московским и петербургским [4, с. 310]. Замечание Грабаря касается не только разграничений между архитектурными традициями, но разграничений метафизических ландшафтов двух типов культур. На это обстоятельство обратили внимание Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский в своей совместной работе «Отзвуки концепции “Москва — Третий Рим” в идеологии Петра Первого» [9, с. 349–361]. Мыслители анализировали семиотическое пространство русской культуры (семиосферу), в рамках которого осуществлялись коммуникационные процессы и вырабатывались новые смыслы. Они акцентировали внимание на понятии границы между базовыми элементами семиосферы, ядром и периферией. Напряжение между ядром и периферией исследователи методологически оформляют в виде противоположных и взаимно альтернативных структурных принципов, отношение между которыми представили в виде кода культуры, определяющего уникальность культурного типа. В контексте раз-

работанного ими семиотического подхода они показали связь между религиозной русской концепцией «Москва — Третий Рим» и идеей империи Петра I. Авторы выявили «код российской имперской культуры, строящийся на системе бинарной оппозиции “свое — чужое”, выражающей двуязычие русской культуры как взаимоотрицание двух традиций, приобретающих онтологический статус только внутри этой противоречивой системы отношений» [7, с. 20]. Лотман и Успенский писали, что с точки зрения имперской идеологии петербургская культура понималась как «правильная», святость которой заключалась в государственности, а московская культура понималась «неправильной», символом ложной, «ханжеской» святости [9, с. 356]. Государственность рассматривалась священной сама по себе и могла освящать и саму религию. Поэтому в петровской культуре символ «Третий Рим» выражает парадигму власти и относится к Петербургу, а не к Москве [9, с. 352]. Как показывает Т. В. Чапля, в современной культурологии актуальным является «анализ взаимодействия и взаимосвязи культурного пространства и архитектуры в истории» [16, с. 8], в ходе которого применение семиотического метода целесообразно для выявления и интерпретации воплощенных в архитектурных произведениях культурных текстов, в которых выражены представления, смыслы и ценности конкретной эпохи [16, с. 9]. Л. А. Клюкина обосновала адекватность подхода Лотмана и Успенского к исследованию русской культуры всего имперского периода [7, с. 40–54]. По мнению исследователей, в ситуации «культурного взрыва», «перекодировки» культуры становится возможным сформировать позицию «внешнего наблюдателя», условно автономного от культуры. Лотман и Успенский считали, что описание культуры с этой позиции может рассматриваться способом самоописания культуры [9, с. 88–116]. Принцип мыслителей о включенности наблюдателя в наблюдаемую ситуацию, с точки зрения Клюкиной, сущностно связан с такой типичной интенцией русского культурного мышления [7, с. 20], как укорененность сознания в бытии. В течение всего периода существования Российской империи имперская идеология тотально внедрялась во все сферы жизни общества, в том числе и в область строительства православных храмов. Об актуальности применения семиотического метода к изучению истории и культуры старообрядцев писали Р. Ю. Аторин, К. Я. Кожурин, К. М. Товбин, отмечая, что такой подход позволит выйти за рамки традиционной методологии изучения старообрядчества и будет способствовать формированию метадисциплины старообрядоведения [13, с. 65]. Целью статьи являлось исследование процесса строительства Александровской церкви в городе Петрозаводске в качестве текстовой деятельности власти, направленной на обращение старообрядцев Александровского завода в православие, а образ самого храма — в виде культурного текста, в котором отразились представления, ценности и смыслы эпохи первой трети XIX в.

В 1826 г. в Петрозаводске не было мастеров каменного дела, умеющих строить подобные сооружения. Поэтому руководство завода пригласило из Санкт-Петербурга иностранных каменных дел мастера Петра (Пьетро) Мадерни и заключило с ним договор о ведении строительных работ на два года (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/2. Л. 1 об.). Закладка фундамента церкви планировалась 24 июня 1826 г., но по каким-то причинам была отложена на месяц. 24 июля 1826 г. был заложен фундамент Александровской церкви на месте, указанном императором Александром I при посещении им Петрозаводска в 1819 г. 22 июля 1826 г. священник Троицкой Зарецкой церкви (старой церкви завода) Яков Васильевский особо это отметил в своей речи при закладке храма: «Место сие, усеянное естественными беспорядочными горами камней, но ознаменованное столь великим посетителем, должно сделаться теперь жилищем Бога, живущего

во веки веков. Верно слово порфороносного пророка: “камень, его же не брегоша зиждущии, сей бысть во главу угла” (Пс. СХVII. 22) (подчеркнуто в документе. — Л. К.). В самом деле, кто мог подать решительную мысль о создании храма на столь каменистом и, по-видимому, неудобном месте, как не тот, “которого сердце в руке Божией”?)» (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 57). Цитата из Библии, произнесенная Васильевским, имела символическое значение, согласно которому примером подлинной веры является Христос, он есть краеугольный камень, основание Церкви. Император Александр I священником уподобляется Христу как идеальному строителю Церкви, утверждающему истинную веру в Бога. По замечанию Лотмана, тема императора демиурга, творящего божественный мир из камня в непригодном для строительства месте является распространенной в петербургской культуре [9, с. 214]. В этом контексте можно прочесть, что Александр I продолжает дело Петра I, освящение государственной власти.

В своей речи также священник уподобил российских императоров Александра I и Николая I двум ветхозаветным царям Давиду и Соломону, отметив, что Александр, как Давид, был благословлен Богом, чтобы изъяснить волю на построение храма, а Николай, как Соломон, должен эту волю исполнить (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 58 об.). В основание церкви были положены в свинцовых ящиках медная золоченая доска, медали и серебряные деньги напротив главного алтаря к востоку. На медной золоченой доске была сделана надпись: «Основание храма сего во имя св. блгв. кн. Александра Невского положено в лето от рождения Христова 1826-е в 24-е июня, в благополучное царствование императора Николая Первого, по благословению преосвященного митрополита Серафима, при горном начальнике Александре Фуллоне, по плану архитектора Посникова, попечением особо учрежденной комиссии из суммы, назначенной на построение блаженной памяти государем императором Александром Первым и пожертвованной усердными к благолепию дома Господня служителями Александровского пушечного завода, в губернском г. Петрозаводске» (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55). Особый интерес представляли медали. На двух медалях, посвященных смерти императора Александра I, на правой стороне в круге портрета была изображена змея, держащая хвост в челюсти и сделана надпись: «Император Александр Первый скончался в Таганроге ноября 19-го дня 1825» (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55 об.), а на другой стороне — всевидящее око в лучезарном сиянии и надпись: «Наш ангел в небесах» (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55 об.). Одна медаль была серебряная, весом в 28 зол. 36 долей, а другая такой же величины бронзовая (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55 об.). На двух других медалях на одной стороне был портрет царствующего императора Николая Павловича с вырезанной надписью: «1826 года», а другая сторона была гладкая (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55 об.). Одна из этих медалей была серебряная весом в 13 зол., а другая — бронзовая (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55 об.). Согласно православной традиции, в основание храма обычно полагали мощи того святого, которому посвящен храм или один из приделов. Медали с изображением двух императоров в данном случае понимались новыми святынями. Это означало, что старообрядцев приобщали не только к православию, а к культу императора и империи. Об этом свидетельствует архивный документ, где описывались вещи, положенные в основание церкви. В документе имена императоров Александра I и Николая I написаны более крупным и красивым почерком по сравнению с остальными словами, в том числе и по сравнению с именем Святого Благоверного князя Александра Невского, которому посвящалась церковь, тем самым выражалась их особая значимость (ил. 3–4) (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55–55 об.). В данном контексте символ всевидящего ока в треуголь-

нике на медали с изображением Александра I может толковаться как символ Святой Троицы. Искусствоведы Ж. Г. Белик и О. Е. Савченко писали, что этот символ появился в русском религиозном искусстве в конце XVIII в. и изображался в куполе церкви, а позднее стал использоваться в иконописи, особенно широко в культуре старообрядцев [3]. Большой популярностью пользовался символ «Всевидающего Ока Господня» в эпоху Александра I, это изображение использовалось при оформлении медалей [5], пьедесталов памятников, а также храмов (Казанского собора в Петербурге). Происхождение этого символа в культуре того времени объяснялось распространением идей масонства среди российского дворянства. Ко времени правления Николая I данный символ уже считался христианским. Однако тот факт, что символ «Всевидающее око» в России чаще всего встречался в храмах, построенных в стиле классицизма в конце XVIII – XIX вв., говорит о том, что символ Святой Троицы интерпретировался как символ святой государственности. Возможность такого понимания символа возникла уже в русской православной культуре на рубеже XV–XVI вв. П. А. Флоренский обращал внимание, что именно Сергей Радонежский понимал символ Святой Троицы как фокус русской культуры и государственности, организующий все сферы жизни русского общества в единый духовный организм. Посредством этого символа люди должны усвоить идею присутствия божественной любви в земной жизни. По мысли Флоренского, сама эта теургическая деятельность должна быть персонифицирована. В роли таких духовных вождей он видел Преподобного Сергия и Андрея Рублева [15, с. 449]. Начиная с Петра I, духовными вождями русского общества становятся императоры. Старообрядцы Александровского завода были беспоповцами (филипповцами и даниловцами), церкви у них не было, из своего числа они избирали наставников [10, с. 268]. М. В. Пулькин показал, что наставников старообрядцы Олонецкой епархии почитали как духовных лидеров и даже иногда канонизировали их [11, с. 298]. К наставникам старообрядцев у местного населения было особое отношение. Их почитали больше, чем православных священников, так как они строго соблюдали посты, вели трезвый образ жизни, знали древние старопечатные религиозные книги, читали проповеди, осуществляли религиозные обряды, были трудолюбивыми и экономными работниками, готовы были прийти на помощь односельчанину [11, с. 308]. Православных священников старообрядцы Олонецкой епархии считали «слугами Антихриста» [11, с. 310]. Таким образом, символ «Всевидающего Ока Господня», с одной стороны, был близок к культуре старообрядцев, с другой — приобщал их к новой имперской культуре.

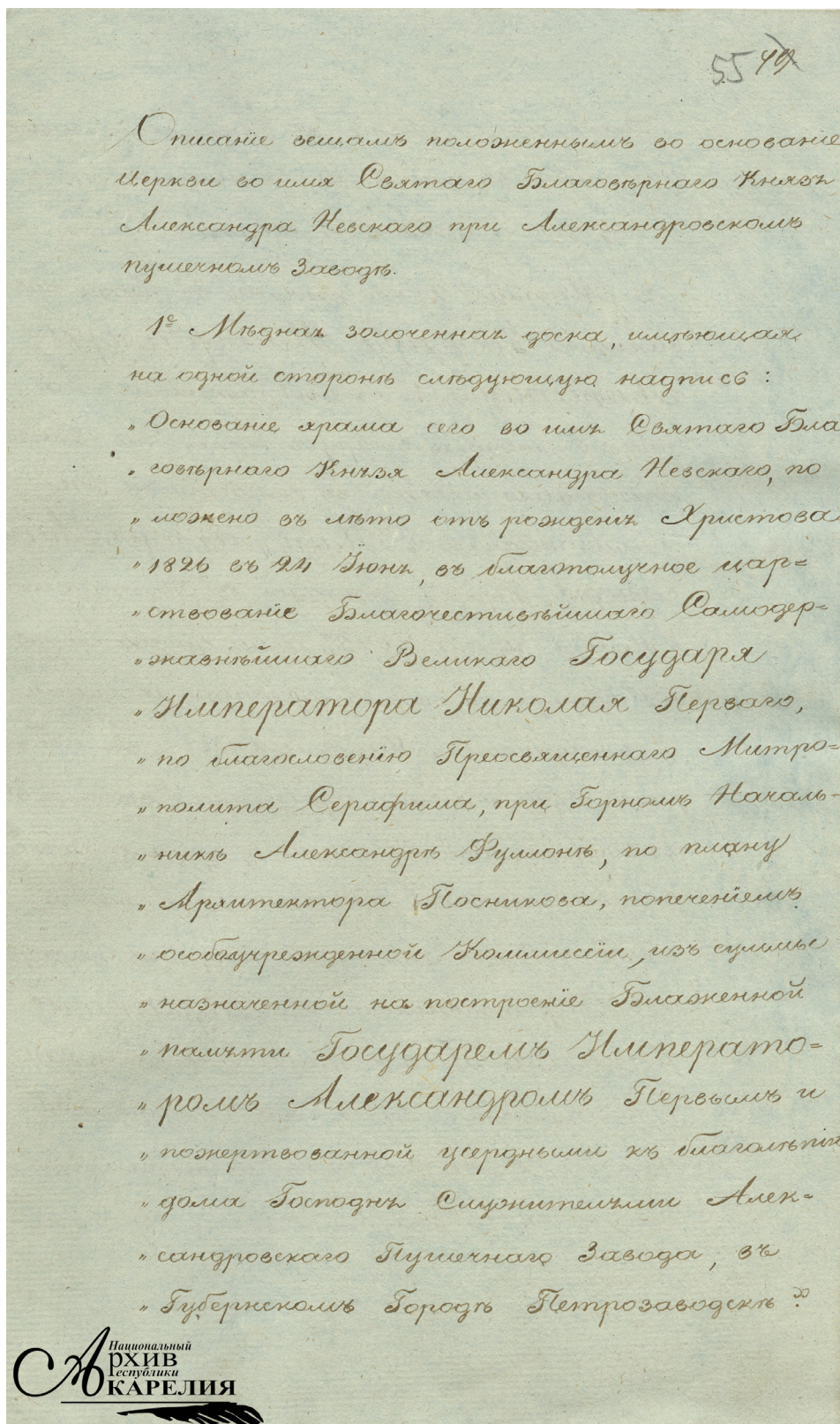

Иллюстрация 3 – Описание вещей, положенных в основание Церкви во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского при Александровском пушечном заводе (Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55)
Figure 3 – Description of Items Laid in the Foundation of the Church of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky Assigned to the Aleksandsrovsky Cannon Factory (F. 38. Op. 15. D. 1/6. L. 55)

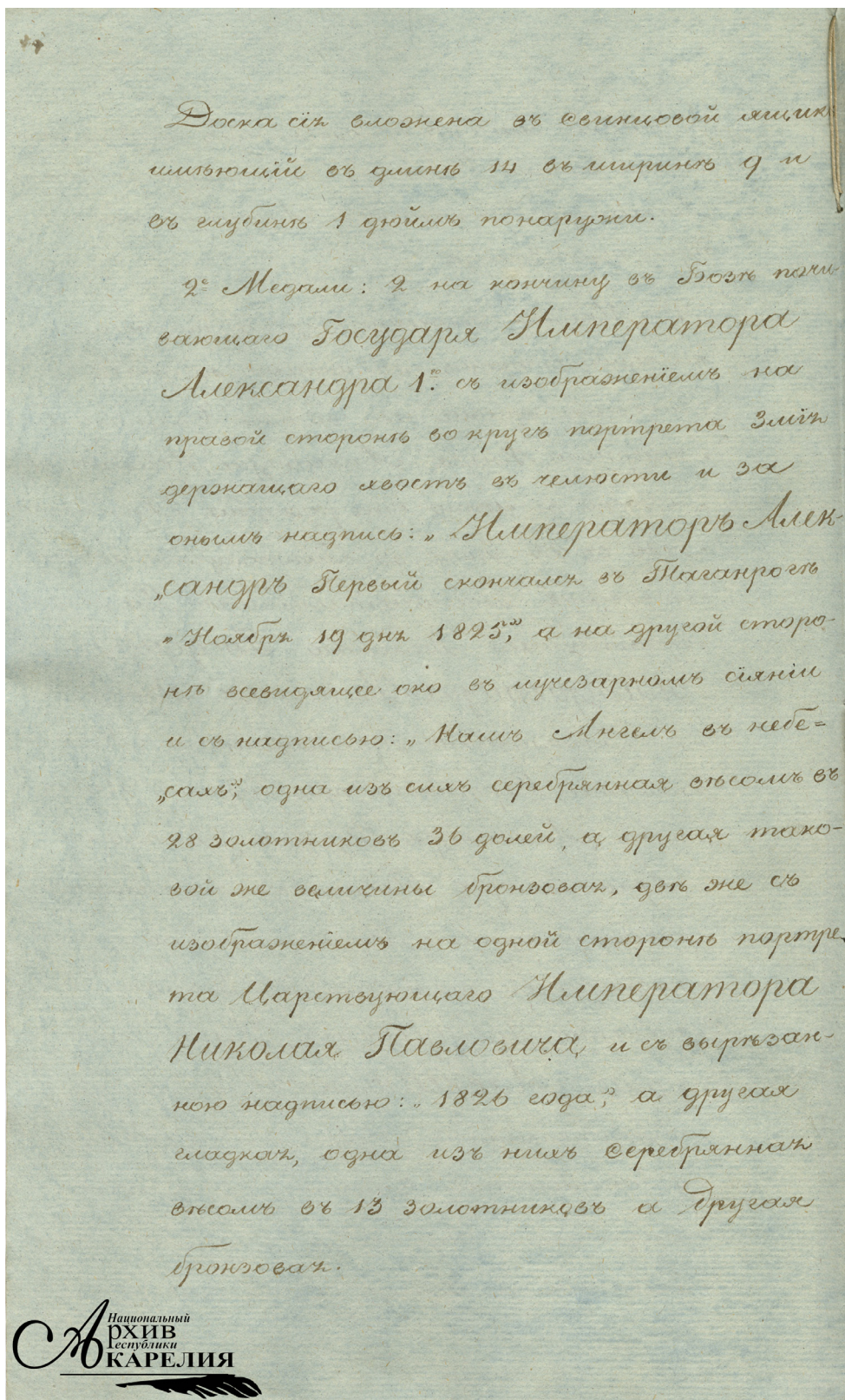

Иллюстрация 4 – Описание вещей, положенных в основание Церкви во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского при Александровском пушечном заводе (Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/6. Л. 55 об.)

Figure 4 – Description of Items Laid in the Foundation of the Church of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky Assigned to the Aleksandsrovsky Cannon Factory (F. 38. Op. 15. D. 1/6. L. 55 vol.)

В строительстве церкви принимали участие представители разных сословий: мастеровые завода, горные чиновники, местные купцы, крестьяне близлежащих деревень. Предполагалось обустроить три придела храма. Главный придел был посвящен св. блгв. кн. Александру Невскому. Рабочие завода изъявили желание посвятить два остальных придела церкви св. Чудотворцу Николаю и св. Архистратигу Михаилу. Однако начальство завода решило посвятить приделы св. Чудотворцу Николаю и Св. Живоначальной Троице, так как один придел, по их мнению, должен быть посвящен Господскому или Богородичному празднику (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/1. Л. 67–67 об.). Митрополит Новгородский Серафим дал согласие именовать приделы церкви именно таким образом (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/1. Л. 84).

В 1829 г. (НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 60/489. Л. 106–106 об.) написание икон для иконостаса церкви было поручено состоящему при заводе унтер-шихмейстеру 1-го класса Александру Чижову, художнику воспитанному в Императорской академии наук (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 1/2. Л. 21–21 об.). Чижов написал иконы не по старинным канонам, но маслом на холсте и использовал в качестве образца иконы лучших художников, которые находились в Казанском соборе и Эрмитаже (НА РК. Ф. 38. Оп. 15. Д. 2/11. Л. 120). В 1831 г. написанные иконы были отправлены из Санкт-Петербурга в Петрозаводск водным путем. Во время шторма на Онежском озере ящик с иконами был потерян, а затем был найден и в целостности и сохранности доставлен на место [14, с. 115–116]. В 1828 г. с целью борьбы с расколом и укрепления позиций православия в Олонецкой губернии была введена Олонецкая епархия. Первым епископом был назначен Преосвященный Игнатий, викарий новгородский, родом из Архангельской губернии [2, с. 9]. Когда епископ Игнатий увидел иконы, написанные Чижовым, то хотя и согласился, что они написаны с возвышенным вкусом, но попросил художника исправить некоторые моменты, которые могут смущать тайных и явных старообрядцев и отпугнуть их от церкви (НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 60/489. Л. 73): положение пальцев обеих благословляющих рук Спасителя, покрыть волосы и лоб Богоматери, покрыть одеянием тело младенца Иисуса, поправить волосы у евангелиста Матфея (НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 60/489. Л. 77–77 об.). Эти замечания были учтены горнозаводской комиссией и исправлены художником.

Строительство церкви со всеми принадлежностями, необходимыми к священнодействию было завершено в январе 1832 г. 27 января 1832 г. церковь вместе с приделами была освящена епископом Игнатием Олонецким и Петрозаводским, и с того момента в ней стали проводить богослужения [1, с. 68]. На устройство церкви со всеми принадлежностями было израсходовано 134 333 руб. 24 коп. [1, с. 72]. Александровская церковь была построена по проекту Постникова в стиле русского классицизма. Храм был пятиглавым, имел три портика с четырьмя колоннами. На четвертый портик, предусмотренный планом, средств не хватило, он был достроен позже в XX в. во время реставрации. Основной купол был выведен красиво, поставлен на высокий барабан, украшенный по всему периметру узкими арочными окнами. На южной стороне храма находилась колокольня с восьмью колоколами разных голосов и размеров. Все купола храма были покрыты железом и выкрашены в зеленый цвет. Своими гармоничными пропорциями и правильностью архитектурных форм храм «держал» вокруг себя пространство и организовывал его в культурный ландшафт [14, с. 114–116] (ил. 5). Образ храма демонстрировал идею регулярной, хорошо организованной и рационально устроенной жизни, настраивал сознание человека на деловую жизнь и просвещение, а не на стремление к небесам, к Богу. Образ храма манифестировал парадигму власти

имперской культуры. С 1832 г. церковь стала играть просветительскую роль в жизни рабочих Александровского завода. С 1888 г. при церкви действовала церковно-приходская школа для детей рабочих [14, с. 116]. Священники храма и начальство Александровского завода совместно осуществляли идеологическую пропаганду среди мастеровых и служащих завода, связанную с распространением культа императорской власти. 25 июня 1858 г. император Александр II посетил Александровский завод, щедро наградил рабочих завода, осчастливил ласковым словом. После этого события священники и администрация завода, ссылаясь на желание рабочих собрать добровольные пожертвования и заказать в Санкт-Петербурге икону св. блгв. кн. Александра Невского в серебряной ризе, приняли решение поставить ее в церкви и ежегодно 25 июня приносить ее на завод, где в присутствии всей команды рабочих служить молебен о здравии и благоденствии государя [1, с. 88]. В 1895 г. служащие завода пожелали отметить событие коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны постановкой в церкви двух икон: святителя чудотворца Николая и мученицы царицы Александры с соответствующими надписями [1, с. 93].

Иллюстрация 5 – Заводская Александро-Невская церковь. Место съемки: г. Петрозаводск.

Дата съемки: 1908 г. Автор съемки: Покровский

Figure 5 – The Church of Alexander Nevsky Assigned to the Aleksandsrovsky Factory.
Photographed in 1908 by Pokrovsky

В ходе строительства Александро-Невской церкви власть выстраивала с рабочими-старообрядцами Александровского завода коммуникацию в рамках определенной знаковой системы, соответствующей имперской культуре, созданной при Петре I. В основе этой культуры лежали такие идеи, как обожествление личности императора и сакрализация государственной власти. Так как завод имел важное стратегическое значение для военной промышленности тех лет [10, с. 69], к служащим и мастерам

завода предъявлялись высокие требования не только в сфере профессиональной деятельности, но и в области мировоззрения. Администрация завода и православные священники стремились превратить их в верных подданных Российской империи. Поэтому по отношению к старообрядцам завода применялись не репрессивные меры, а методы идеологического воздействия. Действия власти были направлены на формирование новой семиотической системы внутри старообрядческой культуры. Постепенно идея империи укоренялась в культуре старообрядцев завода. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, сходство обрядов староверов Олонецкой епархии и ритуалов православной церкви [11, с. 309]. Во-вторых, почитание духовной власти наставников у старообрядцев-беспоповцев и представление об их деятельности как о просветительской [8, с. 50–61] создавало возможность приобщения староверов к культуре личности императора. В образе построенного храма и в храмовой деятельности был создан ряд символов с государственным значением, в которых образ св. блгв. кн. Александра Невского переносился на образ императора Александра I. Идея об особой миссии наставника у беспоповцев как хранителя истинной веры, управляющего общиной, и учителя трансформировалась в идею императора-просветителя, а просвещение в рамках храмовой деятельности интерпретировалось как угодное Богу дело. В результате «перекодировки» культуры старообрядцев император стал почитаться ими как духовный отец и наставник. Идеологическая работа со старообрядцами завода осуществлялась на основе использования культурного кода петровской эпохи, где в качестве «своего» трактовалась идея империи, которой противопоставлялось «чужое» — древлеправославие. Противоречие между двумя крайними членами оппозиции снималось посредством введения сакрализации личности императора. Таким образом, обряды и ритуалы, связанные со строительством Александро-Невской церкви в городе Петрозаводске, являлись результатом текстовой деятельности власти, направленной на обращение рабочих-старообрядцев в православных подданных Российской империи.

В 1929 г. церковь была закрыта советской властью, а здание было перестроено и передано Краеведческому музею [14, с. 117] (ил. 6). В 1993 г. здание было возвращено Петрозаводской епархии. Реставрация храма осуществлялась с 1993 по 2000 гг. В ходе реставрационных работ был восстановлен внешний вид храма в соответствии с первоначальным проектом. После реставрации все четыре портика были расположены по четырем сторонам света, образуя крест, как это было предусмотрено первоначальным планом (ил. 7). По-новому были оформлены внутренние интерьеры храма. 3 июня 2000 г. Александро-Невский собор был освящен Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II, провозглашен главным храмом Карельской митрополии [14, с. 119].

**Иллюстрация 6 – Карельский государственный краеведческий музей. Место съемки:
г. Петрозаводск. Дата съемки: 1930 г. Автор съемки: не установлен**
**Figure 6 – The Federal Regional Natural Museum of the Republic of Karelia.
Photographed in 1930 in Petrozavodsk (Photographer Unknown)**

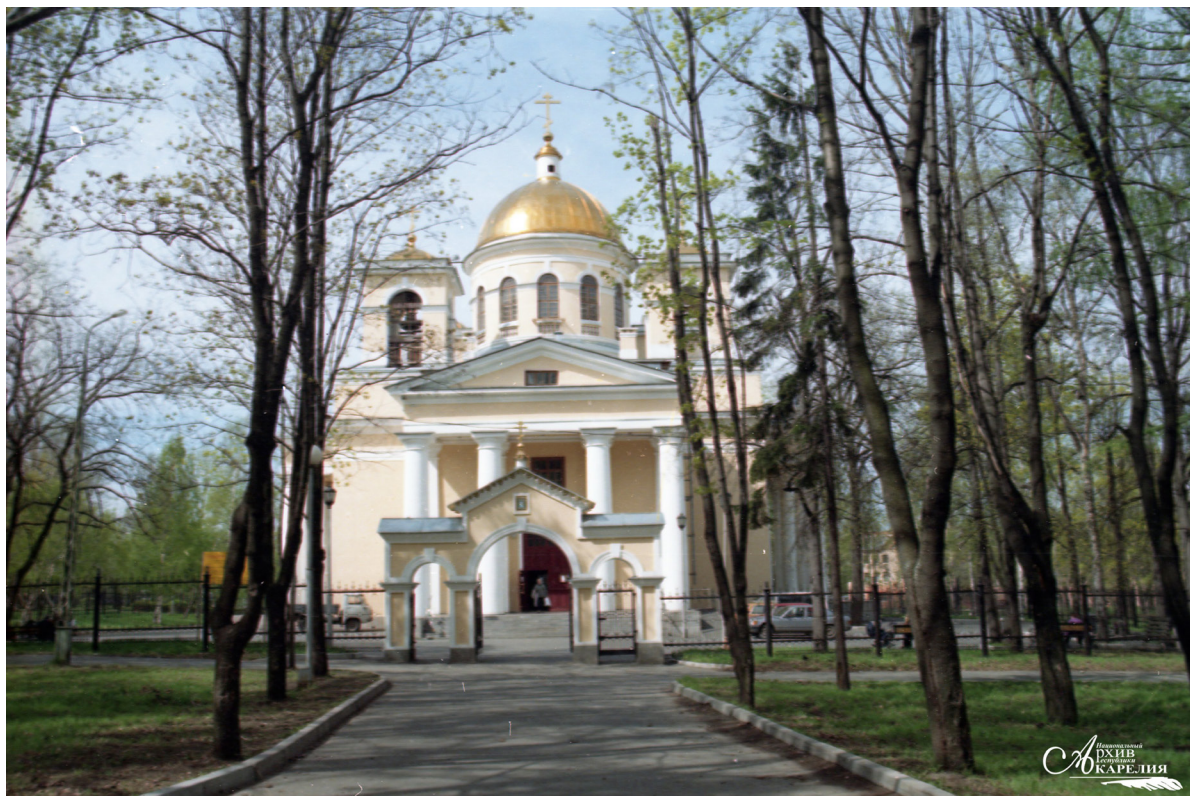

Иллюстрация 7 – Кафедральный собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. Место съемки: г. Петрозаводск. Дата съемки: 23.05.2003 г. Автор съемки: Л. С. Глинка
Figure 7 – The Cathedral Church of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky. Photographed in Petrozavodsk on May 23, 2003, by L. S. Glinka

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Александро-Невская церковь г. Петрозаводска: сб. документов и материалов / сост. Н. А. Басова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 264 с.
- 2 Басова Н. А., Сорочкина Т. В., Тюкова К. Э. Олонецкая епархия до революции (1828–1917 гг.) // Олонецкая епархия: Страницы истории / Петрозаводская и Карельская епархия, Нац. Архив РК; сост.: Н. А. Басова и др. Петрозаводск: ГП Тип. им. П. Ф. Анохина, 2001. С. 7–23.
- 3 Белик Ж. Г., Савченко О. Е. Всевидящее Око Божие // Иконы России. URL: <http://www.iconrussia.ru/iconography/2080/> (дата обращения: 09.07.2021).
- 4 Грабарь И. Э. О русской архитектуре. М.: Наука, 1969. 423 с.
- 5 Дьяков М. Е. Медали Российской Империи: в 7 ч. М.: Духовная нива, 2005. Ч. 3: 1796–1825. 191 с.
- 6 Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) // Гуманитарный вектор. Серия История. Политология. 2016. Т. 11, № 4. С. 50–59.
- 7 Клюкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. Ч. II: Реконструкция концепции имперского сознания в русской общественной мысли. 105 с.
- 8 Кузнецова Н. Ю., Ружинская И. Н. Старообрядческая традиция наставничества как пример непрерывной образовательной традиции // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 4 (16). С. 50–61.

- 9 *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
- 10 Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. В 3 кн. / науч. ред.: О. П. Илюха, Н. А. Кораблев, Д. З. Генделев. Петрозаводск: Карелия, 2001. Кн. 2: 1803–1903. 399 с.
- 11 *Пулькин М. В.* Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422 с.
- 12 *Ружинская И. Н.* Демографическая статистика старообрядчества Олонецкой губернии: итоги и перспективы исследования // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: мат. науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ, 29 июня – 2 июля 2004 г. Петрозаводск, 2004. Т. 1. С. 169–174.
- 13 *Товбин К. М., Аторин Р. Ю., Кожурин К. Я.* Старообрядоведение как метадисциплина для российского культуротворчества // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 65–81.
- 14 *Тюкова К. Э.* Александр-Невский собор // Олонецкая епархия: Страницы истории / Петрозаводская и Карельская епархия, Нац. Архив РК; сост.: Н. А. Басова и др. Петрозаводск: ГП Тип. им. П. Ф. Анохина, 2001. С. 114–119.
- 15 *Флоренский П. А.* Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
- 16 *Чапля Т. В.* Архитектура сквозь призму культурного пространства // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 8–20.

© 2022. Lyudmila A. Klyukina
Petrozavodsk, Russia

**THE CONSTRUCTION OF THE CHURCH OF ALEXANDER NEVSKY
IN THE CITY OF PETROZAVODSK IN THE 19th CENTURY
AS AN EXAMPLE OF CONVERTING OLD BELIEVERS INTO CHRISTIANITY**

Abstract: This paper explores conversion into Christianity of Old Believers, who were working at the Aleksandrovsy factory in the city of Petrozavodsk in the 19th century, and were heavily influenced by members of the religious commune of the Vygovskaya monastery. The Aleksandrovsy cannon factory was an important strategic object for the Russian Empire. This is why the Old Believers working there were not repressed, but subjected to ideological re-education. One of the measures of the latter was the construction of the Church of Alexander Nevsky in 1826–1832 in Petrozavodsk. The study of the culture of local Old Believers and their relations with the Russian authority and Orthodox Church based on the academic works of N. A. Basova, V. V. Efimova, N. Y. Kuznetsova, M. V. Pulkin, I. N. Ruzhinskaya and T. V. Sorokina. The description of religious, ideological and aesthetic aspects of the Church's architecture drew on an article by K. E. Tyukova and archive documents published in featured compilations by the National Archive of the Republic of Karelia, as well other archive materials academically introduced by the author of the article. Their interpreting was in keeping with the context of semiotic approach designed by Y. M. Lotman and B. A. Uspensky. The researchers

homologated the notions of culture and text; they suggested viewing Russian culture of the Empire period as an area of interaction between two traditions: Russian Orthodox culture and imperial culture founded by Peter I. The scholars established that interaction between these two was happening in the process of interpretation of every cultural opposition of “ours” and “theirs”, where “ours” was defined through contraposing it against “theirs”. The present paper is the first to study the construction of the Church of Alexander Nevsky in Petrozavodsk as a textual activity of the authority aimed at converting the Old Believers working at the Aleksandrovsky factory into Christianity, and the image of the church itself as a cultural text that reflected the concepts, values and narratives of the first trimester of the 19th century. The author came to a number of conclusions. The semiotic analysis or rites performed by Orthodox priests in the process of the construction of the church, and actions taken by the administration of the cannon factory, showed that a new semiotic system had been formed amongst the Old Believers working at the factory. The focus of that system of symbols was the idea of the empire. A number of religious and state symbols had been incorporated into the design of the temple and the temple activities, which transferred the image of the holy Alexander Nevsky onto the image of Emperor of Alexander the First. The transformation of the culture of Old Believer factory workers was being performed by the authorities on the basis of the cultural code of the times of Peter the Great, where “ours” was the idea of the empire, and the contraposed “theirs” was Old Belief. Discrepancy between the two radical members of the opposition would be alleviated by homologating the Old Believers idea of revering the spiritual guide with the idea of deification of the Emperor. **Keywords:** Church of Alexander Nevsky in Petrozavodsk, spiritual guidance, imperial culture, Orthodoxy, semiotic approach, Old Believers.

Information about the author: Lyudmila A. Klyukina — DSc in Philosophy, Professor, Petrozavodsk State University, Lenina Ave. 33, 185910 Petrozavodsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-9357>

E-mail: klyukina-la77@yandex.ru

Received: September 03, 2021

Approved after reviewing: October 19, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Klyukina L. V. The Construction of the Church of Alexander Nevsky in the City of Petrozavodsk in the 19th Century as an Example of Converting Old Believers into Christianity. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 44–61. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-44-61>

REFERENCES

- 1 *Aleksandro-Nevskaia tserkov' g. Petrozavodska: sbornik dokumentov i materialov* [Church of Alexander Nevsky in Petrozavodsk: Anthology of Documents and Materials], comp. N. A. Basova. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2019. 264 p. (In Russian)
- 2 Basova N. A., Sorokina T. V., Tiukova K. E. Olonetskaia eparkhiia do revoliutsii (1828–1917 gg.) [The Eparchy of Olonets Before the Revolution (1828–1917)]. In: *Olonetskaia eparkhiia: Stranitsy istorii* [The Eparchy of Olonets: Pages of History], Petrozavodskaia i Karel'skaia eparkhiia, Natsional'nyi Arkhiv RK; comp. N. A. Basova and other. Petrozavodsk, GP Tipografiia im. P. F. Anokhina Publ., 2001, pp. 7–23. (In Russian)

- 3 Belik Zh. G., Savchenko O. E. Vsevidiashchee Oko Bozhie [The All-Seeing Eye of God]. In: *Ikony Rossii* [Icons of Russia]. Available at: <http://www.iconrussia.ru/iconography/2080/> (accessed 09 July 2021). (In Russian)
- 4 Grabar' I. E. *O russkoi arkhitekture* [About Russian Architecture]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 423 p. (In Russian)
- 5 D'iakov M. E. *Medali Rossiiskoi Imperii: v 7 ch.* [Medals of the Russian Empire: in 7 Parts]. Moscow, Dukhovnaia niva Publ., 2005. Part 3: 1796–1825. 191 p. (In Russian)
- 6 Efimova V. V. General-gubernator S. I. Minitskii I staroobriadtsy Olonetskoii gubernii (1825–1830) [General-Governor S. I. Minitsky and Old Believers of the Olonets Governorate (1825–1830)]. *Gumanitarnyi vector*, Series History series. Political science, 2016, vol. 11, no 4, pp. 50–59. (In Russian)
- 7 Kliukina L. A. *Fenomenologicheskaiia strategiiia issledovaniia osnovanii kul'tury* [Phenomenological Strategy of Studying Foundation of Culture]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 2019. Part II: Rekonstruktsiia kontseptsii imperskogo soznaniia v russkoi obshchestvennoi mysli [Reconstruction of the Concept of Imperial Consciousness in Russian Sociological Thinking]. 105 p. (In Russian)
- 8 Kuznetsova N. Iu., Ruzhinskaia I. N. Staroobriadcheskaia traditsiia nastavnichestva kak primer nepreryvnoi obrazovatel'noi traditsii [The Old Believers' Tradition of Mentorship as an Example of a Continuous Educational Tradition]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 2016, vol. 4 (16), pp. 50–61. (In Russian)
- 9 Lotman Iu. M. *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [History and Typology of the Russian Culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2002. 768 p. (In Russian)
- 10 *Petrozavodsk: 300 let istorii: Dokumenty i materialy. V 3 kn.* [Petrozavodsk. 300 Years of History. Documents and Materials. In 3 vols.], science ed. by O. P. Iliukha, N. A. Korablev, D. Z. Gendeleev. Petrozavodsk, Kareliia Publ., 2001. Book 2: 1803–1903. 399 p. (In Russian)
- 11 Pul'kin M. V. *Pravoslavnyi prikhod i vlast' v seredine XVIII v. – nachale XX v.* [The Orthodox Parish and the Authorities from the mid-18 to the early 20 century]. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2009. 422 p. (In Russian)
- 12 Ruzhinskaia I. N. Demograficheskaiia statistika staroobriadchestva Olonetskoii gubernii: itogi i perspektivy issledovaniia [Demographic Statistics of the Old Believers of the Olonets Governorate: Conclusions and Prospects of Researching]. In: *Problemy razvitiia gumanitarnoi nauki na Severo-Zapade Rossii: opyt, traditsii, innovatsii: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 10-letiiu RGNF, 29 iunია – 2 iuliiia 2004 g.* [Problems of Development of Social Sciences in the North-West of Russia: Experience, Traditions, Innovations. Proceedings of the Scientific Conference Devoted to the 10th anniversary of the RGNF, 29 June – 2 July 2004]. Petrozavodsk, 2004, vol. 1, pp. 169–174. (In Russian)
- 13 Tovbin K. M., Atorin R. Iu., Kozhurin K. Ia. Staroobriadovedenie kak metadistsiplina dlia rossiiskogo kul'turotvorchestva [Studies of Old Believers as a Methodiscipline for Russian Culture Creativity]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 65–81. (In Russian)
- 14 Tiukova K. E. Aleksandro-Nevskii sobor [The Church of Alexander Nevsky]. In: *Olonetskaia eparkhiia: Stranitsy istorii* [The Eparchy of Olonets: Pages of History], Petrozavodskaia i Karel'skaia eparkhiia, Nats. Arkhiv RK; comp. N. A. Basova and other. Petrozavodsk, GP Tipografiia im. P. F. Anokhina Publ., 2001, pp. 114–119. (In Russian)

- 15 Florenskii P. A. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], comp. and general ed. by abbot Andronik (A. S. Trubacheva), P. V. Florenskii, M. S. Trubachev. Moscow, Mysl' Publ., 1996. Vol. 2. 877 p. (In Russian)
- 16 Chaplia T. V. *Arkhitektura skvoz' prizmu kul'turnogo prostranstva* [Architecture in Terms of Cultural Space]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 8–20. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-62-70>

УДК 008

ББК 71(2) + 85.33(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. В. Белов

г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.: ДВОРЯНСКИЕ ТЕАТРЫ ГОРОДА. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается место и значение городских дворянских усадебных театров в культурной среде Москвы во второй половине XVIII – начале XIX столетия. Преимущественное внимание исследования обращено на рубеж двух столетий, так как на данном историческом этапе произошло окончательное укоренение до того в основном чуждой западноевропейской театральной традиции в русском городском (в первую очередь столичном) обществе, что привело к дальнейшему развитию театрального искусства как части национальной культуры России. Наряду с этим последние годы XVIII в. стали временем максимального развития усадебного театра как части городского культурного пространства Москвы. Данному обстоятельству способствовал дворянский характер «старой» столицы и плотное кольцо «подмосковных» загородных усадеб, сориентированных во всех аспектах своей жизни на Москву. На основании переписи московских театров, проведенной в последние годы XVIII столетия, дается характеристика основных типов домашних сценических коллективов. Они делятся на ряд самостоятельных типов и отличаются друг от друга степенью открытости, основными целями существования, кругом участников и социальной составляющей их деятельности. В работе объясняются особенности и цели их функционирования, анализируется такое явление культурной жизни Москвы тех лет, как «благородные» спектакли и «благородные» актеры. Описываются отдельные, наиболее заметные и характерные для своей типологической группы творческие коллективы, сценические площадки и служители сцены, дается оценка их работы. Отдельное внимание обращено на значение домашних городских театров и оркестров в деле развития публичного театрального искусства страны, формирования необходимых творческих кадров, появление на московской императорской сцене новых талантливых актеров, в том числе при сохранении ими зависимого крепостного статуса. Дается оценка субъективных и объективных причин затухания усадебных театров Москвы и России, их трансформации на новых «коммерческих» началах в первой половине XIX столетия.

Ключевые слова: культурная среда города, Москва, театр, столица, дворянский театр, усадебный театр.

Информация об авторе: Алексей Викторович Белов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 11729 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5606-0086>

E-mail: belovavhist@mail.ru

Дата поступления статьи: 20.04.2021

Дата одобрения рецензентами: 08.07.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Дата цитирования: Белов А. В. Культурная среда Москвы на рубеже XVIII–XIX вв.: дворянские театры города. Основные типы и особенности функционирования // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 62–70.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-62-70>

Рубеж XVIII–XIX вв. — время максимального взлета русского крепостного театра. Усадебная сцена получает не просто широкое, а, как пишет один из исследователей этого процесса, «колоссальное» распространение [6, с. 34]. В периодике тех лет — юмористическом журнале «Сатирический Вестник» — иронизируют над повальным театральным увлечением, распространившимся среди провинциального барства [2, с. 213–214]. При этом образцом для него служит жизнь столичной аристократии, которая в свою очередь брала пример с развлечений двора [1, с. 11], возникших еще в первой половине XVIII в.

К концу XVIII столетия усадебное сценическое действие переросло любительский уровень. Ему на смену пришли профессиональные (пусть еще и крепостные) исполнители, подготовка которых была сопряжена со значительными затратами и высокими требованиями к исполнению. То же (хоть и в меньшей степени) относилось к сцене: зал, механизмы, декорации, костюмы и т. д.

История этих лет знает целый ряд сильных и даже профессиональных крепостных театров: в Пензе — труппа Горихвостова, специализировавшаяся исключительно на операх и итальянкой музыке; в Нижнем Новгороде — труппа князя Шаховского, насчитывавшая только актеров более 100 человек, а построенное для нее театральное здание до сего дня исполняет роль главной сценической площадки города. По сценическому оформлению она не многим уступала знаменитому «подмосковному» театру Шереметевых в Москве [4, с. 529]. Один только перечень сценического оружия насчитывал у Шаховского 133 единицы [4, с. 531]. В репертуаре стояли как драмы и комедии, так и сложные оперы [12, с. 4]. Видевший выступления этого коллектива на Макарьевской ярмарке Н. Полевой, описывал его как «очень порядочный, если сообразить время и средства» [12, с. 4], театр. И это лишь наиболее известные из крепостных коллективов, сведения о которых дошли до наших дней.

Многие масштабные усадебные проекты канули практически в безвестность. Так, недалеко от Муром на реке Выксе стоял театр И. Д. Шепелева. По воспоминаниям Н. Я. Афанасьева, театральное здание здесь было немного меньше Мариинского в Петербурге, повторяя устройство его зрительного зала: партер, бенуар, бельэтаж, второй и третий ряды лож. Театральное хозяйство отличалось прекрасной технической оснащенностью, то же относилось и к декорациям, подготовленным крепостным мастером, проходившим обучение в Петербурге. Оркестр состоял из 50 человек, хор — примерно из 35–40. По приглашению на Выксу приезжали артисты из обеих столиц, получая за свои гастролы изрядное вознаграждение. Кроме того, при дворянском доме имела собственная балетная и хоровая школы [14, с. 20–23].

Москва рубежа XVIII–XIX вв. — главный, наиболее богатый и знатный дворянский город страны. В связи с этим крепостные театры играли в жизни «Первопрестольной» особенно большую роль. По выражению современницы тех лет, в городе «проживало много знати, людей очень богатых, и у редкого вельможи не было собственного театра и своей доморощенной труппы актеров» [11, с. 152]. Из-за этого обстоятельства в среде высшей аристократии считалось не вполне достойно посещать «публичные» (общедоступные) театры. «Приличнее», полагали, приезжать туда, куда хозяин домашнего театра «приглашает по знакомству, а не там, где каждый может быть за деньги. У кого же из нас не было в близком знакомстве людей, имевших свои собственные театры?» [11, с. 154].

По подсчетам исследователя Т. А. Дынник, собравшей данные о крепостных театрах России во второй половине XVIII и начале XIX в. [6, с. 32], всего в источниках упоминается 173 крепостных театра [6, с. 32]. При этом из них чуть более 100 городских, на Москву приходилась половина [6, с. 36].

В нашем сознании дворянский театр крепко связан с сельской усадьбой, что обусловлено широко распространенным образом сельской усадьбы как основы русской дворянской культуры периода ее наивысшего расцвета. Между тем особенностью функционирования подобного рода творческих коллективов являлся принцип сезонной работы сразу на двух сценических площадках во владении своего господина: усадебной — сельской и усадебной — городской. Этот порядок был вызван особенностью проживания дворянских семей — неизменной сезонной миграцией, связанной с массовым переездом всего хозяйства, его служб и атрибутов, «с прачками и полотенцами», когда то туда, то сюда везли и «барскую кухню с посудой и поварями», и клетки с «птицами и обезьянами», и «княжеский гардероб, часть городской библиотеки», а также «музыкантов, с возами инструментов и нот» [10, с. 96].

В обоих случаях или возводились специальные театральное здание, пристройка, или оборудовали помещения. Таким образом, крепостные театры были атрибутом города не в меньшей степени, чем сельские (как правило, летние) дворцы. Типичный пример — театральная деятельность Н. П. Шереметьева, у которого было три театра — два в «подмосковных» (Кусково, Останкино) и один в Москве [13, с. 125]; или у Апраксиных — в усадьбе Ольгово и в Москве на Знаменке [13, с. 209]. Не отступали от них и другие именитые лица.

В последние десятилетия XVIII в. в Москве — городе дворянском (по природе и характеру своему) — наблюдался откровенный бум усадебных театров. Как следствие, необходимо было создать их перепись, тем более что пришедший к власти Павел I являлся ярким сторонником упорядочивания доставшегося ему наследия матери, а также установления контроля за общественным мнением в условиях, когда во Франции разрастались революционные процессы. Высочайшим указом от 1797 г. на каждом спектакле предписывалось обязательное присутствие полицейского чина (частного пристава) [7, с. 198].

В итоге был составлен реестр крепостных сцен, произведенный за один день — 21 апреля 1797 г. [3, с. 69–71]. Необходимые сведения собрали с «квартирных офицеров», т. е. с низшей категории полицейских, работающих, что называется, непосредственно «на земле». При подготовке отчета эти данные были уточнены и расширены. Опираясь на данные материалы, дворянские городские театры Москвы можно разбить на основные категории.

Первая — крупнейшие, работающие на высоком профессиональном уровне, охватывающем все стороны театрального действия. Это были частные (построенные на крепостном экономическом и социальном фундаменте) структуры, носящие не только и не столько домашний, сколько открытый характер общедоступного городского театра. Все они составляли конкуренцию крупнейшим российским театрам, как частным («вольным»), так и государственным («императорским»). Это были немногочисленные, но чрезвычайно высокопрофессиональные труппы, из-за чего их число не превышало даже в Москве всего нескольких наименований.

Учреждения данной категории базировались на масштабных «подмосковных» сценах (пригородных усадьбах) их владельцев, где было больше возможностей для строительных работ, чтобы принять многочисленных зрителей. Собственно городские театры (Шереметьева и других владельцев) имели меньшие размеры и носили скорее домашний характер.

К этой же группе необходимо отнести дворян, которые лишь владели большими сценическими площадками (зданиями) и не всегда имели собственные крепостные труппы. Владелец сцены представлял ее на определенные сроки для самых разных коллективов, из-за чего принадлежащий ему театр также приобретал характер публичного.

Вторая категория близка к первой по качеству сценической работы, но заметно уступала ей как по масштабу, так и по затратам. Исследователь В. Г. Сахновский, обративший внимание на данную категорию театров, достаточно точно обозначил их как крепостные усадебные театры «средней руки» [14, с. 53].

Эти театры носили полуоткрытый характер, являлись как домашними, так и публичными, в зависимости от конкретного момента и желания владельца. Причем в их труппе, значительно меньшей, нежели у театров первой категории, имелись свои выдающиеся исполнители. Многие из них впоследствии пополнили большую сцену. Пример того — «звезда» Московского Императорского театра С. Ф. Мочалов (сегодня больше известный как отец другого выдающегося исполнителя П. С. Мочалова). Мочалов-старший являлся домашним актером Демидовых, державших театр в своем городском доме — «Слободском дворце», на сцене которого он приобрел первую широкую известность и был приглашен в труппу городского Перовского театра. Причем, начав карьеру на его сцене 1 декабря 1799 г., С. Ф. Мочалов был все еще крепостным человеком (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1267. Оп. 10. Д. 25. Л. 6). Жена его Авдотья Ивановна также являлась крепостной актрисой театра Демидова.

Кроме театральной труппы, Демидовы имели в Москве и домашний оркестр, упоминаемый неоднократно (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 4. Д. 81. 14, Л. 3 об. — 4, 5 об. — 6). В самом конце XVIII столетия в нем состояло 25 человек [3, с. 73].

Третью группу крепостных городских театров отличал по преимуществу сугубо домашний и нередко любительский характер. Хотя для работы здесь могли привлекать и «приходящих» мастеров, что, впрочем, обходилось владельцу недешево. Такие коллективы обслуживали нужды семьи своих владельцев (праздники, торжественные события, текущее времяпрепровождение), а также их ближайшей родни и окружения. По сути это были «замкнутые» усадебные театры, создаваемые ради «забав» самих господ и немногих приглашенных ими лиц [14, с. 5].

В Москве такие домашние сцены исчислялись десятками, но не играли той роли в культурной жизни старой столицы, которая принадлежала театрам первых двух

категорий. Описание подобных домашних трупп, их «полухудожественной» жизни А. А. Шаховской отразил в своей комедии «Полубарские забавы», к сожалению сегодня полностью забытой.

Пограничные состояние между этими тремя категориями были зыбки и напрямую зависли от владельца, его материальных возможностей, собственного таланта и знаний, а также желания.

Особое место в культурной жизни Москвы на рубеже веков принадлежало театрам, где давались исключительно «благородные домашние спектакли». В них основные роли исполняли исключительно актеры-любители из числа дворян [12, с. 2]. Особое распространение эта форма получила в эпоху правления Павла I [8, с. 95]. При чем нередко интерес к данным спектаклям был очень широким. Сформировался даже особый перечень наиболее успешных дворян-актеров, а также специально устраиваемых для них сценических площадок. Так, в реестре домашних дворянских театров от 21 апреля 1797 г. зафиксированы две такие сцены (у Замятина и Трубецкого), созданные исключительно для этой цели [3, с. 75].

Домашний театр для подобного рода спектаклей имел и И. М. Долгорукий в своем доме у Воздвиженья на Вражке. Посмотреть на дававшиеся им представления приезжала вся московская знать [13, с. 311]. Хоть сам хозяин жил более чем скромно, но театр являлся для него подлинной страстью. На его сцене выступали «лучшие любители» [8, с. 111] — Алексей Михайлович Пушкин и Федор Федорович Кокошкин — «благородные актеры», которые имели чрезвычайно высокое положение в сословной иерархии города. Первый в 1800 г. получил чин генерал-майора, а в 1811 г. — действительного статского советника и камергера; второй с 1813 г. занимал пост Московского губернского прокурора и впоследствии стал управляющим московскими театрами (1823–1831) [9, с. 647, 686]. Городское дворянство специально ходило на спектакли, в которых были заняты одновременно оба «актера», стремясь получить удовольствие от сравнения игры двух талантливых любителей. Так, по воспоминаниям современника, 1 января 1821 г. «у Кокошкина» была поставлена комедия Алена Рене Лесажа «Crispin rival de son maître» («Криспен, соперник своего хозяина») [5, с. 484], которая шла за один вечер два раза подряд. В первом одну из главных ролей исполнял Ф. Ф. Кокошкин, во втором ее же — А. М. Пушкин [9, с. 551], благодаря чему «театралы» могли сравнить между собой актерское исполнение этих «любителей».

Сам И. М. Долгорукий предпочитал создавать комические образы и был в данном амплуа весьма успешен. Зрители буквально «помирали от хохота» [13, с. 311] во время его пребывания на сцене. Впрочем, многие и осуждали сановника. На их упреки И. М. Долгоруков отвечал: «Говорили, что мне не под лета и несогласно с моим чином выходить на сцену. Об этом да позволят мне поспорить. Я сделаю только один вопрос: позволительно ли было мне в мои года и в моем чине играть по целым дням в карты и разоряться в больших партиях и с большими господами из одного подлого им угождения, или, спрятавшись дома, кое с кем осушивать за жирным столом дюжину бутылок шампанского? Или, наконец, держать в тайне сераль наложниц и наполнять Воспитательный дом несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнее ли это театра? О! если бы я все делал по примеру других, я уверен, что меня менее бы злословили! Мне было пятьдесят лет, это правда; но я был здоров и жив! Я был тайный советник, но в отставке; следовательно, не занимая никакой должности в государстве, обращался в массу граждан, свободных распорядиться своими забавами!» [13, с. 311].

Многие из любителей выступали также на больших сценических площадках. Так, Ф. Ф. Кокошкин, а наряду с ним еще и Яковлев с Геденовым (которые также относились к числу «лучших тогдашних любителей») охотно играли в театре Апраксина на Знаменке [8, с. 96]. Причем зал этот, после гибели в огне Петровского театра, считался наиболее удобным в Москве. Не составляла исключения и жена хозяина, которая, выступая на сцене собственного театра, запомнилась тем, что никогда не знала своей роли, из-за чего она нередко во время спектакля подходила к суфлерской будке с вопросом «Comment?» («Как?») [8, с. 96].

Игра в таких «барских» любительских театрах шла преимущественно на французском языке [8, с. 96], что однозначно указывало на элитарность как зрителей, так и участников, непреодолимо отрывавшую данный тип театров от всех прочих. Весьма показательным высказыванием одного из театралов, оставленное в записках за 1813 г. Оно наглядно характеризует домашние «благородные спектакли»: «Дворяне никогда не играли за деньги», так как считали, что «равняться им с холопьями [московского театра] Позднякова неприлично» [45, с. 346]. Упомянутый в воспоминаниях театральный деятель имел свой театр на Большой Никитской улице, который мало уступал императорской сцене.

Закат дворянского усадебного театра как яркого и самобытного явления русской культуры пришелся на второе десятилетие XIX столетия [7, с. 213]. Определенное влияние оказал на это процесс и сам театр, точнее, драматургия. Поставленная в 1808 г. комедия А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» отличалась острой изобличительной критикой псевдохудожественного творчества значительной части усадебных домашних коллективов. Как отмечал М. И. Пыляев, «После этой пьесы столичные и деревенские меломаны как-то совсем приуныли и новых домашних оркестров, трупп и балетов уже не учреждали» [13, с. 209].

Впрочем, необходимо отметить, что свой вклад в данный процесс внесли и более масштабные события российской истории. Сам характер развития дворянского театра стал трансформироваться с наступлением XIX столетия, которое ударило не только по статусу, но и по финансовым возможностям дворянских родов. Свой вклад в этот процесс внесли и разорительные последствия неприятельского вторжения 1812 г.

В России наступало иное время. Показательно, что во второй четверти XIX в. в дворянском театральном деле, которое не исчезло полностью, набирал обороты «коммерческий интерес». В итоге, остающийся на плаву «барский театр» обретал все более «хамский характер» [7, с. 213]. Кроме того, развивался крепостной театр, рассчитанный на получение доходов [6, с. 35], что явилось отражением общих процессов развития страны. Закат дворянского века привел к исчезновению его детища — крепостного городского театра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Фонд «Связь Эпох», 2018. 456 с.
- 2 Бескин Э. М. История русского театра. М.; Л.: Госиздат, 1928. Ч. I. 243 с.
- 3 Бочаров Н. П. Статистические сведения о частных театрах в Москве в конце прошлого столетия и Большой Петровский театр // Москва и москвичи, историко-статистические очерки, исследования и заметки. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1998. Вып. I. С. 70–98.
- 4 Всеволодский-Гернгросс В. Н. История русского театра: в 2 т. Л.; М.: Теа-кино-печать, 1929. Т. I. 576 с.

- 5 *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. СПб.: Наука, 2005. Т. 2. 726 с.
- 6 *Дынник Т. А.* Крепостной театр. М.; Л.: Academia, 1933. 343 с.
- 7 *Евреинов Н. Н.* История Русского театра // История русского театра. М.: Экспо, 2019. С. 7–372.
- 8 *Матвеев Н.* Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. 254 с.
- 9 *Мельцин М. О.* Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем. Приложения // *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. СПб.: Наука, 2005. Т. 2. С. 514–556.
- 10 *Милюков А. [П.]* Доброе старое время. Очерки былаго. СПб.: Тип. Скарятина, 1872. 266 с.
- 11 *Пимен (Благово Д. Д.), Орнатская Т. И.* Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. 471 с.
- 12 *Полевой Н.* Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии // Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: Тип. А. А. Плюшара, 1840. Т. I. С. 1–12.
- 13 *Пыляев М. И.* Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М.: Московский рабочий, 1990. 416 с.
- 14 *Сахновский В. Г.* Крепостной усадебный театр. Краткое введение к его типологическому изучению. Л.: Колос, 1924. 60 с.

© 2022. Alexey V. Belov
Moscow, Russia

CULTURAL ENVIRONMENT OF MOSCOW AT THE TURN OF THE 19th CENTURY: NOBLE THEATERS OF THE CITY. MAIN TYPES AND FEATURES OF OPERATION

Abstract: The paper examines the place and significance of the city's noble manor theaters in the cultural environment of Moscow in the second half of the 18th – early 19th centuries. The priority attention of the study is drawn to the frontier of two centuries, since this historical stage was marked by a final rooting of the hitherto mostly alien Western European theater tradition in the Russian city (primarily metropolitan) society, which led to the further development of theatrical art as an integral part of national culture of Russia. Along with this, the last years of the 18th century became the peak of the manor theater as part of the urban cultural space of Moscow. The noble character of the “old” capital as well as the dense ring of “Moscow” — suburban estates, oriented in all aspects of their life to Moscow — contributed to this momentum. Based on the census of Moscow theaters conducted in the last years of the 18th century, the study provides characteristics of the main types of home stage groups, which are divided into a number of independent types, differing from each other in a degree of openness, main goals of existence, circle of participants and social component of their activities. The paper explains the features and goals of their functioning, analyzing such a phenomenon of the

cultural life of Moscow of those years as “noble” performances and “noble” actors. The research also dwells on some of the most notable and characteristic creative groups, stage venues and stage ministers, presenting an assessment of the nature of their work. The author draws special attention to the importance of home city theaters and orchestras in the development of public theater art in the country, formation of the necessary creative personnel, appearance of new talented actors on the Moscow’s imperial stage, including those maintaining their dependent serfdom. The study concludes with an assessment of the subjective and objective reasons of the decay of manor theaters in Moscow and Russia, as well as their transformation on a new “commercial” basis in the first half of the 19th century.

Keywords: cultural environment of the city, Moscow, theater, capital, noble theater, manor theater.

Information about the author: Alexey V. Belov — PhD in History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov 19, 117292 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5606-0086>

E-mail: belovavhist@mail.ru

Received: April 20, 2021

Approved after reviewing: July 08, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Belov A. V. Cultural Environment of Moscow at the Turn of the 19th Century: Noble Theaters of the City. Main Types and Features of Operation. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 62–70. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-62-70>

REFERENCES

- 1 Ageeva O. G. *Imperatorskii dvor Rossii epokhi Pavla I* [Imperial Court of Russia of the Era of Paul I]. Moscow, Fond “Sviaz' Epokh” Publ., 2018. 456 p. (In Russian)
- 2 Beskin E. M. *Istoriia russkogo teatra* [History of the Russian Theater]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928. Part I. 243 p. (In Russian)
- 3 Bocharov N. P. Statisticheskie svedeniia o chastnykh teatrakh v Moskve v kontse proshlogo stoletiiia i Bol'shoi Petrovskii teatr [Statistics on Private Theaters in Moscow at the End of the Last Century and the Bolshoi Petrovsky Theater]. In: *Moskva i moskvichi, istoriko-statisticheskie ocherki, issledovaniia I zametki* [Moscow and Muscovites, Historical and Statistical Essays, Studies and Notes]. Moscow, Tipografiia M. P. Shchepkina Publ., 1998, vol. I, pp. 70–98. (In Russian)
- 4 Vsevolodskii-Gerngross V. N. *Istoriia russkogo teatra: v 2 t.* [History of the Russian Theater: in 2 Vols.]. Leningrad, Moscow, Tea-kino-pechat' Publ., 1929. Vol. I. 576 p. (In Russian)
- 5 Dolgorukov I. M. *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaia mnoi samim* [The Story of My Birth, My Origin, and My Life, Written by Myself]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. Vol. 2. 726 p. (In Russian)
- 6 Dynnik T. A. *Krepostnoi teatr* [Serf Theater]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1933. 343 p. (In Russian)
- 7 Evreinov N. N. *Istoriia Russkogo teatra* [History of the Russian Theater]. *Istoriia russkogo teatra* [History of the Russian Theater]. Moscow, Ekspo Publ., 2019, pp. 7–372. (In Russian)

- 8 Matveev N. *Moskva i zhizn' v nei nakanune nashestviia 1812 goda* [Moscow and Life in it on the Eve of the Invasion of 1812]. Moscow, Tipo-litografiia Tovarishchestva I. N. Kushnerev I K° Publ., 1912. 254 p. (In Russian)
- 9 Mel'tsin M. O. Dolgorukov I. M. *Povest' o rozhdenii moem. Prilozheniia* [Dolgorukov I. M. The Tale of My Birth. Notes]. In: Dolgorukov I. M. *Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaia mnoi samim* [The Tale of My Birth, Origin and Whole Life, Written by Myself]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 2, pp. 514–556. (In Russian)
- 10 Miliukov A. [P.] *Dobroe staroe vremia. Ocherki bylago* [Good Old Time. Essays of the Past]. St. Petersburg, Tipografiia Skariatina Publ., 1872. 266 p. (In Russian)
- 11 Pimen (Blagovo D. D.), Ornatskaia T. I. *Rasskazy babushki: iz vospominanii piati pokolenii, zapisannye i sobrannye ee vnukom D. Blagovo* [Grandmother's Stories: from the Memoirs of Five Generations, Recorded and Collected by Her Grandson D. Blagovo]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1989. 471 p. (In Russian)
- 12 Polevoi N. *Moi vospominaniia o russkom teatre i russkoi dramaturgii* [My Memories of the Russian Theater and Russian Drama]. In: *Repertuar russkogo teatra, izdavaemyi I. Pesotskim, na 1840 god* [Repertoire of the Russian Theater, Published by I. Pesotsky, for 1840]. St. Petersburg, Tipografiia A. A. Pliushara Publ., 1840, vol. I, pp. 1–12. (In Russian)
- 13 Pyliaev M. I. *Staraiia Moskva: Rasskazy iz byloi zhizni pervoprestol'noi stolitsy* [Old Moscow: Stories from the Bygone days of the First Throne Capital]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 416 p. (In Russian)
- 14 Sakhnovskii V. G. *Krepostnoi usadebnyi teatr. Kratkoe vvedenie k ego tipologicheskomu izucheniiu* [Serf Manor Theater. Brief Introduction to Its Typological Study]. Leningrad, Kolos Publ., 1924. 60 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-71-82>

УДК 008

ББК 71(2) + 85.325.6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Н. С. Усанова

г. Москва, Россия

© 2022 г. М. Л. Архипова

г. Москва, Россия

ПРАГМАТИКА БАЛА В РОССИИ В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: Объектом исследования данной статьи является бальная культура. Русский бал был выбран в качестве примера социального феномена. В статье применен комплексный подход в отношении танцевального вечера (бала) и проведена систематизация изменений его функций на протяжении всего периода развития, прослеживается динамика изменений с момента внедрения бала (ассамблей) в XVIII в. до момента окончания его активного развития в начале XX в. В качестве основы изучения вопроса использовались литературные произведения, доступные документальные и архивные материалы, авторы которых демонстрировали специфику русского бала. Авторы статьи отмечают сложность, изменчивость и противоречивость структуры русского бала и делают выводы о его большом значении для жизни разных слоев общества того периода, изменениях этикета как проявлениях сменяющихся исторических этапов и переломных моментов. В финале статьи оцениваются потенциальные возможности использования традиций русского бала применительно к современному обществу России.

Ключевые слова: бал, танцевальный вечер, маскарад, этикет, культура балов, игра, светский разговор, танцевальные собрания, традиции, ассамблеи, социальный феномен.

Информация об авторах:

Наталья Сергеевна Усанова — доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129227 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4220-5058>

E-mail: nafob69@mail.ru

Марина Леонидовна Архипова — кандидат психологических наук, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129227 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8060-3295>

Дата поступления статьи: 21.10.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.02.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Усанова Н. С., Архипова М. Л. Прагматика бала в России в диахронном аспекте: от истории к современности // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 71–82. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-71-82>

Одной из главных составляющих отечественной социальной культуры на протяжении более чем двух веков являлись танцевальные вечера (балы), превратившиеся в своеобразный знак своего времени. Это явление нашло широкое отражение в отечественном изобразительном искусстве, музыке и литературе. Исследовательская, публицистическая и мемуарная литература дает яркое представление о бальной культуре XVIII–XX вв. [2, с. 40–46; 3, с. 69; 10, с. 5–10; 16, с. 1–109; 17, с. 17–19]. С точки зрения систематизации и обобщения по этой проблематике наиболее фундаментальна и интересна работа Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства» [9, с. 18–88], где описаны правила дворянского бала, показана значимость этого феномена для культурной жизни России. Следует отметить и книгу М. Ю. Ереминой «Роман с танцем» [4, с. 85–137], в которой характеризуется культура балов, а также исследование О. Ю. Захаровой по истории балов императорской России [6].

Будучи символом целой исторической эпохи, бал имел довольно четкую систему организации эстетического пространства, предоставлял определенные способы коммуникации и презентации культурных ценностей сословий, выполняя в обществе важные функции [9, с. 90–102].

Функции бала. Первичная функция русского бала — игра. Взаимоотношения между участниками носили игровой характер, да и сам танец, «стержень» танцевального вечера, представлял собой игру в чистом виде. Танцевальный вечер вовлекал людей в условную деятельность, осуществляемую по собственным законам. Наиболее заметное противопоставление «обыденная жизнь – игра» наблюдалось во время костюмированного бала или маскарада, где деятельность могла полностью захватывать участников, превращаясь во «вторую реальность». Это особенно интересно, поскольку задолго до появления «виртуальной реальности» и социальных сетей бал смог предложить участникам схожие условия для социальной или культурной активности. Действительно, игровые условия бала в качестве биологической функции давали участнику прекрасную возможность для самовыражения и в то же время выполняли культурную функцию по отношению к обществу.

Характерной чертой игры является ее цельность, относительная законченность. Игра всегда ограничена временем и местом, поэтому бал, как игра, традиционно демонстрировал динамику, движение вперед, его композиция зависела от развития сюжета, каждый его этап был выделен определенными правилами этикета.

Балы, и особенно маскарады, характеризовались отменой действующих в обычное время норм этикета и были направлены на снижение проявления отрицательных эмоций в реальной жизни. Бал-маскарад давал участникам особое, игровое сознание. Здесь можно было вести себя свободно, сглаживались различия в званиях и чинах, дамы могли фамильярно поинтриговать со знакомыми мужчинами, не стесняясь требований этикетного общения, на балу можно было исправить какое-либо недоразумение, открыть какую-либо тайну.

Условное соперничество участников, как элемент игрового содержания бала, нарастало в разных видах взаимодействия по мере того, как превращалось в вид состоя-

зания. Важным условием участия было принятие того, что бал предлагает соревнования, где все соперничают в умении танцевать, одеваться либо поддерживать светский разговор.

Многочисленные собрания, общества и клубы не только объединяли людей по различным признакам, но одновременно с этим противопоставляли их между собой внутри самого российского общества, усугубляя тем самым социальную стратификацию.

Социальной стратификации способствовали и многочисленные символы танцевального вечера — это не только участники (дамы и кавалеры, грациозно кружащиеся в вихре танца), но и атрибуты. Веера, лайковые перчатки, декольтированные платья, атласные башмачки, маски, шарфы, домино и зеркала являлись неотъемлемой частью танцевального вечера, персонифицировались, приобретали свой «язык» и превращались в устойчивые знаки и символы. Порой бальная одежда становилась атрибутом принадлежности к определенному клубу. Например, балы Коммерческого собрания в Петербурге некоторое время носили название «ситцевых» [7, с. 8], так как дамы были обязаны посещать их в ситцевых платьях.

Многие руководства по этикету подробно оговаривали все элементы бального наряда. Роль бальной одежды было трудно переоценить; по костюму судили о достатке человека, его звании или чине. Подобно современным показам, на балу демонстрировали эксклюзивные наряды, практически все сшитые на заказ. Таким образом, танцевальное пространство предназначалось не только для танцев, но и для демонстрации мод.

С середины XIX в. особую популярность приобретают костюмированные исторические балы, воссоздающие обстановку прошедших веков различных народов. По своей форме эти балы были далеки от классических маскарадов и практически лишались маскарадной интриги, хотя имели с классическими маскарадами одну важную общую черту. Н. А. Хренов отмечает, что, игнорируя установленные предками предписания и запреты во время маскарада, участвующий в нем «упраздняет дистанцию между собой и предками» [15, с. 183] и даже сам становится предком. На костюмированных исторических балах наблюдалось практически то же самое, хотя на них обращение участников к миру предков происходило в более демонстративной форме. Участвующие не только открыто использовали костюмы предков, но и старались подражать некоторым традициям их быта, языка или традиций, что делало игру более понятной.

Балы позволяли реализовать не только потребность в движении (как противопоставление малоподвижной светской жизни), но и в общении. С одной стороны, по сравнению со служебным, бальное общение было менее официальным и допускало определенные вольности, с другой — оно было регламентировано жесткими нормами этикета: общение в танцевальной зале, беседа за ужином и разговоры во время игры. Для участников, стремившихся к большей свободе в общении, предназначался «организованный хаос» маскарада.

Бальное общение начала XVIII в. значительно отличалось от коммуникации на балах более позднего времени. Петровские «вольные собрания» ассамблей после его смерти становились все более регламентированными, постепенно выработывался бальный этикет, окончательное оформление которого относится к началу XIX в. И с этого времени бал становится местом, где происходит восприятие и формирование правил этикета, регламентировавших весь процесс общения на танцевальном вечере.

Взаимоотношения на балу строились по принципу, напоминающему принцип общения современных пользователей социальных сетей. Балы предоставляли отличную возможность для получения или передачи информации, которую невозможно было обрести официальным путем. Но не только, иногда участники бала сознательно дезинформировали через сплетни, слухи и т. д. В условиях, когда бал являлся одним из мест, где формировалось общественное мнение, завязывались знакомства и решались вопросы карьеры, неформальная информационная составляющая взаимодействия участников играла даже более значимую роль, чем коммуникативная. Танцевальные собрания неофициально давали доступ к «нужному лицу», в кабинет которого было бы невозможно попасть официальным путем. Например, именно здесь было возможно представление членам царской семьи: на придворных балах был разработан специальный церемониал представления участников императору и его жене. Своеобразная презентация на балу могла способствовать завязыванию новых знакомств, необходимых для продвижения по служебной лестнице или даже вхождения в новое общество.

Но в начале XVIII в. ассамблеи были местом, где русские люди всех возрастов просто учились иностранным традициям взаимоотношений. На таких собраниях они постигали основы иноземного светского этикета, приобщались к плодам западной цивилизации — в этот период значительно проявляется образовательная функция балов. Наука бального общения требовала долгих лет обучения. В последующие эпохи, когда знакомство с правилами этикета начиналось с раннего возраста, эта роль перешла к детским балам. Первое появление молодых участников на взрослом балу представляло собой подобие своеобразного экзамена на аттестат зрелости, удачная сдача которого обеспечивала дальнейший успех в светском обществе.

Не стоит считать, что если петровские ассамблеи имели статус «вольных собраний», то приглашенным на них участникам предоставлялась полная свобода поведения без ограничений. Ассамблеи задумывались Петром I и воспринимались участниками не как увеселительное, а, скорее, как государственное мероприятие, игнорировать которое было нельзя, поэтому посещали его как официальную службу, а не добровольно. Для собраний был установлен строгий регламент, несоблюдение которого наказывалось.

Бал являлся актом демонстрации себя окружающим, поэтому положительные эмоции, получаемые участником бала, в значительной степени зависели от положительной оценки и одобрения окружающих, а не от факта собственного участия. Постепенно бал выработывал стереотипную последовательность действий, отдельные его элементы стали канонами в XVIII в. и сохранили свою силу и в XIX в. Исполняя, например, традиционный для бальной церемонии полонез, участвуя в своего рода ритуальных, не меняющихся от бала к балу танцах, дамы и кавалеры превращались в участников обязательной официальной повинности светского общества, от которой не освобождался никто [11, с. 29–34; 13, с. 202–205; 14, с. 220–221].

Отказ от участия в бальной церемонии мог привести к негативным последствиям, вплоть до исключения из «общества». И, хотя бал являлся прекрасным развлечением, он требовал больших физических затрат и энергии. Нередко танцевальные вечера представляли настоящую угрозу здоровью, а иногда и жизни участвовавших в них дам и кавалеров. Помимо физической, танцующие испытывали еще большую эмоциональную нагрузку, поскольку на балу было необходимо безукоризненно выглядеть, контролировать каждое движение и слово и при этом казаться естественным, приветливым и веселым.

Первые петровские ассамблеи по своей сути имели огромное объединяющее значение: с их помощью Петр I стремился собрать вместе людей разного социального статуса, выполняющих одну важную миссию — строительство нового Российского государства. Женщины, богатые купцы, представители инженерной и мастеровой элиты получили право на общение с аристократией. Подобные собрания превратились в новую форму общения, успешно конкурирующую с архаичной системой общения разных социальных слоев допетровской Руси.

После смерти Петра I ассамблеи претерпели сильные изменения: аристократия изгнала из собраний представителей мастерового люда, купечества, менее знатных дворян, и танцевальный вечер стал инструментом социальной стратификации, что способствовало самоидентификации личности. Танцевальные вечера стали объединять представителей одной социальной прослойки, способствуя формированию сословной корпоративности. В итоге ассамблеи разделились на классические дворянские балы со строго регламентированной программой для участников и танцевальные вечера средних слоев общества.

Однако по-прежнему сохранялись места, где представители различных социальных групп могли встречаться друг с другом (увеселительные парки, публичные балы, маскарады). Кроме того, на протяжении всей истории русских танцевальных собраний поддерживалась традиция проведения больших публичных придворных балов и маскарадов, где могли присутствовать разные сословия. Подобные вечера были призваны объединить на время представителей разных социальных групп и преодолеть характерное для этой эпохи социальное размежевание и противопоставление сословий, позволяли всем присутствовавшим ощутить себя подданными одного императора, гражданами одной страны.

После смерти Петра I созданная им иерархическая система утратила гибкость, что привело к усилению социального размежевания.

С 30–40-х гг. XVIII в. в Петербурге, а затем и в других городах страны стали проводиться платные танцевальные вечера, организуемые представителями различных социальных слоев в помещениях, снятых в аренду с разрешения полиции, с благотворительной или развлекательной целью. На таких социальных собраниях сильно ощущалась стратификация общества: каждый из балов имел свой сословный контингент — один предназначался для чиновников или офицеров, на другом собирались купцы и т. д. Подобные балы и танцевальные вечера предоставляли участникам возможность ощутить себя человеком определенного круга среди своих. Умышленная демонстрация внутрисословных различий на таких танцевальных вечерах запрещалась.

Позже на их основе стали появляться общественные клубы, в которых продолжали проводиться танцевальные вечера. Объединение в клубы могло происходить по сословному, профессиональному, религиозному признаку.

И конечно, танцевальный вечер рассматривался как «ярмарка невест». Традиционно городом, куда на зиму съезжались провинциалы со всей России, с целью представить своих дочерей на выданье, была Москва, где происходили знакомства и устраивались судьбы виднейших династий России. Из Петербурга в Москву приезжали женихи в поиске достойной невесты [5, с. 43–54]. Московские балы зимнего сезона были главными балами дебютанток, но и в других городах России танцевальные собрания выполняли схожую роль брачной конторы.

Таким образом, бал не был ограничен проявлением активности только высших слоев светского общества и консолидировал представителей различных сословий

в совместном проведении досуга. Танцевальный вечер был местом самоидентификации и — одновременно — социализации, где родители могли подыскать хорошую партию своим детям, обсудить политическую ситуацию или наладить деловые контакты, объединить людей общими интересами.

Композиция бала. И все-таки главным организующим стержнем бала были танцы. В зависимости от темпа и характера исполнения каждый танец имел свое место в его стройной композиции. Традиционно бал открывался строгим и торжественным полонезом, затем следовали кадрили, романтический вальс, мазурка и полька, а завершался котильоном.

Программа танцевального вечера значительно варьировалась в зависимости от места проведения бала. На придворных балах обычно танцевали только четыре танца: полонез, вальс, французскую кадрили и мазурку. Эти балы, как и большинство общественных танцевальных вечеров, обычно открывались полонезом. Представители царской фамилии, кроме «императорского» полонеза, танцевали преимущественно кадрили и вальсы, значительно реже мазурку и котильон.

На обычных балах и небольших танцевальных вечерах программа была более разнообразна, а бальное поведение менее регламентировано. Как правило, эти балы начинались вальсом, который открывал хозяин дома в паре с супругой или дочерью.

В целом, начиная с петровских времен до начала XX в. бал претерпел значительные изменения: от официального церемониала — к игре, причем каждая фаза этой эволюции была знаковой и несла определенный смысл.

Эволюция бала. Одной из основополагающих традиций русской допетровской культуры, запрещенной Петром I, были танцы в рамках светского общения. При дворе русских царей проводились собрания, на которых можно было встретить иностранных танцоров, музыкантов или скоморохов. Но сами цари или их окружение были связаны этикетом и выступали в роли зрителей, редко сами принимали участие в танцах. Смутное время и последующие политические и социальные процессы в обществе не позволили укорениться этому нововведению в России, и после свержения Лжедмитрия I танцевальные собрания были забыты на сто лет.

Вновь танцевальные собрания появляются в России уже в переломное время петровских реформ. Совершив известные преобразования, Петр I не только изменил саму страну, но и попытался создать новую нацию европейского формата. Как результат, иноземная бальная культура становится неотъемлемым элементом обновляющегося образа жизни, а танец получает «официальную прописку» на светских собраниях России.

Интересно, что специальные ассамблеи (для духовенства) были предусмотрены даже в московских монастырях. Например, 29 декабря 1723 г. была проведена первая ассамблея Донского монастыря, на которой присутствовали президент Синода архиепископ новгородский Феодосий, архиепископ Крутицкий Леонид, архиепископы московских монастырей, а также синодальные чиновники [8, с. 139].

Переноса ассамблеи в начале XVIII в. на русскую почву, Петр I преследовал цель консолидации общества, формирования новой традиции и приобщения максимального количества людей к достижениям европейской цивилизации. Именно поэтому посещение ассамблей было обязательно для представителей разных социальных слоев. Однако здесь не забывали и более древние традиции: на светских собраниях было принято исполнять русские народные танцы, что поощрялось организаторами ассамблей и превратилось со временем в яркую отличительную черту русских светских собраний.

При Елизавете Петровне сосуществование двух культурных традиций — древнерусской и западноевропейской — приобрело еще более смешанные формы. Русская пляска прочно укоренилась на придворных балах. Елизавета, хорошо знакомая и с европейской школой салонного танца, и с элементами русской народной танцевальной культуры, внесла огромный вклад в создание «окультуренного» стиля русского танца, сочетая самобытные черты русской пляски с профессионализмом, эlegantностью их исполнения. В результате была выработана новая модель поведения, когда с придворного маскарада участники шли в церковь, а оттуда — на народное гуляние.

В конце XIX в. начинают организовывать костюмированные балы, участники которых облачались в старинные русские наряды, танцевали русские народные танцы, слушали народные песни. Это, разумеется, превращало бал в своеобразную форму маскарада.

Следует отметить, что в бальной культуре русские маскарады занимают особое место. Как и ассамблеи, маскарады впервые появились в России в начале XVIII в., в эпоху правления Петра I. Позже они сохранили популярность при дворе Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны. Постепенно они сменяются маскарадными балами, посещение и участие в которых были важными составляющими социальных взаимоотношений в обществе.

Примерно в это же время маскарады стали проводиться не только при дворе, они получили распространение и в провинции. Особого размаха культура русских маскарадов достигла в царствование Екатерины II. Вход на придворные балы в те времена был ограничен, и на них допускалась лишь высшая аристократия. На публичных маскарадах могли уже присутствовать представители не только дворянства, но и купечества. Тем не менее на придворных публичных маскарадах существовала дифференциация по сословному признаку: для дворян и купечества выделялись разные помещения. При дворе устраивались также «мещанские балы», на которых особые бальные костюмы заменялись светской одеждой. Таким образом, дворяне получали возможность сыграть новую для себя социальную роль — представителей другого сословия.

Со вступлением на престол Александра I, с начала XIX в., культура маскарадов снова расцветает. При Александре I публичные маскарады в Зимнем дворце традиционно открывались на 1 января и были известны огромным количеством участников. В годы правления Николая I традиция многолюдных маскарадов продолжается.

Одновременно формируются и особые заведения для их проведения. Например, в начале XIX в. наиболее популярными публичными увеселительными заведениями считались театральные маскарады Фельета [12, с. 150]. Со временем они были включены в состав публичных маскарадов, проводимых дирекцией императорских театров. Особое место в истории русских маскарадов занимали собрания в доме В. В. Энгельгардта. С 1830 г. на несколько лет маскарады «Энгельгардтова дома» стали самыми популярными в Петербурге [12, с. 150–151].

До 70–80-х гг. XIX в. на право организации публичных маскарадов в Петербурге имелись ограничения: преимущество отдавалось потомственной аристократии, вхожей в Дворянское собрание. Проводить публичные маскарады обществам и заведениям было запрещено, хотя на частные маскарады оно не распространялось. После реформ 1860-х гг. и в результате демократизации общественной жизни маскарады в России стали давать и различные благотворительные заведения. Кроме того, Дворянские собрания Петербурга и Москвы не раз предоставляли свои помещения для проведения благотворительных балов и маскарадов представителям купечества и иностранцам в пользу их

соотечественников, проживавших в столицах. Большой популярностью пользовались балы-маскарады французской колонии, проводимые в Москве и Петербурге.

Постепенно стремление участвовать в балах, проводившихся с большим размахом, начинает снижаться в обществе, но сам интерес к танцам возрастает. Широкое распространение получают танцклассы — танцевальные залы, в которых танцмейстеры не только обучали основам бальных танцев, но и устраивали собственные публичные вечера.

Частичной компенсацией разрушения культуры балов стал рост числа ресторанов, перенявших часть функций танцевальных собраний и получивших большую популярность на рубеже XIX–XX вв. Если в первой половине XIX в. заведения с музыкой и танцами посещали преимущественно представители недворянских сословий и подобные заведения нередко имели плохую репутацию, то со второй половины XIX в. многие рестораны начинают совмещать в себе функции места питания и театра. В некоторых ресторанах выступают артисты, посмотреть выступления которых специально приезжают представители разных слоев общества. Рестораны конца XIX в. частично заменили балы: здесь можно было не только поесть и посмотреть выступление артистов, но и, как на балу, потанцевать.

К началу XX в. придворные балы проводились все реже. Последним балом в Зимнем дворце был многотысячный костюмированный бал-маскарад 1903 г. [1, с. 106–115], после которого традиция проведения больших придворных рождественских балов была нарушена: вместо них стали устраивать музыкальные концерты. Последним бальным сезоном в Российской империи был зимний сезон 1914 г.

Однако история танцевальных собраний на этом не закончилась. Балы и танцевальные вечера уже стали неотъемлемой частью общественной жизни страны, поэтому их вновь начинают проводить уже в конце 1917 г. На смену дворянской культуре пришла новая, «социалистическая», частично ассимилировавшая отдельные ценностные элементы старой культуры. В результате подобного слияния появились «демократические балы».

В первые годы становления советской власти созидание нового общественного строя требовало коренных изменений во всех сферах жизни, в том числе и в культуре танцев. Широко обсуждался вопрос о вреде дореволюционных традиций. Бальные танцы были провозглашены мещанскими, с выраженным сексуальным уклоном, и не соответствующими новой культурной политике. Танцам противопоставлялся механицизм в виде живых пирамид и спортивных парадов.

Место танцевальных вечеров в сфере досуга резко сокращалось в связи с появлением альтернативы: ростом числа музеев и выставок, развитием театра и кинематографа. Танцевальные вечера по-прежнему продолжали сохранять многие функции классических балов: здесь по-прежнему развлекались, знакомились, общались, но бал, как универсальная и безальтернативная среда, утратил свою роль. Изменялся и характер самих танцев: уменьшившиеся размеры танцевальных помещений и увеличение числа участников привели к тому, что сложный рисунок многих бальных танцев стал упрощаться. Одновременно с этим происходил процесс профессионализации бальной хореографии, делавшей ее сложной и недоступной для обычного человека.

Следует отметить, что в других странах продолжала существовать традиция проведения балов в высших кругах, обычно организуемых с благотворительной целью и посвященных различным памятным событиям. Потомки русской аристократии в эми-

грации имеют опыт удачного сохранения и переноса традиций бала в организуемые ими современные аналоги дворянских собраний. Большое распространение получили также балы дебютанток, главная функция которых заключалась в представлении юных аристократок обществу. Коммуникативная функция на подобных собраниях являлась главной, внимание к танцам, наоборот, отступало на второй план.

В Советском Союзе сама идея проведения подобных балов представлялась невозможной, однако даже здесь культура балов давала о себе знать: выпускные школьные танцевальные вечера неизменно назывались «балами» выпускников, а обязательным элементом их программы был школьный вальс.

В настоящее время предпринимаются активные попытки возродить культуру балов. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и других городах страны все чаще проводятся балы предпринимателей, художественной интеллигенции, потомков дворянских родов. Определенные функции балов в настоящее время выполняют домашние праздники, дискотеки и презентации, «потомки» частных, публичных и придворных балов. На домашних праздниках сохраняются все основные функции частных балов: общение, флирт, карьера, эстетика, обычно сопровождаемые танцами. Дискотеки представляют собой видоизмененные публичные балы, отличительной чертой которых является то, что у них доминирует релаксационная функция, практически отсутствовавшая на традиционных балах. Презентации напоминают придворные балы, с атрофией танцевального элемента, и часто сводятся к реконструкции самого этикета взаимодействия участников. Здесь присутствует и игра, и карнавализация, так как появление на презентации в вечерних платьях и смокингах, свойственное европейскому этикету, но не получившее распространения в русской культуре XX в., напоминает традицию костюмированных балов. Основной же функцией презентаций (о чем говорит само название мероприятия) является представление определенному кругу высокопоставленных лиц, создание атмосферы корпоративности, закрытости мероприятия.

Организуются также исторические балы-маскарады, на которых участники исполняют старинные танцы разных эпох, обычно в исторических костюмах. В Российской Федерации и за ее пределами действуют многочисленные студии и международные ассоциации исторического и традиционного танца, клубы и исторические общества реконструкции для россиян и соотечественников за рубежом. Достаточно активно проявляют себя в организации бальных и танцевальных вечеров энтузиасты-спонсоры из числа индивидуальных предпринимателей. Лидерами продолжают оставаться Москва и Санкт-Петербург. Ежегодно организуется Венский бал в Москве (интересное продолжение в сохранении бала как выставки богатых невест).

В рамках поддержки идеи русской национальной самоидентификации организуются клубы и исторические общества, в том числе по инициативе РПЦ, где бальный танец является неизменным проявлением социальной и культурной активности.

Таким образом, если в XVIII–XIX вв. бал являлся социальным феноменом, которому был подчинен весь образ жизни человека (особенно у представителей дворянства), то в настоящее время происходит возрождение бальной культуры, что находит проявление в организации не только официальных мероприятий, сопровождающихся танцами, но и культурного досуга в студенческой среде (целый ряд университетов и учебных заведений в последнее время стремится проводить подобные мероприятия). Активно действуют студенческие школы и общества исторического бального танца. Традиция танцевальных вечеров в современной России продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Альбом костюмированного бала в Зимнем дворце, 1904 г.: в 2 т. М.: Издат. фонд «Русские витязи», 2003. 590 с.
- 2 *Гавликовский Н. Л.* Руководство для изучения танцев. 4-е изд. СПб.: Лань, Планета музыки, 2010. 256 с.
- 3 *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М.: Орбита: Моск. фил., 1990. 731 с.
- 4 *Еремينا М. Ю.* Роман с танцем. СПб.: Танец, ТФ «Созвездие», 1988. 252 с.
- 5 *Загоскин М. Н.* Москва и москвичи. М.: Московский рабочий, 1988. 622 с.
- 6 *Захарова О. Ю.* История балов императорской России. Увлекательное путешествие. М.: Центрполиграф, 2016. 512 с.
- 7 *Колесникова А. В.* Бал в истории русской культуры. СПб.: Нестор, 1999. 24 с.
- 8 *Комиссаренко С. С.* Культурные традиции русского общества: учеб. пособие для студентов вузов культуры и искусства. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2003. 300 с.
- 9 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПБ, 2008. 412 с.
- 10 *Петрова М. Ю.* Петербургский новейший самоучитель всех общественных танцев: Искусство в самое корот. время выучиться всем обществ., т. е. бал. и характер. или костюмир. танцам, без помощи учителя. 2-е изд. СПб.: Типо-лит. Дома призрения малолетних бедных, 1883. 159 с.
- 11 *Пушкин А. С.* Сочинения: в 11 т. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1840. Т. 10. 308 с.
- 12 *Танеев С. И.* Маскарады в столицах. Русский архив. М.: Унив. тип. М. Каткова, 1885. Кн. 3. Вып. 9. С. 148–153.
- 13 *Толстой Л. Н.* Война и мир. Т. 2 // *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5. С. 7–388.
- 14 *Тургенев И. С.* Избранные произведения. Киев: Дніпро, 1975. 398 с.
- 15 *Хренов Н. А.* Мифология досуга. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1998. 448 с.
- 16 *Целлариус Г.* Руководство к изучению новейших бальных танцев. СПб.: Тип. В. Полякова, 1848. 113 с.
- 17 *Шухмин Х.* Бальные и балетные танцы: Практ. самоучитель: Танцы всех наций и веков. М.: Тип. Ф. И. Филатова, 1913. 126 с.

© 2022. **Natalia S. Usanova**
Moscow, Russia

© 2022. **Marina L. Arkhipova**
Moscow, Russia

**PRAGMATICS OF THE BALL IN RUSSIA IN A DIACHRONIC ASPECT:
FROM ORIGINS TO MODERNITY**

Abstract: The paper aims to explore the ballroom culture, namely the Russian ball as an example of a social phenomenon. The study applies a comprehensive approach to the dance evening (ball) and systematizes the changes in its functions throughout the entire period of its development. The authors note that the dynamics of changes may be traced from the moment the ball assemblies of the 18th century were introduced until the

end of its active development at the beginning of the 20th century. The case study draws upon literary works, available documentary and archival materials, displaying specifics of the Russian ball. The authors of the research highlight the complexity, variability and inconsistency of the ball's structure and come to conclusions about the great importance of the Russian ball for the life of the Russian society of the period under study, changes in etiquette as manifestations of historical stages and turning points in the development of society. The paper dwells upon describing the relationship, interaction and place of the participants in the dance evening. At the end of the article, the potential possibilities of using the traditions of the Russian ball in relation to the modern society of Russia are evaluated.

Keywords: Ball, dance evening, masquerade, etiquette, ball culture, performing, small talk, dance meetings, traditions, assemblies, social phenomenon.

Information about the authors:

Natalia S. Usanova — Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky Pr., 6, 129227 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4220-5058>

E-mail: naf069@mail.ru

Marina L. Arkhipova — PhD in Psychology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky Pr., 6, 129227 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8060-3295>

Received: October 21, 2021

Approved after reviewing: February 15, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Usanova N. S., Arkhipova M. L. Pragmatics of the Ball in Russia in a Diachronic Aspect: from Origins to Modernity. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 71–82. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-71-82>

REFERENCES

- 1 *Al'bom kostiumirovannogo bala v Zimnem dvortse, 1904 g.: v 2 t.* [Album of the Costume Ball in the Winter Palace, 1903: in 2 Vols.]. Moscow, Russkie vitiazii Publ., 2003. 590 p. (In Russian)
- 2 Gavlikovskii N. L. *Rukovodstvo dlia izucheniia tantsev* [A Guide for Studying Dance]. 4nd ed. St. Petersburg, Lan', Planeta muzyki Publ., 2010. 256 p. (In Russian)
- 3 Golitsyn S. M. *Zapiski utselevshego* [Notes of the Survivor]. Moscow, Orbita: Moskovskii filial Publ., 1990. 731 p. (In Russian)
- 4 Eremina M. Iu. *Roman s tantsem* [Love Affair with Dance]. St. Petersburg, Tanets, TF "Sozvezdie" Publ., 1988. 252 p. (In Russian)
- 5 Zagoskin M. N. *Moskva i moskvichi* [Moscow and Muscovites]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1988. 622 p. (In Russian)
- 6 Zakharova O. Iu. *Istoriia balov imperatorskoi Rossii. Uvlekatel'noe puteshestvie* [History of Balls of Imperial Russia. A Fascinating Journey]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 512 p. (In Russian)
- 7 Kolesnikova A. V. *Bal v istorii russkoi kul'tury* [Ball in the History of Russian Culture]. St. Petersburg, Nestor Publ., 1999. 24 p. (In Russian)

- 8 Komissarenko S. S. *Kul'turnye traditsii russkogo obshchestva: uchebnoe posobie dlia studentov vuzov kul'tury i iskusstva* [Cultural Traditions of the Russian Society: Textbook for Students of Arts and Culture Universities]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGUP Publ., 2003. 300 p. (In Russian)
- 9 Lotman Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture* [Conversations about Russian Culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2008. 412 p. (In Russian)
- 10 Petrova M. Iu. *Peterburgskii noveishii samouchitel' vsekh obshchestvennykh tantsev: Iskusstvo v samoe korotkoe vremia vyuchit'sia vsem obshchestvennym, to est' bal'nyim i kharakternym ili kostiumirovannym tantsam, bez pomoshchi uchitelia* [The Newest Petersburg Self-Help Manual of all Public Dances: the Art of Learning in the Shortest Possible Time of all Public, that is, Ballroom and Characteristic or Costumed Dances, without the Help of a Teacher]. 2nd ed. St. Petersburg, Tipografiiia Doma prizreniia maloletnikh bednykh Publ., 1883. 159 p. (In Russian)
- 11 Pushkin A. S. *Sochineniia: v 11 t.* [Works: in 11 Vols.]. St. Petersburg, Tipografiiia I. Glazunova Publ., 1840. Vol. 10. 308 p. (In Russian)
- 12 Taneev S. I. *Maskarady v stolitsakh. Russkii arkhiv* [Masquerades in the Capitals. Russian Archive]. Moscow, Universitetskaia tipografiiia M. Katkova Publ., 1885, book 3, vol. 9, pp. 148–153. (In Russian)
- 13 Tolstoi L. N. *Voina i mir. T. 2.* [War and Peace. Vol. 2]. In: Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, vol. 5, pp. 7–388. (In Russian)
- 14 Turgenev I. S. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Novels]. Kiev, Dnipro Publ., 1975. 398 p. (In Russian)
- 15 Khrenov H. A. *Mifologiiia dosuga* [Mythology of Leisure]. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora Publ., 1998. 448 p. (In Russian)
- 16 Tsellarius G. *Rukovodstvo k izucheniiu noveishikh bal'nykh tantsev* [Guide to the Study of the Latest Ballroom Dances]. St. Petersburg, Tipografiiia V. Poliakova Publ., 1848. 113 p. (In Russian)
- 17 Shukhmin X. *Bal'nye i baletnye tantsy: Prakt. samouchitel': Tantsy vsekh natsii i vekov* [Ballroom and Ballet Dances. Practical Tutorial: Dances of all Nations and Centuries]. Moscow, Tipografiiia F. I. Filatova Publ., 1913. 126 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-83-114>

УДК 008

ББК 71+63.5

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. М. Мосолова
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. А. В. Бондарев
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. А. В. Зыкин
г. Санкт-Петербург, Россия

«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ» КАК КОНСТРУИРУЮЩИЙ КОНЦЕПТ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДИСКУРСЫ

Аннотация: В статье представлен опыт проблематизации понятия «*малочисленные коренные народы*», анализируется весь спектр сложившихся в современной науке интерпретаций терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также ставится вопрос о характере и целях использования этих понятий в различных научных дискурсах и социально-политических практиках. Актуальность такой постановки проблемы связана с тем, что от адекватной или неадекватной интерпретации и правового применения этого термина в значительной мере зависит реальное существование малочисленных народов, направление их ментальных ориентаций, степень и способы защищенности этнокультурной самобытности, явные и скрытые возможности использования этих этносов как акторов в тех или иных политических и экономических целях. Цель предлагаемого исследования — проанализировать эвристический статус и практико-ориентированную функцию терминов «малочисленные» и «коренные» народы как научных категорий и конструирующих социально-политическую реальность концептов. Примененные в работе методы историографического, терминологического, концептографического и компаративного анализа, логико-аналитические процедуры проблематизации и тематизации терминов «малочисленные» и «коренные» народы, историко-правовой и историко-типологический методы на конкретном историческом материале позволили показать перманентность миграций народов в разные регионы мира с их последующим укоренением на новой территории и взаимодействием с ранее пришедшими туда народами, выявить целый ряд противоречий в интерпретации вопроса о том, кого следует считать коренными этносами на той или иной территории. Проанализированный массив данных свидетельствует о явной *неоднозначности* и *релятивности* индигенных представлений об исконности местообитания этносов. Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод

о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории, зачастую он связан с *мифоконструированием* национальных историй. Его использование как инструмента научного познания и навигатора социально-политических или национальных ориентаций не является эвристически перспективным. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтогенный потенциал и может выступить опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны. Материалы и выводы статьи представляют практическую значимость для защиты адекватных ценностно-смысловых ориентиров малочисленных народов, уточнения научной и правовой терминологии в области межэтнических взаимоотношений, повышению эффективности этнокультурологической, этнополитологической и этносоциологической экспертизы.

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнокультурная самобытность, автохтонность, малочисленные народы, «исконная территория», мифоконструирование.

Информация об авторах:

Любовь Михайловна Мосолова — доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Набережная р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5752-3142>

E-mail: mosolova@mail.ru

Алексей Владимирович Бондарев — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Набережная р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9272-2160>

E-mail: aleksej-bondarev@yandex.ru

Алексей Владимирович Зыкин — доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, 196601 г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>

E-mail: zykinalex@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.04.2021

Дата одобрения рецензентами: 17.05.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Мосолова Л. М., Бондарев А. В., Зыкин А. В. «Коренные народы» как конструирующий концепт: проблематизация, интерпретации и дискурсы // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 83–114.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-83-114>

Введение. Слова имеют значение, особенно когда они относятся к целым народам и начинают исподволь подавать повод к тем или иным претензиям и склокам. В этно- и социолингвистике, лингвокультурологии, культурно-исторической и этнической психологии многими исследователями уже неоднократно отмечалось, что использование слов как понятий способно определять наше восприятие настоящего, изме-

нять представление о прошлом, задавать ориентиры в будущее. Иначе говоря, слова как понятия или концепты обладают способностью детерминировать само *восприятие пространственно-временного континуума*, формируя наши представления о самих себе и ментальную картину мира в целом (Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Николай Марр, Эмиль Бенвенист, Райнхарт Козеллек, Квентин Скиннер, Джордж Лакофф, Пьер Бурдьё, Алейда Ассман, Юрий Степанов и др.). В этой связи Александр Бикбов очень верно подчеркивает: «Внимание к понятиям оправданно не только ради ретроспективной регистрации их роли в настоящем и освобождения от груза прошлого. Не менее важна их проективная потенция, т. е. способность понятий создавать будущее, доопределяя реальность в форме институтов» [2, с. 10]. Слова, научные термины, философские категории, различные наименования как бы задают *концептуально-понятийную сетку* восприятия, описания, оценивания и осмысления всей окружающей нас действительности. Именно эта сетка служит своего рода навигатором нашего сознания, выстраивая ментальные ориентиры, мотивирует, программирует и зачастую выступает «руководством к действию». Ситуация усложняется еще и тем, что любое слово, термин или понятие нагружены, как правило, большим или меньшим спектром значений, имеют некие коннотации, актуализирующиеся в тех или иных социокультурных контекстах. Весь вопрос в том, *кто и в каком направлении* трактует и интерпретирует эти значения, задает их «идейно-смысловой аттрактор», «понятийно-силовой вектор», переходя от «слов» к «действиям».

Материалы и методы. Одним из таких сложных и неоднозначных понятий в современном научном, обыденном, нормативно-правовом и общественно-политическом лексиконе выступает термин «коренные народы» («indigenous peoples»). Многими специалистами уже неоднократно высказывались различные сомнения по поводу его смысловой адекватности, исторической справедливости и политико-правовой релевантности [1; 6; 22; 24; 26; 27; 29; 30; 35–48; 50; 51]. Тем не менее термин «коренные народы» и связанные с ним словосочетания получили самое широкое хождение в международно-правовом лексиконе, документах ООН, средствах массовой информации, как-то незаметно проникли в научную терминологию, хотя серьезные ученые всегда и сопровождали использование этого как бы навязанного им извне термина множественством оговорок и уточнений. Его толкование в значительной мере зависит от исторической архитектуры существования этносов на разных континентах, от их присутствия в различных общественных системах, а также от их социально-культурной типологии и других детерминаций. Между тем от адекватности его понимания или непонимания зависит реальное существование конкретных народов, развитие их культуры жизнеобеспечения и ментальных ориентаций, а также их взаимоотношения с соседями, роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами.

Наше исследование будет посвящено изучению феномена малочисленных коренных народов мира, анализу различных интерпретаций самих терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также целям и характеру использования этих терминов в современных социальных практиках. Цель предлагаемой работы — проанализировать эвристический статус и практико-ориентированную функцию терминов «малочисленные» и «коренные» народы как научных категорий и конструирующих социально-политическую реальность концептов. Для достижения поставленной цели попытаемся ответить на следующие вопросы: можно ли считать народы планеты, именуемые «малочисленными и коренными», действительно *коренными* (т. е. укорененными на занимае-

мой ими территории); являются ли термины «малочисленный» и «коренной» научными категориями, адекватно отражающими соответствующую сложную этнокультурную реальность; насколько корректно эти термины используются в современных исследованиях межэтнических отношений, правовых документах, общественном и политическом пространстве. Для изучения обозначенного круга вопросов в работе были применены методы историографического, терминологического, концептографического и компаративного анализа существующих нормативно-правовых источников и специализированной литературы, логико-аналитические процедуры проблематизации и тематизации терминов «малочисленные» и «коренные» народы, а также были задействованы историко-правовой и историко-типологический методы изучения этнокультурных реалий, стоящих за всей этой проблемной терминологией.

Источниковую базу исследования составляют международные договоры, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН, Совета по правам человека ООН, аналитическая документация Рабочей группы и Экспертного механизма по правам коренных народов ООН и других международных организаций, связанные с исследуемой проблематикой, а также национальные законодательства государств, прежде всего Российской Федерации.

Изучение проблемы коренных народов. Проблемы коренных народов особенно активно начали изучаться со второй половины XX в. Обсуждение все более широкого круга вопросов с каждым десятилетием приобретало все более возрастающий общественно-политический характер и международное значение. Рассмотрение самых разных проблем коренных народов получило отражение в политико-правовой, публицистической, художественной литературе, а также философской, научной и научно-просветительской литературе, сформировав особое и весьма обширное направление — *индигенные исследования* («Indigenous Studies» или «Indigenous Research»)¹. С конца

¹ Важное теоретическое и методологическое значение для изучения этнокультурных и социально-политических тенденций, характерных для коренных народов в современных условиях модернизации и глобализации, имеют работы таких ученых, как Гудмундур Альфредссон (Gudmundur Alfredsson), Арджун Аппадурай (Arjun Appadurai), Стивен Джеймс Анайя (Stephen James Anaya), Стивен Аллен (Stephen Allen), Найджел Бэнкс (Nigel Banks), Стефан Бергер (Stefan Berger), Эйвинд Равна (Eyvind Ravna), Ричард Боршей Ли (Richard Borshay Lee), Ян Браунли (Ian Brownlie), Джон Р. Боуэн (John R. Bowen), Джеймс Клиффорд (James Clifford), Мануэль Кастельс (Manuel Castells Oliván), Хосе Рикардо Мартинез-Кобо (José R. Martínez-Cobo), Эрика-Ирен А. Даес (Erica-Irene A. Daes), Меган Дэвис (Megan Davis), Свен Йентофт (Sven Jentoft), Генри Минде (Henry Minde), Рагнар Нильсен (Ragnar Nilsen), Дэвид Гренфельдт (David Groenfeldt), Херст Ханнум (Hurst Hannum), Джордж Хендерсон (George Henderson), Фрэнсин Хирш (Francine Hirsch), Бенгт Г. Карлссон (Bengt G. Karlsson), Бенедикт Кингсбери (Benedict Kingsbury), Арнольд Крупат (Arnold Krupat), Франческа Мерлан (Francesca Merlan), Синтия Прайс Коэн (Cynthia Price Cohen), Ари Коэн (Ari Kohen), Рональд Низен (Ronald Niezen), Луис Родригес Пинеро (Luis Rodriguez Pinero), Эльвира Пулитано (Elvira Pulitano), Эдди Синот (Eddie Synot), Юрий Слезкин (Yuri Slezkine), Ли Свепстон (Lee Swepston), Крис Теннант (Chris Tennant), Джереми Уолдрон (Jeremy Waldron) и многие др.

В российской науке теоретико-методологические, исторические, этнокультурные и конкретно-практические проблемы изучения коренных народов нашли отражение в исследованиях целого ряда ученых, представляющих самые разные дисциплинарные области и прикладные сферы деятельности: А. С. Автономов, К. Ю. Андреев, Л. В. Андриченко, М. М. Андрусова, Л. Е. Бандорин, Л. И. Бахтеева, М. В. Белозерова, И. Блищенко, В. И. Булатов, Л. Н. Васильева, Р. Ш. Гарипов, Д. Р. Гиляева, П. В. Гоголев, А. В. Головнев, С. Н. Горбунов, Я. А. Голобокова, А. П. Гудыма, Р. И. Донской, А. Б. Досакаев, Е. В. Жукова, В. П. Журавель, М. Ю. Задорин, Т. В. Заметина, Ж. Б. Иванова, Я. С. Иващенко, М. Д. Каракетов, З. И. Калугина, К. Б. Клоков, Н. П. Копцева, В. П. Кривоногов, Б. С. Крылов, Д. А. Кудряшова, М. С. Куропятник, О. Е. Кутафин, В. Г. Логинов, Б. А. Молчанов, М. Б. Напсо, М. Д. Напсо, В. Е. Натугев, И. В. Нечаева, Н. И. Новикова, Н. Н. Пименова, И. В. Понкин, Ю. В. Попков, М. В. Рагулина, В. В. Рубан,

1970-х гг. стали возникать специализированные периодические издания — журналы, вестники, альманахи, газеты и обзоры по проблемам коренных народов². В различных этнографических, антропологических, политологических, правоведческих и социологических академических журналах индигенная проблематика также зачастую становится предметом специальных публикаций³.

В мире за последние десятилетия уже создан целый ряд организаций и научно-исследовательских центров, занимающихся изучением, продвижением и защитой прав коренных народов: International Work Group for Indigenous Affairs (Международная рабочая группа по делам коренных народов), Center for World Indigenous Studies (Центр мировых исследований коренных народов), First Nations Development Institute (Институт развития коренных народов), Centre for Indigenous Studies, University of Toronto (Центр исследований коренных народов при Университете в Торонто) и многие др.

Наиболее авторитетная международная площадка для обсуждения всего спектра проблем коренных народов — Организация Объединенных Наций. В 1982 г. в структуре Организации Объединенных Наций была создана Рабочая группа по коренным народам (The Working Group on Indigenous Populations, WGIP), которая являлась главным вспомогательным органом Комиссии ООН по правам человека. Рабочая группа по коренным народам обладала мандатом на рассмотрение событий, касающихся поощрения и защиты прав человека и основных свобод коренных народов, а также изучение эволюции международных стандартов, касающихся прав коренных народов. В 2008 г. Рабочая группа по коренным народам была упразднена и заменена Экспертным механизмом по правам коренных народов (Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples). В настоящее время центральным координирующим органом Организации Объединенных Наций по вопросам, связанным с проблемами и правами коренных народов является Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов (United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues).

Р. Сенчин, С. В. Соболева, З. П. Соколова, С. В. Соколовский, Р. В. Суляндзига, П. В. Суляндзига, Б. А. Схатум, В. С. Тапилина, М. А. Тодышев, В. А. Тураев, Е. А. Тюгашев, Т.Я. Хабриева, С. Н. Харючи, Н. Н. Харючи, С. А. Хрущев, Е. В. Чиркин и многие др.

Современная ситуация в законодательстве о коренных малочисленных народах анализируется в публикациях таких российских специалистов, как А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, Л. В. Андриченко, Л. Е. Бандорин, Т. А. Брачун, И. Р. Зиганшин, А. В. Соловьев, А. Н. Пилясов, Р. Ш. Гарипов, М. А. Жуков, Е. В. Жуков, Н. И. Калинин, В. А. Кряжков, Д. А. Кудряшов, Н. В. Минченко, О. Н. Мурашко, А. Е. Постников, П. В. Суляндзига, Д. О. Сиваков, М. Ю. Тихомиров, А. А. Транин, Р. А. Тория, Н. А. Филиппова, С. Н. Харючи, Ю. Я. Якель и др.

² «The Indigenous World», «Journal of Indigenous Studies», «Journal of Indigenous Research», «First Nations Gazette», «AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples», «Journal of Indigenous Nations Studies», «ab-Original: Journal of Indigenous Studies and First Nations and First Peoples' Cultures», «American Indian Culture and Research Journal», «American Indian Quarterly», «Journal of American Indian Education», «Canadian Journal of Native Studies», «International Journal of Critical Indigenous Studies», «Ayaangwaamizin: The International Journal of Indigenous Philosophies», «Aboriginal Policy Studies», «International Indigenous Policy Journal», «Journal of Aboriginal Health», «Tribal College Journal», «Journal of Aboriginal Economic Development», «Indigenous Law Journal», «Native Studies Review, Australian Aboriginal Studies Journal», «Australian Indigenous Law Review», «Canadian Journal of Native Education», «Journal of Educational Research and Indigenous Studies» и др.

³ «Этнографическое обозрение», «Current Anthropology», «Ethnicities», «Journal of Ethnic and Migration Studies», «Journal of Anthropological Research», «Cultural Studies», «International Journal of Cultural Studies», «Journal of Ethnic and Cultural Studies», «Journal of Gender, Ethnic and Cross-Cultural Studies», «Harvard Human Rights Journal», «Cultural Survival Quarterly», «Human Rights Quarterly», «American Journal of International Law» и др.

Особый вклад в деятельность ООН по изучению и защите коренных народов мира принадлежит Эрике-Ирен А. Даес (Erica-Irene A. Daes, 1925–2017), профессору, доктору юридических наук (PhD) Афинского университета, видному специалисту по проблемам греческой диаспоры, авторитетного эксперта в области международного права и правам человека. В 1984–2002 гг. Эрика-Ирен А. Даес являлась Председателем и постоянным докладчиком Рабочей группы ООН по коренным народам, уделяя много внимания изучению коренных народов и их этнокультурному наследию. Эрика-Ирен А. Даес сыграла ключевую роль в провозглашении Международного года (1993) и десятилетия (1995–2004) Поощрения прав коренных народов. За 18 лет работы в качестве эксперта и председателя-докладчика Рабочей группы по коренным народам ООН Эрика-Ирен А. Даес подготовила целый ряд высокопрофессиональных аналитических исследований и многочисленных отчетов, которые весьма способствовали разработке и совершенствованию правовой аргументации в пользу прав коренных народов [31–34]. И, конечно, совершенно исключительная роль принадлежит Эрике-Ирен А. Даес в разработке проекта Декларации ООН о правах коренных народов. Ее роль в подготовке этого проекта столь велика, что даже и после принятия его на Генеральной Ассамблее ООН этот основополагающий документ часто называют «Декларация от Даес» или просто «Декларация Даес»⁴.

«Коренные народы»: от метафоры к термину. Слово ‘indigenous’ («коренные народы/население») можно найти в юридических документах уже первой половины XVI в., и, что особенно важно подчеркнуть, появляется оно *в связи с европейской колониальной экспансией в ходе великих географических открытий*. Одним из первых термин «indigenous» ввел в правовой лексикон Франсиско де Витория (Francisco de Vitoria; ок. 1486–1546)⁵, знаменитый богослов своего времени, последователь Фомы Аквинского, правовед-теоретик, значительно обогнавший свое время, мыслитель и гуманист, политический консультант императора Карла V Габсбурга, один из крупнейших представителей интеллектуального движения XVI–XVII вв. известного под названием «Саламанской школы» или «Второй схоластики» [25, p. 9–13].

В русскоязычном политическом, обыденном, научном и правовом лексиконе XVI–XX вв. в отношении внерусского населения Российского государства присутствовали такие понятия, как «*инородцы*» и «*туземцы*», — в них не вкладывалось

⁴ См.: Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes, 2002.

⁵ По мере осознания масштаба открывавшихся путешественниками территорий и обнаружения там многочисленного туземного населения, в самой Европе стали вспыхивать дискуссии: кому эти земли должны принадлежать и как относиться к аборигенам? Одно из документальных свидетельств такого рода полемики — юридические трактаты Франсиско де Витории «De Indis» и «De Jure belli Hispanorum in barbaros» (1532). В этих работах в связи с доктриной Terra Nullius им обсуждается законность притязаний и захвата европейскими державами земель в Новом Свете. Позиция Франсиско де Витории заключалась в том, что европейские державы не имели права присваивать себе земли в Америке, поскольку они уже были населены и находились под контролем индейцев, являющихся там «indigenous» («коренным народом», т. е. местным населением). Впоследствии во время вальядолидских дебатов 1550–1551 гг. об основах колониальной политики по отношению к аборигенам Нового Света эти взгляды де Витории отстаивал и развивал его последователь Бартоломе де лас Касас (Bartolomé de las Casas 1484–1566), прославившийся в веках благодаря самоотверженным протестам против зверств испанских колонизаторов в отношении коренного населения Нового Света, защите интересов угнетенных индейцев и восхищенному изучению их самобытных культур.

Рискнем предположить, что в архивах Папского Престола в Ватикане («Archivum Apostolicum Vaticanum», в том числе и «Archivum Secretum Vaticanum») можно также найти немало документов, в которых поднимается тема «indigenous».

никаких уничижающих коннотаций, что весьма характеризует именно отношение русских к окружающим народам. В царских указах также неоднократно звучал призыв не чинить «инородцам» никаких притеснений. Ныне эти слова считаются устаревшими и употребляются лишь изредка в определенных контекстах и ситуациях как своего рода архаизмы. В настоящее время в тех же целях, для описания тех же этнических реалий используются разные термины, имеющие в своей основе древнегреческое и латинское происхождение: «автохтонность», «аборигенность» и «индигенность» (на русском языке все эти термины употребляется преимущественно лишь в узкоспециальной научной литературе). Но что такое автохтонность, аборигенность, или индигенность? Эти слова хоть и являются в обыденной речи синонимами, однако далеко не во всех случаях и смыслах. В современном международном праве эти термины, к примеру в англоязычном пространстве или в испанском и французском языках, используются по-разному, с целым спектром значений и нюансами коннотаций (например, «indigenous», «aboriginal», «native» people, «First peoples», «First Nations», «Aboriginal peoples», «autochthonous peoples»). Когда же эти слова превращаются в юридические термины, то возникают различные законодательные нормы, влекущие за собой определенные права и обязанности, преимущества и возможности этих народов.

Чтобы понять, как это происходит, необходим сравнительный терминологический анализ, а также контекстуальная интерпретация и концептуальная проблематизация указанного понятия, объяснения сути различных трактовок его содержания. Это поможет понять, почему обычное слово становится феноменом превращений, требующим особого внимания и рефлексии в определенной исторической ситуации. Проблематизация истории формирования и использования понятий в ряде случаев рассматривается в широком плане как процесс смены картин мира, научных парадигм, которые сопровождают изменение типа культуры, в том числе и его повседневной, привычной сферы. Вместе с тем проблематизация того или иного феномена предполагает прежде всего необходимость такой процедуры, как тематизация. Под *тематизацией* со времен М. Мерло-Понти подразумеваются поиски смысла, определенных значений того или иного термина.

Обратимся к «кустам» первичных значений, смыслов слов «корень», «коренной», поскольку именно они являются той прочной основой, на которой держатся последующие исторические метаморфозы этих смыслов, а также содержательные определения, если слово становится научным понятием и занимает особое положение в системе знаний и социокультурных практиках. Прилагательное «коренной» в отношении к этносам стало использоваться в переносном, метафорическом смысле — *исконный, первичный, устойчивый и постоянный*. Речь шла о народах, существование которых на определенной территории «уходит корнями» в древность или Средневековье, которые прежде других «пустили корни», укоренились на той или иной территории нашей планеты.

Как выше уже отмечалось, в европейских языках есть эквиваленты термину «коренные народы». Во-первых, это слово «аборигены» (от лат. ab origine — «от начала»), которое обозначает «изначальных», «первых» обитателей (людей, животных, растений) какой-либо территории, континента или страны, находящимся там «от начала начал». Данный термин употребляется в отношении к исконным жителям Африки, Америки, Австралии, т. е. тех территорий, которые были открыты и населены европейцами лишь в Новое время.

Во-вторых, это термин «автохтонные народы» (от др.-греч. αὐτόχθων: αὐτός — «сам» + χθών — «земля»), который обозначает принадлежность по происхождению

к данной территории и применяется в отношении к населению, сложившемуся на данной земле. В античной Греции так называли первопоселенцев некой страны или ее древнейшее население. В этом смысле полным аналогом этого греческого по своему происхождению термина выступает русское слово «туземец» («ту(т)» + «земьць», т. е. «происходящий от здешней земли», «тутошный», местный). На волне полемики с миграционизмом и инвазионизмом в 20–30-е гг. XX в. этот термин широко использовался в рамках теорий автохтонности (в том числе у академика Н. Я. Марра). Теперь его применение редко выходит за пределы биологического лексикона (например, утконос — автохтон Австралии, а дикий картофель — автохтон Южной Америки).

В-третьих, это термин «индигенные народы» (от лат. «indigena»: префикс «indu-», «*endo-» — «в» и корень «-genus», «*gene-» — «рожденный от...», «врожденный», «унаследованный»), он обозначает «уроженцев» некой местности или территории, природных жителей своей страны, унаследовавших свой образ жизни и местообитание от предков.

Таким образом, аборигенность, автохтонность и индигенность не являются в строгом смысле синонимами, хотя их значения отчасти и пересекаются. Этимология термина «индигенность» прямо указывает на факт «урожденности» в своем племени, «врожденности» неких отличий, «унаследованности» своих самобытных качеств; происхождение термина «автохтонность» акцентирует наше внимание на факте *связи с землей*, почвой, на которой возник, сформировался тот или иной народ; а «аборигенность» этимологически увязана на «изначальность», «исконность» обитания на определенной территории [20, с. 320–321].

Международное обсуждение проблем «коренных народов» с конца XIX столетия осуществлялось в основном на европейских языках, главным образом английском, испанском, французском и немецком. Наименования «коренных народов» во французском языке — *autochtone, peuples autochtones, groupes ethniques autochtones* — имеют греческий корень. Аналогичные немецкоязычные термины — *Ursprung, Gebürtig, Eingeborene, Einheimische, Ureinwohner, Urbewohner Völker*. В обоих языках на уровне этимологии предполагается, что обозначаемая этими терминами группа первой прибыла на данную территорию и обжила ее. Английский и испанский языки имеют для этого термина общий латинский корень — «indigenae», это слово использовалось в античном Риме для различения тех, кто родился в данном месте, и тех, кто прибыл из других краев («advenaе», т. е. иммигранты). Тем самым корни всех этих терминов, используемых в современном международном праве, имеют семантически один общий концептуальный элемент — *темпоральный приоритет*, т. е. первенство заселения той или иной территории во времени [32, р. 4].

Что же такое «коренной народ» и «индигенность», как их определить? В своем капитальном «Исследовании проблемы дискриминации в отношении коренного населения» (E/CN.4/Sub.2/1986/7 и Add.1–4) специальный докладчик Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств ООН Х. Р. Мартинез-Кобо предложил весьма осторожную предварительную формулировку определения «коренного населения»: «Коренное население — это коренные общины, народы и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличными от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, раз-

вивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народов в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами» (E/CN.4/Sub.2/198 6/7/Add.4, издание ООН). В этом определении сочетаются *элемент отличия*, который характеризует как «коренные», так и «племенные» народы в соответствии со статьей 1 Конвенции № 107 МОТ, и *элемент колониализма*, который в Конвенции № 107 используется для разграничения «коренных» и «племенных» народов. Следует особо подчеркнуть, что Х. Р. Мартинез-Кобо придавал важное значение обеспечению *добровольной самобытности* коренных групп. Этот момент был отчасти учтен при пересмотре Международной организацией труда своей Конвенции № 107.

В современной российской науке — этнологии, этногеографии, истории, демографии, этносоциологии, этнополитологии, фольклористике, этнокультурологии и антропологии — для определения базовых характеристик ряда народов (этносов) Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации стали использоваться (чаще всего в соединении) два понятия — «малочисленные» и «коренные». В российском законодательстве существует особый термин — «коренные малочисленные народы» — и ряд законов, определяющих права этих народов. Понятие «коренные малочисленные народы» отражает именно российскую специфику: данный статус применяется в России только к наиболее социально уязвимой группе народов. Статья 69 Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». Однако являются ли эти оба слова научными понятиями, точно и емко выражающими общие черты столь разнообразной и вместе с тем специфической группы этносов, которую так обозначают?

С позиций философии *понятие* — это такой способ или форма мышления, в которой отражаются существенные связи и отношения предметов и явлений. Понятие выполняет функцию выделения, выявления общего, которое достигается посредством отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса. С логической точки зрения понятие — это мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. Существенно, что понятие имеет конвенциональную основу. Это то, о чем люди договорились, определяя смысл выражений, терминов. В академической среде особенно важно договариваться о том, как именно понимать технические, социальные и другие термины или как выводить новые. Подчеркнем, что у термина (от лат. *terminus* — граница, предел) значение определяется окончательно и не вызывает сомнений. Термины, понятия конструируются для того, чтобы иметь общий язык для обсуждения проблем бытия и познания. Научная практика (философская, филологическая, культурологическая и другие) неоднократно показывали, что не всегда можно договориться о понятиях.

В этом смысле выражение «малочисленные народы» или миноритарные этносы (от лат. *minor* — меньший) может рассматриваться в качестве вполне определенного понятия. Оно предельно точно обозначает тех, кого среди миллиардных, многомиллионных, многотысячных и других разнообразных народов (численность которых колеблется от ста тысяч до двухсот человек) следует считать «малочисленными». В законодательных актах и других правовых документах Российской Федерации есть

определения понятия — число менее 50 тыс. человек. В настоящее время на территории России их количество составляет 45 (совокупно 280 тыс. человек), проживающих во всех макрорегионах России (Дальнем Востоке, Сибири, Алтае, Северном Кавказе, Приуралье, Поволжье, Центральной России и Северо-Западе).

«Коренные народы»: многомерность проблематизации. Рассмотрим некоторые важнейшие, с нашей точки зрения, аспекты проблематизации понятия «коренные народы».

Эпистемологическая проблематизация: Проблематичным прежде всего является сам вопрос о научных критериях «укорененности». Чем «коренные» народы отличаются от всех прочих народов? Что это за свойство — «*быть коренным*»? Что подразумевается под «укорененностью»? Исконность проживания на данной территории? Первичность ее заселения? Какой этнос по отношению к какому нужно считать *коренным*? Кого следует считать *первичным* населением на той или иной конкретной территории, где сейчас живут народы, называемые «коренными»? Кроме того, непонятно, являются ли «коренными» только «малочисленные» народы или «укорененность» распространяется также и на «многочисленные» народы? Тогда какую численность и на каких основаниях следует считать объективным критерием для наделения статусом «коренного малочисленного народа»? Каково значение самоидентификации и самоопределения для обоснования представления народа как «коренного»? Может ли одно определение отразить все многообразие коренных народов различных районов мира? К эпистемологическому блоку проблематизации примыкает широкий и наиболее часто обсуждаемый в специальной литературе круг *терминологических спорных вопросов*: как соотносятся термины «народы» («этнотсы») и «коренные народы», «коренные народы» и «коренное население», «коренные народы» и «этнические меньшинства», «коренные народы» и «несамоуправляющиеся территории», «коренные народы» и «самобытные этнотсы»?

Географическая (пространственная) проблематизация: все народы Земли являются коренными народами нашей планеты, поэтому в каких пределах надо перемещаться, чтобы оставаться «коренным», а за этими границами оказаться «переселенцем»? Как измерять это перемещение — в метрах, километрах или тысячах километров? Что будет критерием того, что первопоселенцы действительно «пустили... корни» на данной территории и что эта земля стала «исконной» зоной их обитания? Какой должен быть масштаб перемещения, чтобы перестать быть на некой территории *коренным* и стать *мигрантом*?

Темпоральная (временная) проблематизация: согласно современным научным данным, все люди-представители вида *Homo Sapiens* произошли из северо-восточной Африки, а затем распространялись несколькими волнами по всему земному шару. Соответственно возникает вопрос: кого считать «исконными» и «коренными»? В какой момент появляются «коренные» народы в сравнении с «некоренными»? Следует ли считать «исконными» и «коренными» лишь только те аборигенные племена, которые впервые пришли на ту или иную прежде не заселенную человеком территорию? Доподлинно известно, что расселение людей относится к очень далеким временам, лишь острова Тихого океана и Антарктика оставались не заселенными человеком до начала новой эры. Но тогда как можно вычислить прямых потомков этих первобытных первопродходцев, да и есть ли они вообще? Может ли один и тот же этнос существовать тысячи, а то и десятки тысяч лет? Или, говоря о «коренных народах», имеются в виду уроженцы определенной местности, застигнутые на ней европейской колонизацией и зафиксиро-

ванные в исторических источниках? Либо существуют какие-то иные хронологические способы идентификации и обоснования статуса «укорененности»? Все это подводит нас к постановке такого проблемного вопроса: сколько времени нужно прожить на той или иной «исконной» территории, чтобы считаться «коренным народом»? Какую вообще дату, хронологический рубеж или исторический период (и на основании чего?) следует брать за точку отчета, чтобы рассматривать те или иные народы в качестве «коренных» и «исконно» населяющих данную местность?

Субъект-объектная проблематизация: кто должен считать данный народ «коренным» — сам этот народ, другие народы его воспринимать в качестве такого, либо органы власти в стране его проживания или некие международные надгосударственные институты, некие транснациональные корпорации, либо все вместе? Кроме того, насколько сцеплено представление о «коренном» статусе с самим человеком, конкретным представителем того или иного «коренного малочисленного народа»? В случае межэтнического брака утрачивает ли один из супругов свой статус представителя «коренного народа» (например, муж) или, наоборот, этот статус приобретает и второй член супружеской пары (например, жена), не являющейся уроженкой «коренного народа»? Или рассмотрим этот же вопрос персональной сцепленности «коренного» статуса в пространственном отношении: например, один из авторов данной статьи является урожденным представителем шорского этноса (тюркоязычного «коренного малочисленного народа» в юго-восточной части Западной Сибири), сейчас проживает и работает в Санкт-Петербурге, возникает вопрос: утрачен ли в таком случае его статус представителя «коренного народа»? И если да, то когда, как и на каком расстоянии от Горной Шории это «укорененное» качество было им утрачено? Или другой пример: тувинцы-тоджинцы в Тыве считают себя «коренными» жителями, а в Санкт-Петербурге или Москве они уже будут восприниматься как мигранты? Тогда как быть с русскими в Кызыле, столице Тывы: они там могут жить в качестве мигрантов или одного из коренных народов в своей собственной стране, России? Или же тувинцы будут рассматриваться в качестве мигрантов, лишь когда покинут пределы Российской Федерации и попадут, например, на Андаманские острова, в Австралию или Африку? Иными словами, в какой степени персонифицируется «укорененность» или же этот статус имеет отношение лишь исключительно к целому народу, пребывающему на своей «исконной земле» и сохраняющему традиционную культуру? Срачивается ли статус «коренного народа» с тем или иным его представителем, конкретной личностью, и человек с ним путешествует, оставаясь по всему миру коренным?

Функциональная проблематизация: для чего вообще нужен статус «коренного народа»? Если для преодоления исторической несправедливости колониализма, то в какой мере международное сообщество в состоянии это исправить, обеспечив коренным народам права, которые жизненно необходимы для сохранения их идентичности и содействия их экономическому, социальному и духовному развитию при признании их права на своеобразие и уважение к этому своеобразию?

Кто и в каких целях может статус «коренного народа» представлять, использовать, отстаивать и т. д.? Это должно быть выражение внутренних этнических потребностей «коренного народа»? Если да, то в каких формах? Кто имеет право говорить от имени коренного народа? В какой мере коренный народ могут представлять его национальные активисты и энтузиасты, те или иные национально-культурные ассоциации, этнические общины и т. д.? Или эти интересы должны выражать государства, где данные коренные народы проживают? Или права «коренных народов» представлять,

использовать и отстаивать неправительственные организации, транснациональные корпорации и т. д.?

Несмотря на то что в последнюю минуту в Декларацию о коренных народах ООН было добавлено положение о территориальной целостности и политическом единстве суверенных и независимых государств, не дает ли статус «коренного народа» правовую лазейку для запуска сепаратистских тенденций внутри суверенных государств и вмешательства третьих сил во внутренние дела того или иного государства, связанные с урегулированием реальных или мнимых проблем некоего «ущемленного» «коренного народа»? Насколько разрушительными для национальных государств может оказаться реализация прав коренных народов? В настоящее время «индигенный дискурс» бросает вызов национальным государствам сразу на двух уровнях: макроуровне — международных организаций коренных народов, основанных на транснациональной солидарности, и микроуровне — локальных этнических общин, землячеств, национально-культурных ассоциаций и сообществ этноактивистов и т. д. [11, с. 387–396; 12]. Имплантированные в российские законодательные документы и юридическую практику термины «коренной» и «малочисленный» народ зачастую принимаются авторами научных текстов и правовых документов без должного рефлексивного осмысления, хотя порой отмечается, что они не тождественны, часто противоположны по сути и используются нередко в спекулятивных и политических целях (см., например, работы А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, Р. Ш. Гарипова, П. В. Гоголева, С. Н. Горбунова, А. Б. Досакаева, М. Ю. Задорина, В. А. Кряжкова, Д. А. Кудряшова, М. С. Куропятник, В. П. Маркова, Н. В. Минченко, Н. А. Лопуленко, В. Л. Лютцера, А. А. Попова и др.).

Политико-правовая проблематизация: какие политические, социальные, экономические и юридические права и обязанности, выгоды и ограничения, возможности и преимущества подразумевает статус «коренного народа»? Какие народы законодательно получают статус коренных и есть ли для этого объективные и убедительные критерии? Какие политико-идеологические модели лежат в основании правового статуса коренных народов? И какие проблемы могут возникнуть при восстановлении в правах на территорию или распределении льгот коренным народам? Являются ли, например, русские «коренным» народом России? Или «коренные народы» лишь те, кто обитал здесь до возникновения России? Правомерно ли разграничивать этносы на «коренные» и «некоренные» между теми, кто живет в национальных республиках России и другими, обитающими в иных административных образованиях страны? Всю остроту проблемы коренных народов и их правового статуса придает именно «укоренение» людей на некоей территории, на которую они или их предки пришли «предпоследними» (известно ироничное «определение» коренных народов как «потомков предпоследних завоевателей»), сама примордиальная привязка народа к почве, заставляющая нас вспомнить И. Г. Гердера и его романтическое определение народа как «единства крови и почвы», дискредитированное идеологами нацизма. Как быть с теми коренными народами, у кого обманом или подкупом местных элит отняли право на родную землю?

Культурологическая проблематизация. Некоторые исследователи, в том числе Хосе Р. Мартинез-Кобо, полагают, что «коренной народ состоит из нынешних потомков народов, которые проживали на нынешней территории всей или части какой-либо страны в момент, когда на нее прибыли из других частей мира лица другой культуры и этнического происхождения, которые покорили их и поставили в зависимое положение путем завоевания, колонизации и других средств...» [ООН, документ E/CN.4/Sub.2/L/566 от 29.06.1972]. Следует ли из этого, что претенденту на статус «коренного

народа» необходимо быть слаборазвитым, кем-то завоеванным и угнетенным другим «доминирующим» этносом? Воспроизводят ли «коренные народы» только доиндустриальные типы общества и культуры, типы ментальности и художественной деятельности? Ряд исследователей считает, что «коренные народы» отличает «мы-сознание» принадлежности именно к этому типу народонаселения на Земле — от индейцев навахо в Северной Америке до чукчей на российском Севере, от лапландцев Скандинавии до бушменов Южной Африки и т. п. Является ли такое «мы-сознание» фундаментальным признаком общности малочисленных народов мира или любого этноса? И так, относится ли статус «коренного народа» лишь только к этносам, пребывающим на своей «исконной земле» и сохраняющим свою самобытную культуру, традиционный образ жизни и систему хозяйствования? Если да, то тогда на какой момент времени и в какой степени «аутентичности» следует оценивать «самобытность» культуры, «традиционность» образа жизни и системы хозяйствования, ведь культура любого народа меняется и вовсе не только из-за внешних влияний, связанных с колонизацией, научно-техническим прогрессом и т. д.

Культура тех народов, которых именуют «коренными», в каждом случае интересна и оригинальна. Их образ жизни, нравы и обычаи, систему жизнеобеспечения можно назвать традиционными, своеобразными, самобытными, но отнюдь не примитивными. Оговорить последнее необходимо, поскольку еще нередко бытует мнение о существовании народов, «одаренных» способностью воспринимать цивилизацию и лишенных этой способности, более культурных и менее культурных, высокоорганизованных и примитивных. Подобная сортировка народов не просто абсурдна, но и безнравственна, ибо за «примитивностью» той или иной культуры скрывается либо обывательская невежественность, либо этноцентрический снобизм.

Рассмотрение проблемы «коренных народов» в фокусе «историоскопа». Обратимся к некоторым историческим материалам для пояснения и примеров.

Мы не знаем, какие этнические предки современных народов первично жили в древнейший период истории на разных континентах нашей планеты. Ископаемые древние люди каменного века известны нам по скелетным остаткам и археологическим культурам (комплексам орудий, оружия, жилищ, одежды и др.). Считается, что первым населением Европы из рода Номо были палеоантропы — неандертальцы, время существования которых относится примерно к периоду от 200 до 35 тыс. лет назад. И никто не сможет сказать что-либо об их этнической принадлежности и какую этническую связь они имеют с современными народами. Ученые проследили наличие мощных переселений народов, их разновекторные миграции в последующие времена — в эпоху мезолита, неолита, в эпоху бронзы. Однако имена этих общностей нам неизвестны.

В период становления, расцвета и угасания древних цивилизаций (5 тыс. до н.э. — V в. н.э.) тоже происходил процесс активных миграций народов, формирование городов и государств, которые давно и внимательно изучаются в мировой науке. Однако вопросы, связанные с первичностью их появления и исконностью территорий, на которые они «сели» и стали эффективно развиваться, остаются невыясненными.

Например, хорошо изученные шумеры — коренастый, большеглазый, большеносый, очень сметливый народ, создавший в Междуречье Тигра и Евфрата великие города-государства Шумера, — пришли, как смутно упоминается в древних текстах, «со стороны сияния моря». Где же их «корень»? Для какой территории они были «коренным народом»? И кто может претендовать на роль этнических потомков этого «исконного народа»?

Древние индоарии, создавшие «Веды», во II тыс. до н.э. спустились через горные перевалы с северо-запада в «улыбающиеся», по выражению Дж. Неру, долины Инда и Ганга. Их прародиной являлось пространство от Волги до Урала, а их предками — степные светлокожие племена «андроновской общности», говорившие на одном из певучих индоевропейских языков, создавшие монументальные элитные некрополи — курганы, изобретшие боевые колесницы с упряжными лошадьми и замечательное бронзовое оружие (см., например, работы Е. Е. Кузьминой).

В Монголии в глубочайшей Таримской впадине пустыни Такла-Макан еще с начала XX в. стали обнаруживать глубоко под песком десятки городов, поселений, кладбищ, следов земледельческой цивилизации. Загадкой стало происхождение данного населения периода от VI тыс. до н.э. до I тыс. до н.э. Десятки прекрасно сохранившихся в сухих песках женских и мужских мумий отличались высоким ростом (1,8–2 м), светлыми и рыжими волосами, белизной тела и голубыми глазами. Откуда они пришли, куда и почему исчезли — неизвестно... Кто здесь был «коренным» — индоевропейцы или монголоиды — непонятно. Есть самые различные версии современных исследователей об их этнической принадлежности — к степной андроновской общности, к более поздним уйгурам, хуннам, тохарам и др. (см., например, работы А. Г. Каххарова, Р. С. Мирзаева и др.).

Арктические народы тоже мигрировали в разные времена. Следуя знаменитым реконструкциям североведа Ю. Б. Симченко, отметим, что в ситабах (этнических сказаниях) нганасан рассказывается о конфликте, возникшем при встрече двух потоков населения — монголоидов лесотундры — «Коротконосых Сыновей землянок», «державших короткие стрелы», и «Длинноносых», к которым относились «мирные люди с ушами до плеч». По мнению Ю. Б. Симченко, это были монголоидные этносы,двигающиеся вдоль побережья Северного Ледовитого океана, и европеоиды, идущие вслед за тающим ледником с юга по Русской равнине на северо-восток (см., например, работы Ю. Б. Симченко, Л. М. Алексеевой и др.).

Ряд народов, сегодня живущих на территории Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев, телеутов, тубаларов, кумандинцев и др.), называют «коренными». Однако задолго до них здесь обитали этносы огромного скифо-сакского горностепного ареала от «Дуная до восхода солнца». Известно массовое передвижение гуннов (хуннов) из Северного Китая в эпоху Великого переселения народов. Вместе с ними пришли авары, «пустившие корни» на Северном Кавказе, болгары и чуваша — на Волге, венгры — на Дунае и т. п.

Этноним «татары» впервые появился в VI в. среди монгольских племен, обитавших к юго-востоку от Байкала. В XIII–XIV вв. после монголо-татарских нашествий это название было распространено на некоторые народы, входившие в состав Золотой Орды. Казанские татары, сложившиеся к концу XIX в. в нацию, считают себя коренными в местах, где когда-то проживали волжские болгары.

Монголоязычные калмыки, ведущие свое происхождение от ойратов Джунгарии, часть которых в конце XVI в. переселилась в Нижнее Поволжье, тоже считаются коренным народом. В связи с этим правомерно ли относить русских, живущих, к примеру, в Сибири, к некоренному населению, если они «пустили корни» там около 400 лет назад, примерно тогда же, когда калмыки в Поволжье?

Современные исследования показали, насколько активно на разных этапах истории перемещались в пространствах Сибири и Дальнего Востока «коренные» народы, «идущие за оленем» и «ожидающие путину», и как они глубоко взаимодействовали

с другими этносами этого региона от тундры до Амура, перемешиваясь с ними, меняя адаптацию к природе, социуму, обогащая свой арсенал культурной устойчивости (см., например, работы Я. С. Иващенко). Где именно их корни?

На Американском континенте, в Австралии, Новой Зеландии, о. Тасмании имели место систематические крупномасштабные переселения европейцев, со специфической историей завоевания в XVI – начале XX вв., в результате чего были истреблены или частично вытеснены на другие территории многие местные народы, пустившие здесь корни еще в каменном веке (примерно 26–20 тыс. лет до н.э.). Переселившиеся в Австралию и живущие здесь более двух веков европеоиды ныне считают себя тоже укоренившимися.

В Африке, как и в Азии, не ко всем исконным этносам применяется выражение «коренные народы», а лишь к тем, которым угрожает опасность и которые не являются доминирующими. Это, например, народы сан (бушмены) в пустыне Калахари и мбати (пигмеи) во влажных тропических лесах Центральной Африки, традиционный образ жизни которых все больше подвергается отрицательным воздействиям со стороны поселенцев. Большинство африканских государств, в частности, тропическая экваториальная Африка, вообще существующей концепции коренных народов не признает, полагая, что все народы Африки являются коренными.

Согласно данным ООН, в мире насчитывается около 300–350 млн представителей так называемых «коренных» народов, проживающих в 72 странах. Примерно 70% из них приходится на государства Азии, в частности Индии, Ирана и Ирака. Вместе с тем многие ученые Азии, так же как и Африки, не приемлют сложившееся в западной доктрине определение понятия «коренной народ» и предлагают ограничить его применение в отношении к исконным народам Австралии и Америки [28, p. 13]. В частности, Бангладеш и Индия заявили, что не могут определить, кто является более коренным среди народов, населяющих эти страны [49, p. 696–710].

Пояснения и примеры сомнительности и несостоятельности использования выражения «коренные народы» в качестве научного понятия, определяющего специфику малочисленных народов, можно значительно дополнить. Однако и приведенных здесь примеров, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы осознать всю *относительность* термина «коренной народ». Это выражение, на наш взгляд, вообще не является понятием и тем более научной категорией (от греч. *katēgoria* — высказывание, признак) — наиболее общим и фундаментальным понятием, затрагивающим существенные свойства рассматриваемых народов, их отношения к природе, обществу, человеку, к другим социумам, к Богу, к самому себе.

Еще в 1996 г. Э. И. Даес подчеркивала, что за все годы аналитической работы в должности Председателя-докладчика Рабочей группы по коренным народам ООН ей так и не удалось обнаружить убедительной аргументации для разграничения «коренных» и «племенных» народов в практике или прецедентах Организации Объединенных Наций. Она также многократно высказывала сомнение в том, что вообще имеется какое-то особенное различие между «коренными» народами и «народами» в целом, помимо того, что группы, обычно определяемые как «коренные народы», не имели возможности осуществлять право на самоопределение путем участия в строительстве современного государства-нации. В итоге Э. И. Даес приходила к выводу: «Никому не удалось разработать определения “коренных народов”, которое было бы четким и внутренне действительным с философской точки зрения и при этом удовлетворяющим требованиям ограничения его регионального охвата или юридических послед-

ствий. Все прежние попытки достижения в одном определении и четкости, и ограниченности на деле привели к еще большей расплывчатости» [Daes, E/CN.4/Sub.2/АС.4/1996/2, р. 22]. Более того, сами представители «коренных народов» неоднократно представляли в ООН совместные обращения и резолюции по концепции и определению понятия «коренные народы», в которых они категорически отвергали любые попытки дать универсальную дефиницию понятию «коренные народы» [Daes, E/CN.4/Sub.2/АС.4/1997/2, р. 2].

Чем больше углубляешься в анализ, тем больше убеждаешься, что рассматриваемое понятие не только не является эвристически значимым в научном отношении, но и часто используется в масштабном социокультурном мифоконструировании, в политических и геополитических целях, в нагнетании межэтнических конфликтов, в разжигании национальной вражды и других подобных ситуациях. Это сомнительное понятие антиисторично и опасно для процесса сохранения мирного и устойчивого существования народов внутри государств и между ними. Оно вообще противоречит гуманистической идеологии самосохранения человечества. Нет ничего удивительного в том, что многодесятилетние целенаправленные попытки интеллектуальной элиты ООН и лучших ученых всего мира выработать универсальное и всеобъемлющее определение представлениям о «коренных народах» оказались безрезультатными, многочисленные дискуссии на эту тему окончились благоразумным отказом давать какую-либо дефиницию этому термину даже в тексте Декларации ООН о правах коренных народов. Это случай абсолютно экстраординарный во всей мировой юридической практике — принимать основополагающий международный документ, касающийся судеб сотен миллионов человек, без какого бы то ни было определения самого предмета его действия! Тем не менее это было мудрое и конструктивное решение, основанное на всем опыте Рабочей группы по коренным народам ООН, — не тратя время на тщетные поиски дефиниции некой мифической «укорененности» народов, заняться правовым обеспечением действенной и эффективной системы поддержки самих самобытных этносов, испытывающих различные трудности и нуждающихся в международной защите своих прав.

А теперь зададимся вопросом: почему же столь сомнительный и скользкий термин, как «коренной народ», так активно и упорно используется в описаниях особой статусной истории того или иного народа, в художественной и научной литературе, в официальных документах и практиках влияния на межэтнические процессы? Имеются веские основания предположить, что в значительной мере это связано с глобальным масштабом социокультурного мифоконструирования XX и начала XXI вв. Отсутствие надежных оснований в исторической идентичности, переживание экономических, политических и мировоззренческих кризисов порождают потребность в экспликации различных модусов мифологизации истории своей расы, этноса, особых личностей, в том числе в модусах своей извечной укорененности на данной земле, исконности своего права на ее обладание.

Наиболее последовательно идея функционально-инструментальной интерпретации мифа и ее использования в современной культуре представлена в трудах Мирче Элиаде. На материале изучения культуры традиционных обществ он показал, что фундаментальным действием в демонстрации тем или иным родом или племенем легитимности своего присутствия на освоенной территории и владения ею, было рассказывание мифов, что есть своеобразный возврат к своим корням, истокам, архетипам сознания, как бы к совершенству. Подобные версии и механизмы социального мифот-

ворчества существовали и в истории государств XX в., инспирируемые тоталитарными идеологиями и подпитывавшими национально-политическое мифоконструирование. Достаточно вспомнить мифомистическую идеологию нацизма с ее идеей превосходства нордической расы и ее правом господствовать над народами, а также кровавой реализацией этой идеи, стоившей жизни десятков миллионов людей.

Сегодня мы тоже все чаще сталкиваемся с историческим ревизионизмом, попытками пересмотреть оценки ключевых событий прошлого, подверстать их под сегодняшние конъюнктуры, тщеславные амбиции и задачи политиков. Мифологизация истории создается современными технологиями, суть которых сводится к целенаправленному воздействию на человека, чтобы сориентировать его сознание определенным, заранее спланированным образом. Во многом по причине высокой информатизации современного общества данные технологии позволяют моделировать ценностно-смысловую и поведенческую сферу человека максимально быстро и эффективно. Смысловая трактовка ключевых событий актуализирует и формирует эмоциональные реперные точки для массового сознания, рационализирует и легитимирует нужные политические и идеологические установки. Исторические мифы, в том числе и миф о «коренных» и «некоренных» народах, — это информационное обеспечение, оптимально заточенное под определенную политику...

В России особенно активно стало использоваться понятие «коренные» в отношении к малочисленным этносам лишь в эпоху перестройки в либеральной прессе. Хотя даже зарубежные специалисты признавали, что «в юридически строгом понимании этого термина коренных народов на территории СССР нет» (цит. по: [27, р. 375]). И это было совершенно верно, если исходить из того факта, что использование выражения «коренные народы» уместно лишь в контексте колониальных или постколониальных отношений, соответствующих дискурсов и специализированных исследований на эту печальную тему.

Лишь изредка в русскоязычной литературе встречалось словосочетание «коренное население». Так, например, его иногда употреблял академик Н. Я. Марр (1864–1934), разработавший свою особую теорию автохтонности: многократно происходящие в истории миграции неизбежно приводят к смешению пришельцев с прежними обитателями, потомки этих многовековых межэтнических наслоений как раз и являются к настоящему времени и на определенной территории «*коренным населением*», несущим в себе (в актуальной или латентной форме) все многослойное наследие этих культурных скрещений, таков генезис любой автохтонной культуры (см., например, «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси», «Суоми-карельские и сомех-картские языки», «Сухум и Туапсе» и другие его работы)⁶. После разгрома И. Сталиным марризма какое-либо развитие этих идей было осуждено и о термине «коренное население» в этом смысле вообще почти не вспоминали.

В советском послевоенном законодательстве вплоть до середины 1980-х гг. использовались словосочетания «народности Севера», или «малые народности Севера», и лишь затем они стали вытесняться фразой «малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока». Все эти термины соответственно переводились на английский язык, как

⁶ Вот одна из показательных цитат Н. Я. Марра, которая дает понять, что он подразумевал под «укорененностью»: «Корни или основы только появляющихся культурных явлений, как и созидающий их дух, находятся в среде именно своего времени, но связи этих основ могут увести нас далеко, очень далеко, дальше древнего и древнейшего цивилизованного мира, приведя нас к предисторическим и доисторическим временам, родоплеменные пласты и общественные творческие элементы которых, как и пережитки древних языков, все еще продолжают сохранять свою жизненную силу в массе народа» [13].

«minority peoples», «small-numbered peoples of the North», «small-numbered tribes of the North», «numerically small peoples of the North, Siberia and the Far East».

После разрушения СССР Россию и все остальные постсоветские национальные республики наводнили зарубежные специалисты по национальным и культурным вопросам, разного рода организации и миссионеры, которые активно занялись «просвещением» «коренных народов», — как впоследствии оказалось, в целях экономической выгоды и политической децентрализации, стимулируя распространение архаичных форм мировоззрения, подстрекая их к автономизации и межэтническим конфликтам [5, с. 43–47]. Само словосочетание «коренные народы» проникает в российскую официальную документацию лишь в 1992 г., легализуясь в президентских указах, подписанных Б. Ельциным⁷. С 1993 г., с принятием новой Конституции РФ, в юридическую практику вошло терминсочетание «*коренной малочисленный народ*», которое повторяется вместе с соответствующей формулой о разделении полномочий в текстах многих республиканских конституций — Адыгеи (ст. 54, п. 1), Бурятии (ст. 62), Коми (ст. 64, п. м), Мордовии (ст. 62, п. м), Якутии (ст. 42) и др. Помимо этого, отсылки к титульным народам как к коренным содержатся, например, в Конституциях Дагестана (ст. 5) и Коми (ст. 3) [21, с. 59–76; 9]. Так через ельцинские указы, «сверху», без какого бы то ни было научного, экспертного и общественного обсуждения в русскоязычный лексикон был законодательно имплантирован совершенно чужеродный и искусственно сконструированный термин «коренные народы», несущий в себе совершенно не соответствующий российским историческим реалиям постколониальный дискурс и конфликтогенный потенциал трактовок.

Симптоматично, что в бывших советских республиках в результате суверенизации и необходимости строить свое национальное государство возник огромный интерес к познанию собственных «корневых» истоков, созданию художественных произведений на мифологические темы в контексте *ностальгии по истокам* (см., например, последние работы Л. М. Мосоловой). Само по себе обращение народов к своей мифологии и легендированию выдающихся событий и героев закономерно и очень важны не только для понимания прошлого, но и для обретения современного национального самосознания, идентичности (С. А. Яровенко).

Другое дело, когда с помощью псевдомифологии происходит фальсификация истории этносов и их современной реальности и когда эта фальсификация заинтересованными силами направляется на решение своих геополитических задач. В этом отношении подразделение народов на «коренные» и «некоренные» используется этими политическими силами чаще всего в функции «яблока раздора» как внутри страны, так и между государствами. В этом отношении показательны события на юге Киргизии в г. Ош в 2010 г. Здесь тогда столкнулись жители киргизской и узбекской национальности, которые вначале участвовали в бурных спорах о том, кто из них — узбеки или киргизы — являются автохтонным населением Ошского региона, кому принадлежит территория и какими правами разные группы обладают. Известные факты о том, что как земледельцы долины, так и номады Ферганского хребта и Памирских предгорий обитают здесь с III–II тыс. до н.э. не возымели действия. Столкновения приобрели крайние

⁷ Указ № 118 от 5 февраля 1992 г. с предложением о ратификации Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» и Указ № 397 от 22 апреля 1992 г., содержащий распоряжение о подготовке до конца 1992 г. и внесении в Верховный Совет РФ проектов законов «О правовом статусе коренных народов Севера» и «О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера».

формы благодаря подстрекательству радикалов и их советчиков извне. Противостояние переросло в настоящее побоище. Были сожжены дома, магазины, машины, убито 155 и ранен 845 человек.

Результаты и обсуждение. В ходе исследования были обнаружены глубокие противоречия в интерпретациях феномена малочисленных коренных народов в трудах зарубежных и российских авторов, а также отсутствие четких и аргументированных критериев отнесения тех или иных этносов к числу коренных. Как правило, этими терминами оперируют без должного рефлексивного осмысления не только представители широкой общественности, но и ряд специалистов, исследующих те или иные этносы. В международном и российском законодательстве представления об «укорененности» одних народов по отношению к другим и вытекающих из этого прав и обязанностей до сих пор не приобрели убедительной и однозначной юридической трактовки.

Особенно многозначным, расплывчатым и нечетким по содержанию, а также противоречивым по сущностной интерпретации в разных государствах является понятие «коренные народы». Его толкование в значительной мере зависит от исторической архитектуры существования этносов на разных континентах, от их присутствия в различных общественных системах, а также от их социально-культурной типологии и других детерминаций. Так и остается открытым вопрос, кто же в современном глобализованном мире соответствует критериям «подлинно коренных», это лишь усиливает наш скептицизм относительно понятия «коренные народы» как универсального или же релевантного только в определенном этнополитическом контексте [11, с. 393]. Между тем термин «коренные народы» весьма актуализировался в современном мире, и от его понимания или непонимания зависит реальное существование конкретных народов, развитие их культуры жизнеобеспечения и ментальных ориентаций, а также роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами. В этой связи можно прийти к выводу о необходимости терминологической ревизии, «санации», «дезинфекции» или даже «дезинсекции» от вводящих в заблуждение понятий и вредоносных представлений в гуманитаристике, общественной публицистике, этнополитической практике и нормативно-правовой документации. Необходимо проявлять крайнюю осмотрительность в использовании столь неопределенных терминов, поскольку за ними стоят потенциальные инструменты манипуляции.

Выработка Декларации о коренных народах ООН является итогом трудного процесса на протяжении более чем двадцати лет. И хотя принятие данной Декларации явилось значительным событием, ее текст не был принят консенсусом, поскольку не были учтены интересы всех государств, где проживают **многочисленные** коренные народы (представители США голосовали против, а представители РФ — при голосовании воздержались). Тем не менее Декларация уже оказала большое воздействие на моральное состояние коренных народов. В ней устанавливается важное правило обращения с ними, и она является мощным средством ликвидации несправедливости, дискриминации, маргинализации и нарушений прав человека, от которых коренные народы страдали в течение столетий. Она является также знаковым событием, опираясь на которое правительства и коренные народы будут сотрудничать в создании новых равноправных, демократических, конструктивных отношений и плодотворного сотрудничества. Хотя право на самоопределение, установленное в статье 3-й Декларации, имеет для коренных народов кардинальное значение, оно не несет в себе права на сепаратизм. Напротив, статья 46-я Декларации четко предусматривает уважение принципов территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств.

В международном праве за коренными народами признается только право на внутреннее самоопределение. В этой связи Ф. Р. Ананидзе резонно подчеркивает: «...право на самоопределение коренных народов не означает автоматическую сепарацию и создание своего государства и в настоящее время сводится к праву на развитие, то есть решение тех социально-экономических, культурных и других проблем, с которыми сталкиваются коренные народы» [2, с. 55]. Формой осуществления права на самоопределение может являться предоставление коренным народам широкой автономии, благодаря этому обеспечивается сохранение их традиционного образа жизни и этнокультурных особенностей [4; 13–16].

В данной статье были осуществлены аналитические процедуры проблематизации и тематизации рассматриваемых терминов для выявления их содержания и смыслов и показано отсутствие работ с попыткой метадисциплинарной генерализации как общих черт малочисленных народов, так и процедур генерализирующей индивидуализации (Э. С. Маркарян), важно выйти на более высокий уровень обобщения знаний о специфичности и уникальности малых народов планеты — «чтобы за деревьями был виден лес». Это открывает этнокультурологическую перспективу для продолжения предложенного здесь начального этапа исследования.

Авторы статьи, рассмотрев серию миграций больших и малых народов на всех этапах истории от древности до XX в. в разные регионы мира, выяснили, что смена территорий их обитания в периоды большой длительности являлась перманентным историческим процессом. На протяжении всей истории человечества отдельные этнические группы и порой даже целые народы по тем или иным причинам меняли места своего проживания, переселяясь во многих исторически зафиксированных случаях на уже заселенную другими народами территорию, вступая в контакт с этими народами и вырабатывая в каждом случае различные (конструктивные или деструктивные) формы взаимодействия. На исторических материалах мы видим, что миграционные волны одна за другой образуют на той или иной территории своего рода разновременные этнокультурные слои, которые могут приобретать различные конфигурации и вступать между собой в самые разнообразные отношения. Так было в прошлом, эти процессы продолжаются в настоящем, и имеются все основания предполагать, что так будет происходить и в будущем. Определенное значение термин «коренные народы» имеет лишь в рамках колониального и постколониального дискурса, вне этих пределов данный термин либо эвристически малосодержателен, либо приобретает инструментально-ангажированный и даже спекулятивный характер. В этом смысле со всей очевидностью вскрывается *релятивистский* и даже *конъюнктурный* подтекст апелляции к «укорененности» того или иного народа на некой территории и вытекающих из этого политических или экономических притязаниях. Тем не менее расплывчатость и сомнительность термина «коренные народы», как ни странно, не препятствует его использованию в научных дискурсах, в решении проблем идентичности, в этнополитической, социально-экономической и международно-правовой сферах. Авторы выявили, что это обусловлено процессами мифоконструирования национальных историй малыми и большими народами и в определенной мере геополитическими интересами.

Обсуждение практик мифологизации национальных историй показало, что они активизируются в связи с системными кризисами, которые порождают потребность в использовании мифологических модусов истории своего этноса и своих выдающихся личностей. Существенно, что обращение к мифологизации своих прародин и своей исконной укорененности на занимаемой территории — явление, можно сказать, законо-

мерное для многих этносов, а для малых народов в особенности. В этом смысле крайне важно способствовать формированию у малочисленных самобытных народов позитивного образа собственной истории, того, что некоторые исследователи называют «*клинотерапией*» (Б. Н. Миронов), необходима оперативная диагностика и предотвращение вброса разного рода «ментальных вирусов», шлама «массовой культуры», ксенофобских «микробов», устранение комплексов по поводу «малочисленности» или «отсталости». В этом отношении важной формой самоорганизации подлинных энтузиастов самобытных этносообществ являются неправительственные организации коренных народов: Ассоциация коренных, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Инуитская Циркумпольная Конференция, Союз саамов, Информационный центр коренных народов России «L'auravetl'an», Информационно-правовой центр коренных малочисленных народов Севера, Союз коренных народов Руси и т. д. Все это очень разные общественные объединения, тем не менее они выступают конституционно-правовой формой институционализации коренных народов, выявления их действительной воли, реализации коллективных прав и законных интересов. В ситуации, когда данные народы в силу разных причин лишены возможности иметь собственные государственные или муниципальные образования, ключевым нормативно-правовым способом осуществления коллективных прав коренных народов является признание соответствующего статуса их общественных объединений [7; 8; 12; 18; 19; 23].

Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории, зачастую он связан с *мифоконструированием* национальных историй. Его использование как инструмента научного познания и навигатора социально-политических или национальных ориентаций не является эвристически перспективным. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтогенный потенциал и может выступить опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны. Материалы и выводы статьи представляют практическую значимость для защиты адекватных ценностно-смысловых ориентиров малочисленных народов, уточнения научной и правовой терминологии в области межэтнических взаимоотношений, повышению эффективности этнокультурологической, этнополитологической и этносоциологической экспертизы.

Заключение. Таким образом, критический анализ применения в современных науках, правовых документах и социокультурных практиках терминов «малочисленные народы» и «коренные народы» позволили сделать следующие выводы.

Термин «малочисленные народы» следует отнести к научному понятию или категории, так как в нем отражаются существенные особенности бытия этих народов, благодаря которым их можно выделить среди всех других. В этом понятии среди миллиардных, миллионных и разных многотысячных народов предельно четко определяются те этносы, которые называют малочисленными. Это понятие, как и все научные понятия, имеет конвенциональную базу (число — менее 50 тыс. человек).

Термин «коренные народы» не обладает непротиворечивой конвенциональной основой, в нем не отражается корневой топохрон всех малочисленных этносов планеты, он эвристически сомнителен. Поэтому бессмысленно его использование и как *терминологического инструментария* в научном познании, и как *когнитивного навигатора* в системе этнокультурных или этнополитических ориентаций. Вместо него авторы предлагают использовать термин «*самобытные народы*» или в крайнем случае

«автохтонные этносы», имея в виду именно акцент на этнокультурной самобытности и своеобразии, а не пресловутой «укорененности». «Самобытные этносы» — это те народы, которые сохранили (или пытаются восстановить) и готовы отстаивать свой самобытный исторически сложившийся образ жизни, духовную культуру, ценности, собственное месторазвитие, промысловую территорию, систему хозяйствования, традиционную систему воспитания и т. д. Наше предложение тем более оправдано, что единственный пункт, в котором сходились все многочисленные попытки дать емкое определение «коренных народов» и специфических особенностей «индигенности», — это именно *этнокультурная самобытность*, все остальные признаки оказывались либо вариативными, либо несущественными, либо конъюнктурными, либо оспаривались самими представителями тех или иных «коренных народов».

Право народов на этнокультурную самобытность свободно от каких бы то ни было территориальных притязаний, оно призвано не только обеспечить условия сохранения и развития этнокультурной самобытности внутри суверенных государств (не нарушая их территориальной целостности), но и защитить этнические сообщества, проживающие за пределами государства (территории) происхождения. Ведь именно проживание вне Родины, вне своего исконного месторазвития, т. е. территории происхождения, отсутствие возможности ассоциировать и идентифицировать себя с ней делают этнические меньшинства особо уязвимыми. Поэтому следует рассматривать *право на этнокультурную самобытность* как особое право малых этнических сообществ, призванное защищать их *коренные интересы*. Поэтому если и имеет смысл говорить о «коренных народах», то разве что лишь в этом значении, как *народов, соблюдающих свой коренной интерес*, т. е. сохраняющих и развивающих потенции, заложенные в своей *родной самобытной культуре* (см. работы М. Б. Напсо).

Таким образом, вместо принципов *Jus sanguinis* («право крови») и *Jus soli* («право почвы») мы предлагаем ввести в индигенный дискурс и решительно отстаивать на практике *Jus ad identitatem*, т. е. *коренное для каждого народа право на этнокультурную самобытность*, «право на инаковость». Этот принцип мог бы в этнокультурологическом отношении существенно дополнить и конкретизировать *Jus gentium* («право народов»), *Jus inter gentes* («право между народами») и *Jus communicandi* («право межчеловеческого общения / обмена») с их критериями «добросовестности» («*bonae fidei*») и «справедливости» («*aequitas*») при решении всего многообразия вопросов, которые затрагивают притесняемые этносы и этнические меньшинства во всем мире⁸. Без соблюдения *Jus ad identitatem* любые разговоры о правах на территории, контроле над природными ресурсами, экономических преференциях и социальных льготах — пустая фикция, популизм или инструмент политической манипуляции. Малочисленным самобытным народам нужны не мелкие подачки, какие-то локальные резервации или навязанные льготы, которые в конечном итоге дорого им обходятся. Народам, сохранившим свой традиционный уклад и неповторимые стереотипы поведения, нужны подлинные и нерушимые гарантии неприкосновенности своей самобытности и создание всесторонних условий для обеспечения того образа жизни, который завещан им предками и который они готовы поддерживать и отстаивать в настоящем и будущем. Право быть и оставаться самими собой, жить на земле своих предков, сберегая свою традиционную систему хозяйствования и свою промысловую территорию; право самим выбирать, что у кого заимствовать, как и в какой мере это делать, а может быть и право самим решать, чем поделиться из своего уникального духовного опыта, способов жизнеобеспечения

⁸ Об этом еще в XVI в. размышлял Франсиско де Витория.

и бережного отношения к природе. У сохранивших свою самобытность народов можно и сейчас многому поучиться современным людям, попавшим в цивилизационный «капкан» ненасытного потребительства со всеми вытекающими из этого последствиями.

Мы солидарны с М. Б. Напсо, что социальными условиями, обеспечивающими реализацию этнонациональных интересов, следует считать как соответствующее право человека (право на этническую идентификацию), так и право народа на этническую идентичность и иные права народов. Однако реализация культурных прав лишь на индивидуальном уровне, отдельными людьми, не позволяет сохранить уникальность культуры во всем ее многообразии и полноте. Для этого, отмечает М. Б. Напсо, необходима *защита самих этнических групп* как носителей самобытных культур, что требует соответствующих прав народов [15, с. 20–25]. Именно это имел в виду Л. Н. Гумилев, когда предостерегал от «культурологической аберрации», при которой памятники культуры выступают единственным источником сведений о народе, единственным идентифицирующим критерием этничности. Он подчеркивал: «...охранять культуру, не охраняя этнос, бессмысленно. Культура ведь плодотворна тогда, когда она живая, органически связанная с жизнью ее носителя» [10, с. 27–28]. Поэтому следует всемерно способствовать действиям национальных правительств и наднациональных структур ООН, направленным на сохранение этнокультурной самобытности народов мира и охрану ареалов их обитания. Вместе с тем не следует изолировать или как-то отчуждать индигенные этносы, наоборот, необходимо предоставлять им самые широкие возможности для самореализации, выстраивания культурного диалога с окружающими народами, взаимного культурного обмена и духовного обогащения, открывать им возможности для самых разнообразных форм репрезентации своей культуры, но без какого-либо ущерба для своего своеобразия и самобытности.

В этой связи мы полагаем, что термин «коренной народ» представляет собою *концепт* — сгусток смыслов конкретной культуры определенного народа. Они выражаются не в строго научных понятиях, а в словесных образах, метафорах, в материальных объектах. В концептах представлена конкретно-образная составляющая ментальности того или иного этноса, или как говорил И. Г. Гердер, «*Дух народа*» («*Volksggeist*»). Более того, мы приходим к заключению, что индигенный дискурс и сам концепт «коренных народов» обладают *конструирующим потенциалом*, способным в значительной мере мотивировать, ориентировать, программировать, проектировать, конфигурировать — одним словом, «выстраивать» этнокультурную и социально-политическую реальность в том или ином локальном регионе. Весь вопрос только в том, чтобы это было выражением внутренних этнических потребностей, именно *коренных интересов* самобытных народов, а не просто корыстных амбиций националистически ориентированных активистов и неких транснациональных неправительственных организаций. Вследствие этого необходимо провести концепт-анализ индигенности, а также различных индигенных моделей, представлений о коренных народах, способов манипуляции индигенным дискурсом и т. д., что мы и предполагаем сделать в следующей нашей статье.

В заключение подчеркнем, что главная и болевая черта рассматриваемых народов — это именно их малочисленность и вследствие этого — трудности и сложности их существования, сохранения и развития их традиционных культур в условиях современной цивилизации. Памятуя слова Чингиза Айтматова, спросим: «*А разве есть на земле народ, который не хотел бы быть вечным?*» Вопрос риторический... Малочисленные этносы, равные всем народам по своей уникальности и бесценные по многообразию культурно-исторического опыта, нуждаются в адекватном научном изучении, во все-

мерной заботе и поддержке со стороны государств и международных правозащитных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р.* Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. 224 с.
- 2 *Ананидзе Ф. Р.* Международно-правовые проблемы защиты прав коренных народов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 190 с.
- 3 *Бикбов А. Т.* Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. 2-е изд. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. 429 с.
- 4 *Гарипов Р. Ш.* Защита коренных народов в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 256 с. // Ruslangaripov.com. URL: <http://ruslangaripov.com/wp-content/uploads/2015/08/Ruslan-Garipov.-Monograph-Book.-Indigenous-Peoples-in-International-Law-2012.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).
- 5 *Голобокова Я. А.* Неправительственные иностранные организации как инструмент воздействия на коренные малочисленные народы Севера России // *Власть*. 2009. № 3. С. 43–47.
- 6 *Горбунов С. Н.* К вопросу об определении понятия «коренной народ» в международном праве // *Право и общество: сб. науч. тр.* Архангельск: Изд-во Архангельского гос. технич. ун-та, 2009. С. 33–42.
- 7 *Горбунов С. Н., Задорин М. Ю.* Коренные народы и устойчивое развитие. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2014. 358 с.
- 8 *Зиганшин И. Р.* Конституционно-правовой статус общественных объединений коренных народов арктических государств: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 192 с.
- 9 *Кряжков В. А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 559 с.
- 10 *Куркчи А.* Диалог ученых: Каков феномен культуры малых народов Севера: Л. Н. Гумилев и А. П. Окладников // *Декоративное искусство СССР*. 1982. № 8. С. 27–28.
- 11 *Куропятник М. С.* Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2019. Vol. 19, № 3. С. 387–396.
- 12 *Куропятник М. С.* Коренные народы в процессе социокультурных изменений: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2006. 360 с.
- 13 *Марр Н. Я.* Армянская культура: ее корни и доисторические связи по данным языкознания / пер. с арм.; предисл. О. Т. Ганалаяна. Ереван: Айастан, 1990. 53 с. URL: <http://www.iatp.am/culture/articles/marr.html> (дата обращения: 01.02.2021).
- 14 *Нансо М. Б.* О специфике регламентации права на самобытность для коренных народов и меньшинств // *Актуальные проблемы российского права*. 2008. № 1 (6). С. 38–44.
- 15 *Нансо М. Б.* Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // *Государство и право*. 2011. № 8. С. 20–25.

- 16 *Hanco M. B.* Право народов на различие // Вопросы теории и практики российской правовой науки. Мат. IV междунар. науч.-практич. конф., март 2008 г., г. Пенза. Пенза: АНОО «Приволжский Дом знаний», 2008. С. 173–176.
- 17 *Hanco M. B.* Современный взгляд на роль и значение права на самобытность // Закон и право. 2008. № 2. С. 37–40.
- 18 *Пименова Н. Н.* Механизмы социокультурных изменений коренных этносов Севера и Сибири: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2015. 183 с.
- 19 *Соколова Ф. Х.* Коренные народы: концепт, сущность, содержание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 23–27.
- 20 *Соколовский С. В.* Аборигенность и права на территорию: антропологические и биогеографические параллели // *Ab Imperio*. 2010 (3). С. 320–321.
- 21 *Соколовский С. В.* Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 59–76.
- 22 *Соколовский С. В.* Что значит быть коренным? Международные подходы и правовой статус «коренных народов» // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010. С. 147–159.
- 23 *Харючи С. Н.* Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства / науч. конс. Б. С. Крылов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 360 с.
- 24 *Alfredsson G.* International Discussion of the Concerns of Indigenous Peoples: The United Nations and the Rights of Indigenous Peoples // *Current Anthropology*. April, 1989. Vol. 30. № 2. P. 255–259.
- 25 *Anaya J. S.* Indigenous People in International Law. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 9–13.
- 26 *Anaya J. S.* Indigenous People in International Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004. 396 p.
- 27 *Barsh R.* Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law // *American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. P. 369–385.
- 28 *Bowen J. R.* Should we have a universal concept of 'Indigenous peoples rights'? Ethnicity and Essentialism in the twenty-first century // *Anthropology Today*. 2000. Vol. 16, № 4. P. 13.
- 29 *Bradford W. M.* The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law. Ottawa: University of Ottawa, 2002. 237 p.
- 30 *Clifford J. R.* Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 376 p.
- 31 *Daes E.-I. A.* Indigenous peoples and their relationship to land / final working paper prepared by the Special Rapporteur, Mrs. Erica-Irene A. Daes // Prevention of discrimination and protection of indigenous peoples and minorities. 11 June 2001 — E/CN.4/Sub.2/2001/21. N. Y., Geneva: UN, 2001. 77 p. // United Nation Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/445803?ln=ru#record-files-collapse-header> (дата обращения: 01.02.2021).

- 32 *Daes E.-I. A.* On the concept of indigenous people // Working Paper by the Chairperson-Rapporteur, 10 June 1996, E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/21 / United Nations. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. 1996 // United Nation Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/236429#record-files-collapse-header> (дата обращения: 01.02.2021).
- 33 *Daes E.-I. A.* Protection of the heritage of indigenous people // *Daes E.-I. A.* Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; Chairperson of the Working Group on Indigenous Populations, 21 June 1995 — E/CN.4/Sub.2/1995/26 / Human rights study series. № 10. New York; Geneva: UN, 1997. 30 p. // United Nation Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/248430> (дата обращения: 01.02.2021).
- 34 *Daes E.-I. A.* The United Nations and indigenous people from 1969 to 1994 // *Becoming Visible-Indigenous Politics and Self-Government. Proceedings of the Conference on Indigenous Politics and Self-Government 8–10 November 1993.* Tromse, Norway: The University of Tromse — Sami Dutkamiid Guovddas, Centre for Sami Studies, 1995. P. 51–55.
- 35 *Groenfeldt D.* The future of indigenous values: cultural relativism in the face of economic development // *Future.* November, 2003. Vol. 35. Issue 9. P. 917–929.
- 36 *Hannum H.* Minorities, Indigenous Peoples and Self-Determination // *Human Rights: An agenda for the next century* / ed. by L. Henkin and J. L. Hargrow. Washington: ASIL, 1994. 524 p.
- 37 *Indigenous and Tribal Peoples' Rights Over Their Ancestral Lands and Natural Recourses: Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System.* Washington: Inter-American Commission on Human Rights, 2010. 235 p.
- 38 *Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights* / ed. by S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen. Delft: Eburon Academic Publishers, 2003. 315 p.
- 39 *Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity* / ed. by H. Minde. Eburon: Eburon Akademik, 2007. 382 p.
- 40 *Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes* / ed. by G. Alfredsson, M. Stavropoulou. London, N.Y.: Kluwer Law Intrnational; Brill, 2002. 418 p.
- 41 *Kingsbury B.* Reconciling Five Competing Conceptual Structures of Indigenous Peoples' Claim in International and Comparative Law // *Peoples' Rights* / ed. by P. Alston. Oxford: Oxford University Press, 2001. 329 p.
- 42 *Merlan F.* Indigeneity: Global and local // *Current Anthropology.* June 2009. Vol. 50, № 3. P. 303–333.
- 43 *Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V.* «Indigenous Peoples» As a Concept of Scientific and Educational Discourses: Terminology and Interpretation Problems // *Psychology and Education.* 2021. Vol. 58 (3). P. 31–50. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i3.2469>
- 44 *Niezen R.* A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 225 p.
- 45 *Niezen R.* The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity. Berkeley: CA, 2003. 263 p.
- 46 *Oguatanam Ch.* International Law and Indigenous Knowledge. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 376 p.

- 47 *Pinero L. R.* Indigenous peoples, Postcolonialism, and International Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 410 p.
- 48 Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples / ed. by D. Iveson, P. Patton, W. Sanders. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. P. 36–59.
- 49 *Sweepston L.* A New Step in the International Law on Indigenous and Tribal Peoples: ILO Convention No. 169 of 1989 // Oklahoma City University Law Review. 1990. Vol. 15, No. 3. P. 696–710.
- 50 The Rights of Indigenous Peoples in Marine Areas / ed. by S. Allen, N. Bankes, Ø. Ravna. Oxford: Hart, 2019. 432 p.
- 51 *Waldron J.* Indigeneity? First Peoples and Last Occupancy // New Zealand Journal of Public Law. 2003. Vol. 1, № 1. P. 55–88.

© 2022. Lyubov' M. Mosolova
St. Petersburg, Russia

© 2022. Alexey V. Bondarev
St. Petersburg, Russia

© 2022. Alexey V. Zykin
St. Petersburg, Russia

“INDIGENOUS PEOPLES” AS A CONSTRUCTING CONCEPT: PROBLEMATIZATION, INTERPRETATIONS AND DISCOURSES

Abstract: The paper presents an attempt at problematizing of the “small indigenous peoples” concept, analyzes the entire range of the terms “small” and “indigenous” people interpretations that have developed in modern science, as well as raises the question of the nature and purpose of using these concepts in various scientific discourses and socio-political practices. The relevance of this issue statement is related to the fact that the actual existence of small-numbered peoples, the direction of their mental orientations, the degree and methods of protection of ethno-cultural identity, obvious and hidden possibilities of using these ethnic groups as actors for various political and economic purposes largely depend on the adequate or inadequate interpretation and legal application of this term. The purpose of the proposed study is to analyze the heuristic status and practice-oriented function of the terms “small-numbered” and “indigenous” peoples as scientific categories and concepts that inform sociopolitical reality. The methods of historiographic, terminological, conceptographic and comparative analysis, logical and analytical procedures for problematization and thematization of the terms “small” and “indigenous” peoples, historical-legal and historical-typological methods based on specific historical material allowed us to show the permanent migration of peoples to different regions of the world with their subsequent rooting in a new territory and interaction with previously arrived peoples, to reveal a number of contradictions in the interpretation of the question of, who should be considered as indigenous ethnic group in a particular territory. The analyzed data set indicates the obvious ambiguity and relativity of indigenous ideas about the primordial habitat of ethnic groups. A critical

analysis of the use of the term “indigenous peoples” in modern sciences and legal documents has led to the conclusion that it does not meet the criteria of a scientific concept or category and is often associated with the mytho-construction of national histories. Its use as a tool of scientific knowledge and a navigator of socio-political or national orientations is not heuristically promising. In the context of the regulation of inter-ethnic relations, the term “indigenous peoples” is fraught with conflict-causing potential and may act as a dangerous weapon in the arsenal of radical forces and those to whom their actions are politically beneficial. The materials and conclusions of the study are of practical importance for the protection of adequate value and semantic orientations of small-numbered peoples, clarification of scientific and legal terminology in the field of interethnic relations, increasing the effectiveness of ethno-cultural, ethno-political and ethno-sociological expertise.

Keywords: Indigenous researches, interethnic relationships, ethnos, ethnocultural integrity, originality, peculiarity, identity ethnic lifestyle, autochthons, minority ethnic groups, “ancestral territory”, myth construction.

Information about the authors:

Lyubov' M. Mosolova — PhD in Art, Professor, Theory and History of Culture Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5752-3142>

E-mail: mosolova@mail.ru

Alexey V. Bondarev — PhD in Culturology, Associate professor, Theory and History of Culture Department, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9272-2160>

E-mail: avbondarev@mail.ru

Alexey V. Zykin — DSc in Culturology, Head of Department, Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint-Petersburg State Agrarian University, Peterburgskoe Hwy., 2, 196601 St. Petersburg, Pushkin, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>

E-mail: zykinalex@mail.ru

Received: April 01, 2021

Approved after reviewing: May 17, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V. “Indigenous People” as a Constructing Concept: Problematization, Interpretation and Discourses. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 83–114. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-83-114>

REFERENCES

- 1 Abashidze A. Kh., Ananidze F. R. *Pravovoi status men'shinstv i korennykh narodov: mezhdunarodno-pravovoi analiz* [The Legal Status of Minorities and Indigenous Peoples: International Legal Analysis]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 1997. 224 p. (In Russian)
- 2 Ananidze F. R. *Mezhdunarodno-pravovye problemy zashchity prav korennykh narodov* [International Legal Issues of Protection of the Rights of Indigenous Peoples: PhD Dissertation]. Moscow, 1996. 190 p. (In Russian)

- 3 Bikbov A. T. *Grammatika poriadka: Istoricheskaiia sotsiologiia poniatii, kotorye meniaiut nashu real'nost'* [Grammar of Order: Historical Sociology of Concepts that Change our Reality]. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2016. 429 p. (In Russian)
- 4 Garipov R. Sh. *Zashchita korennykh narodov v mezhdunarodnom prave* [Protection of Indigenous Peoples in International Law]. Kazan', Tsentr innovatsionnykh tekhnologii Publ., 2012. 256 p. In: *Ruslangaripov.com*. Available at: <http://ruslangaripov.com/wp-content/uploads/2015/08/Ruslan-Garipov.-Monograph-Book.-Indigenous-Peoples-in-International-Law-2012.pdf> (accessed 01 February 2021). (In Russian)
- 5 Golobokova Ia. A. *Nepravitel'stvennye inostrannye organizatsii kak instrument vozdeistviia na korennye malochislennye narody Severa Rossii* [Non-Governmental Foreign Organizations as an Instrument of Influence on the Indigenous Peoples of the North of Russia]. *Vlast'*, 2009, no 3, pp. 43–47. (In Russian)
- 6 Gorbunov S. N. *K voprosu ob opredelenii poniatiia "korennoi narod" v mezhdunarodnom prave* [On the Issue of the Concept "Indigenous People" Definition in the International Law]. In: *Pravo i obshchestvo: sbornik nauchnykh trudov* [Law and Society: a Collection of Scientific Papers]. Arkhangel'sk, Arkhangel'skii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2009, pp. 33–42. (In Russian)
- 7 Gorbunov S. N., Zadorin M. Iu. *Korennye narody i ustoichivoe razvitie: monografiia* [Indigenous Peoples and Sustainable Development: Monograph]. Arkhangel'sk, Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M. V. Lomonosova Publ., 2014. 358 p. (In Russian)
- 8 Ziganshin I. R. *Konstitutsionno-pravovoi status obshchestvennykh ob"edinenii korennykh narodov arkticheskikh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Constitutional and Legal Status of Indigenous Peoples Public Associations of the Arctic States: Comparative Legal Analysis: PhD Dissertation]. Moscow, 2016. 192 p. (In Russian)
- 9 Kriazhkov V. A. *Korennye malochislennye narody Severa v rossiiskom prave* [Indigenous Peoples of the North in Russian Law]. Moscow, Norma Publ., 2010. 559 p. (In Russian)
- 10 Kurkchi A. *Dialog uchenykh: Kakov fenomen kul'tury malykh narodov Severa: L. N. Gumilev i A. P. Okladnikov* [Dialogue of Scientists: What is the Culture Phenomenon of the North Small Peoples: L. N. Gumilev and A. P. Okladnikov]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 1982, no 8, pp. 27–28. (In Russian)
- 11 Kuropiatnik M. S. *Indigennost' v kontekste globalizatsii: epistemologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty* [Indigeneity in the Context of Globalization: Epistemological and Socio-cultural Aspects]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Series: Sotsiologiia* [Sociology], 2019, vol. 19, no 3, pp. 387–396. (In Russian)
- 12 Kuropiatnik M. S. *Korennye narody v protsesse sotsiokul'turnykh izmenenii* [Indigenous Peoples in the Process of Socio-cultural Changes: DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2006. 360 p. (In Russian)
- 13 Marr N. Ia. *Armianskaia kul'tura: ee korni i doistoricheskie sviazi po dannym iazykoznaniiia* [Armenian Culture: its Roots and Prehistoric Connections According to Linguistics], trans. from Armenian; introd. by O. T. Ganalaniana. Erevan, Aiastan Publ., 1990. 53 p. Available at: <http://www.iatp.am/culture/articles/marr.html> (accessed 01 February 2021). (In Russian)

- 14 Napso M. B. O spetsifike reglamentatsii prava na samobytnost' dlia korennykh narodov I men'shinstv [On the Specifics of the Right to Identity Regulation for Indigenous Peoples and Minorities]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2008, no 1 (6), pp. 38–44. (In Russian)
- 15 Napso M. B. Pravo na etnicheskuiu identichnost': pravovye i sotsial'no-filosofskie aspekty priznaniia v sovremennykh usloviakh [The Right to Ethnic Identity: Legal and Socio-philosophical Aspects of Recognition in Modern Conditions]. *Gosudarstvo i pravo*, 2011, no 8, pp. 20–25. (In Russian)
- 16 Napso M. B. Pravo narodov na razlichie [The right of peoples to difference]. In: *Voprosy teorii i praktiki rossiiskoi pravovoi nauki. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, mart 2008 g., g. Penza*. [Issues of Theory and Practice of the Russian Legal Science. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, March 2008, Penza]. Penza, ANOO “Privolzhskii Dom znaniia” Publ., 2008, pp. 173–176. (In Russian)
- 17 Napso M. B. [Modern View on the Role and Significance of the Right to Identity]. *Zakon i pravo*, 2008, no 2, pp. 37–40. (In Russian)
- 18 Pimenova N. N. *Mekhanizmy sotsiokul'turnykh izmenenii korennykh etnosov Severa i Sibiri: sotsial'no-filosofskii analiz* [Mechanisms of Socio-cultural Changes of the North and Siberia Indigenous Ethnic Groups of: Socio-philosophical Analysis: PhD Dissertation]. Krasnoiar'sk, 2015. 183 p. (In Russian)
- 19 Sokolova F. Kh. Korennye narody: kontsept, sushchnost', sodержanie [Indigenous Peoples: Concept, Essence, Content]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2012, no 6, pp. 23–27. (In Russian)
- 20 Sokolovskii S. V. Aborigennost' i prava na territoriiu: antropologicheskie i biogeograficheskie paralleli [Aboriginality and Rights to Territory: Anthropological and Biogeographic Parallels]. *Ab Imperio*, 2010 (3), pp. 320–321. (In Russian)
- 21 Sokolovskii S. V. Korennye narody: ot politiki strategicheskogo essentsializma k printsipu sotsial'noi spravedlivosti [Indigenous Peoples: from the Policy of Strategic Essentialism to the Principle of Social Justice]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no 4, pp. 59–76. (In Russian)
- 22 Sokolovskii S. V. Chto znachit byt' korennyim? Mezhdunarodnye podkhody i pravovoi status “korennykh narodov” [What does it Mean to be Indigenous? International Approaches and the Legal Status of “Indigenous Peoples”]. In: *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2009 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [The Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring Countries in 2009. Annual Report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts], ed. by V. A. Tishkova and V. V. Stepanova. Moscow, Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia RAN Publ., 2010, pp. 147–159. (In Russian)
- 23 Khariuchi S. N. *Korennye malochislennye narody: problemy zakonodatel'stva* [Indigenous Peoples: Problems of Legislation], scientific expert B. S. Krylov. Tomsk, Tomskii universitet Publ., 2004. 360 p. (In Russian)
- 24 Alfredsson G. International Discussion of the Concerns of Indigenous Peoples: The United Nations and the Rights of Indigenous Peoples. *Current Anthropology*, April, 1989, vol. 30, no 2, pp. 255–259. (In English)
- 25 Anaya J. S. *Indigenous People in International Law*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 9–13. (In English)

- 26 Anaya J. S. *Indigenous People in International Law*. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2004. 396 p. (In English)
- 27 Barsh R. Indigenous Peoples: An Emerging Object of International Law. *American Journal of International Law*, 1986, vol. 80, pp. 369–385. (In English)
- 28 Bowen J. R. Should we have a Universal Concept of 'Indigenous Peoples Rights'? : Ethnicity and Essentialism in the Twenty-first Century. *Anthropology Today*, 2000, vol. 16, no 4, p. 13. (In English)
- 29 Bradford W. M. *The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law*. Ottawa, University of Ottawa Publ., 2002. 237 p. (In English)
- 30 Clifford J. R. *Becoming Indigenous in the Twenty-First Century*. Cambridge, Harvard University Press, 2013. 376 p. (In English)
- 31 Daes E.-I. A. Indigenous Peoples and their Relationship to Land / Final Working Paper Prepared by the Special Rapporteur, Mrs. Erica-Irene A. Daes. Prevention of Discrimination and Protection of Indigenous Peoples and Minorities. 11 June, 2001 — E/CN.4/Sub.2/2001/21. New York, Geneva, UN Publ., 2001. 77 p. *United Nation Digital Library*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/445803?ln=ru#record-files-collapse-header> (accessed 01 February 2021). (In English)
- 32 Daes E.-I. A. On the Concept of Indigenous People. Working Paper by the Chairperson-Rapporteur, 10 June, 1996, E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/21 / United Nations. Subcommission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. Working Group on Indigenous Populations. 1996. *United Nation Digital Library*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/236429#record-files-collapse-header> (accessed 01 February 2021). (In English)
- 33 Daes E.-I. A. Protection of the Heritage of Indigenous People. Daes E.-I. A. Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; Chairperson of the Working Group on Indigenous Populations, 21 June, 1995 — E/CN.4/Sub.2/1995/26 / Human Rights Study Series. No. 10. New York, Geneva, UN Publ., 1997. 30 p. *United Nation Digital Library*. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/248430> (accessed 01 February 2021). (In English)
- 34 Daes E.-I. A. The United Nations and Indigenous People from 1969 to 1994. *Becoming Visible-Indigenous Politics and Self-Government. Proceedings of the Conference on Indigenous Politics and Self-Government 8–10, November 1993*. Tromse, Norway, The University of Tromse — Sami Dutkamiid Guovddas, Centre for Sami Studies Publ., 1995, pp. 51–55. (In English)
- 35 Groenfeldt D. The Future of Indigenous Values: Cultural Relativism in the Face of Economic Development. *Future*, November, 2003, vol. 35, issue 9, pp. 917–929. (In English)
- 36 Hannum H. Minorities, Indigenous Peoples and Self-Determination. *Human Rights: An Agenda for the Next Century*, ed. by L. Henkin and J. L. Hargrow. Washington, ASIL Publ., 1994. 524 p. (In English)
- 37 *Indigenous and Tribal Peoples' Rights Over Their Ancestral Lands and Natural Recourses: Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System*. Washington, Inter-American Commission on Human Rights Publ., 2010. 235 p. (In English)
- 38 *Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights*, ed. by S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen. Delft, Eburon Academic Publishers Publ., 2003. 315 p. (In English)

- 39 *Indigenous Peoples. Self-Determination. Knowledge. Indigeneity*, ed. by H. Minde. Eburon, Eburon Akademik Publ., 2007. 382 p. (In English)
- 40 *Justice Pending: Indigenous Peoples and Other Good Causes: Essays in Honour of Erica-Irene A. Daes*, ed. by G. Alfredsson, M. Stavropoulou. London, New York, Kluwer Law International; Brill Publ., 2002. 418 p. (In English)
- 41 Kingsbury B. Reconciling Five Competing Conceptual Structures of Indigenous Peoples' Claim in International and Comparative Law. *Peoples' Rights*, ed. by P. Alston. Oxford, Oxford University Press, 2001. 329 p. (In English)
- 42 Merlan F. Indigeneity: Global and Local. *Current Anthropology*, June, 2009, vol. 50, no 3, pp. 303–333. (In English)
- 43 Mosolova L. M., Bondarev A. V., Zykin A. V. “Indigenous Peoples” As a Concept of Scientific and Educational Discourses: Terminology and Interpretation Problems. *Psychology and Education*, 2021, vol. 58 (3), pp. 31–50. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i3.2469> (In English)
- 44 Niezen R. *A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization*. Oxford, Blackwell Publishing, 2004. 225 p. (In English)
- 45 Niezen R. *The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity*. Berkeley, CA Publ., 2003. 263 p. (In English)
- 46 Oguamanam Ch. *International Law and Indigenous Knowledge*. Toronto, University of Toronto Press, 2006. 376 p. (In English)
- 47 Pinero L. R. *Indigenous peoples, Postcolonialism, and International Law*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 410 p. (In English)
- 48 *Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples*, ed. by D. Iveson, P. Patton, W. Sanders. Cambridge UK, Cambridge University Press, 2000, pp. 36–59. (In English)
- 49 Sweptston L. A New Step in the International Law on Indigenous and Tribal Peoples: ILO Convention No. 169 of 1989. *Oklahoma City University Law Review*, 1990, vol. 15, no 3, pp. 696–710. (In English)
- 50 *The Rights of Indigenous Peoples in Marine Areas*, ed. by S. Allen, N. Bankes, Ø. Ravna. Oxford, Hart Publ., 2019. 432 p. (In English)
- 51 Waldron J. Indigeneity? First Peoples and Last Occupancy. *New Zealand Journal of Public Law*, 2003, vol. 1, no 1, pp. 55–88. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-115-127>

УДК 008

ББК 71+76.02(2)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. С. Мокшина

г. Москва, Россия

© 2022 г. Т. Ю. Нечаева

г. Москва, Россия

МОЛОДЕЖНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Начало XXI в. стало временем осмысления итогов ушедшего столетия. Великая Отечественная война и сегодня остается одной из самых трагических страниц в истории нашей страны. Победа над фашизмом была одержана не только на полях сражений, но и в духовной сфере. Немалая заслуга в этом принадлежала печати, которая выступала важнейшим средством патриотического воспитания молодежи, мобилизации ее на борьбу с врагом. Тема защиты Родины стала ведущей, что обеспечило печатным изданиям высокую эффективность и действенность. Пропаганда любви к своему Отечеству тесно связывалась с разоблачением сущности германского фашизма, привитием ненависти к захватчикам. Печатные издания участвовали в организации массовой подготовки боевых резервов для фронта, оказывали населению значительную помощь в усвоении оборонных знаний. Молодежная печать является ценным источником изучения подвигов молодежи, сражавшейся на фронтах и в тылу немецко-фашистских войск. Одной из важнейших функций журналистики стало ведение агитационно-пропагандистской работы среди населения временно оккупированных врагом районов. Важнейшим аспектом работы молодежной печати было развитие и расширение связей фронта и тыла, укрепление морально-политического единства советского народа, воспевание трудовых подвигов в тылу. Опыт молодежной периодики 1941–1945 гг. в силу богатства содержания, многообразия форм и методов работы, ее высокой эффективности не утратил своего значения и в наши дни.

Ключевые слова: печать, фронт, тыл, пропаганда, агитация, героизм, соревнование, переписка, патриотизм.

Информация об авторах: Ирина Степановна Мокшина — кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Малая Калужская ул., д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1932-1889>

E-mail: irina-st2001@yandex.ru

Татьяна Юрьевна Нечаева — кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Малая Калужская ул., д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8533-8531>

E-mail: nechaeva-tu@rguk.ru

Дата поступления статьи: 31.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 25.05.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Мокшина И. С., Нечаева Т. Ю. Молодежная периодическая печать как средство патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 115–127.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-115-127>

Великая Отечественная война (1941–1945) спустя десятилетия остается одной из самых героических страниц в истории нашей страны. Исследовательский интерес к трагическим событиям тех лет не ослабевает и поныне, когда предпринимается все больше попыток «пересмотра» итогов войны, вклада Советского Союза в победу над гитлеровской Германией. Изучение истории военных лет приобретает все большую актуальность в контексте формирования национального самосознания молодежи, воспитания патриотических и гражданских чувств. В экстремальных условиях военного времени молодежная печать, как средство массовой пропаганды и агитации, став важнейшим фактором воздействия на сознание и моральное состояние молодого поколения, сохранила неразрывную связь с духовной жизнью страны, культурой советского общества.

Для наиболее полной оперативной информации народа о внутренней и международной жизни страны, о ходе военных действий на решающих направлениях и участках фронтов уже на третий день войны, 24 июня 1941 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было создано Советское Информационное бюро (Совинформбюро). Ежедневные его сводки стали основным источником информации о положении на фронтах на протяжении всех военных лет.

Широкое развертывание сети военной печати на фронте, возникшие трудности с бумагой и полиграфической базой привели к значительному сокращению гражданских газет и журналов, ограничению объема, периодичности и тиража центральной и местной печати. В конце августа 1941 г. был приостановлен выход молодежных изданий. Исключением стали газеты «Комсомольская правда» (общесоюзная молодежная газета) и «Смена» (орган Ленинградского горкома и обкома ВЛКСМ). В годы войны продолжали издаваться производственно-технический и научный журнал «Техника молодежи» и военно-популярный журнал «Смена» (в 1943 г. преобразован в литературно-художественный и общественно-политический). Не прекратило свою работу и издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

В 1943–1945 гг. возобновляется выпуск 13 газет (в Литве, Эстонии, Грузии — на национальном, в Белоруссии, Молдавии, Латвии, Карелии, на Украине — на национальном и русских языках) и журналов для молодежи (на Украине, в Латвии, Литве — на национальных языках). В оккупированных врагом районах страны в 1942–1944 гг. в тяжелейших условиях подполья выпускалось около 20 молодежных газет.

Молодежными изданиями руководил отдел агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, а с июня 1943 г. до конца войны — отдел печати ЦК ВЛКСМ. Они направляли и коор-

динировали деятельность печатных органов, касались их организационных, кадровых и других вопросов.

Война потребовала резкого изменения содержания всей советской прессы, подчинения его задачам организации и сплочения народных масс для отпора врагу. В предвоенные годы советским руководством были допущены серьезные просчеты в оценке характера будущей войны, а также возможного времени нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Особенно это относится к осени 1940 г. — весне 1941 г., когда Германия усилила подготовку к войне, а советским руководством игнорировалась любая информация о ее намерении нарушить Пакт о ненападении (1939). Отсюда и самоуспокоенный тон советской печати, еще более подкрепленный опубликованным в газетах сообщением ТАСС от 14 июня 1941 г., официально опровергнувшим намерение Германии порвать Пакт и предпринять нападение на Советский Союз и утверждавшим, что слухи о подготовке СССР к войне с Германией «являются лживыми и провокационными». Это дезориентировало население СССР, притупляло его бдительность, расхолаживало, а печать до последнего мирного дня ничего не сообщала о разворачивании немецких войск у наших границ. Даже в первые месяцы войны в газетах можно было встретить высказывания о скорой победе, неверные прогнозы о неизбежности разложения вражеской армии в ходе военного столкновения с СССР и ее быстром крахе.

Перестройка печати была вызвана не только специфическими военными условиями, но и необходимостью преодоления этих серьезных просчетов и упущений, снижавших доверие к публикуемым материалам, вызывавших горькую досаду читателей. Редакциям молодежных газет пришлось сходу осваивать новую для себя проблематику, перестраиваясь на военный лад. Ведущими отделами газет стали фронт, тыл и международная жизнь.

«Комсомольской правде», единственной из молодежных газет, было предоставлено право иметь в действующей армии постоянных военных корреспондентов. В первые же недели войны военкорами стали А. Гайдар, Н. Зотов, К. Непомнящий, И. Котенко, Л. Ющенко, А. Калинин, Л. Лось, Н. Меньшиков, С. Крушинский и др., выехавшие на западный фронт.

Вся система советской журналистики начинает работать на разгром врага, на общую победу. В новых условиях, когда неизмеримо возросла политическая активность народа, перед печатью стояла задача еще активнее, чем в мирное время, развивать у каждого советского человека чувство патриотизма, личной ответственности за судьбу страны. Основной упор делался на пробуждение патриотических чувств, на стойкость и мужество граждан. Тема защиты Родины и своего дома в условиях смертельной опасности стала ведущей, что обеспечило печатным изданиям высокую действенность и эффективность.

Война меняет отношение советского руководства к героической истории дореволюционной России, началось обращение к общеисторическим ценностям, национальной гордости, к военным успехам страны в прошлом. На параде на Красной площади 7 ноября 1941 г. уходящим на защиту Москвы солдатам И. Сталин скажет: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [24, с. 40].

В официальной пропаганде отныне демонстрируется слитность героики прошлого и настоящего, используются исторические аналогии, на страницы печати и в сознание людей возвращаются имена великих русских полководцев, защитников земли Русской, ставших вдохновляющими образцами для советских воинов. Герои войны выступали теперь в роли наследников великих предков, а страна все больше воспринималась в сознании людей как «большой дом» народов, имеющий богатую военную историю [15]. Такой идеологический поворот с позиций коммунистического фундаментализма оказался единственно верным. В издательстве «Молодая гвардия» в серии «Беседы о воинском воспитании» вышли удачные книги Ю. Наумова и А. Немчинского «Суворов» и «Александр Невский», повесть М. Брагина «Полководец Кутузов».

Пропаганда любви к своему Отечеству тесно переплеталась с разоблачением сущности германского фашизма, привитием ненависти к немецким захватчикам, составляя в целом двуединую задачу патриотического воспитания молодежи. В начале войны у советских людей еще не было подлинной ненависти к врагу, присутствовали определенное благодушие, наивность, сказывался запрет на антифашистские выступления, фактически существовавший с 1939 г. Показать звериную сущность фашизма, вызвать ярость и гнев против врага — одна из важнейших задач, которая решалась журналистами с начала войны.

В ходе наступления Красной Армии зимой 1941–1942 гг. советские воины на собственном опыте учились ненавидеть врага. На страницах молодежной прессы были опубликованы многочисленные материалы, вскрывавшие чудовищные преступления фашистов на нашей территории: рассказы и письма очевидцев и жертв их злодеяний, списки убитых и растерзанных советских граждан, акты о расстрелах, насилиях, грабежах и поджогах, чинимых захватчиками, фотографии и документы, заявления и ноты Советского правительства.

Военные корреспонденты «Комсомольской правды» сообщали о кровавом терроре и безудержных грабежах фашистов в Ростове [21], Клину [20], Туле [1], Истре [2]. Страна узнала о том, что в Истре взорван Ново-Иерусалимский монастырь, в Ясной Поляне варварски разграблен дом-музей Л. Н. Толстого, в Клину разорен музей П. И. Чайковского. Крупнейшая английская газета «Таймс» писала: «Уничтожение домов Толстого, Чехова, Чайковского — это дьявольская дикость. Тут не материальный ущерб, который является единственной целью варварского нападения, здесь прямой удар по человеческой душе с целью сломить эту душу и прочнее обратить всех побежденных в абсолютное рабство, которое должно превратиться в темную ночь для всех народов. Русские знают, против какого зла они борются, и они еще ожесточеннее сражаются, мстя за духовную рану, которую изощренная гнусь нанесла их национальной гордости» [22]. Из 104 страниц писем с фронта и на фронт, из тыла врага, из освобожденных районов, помещенных в «Комсомольской правде» с 7 августа 1941 г. по 1 мая 1945 г., 32 страницы были посвящены теме «Ненависть к врагу» [9, с. 84].

Важную роль в воспитании ненависти к врагу молодежные газеты отводили материалам, посвященным детям — жертвам фашистов. В этой связи огромной силой воздействия обладали многочисленные фото-обвинения, свидетельства детей, их письма на фронт. Целые полосы «Комсомольской правды» и «Смены» выходили под лозунгами «Немецко-фашистские изверги убивают и калечат наших детей. Патриот! Запомни это, отомсти палачам за их злодеяния», «Смерть убийцам! Документы, зовущие к мести» и т. д. Письмо ленинградской школьницы Лили Большаковой, напечатан-

ное в «Смене» и обращенное к воинам, сопровождала фотография ее 10-летнего брата, раненного осколком вражеского снаряда в ногу. В больнице, где он находился, было немало детей, пострадавших от артиллерийских обстрелов города. У одного из них вражеским снарядом была оторвана нога, у другого — рука, третий мальчик был сильно ранен в лицо. «Дорогой боец! — писала девочка, — бей немцев еще крепче. Бей их каждый день. Бей их так, чтобы они ни одной минуты не знали покоя» [7]. 15 сентября 1943 г. в подборке писем с фронта был дан ответ артиллеристов, защитников Ленинграда, Лиле Большаковой. Они заявили, что в боях с противником отомстили за ее брата и поклялись беспощадно истреблять врага [14].

Большое значение для подъема патриотических чувств народа имела широкая публикация в печати официальных материалов (приказов, директив, инструкций, писем, дневников, показаний пленных гитлеровских солдат), сообщений и материалов чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на захваченной ими советской территории, а также материалов судебных процессов над фашистскими преступниками.

На заключительном этапе войны в работу по патриотическому воспитанию населения были внесены некоторые коррективы. Поскольку настроения ненависти к фашистам и мести им были чрезвычайно сильны, то в период вступления советских войск на немецкую территорию это могло стать причиной различных правонарушений и даже преступлений со стороны воинов Красной Армии. В этой связи важной задачей печатной пропаганды стала задача донести до сознания людей грань между рядовым немецким (особенно гражданским) населением и нацистским руководством. Фашистов нужно было уничтожать, поскольку они оказывали сопротивление. Вместе с тем к населению следовало относиться гуманно, разоблачая тем самым ложь гитлеровской пропаганды о том, что Красная Армия стремится уничтожить немецкую нацию.

Война вызвала необходимость организации непрерывной и массовой подготовки боевых резервов для фронта. В сентябре 1941 г. Государственным Комитетом Обороны (ГКО) было принято постановление «О всеобщем обязательней обучении военному делу граждан СССР». Перед молодежной печатью были поставлены задачи не только разъяснить смысл и значение постановлений ГКО, обобщать практику работы лучших учебных баз, пунктов, курсов, кружков системы всеобуча, но и оказывать населению значительную помощь в усвоении оборонных знаний.

«Комсомольская правда» и «Смена» изо дня в день давали читателям практические советы, в которых коротко и ясно было сказано самое главное: как пользоваться боевым оружием, как уметь обороняться от воздушного врага, как распознавать фашистские самолеты, что делать при аварии водопровода, газопровода и электросети, как обезвредить зажигательную бомбу, оказать помощь раненому, потушить пожар. Эти консультации нередко сопровождались обращениями: «Прочти и расскажи товарищу», «Вырежи и сохрани».

В 1941 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило ряд книг по отдельным военным вопросам: «Умей обороняться от воздушного врага», «Умей оказать первую помощь», «Заставь местность служить себе», «Поход», «Храни военную тайну», «Уничтожай вражеских парашютистов», «Будь отличным связистом Красной Армии», «Уличные бои» и др. С июня по декабрь 1941 г. по разделу военной литературы вышло 12 названий книг тиражом 843 тыс. экземпляров (РГАСПИ. М. 1. Оп. 32. Д. 266).

Военно-методическая литература выходила в предельно сжатые сроки, так как в силу сложившейся обстановки эти книги были первым и подчас единственным

пособием для изучающих военное дело. Все эти брошюры были объединены одной темой — показом основных видов оружия, разнообразных приемов их применения, помогающих молодым воинам приобрести определенные боевые навыки. При этом во многих из них необходимые сведения и знания о той или иной специальности давались в живой и образной форме занимательного рассказа. Поэтому они легко и с интересом читались, быстро запоминались, их можно было найти на каждом пункте всеобща.

Кроме этой серии, «Молодая гвардия» выпускала книжки-памятки по различным специальностям (станкового пулеметчика, снайпера, сестры-дружинницы, минометчика, разведчика, истребителя танка, автоматчика, подрывника, бронбойщика), авторами которых выступали военные специалисты. За годы войны около двух миллионов юношей и девушек были обучены в комсомольско-молодежных подразделениях всеобща [12, с. 74].

Освещение и пропаганда подвигов молодежи, сражавшейся на фронтах и в тылу немецко-фашистских войск, стали центральным направлением в деятельности молодежной периодики. Это заставляло работников печати находить доходчивые, эффективные формы и методы подачи материала, постоянно оттачивать язык, совершенствовать содержание публикуемых материалов, добиваясь того, чтобы слово обладало большей эмоциональной насыщенностью, затрагивало самые глубокие патриотические чувства читателей, поднимало их в бой, вселяло уверенность в победе. Разнообразие форм и жанров, среди которых предпочтение отдавалось короткой пропагандистской или публицистической статье, корреспонденции, очерку, письму, информационной подборке; яркие заголовки, подзаголовки, аншлаги, запоминающиеся рубрики, целевые полосы — преследовали главную цель — воспитывать бойцов и командиров в духе патриотизма, высокой боевой готовности, учить их беспощадно уничтожать врага.

В начальный период войны, сложившийся для наших войск особенно тяжело и неблагоприятно, печать видела свою главную задачу в том, чтобы еще упорнее воспитывать воинов в духе стойкости и отваги. Популяризация подвигов отдельных бойцов и командиров, их мужества и самоотверженности, верности долгу выходит на первый план. Так, в первые месяцы войны молодежные газеты рассказывали о М. Жукове, Н. Гастелло, С. Кошелеве, В. Новикове, В. Талалихине и других летчиках, совершивших таранные удары по вражеским самолетам. Героям войны посвящались статьи, корреспонденции, подборки, очерки, целые полосы. 12 ноября 1941 г. «Комсомольская правда» рассказала о комсомольцах-героях части генерала М. Катюкова, сражавшихся с фашистами на подступах к Москве, были опубликованы фотографии танкистов и их боевой счет за месяц боев. В молодежных газетах стали постоянными рубрики: «Боевые эпизоды», «На фронтах Отечественной войны», «Герои Советского Союза», «Комсомольцы в боях», «Герои Отечественной войны».

В годы войны был значительно расширен героический пантеон, для каждого ее периода характерны определенные образы героев. В начале войны, когда Красная Армия терпела неудачи, доминирует образ «жертвенных героев», самоотверженно сражавшихся с врагом на фронте и во вражеском тылу. Так, начало 1942 г. «Комсомольская правда» встретила публикациями, посвященными подвигам партизанки-подпольщицы Лизы Чайкиной, московской школьницы Зои Космодемьянской, восьми комсомольцев, замученных и повешенных в Волоколамске, юного партизана Саши Чекалина. В период жестоких оборонительных сражений на юге страны летом и осенью 1942 г. со страниц газет не сходили имена фронтовиков Л. Павличенко, Н. Ониловой, М. Байды, И. Богатыря, П. Денисова и других защитников Севастополя [10].

С началом коренного перелома, после ликвидации основной угрозы целостности страны, возрастает ценность человеческой жизни. В центре газетных публикаций — воины-герои, овладевшие боевой техникой. Газетные материалы уделяют много внимания проблемам воинского мастерства, способностям бойца хорошо владеть оружием, нанести максимальный урон противнику и сохранить собственную жизнь. Так, в разгар ожесточенной битвы на Курской дуге через «Комсомольскую правду» стал широко известен подвиг танкистов В. Шаландина, Г. Бессарабова, А. Бурды и др., рассказанный военным корреспондентом Ю. Жуковым [13]. В этом же номере газеты был помещен рассказ лейтенанта Г. Бессарабова «Как я один уничтожил три “тигра”». Он был перепечатан «Правдой», издан отдельной листовкой Политическим управлением фронта. По рассказу в газете, по этой листовке бойцы учились науке борьбы с фашистскими танками. Печать делает акцент на обобщение опыта наступательных операций, пропаганду стремительности в наступлении. В «Комсомольской правде» были введены рубрики «На Орловско-Курском направлении», «На Белгородском направлении», которые стали своеобразным дневником боевых действий советских войск.

В своей работе по патриотическому воспитанию печать учитывала меняющийся на разных этапах войны личный состав вооруженных сил, стремилась неуклонно крепить братскую дружбу между воинами разных национальностей. Особенно это касалось второго и третьего периодов войны, когда в действующую армию в результате ряда мобилизаций увеличился приток граждан из национальных и освобожденных от фашистских захватчиков районов страны, которым предстояло участвовать в наступательных операциях советских войск. Из номера в номер в молодежных газетах помещались материалы о героических делах бойцов и командиров — белорусов, украинцев, грузин, казахов, латышей, узбеков, армян и т. д. Об этом сами за себя говорят заголовки передовых статей, очерков, корреспонденций: «Батыр Маншук» (о Маншук Маметовой) [25], «Дочь Латвии» (о Зенте Озолс) [11], «Слово казахов» [23], «Пирмин, Драугай! Как дерется с фашистами молодежь Литвы» [6] и др. Широко практиковалась публикация фотографий отличившихся в боях воинов разных национальностей, сопровождавшихся краткими аннотациями о героях-фронтовиках.

Пропаганда массового героизма советских людей на фронте и в тылу опиралась на концепцию единства партии и народа в борьбе с врагом, лежавшую в основе всей идеологической работы партии и комсомола; на прославление мудрого руководства И. Сталина, который являлся в сознании большей части советских людей «опорой» государства, символизировал его несокрушительную силу и стойкость. Во время поражений Красной Армии газеты избегали упоминать Сталина, позитивные же перемены на фронтах напрямую связывались с его именем, его заслугами, его руководством, которое неизбежно должно было привести государство к победе над врагом.

Одной из важнейших функций журналистики стало ведение агитационно-пропагандистской работы среди населения временно оккупированных врагом районов. Массовым тиражом «Молодая гвардия» выпускала различного рода агитационный материал: листовки, лозунги, плакаты, обращения, брошюры, сводки Совинформбюро, переправлявшиеся через линию фронта в партизанские отряды вместе с центральными и местными газетами и журналами. За годы войны через линию фронта было переправлено около 400 тыс. экземпляров литературы и 14 млн листовок [16, с. 169]. Печатные материалы, получаемые партизанами с Большой земли, пользовались большой популярностью, поскольку резко возросла потребность людей в информации, они стали действенным оружием в борьбе за разоблачение фашистской пропаганды.

Молодежная печать активно включилась в пропаганду и реализацию военно-хозяйственных задач, вставших перед страной. В освещении жизни советского тыла стержневой темой стало социалистическое соревнование. Наибольшего развития и распространения получили те его формы, которые способствовали быстрому росту производительности труда, эффективности производства, помогали находить дополнительные источники, вскрывать внутренние резервы предприятий и, в итоге, в условиях ограниченности трудовых ресурсов обеспечить бесперебойный выпуск продукции для фронта. Отсюда рост числа многостаночников, двухсотников, тысячников, фронтовых комсомольско-молодежных бригад; движений за совмещение специальностей, сокращение численности бригад; развитие соревнования по отраслям, профессиям и т. д. Замечательные образцы трудового патриотизма показали сельские механизаторы, особенно женщины и девушки, которые стали решающей силой в сельскохозяйственном производстве.

Печать подхватывала и популяризировала новые инициативы молодежи, возникшие в ходе соревнования: недели, декадниги фронтового труда; стахановские вахты в честь освобожденных от гитлеровских захватчиков советских городов; вклады сверхплановой продукции в фонд обороны; бригады имени Героев Советского Союза и т. д. В центре внимания газетных материалов был человек труда. На опыте ударников и стахановцев военного времени молодежные газеты учили, как нужно работать, как добиваться рекордных производственных успехов [17]. Поддерживая то новое и ценное, что рождалось в среде рабочей и сельской молодежи, печать формировала у них чувство уверенности в том, что их повседневная трудовая деятельность не менее важна и нужна Родине, чем непосредственное участие в боевых действиях, что работать на заводе и в поле было так же почетно, как сражаться на передовой.

Наряду с традиционными формами работы печати (проведение конкурсов, рейдов, общественных смотров, слетов и т. д.) широко использовались новые, появившиеся в годы войны формы, такие, как проведение пятитдневок, недель, декадников фронтового труда, организация соревнований между коллективами предприятий и воинскими частями, проведение рейдов, смотров за бережное расходование материальных ресурсов и т. д.

Повышению действенности печатной пропаганды, эффективности ее организаторского воздействия на выполнение молодежью страны задач военной экономики во многом способствовали выездные редакции «Комсомольской правды» и «Смены», работавшие в 1941–1946 гг. на решающих участках экономического строительства.

На протяжении всех военных лет молодежная печать обеспечивала постоянную переписку между бойцами фронта и тружениками тыла, что было новой, важной формой работы печати, вызванной спецификой военного времени. Переписка непосредственно связывала армию с народом, способствовала укреплению их морально-политического единства. «Комсомольская правда» только с первого дня войны по 1 мая 1944 г. получила около 100 тыс. писем (РГАСПИ. М. 1. Оп. 32. Д. 263).

Письма публиковались и в качестве самостоятельных материалов, и в виде подборок, целевых полос. На них были построены все наиболее сильные и запоминающиеся выступления газеты. Так, в августе 1942 г. в газете была помещена небольшая заметка редактора «Боевого листка» одного из подразделений Красной Армии В. Ливанова «Ждем ваших писем, девушки», в которой он призывал девушек чаще писать фронтовикам [19]. В первые же три дня после ее опубликования в адрес полевой почты автора пришло 853 письма, а через некоторое время число откликов составило 7.987 [16, с. 165].

Многие из фронтовиков, авторов присланных в газету писем, стали ее активно действующими военкорами. Так, письма капитана Александра Андреева «Тем, кто остался в тылу» [3], «За Отечество» [4], «О любви» [5] вызвали тысячи откликов читателей. Только на одно из них газета получила более 6000 писем [16, с. 165]. Такие материалы делали тему единения воинов и тружеников тыла разнообразной и наглядной для читателей, вызывали огромный резонанс. По ходатайству перед Политуправлением фронта А. Андреев был откомандирован в газету в качестве военного корреспондента воздушно-десантных войск и успешно работал в этой должности с июня 1943 г. до конца войны.

Молодежная журналистика сыграла важную роль в разъяснении и популяризации различных форм помощи молодого поколения фронту: участия молодежи в создании фонда обороны страны, передаче средств на укрепление обороны по государственным военным займам, во всенародном движении по сбору средств на строительство боевой техники и вооружения, в создании за счет сверхплановой продукции Особого фонда главного командования Красной Армии, в массовом сборе и отправке на фронт личных подарков и теплых вещей, в донорском движении и т. д.

Патриотическое движение за усыновление детей, оставшихся без родителей, развернулось по всей стране по инициативе молодого дальневосточника Петра Безносикова, обратившегося в редакцию «Комсомольской правды» с предложением взять на воспитание двухлетнюю девочку Надю Кузьмину, у которой фашисты 4 раза брали кровь и вырезали 10 кусочков кожи. О судьбе этого ребенка он узнал из заметки «Комсомольской правды» от 23 сентября 1941 г. «Фашистским зверям нет места на земле». Редакцией «Комсомольской правды» было получено 1380 писем со всех концов страны (не считая писем, присланных Петру Безносикову и другим авторам, написавших вслед за ним), в которых люди просили дать им возможность воспитать осиротевшего ребенка (РГАСПИ. М. 1. Оп. 32. Д. 262). Через «Комсомольскую правду» офицер Н. Корниенко внес предложение организовать при газете фонд помощи детям, пострадавшим от фашистов. «Перевожу единовременно 300 рублей, — писал он в телеграмме, опубликованной в «Комсомольской правде», — уверен, что фронтовики поддержат» [18].

Никаких комментариев по этому заявлению газета не дала, но тем не менее уже на следующий день в редакцию стали поступать денежные переводы и посылки отовсюду. Под рубриками «В нашей стране не будет сирот», «У нас не будет сирот. Патриоты помогают обездоленным детям» были опубликованы выдержки из многочисленных писем, поступивших в редакцию газеты. «Детей, оставшихся без родного крова, мы окружим заботой и материнской лаской, — писали танкисты одной из частей действующей армии. — Мы собрали уже 4 тыс. рублей. Сумма эта все увеличивается» [8]. «Комсомольская правда» открыла в банке специальный счет № 160180, который был объявлен центральным молодежным счетом помощи детям фронтовиков и детям, пострадавшим от гитлеровских оккупантов. К 15 мая 1945 г. на этот счет поступило 270230 тыс. руб. [9, с. 84]. Молодежные издания, разворачивания кампании по пропаганде патриотических начинаний, способствовали формированию общественного сознания и поведения, в основе которого лежало убеждение в необходимости участия каждого в общенародной борьбе с захватчиками.

В военные годы культурная система страны проявила свою оперативность и динамичность, была сформирована мобильная система идеологического воздействия на фронте и в тылу. Молодежной печатью в годы войны был накоплен большой опыт работы по воспитанию патриотизма у молодежи, мобилизации ее на защиту Отечества.

Деятельность газеты «Комсомольская правда» была отмечена орденом Отечественной войны I степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеев С.* Неслыханный вандализм фашистских варваров. Что делали немецкие оккупанты в Ясной Поляне // Комсомольская правда. 1941. 16 декабря. С. 2.
- 2 *Алексеев С.* Фашистские варвары разрушили творение Растрелли // Комсомольская правда. 1941. 18 декабря. С. 2.
- 3 *Андреев А.* Тем, кто остался в тылу // Комсомольская правда. 1942. 15 сентября. С. 3.
- 4 *Андреев А.* За Отечество // Комсомольская правда. 1943. 1 января. С. 2.
- 5 *Андреев А.* О любви // Комсомольская правда. 1943. 16 мая. С. 3.
- 6 *Берзс А.* «Пирмин, Драугай!». Как дерется с фашистами молодежь Литвы // Комсомольская правда. 1943. 23 апреля. С. 2.
- 7 *Большакова Л.* Отомсти боец // Смена. 1943. 22 августа. С. 2.
- 8 «В нашей стране не будет сирот» // Комсомольская правда. 1942. 26 апреля. С. 3.
- 9 *Ганичев В. Н.* Молодежная печать: история, теория, практика. М.: Мысль, 1976. 286 с.
- 10 *Домбровский Б., Багрий А.* Молодые защитники Севастополя // Комсомольская правда. 1942. 3 июля. С. 2.
- 11 «Дочь Латвии» // Комсомольская правда. 1943. 14 апреля. С. 4.
- 12 *Еремин В. Г., Исаков Н. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1984. 263 с.
- 13 *Жуков Ю.* Сражение // Комсомольская правда. 1943. 10 июля. С. 2.
- 14 «За твоего брата, Лиля!» Гвардейцы-артиллеристы отвечают Лиле Большаковой // Смена. 1943. 15 сентября. С. 2.
- 15 *Иванов Н.* Ледовое побоище. К 700-летию разгрома немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера // Смена. 1942. 5 апреля. С. 2.
- 16 Комсомол и молодежная печать. Документы и материалы. М.: Молодая гвардия, 1973. 319 с.
- 17 «Комсомольская фронтовая. Рассказ о делах бригады слесарей-монтажников Александра Шашкова» // Комсомольская правда. 1943. 6 августа. С. 3.
- 18 *Корниенко Н.* Организовать фонд помощи детям // Комсомольская правда. 1942. 7 марта. С. 3.
- 19 *Ливанов В.* Ждем ваших писем девушки // Комсомольская правда. 1942. 20 августа. С. 3.
- 20 *Любимов С., Бурков Б.* Вчера в Клину // Комсомольская правда. 1941. 17 декабря. С. 2.
- 21 *Мацкин А., Соболев В.* Как немцы хозяйничали в Ростове // Комсомольская правда. 1941. 7 декабря. С. 2.
- 22 «Немецкие захватчики хуже гуннов». «Таймс» об осквернении германскими нацистами памятников русской культуры // Комсомольская правда. 1941. 30 декабря. С. 4.
- 23 «Слово казахов» // Комсомольская правда. 1943. 27 июня. С. 1.
- 24 *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1950. 207 с.
- 25 *Чечеткина О.* Батыр Маншук // Комсомольская правда. 1944. 29 ноября. С. 4.

© 2022. Irina S. Mokshina

Moscow, Russia

© 2022. Tatyana Yu. Nechaeva

Moscow, Russia

**YOUTH PERIODICAL PRESS
AS A MEANS OF PATRIOTIC EDUCATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract: The beginning of the 21st century was a time of comprehension of the results of the past century. Up until now the Great Patriotic War remains one of the most tragic pages in the history of our country. The victory over fascism was won not only on the battlefields, but also in the spiritual sphere. Considerable merit in this belonged to the youth press, which acted as the most important means of patriotic education of young people, mobilizing them to fight the enemy. The theme of protecting the Motherland became the leading one, which has ensured high efficiency and effectiveness of printed publications. An appeal to national pride, to the country's military successes in the past, has begun. The propaganda of love for one's Fatherland is closely associated with the exposure of the essence of German fascism, the inculcation of hatred for the invaders. Print media participated in the organization of mass training of combat reserves for the front, provided the population with significant assistance in mastering defense knowledge. The youth press is a valuable source for studying the exploits of young people who fought at the fronts and in the rear of the fascist German troops; labor and patriotic achievements of the youth of the Soviet rear. One of the most important functions of journalism was conducting of propaganda among the population of the areas temporarily occupied by the enemy. The most important aspect of the work of the youth press was the development and strengthening of ties between the front and the rear, consolidation of moral and political unity of the Soviet people. That said the experience of youth periodicals of the war period due to the richness of the content, variety of forms and methods of work and its high efficiency is still relevant and highly topical in our days.

Keywords: press, front, rear, propaganda, agitation, heroism, competition, correspondence, patriotism.

Information about the authors:

Irina S. Mokshina — PhD in History, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies, Design, Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1932-1889>

E-mail: irina-st2001@yandex.ru

Tatyana Yu. Nechaeva — PhD in History, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies, Design, Art), Malaya Kaluzhskaya 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8533-8531>

E-mail: nechaeva-tu@rguk

Received: February 04, 2021

Approved after reviewing: May 21, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Mokshina I. S., Nechaeva T. Yu. Youth Periodical Press as a Means of Patriotic Education During the Great Patriotic War. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 115–127. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-115-127>

REFERENCES

- 1 Alekseev S. Neslykhannyi vandalizm fashistskikh varvarov. Chto delali nemetskie okkupanty v Iasnoi Poliane [Unheard-of Vandalism of Fascist Barbarians. What the German Occupiers did in Yasnaya Polyana]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1941, December 16, p. 2. (In Russian)
- 2 Alekseev S. Fashistskie varvary razrushili tvorenie Rastrelli [Fascist Barbarians Destroyed the Creation of Rastrelli]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1941, December 18, p. 2. (In Russian)
- 3 Andreev A. Tem, kto ostalsia v tylu [To those who Remained in the Rear]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1942, September 15, p. 3. (In Russian)
- 4 Andreev A. Za Otechestvo [For the Fatherland]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1943, January 1, p. 2. (In Russian)
- 5 Andreev A. O liubvi [About Love]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1943, May 16, p. 3. (In Russian)
- 6 Berzs A. “Pirmin, Draugai!” Kak deretsia s fashistami molodezh' Litvy [“Pirmin, Draugai!”. How Lithuanian Youth Fights Fascists]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1943, April 23, p. 2. (In Russian)
- 7 Bol'shakova L. Otomsti boets [Avenge the Fighter]. In: *Smena*, 1943, August 22, p. 2. (In Russian)
- 8 «V nashei strane ne budet sirot» [“There will be no Orphans in our Country”]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1942, April 26, p. 3. (In Russian)
- 9 Ganichev V. N. *Molodezhnaia pechat': istoriia, teoriia, praktika* [Youth Press: History, Theory, Practice]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 286 p. (In Russian)
- 10 Dombrovskii B, Bagrii A. Molodye zashchitniki Sevastopolia [Young Defenders of Sevastopol]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1942, July 3, p. 2. (In Russian)
- 11 «Doch' Latvii» [“Daughter of Latvia”]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1943, April 14, p. 4. (In Russian)
- 12 Eremin V. G., Isakov N. F. *Molodezh' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Youth during the Great Patriotic War]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 263 p. (In Russian)
- 13 Zhukov Iu. Srazhenie [Battle]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1943, July 10, p. 2. (In Russian)
- 14 “Za tvoego brata, Lilia!” Gvardeitsy-artilleristy otvechaiut Lile Bol'shakovoi [“For your Brother, Lily!” Guardsmen-artillerymen Respond to Lila Bolshakova]. In: *Smena*, 1943, September 15, p. 2. (In Russian)
- 15 Ivanov N. Ledovoe poboishche. K 700-letiiu razgroma nemetskikh «psov-rytsarei» na l'du Chudskogo ozera [The battle on the Ice. To the 700th Anniversary of the Defeat of the German “Dog-knights” on Ice of the Lake Peipus]. In: *Smena*, 1942, April 5, p. 2. (In Russian)
- 16 *Komsomol i molodezhnaia pechat'. Dokumenty i materialy* [Komsomol and Youth Press. Documents and Materials]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1973. 319 p. (In Russian)

- 17 «Komsomol'skaia frontovaia. Rasskaz o delakh brigady slesarei-montazhnikov Aleksandra Shashkova» [“Komsomolskaya Frontline. A Story about the Affairs of the team of Fitters of Alexander Shashkov”]. In: *Komsomol'skaia pravda*, 1943, August 6, p. 3. (In Russian)
- 18 Kornienko N. Organizovat' fond pomoshchi detiam [Organize a Children's Aid Fund]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1942, March 7, p. 3. (In Russian)
- 19 Livanov V. Zhdem vashikh pisem devushki [We are Waiting for your Letters Girls]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1942, August 20, p. 3. (In Russian)
- 20 Liubimov S., Burkov B. Vchera v Klinu [Yesterday in Klin]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1941, December 17, p. 2. (In Russian)
- 21 Matskin A., Sobolev V. Kak nemtsy khoziainichali v Rostove [How the Germans Played the Masters in Rostov]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1941, December 7, p. 2. (In Russian)
- 22 “Nemetskie zakhvatchiki khuzhe gunnov”. “Taims” ob oskvernenii germanskimi natsistami pamiatnikov russkoi kul'tury [“The German Invaders are Worse than the Huns”. “The Times” about the Desecration by the German Nazis of Monuments of Russian culture]. In: *Komsomol'skaia Pravda*, 1941, December 30, p. 4. (In Russian)
- 23 “Slovo kazakhov” [“The Word of the Kazakhs”]. In: *Komsomol'skaia pravda*, 1943, July 27, p. 1. (In Russian)
- 24 Stalin I. V. *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuz*a [About the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1950. 207 p. (In Russian)
- 25 Chechetkina O. Batyr Manshuk. In: *Komsomol'skaia pravda*, 1944, November 29, p. 4. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-128-141>

УДК 008+94

ББК 71+63.3(4Чех)7

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. Ю. Анхимюк

г. Москва, Россия

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
В ПРОГРАММАХ ЧЕШСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА**

Аннотация: В публикации представлен историографический обзор проблемы эволюции внешнеполитических концепций чешских политических партий на рубеже XX–XXI вв. в условиях кардинальных геополитических изменений, формирования новой системы международных отношений в Европе. После образования независимой Чешской Республики исследователи из разных стран начали проявлять интерес к внешней политике нового государства в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. В статье научные работы по этой тематике сгруппированы по центрам изучения в России, Чехии, Великобритании и США, а также распределены в хронологическом порядке, начиная с 1990-х и заканчивая концом 2010-х гг. Автор впервые обозначает «водораздел» в истории изучения вопроса, когда в научной литературе происходит отклонение от общепредметного исследования чешской внешней политики к более узким проблематикам. Многие исследователи, специализирующиеся на международных отношениях, переходят от изучения общих вопросов внешней политики Чехии к конкретным сюжетам, таким, как позиции партий в отношении дальнейшей евроинтеграции, военного сотрудничества с НАТО, связей с Россией и др. Это позволяет говорить о росте интереса научного сообщества к глубинным процессам, формирующим внешнеполитический курс Чешской Республики.

Ключевые слова: современная история Чехии, внешняя политика, международные отношения, чешские политические партии, отечественная историография, зарубежная историография.

Информация об авторе: Мстислав Юрьевич Анхимюк — аспирант, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 а, 119332 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6785-2070>

E-mail: mankhimiuk@gmail.com

Дата поступления статьи: 21.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 05.06.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Анхимюк М. Ю. Внешняя политика в программах чешских политических партий на рубеже XX–XXI вв.: история изучения вопроса // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 128–141.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-128-141>

На рубеже 1980–1990-х гг. начался новый этап в истории стран Европы и Северной Америки. Основы прежней системы международных отношений, заложенные в 1945 г. в Ялте и Потсдаме, оказались разрушены. Начался процесс формирования нового миропорядка. Отношения между государствами Западной Европы, с одной стороны, и странами Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) — с другой — обрели новые измерения.

В результате смены политического режима, вошедшего в историю как «бархатная революция», Чехословакия вышла из социалистического лагеря, радикально изменив внутреннюю и внешнюю политику. Вскоре после этого достигли своего апогея и разногласия между чехами и словаками, более 70 лет жившими в одном государстве. Уже 1 января 1993 г. при распаде Чешской и Словацкой Федеративной Республики (ЧСФР) образовались два независимых государства — Чехия и Словакия.

Чешская Республика (ЧР) сразу начала активно искать свое место в изменившейся системе международных отношений, ориентируясь в первую очередь на страны Западной Европы и США. Этот процесс не был простым и однозначным, поскольку трансформация внутренней и внешней политики государства очень редко бывает синхронной. Так, выстраивание нового внешнеполитического курса заняло около пяти лет, а некоторые эксперты склонны оценивать длительность этого процесса в 10 или 15 лет. Ситуация осложнялась и тем, что западные партнеры с гораздо большей готовностью могли бы принять в евроатлантические структуры единую ЧСФР, так как она могла бы играть роль своего рода «стабилизирующего» государства в ЦЮВЕ. После ее распада процесс евроинтеграции независимой Чехии значительно замедлился [14].

Исследование эволюции внешней политики независимой Чехии наиболее плодотворным представляется проводить именно через анализ уставных и предвыборных программ чешских партий, их содержания относительно отношений ЧР с другими государствами. В четко структурированных программах партий ярко выражена меняющаяся со временем тактика действий тех или иных чешских политических сил, их приоритеты, внешнеполитическая ориентация.

В России основной массив работ по заявленной в статье теме издавался и продолжает публиковаться учеными двух авторитетных академических центров: Института славяноведения РАН и Института Европы РАН.

Институт славяноведения РАН является профильным научным учреждением, занимающимся комплексным изучением истории и культуры славянских стран. Здесь, на базе Отдела современной истории стран Центральной и Восточной Европы, на протяжении многих лет ведется работа по анализу актуальных проблем развития общества, политических и экономических сюжетов эволюции стран региона. Начиная с 1990-х гг. историки Института внесли значимый вклад в изучение специфики внешнеполитических ориентиров чешских политических партий [4; 9; 10].

Исследуя их эволюцию во второй половине 1990-х гг., авторы приходят к выводу, что именно программа чешских социал-демократов коррелировала с левой повесткой, утвердившейся в то время в ЕС [7]. Именно поэтому левоцентристская Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) постепенно стала перехватывать инициативу

у правящей в то время правоцентристской Гражданской демократической партии (ГДП) в повестке евроинтеграции.

Проблемы структурной эволюции, приоритетов чешских политических партий и движений, экономических программ, политической активности, перспектив новой Европы в программах чешских социал-демократов поднимались в исследованиях Э. Г. Задорожнюк. Автор считает социал-демократические партии движущей силой процесса евроинтеграции стран ЦЮВЕ, в том числе и Чехии. Эта позиция обусловливается традиционными ценностями, которые отстаивали социал-демократы на протяжении истории (исключая период нахождения у власти коммунистов): осуществление полноты прав человека и развитие гражданского общества, сочетаемость укрепления рыночного хозяйства и активной социальной политики, стабильность государственных институтов [6].

Авторский анализ внешнеполитических приоритетов разных чешских политических партий в более поздний период — 2010-е гг. — демонстрирует широкий разброс их предпочтений — от приверженности «твердому ядру» в Евросоюзе через требования реформирования ЕС до проведения референдума о выходе из него [5; 8; 16; 17].

Институт Европы РАН специализируется на комплексном изучении европейской проблематики современности. Публикации актуальных материалов по связанным со странами Центральной и Восточной Европы темам вышли на новый уровень с созданием в 2006 г. на базе Института Центра Вишеградских исследований. Центр активно контактирует с российскими учеными, экспертами по странам Вишеградской группы, в том числе и по ЧР, а также развивает деловые отношения с зарубежными партнерами.

Серьезного внимания исследователей заслуживают коллективные монографии Центра, в которых Вишеградская четверка (Венгрия, Польша, Чехия и Словакия) рассматривается как своеобразный европейский регион, обладающий особыми традициями и ментальностью, обусловившими историческую общность четырех стран. Так, например, схожие тенденции проявляются, по мнению авторов, в эволюции политических элит вишеградских стран во второй половине 2010-х гг. Во всех четырех государствах наблюдается трансформация национальной идеологии, тесно увязанная с исторической политикой. Процесс становится комплексным, поскольку идеологические изменения происходят на фоне активной фазы адаптации общих европейских, евроатлантических ценностей [3, с. 82]. Как итог, мы можем наблюдать формирование новой центрально-европейской ментальности и идентичности.

Научные работы Центра Вишеградских исследований также фокусируются и на остроугольных моментах предвыборных кампаний, проходящих в вишеградских странах и ярко демонстрирующих позиции политических партий по отношению к международной повестке [15]. Так, главную линию чешского партийного водораздела во внешней политике авторы четко определяют в политической и экономической интеграции Чехии в ЕС и ее места в этом объединении, выделяя в политическом спектре страны «еврооптимистов», «евроскептиков» и «еврореалистов» [2, с. 533–544].

Отношения Чехии с другими странами, в частности с Россией, в основном являются предметом исследований М. В. Ведерникова. Его работы отличаются актуальностью поднимаемых в них вопросов. Автор приводит примеры все чаще встречающейся вольной трактовки чешскими политиками разного уровня, в основном являющихся членами либеральных партий, фактов из истории отношений двух стран, что существенным образом влияет на уровень напряженности между ними [1]. Можно согласиться с автором, что в последние годы среди чешской политической элиты, зачастую неза-

висимо от членства ее представителей в той или иной партии, за редким исключением, преобладают именно русофобские настроения, что можно считать в большей степени данью европейской «моде» и следствием проекции на современную Россию недовольства политикой СССР.

Важный вклад в изучение истории и трендов развития внешней политики ЧР вносят и другие отечественные исследователи: В. В. Трухачев [12; 13], Ю. А. Щербакова [18; 19] и И. Н. Тарасов [11].

В Чехии в 1990-е гг. XX в. тема изучения внешнеполитических установок в программах политических партий не пользовалась большой популярностью. Редкое исключение представляли работы чешского политолога М. Мареша. Он провел глубокий анализ предвыборных программ партий ЧР, сравнивая их и формируя картину чешского политического дискурса периода 1990-х – начала 2000-х гг. Так, в одной из статей автор приходит к выводу о том, что ГДП сразу после «рождения» независимой Чешской Республики в 1993 г. последовательно отстаивала позицию снижения степени взаимодействия страны с ее соседями по региону ЦЮВЕ, в то время как программы других активных партий того времени — ЧСДП, Христианско-демократического союза — Чехословацкой народной партии (ХДС-ЧНП) и Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ) отличались более дружелюбной риторикой в отношении сближения ЧР с соседними странами [31]. Исследования М. Мареша дают основания утверждать актуальность в вышеуказанный период дискуссии вокруг вопроса о необходимости объединения центральноевропейских стран в Вишеградскую группу ради достижения необходимых им целей.

Работы М. Мареша интересны также и тем, что автор не ограничивается анализом программ левых и центристских политических партий ЧР. Внимание он уделяет и крайне правым партиям, вышедшим на политическую арену в 1990-х гг. Так, «Объединение за республику — Республиканская партия Чехословакии» (ОЗР-РПЧ) активно выступала за отказ от вступления Чехии в НАТО и ЕС, не разделяя мнение чешских демократов о том, что Североатлантический альянс является гарантией свободной и безопасной Европы [33]. Однако в итоге М. Мареш приходит к однозначному выводу, что влияние ультраправых организаций на внешнюю политику, несмотря на громкие заявления, в период 1990–2000-х гг. было близко к нулевому значению.

В целом, М. Мареш впервые проводит дифференциацию политического спектра Чехии того времени по внешнеполитической ориентации на две группы. Критерием выступило их отношение к присоединению страны к Североатлантическому альянсу и Европейскому союзу. С одной стороны, партии, поддерживавшие вступление в евроатлантические структуры (ГДП, Гражданский демократический альянс, Союз свободы, ХДС-ЧНП и ЧСДП), а с другой — политические организации-противники процесса (КПЧМ и ОЗР-РПЧ) [32, s. 17–18].

Ведущей чешской независимой организацией в области изучения международных отношений и внешней политики можно назвать действующую с 1997 г. Ассоциацию по международным вопросам (АМВ). Она объединяет работающих в этом направлении экспертов и организует различные научные и образовательные мероприятия. На официальном сайте АМВ публикуются аналитические статьи по актуальным проблемам международных отношений, связанным как с самой Чехией, так и с другими странами.

Следует отметить публикации АМВ о событиях «Крымской весны» 2014 г. [35], прогнозы в отношении внешнеполитического курса партий, приходящих к власти

в стране (например, Акция недовольных граждан (АНГ) в 2017 г.) [34] или регулярные сборники статей, подводящие итоги года в сфере внешней политики ЧР [22].

Начало XXI в. подарило мировому научному сообществу несколько имен политологов, специализирующихся на изучении чешских политических партий, комплексном анализе их предвыборных программ и практической деятельности. Одним из них стал П. Пшея. Международный аспект деятельности партийных организаций не является основным направлением его исследований, однако монографии П. Пшеи, а также его совместные труды с другими авторами представляют собой комплексный анализ чешской политической системы в целом и эволюцию таких партий, как ГДП, ЧСДП и КПЧМ в частности. Так, например, в одной из своих монографий он демонстрирует эволюцию политического дискурса в ЧР на протяжении 10 лет, начиная с формирования многопартийной системы в 1989 г., заканчивая относительной стабилизацией политического поля в 1998 г. [36].

Признанным экспертом в области внешней политики Чехии стал и М. Коржан, оставивший значительный след в историографии вопроса изучения внешнеполитического курса страны и различных ведомств, непосредственно на него влияющих. Его монографии и особенно труды, написанные в соавторстве с другими профессионалами, такими, как М. Грабалек, могут служить учебными пособиями для действующих дипломатов и других специалистов по международным отношениям [30]. Авторы систематизировали теоретические принципы, по которым должна строиться эффективная внешняя политика, определив в этом процессе роли Президента, Правительства, МИДа, Министерства промышленности и торговли и Парламента ЧР. Весьма интересным представляется вывод авторов о том, что депутаты и сенаторы Парламента ЧР оказывают незначительное влияние на внешнюю политику государства, ограничиваясь в основном депутатскими запросами в ведомства. Однако председатели обеих палат, наоборот, могут участвовать и действительно участвуют в этом процессе, например, через международные парламентские объединения, такие, как Межпарламентский союз [30, s. 120–123].

Полезной для исследователей-международников является выпускаемая со второй половины 2000-х гг. на регулярной основе серия коллективных монографий под редакцией М. Коржана и под эгидой пражского Института международных отношений, которая посвящена анализу заметных внешнеполитических событий, произошедших за год [29]. В фокусе внимания авторов находятся сюжеты, связанные со сферой обеспечения безопасности в Европе, международная экономическая политика, торговля, защита прав человека, культурное сотрудничество и др. Отдельная глава в ежегодных сборниках всегда посвящена Парламенту ЧР и вкладу депутатов и сенаторов в достижение или недостижение тех или иных национальных целей, например ратификации международных договоров.

В целом, можно констатировать, что в середине 2000-х гг. в Чехии и других западных странах происходит своего рода качественный сдвиг в изучении программ чешских политических партий в контексте их внешнеполитической составляющей. Многие исследователи, специализирующиеся на проблематике международных отношений, переходят от изучения общих вопросов внешней политики страны к конкретным сюжетам, таким, как позиции партий в отношении дальнейшей евроинтеграции, военного сотрудничества с НАТО, связей с Россией и др.

Помимо монографий и сборников, широкое распространение в 2000-е гг. получили статьи экспертов, связанные в основном с проблематикой евроинтеграции Чехии

и участием различных политических сил страны в этом процессе. Здесь следует упомянуть работы В. Глоушека [27] и В. Гавлика [26], в которых они обозначили позиции чешских партий в отношении присоединения страны к ЕС.

Другая группа ученых — Ф. Чернох, В. Заплеталова и Т. Влчек — подняла в свое время вопрос энергетической безопасности ЧР. Они использовали в своей работе принцип «от общего к частному», анализируя чешские государственные стратегические документы, например Государственную энергетическую концепцию 2010 г. [21], и систематизируя вклад партий в ее формирование. Авторы приходят к важному выводу, что ни одна из них с течением времени не изменила своей политики и отношения к вопросу энергобезопасности, даже в периоды выборов в Европарламент 2009 г. и в законодательный орган Чехии 2010 г. Отсюда следует, что в этом аспекте внешнеполитические взгляды чешских партий были достаточно твердыми и стратегически выверенными.

Еще одним чешским центром по изучению позиций партий в отношении внешней политики страны можно назвать Университет Т. Г. Масарика в Брно, а конкретнее — его Факультет социальных исследований. Интерес с методологической точки зрения представляют работы Л. Копечка. В них можно найти типологизацию действующих на территории Чехии политических партий. Так, например, автор упоминает выделенный учеными XX в. универсальный (catch-all) тип, подразумевающий стремление организации объединить людей с разными точками зрения, вне зависимости от рамок социальных классов, разрыва между «правыми» и «левыми» и иных различий. Главная цель таких партий — собрать как можно больше голосов избирателей, выиграть выборы и возглавить правительство, а для этого необходимо охватить всю возможную совокупность социальных интересов. Обычно подобные партии позиционируются как центристские. Второй тип, который приводит Л. Копечек, — это партия-картель. Подобные организации используют ресурсы государства для сохранения своего положения в политической системе, действуя аналогично картелю. Третий же тип характеризуется как предпринимательская партия, создаваемая чаще всего вокруг харизматичного бизнесмена, решившего заняться политикой для продвижения своих собственных интересов. В таких организациях предприниматель контролирует все аспекты партийной платформы и кампаний, играет решающую роль в отборе кандидатов для участия в выборах, управлении ресурсами партии и соблюдении партийной дисциплины. Л. Копечек подводит читателя к мысли, что образованная в 2011–2012 гг. АНГ относится именно к этому типу, сравнивая ее с итальянской правоцентристской политической партией «Вперед, Италия», возглавляемой С. Берлускони [28].

Л. Копечек приводит также деление чешских партий на три «поколения», отношение к которым зависит от времени появления партии. ХДС-ЧНП и КПЧМ автор относит к первому «поколению», поскольку они начинают функционировать еще в первой половине XX в. Это позволило им накопить значительные компетенции и развить региональное представительство. Ко второму «поколению» автор относит ЧСДП и ГДП, которые окончательно сформировались в 1990-е гг. и сумели выстроить эффективный политический курс. И, наконец, третье «поколение» чешских партий составляет уже упомянутая выше АНГ и партия Свобода и прямая демократия (СПД). Эти партии двух харизматичных лидеров — А. Бабиша и Т. Окамуры — официально были зарегистрированы как политические движения.

Взгляды партий на внешнюю политику Чехии Л. Копечек затрагивает по касательной — лишь в той мере, в какой партии разыгрывали эту карту для привлечения

электората во время парламентских, региональных и муниципальных выборов первой половины 2010-х гг.

Интерес к внешней политике ЧР в свете ее вступления в Евросоюз в 2004 г. стали проявлять ученые из Великобритании и США. Определенный вклад в изучение чешской политической системы, в особенности правоцентристских партий, внес профессор Университетского колледжа Лондона Ш. Хенли, занимающийся славянскими и восточноевропейскими исследованиями. В своих статьях он касается прежде всего генезиса ГДП, обращается к истокам ее политики евроскептицизма [24; 25]. Достаточно ценной также можно назвать работу автора по анализу кампаний чешских партий накануне проведения референдума о вступлении страны в ЕС в 2003 г. Ш. Хенли констатирует, что у противников интеграции (КПЧМ и некоторых правых партий) практически не было шансов на успех из-за плохо подготовленной PR-кампании в СМИ, в то время как на стороне приверженцев вступления Чехии в ЕС был значительный административный ресурс и поддержка ведущих политических сил страны — ГДП и ЧСДП [23].

Процесс вхождения ЧР в Евросоюз получил отражение в трудах М. Бауна (Государственный университет Валдоста, США). Автор попытался ответить на вопросы: как изменились правила вступления в ЕС для новых членов, что пришлось изменить в чешской политической системе. Помимо этого, автор рассуждает, насколько изменилась внешняя политика ЧР после вступления в данное объединение, потеряла ли страна часть суверенитета, а также стремилось ли новое государство-член повлиять на внешнеполитический курс Европейского союза, особенно во время своего председательства в первой половине 2009 г. [20]. Уделяет автор внимание и роли правящих и коалиционных политических партий в формировании внешней политики страны в 2000-е гг. Главные политические силы — ГДП, ЧСДП и ХДС-ЧНП — характеризуются как основные сторонники евроинтеграции, с тем лишь отличием, что ГДП выступала за сближение в отношениях с США, а остальные — за налаживание связей с Евросоюзом. КПЧМ же М. Баун относит к противникам членства как в ЕС, так и в НАТО.

Автор приходит к выводам, что влияние ЕС на принятие внешнеполитических решений в Чехии было относительно невелико. Гораздо больше на них воздействовали внутривнутриполитические факторы. Если после «бархатной революции» существенную роль в определении внешнеполитического курса играли видные политики, такие, как В. Гавел и В. Клаус, то с конца 1990-х гг. инициатива в вопросе международных отношений переходит к партиям, имеющим большинство в парламенте.

Исследователи левых партий и движений найдут весьма полезной работу политолога Х. Л. Роу (Университет Сан-Франциско, США), посвященную КПЧМ. Современные чешские коммунисты представляют собой консервативную политическую силу, имеющую складывавшийся десятилетиями электорат. Автор акцентирует внимание на позиции коммунистов по отношению к ЕС. Согласно позиции КПЧМ, Европейский союз представляет собой оплот капитализма, систему, предназначенную для сохранения и расширения свободного рынка, не имеющую ничего общего с классовой борьбой [37]. Однако в то же время прогрессивные представители партии признавали потенциал ЕС как поставщика социальных пособий. Они одновременно выражали скептицизм по отношению к политической модели Евросоюза и признавали потенциал проводимой внутри него социальной политики.

Помимо этого, Х. Л. Роу приводит и характеристику целевой аудитории КПЧМ. К сторонникам партии он относит в основном недовольных результатами прошедшей в Чехии приватизации рабочих, не стремящихся вернуть коммунистический режим, но надеющихся на возвращение государственных льгот.

В заключение важно еще раз отметить, что по итогам анализа истории изучения проблематики внешнеполитических концепций чешских партий качественный сдвиг в исследовании темы произошел в Чехии и других западных странах в середине 2000-х гг. В этот период наблюдается переход авторов от общих вопросов внешней политики ЧР к отдельным сюжетам, например, таким, как энергетическая безопасность страны. Хотя взаимоотношения Чешской Республики с другими государствами и становится в последнее время популярной проблематикой в российской научной среде, изучение ее в контексте анализа внешнеполитических ориентаций чешских партий в отечественной историографии развито недостаточно. Отсюда следует вывод, что эта тематика имеет определенный научный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Ведерников М. В.* Российско-чешские отношения на фоне юбилея Победы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3 (15). С. 34–41.
- 2 Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной. М.: Весь Мир, 2010. 564 с.
- 3 Вишеградская четверка в Европейском Союзе: дилеммы конвергенции / отв. ред. Л. Н. Шишелина. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 140 с.
- 4 Европа. Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: ИСЛ РАН: ПОЛИМЕДИА, 2018. 496 с.
- 5 *Задорожнюк Э. Г.* Партии и движения в Чехии: структурная эволюция и проблема приоритетов // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов / отв. ред. Ю. Ф. Зудинов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 239–260.
- 6 *Задорожнюк Э. Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М.: Academia, 2000. 312 с.
- 7 *Задорожнюк Э. Г.* Внешнеполитические приоритеты чешских парламентских партий (по итогам выборов 2017 года) // Славянский мир в третьем тысячелетии / глав. ред. Е. С. Узенева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. Вып. 13, № 1–2. С. 144–159.
- 8 Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XXI – начало XXI в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 338–388.
- 9 Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям / отв. ред. Ю. С. Новопашин. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1993. 315 с.
- 10 Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов / отв. ред. Ю. Ф. Зудинов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 262 с.
- 11 *Тарасов И. Н.* Ориентиры внешней политики Чехии // Перспективы. Электронный журнал. 2008. URL: http://www.perspektivy.info/book/orientiry_vneshnej_politiki_chehii_2008-09-17.htm (дата обращения: 10.02.2022).
- 12 *Трухачев В. В.* «Российский» раскол Чехии // Перспективы. Электронный журнал. 2018. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/rossijskij_raskol_chehii_2018-10-31.htm (дата обращения: 11.02.2022).
- 13 *Трухачев В. В.* Памятник маршалу Коневу как жертва чешских противоречий по России // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-

- Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Ин-т славяноведения РАН; Нестор-История, 2021. С. 197–210.
- 14 Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности / отв. ред. Ю. С. Новопашин. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. С. 140–162.
- 15 Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / под ред. Л. Н. Шишелиной, М. В. Ведерникова. М.: ИЕ РАН, 2018. 240 с.
- 16 Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с.
- 17 Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2005. Кн. 2. 558 с.
- 18 *Щербакова Ю. А.* Украина во внешней политике Чешской Республики // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 169–183.
- 19 *Щербакова Ю. А.* Балканское направление современной внешней политики Чешской Республики // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2 (110). С. 217–232.
- 20 *Baun M.* Czech Foreign Policy and EU Membership: Europeanization and Domestic Sources // Archive of European Integration. Los Angeles, 2009. URL: <http://aei.pitt.edu/33023/> (дата обращения: 05.02.2022).
- 21 *Černoch F., Zapletalová V., Vlček T.* Energetická politika ČR v rozhodování politických stran: agregace a artikule zájmů z hlediska jejich intenzity a konzistence // Středoevropské politické studie. 2008. URL: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4483> (дата обращения: 05.02.2022).
- 22 *Dostál V., Havlíček P., Janebová P.* Agenda pro českou zahraniční politiku 2020 // Asociace pro mezinárodní otázky (AMO). Praha, 2020. URL: <https://www.amo.cz/cs/agenda-pro-ceskou-zahranicni-politiku/agenda-pro-ceskou-zahranicni-politiku-2020/> (дата обращения: 02.02.2022).
- 23 *Hanley S.* A nation of sceptics? The Czech EU accession referendum of 13–14 June 2003 // West European politics. 2004. № 27 (4). URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/15031/> (дата обращения: 08.02.2022).
- 24 *Hanley S.* From neo-liberalism to national interests: Ideology, strategy, and party development in the euroscepticism of the Czech right // East European politics and societies. 2004. № 18 (3). URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/15078/> (дата обращения: 07.02.2022).
- 25 *Hanley S.* The consolidation of centre-right parties in the Czech Republic as an issue for comparative analysis // Czech journal of political science. 2010. URL: <https://www.politologickycasopis.cz/en/archive/2010/2/#article-80> (дата обращения: 02.02.2022).
- 26 *Havlík V.* Jak je měřit? Přístupy a metody analýzy postojů politických stran k evropské integraci // Středoevropské politické studie. 2008. URL: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4433> (дата обращения: 15.02.2022).
- 27 *Hloušek V.* Český stranický system — skutečná evropeizace? // International Institute of Political Science of Masaryk University. Working Paper. Brno: CEFRES, 2008. Č. 31. 11 p.
- 28 *Kopeček L., Svačinová P.* Kdo rozhoduje v českých politických stranách? Vzestup nových politických podnikatelů ve srovnávací perspektivě // Středoevropské politické studie. 2015. URL: <https://doi.org/10.5817/CEPSR.2015.2.178> (дата обращения: 16.02.2022).

- 29 *Kořan M. a kol.* Česká zahraniční politika v roce 2007. Analýza ÚMV. Praha: Úst. mezinár. vztahů, 2008. 416 p.
- 30 *Kořan M., Hrabálek M.* Česká zahraniční politika. Aktéři, struktura, process. Brno: Úst. mezinár. vztahů, 2007. 151 p.
- 31 *Mareš M.* České politické strany a spolupráce s postkomunistickými zeměmi střední Evropy // Středoevropské politické studie. 1999. URL: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/3763/5151> (дата обращения: 03.02.2022).
- 32 *Mareš M.* České politické strany a zahraniční politika // Mezinárodní vztahy. 1999. № 1. P. 7–20.
- 33 *Mareš M.* Zahraničně-politické koncepce české krajní pravice // Středoevropské politické studie. 2000. URL: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/3813> (дата обращения: 03.02.2022).
- 34 *Mušálková V.* Jaká bude Babišova zahraniční politika? // Asociace pro mezinárodní otázky (AMO). Praha, 2017. URL: <https://www.amo.cz/cs/agenda-pro-ceskou-zahranicni-politiku/jaka-bude-babisova-zahranicni-politika/> (дата обращения: 09.02.2022).
- 35 *Prudilová E.* Krymská krize // Asociace pro mezinárodní otázky (AMO). Praha, 2014. URL: <https://www.amo.cz/cs/prazsky-studentsky-summit/krymska-krize/> (дата обращения: 09.02.2022).
- 36 *Pšeja P.* Stranický system České republiky: politické strany a jejich vývoj 1989–1998. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2005. 203 p.
- 37 *Roe H. L.* The Electoral Success of Communist-Successor Parties in the Czech Republic and Romania // Scholarship Repository. San Francisco, 2016. URL: <https://repository.usfca.edu/thes/203/> (дата обращения: 01.02.2022).

© 2022. Mstislav Yu. Ankhimiuk
Moscow, Russia

**FOREIGN POLICY
IN PROGRAMS OF CZECH POLITICAL PARTIES
AT THE TURN OF THE 21th CENTURY:
HISTORIOGRAPHICAL ESSAY**

Abstract: The paper presents a historiographical overview of the evolution of foreign policy concepts of Czech political parties at the turn of the 21st century in terms of cardinal geopolitical changes and formation of a new system of international relations in Europe. After the emergence of the independent Czech Republic, scholars from different countries began to show interest in the foreign policy of the new state in the region of Central and South-Eastern Europe. The present research groups academic papers according to the centers of study of the topic in Russia, the Czech Republic, Great Britain and the USA, also following chronological order, starting from the 1990s and ending with the end of the 2010s. For the first time the author designates a “watershed” in the history of the issue, when in the scientific literature the study of Czech foreign policy in general turns to a narrower range of topics. Many researchers specializing in international relations turned from studying general issues of Czech foreign policy to

specific topics, such as the positions of parties regarding further European integration, military cooperation with NATO, relations with Russia, etc. This fact allows us to talk about the growing interest of the scientific community in deep processes shaping the foreign policy of the Czech Republic.

Keywords: Modern history of the Czech Republic, foreign policy, international relations, Czech political parties, Russian historiography, Czech historiography.

Information about the author: Mstislav Yu. Ankhimiuk — Postgraduate, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave 32 a, 119332 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6785-2070>.

E-mail: mankhimiuk@gmail.com

Received: March 21, 2022

Date of publication: June 05, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Ankhimiuk M. Yu. Foreign Policy in Programs of Czech Political Parties at the Turn of the 21st Century: Historiographical Essay. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 128–141. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-128-141>

REFERENCES

- 1 Vedernikov M. V. Rossiisko-cheshskie otnosheniia na fone iubileia Pobedy [Russian-Czech Relations Amidst Victory Day Anniversary]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2020, no 3 (15), pp. 34–41. (In Russian)
- 2 *Vishegradskaia Evropa: ot kuda i kuda? Dva desiatiletiia po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakkii i Chekhii* [Vishegrad Europe: Where from — Where to? Twenty Years on the Path of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czech Republic], ed. by L. N. Shishelina. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010. 564 p. (In Russian)
- 3 *Vishegradskaia chetverka v Evropeiskom Soiuzе: dilemmy konvergentsii* [The Vishegrad Four in the European Union: dilemmas of convergence], ex. ed. by L. N. Shishelina. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., 2017. 140 p. (In Russian)
- 4 *Evropa. Evraziia. XXI vek nachinaetsia* [Europe. Eurasia. The 21 century begins], ex. ed. by K. V. Nikiforov. Moscow, ISI RAN: POLIMEDIA Publ., 2018. 496 p. (In Russian)
- 5 Zadorozhniuk E. G. Partii i dvizheniia v Chekhii: strukturnaia evoliutsiia i problema prioritetoв [Parties and Movements in the Czech Republic: Structural Evolution and the Issue of Priorities]. In: *Politicheskii landschaft stran Vostochnoi Evropy serediny 90-kh godov* [The political landscape of Eastern Europe countries in the mid-1990s], ex. ed. by Iu. F. Zudinov. Moscow, Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN Publ., 1997, pp. 239–260. (In Russian)
- 6 Zadorozhniuk E. G. *Sotsial-demokratiia v Tsentral'noi Evrope* [Social Democracy in Central Europe]. Moscow, Academia Publ., 2000. 312 p. (In Russian)
- 7 Zadorozhniuk E. G. Vneshnepoliticheskie priority cheshskikh parlamentskikh partii (po itogam vyborov 2017 goda) [Foreign Policy Priorities of the Czech Parliamentary Parties (Following the 2017 Elections)]. In: *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic World in the Third Millennium], ex. ed. by E. S. Uzeneva. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2018, vol. 13, no 1–2, pp. 144–159. (In Russian)
- 8 *Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Konets XXI – nachalo XXI v.* [Essays on the Political History of the Countries of Central and South-

- Eastern Europe. From the Late Twentieth to the Early Twenty-first Centuries], ex. ed. by K. V. Nikiforov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2020, pp. 338–388. (In Russian)
- 9 *Politicheskie partii i dvizheniia Vostochnoi Evropy. Problemy adaptatsii k sovremennym usloviyam* [Political Parties and Movements in Eastern Europe. Problems of Adaptation to Modern Conditions], ex. ed. by Iu. S. Novopashin. Moscow, Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN Publ., 1993. 315 p. (In Russian)
- 10 *Politicheskii landshaft stran Vostochnoi Evropy serediny 90-kh godov* [The Political Landscape of Eastern Europe Countries in the mid-1990s], ex. ed. by Iu. F. Zudinov. Moscow, Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN Publ., 1997. 262 p. (In Russian)
- 11 Tarasov I. N. Orientyry vneshnei politiki Chekhii [Landmarks of the Foreign Policy]. In: *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*. 2008. Available at: http://www.perspektivy.info/book/orientiry_vneshnej_politiki_chehii_2008-09-17.htm (accessed 10 February 2022). (In Russian)
- 12 Trukhachev V. V. «Rossiiskii» raskol Chekhii [“Russian” Split of the Czech Republic]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*. 2018. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/desk/rossijskij_raskol_chehii_2018-10-31.htm (accessed 11 February 2022). (In Russian)
- 13 Trukhachev V. V. Pamiatnik marshalu Konevu kak zhertva cheshskikh protivorechii po Rossii [Monument to Marshal Konev as a Victim of Czech Controversy over Russia]. In: *Transformatsionnye revoliutsii v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. K 30-letiiu sobytii. 1989–2019 gg.* [Transformational revolutions in the countries of Central and South-Eastern Europe. To the 30th anniversary of the events. 1989–2019], ex. ed. by K. V. Nikiforov. Moscow, St. Petersburg, Institut slavianovedeniia RAN, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 197–210. (In Russian)
- 14 *Tsentral'naia Evropa v poiskakh novoi regional'noi identichnosti* [Central Europe in Search of a New Regional Identity], ex. ed. by Iu. S. Novopashin. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2000, pp. 140–162. (In Russian)
- 15 *Tsentral'naia Evropa: politicheskii portret na fone 100-letiiia* [Central Europe: a Political Portrait Amidst the 100th Anniversary], ed. by L. N. Shishelina, M. V. Vedernikov. Moscow, IE RAN Publ., 2018. 240 p. (In Russian)
- 16 *Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa. Konets XX – nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiia. Istoriko-politologicheskii spravochnik* [Central and South-Eastern Europe. The end of 20 – the beginning of 21 century. Aspects of Social and Political Development. Historical and Political Handbook], ex. ed. by K. V. Nikiforov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015. 480 p. (In Russian)
- 17 *Chekhiia i Slovakiia v XX veke. Ocherki istorii* [Czech Lands and Slovakia in the 20th Century. Essays of History], ex. ed. by V. V. Mar'in. Moscow, Nauka Publ., 2005. Book 2. 558 p. (In Russian)
- 18 Shcherbakova Iu. A. Ukraina vo vneshnei politike Cheshskoi Respubliki [Ukraine in the Foreign Policy of the Czech Republic]. *Rossiiia i sovremennyi mir*, 2015, no 3, pp. 169–183. (In Russian)
- 19 Shcherbakova Iu. A. Balkanskoe napravlenie sovremennoi vneshnei politiki Cheshskoi Respubliki [Balkan Direction of Czech Foreign Policy]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2021, no 2 (110), pp. 217–232. (In Russian)

- 20 Baun M. Czech Foreign Policy and EU Membership: Europeanization and Domestic Sources. In: *Archive of European Integration*. 2009. Available at: <http://aei.pitt.edu/33023/> (accessed 05 February 2022). (In English)
- 21 Černoch F., Zapletalová V., Vlček T. Energetická politika ČR v rozhodování politických stran: agregace a artikulace zájmů z hlediska jejich intenzity a konzistence [Energy policy of the Czech Republic in Decision-making of Political Parties: Aggregation and Articulation of Interests in Terms of their Intensity and Consistency]. In: *Středoevropské politické studie*. 2008. Available at: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4483> (accessed 05 February 2022). (In Czech)
- 22 Dostál V., Havlíček P., Janebová P. Agenda pro českou zahraniční politiku 2020 [Czech Foreign Policy Agenda 2020]. In: *Asociace pro mezinárodní otázky (AMO)* [Association for international affairs (AIA)]. Praha, 2020. Available at: <https://www.amo.cz/cs/agenda-pro-ceskou-zahranicni-politiku/agenda-pro-ceskou-zahranicni-politiku-2020/> (accessed 02 February 2022). (In Czech)
- 23 Hanley S. A Nation of Sceptics? The Czech EU Accession Referendum of 13–14 June 2003. In: *West European politics*. 2004. No 27 (4). Available at: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/15031/> (accessed 08 February 2022). (In English)
- 24 Hanley S. From Neo-liberalism to National Interests: Ideology, Strategy, and Party Development in the Euroscepticism of the Czech Right. In: *East European Politics and Societies*. 2004. No 18 (3). Available at: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/15078/> (accessed 07 February 2022). (In English)
- 25 Hanley S. The Consolidation of Centre-right Parties in the Czech Republic as an Issue for Comparative Analysis. *Czech journal of political science*. 2010. Available at: <https://www.politologickycasopis.cz/en/archive/2010/2/#article-80> (accessed 02 February 2022). (In English)
- 26 Havlík V. Jak je měřit? Přístupy a metody analýzy postojů politických stran k evropské integraci [How to Measure them? Approaches and Methods of Analysis of Political Parties' Attitudes Towards European Integration]. In: *Středoevropské politické studie*. 2008. Available at: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/4433> (accessed 15 February 2022). (In Czech)
- 27 Hloušek V. Český stranický system — skutečná evropeizace? [Czech Party System — Real Europeanization?]. In: *International Institute of Political Science of Masaryk University. Working Paper*. Brno, CEFRES Publ., 2008, part 31. 11 p. (In Czech)
- 28 Kopeček L., Svačinová P. Kdo rozhoduje v českých politických stranách? Vzestup nových politických podnikatelů ve srovnávací perspektivě [Who decides in Czech Political Parties? The Rise of New Political Entrepreneurs in Comparative Perspective]. In: *Středoevropské politické studie*. 2015. Available at: <https://doi.org/10.5817/CEPSR.2015.2.178> (accessed 16 February 2022). (In Czech)
- 29 Kořan M. a kol. *Česká zahraniční politika v roce 2007. Analýza ÚMV* [Czech Foreign Policy in 2007. Analysis of UMV]. Praha, Úst. mezinár. vztahů Publ., 2008. 416 p. (In Czech)
- 30 Kořan M., Hrabálek M. *Česká zahraniční politika. Aktéři, struktura, process* [Czech Foreign Policy. Actors, Structure, Process]. Brno, Úst. mezinár. vztahů Publ., 2007. 151 p. (In Czech)
- 31 Mareš M. České politické strany a spolupráce s postkomunistickými zeměmi střední Evropy [Czech Political Parties and Cooperation with Post-communist Countries of Central Europe]. In: *Středoevropské politické studie*. 1999. Available at: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/3763/5151> (accessed 03 February 2022). (In Czech)

- 32 Mareš M. České politické strany a zahraniční politika [Czech Political Parties and Foreign Policy]. *Mezinárodní vztahy*, 1999, no 1, pp. 7–20. (In Czech)
- 33 Mareš M. Zahraničně-politické koncepce české krajní pravice [Foreign Policy Concepts of the Czech Far Right]. In: *Středoevropské politické studie*. 2000. Available at: <https://journals.muni.cz/cepsr/article/view/3813> (accessed 03 February 2022). (In Czech)
- 34 Mušálková V. Jaká bude Babišova zahraniční politika? [What will Babis' Foreign Policy be?]. In: *Asociace pro mezinárodní otázky (AMO)* [Association for International Affairs (AIA)]. Praha, 2017. Available at: <https://www.amo.cz/cs/agenda-pro-ceskou-zahranicni-politiku/jaka-bude-babisova-zahranicni-politika/> (accessed 09 February 2022). (In Czech)
- 35 Prudilová E. Krymská krize [The Crimean crisis]. In: *Asociace pro mezinárodní otázky (AMO)* [Association for International Affairs (AIA)]. Praha, 2014. Available at: <https://www.amo.cz/cs/prazsky-studentsky-summit/krymska-krize/> (accessed 09 February 2022). (In Czech)
- 36 Pšeja P. *Stranický system České republiky: politické strany a jejich vývoj 1989–1998* [Party System of the Czech Republic: Political Parties and their Development 1989–1998]. Brno, Centrum pro studium demokracie a kultury Publ., 2005. 203 p. (In Czech)
- 37 Roe H. L. The Electoral Success of Communist-Successor Parties in the Czech Republic and Romania. In: *Scholarship Repository*. San Francisco, 2016. Available at: <https://repository.usfca.edu/thes/203/> (accessed 01 February 2022). (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-142-157>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)5

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. Д. Кузьмина
г. Санкт-Петербург, Россия

**ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ А. Д. КАНТЕМИРА С СЕСТРОЙ
И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА
В РОССИИ XVIII В.**

Аннотация: Статья посвящена исследованию переписки князя А. Д. Кантемира с сестрой, княжной М. Д. Кантемир, в контексте развития эпистолярного жанра в русской литературе XVIII в. Выявляется, что начавшее выдвигаться на ведущие позиции уже в первой трети XVIII в. (о чем свидетельствует, в частности, письмовник Петровского времени «Приклады, како пишутся комплименты разные...») дружеское письмо играет определяющую роль в общении князя и княжны. Это своего рода семейно-дружеская переписка. Ее характер с течением времени меняется: в 1732–1740 гг. она по большей части доверительно-исповедальная, в 1741–1744 гг. — деловая. Вероятно, такие изменения с ней произошли под влиянием внешних факторов: состояние здоровья Кантемира неуклонно ухудшалось, о чем он старался сестру лишней раз не извещать, не расстраивать и не пугать ее, но и лгать ей не хотел. Вместе с тем у него не было ни сил, ни времени обсуждать что-либо, кроме дел, которые он торопился устроить, чувствуя приближение смерти. Очевидно, по этим причинам личные темы замалчивались. Но и переведенная в деловой регистр переписка брата и сестры Кантемир оставалась неизменно дружеской. Какой бы характер она ни носила, ей присущи такие черты, как эмпатия, искреннее участие одного корреспондента в событиях жизни и переживаниях другого (отсюда особая теплота в обращениях к адресату, в том числе в прескриптах и клаузулах), наличие дружеских шуток, а также своего рода «тайнописи» аллегорического языка, понятного только участникам переписки. Княжна Мария предложила, Кантемир принял прозвища для общих знакомых, причем в письмах княжны Марии эти прозвища реализуют свой литературный потенциал. Они двуплановы (княжна попеременно актуализирует то «человеческий», то «животный» план содержания, задолго предваряя прием переключения повествования из «животного» в «человеческий» план, характерный, как известно, для сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, в том числе для его сказок) и вполне сатиричны. Наличие литературных — прежде всего стихотворных — вставок принято считать

одной из черт дружеского литературного письма, появление которого в русской литературе традиционно датируют второй половиной XVIII в. Нетрудно заметить, что переписка князя и княжны Кантемир тесно связана с традицией сентиментализма, благодаря своей доверительно-исповедальной и дружеской тональности. В целом, эта переписка усложняет научное представление о сущности и истории формирования дружеского литературного письма.

Ключевые слова: А. Д. Кантемир, М. Д. Кантемир, переписка, эпистолярный жанр, письмо, дружеское письмо, русская литература XVIII в.

Информация об авторе: Марина Дмитриевна Кузьмина — кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Дата отправки статьи: 24.08.2020

Дата одобрения рецензентами: 15.10.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Переписка князя А. Д. Кантемира с сестрой и пути развития эпистолярного жанра в России XVIII в. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 142–157.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-142-157>

Первый русский печатный письмовник, «Приклады, како пишутся комплименты разные...» [20], переведенный с немецкого и четырежды увидевший свет в Петровскую эпоху (дважды в 1708 г., также в 1712 и 1725), на протяжении первой половины XVIII в. остававшийся единственным письмовником, открывал новую — секулярную — эпоху в развитии эпистолярного жанра и в целом литературы и культуры (см. подробнее: [19]). Его связь с традицией древнерусского послания весьма слаба, формализована. Он исподволь приучал читателей по-новому изъясняться, мыслить и жить. Духовному учительному посланию, игравшему ведущую роль в древнерусской литературе (см. подробнее, например: [1; 7]), «Приклады...» противопоставили, как заявлено и в их названии, нарочито светское письмо-«комплемнт», по сути же — дружеское письмо. Последнее, таким образом, выдвигалось на ключевую позицию в развитии эпистолярного жанра много раньше, чем принято считать. Большинство исследователей датируют его появление второй половиной XVIII в. [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Уже в первой половине XVIII столетия дружеское письмо формируется в русской литературе и, более того, оказывает влияние на другие типы посланий, причем самые разные — от семейного до делового.

Семейная переписка (а отчасти и деловая) очень репрезентативно представлена в эпистолярном наследии князя А. Д. Кантемира. Занимая в 1732–1744 гг. должность русского посла сначала в Англии, затем во Франции, он регулярно писал в Россию родным — братьям и особенно часто сестре, княжне М. Д. Кантемир, с которой его связывали самые близкие родственно-дружеские отношения. Сестра в свое время заметила ему рано умершую мать (на момент кончины матери в 1713 г. князю Антиоху, младшему в семье, было пять лет, княжне Марии, старшей, — тринадцать), а затем,

в сущности, и всю семью. В 1723 г., после смерти отца, пятнадцатилетний Кантемир полностью осиротел. С братьями — особенно со старшим, Константином, единолично унаследовавшим почти все состояние отца и женившимся на не принятой его семьей А. Д. Голицыной, вследствие этих двух обстоятельств отделившимся от семьи, — но также и с другими, Сербаном и Матвеем, у него не было такой духовной связи, как с сестрой. Антиох и Мария не вступили в брак — он был семьей и самым близким другом для нее, она для него. Эти родственно-дружеские отношения в полной мере раскрывает их переписка. Она велась преимущественно на итальянском языке и на данный момент опубликована в переводе на русский [17; 18]. К сожалению, исследователи обращались к ней в основном как к источнику биографии Кантемира-литератора, автора знаменитых стихотворных сатир, направленных на защиту Петровских реформ, и княжны Марии, легендарной любовницы Петра I. Но переписка представляет ценность прежде всего для изучения развития эпистолярного жанра.

Эта переписка являет собой любопытнейшее средоточие восточно-русско-западных традиций, к которым брат и сестра по происхождению (их отец — румын, молдавский господарь, мать — гречанка) и образованию (князь и княжна входили в число образованнейших людей своего времени) были органично приобщены. Выросший в России, ревностно служивший ей до гроба, любивший ее, Кантемир, по справедливому суждению Л. М. Майкова, «конечно, <...> не мог питать расположения к русской старине, ему неведомой, и к ее обычаям, которые представлялись ему (он был под сильным влиянием Петра и Феофана Прокоповича. — М. К.) только с отрицательной стороны; но он любил Россию в том виде, как пересоздал ее Петр...» [15, с. 101]. То же, судя по письмам, можно сказать и о Марии Кантемир.

Несмотря на симпатии брата и сестры к преобразовательской деятельности Петра и непричастность к древнерусской духовной традиции, оба были религиозны. Мария даже хотела принять монашеский постриг. Возможно, сказалось влияние, оказанное на нее еще в детстве ее учителем греческого языка священником Анастасием Кондоиди и вообще воспитание «в строгой набожности» [15, с. 101]. Православная духовная традиция была воспринята Марией, как и Антиохом, не в русском, а в греческом варианте. Традиция же учительного послания оказалась для них совершенно неактуальна.

Тема Бога, одна из центральных в переписке Антиоха и Марии Кантемир, освещается как переживаемая каждым корреспондентом исключительно лично. Сама эта установка на индивидуальность, личность в общем-то позиционирует брата и сестру как представителей Петровской эпохи. Их послания имеют вероисповедный характер только в том смысле, что исповедуют веру обоих адресантов,веряющих свои жизни Богу. Оба надеются на Него, молятся Ему, благодарят Его, принимают Его волю («Беспременно молю Бога...» [17, с. 42], «С Божьей помощью...» [17, с. 43], «Дай Бог...» [17, с. 43], «...благодаря Богу...» [17, с. 48], «Да будет воля Божья!» [17, с. 152] и т. п.). Живя с мыслью о Боге, как и древнерусские книжники, князь и княжна Кантемир самостоятельно приходят к тому, к чему приходили древнерусские книжники: обращаются к тексту Священного Писания, подкрепляя им себя и друг друга («Бог никому не позволяет есть свой хлеб иначе, как в поте лица, — размышляет Кантемир. — От него должны мы ожидать улучшения горестного положения...» [17, с. 65], «“Стучитесь”, — говорит Иисус Христос, — и вам отворят. Я стучусь, а все прочее предоставляю на Его волю» [18, с. 162]), проецируют события своей жизни на библейские, выступающие в роли прецедентных («Слава Богу, пришла суббота, как для евреев, и они обрели Ханаан

после долгих лишений» [17, с. 75], — пишет Мария; «...мы жили в Париже, как Ной в своем ковчеге; в моих подвалах до сих пор стоит вода...» [17, с. 161], — сообщает Антиох), прибегают для описания своих обстоятельств к христианской образности. Так, Мария апеллирует к образу-символу корабля: «...душа Божественна, — говорит она, — и может все предвидеть. Мы не ошиблись в нашем предвидении и, наконец, наш корабль вошел в порт покоя и довольствия» [17, с. 75].

Но, в отличие от древнерусских книжников, старавшихся не выходить за рамки христианских догматов, Антиох и Мария, будучи светскими людьми, позволяют себе выстраивать на основе религии свою собственную «философию» и с ее позиций судить о жизни. В большей степени это свойственно Кантемиру, который очень точно формулирует: «...у меня теперь свой прекрасная философия» [18, с. 152]. Религиозная основа придает ей вид безошибочной, сверхавторитетной. Осознанно или нет включаясь в традицию, заложенную Христом и продолженную Апостолами, Учителями Церкви, христианскими проповедниками, Кантемир говорит афористично, в притчевой и в целом проповеднической манере, поэтому в его речи появляются, пусть и не категорично выраженные, учительные и пророческие интонации. Ср.: «Я уже привык не печалиться от таких вещей, которые могут перемениться: у меня теперь своя прекрасная философия, избавляющая меня от многих забот. Советую и вам поступать так же, если хотите провести жизнь спокойно» [18, с. 152], «Нет ничего лучше на свете, как жить независимо и не быть принужденным обращать внимание на то, что скажет другой» [18, с. 154], «Нет человеческого желания, которое нельзя побороть, когда того требует разум» [18, с. 155], «На этом свете нельзя забывать никого, потому что неизвестно, кто большой и кто маленький» [18, с. 158], «Вы правы, когда говорите, что вы рады остаться незамужней. Бог вещь, кто попался <бы> вам в мужья и когда бы кончился праздник. Тревоги ваши минуют, и радующийся малым счастливее богатого» [18, с. 162] и т. п. Мария, вторя брату, тоже «философствует», хотя и по-женски робко и редко. Например, радуясь в вышецитированном письме, что «пришла суббота, как для евреев, когда они обрели Ханаан после долгих лишений», княжна размышляет: «Но человек никогда не бывает доволен: так, хочу, кроме того, вас увидеть» [17, с. 75]. Нетрудно заметить, что в сентенциях обоих корреспондентов, несмотря на религиозную основу, превалирует «земной» план содержания, вследствие чего эти сентенции находятся как бы на пересечении учительно-притчевой и пословично-афористической традиции.

Включенность религиозной составляющей как отдельной, пусть и базовой, части в личное, мирское мировоззрение (о других, «европейских», составляющих этого мировоззрения см. подробнее: [2; 3; 6]), очевидно, обусловила своеобразие ее репрезентации. Она вводится «неравномерно». Любопытно, во-первых, то, что, хотя оба корреспондента часто говорят о Боге,веряя Ему свои жизни, оба все же значительно чаще говорят о Нем в связи с одним участником эпистолярного общения — Антиохом. Мария пишет ему: «Беспрестанно молю Бога, чтобы Он одаривал меня счастьем еще раз Вас видеть...» [17, с. 42–43], «Дай Бог, чтобы Всемиловнейшая Государыня вознаградила Вас должным образом за труды...» [17, с. 51], «Дай Бог, чтобы больше Вам не понадобились лекарства и чтобы Он даровал Вам полное выздоровление...» [17, с. 53] и т. п. И Кантемир пишет ей: «...мне и вам приходится прибегать к терпению, пока Бог не изменит к лучшему мое положение» [18, с. 149], «...я, по милости Божией, чувствую себя не только хорошо, но даже отлично» [18, с. 152], «Если Господь велит нам скоро свидеться...» [18, с. 152], «Но пусть будет во всем воля Божия! Буду покорно

ждать, когда Ему будет угодно взять меня отсюда» [18, с. 154–155] и т. п. Даже по приведенным высказываниям можно видеть, что эпистолярный диалог брата и сестры основывается преимущественно на трех ведущих темах: успехи по службе, самочувствие и возвращение в Россию Кантемира. Счастье брата и самозабвенно любящей его сестры (здоровье которой было хотя и не безупречным, но крепче, чем у него, и жизнь которой текла хотя и не безмятежно, но достаточно размеренно), несомненно, зависело именно от этих трех составляющих, в отношении которых они поэтому и возлагали свои надежды на Бога.

Любопытно, во-вторых, то, что тема Бога, лейтмотивная в первой части переписки князя и княжны Кантемир, со временем практически полностью исчезает с ее страниц. На эту особенность в отношении писем Антиоха обратила внимание А. Д. Косилова. «В первых письмах, — отмечала она, — А. Кантемир чаще упоминает о Боге, но чем больше в письмах нагнетается ситуация, по мере приближения его смерти, тем реже он о Нем пишет, практически совсем не упоминает о своей философии» [9, с. 84]. Эта особенность в полной мере отличает и послания Марии. С 1741 г. переписка носит преимущественно деловой характер. Обсуждаются вопросы о возможной женитьбе Кантемира на княжне В. А. Черкасской (от письма к письму он все более решительно отвергает эту идею, так нравившуюся его сестре), о разделе отцовского наследства, о высочайшем разрешении Кантемиру взять отпуск и выехать в Италию для поправления здоровья и т. п. По поводу последних двух вопросов брат просил сестру хлопотать, хлопотал и сам. Время от времени оба корреспондента уведомляют друг друга о самочувствии, которое в случае Кантемира оставляло желать лучшего и все ухудшалось, о чем он, впрочем, старался княжну лишний раз не извещать.

Вряд ли справедливо было бы предполагать, что брат и сестра Кантемир перестали писать о Боге, потому что, не получая от Него в эти трудные для них годы желаемого, ослабели в вере. Мария отказалась от своего давнего желания вступить в монастырь, снисходя к просьбе Антиоха, признавшего ей, что не любит монашествующих, и желавшего по возвращении в Россию поселиться в одном доме с сестрой, где бы она была хозяйкой. И все же княжна завещала часть своего состояния на строительство женского монастыря либо, если это не получится, на раздачу бедным (см. подробнее: [15, с. 149]). Кантемир перед смертью был на Пасхальном богослужении и участвовал в Таинствах Церкви (см. подробнее: [4, с. 71]). На закате жизни он создал трактат в форме эпистолярного цикла «Письма о природе и человеке» (1742), по содержанию и поэтике очень соотносимый с письмами к княжне Марии. В этом трактате он, предвосхищая сентименталистов, обрисовал идеальное бытие человека на лоне природы наедине с самим собой и с другом, а также, что акцентируется в тексте и принципиально для его автора, — с Богом.

Со страниц переписки тема Бога, думается, уходит по другой причине — потому, что эпистолярное общение князя и княжны в 1741–1744 гг. в значительной степени утрачивает доверительный характер, а означенная тема, как уже было отмечено, переживалась обоими как глубоко личная. По той же причине, как тоже очень личная, со страниц посланий уходит и «философия» Кантемира. Предложенные А. Д. Косиловой очень удачные термины: «религиозно-философский дискурс», «исповедальный характер» [9, с. 80] — аутентичны для характеристики эпистолярного общения князя с княжной только до 1741 г.

Доверительный характер переписки ослабевает «по инициативе» Кантемира. Легко можно заметить, что именно он играл в эпистолярном общении с сестрой лиди-

рующую роль. Безмерно любя его и проявляя женскую чуткость, мягкость, уступчивость, княжна настраивалась на задаваемый им камертон. В последние годы жизни Кантемир, очевидно, не имел ни сил, ни времени писать сестре о чем-либо, кроме как о делах, которые торопился устроить; не имел, очевидно, и желания писать о чем-либо, кроме дел, чтобы в откровенном разговоре не затронуть вопроса о своем самочувствии, о приближающейся смерти, не огорчить и не напугать сестру. Вместе с тем и обманывать ее он, скорее всего, не хотел. Тесно взаимосвязанные личные темы совокупно ушли со страниц переписки.

Но, какой бы характер ни носила переписка — «религиозно-философский» ли и «исповедальный» в первой части, деловой ли во второй, — она всегда оставалась дружеской. Ее отличает прежде всего ярко выраженная задушевность, эмпатия, устремленность адресанта к адресату, проявляющаяся в выражении чувств к нему и в желании переживать вместе с ним самые разные обстоятельства и состояния. Интересно отметить, что если во всех других отношениях камертон эпистолярному общению задавал Антиох, а Мария подстраивалась, то в отношении родственно-дружеской задушевности корреспонденты полностью «равноправны». Кантемир проявляет самое нежное, едва ли не материнское участие к сестре, а сестра — к нему. Раскаиваясь в задержке с отправкой письма, столь ожидавшегося Антиохом, Мария обращается к нему: «Так я не исполнила долг в отношении к любимому брату, который дороже мне всего» [17, с. 41]. «Вы знаете, как я люблю вас, — вторит ей брат, — можете представить себе, с каким удовольствием я получаю добрые известия о Вашем здоровье» [17, с. 64]. «...не сомневаюсь в Вашей любви ко мне: Ваше беспокойство ее подтверждает. Мне жалко, что не имею от Вас новых писем» [17, с. 67], — продолжает эпистолярный диалог Мария. Переписка, позволяющая частично преодолеть разлуку, осмысливается обоими как нечто очень ценное. Мария беспокоится о том, чтобы брат не подумал, что она без веской причины пропустила почту и оставила его без письма, и чтобы не понял это как охлаждение ее чувств к нему, и чтобы не начал тревожиться о ее здоровье: «...прошу вас, ради братской любви, чтобы Вы не подозревали, что я болею или возлюбила лень, или еще что...» [17, с. 40], «Лишь сегодня Вам отвечаю, причиной тому не моя небрежность...» [17, с. 42] и т. п. Для семейно-дружеской переписки князя и княжны Кантемир совершенно не характерен мотив «пиитической лени», который приобретет такую популярность в пушкинскую эпоху. Он и в целом был не характерен для русской культуры первой половины XVIII в., зиждущейся на идее обязательного служения родине и постулирующей возможность лишь очень кратковременного и неполного досуга, посвящаемого чтению, литературным и тому подобным занятиям (см. подробнее: [8]). Самозабвенная забота брата и сестры Кантемир друг о друге тем более не допускала мотива лени.

Забота и любовь всегда очень эксплицитно означены в прескриптах писем Антиоха и Марии. Практически каждый прескрипт здесь — гипербола, и он задает тон всему последующему тексту (ср. гиперболы в последующих композиционных частях: «...остаюсь, каким буду *вечно* (здесь и далее курсив наш. — М. К.), вашим <...> слугою и братом» [18, с. 165], «Наконец, после *целой вечности*, получил ваше *высокоочтимое* письмо...» [18, с. 167], «...благодарствую Вас *бесконечно*...» [18, с. 198]). Как правило, письмо открывается обращением — прилагательным в форме превосходной степени, и во всех без исключения случаях это прилагательное, выражающее сильное чувство. Именно последнее, конечно, определяет искренность задушевной тональности прескрипта, на первый взгляд очень традиционного, не выходящего за рамки светской

любезности, в духе рекомендаций «Прикладов...». Для посланий Марии характерен прескрипт: «Дорогой и любезнейший брат...» [17, с. 42 и мн. др.]. На общем фоне выделяется ее последнее письмо, написанное в отчаянии от известия о тяжести болезни Антиоха. Оно начинается предельно нежно-тревожно: «Возлюбленный брат мой!» [18, с. 200]. Предчувствие не обмануло княжну. На тот момент, когда она писала эти слова, ее брата уже не было в живых. В отличие от Марии, Антиох варьирует обращения в прескриптах: «Дорогая и уважаемая госпожа моя сестрица!» [17, с. 64], «Досточтимейшая госпожа, почтеннейшая сестра и государыня...» [17, с. 77 и др.], «Любезнейшая сестра, почтеннейшая госпожа...» [18, с. 152 и др.], «Любезнейшая и высокочтимая сестра!» [17, с. 195].

В письмах обоих нежные обращения друг к другу переносятся на сами письма, такие долгожданные и дорогие, т. е. выступают в роли метонимических эпитетов. «Дорогой и любезнейший брат, — пишет Мария, — только сегодня, после долгого времени, могу отвечать на Ваше любезнейшее письмо...» [17, с. 42]. «Дорогая и уважаемая госпожа моя сестрица! — обращается к ней Антиох. — Больше месяца оставался без Ваших любезных писем и уже начинал несколько беспокоиться за Ваше здоровье. Последняя почта, доставившая мне Ваше дорогое письмо <...>, положила конец моим волнениям» [17, с. 64]. Послания характеризуются как «любезное», «любезнейшее», «дорогое», «доброе» [18, с. 152], «высокочтимое» [18, с. 167], «уважаемое» [18, с. 176] и т. п., в соответствии с теми чувствами, которые они и их авторы вызывают.

Эти чувства еще раз, так же ярко и искренне, как в прескрипте, эксплицируются в клаузуле, несмотря на то что она, как и прескрипт, внешне очень традиционна для эпистолярия Петровской эпохи: «Пребываю Ваша преданнейшая сестра» [17, с. 41], «Ваш всепокорнейший и преданнейший слуга и брат» [17, с. 65]. Это были бы просто слова, если бы они не подтверждались всем содержанием переписки и делами, совершавшимися за ее пределами. Как уже было упомянуто, Мария из «преданности» брату отказалась от осуществления своего желания уйти в монастырь. Антиох соглашался поступиться собственными планами в решении вопроса о разделе отцовского наследства — из «покорности» и «преданности» сестре [18, с. 188]. Оба с радостью торопятся проявить послушание друг другу. «Но, следуя вашим инструкциям, я молчу...» [18, с. 180], — сообщает брату Мария. «...я напишу и друзьям, <...> согласно вашему совету» [18, с. 188], — почти вторит ей Кантемир.

В контексте всей переписки князя и княжны даже последние — по преимуществу деловые — письма, в которых исповедально-доверительная тональность редуцирована, остаются задушевными дружескими, хотя бы за счет прескрипта, метонимического эпитета, выражающего отношение к письму, и клаузулы. Этого оказывается достаточно и при отсутствии других элементов, характерных для эпистолярного дружеского общения.

Из других отличительных черт дружеского письма, формирующегося в то время в русской литературе, в посланиях Антиоха и Марии можно отметить, в частности, шутки. Они, правда, весьма немногочисленны и невыразительны, и больше отличают письма Кантемира, например: «Приветствуйте от меня брата Сербана, которому не пишу отдельно, ибо голова у меня, сочинившая больше десяти писем господам, которые недавно получили повышение, теперь как барабан» [18, с. 158]. Под пером Марии если и рождается, то не столько юмор, сколько ирония. «Добрый брат наш, — ехидно говорит она о брате Константине, у которого остановилась, прибыв из Москвы в Северную столицу для решения денежных вопросов, — притворяется, что удивлен моему

приезду в Петербург. Полагаю, что, если бы с него взыскивали две тысячи рублей, он, со всем своим богатством, не остался бы сидеть в своей Дмитренке (речь о селе, доставшемся ему по наследству от отца. — *М. К.*), а пустился бы в столицу, даром что ему ехать вдвое больше. Я же решаюсь на путевые тяготы <...> ради 20 000 с лишним рублей. Дивлюсь, что ему столь не по сердцу мой приезд: наверное, боится, что владеет отцовскими землями не по закону» [18, с. 180]. Судя по этому и подобным пассажам эпистолярия Марии Кантемир, она была не в меньшей степени, чем брат Антиох, одарена талантом сатирика; Антиох же реализовывал свой талант не столько в эпистолярном жанре, сколько в жанре стихотворной сатиры, принесшем ему литературную славу.

Гораздо больше, чем шутки, переписке брата и сестры Кантемир свойственна другая черта дружеского эпистолярного общения — иносказание, своего рода тайнопись, понятная только самим участникам переписки. В посланиях князя и княжны тайнопись сложилась во многом под влиянием внешних факторов (оба знали, что личная корреспонденция посла перлюстрируется), но это не меняло ее сути. Автором аллегорического языка выступила княжна Мария, еще раз обнаружив задатки таланта сатирика. Она придумала прозвища общим знакомым — родовитым дворянам, близким семье Кантемир или уже в нее вошедшим. С одной стороны, это позволило обезопасить себя и брата, давая обоим возможность свободно отзываться о достаточно известных людях. С другой — прозвища сами по себе представляли собой отзывы-оценки. Нетрудно заметить, что аллегория в переписке брата и сестры Кантемир выполняла те же функции, что и в художественной литературе — в диапазоне от басни до сатирической сказки или романа.

Целым рядом прозвищ с отрицательной коннотацией Мария Кантемир наделила нелюбимую золовку — жену брата Константина, урожд. А. Д. Голицыну: «Елена» (виновница Троянской войны), «колосс Родосский», «Медея» и пр. Обращает на себя внимание их «литературность», обнаруживающая эрудированность княжны. Последняя тем самым демонстрировала свое превосходство над золовкой и выказывала чувство собственного достоинства. Но о жене князя Константина в переписке в целом все же редко идет речь. Охотнее обсуждаются более интересные брату и сестре лица — именитый государственный деятель князь Алексей Михайлович Черкасский и его единственная дочь княжна Варвара Алексеевна, которую связывала с Кантемиром взаимная симпатия. Мария приложила немало усилий, чтобы их брак состоялся; Антиох, поначалу благосклонно относившийся к этой идее, с течением времени все более решительно ее отвергал.

Княжна Мария нарекла князя Черкасского, прославившегося своей медлительностью и проявлявшего ее в том числе в устройстве судьбы дочери, «черепахой». А княжну Варвару — «тигрицей», возможно, имея в виду, с одной стороны, ее «хищнические» повадки («тигрица» охотится на «жертву» — любимого брата Марии, князя Антиоха), с другой же — то, что ее, богатую и знатную невесту, как дикого, ценного зверя, трудно «изловить». Кантемир принимает и вслед за сестрой использует эти прозвища. Но под пером их автора, княжны Марии, они предстают гораздо более интересными, образными. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в ее письмах прозвища реализуют свой художественный потенциал, а их автор — свой потенциал литератора-сатирика.

Мария Кантемир попеременно актуализирует то «зоологическую», то «человеческую» семантику, задолго до М. Е. Салтыкова-Щедрина применяя прием переключения повествования из зоологической сферы в человеческую, который будет очень характе-

рен для его сатирических произведений, в частности, сказок. Можно привести длинный ряд примеров из писем княжны к брату: «Не стоит отстранять Тигрицу, поскольку я не замечала в ней никакой свирепости (зоологический план. — *М. К.*) и никаких намерений дружеских с кем-нибудь другим (человеческий. — *М. К.*)» [17, с. 43], «Тигрица утверждает, что молодые стареют (человеческий план. — *М. К.*) и хотят переменить свою нору (зоологический. — *М. К.*), но никто не может понимать намерение Черепахи (сочетание обоих планов. — *М. К.*): может быть, она хочет сделать из Тигрицы окорок (зоологический план. — *М. К.*)» [17, с. 46], «Думаю, что не надо беспокоиться о Тигрице: она ведь ни с кем не помолвлена (человеческий план. — *М. К.*). Черепахи привыкли ходить медленно (сочетание обоих планов. — *М. К.*), и я уверена, что советы, которые она Вам дает, и золотые горы, которые Вам обещают, — надежны (человеческий план. — *М. К.*). Наконец, что, как Вы желаете, скоро Тигрица будет в Вашей норе (зоологический план. — *М. К.*)» [17, с. 54] и т. п.

Переключение повествования из зоологической сферы в человеческую дает Марии Кантемир большие возможности. Во-первых, позволяет выстраивать двойной сюжет («зоологический» и «человеческий») и двойную систему персонажей (животные и люди), творчески свободно играя обоими планами. Во-вторых, за счет взаимоналожения обоих сюжетов и обеих систем персонажей позволяет многогранно, глубоко и тонко-иронично раскрывать человеческое через животное, или, точнее, животное в, казалось бы, человеческом. В-третьих, за счет того же взаимоналожения создает комический эффект. В-четвертых, в результате всего этого ставит саму Марию вместе с Антиохом, выступающим в качестве ее соавтора-сотаинника, неизменно выше полностью дискредитированных «Тигрицы» и «Черепахи», которые, по убеждению княжны Марии, безосновательно считают себя вправе размышлять, достойная ли князь Кантемир партия.

В отличие от сестры, Кантемир оставляет без внимания весь этот художественный потенциал прозвищ, понимая их только как прозвища. Ср. в его письмах: «...свет так сделан, что никогда нельзя найти полного счастья: то, чего мы больше всего желаем, когда делается нашим, часто причиняет нам недовольствие. <...> Может быть, то же самое случилось бы, если бы тигрица сделалась моей супругой, вследствие чего и не досадую особенно на препятствия, воздвигаемые черепахой. В убытке, как вы справедливо замечаете, <...> остаются скорее обе оне, потому что время одну старит и увеличивает полное расстройство хозяйства, а другого погружает в долги» [18, с. 149], «Что касается тигрицы, то я больше о ней не думаю; мне до того наскучили эти бесплодные разговоры о ней, что у меня уж не хватает на них терпения <...>. Жалею только о бедной девушке, которая так печально проводит лучшее время своей жизни. Молодость, как вы говорите, проходит безвозвратно, а ее молодость уже почти прошла...» [17, с. 155], «Черепаха может больше не бояться ничего, и наверно станет вторым лицом в государстве. Быть может, наконец, черепаха примет решение в пользу нас...» [17, с. 158] и т. п. Поскольку для Кантемира прозвища только прозвища, он актуализирует только «человеческий» план. Занимаясь, в отличие от сестры, писательством, он, очевидно, разделяет эпистолярный и литературу — и лишь в последней реализует свой художественный потенциал.

Под пером же Марии происходит формирование дружеского литературного письма, одной из черт которого принято считать, собственно, литературность, наличие стихотворных вставок и пр. В эпистолярной княжны Кантемир эта черта проявилась в создании сатирических характеристик и игре зоологическим и человеческим планами.

Послания Кантемира в этом и не только в этом отношении разочаровывают исследователей. Л. В. Пумпянский в свое время даже заключил: «Кантемир отнюдь не мастер письма» [21, с. 91], — отметив: «...эпистолярная манера Кантемира такова, что существенные вопросы остаются за порогом его писем» [21, с. 91]. Ученый имел в виду прежде всего литературные споры в европейских гостиных с участием князя, описание которых тщетно надеялся найти в переписке. Равным образом от нее — с учетом того, что Кантемир был назначен послом сначала в Англию, потом во Францию, — можно было бы ожидать изложения путевых впечатлений, т. е. формирования черт дружеского путевое письма. Но они отсутствуют. При этом официальные дипломатические донесения князя Антиоха, богатые как в содержательном, так и в языковом отношении, и по достоинству оцененные Л. В. Пумпянским («...насыщенные, наблюдательные и блестящие...»), какие «вряд ли кто другой из русских тогдашних резидентов умел писать...» [21, с. 91]), несомненно, свидетельствуют о том, что Кантемир мог, но не хотел писать в подобной манере.

Возможно, одной из причин было то, что письма перлюстрировались, следовательно, давать оценки западноевропейской действительности могло быть небезопасно. Другая причина, думается, состояла в том, что Кантемир не был очарован Европой, особенно Парижем, в котором ему довелось провести последние годы жизни. Писать о нем вряд ли было интересно и приятно. Отзывы о Франции в посланиях к княжне Марии есть, но они единичны, очень сжаты, односторонни (касаются только погоды), всегда отрицательны. Ср.: «Получил ваше любезнейшее письмо <...>, когда садился в карету, чтобы отправиться в Фонтенбло, где находится двор <...>. Эта местность создана для охотников; кроме того, находится здесь холодно и отвратительно...» [18, с. 154], «Северная погода и наводнения прошедшего и текущего месяца прервали почти всякое сообщение не только с чужими странами, но даже с провинцией, так что мы жили в Париже, как Ной в ковчеге; в моих подвалах до сих пор стоит вода, хотя река уже вернулась в свое русло. Вследствие вышесказанного, почта не приходила, и в продолжение более трех недель я оставался без ваших писем» [18, с. 161]. Очень показательно введенное Кантемиром сравнение, отсылающее к ветхозаветному сюжету: автор письма ассоциирует себя с праведником Ноем, спасшимся во время всемирного потопа, а залитый водой Париж — с погибшим под водой грешным миром.

Как можно видеть, Кантемир всякий раз, во-первых, как бы интериоризирует европейскую действительность, точнее, климат, — передает исключительно личные ощущения, личное переживание погоды. Оно сводится к «холодно и отвратительно». Во-вторых, автор посланий всякий раз касается вопроса о европейской погоде в связи с получением или неполучением долгожданных писем от сестры, т. е. как бы вынужденно, неохотно, между делом. Этот вопрос для него явно второстепенен и непривлекателен.

Итак, на первом плане для Кантемира-эпистолога всегда не внешнее, а внутреннее, личное. Он, несомненно, разделял сферы службы, литературы и своей частной жизни. Первые две, нужно думать, соотносились в его сознании, как и в сознании всех «птенцов гнезда Петрова» и классицистов, с открытой общественной деятельностью на благо России. Результаты этой деятельности воплощались им в дипломатических и литературных жанрах. И только третью сферу, сферу частной жизни, Кантемир оставлял, скажем так, себе, связывая ее с областью семейно-дружеской переписки и старательно освобождая от всего «внешнего». Вероятно, по этой причине послания к княжне Марии почти не содержат автобиографических элементов, что на первый взгляд удиви-

тельно. Автобиография посла и писателя неизбежно включала бы в себя повествование о служебной деятельности, общественной и литературной жизни в Европе и т. п. Минимум «внешнего» компенсируется вниманием Кантемира-эпистолога к таким аспектам своей личной жизни, как философия, вера, чувства, семейно-дружеские отношения. Его письма к княжне Марии задолго предвзвешивают не только более поздние и гораздо более широко известные послания Д. И. Фонвизина и М. Н. Муравьева к сестрам, но и в целом художественные открытия писателей-сентименталистов второй половины XVIII в.

Как представляется, письма Кантемира к сестре нужно считать одним из ранних образцов формирующегося дружеского литературного письма, понимая последнее, как мы уже указывали, не в узком, а в широком смысле. В узком смысле исследователи признают дружеским литературным письмом лишь одну разновидность — по характеристике Л. Я. Гинзбург, «галиматейно-буффонадную» [5, с. 185] (ее расцвет состоялся в творчестве А. С. Пушкина и арзамасцев; по мнению К. Ю. Лаппо-Данилевского, сторонника узкого понимания, она заявила о себе впервые в 1780–1790-е гг. в эпистолярной Н. А. Львова [14]). Послания Кантемира, конечно же, не имеют отношения к этой эпистолярной традиции. Они представляют собой один из ранних образцов, если опять воспользоваться характеристикой Л. Я. Гинзбург, «исповедального» [5, с. 184] дружеского письма (или, по терминологии Р. М. Лазарчук, «письма-исповеди» [12, с. 94]), тоже ярко заявившего о себе в XVIII в. — под пером М. Н. Муравьева, Г. П. Каменева, А. Н. Радищева и др. (см., например, работы Р. М. Лазарчук, широко понимавшей дружеское письмо: [10, с. 4–18; 11; 12, с. 94–95; 13]), также Н. М. Карамзина (см., в частности: [22; 23]), в начале XIX в. — под пером В. А. Жуковского (см. подробнее: [5]). В эпистолярной Кантемира данная разновидность дружеского литературного письма начала складываться значительно раньше — и в этом плане они очевидно недооценены и недоисследованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антонова М. В. Древнерусское послание XI–XII вв.: поэтика жанра. Орел: Курсив, 2011. 357 с.
- 2 Блудилина Н. Д. Антиох Кантемир и английская культура // Вестник славянских культур. 2009. № 1. С. 57–67.
- 3 Блудилина Н. Д. Антиох Кантемир и его литературные связи во Франции // Вестник славянских культур. 2010. № 3. С. 60–68.
- 4 Воронин Т. Л. История русской литературы XVIII столетия. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2009. 303 с.
- 5 Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. М.: Искусство, 1987. С. 183–188.
- 6 Глариантова Е. В. Жанр комментариев А. Д. Кантемира к его переводу «Посланий» Горация // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 16–44.
- 7 Демин А. С. Русские письмовники XV–XVII веков. (К вопросу о русской эпистолярной культуре): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 454 с.
- 8 Клейн И. Служба, лень, и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века // XVIII век. СПб.: Наука, 2017. Сб. 29. С. 156–175.
- 9 Косилова А. Д. Философский дискурс писем Кантемира к сестре Марии // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии. Сб. науч. ст. по итогам НИР и НИРС кафедры филологии и массовых коммуникаций / под

- ред. С. Б. Козинца. Самара: Изд-во Самарского филиала Московского гос. пед. ун-та, 2019. С. 79–86.
- 10 Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 19 с.
- 11 Лазарчук Р. М. Дружеское письмо и его место в литературном процессе конца XVIII века (Г. П. Каменев) // XXIV Герценовские чтения. Филологические науки. Краткое содержание докладов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1971. С. 53–55.
- 12 Лазарчук Р. М. Из истории дружеского письма конца XVIII в. (Н. А. Львов) // XXII Герценовские чтения. Программа и краткое содержание докладов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1969. С. 93–95.
- 13 Лазарчук Р. М. Письма Г. П. Каменева и их историко-литературное значение // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1976. Вып. 2. С. 74–85.
- 14 Лаппо-Данилевский К. Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. СПб.: Наука, 2013. Сб. 27. С. 121–153.
- 15 Майков Л. М. Княжна Мария Кантемирова // Русин. 2011. № 1 (23). С. 81–154.
- 16 Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 12–13.
- 17 Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1732–1739. (Публ. Д. Майелларо) // Русско-итальянский архив. II / сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002. С. 25–78.
- 18 Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1740–1744. (Публ. Д. Майелларо) // Русско-итальянский архив. IV / сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2005. С. 149–201.
- 19 Полонский Д. Г. Первый русский печатный письмовник и его роль в формировании эпистолярной культуры Нового времени // Academia.edu. URL: <https://www.academia.edu/6378808> (дата обращения: 29.07.2020).
- 20 Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожательные, и иные; также между сродников и приятелей / перев. с немецкого на российский язык. Напечатанные повелением благочестивейшаго великого государя царя, великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и белыя России самодержца. При благороднейшем государе царевиче, и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве, Апр. 1708. 210 с.
- 21 Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. Сб. ст. и мат. / под ред. акад. А. С. Орлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 83–132.
- 22 Фрик Т. Б. Элегические мотивы в письмах Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 2015. № 1 (33). С. 159–168.
- 23 Фрик Т. Б. Эпистолярный Н. М. Карамзина сквозь призму образов автора и адресата // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–2 (43). С. 198–201.

© 2022. Marina D. Kuzmina

St. Petersburg, Russia

**CORRESPONDENCE BY A. D. KANTEMIR WITH HIS SISTER
AND THE DEVELOPMENT OF THE EPISTOLARY GENRE
IN RUSSIA OF THE 18th CENTURY**

Abstract: The paper is to study the correspondence by A. D. Kantemir with his sister, M. D. Kantemir, in the context of development of the epistolary genre in Russian literature of the 18th century. It turns out that it began to advance to leading positions as early as the first third of the 18th century (as evidenced, in particular, by the writer of the time of Peter the Great “Annexes, how to write different compliments...”), a friendly letter plays a decisive role in the communication between the prince and the princess. This is a kind of family-friendly correspondence. Its character changes over time: in 1732–1740 it is mostly confidential and confessional, in 1741–1744 — business. Probably, such changes occurred under the influence of external factors: the state of health of Kantemir was steadily deteriorating, what he tried to conceal from his sister not to upset or frighten her, yet he did not want to lie to her either. At the same time, he had neither the strength nor the time to discuss anything, except the cases when he was in a hurry to arrange, feeling the approach of death. Obviously, for these reasons, personal topics were hushed up. But even transferred to the business register, the correspondence between brother and sister Kantemir remained invariably friendly. Whatever character it wore, it displays such features as empathy, sincere participation of one correspondent in the events of the life and experiences of another (hence the special warmth in appeals to the addressee, including in prescripts and clauses), the presence of friendly jokes, as well as its own kind of “secret writing”, an allegorical language, understandable only to the correspondents. Princess Maria suggested that Cantemir adopted nicknames for mutual acquaintances, and in the letters of Princess Maria these nicknames realize their literary potential. They are two-pronged (the Princess alternately actualizes the “human”, then the “animal” plan of content, long anticipating the method of switching the narrative from the “animal” to the “human” plane, characteristic for the satire of M. E. Saltykov-Shchedrin, including his tales) and are quite satirical. The presence of literary — first of all, poetic — insertions is considered to be one of the features of friendly literary writing, the appearance of which in Russian literature is traditionally dated to the second half of the 18th century. The correspondence between the Prince and Princess Kantemir is closely connected with the tradition of sentimentalism, thanks to its confidential, confessional and friendly tonality. The study demonstrates that this correspondence enriches academic understanding of the essence and history of formation of the friendly literary writing.

Keywords: A. D. Kantemir, M. D. Kantemir, correspondence, epistolary genre, letter, friendly letter, Russian literature of the 18th century.

Information about the author: Marina D. Kuzmina — PhD in Philology, Associate Professor, Book Publishing and Book Trade, The Higher School of The Press and Media Technologies, St. Petersburg State University Of Industrial Technologies And

Design, Bolshaya Morskaya St., 18, 191186 St. Petersburg, Russia; Associate Professor of Department of the Russian Literature, Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, Moika River Emb., 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Received: August 24, 2020

Approved after reviewing: October 15, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Kuzmina M. D. Correspondence by A. D. Kantemir with his Sister and the Development of the Epistolary Genre in Russia of the 18th Century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 142–157. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-142-157>

REFERENCES

- 1 Antonova M. V. *Drevnerusskoe poslanie XI–XII vv.: poetika zhanra* [Old Russian message of the 11–13 Centuries: Poetics of the Genre]. Orel, Kursiv Publ., 2011. 357 p. (In Russian)
- 2 Bludilina N. D. Antiokh Kantemir i angliiskaia kul'tura [Antiochus Cantemir and English Culture]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2009, no 1, pp. 57–67. (In Russian)
- 3 Bludilina N. D. Antiokh Kantemir i ego literaturnye sviazi vo Frantsii [Antiochus Cantemir and his Literary Connections in France]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2010, no 3, pp. 60–68. (In Russian)
- 4 Voronin T. L. *Istoriia russkoi literatury XVIII stoletii* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2009. 303 p. (In Russian)
- 5 Ginzburg L. Ia. “Zastenчивost' chuvstva”. Po povodu pisem liudei pushkinskogo kruga [“Shyness of Feeling”. On the Letters of the People of Pushkin Circle]. In: *Krasnaia kniga kul'tury* [Red Book of Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, pp. 183–188. (In Russian)
- 6 Glariantova E. V. Zhanr kommentariiev A. D. Kantemira k ego perevodu “Poslanii” Goratsiia [Genre of Comments by A. D. Cantemir to his Translation of the “Epistles” by Horace]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2016, vol. 14, pp. 16–44. (In Russian)
- 7 Demin A. S. *Russkie pis'movniki XV–XVII vekov. (K voprosu o russkoi epistoliarnoi kul'ture)* [Russian Writers of the 15th–17th Centuries. (On the Issue of Russian Epistolary Culture): PhD Dissertation]. Leningrad, 1963. 454 p. (In Russian)
- 8 Klein I. Sluzhba, len', i “sladostnyi dosug” v russkoi dvorianskoi kul'ture XVIII veka [Service, Laziness, and “Sweet Leisure” in the Russian Noble Culture of the 18th Century]. In: *XVIII vek* [18th]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, Coll. 29, pp. 156–175. (In Russian)
- 9 Kosilova A. D. Filosofskii diskurs pisem Kantemira k sestre Marii [Philosophical Discourse of Cantemir's Letters to Sister Mary]. In: *Sovremennaia filologiya: metody, gipotezy, problemy, universalii. Sbornik nauchnykh statei po itogam NIR i NIRS kafedry filologii i massovykh kommunikatsii* [Modern Philology: Methods, Hypotheses, Issues, Universals. Collection of Papers on the Results of Research and Research of the Department of Philology and Mass Communications], ed. by S. B. Kozinets. Samara, Samara Branch Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 79–86. (In Russian)

- 10 Lazarchuk R. M. *Druzheskoe pis'mo vtoroi poloviny XVIII veka kak iavlenie literatury* [Friendly Writing of the Second Half of the 18th Century as a Literary Phenomenon: PhD Thesis, Summary]. Leningrad, 1972. 19 p. (In Russian)
- 11 Lazarchuk R. M. Druzheskoe pis'mo i ego mesto v literaturnom protsesse kontsa XVIII veka (G. P. Kamenev) [Friendly Letter and its Place in the Literary Process of the Late 18th century (G. P. Kamenev)]. In: *XXIV Gertsenovskie chteniia. Filologicheskie nauki. Kratkoe sodержanie dokladov* [XXIV Herzen Readings. Philological Sciences. Summary of the Reports]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1971, pp. 53–55. (In Russian)
- 12 Lazarchuk R. M. Iz istorii druzheskogo pis'ma kontsa XVIII v. (N. A. L'vov) [From the History of Friendly Letters at the End of the 18th Century. (N. A. Lvov)]. In: *XXII Gertsenovskie chteniia. Programma i kratkoe sodержanie dokladov* [XXII Herzen Readings. Program and Summary of Reports]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1969, pp. 93–95. (In Russian)
- 13 Lazarchuk R. M. Pis'ma G. P. Kameneva i ikh istoriko-literaturnoe znachenie [G. P. Kamenev's Letters and Their Historical and Literary Significance]. In: *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka. Ot klassitsizma k romantizmu* [Problems of Studying Russian Literature of the 18th century. From Classicism to Romanticism]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1976, vol. 2, pp. 74–85. (In Russian)
- 14 Lappo-Danilevskii K. Iu. Druzheskoe literaturnoe pis'mo: spetsifika, istoki [Friendly literary writing: specifics, origins]. In: *XVIII vek* [18th]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, coll. 27, pp. 121–153. (In Russian)
- 15 Maikov L. M. Kniazhna Mariia Kantemirova [Princess Maria Kantemirova]. *Rusin*, 2011, no 1 (23), pp. 81–154. (In Russian)
- 16 Makogonenko G. P. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII v. i literaturnyi protsess [Letters from Russian Writers of the 18th Century and Literary Process]. In: *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian Writers of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 12–13. (In Russian)
- 17 Perepiska kn. A. D. Kantemira s sestroi Mariei na ital'ianskom iazyke. 1732–1739. (Publ. D. Maiellaro) [Correspondence of A. D. Cantemir with his Sister Maria in Italian. 1732–1739. (Publ. D. Maiellaro)]. In: *Russko-ital'ianskii arkhiv. II*. [Russian-Italian Archive. II], comp. by D. Ritsti and A. Shishkin. Salerno, 2002, pp. 25–78. (In Russian)
- 18 Perepiska kn. A. D. Kantemira s sestroi Mariei na ital'ianskom iazyke. 1740–1744. (Publ. D. Maiellaro) [Correspondence of A. D. Cantemir with his Sister Maria in Italian. 1740–1744. (Publ. D. Maiellaro)]. In: *Russko-ital'ianskii arkhiv. IV*. [Russian-Italian Archive. IV], comp. by D. Ritsti and A. Shishkin. Salerno, 2005, pp. 149–201. (In Russian)
- 19 Polonskii D. G. Pervyi russkii pechatnyi pis'movnik i ego rol' v formirovanii epistoliarnoi kul'tury Novogo vremeni [The First Russian Printed Letter Writer and his Role in the Formation of the Epistolary Culture of the New Time]. In: *Academia.edu*. Available at: <https://www.academia.edu/6378808> (accessed 29 July 2020). (In Russian)
- 20 *Priklady, kako pishutsia komplimenty raznye na nemetskom iazyke, to est' pisaniia ot potentatov k potentatam, pozdravitel'nye i sozhatelel'nye, i inye; takozhde mezhdu srodnikov i priiatelei* [Annexes, on how to Write Different Compliments in German,

- that is, Writings from Potentates to Potentates, Congratulatory and Conniving, and others; so much the same between Relatives and Friends], perevedeny s nemetskogo na rossiiskii iazyk. Napechatannye poveleniem blagochestiveishago velikogo gosudaria tsaria, velikogo kniazia Petra Aleksievicha vseia Velikiia i Malyia i belyia Rossii samoderzhtsa. Pri blagorodneishem gosudare tsareviche, i velikom kniaze Aleksii Petroviche. V tsarstvuiushchem velikom grade Moskve, April 1708. [trans. from German into Russian. Printed by the Order of the most Pious Great Sovereign Tsar, Grand Duke Peter Alexievich of All Great and Small and White Russia autocrat. Under the most Noble Sovereign Tsarevich, and Grand Duke Alexy Petrovich. In the Reigning Great City of Moscow, April 1708]. 210 p. (In Russian)
- 21 Pumpianskii L. V. Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka [Essays on Literature of the first Half of the 18th Century]. In: *XVIII vek. Sbornik statei i materialov* [18 century. Collection of papers and materials], ed. by Academician A. S. Orlov. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1935, pp. 83–132. (In Russian)
- 22 Frik T. B. Elegicheskie motivy v pis'makh N. M. Karamzina [Elegiac Motives in the Letters of N. M. Karamzin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Filologiya* [Philology], 2015, no 1 (33), pp. 159–168. (In Russian)
- 23 Frik T. B. Epistolarii N. M. Karamzina skvoz' prizmu obrazov avtora i adresata [Epistolary of N. M. Karamzin in the Light of Images of the Author and Addressee]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no 1–2 (43), pp. 198–201. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-158-168>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. С. Юхнова
г. Нижний Новгород, Россия

© 2022 г. С. Н. Пяткин
г. Арзамас, Россия

СТИХОТВОРЕНИЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» относится к эмблематическим текстам русской культуры и отличается высокой опознаваемостью. Образ, созданный в нем Лермонтовым, всегда воспринимался как емкий символ, а его интерпретации были обусловлены «духом» исторической эпохи. Это свойство лермонтовского «Паруса» и определяет актуальность предлагаемого исследования. Научная новизна работы заключается в систематизации, анализе и концептуализации социокультурных рецепций стихотворения поэта в национальной традиции. В статье дается история создания стихотворения, обращается внимание на его биографический контекст и предлагаются версии отказа поэта включить «Парус» в единственный прижизненный сборник своих произведений. При рассмотрении первых критических рецепций «Паруса» особо оговаривается позиция В. Г. Белинского, воспринявшего лермонтовское стихотворение как типично юношеское, ученическое сочинение поэта. Отмечается, что вопреки мнению авторитетного критика «Парус» вошел в программы гимназий, популярные учебные хрестоматии и обрел статус лирического шедевра в поэзии Лермонтова и канонического текста русской культуры. Авторы статьи полагают, что закрепление такого статуса «Паруса» в национальном культурном сознании обусловлено сложной внутренней структурой центрального образа-символа, в котором обнаруживают себя многомысленные связи плана изображения и медитативного плана, раскрывающие антиномичность духовного мира личности. При обращении к опыту научных прочтений стихотворения Лермонтова авторы статьи отмечают, что в исследовательской практике «Парус» чаще всего трактуется как выражение «свободолюбивых» революционных, в том числе декабристских, настроений. В научных работах последних лет стихотворение поэта включается в контекст христианской традиции. Обобщается и анализируется в статье творческий опыт художественной репрезентации лермонтовского образа-символа в национальной поэзии на примерах произведений К. Фофанова, С. Есенина и В. Высоцкого. Утверждается, что при всех различиях в прочтениях, трактовках, интерпретациях «Парус» Лермонтова в русском культурном сознании стал символом порывистого

и неостановимого движения, стремления самоценной личности к резким, крутым переменам в собственной судьбе и окружающем мире. Именно этот смысловой план, что подтверждает высказывание председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, характерен для восприятия лермонтовского стихотворения иностранными читателями, а парус как знаковый образ русской культуры актуален и для иной национальной традиции.

Ключевые слова: Лермонтов, «Парус», «Белеет парус одинокий», русская культура, канонический текст, традиция, рецепция.

Информация об авторах:

Ирина Сергеевна Юхнова — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, пр. Гагарина, д. 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2835-3070>

E-mail: yuhnova@yandex.ru

Сергей Николаевич Пяткин — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), ул. Карла Маркса, д. 36, 607220 г. Арзамас, Нижегородская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

E-mail: nikolas_pyat@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.04.2020

Дата одобрения рецензентами: 10.06.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Юхнова И. С., Пяткин С. Н. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» в русской культуре // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 158–168.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-158-168>

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» — одно из самых известных творений поэта — относится к эмблематическим текстам русской культуры, т. е. к таким произведениям, которые через некий образ или словесную формулу выразили важные для русского национального сознания смыслы, аксиологически значимую идею.

Однако история этого стихотворения свидетельствует, что Лермонтов не придавал ему такого значения, которое оно получило у читательской аудитории в процессе бытования. Более того, он даже не включил его в единственный прижизненный сборник своих стихотворений, который вышел в октябре 1840 г. Как известно, поэт крайне тщательно отбирал для него свои произведения, и в издание вошли только 26 стихотворений и 2 поэмы; из ранней лирики туда попала одна «Русалка». Возможно, для Лермонтова «Парус» был всего лишь юношеской пробой пера, «стихотворением на случай», едва ли не литературным экспромтом, что и побудило поэта отказаться от публикации этого стихотворения.

Впервые «Парус» появляется в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.: «Я поставил себе целью засыпать вас своими письмами и стихами; это не очень по-дружески и даже не человеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению. Вот еще стихи, которые я сочинил на берегу моря...» [11, с. 553 <подл. на фр. яз.>]. Далее следовал текст нового стихотворения. Обстоятельства его появления и личность адресата, которому оно «доверено» (М. А. Лопухина — одна из самых глубоких сердечных привязанностей поэта), дают основание предполагать, что стихотворение

фиксирует ощущение внутренней неопределенности, которая возникает на жизненном перепутье Лермонтова. Его судьба резко меняется: теперь не Москва и университет, а Петербург и школа гвардейских подпрапорщиков; теперь не лекции профессоров, а команды офицеров; не жизнь в доме на Молчановке с любимой бабушкой, а казарма. Вот эта неизвестность и выражается в той пространственной многомерности, которая появляется в стихотворении. Белеющий вдали парус — это проекция на внутреннее состояние лирического героя, а вопросы — попытка словесно оформить то, что тревожит и мучит поэта.

Стихотворение возникло, по свидетельству самого Лермонтова, «на берегу моря», во время его первых учений, которые проходили в Царском Селе. Есть даже более точная локация — у дворца Монплеизр. Там действительно открываются невероятные морские просторы. И это состояние собственной замкнутости на фоне морской беспредельности как раз и рождает внутренний порыв к движению, действию.

И еще на один момент необходимо обратить внимание: в этом произведении, хотя и на периферии, ощутимо пророчески-провидческое понимание своей будущей судьбы как судьбы скитальца. Мотив этот у Лермонтова не нов. В стихотворении «1831 июня 11 дня», например, есть предвидение, которое поражает всех, читающих этот юношеский текст: «Я предузнал мой жребий, мой конец, // И грусти ранняя на мне печать; // И как я мучусь, знает лишь творец; // Но равнодушный мир не должен знать. // И не забыт умру я. Смерть моя // Ужасна будет; чуждые края // Ей удивятся, а в родной стране // Все проклянут и память обо мне» [11, с. 192]. Кстати сказать, именно в этом произведении у Лермонтова возникает сам образ паруса («...облака с лазурью воли, // И белый парус, и бегучий челн») как один из символов, характеризующий мятежный внутренний мир поэта.

Кажется очевидным, что стихотворение «Парус» имело глубоко личный подтекст и выразило то настроение, в котором Лермонтов пребывал в первые месяцы своей петербургской жизни. Оно передало и его первые впечатления от встречи с морем. Может, в силу такой биографичности поэт и не осознавал того смыслового потенциала, который заключался в произведении.

Широкая публика смогла впервые прочитать «Парус» в т. XVIII (№ 10) журнала «Отечественные записки» за 1841 г.; затем оно было включено во второе издание стихотворений Лермонтова, которое вышло в свет в 1842 г. и было отмечено В. Г. Белинским, причем в характерном контексте. Критик оценивает издание стихотворений поэта, трагически покинувшего мир, а потому ставит вопрос о необходимости целостного восприятия творчества Лермонтова. Он так и пишет: «...неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсем другой оборот делу, и издатели его стихотворений не должны были, скажем более, не имели права не собрать и не сделать известным публике всего написанного Лермонтовым, всего, что только могли они отыскать. Они заслуживают благодарность со стороны публики, что поместили в изданное ими собрание стихотворений Лермонтова и такие пьесы, как: *Хаджи Абрек*, *Казначейша*, *Сосна*, *Парус*, *Желание*, *Графине Растопчиной*, *Ангел*, *М. П. Соломирской*, *В альбом автору «Курдюковой»*, *Два Великана*, *Ты помнишь ли, как мы с тобою*, и драму *Маскарад*; **сам поэт никогда бы не напечатал их** (выделено нами. — И. Ю., С. П.), но они, тем не менее, драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта: так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» [1, с. 212]. Как следует из этого высказывания, Белинский не увидел в «Парусе» ничего самобытного и уникального. В его восприятии это типичное юношеское произведение, не выбивающееся из ряда ученических сочинений поэта.

Однако после этих публикаций «Парус» почти сразу же вошел в программы гимназий, учебные хрестоматии (в частности, стихотворение было включено в хрестоматию Галахова, самую издаваемую и распространенную в России) и, по сути, обрело статус канонического текста в поэзии Лермонтова. Известно признание Н. А. Некрасова о том, что в юности «Белеет парус одинокий...» было его любимым стихотворением (об этом он писал в своем дневнике 16 июня 1877 г.). Как замечает И. А. Битюгова, Некрасова «особенно привлекали мятежность, неуспокоенность в сочетании с идеалом высокой “гармонии”, “грация скорби”» [2, с. 338–339].

Сохранилось воспоминание студентов Московского университета о том, что «Парус» был «любимым стихотворением из всей мировой литературы» их уважаемого профессора — философа Г. Г. Шпета. Примечательно, что признание Шпета поразило студентов, так как «Парус», включенный в программу младших классов гимназий, они воспринимали как «детское» стихотворение. В связи с этим уместно вспомнить, что герой повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Петя Бачей читает это стихотворение на вступительных испытаниях в гимназию, а строчки лермонтовского произведения не раз возникают в его сознании, когда он видит море.

Таким образом, в массовом восприятии «Парус» однозначно является одним из шедевров лермонтовской лирики, художественная ценность которого не требует доказательств. Подтверждением тому является, например, такой пассаж Г. А. Мейера в статье «Фаталист. К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова»: «И скоро минет сто лет, как недобросовестные и невежественные люди, пользуясь расточительностью поэта, помещают рядом с “Ангелом” и “Парусом” его беспомощные ученические опыты...» [14, с. 885]. То есть «Парус» для Мейера — это эталонный лермонтовский текст. А само правило издавать в том числе и юношеские стихотворения Лермонтова наряду с его шедеврами он воспринимает как глубоко неверное, порочное. Критик сетует, что «с Лермонтова, или точнее — с посмертных изданий его сочинений, начался у нас резкий упадок стихотворной культуры» [14, с. 886], потому что последующая русская лирика выросла на образцах незрелых лермонтовских стихотворений, так как «стихи Лермонтова, по преимуществу самые слабые, приобрели всероссийскую популярность» [14, с. 886]. Нельзя не заметить, что Г. А. Мейер опосредованно вступает в полемику с В. Г. Белинским о том, стоит ли делать достоянием для широкой публики незрелые опыты поэтов.

Какие особенности «Паруса» повлияли на то, что он так прочно вошел в разряд самых известных и любимых произведений русской культуры? Во-первых, простота, лаконичность, яркость образа. Даже если человек ни разу не видел моря, его образ мгновенно возникает в его воображении именно в лермонтовском варианте, а при реальной встрече с морем каждый в его беспредельности стремится увидеть парус. Во-вторых, влияет и тот факт, что в стихотворении возникает не просто картинка (план изображения), но и рефлексия, которая обнаруживает сложность как внутреннего мира того, кто слился с беспредельностью морской стихии, так и отношений человека с бытием в целом (медитативный план). К тому времени, когда появилось лермонтовское стихотворение, в русской литературе сформировалось восприятие моря как емкого образа жизненной стихии. В этот общекультурный контекст сразу же и оказался включенным «Парус».

Кроме того, это стихотворение стало рубежным и с точки зрения поиска Лермонтовым новых художественных форм. По сути, оно показывало, по какому пути пойдет эволюция Лермонтова-лирика. Как заметил В. Э. Вацууро, «1832–1834 годы проводит

в стенах Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Малопродуктивные в творческом отношении, эти годы были важны, однако, для внутренней эволюции Лермонтова; уже к 1832 г. “лирическое неистовство” двух предшествующих лет идет на спад и начинается постепенное возвращение к лиро-эпическим формам, но уже на новой основе. Стихи 1832 г. — уже не лирический дневник; объективное начало в них опосредованно, а круг жизненных впечатлений и образных средств шире. “Парус” написан именно в 1832 г. . . .» [3, с. 363]. А. И. Журавлева указывает еще на одно важное художественное открытие Лермонтова в этом стихотворении — аллегоричность в нем «преображена в символику» [5, с. 38]. Строение этого образа-символа неоднократно привлекало внимание исследователей лермонтовской поэзии; ограничимся лишь одним лаконичным пояснением, принадлежащим Э. Э. Найдичу: «Сравнение превратилось в символ, отражающий духовный мир. И этот символ стал не просто знаком, не просто удачным выражением какого-то качества или свойства личности, настроения, а образом развертывающимся, вобравшим само движение мысли, “диалектику души”» [16, с. 129].

Любопытно, как менялась трактовка этого образа-символа в отечественном литературоведении.

Чаще всего в «Парусе» находили выражение свободолюбивых революционных настроений, при этом акцент делали на образе бури, которая воспринималась как бунт, протест против тирании и несвободы, а «парус» ассоциировался с бунтарем-революционером, который идет против обстоятельств, стремится изменить мир. В этом отношении стихотворение воспринималось как текст-предшественник «Песни о буревестнике» М. Горького [15].

Прочитывался в стихотворении и декабристский пафос, так как его первая строка «совпадает со стихом 19 строфы XV главы I поэмы А. А. Бестужева-Марлинского “Андрей, князь Переяславский”. Первая глава этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832 году стало известно имя автора» [4, с. 323–324]. Именно поэтому В. М. Маркович рассматривал стихотворение как политический выпад, так как цитата намекала на поэта-декабриста и тем самым напоминала о восстании 1825 г. [13]. Однако сам Лермонтов вряд ли считал эту строку «чужой», тем более и родилась она у него не сразу (первоначально она звучала как «Белеет парус одиночный»).

В настоящее время намечается новое понимание лермонтовского образа — его включают в контекст христианской традиции. Такое прочтение осуществила И. А. Киселева. Она указала, что стихотворение «обладает характерной для романтизма религиозно-мистической аурой» [7, с. 40] и рассмотрела его ключевые образы в аспекте христианской символики (в частности, образ церкви-корабля, что позволило воспринять плавание на корабле как «метафору богопознания» [7, с. 41]). Подобный ракурс восприятия «Паруса» сделал закономерным следующий вывод: «. . . М. Ю. Лермонтов интуитивно подошел к идее о том, что свобода и покой — неразрывные сочетания. Буря — это тоже вариант проявления свободы, так как она есть образ свободы в этом мире, а в духовном опыте религиозной культуры символизирует пограничную черту, соединяющую мир земной и мир небесный. <. . . > Пейзажное стихотворение М. Ю. Лермонтова “Парус” и являет собой свидетельство реальности духовного мира, и открывает вдумчивому читателю живую жизнь бессмертной человеческой души» [6, с. 123–124].

Не менее примечателен и творческий опыт художественной репрезентации лермонтовского образа-символа в национальной поэзии. Показательной для своего времени — рубежа XIX–XX вв. — видится вариация «Паруса», осуществленная К. Фофа-

новым в стихотворении «Я сказки медленней пишу...» (1893), где актуализирован мотив всепоглощающего одиночества личности. Подробный анализ этого стихотворения принадлежит Т. В. Ковалевой и М. Ю. Мишиной, которые пришли к такому выводу: «Если мятежность у Лермонтова имеет целью обретение внутренней свободы, жажду активной, деятельной жизни, то основные характеристики героя К. М. Фофанова разочарованность, усталость, подавленность. Его страдания носят ярко выраженный личностный характер: сосредоточенность на себе полностью исключает интерес к миру» [8, с. 189].

Образ паруса «неоднократно привлекал есенинское творческое воображение» [19, с. 132]. В. А. Сухов проследил, как интерпретировал поэт лермонтовский образ, и пришел к выводу, что он появлялся у Есенина в периоды кризисные, когда происходило переосмысление прежних идей и ценностей. Лермонтовский парус стал литературным источником и «основой для образотворчества» [19, с. 136] трех произведений Есенина: «Кобыльи корабли» (1919), «Исповедь хулигана» (1920), «Пугачев» (1921). В «Кобыльих кораблях» поэт реализовал главный композиционный принцип лермонтовского стихотворения — построил поэму на антиномиях, использовал близкую смысловую рифму «лазурь – бурь» и создал «своего рода метафору-антипод лермонтовскому образу-символу паруса» [19, с. 133]. Образ паруса («Я хочу быть желтым парусом...») появляется и в «Исповеди хулигана», но наполняется в ней иным содержанием, более близким первоисточнику: здесь определенно значим мотив одиночества, бунтарства, а сам «желтый парус» ассоциируется с образом ветра. Однако особую смысловую роль образ паруса получает в поэме «Пугачев». Он становится сквозным, так как «встречается пять раз в окончательном варианте текста и два раза в отрывке, который Есенин исключил из него» [19, с. 134], связан с главным героем поэмы и становится символом крестьянского восстания.

В качестве своеобразной вариации лермонтовского шедевра в отечественной литературе второй половины XX в. стоит воспринимать, на наш взгляд, и широко известное произведение В. С. Высоцкого «Парус» (1966). В существующих исследовательских практиках лермонтовское начало этого песенного текста, как правило, не отмечается [10]. В то же время тождество в названиях лирических произведений само по себе служит знаком творческого диалога новейшего поэта с предшественником. К тому же здесь в равной мере стоит учитывать и эмблематический характер классического произведения для русской культуры, и диалогизм поэзии Высоцкого как важное системообразующее свойство его художественного сознания.

Своим «Парусом» Высоцкий чаще всего завершал выступление перед аудиторией, предворяя исполнение песни пояснением к ней. Называя «Парус» «абстрактной песней», не обладающей сюжетом, Высоцкий имел обыкновение подчеркивать, что «это песня беспокойства» (кстати сказать, название «Песня беспокойства» служит подзаголовком «Паруса») [10, с. 108]. И в этой ценностно-смысловой ипостаси, определяемой самим автором, текст Высоцкого, как нам видится, непосредственно обращен к заключительной строке лермонтовского стихотворения: «Как будто в бурях есть покой».

Изображенный мир *нового* «Паруса», представляющий собой «сюрреалистический коллаж» [9, с. 172], становится прямым следствием ворвавшейся в бытие героя канонического «Паруса» желанной, просимой им бури. Только в роли этого героя выступает поэт иного времени и иной судьбы, остро переживающий случившееся катастрофическое «беспокойство», кардинально изменившее картину мира, эпицентром которого является теперь образ *порванного* паруса.

В «Лермонтовской энциклопедии» отмечается, что для «Паруса» «характерна резко подчеркнутая система контрастов, одновременных отождествлений и противопоставлений, их принципиальная смысловая однозначность, между которыми находится и от которых равно отталкивается субъект лирического высказывания... “Буря” и “покой”, “далекая страна” и “родной край”, движение к чему-то и от чего-то, обретения и потери — вот неполный перечень антиномий “Паруса”, — “половинок” навсегда потерянного гармонического целого» [12, с. 366].

У Высоцкого этой подчеркнутой системы контрастов нет. Все образные фрагменты текста-коллажа имеют пейоративное значение, последовательно нагнетая чувство апокалиптической предрешенности мира («Каюсь, каюсь, каюсь...»), который «уходит из-под ног, рушится», а «прежние ценности и схемы отношений человека и мира не работают» [17, с. 37].

Финальная же строка основного текста «Паруса» Высоцкого («Только все это — не по мне!»), заключающая отрицание такого миропорядка, свидетельствует о стремлении героя стихотворения обрести не просто иное состояние бытия, а исходную точку в нем, которая в символическом плане может быть обозначена только образом *целого* паруса. Иначе говоря, финал песни Высоцкого возвращает нас к начальной строке лермонтовского «Паруса». И в этой перспективе текст Высоцкого одновременно воспринимается и как продолжение лермонтовского стихотворения, и как его завершение.

В целом же, при всех различиях в прочтениях, трактовках, интерпретациях «Парус» Лермонтова в русском культурном сознании стал символом порывистого и неостановимого движения, стремления самоценной личности к резким, крутым переменам в собственной судьбе и окружающем мире. Именно этот смысловой план характерен для восприятия лермонтовского стихотворения иностранными читателями. В этом отношении показательно, как определил идейное содержание «Паруса» председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин, указав, что Лермонтов в стихотворении «повествует о твердой воле и упорной борьбе» [18]. Полагаем, что такое понимание в большей мере отражает суть китайского национального характера, чем смысл лермонтовского шедевра. Но этот пример — яркая иллюстрация того, что знаковый образ русской культуры значителен и значим и для иной национальной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белинский В. Г.* Стихотворения М. Лермонтова // *Белинский В. Г.* М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: ОГИЗ: ГИХЛ, 1941. С. 211–214.
- 2 *Битюгова И. А.* Некрасов // *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 338–339.
- 3 *Вацуро В. Э.* Лермонтов // *История всемирной литературы*: в 9 т. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 360–369.
- 4 *Голованова Т. П., Лапкина Г. А., Михайлова А. Н.* Примечания // *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 323–324.
- 5 *Журавлева А. И., Турбин В. Н.* Творчество М. Ю. Лермонтова. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1967. 44 с.
- 6 *Киселева И. А.* Принцип и смысл обратной перспективы в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 120–126.
- 7 *Киселева И. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус»: поэзия духовной перспективы // *Литературоведческий журнал*. 2005. № 20. С. 40–48.

- 8 Ковалева Т. В., Мишина М. Ю. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и интерпретация его мотивов в лирике К. М. Фофанова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4 (48). С. 184–191.
- 9 Кончуков Е. Приближение к Высоцкому. М.: Культура, 1997. 368 с.
- 10 Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарии к песням поэта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Булат, 2010. 384 с.
- 11 Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 1958. 755 с. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 826 с.
- 12 Маранцман В. Г., Гиришман М. М. «Парус» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 366–367.
- 13 Маркович В. М. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» // Анализ одного стихотворения. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 1985. С. 122–132.
- 14 Мейер Г. А. Фаталист (К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2002. С. 884–899.
- 15 Михайлова Е. Н. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: сб. первый. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1941. С. 125–162.
- 16 Найдич Э. Э. М. Лермонтов. Парус // Поэтический строй русской лирики. М.: Наука, 1973. С. 122–134.
- 17 Перепелкин М. А. Формула «беспокойства». Структура «бесфабульной» песни В. Высоцкого «Парус» // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/2 (55). С. 30–37.
- 18 Поэзия большой политики: Россию и Китай сблизил «Парус» Лермонтова // Царьград. URL: https://nn.tsarograd.tv/news/politika-bolshoj-pojezii-rossiju-i-kitaj-sblizil-parus-lermontova_83471 (дата обращения: 14.02.2020).
- 19 Сухов В. А. Образ паруса в творчестве М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина (К проблеме развития лермонтовских традиций) // Современное есениноведение. 2008. № 8. С. 131–136.

© 2022. Irina S. Yukhnova
Nizhny Novgorod, Russia

© 2022. Sergey N. Pyatkin
Arzamas, Russia

LERMONTOV'S POEM "THE SAIL" IN THE RUSSIAN CULTURE

Abstract: Lermontov's poem "The sail" refers to the emblematic texts of Russian culture and is highly recognizable. The image created by Lermontov was always perceived as a capacious symbol, and his interpretations were determined by the "spirit" of the historical era. This characteristic of Lermontov's "The sail" determine the relevance of

the proposed research. The scientific novelty of the work pertains to systematization, analysis and conceptualization of the social and cultural receptions of the poet's poem in the national tradition. The paper presents the history of creation of the poem, draws attention to its biographical context and suggests versions of the poet's refusal to include "The sail" in the only lifetime collection of his works. The study also considers the first critical receptions of the "The sail", especially the position of V. G. Belinsky, who perceived Lermontov's poem as a typical youthful, student composition of the poet. Despite the fact "The sail" entered the curriculum of high schools, chrestomathies and got the status of a lyrical masterpiece in Lermontov's poetry and the canonical text of Russian culture. The authors believe that the consolidation of such status of "The sail" in a national cultural consciousness is due to the complex internal structure of the central image-symbol, in which the image plan and the meditative plan reveal the antinomy of the spiritual world of the personality. As the study shows while in the research practice "The sail" is most often interpreted as an expression of revolutionary, including Decembrist moods, in the scientific works of recent years, the poet's poem is included in the context of the Christian tradition. The paper summarizes and analyzes creative experience of the artistic representation of the Lermontov image-symbol in national poetry drawing on the works of K. Fofanov, S. Yesenin and V. Vysotsky. The authors argue that, with all the differences in readings and interpretations, Lermontov's "The sail" in the Russian cultural consciousness has become a symbol of impetuous and unstoppable movement, the desire of a self-worthy person for great changes in his own fate and the world around him. This semantic plan, which confirms the statement of the Chairman of the People's Republic of China, XI Jinping, characterizes the perception of Lermontov's poem by foreign readers, and the sail, as a symbolic image of Russian culture, is also relevant for another national tradition.

Keywords: Lermontov, "The sail", "Lonely white The sail", Russian Culture, Canonical Text, Tradition, Reception.

Information about the authors:

Irina S. Yukhnova — DSc in Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2835-3070>

E-mail: yukhnova@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin — DSc in Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch), Karl Marx St., 36, 607220 Arzamas, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

E-mail: nikolas_pyat@mail.ru

Received: April 07, 2020

Approved after reviewing: June 10, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Yukhnova S. N., Pyatkin S. N. Lermontov's Poem "The Sail" in the Russian Culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 158–168. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-158-168>

REFERENCES

- 1 Belinskii V. G. Stikhotvoreniia M. Lermontova [Poems by M. Lermontov]. In: Belinskii V. G. *M. Iu. Lermontov: Stat'i i retsenzii* [M. Lermontov: Papers and Reviews]. Leningrad, OGIZ: GIKhL Publ., 1941, pp. 211–214. (In Russian)

- 2 Bitiugova I. A. Nekrasov. *Lermontovskaia entsiklopediia* [Encyclopedia about M. Lermontov]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, pp. 338–339. (In Russian)
- 3 Vatsuro V. E. Lermontov. *Istoriia vseмирnoi literatury: v 9 t.* [History of the World Literature: in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 360–369. (In Russian)
- 4 Golovanova T. P., Lapkina G. A., Mikhailova A. N. Primechaniia [Notes]. In: Lermontov M. Iu. *Sochineniia: v 6 t.* [Works: in 6 vols.] Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1954, vol. 1, pp. 323–324. (In Russian)
- 5 Zhuravleva A. I., Turbin V. N. *Tvorchestvo M. Iu. Lermontova* [Creativity of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1967. 44 p. (In Russian)
- 6 Kiseleva I. A. Printsip i smysl obratnoi perspektivy v stikhotvorenii M. Iu. Lermontova “Parus” (1832) [The Principle and Meaning of Reverse Perspective in the Lermontov’s Poem “The sail”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Series: Russkaia filologiia* [Russian Philology], 2016, no 4, pp. 120–126. (In Russian)
- 7 Kiseleva I. A. Stikhotvorenie M. Iu. Lermontova “Parus”: poeziia dukhovnoi perspektivy [Lermontov’s Poem “The Sail”: the Poetry of Spiritual Perspective]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2005, no 20, pp. 40–48. (In Russian)
- 8 Kovaleva T. V., Mishina M. Iu. Stikhotvorenie M. Iu. Lermontova “Parus” i interpretatsiia ego motivov v lirike K. M. Fofanova [Lermontov’s Poem “The sail” and its Interpretation in Lyrics of K. M. Fofanov]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2012, no 4 (48), pp. 184–191. (In Russian)
- 9 Konchukov E. *Priblizhenie k Vysotskomu* [The Approach to Vysotsky]. Moscow, Kul'tura Publ., 1997. 368 p. (In Russian)
- 10 Krylov A. E., Kulagin A. V. *Vysotskii kak entsiklopediia sovetskoi zhizni: Kommentarii k pesniam poeta* [Vysotsky as an Encyclopedia of Soviet Life: Commentary on the Poet’s Songs]. 2nd ed., corr. and. Moscow, Bulat Publ., 2010. 384 p. (In Russian)
- 11 Lermontov M. Iu. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958. Vol. 1. 1958. 755 p. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. Vol. 4. 826 p. (In Russian)
- 12 Marantsman V. G., Girshman M. M. “Parus” [“The sail”]. In: *Lermontovskaia entsiklopediia* [Encyclopedia about M. Lermontov]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, pp. 366–367. (In Russian)
- 13 Markovich V. M. Stikhotvorenie M. Iu. Lermontova “Parus” [Lermontov’s Poem “The sail”]. In: *Analiz odnogo stikhotvoreniiia* [The Analysis of One Poem]. Leningrad, Pushkin Leningrad State University Publ., 1985, pp. 122–132. (In Russian)
- 14 Meier G. A. Fatalist (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia M. Iu. Lermontova) [Fatalist (On the 150th Anniversary of the Birth of M. Yu. Lermontov)]. In: *M. Iu. Lermontov: pro et contra* [M. Yu. Lermontov: pro et contra]. St. Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2002, pp. 884–899. (In Russian)
- 15 Mikhailova E. N. Ideia lichnosti u Lermontova i osobennosti ee khudozhestvennogo voploshcheniia [Lermontov’s Idea of Personality and Features of its Artistic Embodiment]. In: *Zhizn' i tvorchestvo M. Iu. Lermontova: Issledovaniia i materialy: sbornik pervyi* [The Life and Work of M. Yu. Lermontov: Research and Papers: The First Collection]. Moscow, OGIZ; GIKhL Publ., 1941, pp. 125–162. (In Russian)

- 16 Naidich E. E. M. Lermontov. Parus [M. Lermontov. The Sail]. In: *Poeticheskii stroi russkoi liriki* [Poetic System of Russian Lyrics]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 122–134. (In Russian)
- 17 Perepelkin M. A. Formula “bespokoistva”. Struktura “besfabul'noi” pesni V. Vysotskogo “Parus” [The Formula of “Anxiety”. The Structure of the “Plotless” Song of V. Vysotsky “The Sail”]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no 5/2 (55), pp. 30–37. (In Russian)
- 18 Poeziia bol'shoi politiki: Rossiia i Kitai sblizil “Parus” Lermontova [The Poetry of Big Politics: Lermontov's “The Sail” Brought Russia and China Closer]. In: *Tsargrad*. Available at: https://nn.tsargrad.tv/news/politika-bolshoj-pojezii-rossiju-i-kitaj-sblizil-parus-lermontova_83471 (accessed 14 February 2020). (In Russian)
- 19 Sukhov V. A. Obraz parusa v tvorchestve M. Iu. Lermontova i S. A. Esenina (K probleme razvitiia lermontovskikh traditsii) [The Image of a Sail in the Works of M. Yu. Lermontov and S. A. Yesenin (On the Issue of Development of Lermontov's Tradition)]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2008, no 8, pp. 131–136. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-169-191>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Т. А. Исаченко

г. Москва, Россия

**АЛЬМАНАХ КОРОЛЕВЫ ОЛЬГИ
С АВТОГРАФАМИ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ НА АУКЦИОНЕ
В МОНАКО 2018 Г.**

Аннотация: В статье подробно описан редкий экземпляр литературного альманаха «Изо дня в день» 1886 г., подаренный лицам из ближайшего окружения Великой княгини Елисаветы Феодоровны его составительницей, греческой королевой Ольгой (1951–1926), за полгода до ее кончины в январе 1926 г. Об этом свидетельствуют сохранившиеся записи и дарственная королевы чете Струковых. Небольшой тираж книги, необычная судьба каждого из выявленных экземпляров альманаха обуславливает интерес и к экземпляру аукционной продажи в Монако. В альбом внесены записи известных благотворителей России — Струковых, гр. А. А. Олсуфьевой (статс-дамы Императрицы Александры Феодоровны), кн. М. В. Барятинской (статс-дамы Императрицы Марии Феодоровны). Присутствуют автографы герцога Эрнеста Гессенского, брата Великой княгини Елисаветы, и его супруги, других известных лиц, многие были прихожанами флорентийского храма свт. Николая, принадлежавшего общине митрополита Евлогия (Георгиевского), известного деятеля Русской Зарубежной Церкви.

Ключевые слова: Великая княгиня Елисавета Феодоровна, греческая королева Ольга, литературный альманах «Изо дня в день», Екатерина Николаевна Струкова (фрейлина Китти Козлянинова и дата ее смерти), княгиня М. В. Барятинская, графиня Александра Васильевна Олсуфьева, флорентийский приход митрополита Евлогия (Георгиевского).

Информация об авторе: Татьяна Александровна Исаченко — доктор филологических наук, Российская государственная библиотека, ул. Воздвиженка, д. 3/5, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1710-2340>

E-mail: isachenko33@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.11.2020

Дата одобрения рецензентами: 17.01.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Исаченко Т. А. Альманах Королевы Ольги с автографами Белой эмиграции на аукционе в Монако 2018 г. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 169–191.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-169-191>

Литературный альманах «Изо дня в день» 1886 г. издания [8] как памятник книжной культуры мало известен исследователям. Отечественная библиография отвела этой замечательной книге роль обычной школьной хрестоматии, и в каталогах двух крупнейших библиотек России альманах значится как книга «извлечений из Лермонтова» [12]. Иной информации об этом забытом издании исследователям и читателям сегодня найти трудно.

Альманах известен нам в 9 экземплярах, число которых постепенно умножается по мере новых поступлений на российские и международные книжные аукционы. Сегодня названные источники приобретают особую актуальность в связи со 170-летием Ее Королевского Величества, Королевы Эллинов Ольги и памятными событиями столетней давности (Великий Исход 1920 г.), связывающими последний экземпляр альбома с кругами Белой Эмиграции. Присутствие многочисленных автографов и сопряженных с ними литературных текстов делают «Ольгин» альбом важным и интересным объектом изучения, который, в условиях советского времени, не имел шансов получить даже самое краткое описание именно как великокняжеский альбом [18; 19]. Уникальный альманах отсутствует в описаниях, составленных Н. П. Смирновым-Сокольским, М. В. Сеславинским, О. Л. Таракановой, другими книговедами. Второй экземпляр альбома «Изо дня в день» с записями 1903–1909 гг., хранящийся в собрании Н. П. Смирнова-Сокольского МК РГБ, не упомянут им ни в первом (1956), ни во втором (1965), расширенном и дополненном, варианте известных справочников собирателя.

Говоря о литературном альманахе «Изо дня в день», следует отметить исключительную популярность книги в великосветских кругах конца XIX – начала XX вв. Составленный лично Великой княжной Ольгой Константиновной, «Ольгин альбом» в каком-то смысле можно было бы назвать «лермонтовской энциклопедией», поскольку на каждой его странице приведена цитата из произведений поэта — всего их 365, по числу дней в году. Датой создания альбома, как мы предполагаем, является 1868 г., на что указывает текст посвящения на странице календаря 6 мая (день рождения первенца Императорской четы, любимого племянника Николая, будущего Императора Николая II) (рисунки 1–2). Ольга была внучкой Императора Николая I (1796–1855), дочерью его сына Великого князя Константина Николаевича (1827–1892), племянницей Императора Александра II и любимой кузиной Императора Александра III (Саши), супругой греческого короля Георга I (1845–1913)¹, с 1867 г. — «Королевой Эллинов»², Мать семерых детей, она была одновременно матерью всех эллинов, являя пример беззаветного служения людям. В своих мемуарах, опубликованных незадолго до смерти (1960), Великая княгиня Ольга Александровна, младшая сестра Николая II, отзывается о ней следующим образом: «Тетя Ольга походила на святую, и ее безмятежность и спокойствие благотворно действовали на нас. Она привозила с собой множество изысканных греческих вышивок с целью продать их в России и вырученные деньги употребить на благотворительные нужды в Греции. Ее энтузиазм был заразителен, хотя, боюсь, лишь из очень немногих ее начинаний выходило что-то путное» [15, с. 45].

¹ Георг I (греч. Γεώργιος Α', Βασιλεύς των Ελλήνων), второй сын короля Дании Кристиана IX, по рождению — принц датский Христиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский.

² На памятнике в честь королевы, установленном королевской резиденции Татое, присутствует запись: OLGA. Βασιλίτσα των Ελλήνων. 1851–1926.

Рисунок 1 – Изю дня в день / Извлеченія из сочиненій Лермонтова на каждый день. СПб., 1886. Титульный лист с монограммой имени Ольги Константиновны в виде перекрещенных букв «О» и «К»
Figure 1 – From Day to Day / Extracts from Lermontov's Works for Every Day. St. Petersburg, 1886. Title Page with Monogrammed Name Olga Konstantinovna in the Form of a Cross, the Letters “O” and “K”

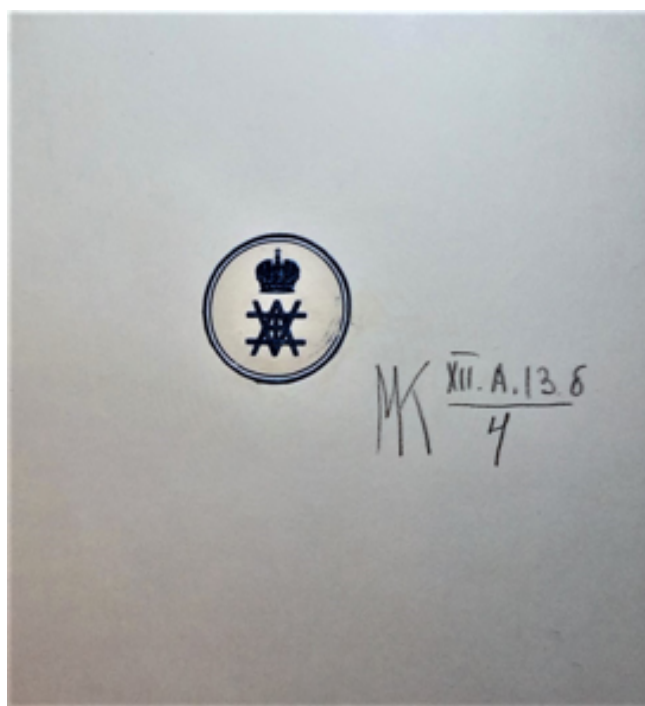

Рисунок 2 – Личный экземпляр альбома Королевы Ольги из «Собственной Е. И. В. библиотеки в Зимнем дворце», принадлежавший Императору Николаю II (МК РГБ)
Figure 2 – Personal Copy of Queen Olga's Album of “his Majesty's Own Library in the Winter Palace”, Belonged to Emperor Nicholas II (MK RGB)

Заклученный в 1867 г. междинастический брак соединил русскую Великую княжну Ольгу и второго сына короля Дании Кристиана IX³. В 16 лет Ольга покинула Россию, продолжая хранить в душе острое чувство любви к своей родине. Глубокий провиденциализм, присущий этой замечательной женщине, сопровождал не только ее дела и поступки, он прочитывается во всех записях составленного ею альбома. В Греции молодая королева стала живым воплощением русских традиций и лучших традиций Дома Романовых, пользовалась громадным почетом и уважением подданных. Круг ее знакомств был неразрывно связан как с Россией, так и с Европой, поэтому обладателями альбома «Изо в день» стали представители почти всех правящих династий, владевшие русским языком и способные оценить составленный Ольгой альманах.

Книга имеет на титульном листе монограмму имени Ольги Константиновны в виде перекрещенных букв «О» и «К». На фоне продукции, выпускаемой Государственной типографией⁴, книга «Изо дня в день» выглядит скромно⁵. Она лишена тех роскошных иллюстраций, которыми украшен альманах ее сестры, светлейшей княжны Евгении Ольденбургской, вышедший годом ранее, в 1885 г⁶. Тем не менее альманах по-своему изыскан, он предназначался для подарка, и весь его строй свидетельствует о вкусах и предпочтениях Ольги Константиновны: цветом выделены воскресные и праздничные дни, прочее оформление достаточно скромно. Все внимание лермонтовского сборника как бы переключено с внешнего на внутреннее. Можно допустить, что книга издавалась на личные средства Великой княжны.

«Изо дня в день» вобрала в себя извлечения почти из всех произведений М. Ю. Лермонтова, причем строфы, приуроченные к дням календаря, подобраны со смыслом. Тексты заполняют страницы, расположенные в последовательности годового круга, по месяцам и дням. Этот минейный принцип наполнения сочетается с особенностями литературного альманаха, дополненного «входящими» записями, которые вносились в разное время разными лицами. «На выходе» мы имеем несколько уровней прочтения выстроенного по годовому кругу источника, в котором пересекаются имена, даты и события.

Связанные с индивидуальными подношениями или личным предпочтением заказчиков, переплеты (как и записи) варьируются — от классического, издательского переплета в футляре с перекрещивающимися тисненными золотом инициалами Ольги Константиновны на верхней переплетной крышке до эксклюзивного переплета из лакированного папье-маше, изготовленного в мастерской г. Йокогама в конце 80-х гг. XIX в. (инкрустация костью и перламутром в виде птиц)⁷. Известные нам сегодня экземпляры

³ По рождению греческий король был датским принцем, носившим имя Вильгельм (в домашнем обращении *Вилли*; полное имя: Христиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский). В 17-летнем возрасте 30 марта 1863 г. он был избран на греческий престол, а в 1867 г. вступил в брак с русской княжной Ольгой.

⁴ Учреждена в 1827 г. Высочайшим указом Императора Николая I в 1827 г. как Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1882 г. переименована в Государственную типографию, целью которой был выпуск Свода Российских Законов, важнейших документов царской канцелярии и государственных учреждений Российской империи. После революции типография получила название «Печатный двор», унаследовав свое имя от первой русской печатни в Москве, созданной Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

⁵ Среди известных изданий типографии назовем: [11; 16; 24; 25].

⁶ «Дума за думой: Памятная книга на каждый день. Издана под покровительством Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в пользу Дома милосердия. СПб.: Изд-е Т-ва М. О. Вольф, 1885» (ОР РГБ. Ф. 492. № 23) [10, с. 245–267].

⁷ Экземпляр принадлежал команде знаменитого крейсера «Дмитрий Донской», участвовавшему

издания 1886 г. имеют переплеты: тканевый, шитый шелком, картонный с кожаными углами. Все книги имеют тройной золотой обрез.

Каков был тираж эксклюзивного издания 1886 г., мы точно не знаем, но в записях последнего из известных нам экземпляров аукциона 2018 г. [8] присутствует помета: «139 книга, составленная королевой Ольгой Константиновной» (рукой Н. В. Струкова). На титульном листе — автограф королевы Ольги: «Николаю Дмитриевичу⁸ и Екатерине Николаевне Струковым от составительницы на добрую память. Январь 1926» — свидетельство о подарке супружеской чете, входившей в ближайшее окружение прмч. Великой княгини Елисаветы Феодоровны (рисунки 3–4).

Рисунок 3 – Дарственная чете Струковым на первой январской странице альбома: «Николаю Дмитриевичу и Екатерине Николаевне Струковым от составительницы на добрую память. Январь 1926. Ольга» (автограф ЕКВ Королевы Эллинов Ольги)

Figure 3 – Donation to the Strukov Couple on the first January Page of the Album: “Nikolai Kuznetsov and Ekaterina N. Strukov from the Compiler for a Good Memory. January 1926. Olga” (Autograph of the ECB of the Queen of the Hellenes Olga)

в Цусимском сражении, использовался для записей и служил гостевой книгой.

⁸ Так! (ошибка). Правильно: Владимировичу.

Рисунок 4 – Один из последних фотографических портретов ЕКВ Королевы Эллинов Ольги. Подпись рукой Королевы: «С душевной благодарностью за теплое гостеприимство. Ольга. Флоренция. 1926»

Figure 4 – One of the Last Photographic Portraits of the Queen of the Hellenes Olga EKV. Signed by the Queen's Hand: “With Sincere Gratitude for the Warm Hospitality. Olga. Florence. 1926”

Брак Струковых был заключен в 1897 г. с благословения Великой княгини, поскольку Екатерина Николаевна Струкова (*Kumti, Kumti*, урожд. Козлянинова) (1864 – 10 сентября 1931⁹) была любимой фрейлиной (1886/87–1897) и близким другом Великой княгини Елисаветы Феодоровны (рисунки 5–6). Она сменила на своем посту Людмилу Лобанову-Ростовскую, оставаясь в должности 10 лет, до своего замужества в 1897 г. В 1880 г. Китти сопровождала Великую княгиню в Святую землю во время известного паломничества Великих князей, которое они совершили после смерти матери, Императрицы Марии Александровны (сохранилась фотография). Вместе с бывшим адъютантом Великого князя Гадоном Китти сопровождала Елисавету Феодоровну при посещении в тюрьме Ивана Каляева, убийцы ее мужа¹⁰. Член Комитета для сбора средств в пользу пострадавших от неурожая в 1891–1892 гг., член правления Московского местного дамского комитета РОКК, участница благотворительных базаров Великой княгини Елисаветы Феодоровны, сотрудница Склада Великой княгини по сбору пожертвований в помощь раненым вследствие войны (1904–1905). Выйдя замуж за Николая Владимировича Струкова, Екатерина Николаевна продолжала участвовать во всех делах Великой княгини. Имена Китти и ее мужа часто встречаются в недавно опубликованном собрании документов и материалов Великой княгини Елисаветы [1], дневниках Великого князя Сергея Александровича [2].

⁹ Дата кончины указывается нами впервые.

¹⁰ Как известно, Великая княгиня просила Государя о помиловании Каляева, и государь готов был согласиться, не откажись от милости сам бомбист.

Рисунок 5 – Великая княгиня Елизавета Феодоровна с Китти Козляниновой (Ильинское?)
Figure 5 – Grand Duchess Elizaveta Feodorovna with Kitty Kozlyaninova (Ilyinskoe?)

Рисунок 6 – Великая княгиня Елизавета Феодоровна с фрейлинами Екатериной Николаевной Козляниновой и Екатериной Адольфовной Шнейдер (1897)
Figure 6 – Grand Duchess Elizabeth Feodorovna with ladies-in-waiting Ekaterina Nikolaevna Kozlyaninova and Ekaterina Adolfovna Schneider (1897)

Рисунок 7 – Портрет Китти Козляниновой кисти великой княгини Елизаветы Феодоровны. В верхнем левом углу карандашом: «Елисавета» (1898). Государственный Эрмитаж.

URL: <https://ros-vos.net/sr/pred/art/1/>

Figure 7 – Portrait of Kitty Kozlyaninova by grand duchess Elizabeth Feodorovna. In the upper left corner in pencil: “Elisaveta” (1898). The State Hermitage Museum

Многочисленная переписка свидетельствует об участии Китти в делах Великой княгини-подвижницы («Сподвижницы», как звали Княгиню подруги) не только до, но и после замужества, когда она уже оставила пост фрейлины. Письма Китти отличаются рассудительностью и взвешенностью суждений, они свидетельствуют о глубокой преданности и любви. Важно отметить, что духовная связь между подругами была столь сильна, что они (почти одновременно) перенесли сложную хирургическую операцию с угрозой для жизни¹¹. Вскоре после этого Великая княгиня Елисавета Феодоровна встала на путь своего служения, определенно связывая свой шаг с духовным перерождением («через скальпель я исцелилась»)¹².

Между тем мало кто поддерживал ее поначалу в этом благородном порыве, о чем свидетельствуют документы и дневниковые записи, принадлежащие разным лицам.

Дневник Вел. кн. Константина Константиновича

13 января 1909 г. Павловск

Приехала к нам в Павловск поздравлять¹³ императрица Александра Феодоровна <...> Говорили про Эллу, кот[орая] создает в Москве род общины, куда и сама намеревается поступить будущей зимой <...> Императрица не слишком верит в успех этой создающейся общины, говорит, что после смерти Сергея Элла обуреваема внутренним беспокойством, а теперь, когда горе несколько утихло, хотела бы вернуться к жизни, но насильно заставляет себя от нее отказаться; что она любит общественность, в противность ей, императрице, предпочитающей домашнюю одинокую жизнь и даже боящейся общества (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 60. Л. 134) [1, т. 1, с. 395].

¹¹ Письма Елисаветы Феодоровны княгине З. Н. Юсуповой. Оpubл.: [1, т. 1, с. 288–290, 371–372].

¹² Из письма Елисаветы Феодоровны княгине З. Н. Юсуповой [1, т. 1, с. 288–290, 371–372].

¹³ 13 с.с. / 25 янв. н.с. — именины Великой княжны Императорской крови Татьяны Константиновны, дочери Великого князя. Также — Великой княжны Татьяны Николаевны, дочери Императора.

Следует сказать, что и Императрица Александра Феодоровна поначалу не поддерживала сестру, но постепенно ее негативное отношение к решению Великой княгини было преодолено, о чем свидетельствует переписка графини А. А. Олсуфьевой с Китти Струковой.

Гр. А. А. Олсуфьева — Е. Н. Струковой

14 ноября 1908 г. Царское Село.

Думаю, что между двумя сестрами налаживаются добрые отношения, что так необходимо, они могут сделать друг для друга столько хорошего, *хотя бы даже если между ними останется много недосказанного, потому что, мне лично кажется, что лучше со стороны В[еликой] К[нягини]¹⁴ не поднимать разные вопросы и не давать советы, которых не просят, так же как и она не следовала тем, которые получала, и продолжала свой путь, который ее так скоро уже приведет в обитель Марфы и Марии, к апостольнику, к обету, на служение весьма трудное!*

Теперь есть новый хороший фазис. Государыня, видя, как бесповоротно решение Сестры, интересуется вопросами, которые поглощают жизнь В. К., и спрашивает у нее разные детали, это делает В. К. счастливой...» (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4955. Л. 348 об. – 349 об. — на фр. и рус. языках).

Заметим, что пять лет спустя, с началом Великой войны, Императрица Александра Феодоровна встанет сама на подобное служение, приобщив к подвигу милосердия своих дочерей¹⁵. Прекрасный образ Императрицы, сестры милосердия, присутствует в известном стихотворении Н. С. Гумилева, посвященном Государыне:

Пока бросает ураганами
Державный Вождь свои полки,
Вы наклоняетесь над ранами
С глазами полными тоски.
И имя Вашего Величества
Не позабудется доколь
Смиряет смерть любви владычество
И ласка утешает боль <...>

(занесено в дневник Императрицы 7 июня 1916 г. –
ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 18).

В сложных обстоятельствах неприятия родными и друзьями Елисаветы Феодоровны кардинальной перемены прежнего ее образа жизни — с перемещением из Малого Николаевского дворца в Марфо-Мариинскую обитель и с посвящением себя обездоленным и больным людям, Китти в разных обстоятельствах умела находить точные слова и аргументы, отвечая тем, кто не хотел примириться с оставлением Великой княгиней света. Когда Великая княгиня столкнулась с непониманием окружающих, Китти, пожалуй, единственная, кто смогла, судя по сохранившимся письмам, оказать ей надежную поддержку в данном вопросе. Сохранилась и недавно опубликована переписка, раскрывающая всю сложность для Елисаветы Феодоровны начального периода ее пребывания в обители.

Е. Н. Струкова — кн. З. Н. Юсуповой

12 мая 1909 г.

¹⁴ Далее — В. К. (как в оригинале и в публикации).

¹⁵ Императрица поначалу не понимала перемены в жизни сестры и не одобряла ее. См.: Письмо гр. А. А. Олсуфьевой — Е. Н. Струковой от 14/27 ноября 1908 г. Царское Село // РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 4955. Л. 348 об. — на фр. и рус. языках).

К чему, моя дорогая Зинаида, это огромное желание вывести ее (вел. кн. Е. Ф. — *сост.*) за пределы тех белых стен, за которыми она обрела [душевный] мир, где она удовлетворена и даже счастлива? Так больно и тяжело снова начать жить как прежде, после огромного душевного потрясения, и какие радости может подарить ей жизнь? Да, конечно, если бы было на земле существо, которое она бы любила, испытывая к нему человеческую привязанность, которое бы отогрело ее сердце, кто-то, кого бы она любила так, как Вы — своего мужа и сына, но Вы прекрасно знаете, что этого нет! Своих родственников и друзей она любит по-своему, *отвлеченно*, но кто из нас необходим ей или хотя бы просто нужен? В настоящий момент, может быть Валентина¹⁶, но опять же — не сама по себе и не благодаря своей преданности, но только как *помощница*. Заполнить пустоту в ее сердце может Бог и страдающее человечество. Дойдя до такого состояния, человек уже не возвращается вспять. Таково мое искреннее убеждение, которое помогает мне принять настоящее положение вещей. Как и Вы, я бы последовала за ней, если бы была одна. Но что можно поделать, когда препятствуют более глубокие связи? Все это Вам самой известно, как и мне, но как же хорошо, что можно всем поделиться с Вами начистоту! Я бы так хотела с Вами увидеться! Когда Вы будете в Москве? Да хранит Вас Бог!

Целую от всей души,

Кити Струкова

(РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 3325. Л. 24–25 об. — на фр. яз.)¹⁷.

Письма Китти Козляниновой позволяют воссоздать ее образ и характер, отличительными чертами которого были смирение в сочетании с прямоотой и честностью, умение «держат удар». Месяцем позже сама Великая княгиня Елисавета в письме императрице Марии Феодоровне сообщала: «Я не забываю старые связи, но теперь у меня новая жизнь. Если бы я вышла замуж в далекую-далекую страну, никто не ждал бы, что я постоянно буду приезжать обратно. А то дело, за которое я взялась, — куда более важная и ответственная миссия. Помолись за меня, дорогая, чтобы я оказалась ее достойной...» (23 июня. Москва; ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 62–67 об. — на англ. яз.) [1, т. 1, с. 450–451].

Китти сопровождала Великую княгиню Елисавету Феодоровну в первую после семилетнего перерыва ее поездку за границу. Она также была рядом, когда Елисавета Федоровна выбирала место для устройства скита для престарелых сестер в Китаевской «молитвенной тиши» Люблина [1, т. 1, с. 464–465]. 26 августа 1909 г. «Голос Москвы» писал: «Вчера владелец Китаевского поселка, близ Люблина, принес в дар учрежденной Вел. кн. Елисаветой Феодоровной Марфо–Мариинской общине два участка земли для устройства приюта, где могли бы иметь убежище престарелые диакониссы общины. Великая Княгиня изволила посетить общину и осматривать эту землю. Ее Императорское Высочество прибыла в сопровождении фрейлины Е. Н. Струковой¹⁸ и была встречена полковником Китаевым и местным населением...»¹⁹.

24-го декабря, на день своего рождения, Николай Владимирович Струков делает в альбоме запись: «Николай Струков 10 сентября 1931 года. Моя Звезда закатилась навсегда». Запись размещена под строфой лермонтовского текста: «Вверху одна горит

¹⁶ В. С. Гордеева (1863–1931), урожд. Ушакова, фрейлина, жена курского губернатора Н. Н. Гордеева, одна из первых сестер обители на Ордынке, до 1918 г. — казначей, после ареста Великой княгини — вторая ее настоятельница (1918–1926), арестована, три года находилась в ссылке. Скончалась в Туркестане через два года после освобождения в 1929 г.

¹⁷ Здесь и далее переписка цит. по: [1, т. 1, с. 436–437]. В оригинале отмеченные слова выделены не только курсивом, но и подчеркнуты.

¹⁸ В публ.: М. Н. Струковой (ошиб.). Неточность данного сообщения еще и в том, что с момента своего замужества (1897) Китти не являлась фрейлиной Великой княгини. Она сопровождала ее как частное лицо, вероятно, по просьбе последней.

¹⁹ Голос Москвы. 1909. 26 авг. № 195. С. 4 (цит. по: [1, т. 1, с. 465]).

звезда, / мой взор она манит всегда», и автограф Николая Владимировича (реплика к лермонтовскому тексту), по-видимому, указание на день смерти Китти (рисунок 7).

Струков Николай Владимирович (1861–1944), секретарь Вел. кн. Елисаветы Феодоровны, статский советник (1911–1917), управляющий Императорским фарфоровым и стеклянным заводом [14], состоял в членах Императорского Православного Палестинского общества и числился в нем на 1940 г. Проживал во Флоренции.

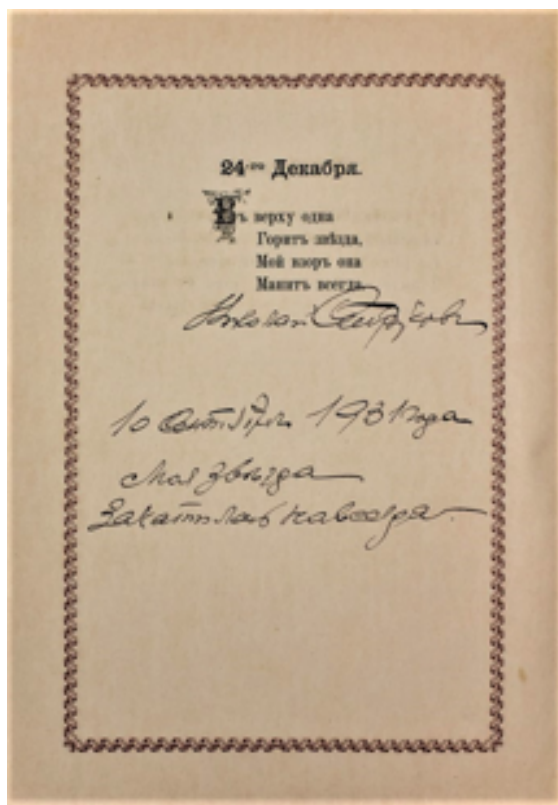

Рисунок 8 – Запись Н. В. Струкова на день 24 декабря, сделанная 10 сентября 1931 г. (по-видимому, день кончины Китти)

Figure 8 – N. V. Strukov's Entry for the Day of December 24, Made on September 10, 1931 (apparently, the Day of Kitty's Death)

Судя по опубликованным Е. Ю. Ковальской документам, многие письма Е. Н. Струковой были написаны из Флоренции, поэтому можно допустить, что Струковы уже в то время имели там дом, который в январе 1926 г. посетила королева Ольга Константиновна²⁰, оставив супружеской чете в подарок 139-й экземпляр своего альбома. Помимо дарственной записи, на титуле 139 экземпляра альбома «Изо дня в день» присутствует автограф «королевы эллинов» на день 22 августа, который является днем ее рождения. Под строками из «Еврейской мелодии» Лермонтова («Об родине можно ль не помнить своей?») читается текст: «Неизмеримая, необозримая / Тянется вольно равнина безбрежная... / То моя родина, мать моя нежная. / Страстно любимая. / Богом хранимая... / Русь Православная! Ольга». Эти строки, вписанные королевой от руки, звучат своеобразным продолжением лермонтовской «мелодии» и репликой к ее интонации: «...когда уж нельзя воротиться назад, / Не пойте! — досадные звуки цепей. /

²⁰ Либо она посетила дом Олсуфьевых, виллу «Русалка».

Свободы веселую песнь заглушат!»)²¹. Широко известный в эмигрантских кругах текст поэта А. Лугова нам удалось обнаружить в издании «Русско-Американского Календаря на год 1928» [17]. С учетом трагических обстоятельств жизни самой греческой королевы (в годы революции Ольга Константиновна потеряла в России 17 своих родственников), стихотворение Лермонтова, имеющее начальную строфу «Плачь, Израиль, о плач!», вызывает прямую аллюзию с началом 136 псалма, повествующего о скитаниях древнего народа, изгнанного с родной земли («На реках Вавилонских»). Ввиду редкости и малодоступности стихотворения, которое по памяти цитирует королева Ольга, приводим его полностью:

Русь

Съ дальняго сѣвера льдистаго — прямо до юга огнистаго, —
 Съ моря, гдѣ утромъ заря просыпается,
 Къ морю, гдѣ вечеромъ солнце скрывается, —
 Прямо изъ снѣга пушистаго въ царство песку золотистаго,
 Неизмѣримая, необозримая,
 Тянется вольно равнина безбрежная:
 То моя родина, мать моя нѣжная,
 Страстно любимая, Богомъ хранимая,
 Все въ ней гигантски-могучее! Отклики славы летучіе —
 Носятся по свѣту сказки чудесныя
 Про ея степи-пустыни безлѣсныя,
 Про ея боры дремучіе да про морозы трескучіе.
 Все въ ней манящее, ширью дивящее...
 Чудны въ ней храмы ея златоглавыя,
 Чудны въ ней рѣки ея величавыя,
 Нивы блестящія, хлѣбомъ шумящія.

Имя ея — Русь крещеная; прозвище ей — Русь мудреная.
 Съ сердцемъ незлобнымъ, съ душой необъятною,
 Кажется многимъ она непонятною.
 То безъ оглядки хваленая, то клеветою клейменная;
 Въ горѣ безпечная, въ счастья сердечная,
 Кровью за братское дѣло политая, —
 Вотъ она, матушка-Русь именитая!
 Будь безконечная слава ей вѣчная!

Горячая любовь к родине слышится в приведенном тексте, и это то чувство, которое несла в себе королева Ольга всю свою жизнь в непрерывном служении России (государственная дипломатия, благотворительность — покровительство военному мореходству, организация госпиталей, храмовое строительство) [20].

Вернемся, однако, к аукционному экземпляру альбома «Изо дня в день» с тем, чтобы завершить обзор прочих, входящих в него автографов. Запись на день 29-го апреля принадлежит княгине Марии Владимировне Барятинской²², известной благотворительнице, чьими стараниями в Риме продвигалась идея строительства храма в честь свт. Николая, и шел сбор средств (рисунки 10–11).

²¹ Еврейская мелодия (нач.: Плачь, Израиль! о плачь!) [13, с. 285–401].

²² Княгиня Мария Владимировна Барятинская (1851–1937), статс-дама двух Императриц — Марии Феодоровны и Александры Феодоровны. С ее именем связано много добрых дел и легенд. Основательница нескольких благотворительных учреждений, в том числе ялтинской Общины милосердия «Всех скорбящих Радость». Была близка к А. Чехову. В эмиграции жила в Италии. Свой знаменитый дворец в Риме завещала русской православной общине, где был устроен храм святого Николая.

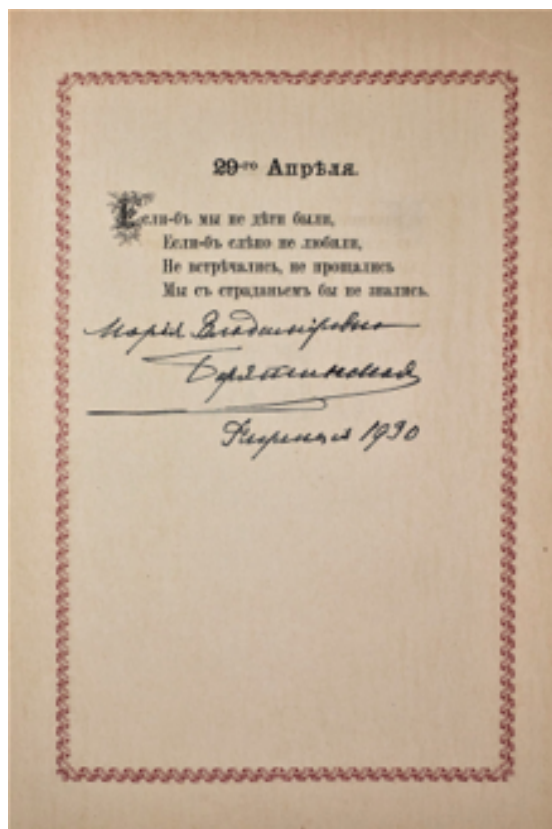

Рисунок 9 – Автограф княгини М. В. Барятинской в альбоме «Изо дня в день»
Figure 9 – Autograph of the Book by M. V. Baryatinskaya in the Album “From Day to Day”

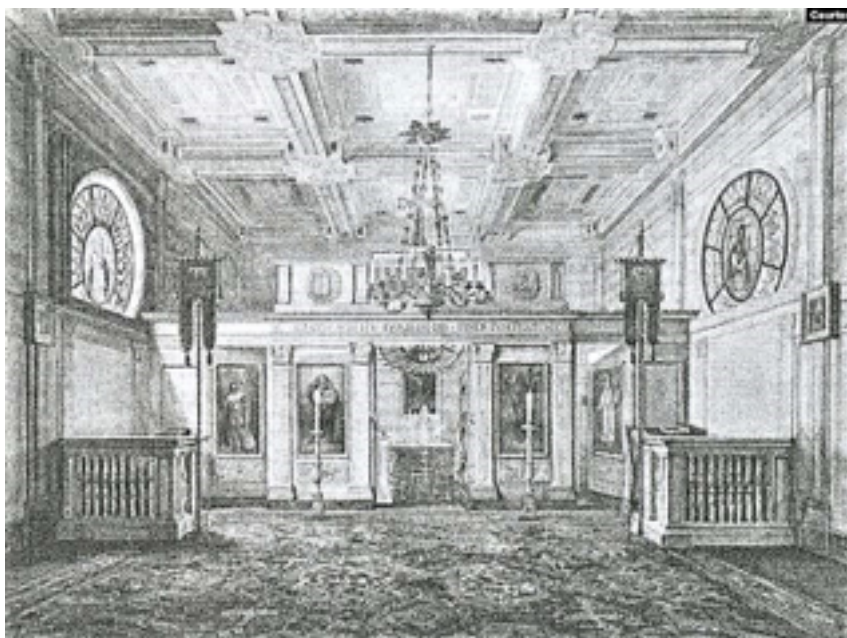

Рисунок 10 – Интерьер Русской Церкви Святого Николая в Риме
(дворец княгини М. В. Барятинской)
Figure 10 – Interior of the Russian Church of St. Nicholas in Rome
(the Palace of Princess M. V. Baratinskaya)

Строительство русского храма в Риме — центре католического мира — «не только означало предоставление проживавшим здесь русским возможности молиться в своем храме, но и носило миссионерский характер — раскрывало Западу красоту русской православной веры и богослужения. Несомненно, для Российской империи — многовековой хранительницы Православия — строительство церкви в Риме имело государственное значение, потому проект обсуждался на самом высоком уровне» [1, т. 1, с. 774]. Император Николай II лично внес 10000 руб. («царскую лепту») на возведение храма своего небесного покровителя. Среди жертвователей был и Великий князь Сергей Александрович. После его трагической кончины был образован Строительный комитет, который было предложено возглавить Великой княгине Елизавете Федоровне, но она поначалу отказалась от предлагаемого проекта, поскольку в то же самое время возводилось Барградское подворье, которым руководило Императорское Православное Палестинское Общество, возглавляемое Великой княгиней. След решения этих вопросов — в переписке Елисаветы Федоровны с княгиней Барятинской.

Вел. кн. Елисавета Федоровна — кн. М. В. Барятинской

22 января 1912 г. Москва–Рим

Дорогая Княгиня!

К моему большому сожалению, я, вероятно, не смогу официально покровительствовать строительству церкви в Риме, так как в настоящий момент мое Палестинское общество ведет строительство церкви в Бари, и я не могу раздвоиться и делать сборы здесь. Кроме того, я управляю Обществом помощи голодающим, это бедствие нужно искоренять всеми силами, одной Москвы недостаточно. Конечно, я всегда буду счастлива быть Вам полезной в предприятии, к которому испытываю неподдельный сердечный интерес, и я прекрасно понимаю, что церковь в Риме необходима. Почему бы Вам не попросить любимую дочь Императора?²³ Это было бы так мило.

Кланяюсь Вам,

Ваша горячо любящая Елисавета.

(НИОР РГБ. Ф. 19. Папка 204. Ед. хр. 15 Б (514 б). Л. 1–2 об. — на фр. яз.)

Позднее, осенью 1913 г., Высочайшим указом Николай II разрешил сбор пожертвований по всей России на строительство храма в Риме, был открыт счет, сформирован строительный комитет и утвержден проект. На имя императорского посольства приобретен участок на набережной Тибра, близ Понте Маргерита, началось строительство [23, с. 31–37]. Великая княгиня Елисавета Федоровна живо интересовалась продвижением этого проекта, понимая всю его важность. Сохранилось ее письмо, адресованное Императору, которое опубликовала Е. Ю. Ковальская:

Вел. кн. Елисавета Федоровна — Николаю II

13 июня. 1913 г. Москва — Рейд «Штандарт»

Надеюсь, вы хорошо отдыхаете. Нашла молодого талантливого архитектора из Петербурга, который сделает чертежи церкви в Риме — на твое одобрение. Надеюсь, смогу показать их тебе в Петергофе 18 июля²⁴. Слышала, Покровский также составляет планы²⁵, так что можно будет выбрать из этих двух вариантов и Жуковского. Так как ты любезно позволил мне принять участие в этом деле, может быть, мы с тобою и Аликс посмотрим эти три проекта, и ты решишь, который ты выберешь. Благослови тебя Бог. Пожалуйста, если согласен, ответь сразу же.

²³ Речь идет о старшей дочери Николая II, Великой княжне Ольге, которой осенью 1911 г. исполнилось 16 лет.

²⁴ Канун празднования обретения мощей преп. Серафима Саровского.

²⁵ О них подробно в кн.: [26, с. 30].

Элла

(ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1439. Л. 66 — на англ. яз.) [1, т. 1, с. 775].

Дальнейшая история храма в Риме известна. В 1924 г. земельный участок перешел советскому посольству и затем был продан. Тем не менее русские в Риме обустроили свой храм — в особняке, принадлежавшем Чернышевым-Барятинским, и княгиня Мария Владимировна, несомненно, была причастна к этим делам. Ее автограф в альбоме королевы эллинов Ольги Константиновны говорит о том, связи с общиной в 1930 г. были по-прежнему крепки.

Экземпляр Струковых связывает его составительницу с Флоренцией, поскольку процитированная выше запись титульного листа датируется январем 1926 г. и сделана именно во Флоренции. Здесь нельзя не вспомнить известную фотографию королевы в профиль, также относящуюся к январю 1926 г., которую сопровождает подпись, сходная с той, которую мы видим в альбоме Струковых: «С душевной благодарностью за теплое гостеприимство. Ольга. Флоренция. Январь 1926»²⁶. Известно, что королева Ольга скончалась в Риме 18 июня 1926 г., и можно предположить, что записи 139-го альбома входят в число последних ее автографов.

Среди автографов, оставленных в альбоме Струковых, мы видим имя старосты церкви свт. Николая во Флоренции — Сергея Михайловича Кочубея [7], его прихожан: князя И. А. Куракина²⁷, а также графини А. А. Олсуфьевой²⁸. О последней следует сказать особо.

Графиня Александра Андреевна Олсуфьева (*Аликс*; 1846–1929) была одной из немногих, с кем Великая княгиня Елисавета Феодоровна делилась самым сокровенными своими мыслями, и некоторые ее письма, адресованные Олсуфьевой, носят исповедальный характер, и мы дерзнем привести некоторые выдержки из них.

Вел. кн. Елисавета Феодоровна — гр. А. А. Олсуфьевой

Моя дорогая Аликс,

Берегите себя <...> Я надеялась доставить Вам удовольствие, взяв Вас в школу, цель которой, я знаю, Вас волнует, и я наказана за то, что совершенно не могу доставить Вам это удовольствие. Что такое Ваши неровности по сравнению с моими горами — Вам нужно только встать на цыпочки, чтобы ясно видеть, а я должна еще долго карабкаться — едва ли я преодолела одну гору как вырастает другая... Самая высокая гора — это «я» <...> Вы... ослеплены благодаря Вашей доброте и любви, Вы покрываете мои недостатки теплой накидкой, но я их чувствую под ней, увы.

²⁶ Впервые воспроизведена в изд.: [3].

²⁷ Князь Иван Анатольевич Куракин (1874–1950), русский политический деятель, ярославский губернатор, предводитель дворянства, член Государственной Думы Российской империи III созыва, министр финансов, пр-ва Северной области. В эмиграции рукоположен в священника, служил настоятелем церкви в Милане, Флоренции, Сан-Ремо, благочинный приходов в Италии. В 1949 г. пострижен в монашество с именем Иоанн, с 9 октября 1950 г. — епископ Мессинский, викарий Западноευропейского экзархата.

²⁸ В девичестве — Миклашевская (22 июля / 4 августа 1846 — 6 февраля 1929), дочь крупнейшего украинского фарфоро-промышленника А. М. Миклашевского (1798–1895). Фрейлина и статс-дама императрицы Марии Феодоровны, гофмейстерина Двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны (1891/1892–1910), статс-дама императрицы Марии Федоровны (с 1909 по 1910). С 1911 г. статс-дама императрицы Александры Федоровны. Член нескольких благотворительных комитетов, жертвовательница Марфо-Мариинской обители. В годы Первой мировой войны вместе с супругом устроила лазарет в Звенигороде, где у нее было имение (Ершово). С конца XIX в. проживала в Сан-Ремо, на собственной вилле «Русалка». Эмигрировала в Италию, Сан-Ремо. У графини Александры Андреевны была старшая сестра Мария Александровна (15.05.1839–23.11.1900), в замужестве Скоропадская, мать будущего гетмана Украины [4].

Я Вас обнимаю.

Ваша Е.

(без даты; ОПИ ГИМ. Ф. 164. Ед. хр. 36. Л. 96 – 96 об. — на фр. яз.)

[1, т. 1, с. 386–387]

Вел. кн. Елисавета Феодоровна — гр. А. А. Олсуфьевой

<...> благословенная минута, когда Вы откровенно сказали мне всю-всю правду. Я отдавала себе в этом отчет вчера вечером, но совсем не желала вникнуть — но, наговорив за чаем несправедливостей — будем смотреть правде в глаза — да, несправедливостей, я сказала себе: «Ты провела в церкви столько часов, и где твое смирение? Где твоя любовь к ближнему, о которой ты кричишь со всех крыш?» Было бы слишком долго писать обо всем. Отцы Церкви говорят: чем больше стараешься стать лучше, тем больше искушает диавол — это истинная правда — я должна была лишь деликатно сказать чистую правду: «Немного меньше разговаривать в церкви» — вот и все <...> я не хотела задеть Вас, чтобы Вы не подумали, будто Вы меня огорчили...

(без даты; ОПИ ГИМ. Ф. 164. Ед. хр. 36. Л. 75–76 об. — на фр. яз.)

[2, т. 1, с. 386].

Графиня Александра Андреевна входила в число нескольких ближайших подруг Елисаветы Феодоровны (наряду с княгиней З. Н. Юсуповой, Е. Н. Струковой, М. П. Белевской-Жуковской, М. А. Васильчиковой и В. С. Гордеевой), была единомышленницей Великой княгини, жертвовательницей Марфо-Мариинской обители и всегда морально поддерживала ее (в отличие от княгини З. И. Юсуповой, которая часто высказывала сомнения относительно правильности выбора Княгини, не переставая при этом быть ее активной помощницей и жертвовательницей обители). В 2-томник опубликованных архивных документов (2016) включено почти 90 писем, адресованных Великой княгиней Елисаветой Феодоровной графине Александре Андреевне. И можно только сожалеть, что это замечательное, образцовое во всех отношениях издание пока не внесено к электронный каталог РГБ и вообще мало известно читателям.

Совершая после своей помолвки паломническую поездку в Саввино-Сторожевский монастырь, Елисавета Феодоровна останавливалась в имении Олсуфьевых Ершово и гостила там несколько дней. Графиня Олсуфьева, в свою очередь, часто гостила в Ильинском, сопровождала Великую княгиню на Кашинские торжества²⁹. В переломный для Княгини период (1908–1909), когда уже было принято решение оставить свет и были сформулированы цели и задачи основанной ею Марфо-Мариинской обители, состояла в постоянной переписке с графиней А. А. Олсуфьевой. Одной из первых графиня опубликовала свои воспоминания о Елисавете Феодоровне [26].

На день 22 июля (день своего рождения) графиня А. А. Олсуфьева оставляет в альбоме Струковых развернутую запись, которую невозможно понять без учета всего выше сказанного: «Сколько хороших дней провели мы вместе у Той, которая поражала нас Своей Красотой, Чистой Светлой души, своим прекрасным обликом; потом сколько ужасных событий, потрясающих души; и вот опять Господь, дозволил нам быть вместе! В этом милом доме все улыбается, но воспоминания прошедшего неизгладимы, и горечь сердца тает только при молитве Тому, Который Своею Неисповедимой Волею сменяет страшную грозу, лучом ясного Солнца! Александра Олсуфьева». Несомненно, что речь здесь идет о Великой княгине-подвижнице Елисавете Феодоровне (рисунки 8–9).

²⁹ Праздник в честь прославления св. Великой княгини Анны Кашинской (июнь, 1909 г.).

Рисунок 11–12 – Великая княгиня Елисавета Федоровна и графиня Александра Андреевна Олсуфьева на костюмированном балу 22 января 1903 г.
 Figure 11–12 – Great Princess Elisabeth Feodorovna and countess Alexandra Andreevna Olsufyeva at a Costume Ball on January 22, 1903

Уже с конца XIX в. графиня А. А. Олсуфьева жила «на два дома», поскольку имела виллу в Сан-Ремо и недвижимость в России [22]. Сын графини, Андрей Алексеевич (1870–1933), поручик лейб-гвардии Кирасирского полка, адъютант военного министра, был женат на княжне Елизавете Семеновне Абамелек-Лазаревой, находившейся в родстве с Демидовыми и Баратинскими, благотворительностью которых во многом подпитывался храм во Флоренции, беженцы из России, возвращавшиеся в кругах Белой эмиграции. В Сан-Ремо Елисавета Федоровна адресовала многие свои письма графине Олсуфьевой. Второй сын, Василий Алексеевич, был адъютантом Великого князя Сергея Александровича (женат на княгине О. П. Шуваловой). Погиб в 1941 г. Его дочь М. В. Олсуфьева (1907–1988) — известная на западе переводчица М. Булгакова и А. Солженицына [21].

Среди других автографов альбома «Изо дня в день» стоит упомянуть записи на календарных страницах с числами:

25-го ноября — Эрнста Людвиг (Эрни), Вел. герц. Гессенского (1868–1937), брат Вел. кн. Елисаветы Федоровны и Имп. Александры Федоровны³⁰.

17-го сентября — Элеоноры Сольмс — Гогенсольмс-Лихская (Онор), Вел. герц. Гессенской (1871–1937), супруги Эрнста Людвиг.

16-го декабря — барона Павла Павловича Корфа (1845–1935), обер-церемониймейстера Двора, а также Ирины Гермаш, Лили Трубецкой, Барбары Вильсон, Елены Куракиной, Вовы Голицына, Anna Wello Rutredge, Аги Букналл, Мартин Вильсон, Елены Нарышкиной, Rosalind

³⁰ До 1894 г., в то время, когда великий герцог Эрнст Людвиг не был женат, обязанность первой леди Гессен-Дармштадтского герцогства исполняла при нем его младшая сестра Алиса, которая также в то время еще не была замужем.

Ashworth, Александры Гаусманн, графа Комаровского, Ольги Нидин Мумм (1910–1961), Елены Мумм Вильсон (1906–1979), Веры Кирилловны Мещерской (1876–1949).

Флоренция для Белой эмиграции стала островом спасения, объединившим вокруг православного флорентийского храма свт. Николая³¹ многие известные имена России (рисунок 12). Церковь была тесно связана с российской дипломатией на Апеннинах, и дипломатическая миссия была учреждена во Флоренции сразу же после окончания Наполеоновских войн, в 1815 г. Идея постройки флорентийского храма свт. Николая впервые была предложена в начале 70-х гг. XIX в. старшей сестрой императора Александра II Великой княгиней Марией Николаевной, которая с 1863 по 1874 г. жила на вилле Кварто во Флоренции. Об этом храме митрополит Евлогий (Георгиевский), возглавлявший Западно-европейскую епархию в послереволюционные годы и служивший в этом храме³², сказал: «Во Флоренции у нас чудный храм, самый красивый из храмов моей епархии. Двухэтажное здание в русском стиле, много прекрасных икон, живопись лучших живописцев» [6].

Рисунок 13 – Храм Святителя Николая во Флоренции

Figure 13 – The Church of St. Nicholas in Florence

³¹ Церковь Рождества Христова и Николая Чудотворца (итал. Chiesa Ortodossa Russa della Natività di Nostro Signore Gesù Cristo e San Nicola Taumaturgo) — православный храм, расположенный в городе Флоренция (Тоскана, Италия).

³² Митрополит Евлогий (Георгиевский; 1868–1946), управляющий Западноевропейского Экзархата русских православных приходов (назначен указом святителя патриарха Тихона от 26 марта 1921 г. Основатель Православного богословского института прп. Сергия Радонежского в Париже. После выхода декларации митрополита Сергия перешел со своими приходами в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Во время Великой Отечественной войны митрополит Евлогий вел себя как русский патриот. Он одним из первых из Западноевропейской русской эмигрантской общины в 1945 г. получил советский паспорт. 25 августа 1945 г. воссоединился с Русской Православной церковью с оставлением митрополитом, экзархом Западной Европы.

В 1925 г. храму Свт. Николая Чудотворца стала оказывать финансовую помощь королева эллинов Ольга Константиновна. Эта поддержка Греческого Королевского Дома была использована для устройства в одном из его помещений крипты — усыпальницы для греческих монархов-изгнанников. В 1925 г. сюда поместили гроб с телом короля Константина I, в 1926 — самой королевы Ольги.

Описанный нами экземпляр Струковых относится к последнему этапу жизни королевы эллинов (1926–1931). Он был подарен супружеской чете Струковых в январе 1926 г., за полгода до смерти королевы. Записи лиц из ближайшего окружения Великой княгини Елисаветы Феодоровны отражают общественные и личные настроения в предреволюционные и послереволюционные годы, раскрывая малоизвестные страницы биографий известных представителей русской эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Е. Ю. Ковальская. М.: Никая, 2016. 773+846 с.
- 2 Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / [сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. В. Плотниковой]. М.: Новоспасский монастырь, 2006. Кн. 5: 1895–1899. 2018. 751 с.
- 3 *Гаршин М. Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна. Прага: [б. и.], 1937. Русская морская зарубежная библиотека № 44 (переизд.: Королева эллинов Ольга Константиновна / предисл.: Ирина Жалнина-Василькиоти. Афины: КМГ (Кесидис медиа груп), 2011. 60 с.
- 4 Графиня Олсуфьева Александра Андреевна // Livejournal.com. URL: <https://yerdnavokrats.livejournal.com/12660.html> (дата обращения: 15.11.2020).
- 5 Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / К. Р. Вел. кн. Константин Романов; подгот. Э. Матониной. М.: Искусство, 1998. 492 с.
- 6 *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни [Текст] / Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-Press, 1947. 677 с.
- 7 Запись на странице 2 апреля, дня рождения Сергея Михайловича Кочубея (1896–1960), оперной знаменитости русского зарубежья // Русская православная церковь во Флоренции. URL: <http://zarubezhje.narod.ru/italy/firenze.htm> (дата обращения: 15.11.2020).
- 8 Изо дня в день: извлечение из сочинений Лермонтова на каждый день года / [О[льга] К[онстантиновна]]. [СПб.]: Гос. тип., 1886. [397] с. Состав раскрыт по корешку экз. РНБ.
- 9 Изо дня в день. Извлечения из сочинений Лермонтова на каждый день. Санкт... // Hermitage Fine Art. URL: <https://hermitagefineart.com/ru/lots/2018-november-russian-art/213> (дата обращения: 17.11.2020).
- 10 *Исаченко Т. А.* Личный альбом Великой Княжны Анастасии Николаевны: поэтическая антология или книга памяти? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 245–267. DOI: 10.17223/19986645/67/13
- 11 [Константин Константинович, вел. кн.]. Новые стихотворения К. Р. (1886–1888). СПб.: [б. и.], 1889.
- 12 *Лермонтов М. Ю.* Изо дня в день // Извлечения из сочинений Лермонтова на каждый день. СПб.: Гос. тип., 1886. 397 с.
- 13 *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: в 2 т. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1989. Т. 1: Стихотворения и драмы. 1828–1836. С. 285–401.

- 14 *Лобашкова Т. А.* Династия Романовых: биобиблиографический указатель. М.: Российский фонд культуры [и др.], 2007. 556 с.
- 15 Мемуары Великой Княгини Ольги Александровны, продиктованные Великой княгиней г-ну Йену Ворресу незадолго до ее кончины 24 ноября 1960 года. Ольга Александровна: мемуары / [запись Я. Ворреса]. М.: Захаров, 2003. 271 с.
- 16 [Нечволодов А. Д.] Сказания о русской земле. Ч. 1–4 / сост. А. Д. Нечволодов. СПб.: Гос. тип., 1913. 652 с.
- 17 Русь // Русско-Американский Календарь на год 1928. URL: <http://carpatho-russian-almanacs.org/RBO/RBO1928/Rus28.php> (дата обращения: 15.11.2020).
- 18 *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. / [под ред. и с предисл. Ю. И. Масанова]. М.: Книга, 1965. 692 с.
- 19 *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. Предварит. список / М-во культуры СССР. Главиздат. Всесоюз. книжная палата М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956. 163 с.
- 20 *Соколовская О. В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг.: к 100-летию присоединения Крита к Греции. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. 408 с.
- 21 *Талалай М. Г.* Наследие Марии Олсуфьевой // Слово. URL: http://www.hrono.ru/slovo/2003_02/talalai02_03.html (дата обращения: 01.12.2020).
- 22 *Талалай М. Г.* Олсуфьевы в эмиграции // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 280.
- 23 *Талалай М. Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2011. 395 с.
- 24 [Шардин А.]. Род князей Зацепиных: Ист. роман: [в 2 т.] / соч. А. Шардина [псевд.]. 2-е изд. с портр. авт. СПб.: Гос. тип., 1884. 325+401 с.
- 25 Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М.: Гос. тип., 1913. 331 с.
- 26 *The Grand duchess Elisabeth Feodorovna of Russia / by the countess A. Olsoufieff.* L.: Murray, 1923. 16 с.

© 2022. **Tatiana A. Isachenko**

Moscow, Russia

THE ALMANAC OF QUEEN OLGA WITH AUTOGRAPHS BY THE WHITE EMIGRATION AT THE AUCTION IN MONACO 2018

Abstract: The present study describes in detail a rare copy of the literary almanac “From Day to Day” in 1886, presented to persons from the closest circle of the Great Princess Elizaveta Feodorovna by its compiler, the Greek Queen Olga (1951–1926), six months before her death, in January 1926. This is evidenced by the preserved records and the queen's gift to the Strukov couple. The small circulation of the book, the unusual fate of each of the identified copies of the almanac, determined the interest in the copy of the auction sale in Monaco. The album contains recordings of famous benefactors of Russia — the Strukovs, Countess A. A. Olsufyeva (state lady of the Empress Alexandra Feodorovna), Princess M. V. Baryatinskaya (state lady of the Empress Maria Feodorovna). There are autographs of Duke Ernst of Hesse, the brother of the Grand

Duchess Elizabeth, and his wife, other famous people, many of whom were parishioners of the Florentine church of St. Nicholas, who belonged to the community of Metropolitan Eulogy (Georgievsky), a well-known figure of the Russian Church Abroad.

Keywords: Grand Duchess Elizaveta Feodorovna, Queen Olga of Greece, literary almanac “From Day to Day”, Ekaterina Nikolaevna Strukova (lady-in-waiting of Kitty Kozlyaninova and the date of her death), Princess M.V. Baryatinskaya, Countess Alexandra Vasilyevna Olsufyeva, the Florentine parish of Metropolitan Eulogy (Georgievsky).

Information about the author: Tatiana A. Isachenko — DSc in Philology, Russian State Library, Vozdvizhenka St., 3/5, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1710-2340>

E-mail: isachenko33@yandex.ru

Received: November 27, 2020

Approved after reviewing: January 17, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Isachenko T. A. The Almanac of Queen Olga with Autographs by the White Emigration at the Auction in Monaco 2018. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 169–191. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-169-191>

REFERENCES

- 1 *Velikaia kniaginia Elisaveta Feodorovna. Dokumenty i materialy: v 2 t.* [Grand Duchess Elisabeth Feodorovna. Documents and Papers: in 2 Vols.], comp. by E. Iu. Koval'skaia. Moscow, Nikeia Publ., 2016. 773+846 p. (In Russian)
- 2 *Velikii Kniaz' Sergei Aleksandrovich Romanov: biograficheskie materialy* [Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov: Biographical Papers], comp., author introd. and comm. by I. V. Plotnikova. Moscow, Novospasskii monastyr' Publ., 2006. Book 5: 1895–1899. 2018. 751 p. (In Russian)
- 3 Garshin M. Iu. *Koroleva ellinov Ol'ga Konstantinovna* [Queen of the Hellenes Olga Konstantinovna]. Praga, 1937. Russkaia morskaiia zarubezhnaia biblioteka № 44 (introd. by Koroleva ellinov Ol'ga Konstantinovna [Russian Maritime Library Abroad No. 44 (reprint: Queen of the Hellenes Olga Konstantinovna)], introd. by I. Zhalnina-Vasil'kioti. Afiny, KMG (Kesidis media grup) Publ., 2011. 60 p. (In Russian)
- 4 Grafina Olsuf'eva Aleksandra Andreevna. In: *Livejournal.com*. Available at: <https://yerdnavokrats.livejournal.com/12660.html> (accessed 15 November 2020). (In Russian)
- 5 *Dnevnik. Vospominaniia. Stikhi. Pis'ma* [Diaries. Memories. Poems. Letters], K. R. Great Duke Konstantin Romanov; publ. by E. Matoninoi. Moscow, Iskusstvo Publ., 1998. 492 p. (In Russian)
- 6 Evlogii (Georgievskii), mitropolit. Put' moei zhizni [The Path of my Life]. In: *Vospominaniia mitropolita Evlogiia, izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [Memoirs of Metropolitan Eulogy (Georgievsky), Set out in His Stories by T. Manukhina]. Parizh, YMCA-Press Publ., 1947. 677 p. (In Russian)
- 7 Zapis' na stranitse 2 apreliia, dnia rozhdeniia Sergeia Mikhailovicha Kochubeia (1896–1960), opernoi znamenitosti russkogo zarubezh'ia [Russian Orthodox Church in Florence, April 2, the Birthday of Sergei Mikhailovich Kochubey (1896–1960), an Opera Celebrity of the Russian Diaspora, an Entry on the page]. In: *Russkaia pravoslavnaia tserkov' vo Florentsii* [The Russian Orthodox Church in Florence].

- Available at: <http://zarubezhje.narod.ru/italy/firenze.htm> (accessed 15 November 2020). (In Russian)
- 8 *Izo dnia v den': izvlechenie iz sochinenii Lermontova na kazhdyi den' goda* [Day by day: Extract from Lermontov's Works for Every Day of the Year], [O[l'ga] K[onstantinovna]]. [St. Petersburg], Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1886. [397] p. Sostav raskryt po koreshku ekzemliaru RNB. (In Russian)
- 9 *Izo dnia v den'. Izvlecheniia iz sochinenii Lermontova na kazhdyi den'. Sankt...* [Day by day: Extract from Lermontov's Works for Every Day of the Year]. In: *Hermitage Fine Art*. Available at: <https://hermitagefineart.com/ru/lots/2018-november-russian-art/213> (accessed 17 November 2020). (In Russian)
- 10 Isachenko T. A. Lichnyi al'bom Velikoi Kniazhny Anastasii Nikolaevny: poeticheskaia antologiiia ili kniga pamiati? [Personal Album of the Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: a Poetic Anthology or a Book of Memory?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiiia* [Phylology], 2020, no 67, pp. 245–267. DOI: 10.17223/19986645/67/13. (In Russian)
- 11 [Konstantin Konstantinovich, Great Duke]. *Novye stikhotvoreniia K. R. (1886–1888)* [New Poems by K. R. (1886–1888)]. St. Petersburg, 1889. (In Russian)
- 12 Lermontov M. Iu. *Izo dnia v den'* [From Day to Day]. In: *Izvlecheniia iz sochinenii Lermontova na kazhdyi den'* [Extracts from Lermontov's Works for Every Day]. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1886. 397 p. (In Russian)
- 13 Lermontov M. Iu. *Polnoe sobranie sochinenii: v 2 t.* [Complete Works: in 2 Vols.]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., Leningradskoe otdelenie, 1989, vol. 1: *Stikhotvoreniia i dramy. 1828–1836* [Poems and Dramas. 1828–1836], pp. 285–401. (In Russian)
- 14 Lobashkova T. A. *Dinastiia Romanovykh: biobibliograficheskii ukazatel'* [The Romanov Dynasty: Biobibliographic Index]. Moscow, Rossiiskii fond kul'tury [and other] Publ., 2007. 556 p. (In Russian)
- 15 *Memuary Velikoi Kniagini Ol'gi Aleksandrovny, prodiktovannye Velikoi kniaginei g-nu Ienu Vorresu nezadolgo do ee konchiny 24 noiabria 1960 goda. Ol'ga Aleksandrovna: memuary* [Memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna, Dictated by the Grand Duchess to Mr. Ian Worres Shortly before her Death on November 24, 1960], [Entry by I. Worres]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. 271 p. (In Russian)
- 16 [Nechvolodov A. D.] *Skazaniia o russkoi zemle. Part 1–4* [Tales about the Russian Land. Part 1–4], comp. by A. D. Nechvolodov. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1913. 652 p. (In Russian)
- 17 Rus' [Rus]. In: *Russko-Amerikanskii Kalendar' na god 1928* [Russian-American Calendar for the Year 1928]. Available at: <http://carpatho-russian-almanacs.org/RBO/RBO1928/Rus28.php> (accessed 15 November 2020). (In Russian)
- 18 Smirnov-Sokol'skii N. P. *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv.* [Russian Literary Almanacs and Collections of the 18th–19th centuries], ed. by and introd. by Iu. I. Masanov. Moscow, Kniga Publ., 1965. 692 p. (In Russian)
- 19 Smirnov-Sokol'skii N. P. *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv. Predvarit. spisok* [Russian literary almanacs and collections of the 18th–19th centuries. Prefaces. List], Ministerstvo kul'tury SSSR. Glavizdat. Vsesoiuznaia knizhnaia palata Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznaia knizhnoi palaty Publ., 1956. 163 p. (In Russian)
- 20 Sokolovskaia O. V. *Velikii ostrov Sredizemnomor'ia, Gretsii i mirotvorcheskaia Evropa. 1897–1909 gg.: k 100-letiiu prisoedineniia Krita k Gretsii* [The Great Island

- of the Mediterranean, Greece and Peacemaking Europe. 1897–1909: to the 100th Anniversary of the Accession of Crete to Greece]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 408 p. (In Russian)
- 21 Talalai M. G. Nasledie Marii Olsuf'evoi [Heritage of Maria Olsufieva]. In: *Slovo*. Available at: http://www.hrono.ru/slovo/2003_02/talalai02_03.html (Accessed 01 December 2020). (In Russian)
- 22 Talalai M. G. Olsuf'evy v emigratsii [The Olsufievs in Emigration]. In: *Iz glubiny vremen*, 1998, no. 10, p. 280. (In Russian)
- 23 Talalai M. G. *Russkaia tserkovnaia zhizn' i khramostroitel'stvo v Italii* [Russian Church Life and Church Building in Italy]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2011. 395 p. (In Russian)
- 24 [Shardin A.]. *Rod kniazei Zatsepinykh: istoricheskii roman: [v 2 t.]* [The Family of Princes Zatsepin: Historical Novel: [In 2 vols.]], works A. Shardina [psevd.]. 2nd ed. with a portrait of the author. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1884. 325+401 p. (In Russian)
- 25 *Ulozhenie gosudaria tsaria i velikogo kniazia Alekseia Mikhailovicha* [Council Code of the Czar and Grand Duke Alexei Mikhailovich]. Moscow, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1913. 331 p. (In Russian)
- 26 *The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia*, by the countess A. Olsoufieff. London, Murray, 1923. 16 p. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-192-207>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. Б. Зусева-Озкан
г. Москва, Россия

**К ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ НАРРАЦИИ:
ПРОЗАИЧЕСКИЙ АВТОКОММЕНТАРИЙ В ПОЭМАХ
П. БУСЛАЕВА «УМОЗРИТЕЛЬСТВО ДУШЕВНОЕ»
И М. АМЕЛИНА «ВЕСЕЛАЯ НАУКА»**

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 20-18-00417)

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению поэм Петра Буслаева «Умозрительство душевное...» (1734) и Максима Амелина «Веселая наука» (1999). Автор доказывает генетическое родство двух произведений и особенно фокусируется на приеме прозаического построфного автокомментария «на полях» к основному поэтическому тексту — приеме крайне редком и сразу же указывающем на преемственность амелинского текста по отношению к буслаевскому. Специально анализируется нарративный субъект (или субъект речи и сознания) — как в основном тексте, так и в автокомментарии обоих произведений, выявляются сходства и различия между двумя поэмами, принадлежащими двум разным эпохам поэтики — традиционалистской (эйдетической) и неклассической стадии эпохи художественной модальности. С меньшей детальностью сопоставление продолжается на всех уровнях структуры двух произведений; устанавливается, что Амелин, с одной стороны, воспроизводит принципы поэзии XVIII в. вообще и поэтической наррации этого периода в частности, а с другой — преобразовывает их в соответствии с духом новой поэтики. Применяя наиболее яркую находку позднебарочной поэмы Буслаева — маргиналии-автокомментарий, он копирует его внешнюю структуру, одновременно переориентируя ее и превращая прием ученой поэтики, стремящийся истолковать читателю непонятное и дать единственно верную трактовку основного текста, в прием игровой, направленный на смыслопорождающее столкновение стилей, эпох, мировоззрений.

Ключевые слова: П. Буслаев, М. Амелин, поэма, историческая нарратология, прозаический автокомментарий, поэтическая наррация, барокко и необарокко.

Информация об авторе: Вероника Борисовна Зусева-Озкан — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; главный научный сотрудник Центра научного проектирования Управления по научной

работе, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>

E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Дата поступления статьи: 28.10.2020

Дата одобрения рецензентами: 25.12.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Зусева-Озкан В. Б. К истории русской поэтической наррации: прозаической автокомментарий в поэмах П. Буслаева «Умозрительство душевное» и М. Амелина «Веселая наука» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 192–207.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-192-207>

Статья посвящена довольно существенной проблеме истории русской поэтической наррации, а именно прозаическому автокомментарию, т. е., по сути, варианту автометарефлексии, а в некоторых случаях, когда в комментарии силен собственно повествовательный элемент, даже и метанаррации. Эта проблема обсуждается здесь на материале двух поэм, отделенных друг от друга большим временным промежутком, — силлабической позднебарочной поэмы Петра Буслаева «Умозрительство душевное» (1734) и поэмы современного поэта Максима Амелина «Веселая наука», точнее, первой ее части (1999). Эти два произведения можно было бы сопоставить уже по типологическому принципу, т. е. по сходству их нарративной структуры, однако с огромной степенью вероятности они связаны и генетически. Во-первых, Максим Амелин — один из лучших знатоков русской поэзии барокко и классицизма, а во-вторых, в русской литературе XVIII в., на которую ориентирована «Веселая наука», в принципе не существует другой поэмы, кроме «Умозрительства душевного», где прозаический автокомментарий занимал бы такое огромное место, с одной стороны, и разворачивался бы построфно — с другой, превращаясь в своего рода маргиналии, текст «на полях» по отношению к тексту поэтическому. Именно это происходит и в «Веселой науке».

Более того, поэмы сходны с точки зрения макрокомпозиции и объема, в чем тоже можно усмотреть своего рода оммаж Амелина по отношению к Буслаеву. В «Умозрительстве душевном» две части, каждая имеет по 100 строф-двустихий. В «Веселой науке» показатель числа строф лишь ненамного превышает: она состоит из 103 четверостиший, причем 61-я и 62-я строфы представляют собой «графический эквивалент» текста [14, с. 60] — запись ритма без слов, а 79-я — тоже «графический эквивалент», но уже в виде «онегинского» пропуска строфы, замененной точками (вместо описания любовного акта — нечто вроде кинематографического «затемнения»); таким образом, за их вычетом остаются те же 100 строф. Поэма имеет продолжение — вторую часть, тоже явно ориентированную на барочную поэзию, но уже скорее на Симеона Полоцкого с его «Вертоградом многоцветным», где части выстроены по алфавиту.

Продолжая мысль о генетическом родстве двух поэм, кратко укажем еще и на сходство их объектной организации: в обоих случаях речь идет о визионерских текстах, хотя Буслаев предельно серьезен и торжествен, а Амелин отчасти шутит и играет. Сюжет «Умозрительства душевного» — это сюжет «о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой» [3, с. 288]: первая часть посвящена ее смерти, а вторая — путешествию ее души к Богу. Сюжет «Веселой науки» составляют некоторые события жизни Якова Брюса, сподвижника Петра I, а в народной молве — чародея и прорицателя. Хотя первая поэма — о смерти, а вторая — о жизни

и деяниях, Брюс тоже совершает путешествие в небесные выси и общается с Богом, от которого даже получает три дара. Более того, в обоих случаях речь идет о вечной жизни, хотя и по-разному понятой: у Буслаева — о христианском вечном пребывании праведной души рядом с Богом, у Амелина — о даровании Богом Брюсу девяти жизней:

Душ обитель прозрачных посетив и покинув,
как изо сна восхищен, так и вернешься в сон,
наделенный дарами щедро, — ни райских кринов,
ни сковородок адских — ты на земле нужон,

ибо избранник Божий — Смерти кривых иголок
больше не бойся, — девять тел износишь до дыр... [1, с. 254],

причем автокомментарий на полях толкует: «Дарование ему временного бессмертия для девяти земных жизней».

Среди деталей, указывающих на генетическое родство двух поэм, — и особое значение числа «девять» («девять жизней», «девятка муз» у Амелина; указание, что «Девятой луны число девятое плыло» [3, с. 288] у Буслаева, использование «девятки» в композиции: девять разделов каждой части буслаевской поэмы соответствуют «деяти блаженствам», т. е. девяти заповедям Нагорной проповеди [10, с. 136]); и образ «девы, украшенной цветами» — аллегории Милости у Буслаева, возлюбленной Брюса Флоры Арчимбольдовны, его Галатеи, созданной им из цветов, — у Амелина; и мотив очевидения. У Амелина поэма имеет подзаголовок: «Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами (курсив мой. — В. З.-О.) со слов нескольких очевидцев»; у Буслаева же вся поэма, особенно первая часть, строится как свидетельство — поэт, которому М. Я. Строганова покровительствовала, видимо, присутствовал при ее кончине; и тоже есть подзаголовок: «Умозрительство душевное, описанное стихами (курсив мой. — В. З.-О.), о преселении в вечную жизнь...» и пр.

Сходство простирается и дальше — для обеих поэм принципиально важен эмблематический язык. Как пишет Л. И. Сазонова, «для поэмы П. Буслаева вообще и для второй части в особенности характерно зрительно интенсивное риторическое слово, обладающее визуальной наглядностью для внутреннего, духовного зрения. Автор насыщает поэзию зрительными образами, стараясь писать так, чтобы содержание поэмы раскрывалось и постигалось в живописной конкретности образа» [11, с. 508]. То же относится и к «Веселой науке», причем во второй части эмблематичность еще усиливается, так что поэма превращается едва ли не в собрание эмблем-предсказаний, например:

Воссоздать низверженного Колосса
соберутся дерзостные умы, —
крыльями снабдят, навернут колеса
и толкнут в объятия светотьмы [1, с. 260].

В общем, с нашей точки зрения, Амелин, несомненно, помнил об «Умозрительстве душевном», когда писал «Веселую науку», хотя он не упоминает этого в интервью, предпочитая говорить о сходстве с русской ироикомической поэмой¹, которая, однако,

¹ «Первая часть поэмы — ироикомическая, написанная в жанре, который не получил дальнейшего развития...» [12].

ни в одном образце не явила того развернутого построфного автокомментария, который и привлек наше внимание к сходству двух произведений.

Хотя проблема авторского комментария у Буслаева неоднократно обсуждалась в статьях специалистов по этому периоду русской литературы (которые при этом неизбежно уходили в каталогизацию буслаевских приемов), до сих пор никогда не предпринимались попытки сопоставить его с авторским комментарием у Амелина — видимо, ввиду того, что критики слабо знают XVIII в., а специалисты по этому периоду мало интересуются современной литературой. Между тем такое сопоставление позволяет многое понять в истории наррации в целом, а также уйти от каталогизации к более глубоким проблемам: эволюции авторского сознания, субъекта наррации, соотношения различных субъектов авторского плана и др.

Отметим сначала, что русская литература XVIII в. существовала еще в русле традиционалистской (или эйдетической, по С. Н. Бройтману [2, с. 133]) поэтики, для которой характерны такие особенности, как ориентация на канон, а также рефлексивность, выражавшаяся в создании многочисленных «правил» поэтики и риторики, а также проникавшая внутрь произведения, когда автор «не только изображает, но и тут же толкует свое создание» и оно само как бы «становится риторикой и поэтикой» [2, с. 137]. Моделью для автора являлся творческий акт Бога; повторение-воспроизведение его мыслилось как акт творчества, приобщение к божественному началу, а собственная роль творческой личности виделась ролью посредника в ряду других посредников. Автор «не владеет созданием как демиург, а находится внутри него», он одновременно и автор, и функция, и творец и творение; «он “ввергнут” в мир произведения так же» [2, с. 151], как и персонажи. Этот статус наиболее очевидно проявляется в том, что автор «входит в свое произведение не только как художник, но и в качестве эстетически непосредственного субъекта, имеющего заданную моральную цель» [2, с. 151].

Поэтическая наррация в основном велась в форме аукториального повествования (по Ф. Штанцелю [15]), при которой повествователь сохраняет дистанцию по отношению к изображенному миру, не является персонажем, но обнаруживает свое присутствие, выступая как «я», рефлексивная над своей речью. Крайне характерной особенностью являлось как раз присутствие авторского комментария, который мог являться в разных формах — чаще всего в виде отступления внутри стихотворного текста или в виде почти обязательного вступления (прозаического или стихотворного), где автор разъясняет свои взгляды на законы жанра и его задачи, обращается к Музе по образцу Гомера, описывает предмет воспевания и пр. В собственно лирике XVIII в. прозаический комментарий нередко сопутствует стихотворениям: В. К. Третьяковский, М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин «снабжают свои стихи подробными прозаическими примечаниями, разъясняющими литературную позицию автора, его отношение к поэтическому слову, к принципам поэтического словоупотребления» [14, с. 55], причем приземленный прозаический контекст нередко вступает в контраст с высоким поэтическим напряжением стихотворного текста.

Однако прозаический построфный автокомментарий «на полях» к стихотворному нарративному тексту (поэме) — вещь уникальная в русской литературе того времени. Как пишет Л. И. Сазонова, Буслаев в автокомментарии «демонстрирует свою творческую лабораторию, сообщает историко-культурные сведения, разъясняет христианскую символику, литературные приемы, риторические фигуры и тропы (метафоры, гиперболы, аллегории), в ряде случаев предметные реалии и этимологию слов, раскрывает значение визионерских картин, характеризует персонажей, делает ссылки

на источники своих поэтических образов — Библию, Гомера, Вергилия, Овидия и иных авторов, а также на церковные песнопения и иконописный подлинник, вводит замечания о структуре поэмы и некоторые уточняющие детали — все это не простое дополнение к тексту произведения, но структурно и содержательно значимая часть поэмы» [11, с. 504].

Чтобы избежать простой каталогизации приемов, нужно, с нашей точки зрения, подойти к проблеме автокомментария с точки зрения его субъекта. В поэме Петра Буслаева *комментарий* очевидно *принадлежит биографическому автору*, который действительно «ввергнут» в мир поэмы: Буслаев, как полагают исследователи, присутствовал при кончине своей покровительницы баронессы Строгановой; его же перу принадлежат эпитафии на ее надгробии, упомянутые в комментарии к строфам 92–94; наконец, при издании поэмы в 1734 г. вместе с ней «была напечатана и эпитафия Строгановой, являющаяся своего рода ее [поэмы] продолжением уже в ином текстовом пространстве; данная эпитафия усиливает присущую произведению гетерогенность, делая его текстом сложной структуры» [4, с. 6]. То есть поэма и комментарий к ней вместе составляют свидетельство *биографического автора*, «эстетически неопосредованного субъекта», о переселении в иной мир души его покровительницы. Отсюда — те указания на конкретные факты, которые присутствуют в комментарии, но отсутствуют или неочевидны в поэтическом тексте, например, указание на место погребения баронессы: «Принесли в церковь святого Николая, называемого в Котельниках, и совершили литургию, по литургии ж отпевали погребательныя стихи, тогда все теснились и падали на гроб, целуя тело ея и прощаяся в последние, в котором действе от гроба отстать не хотели и упали без памяти» [3, с. 393] (к строфам 85–86 части первой); или сообщение о склонности баронессы к благотворительности: «57. Обучение в жизни многим младым людям сия баронесса давать собою обычай имела. Веселила горестных и пользовала печальных» [3, с. 393] (комментарий к стихам: «Наставляла жить честно многих людей младость, / Ты в горести утеха, ты в печали радость» [3, с. 291]).

Автор в поэме «Умозрительство душевное» *себя напрямую не изображает и даже не говорит «я»*, ибо он не персонаж, но его присутствие во внутреннем мире произведения отчетливо ощущается:

Воскликнули силы: «Пришла небесна царица!»
 Оболченна вся в солнце, луна под ногами,
 На главе же корона царская с звездами.
 Мужей, жен и дев много входили по чину,
 Страшно нам грешным было разсуждать причину [3, с. 289];

Зраком смотреть телесным было преужасно [3, с. 290].

Характерно, что здесь явлено своего рода «*мы-сознание*», а наиболее часто повторяющееся местоимение в тексте поэмы — «все» (в разных формах парадигмы): автор — лишь один из «всех» присутствующих при кончине и переживающих видение и эмоции, ему сопутствующие; *собственных эмоций у него как бы и нет*. Этому феномену соответствует и тот факт, что в «Умозрительстве душевном» есть лишь *один голос и один кругозор* — несмотря на то, что в произведении представлен целый ряд лиц.

Более того, в рамках стихотворного текста он *не репрезентирует себя в качестве поэта*, создателя читаемого нами произведения. Таковым он предстает только в авто-

комментарии, и то косвенно, в третьем лице — отстраненно называя себя «автор» («Зде автор измышленно описует ея добродетели...» [3, с. 393]). По большей же части повествовательный субъект репрезентирован как некий «составитель» *текста, который «пишет» себя сам* — видимо, божественным произволением, имея «автора» как орудие; см., например, метатекстуальный комментарий к началу второй части поэмы: «Начало вторыя части имеет прицепление к первой части, в параграфе четвертом к стиху сорок четвертому и пишет о тех, которые немощь плоти разсудительной душе повиновали...» [3, с. 393]).

При этом нарратора можно по праву назвать «эстетически неопосредованным субъектом, имеющим заданную моральную цель» — дидактически передать в слове благодать праведно прожитой жизни и соединения души с Богом и Божиим величием. Специфически «эйдетическая» дидактичность, к слову, проявляется и в том, что автокомментарий в большой степени направлен на то, чтобы *научить, просветить читателя*, объяснить ему все «непонятное» — даже то, что на самом деле вполне понятно, если дать себе труд вникнуть в текст, например:

Третия с главы до ног в цветах украшенна,
 Не меньше других в славе светло возвышенна.
 Под правым раменем рог с цветами ж имела.
 Рекла: «И я Марией до тебе приспела,
 Милосердый боже, Милость называюсь...» [3, с. 396].

Автор считает нужным дать здесь примечание: «Цветами дела Милости нарицаются. <...> Рог с цветами — явление пред богом милости, яже до небес восходит» [3, с. 394]. Таким образом, он очень подробно все поясняет и толкует, чтобы читатель не интерпретировал по-своему, по-другому, чтобы быть вполне и абсолютно понятным (ср.: «Он и здесь стремится ограничить смысловое движение и придать ему четкость и однонаправленность. Это и приводит к появлению жестких определений, прикрепляющих образ к одному смыслу» [4, с. 10]). По большей части *автокомментарий просто «переводит» текст поэмы с одного языка на другой*, причем дело здесь не в возвышенности стиля и его сглаженности, простоте, но в том, что поэтический текст может быть понят многозначно, в прозаическом же комментарии *автор постоянно стремится дать единственное верное толкование*. Кроме того, здесь ощущается та сращенность образно-понятийных начал в эйдосе, о которой говорил С. Н. Бройтман: «...эта поэтика не знает ни чистого эйдоса, ни чистого понятия...» [2, с. 139]; нерасчлененная образно-понятийная природа эстетического объекта проявляется как раз в постоянном для поэмы проведении принципа различения, в специальном *усилии по различению (многозначного) образа и (однозначного) понятия*.

Из дидактических устремлений субъекта речи и сознания в буслаевской поэме проистекают и многочисленные аллегории и эмблемы, посредством которых трансцендентный мир передается поразительно «весомо, грубо, зримо»: «Мир поэмы <...> весьма и весьма предметен; автор показывает читателю духовную сущность мироздания, но это предметности не препятствует, так как духовная сущность и явлена в нем именно как абсолютно реальная; ее можно увидеть и потрогать. Тут обнаруживается близость “Умозрительства душевного” древнерусскому искусству <...>. В качестве одной из ближайших параллелей можно назвать “Слово Епифания Кипрского в великую субботу о снятии тела Христова с креста и о положении во гробе”, широко распро-

страненное в славянской письменности с XI столетия <...> следует указать на эпидектические слова Кирилла Туровского, в первую очередь на “Слово о женах-мироносицах и о Иосифе Аримафейском” и “Слово на Вознесение”. Так, предельно сдержанные в своей таинственной краткости Евангельские сюжеты Вознесения (Мк. XVI, 19; Лк. XXIV, 50–51) подвергнуты в последнем “Слове”, по определению И. П. Еремина, сюжетной амплификации: они обрастают подробностями, “напоминающими частично иконописные изображения”. <...> Не только вся атмосфера повествования о переходе из земного мира в мир Небесный крайне близка поэме Буслаева, но и сами принципы изображения, так сказать постижения непостижимого до конца, сами общие параметры мимесиса в обоих произведениях совпадают. Автор начала XVIII в. мыслит и пишет вполне в духе великого киевского проповедника XII столетия. Сближает их и ориентация (возможно, невольная) на иконопись» [4, с. 12–13].

Это сближение произведений начала XVIII в. и XII в. совершенно не случайно: оба принадлежат к эпохе *рефлексивного традиционализма*. Именно *ориентацией на традицию* («обычай») и *канон* (в том числе иконописный) в огромной степени отмечен автокомментарий к «Умозрительству душевному» — большинство его фрагментов соотносит поэтический текст с традицией изображения того или иного предмета, например: «52. Все сие описание остреишия лютоши сей болезни сердечной и печали, в которое время все делает без разсуждения слабость человеческая и здравыя правления ума посмеваются. Многие подобные сему суть описания поетов Виргилия, Овидия, Гомера [в тексте: Голгера] и прочих» [3, с. 393]. Или: «87. Описание персоны его с иконописных художеств» [3, с. 394]. Автор стремится *показать свою ученость*, используя термины риторики: «Адской вопль чрез фигуру поезии гиперболе разумеется превеликой вопль, которым крычали без памяти ничего бо помнить не хотели, кроме отлучения ея» [3, с. 393] (к двестишю 48-му первой части: «Все ахнули от сердца; мало замолчали. / Таж скоро адским воплем безпамятно вскричали» [3, с. 291]); «Лествица до неба — добрая жизнь наша, превечное ж царство — царство божие... Горни же Сион — место, идеже души праведных пребывают, анлегорично называется» [3, с. 394].

Как пишет Л. И. Сафонова, в «Умозрительстве душевном» «П. Буслаев выступает не только как поэт, но и как комментатор собственного текста, литературовед и “*artifex doctus*”. Его авторский комментарий — своего рода научная работа, а поэма, демонстрирующая соотнесенность в семантическом поле произведения текста стихотворного и текста прозаического, сопряженность слова поэтического и слова научного в едином текстовом пространстве, относится к барочной традиции “ученой поэзии”, “ученой литературы”» [11, с. 510]. Здесь заключена идея поэзии как *универсальной науки*, включающей в себя все прочие науки и знания, ее синтетизма и превосходства над другими искусствами, в том числе реализация топоса *ut pictura poesis* («поэзия как живопись»). Более того, мир предстает в этой поэме «завершенным и законченным, и в нем определились все причины и все механизмы» [9, с. 315].

На этом фоне отчетливо выступает в автокомментарии *тема вымысла*, противопоставленная важнейшей теме свидетельства, очевидения. Несколько раз в комментарии, особенно ко второй части, Буслаев употребляет выражение «измышленно»: «31 и 32. Описует измышлением ангела, яко молнию скоро, имеюща на себе власть божию» (к первой части) [3, с. 393]; «15. Зде автор измышленно описует ея добродетели, которые пред богом явны суть всегда и по изшествии с душею являются. Всякой бо от своих дел или прославится, или постыдится. В девических же персонах яко живописцам, тако и поетам сия описывать обычай есть» [3, с. 393–394]; «63 и 64. Описуется зде поезии измышлением сия добродетель... Наричается же сия добродетель любовь

Христова» [3, с. 394]; «78. Измышленно писал, яко сия баронесса имя Марии носила, имя, данное в тезоименство Марии Магдалины» [3, с. 394].

Тема поэтического вымысла — одна из старейших поэтологических тем, известная с Античности; см., в частности, у Горация: «Либо следуй преданию, либо измышляй такое, что согласно с самим собой» (*Aut famam sequere, aut sibi convenientia finge*), а также «измышленное ради удовольствия да будет близким к истине» (*ficta voluptatis causa sint proxima veris*) [6, с. 97]. Буслаев, очевидно, придерживается убеждения, что поэтический слог отличается от обыденной речи, поэтому вполне допускает *вымысел*, который, однако, *должен быть* рефлексивно обозначен как таковой в комментарии.

Возвращаясь теперь к поэме «Веселая наука», сразу скажем, что при внешнем сходстве принципы построения автокомментария в ней существенно иные — и это не удивительно, учитывая, что перед нами текст, не только автоматически, по времени создания, относимый к неклассической фазе эпохи художественной модальности, но изобретательнейшим образом воплотивший в себе ее принципы.

Начнем опять же с особенностей субъекта речи в стихотворном тексте и автокомментарии. В данном случае *субъект речи* — несомненно, *поэт*, по классицистским законам (действующим даже в несерьезной, т. е. ироикомиической, поэме) в начале произведения обращающийся к Музе:

Всем о тебе поведать нужен настрой особый, —
Музы одной не хватит, даже девятки Муз
было бы маловато, но — собери попробуй —
разбрелись, разбежались, — удивительный Брюс! —

Не святой, не властитель, не разбойник, не воин, —
в чем же твои заслуги? — житие каково? —
кто же ты, что по праву вечности удостоен? —
Разве слепая жница — смерть — обошла кого? —

О! про тебя словечко молвить неосторожно
вслух, тем более повесть целую расписать
боязно, потому что и поплатиться можно
головой неразумной запросто... [1, с. 245].

Эти первые три строфы сопровождаются следующим комментарием: «Вступление. — Сетования по поводу несвоевременной отлучки всех известных Муз. — Объявление имени героя. — Попытка определить его отличие от противного. — Осознание опасности для повествователя, могущей постигнуть его в продолжение повести...» [1, с. 245]. Здесь делается попытка не столько истолковать и объяснить, как у Буслаева, сколько *пересказать*, передать в нескольких словах *основное содержание* эпизода — как опять же это делалось в XVIII столетии: сравним, например, с наиболее известной русской ироикомиической поэмой «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) В. Майкова, где, однако, пересказываемой единицей — как это обычно бывает, в том числе и в прозе, — является глава или песнь целиком. Отметим, однако, что у Амелина *пересказываются события не только внутреннего мира, но и метаплана* — события, происходящие с текстом и с повествователем, что отсылает, через голову Майкова, к Скаррону, к которому Майков все время апеллирует:

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить... [8, с. 77];

И се я слышу глас с ее высока трона:
«Послала я к тебе давно уже Скаррона;
Итак, не льстись теперь на помощь ты мою...» [8, с. 124].

В последнем случае, как и у Амелина, муза как бы отказывается прийти на помощь стихотворцу. Разумеется, Майков отсылает к Скаррону прежде всего как к автору «Перелицованной Энеиды», однако если мы обратимся к его «Комическому роману», то увидим, что пересказ содержания глав в начале каждой из них зачастую метарефлексивен, как и фрагменты автокомментария у Амелина.

Субъект речи в автокомментарии называет себя «повествователем», но в финальной строфе поэмы проявляет себя опять же как стихотворец, поэт и говорит с «*профессиональной*» точки зрения, с которой шутивно соединяется попытка «архаизировать» субъекта речи (использована характерная для древнерусской литературы завершающая формула «аминь»; см. также якобы дидактический автокомментарий к этой строфе: «Наставление благосклонному читателю повести. — Конец»):

Мой любезный читатель! заново поскорее
непринужденным взглядом эту повесть окинь;
ведай Творца и помни: дактили да хорей
не напрасно взаимозаменялись. — Аминь [1, с. 258].

Таким образом, *лирический субъект двойствен*: с одной стороны, это поэт, желающий получить поддержку муз; с другой — это «повествователь», как бы лишь пересказывающий «подлинную» историю «со слов» неких «очевидцев» (которые ни разу не называются). Возникает характерная для метанарративного и метафического текста игра *противоречием-тождеством автора-историка*, который лишь записывает действительную историю, и *автора-творца*, утверждающего свою власть над повествованием.

Этой игрой обусловлен и *кругозор субъекта речи*: если у Буслаева это кругозор, так сказать, всеобъемлющий, объясняющийся *абсолютной точкой видения реальности в визионерском опыте*, то у Амелина он двойствен. С одной стороны, повествователь ссылается на слухи, признает ограниченность своих нарративных возможностей; так, строфы 19–21 снабжаются следующим комментарием: «Восхищение необычными способностями Брюса. — Попытка объяснить их происхождение Божественным промыслом. — Рассуждение в защиту Веры» [1, с. 247]. Однако, с другой стороны, позиция историка всячески подрывается; например, подчеркнуто фантастическая ситуация — процесс создания Брюсом идеальной возлюбленной — дважды определяется повествователем словосочетанием «по науке»:

...не отыскав достойной пары среди смертных жен,
из цветов разнovidных смастерил на досуге
девушку — как живую, — новый Пигмалион:

волосы — георгины, очи — фиалки, руки —
 лилии, розы — губы, ландыши — зубы, мак —
 щеки; все остальное флоксами — по науке —
 и гладиолусами тело скрепил вот так

и нарек по науке — как положено — Флорой
 Арчимбольдовой... [1, с. 249].

Кроме того, повествователь знает, например, о «тайных», по его же собственному определению, мыслях Петра (4–5 строфы), пересказывает «явленные Брюсу наднебесные таинства» (строфы 66–67). Собственно, вся «визионерская» часть поэмы должна была бы являться недоступной для историка — см. комментарии: «Точное изображение невидимого полета в надмирные выси» (к строфе 62-й, представляющей собой «бессловесную» запись ритма); «Развернутое описание всего, что мелькнуло перед внутренним взором во время быстрого перелета сквозь вселенную...» [1, с. 253] и пр. Примечательно, кстати, отсутствие притяжательного местоимения перед «внутренним взором» — чей он? Путешествующего героя или же стихотворствующего повествователя? Или обоих одновременно? Все это обличает *взаимодействие нескольких голосов и нескольких кругозоров* в нарративной структуре поэмы, нередко сталкивающихся и противоречащих друг другу.

Буслаев, кстати, тоже говорит о «внутреннем взоре», точнее, о «зраке души» всех, кто созерцал «преселение души» баронессы (не выделяя себя из общего числа): «Ум душевны се видел, слеп был зрак телесной» [3, с. 289]. В 89-м двустишии второй части Буслаев пишет о рае:

Красота ж того места весма непостижна,
 Описать не достанет и разума книжна [3, с. 298] —

и сопровождает это место следующим автокомментарием: «Ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце когда взыде человеку, еже уготова бог любящим его и хранящим заповеди его. И како се описати!» [3, с. 394].

Соответствующий эпизод у Амелина, повествующий о пути Брюса по надмирным высям, как уже говорилось выше, частично представляет собой «графический эквивалент» текста — ритмическую схему строфы, за которой уже следует словесное описание полета героя с предупреждением: «Не описать полета духа языком плоти...» [1, с. 253]. Разумеется, здесь отчасти серьезно, а отчасти и шутливо воспроизводится дилемма «невозможности описания» чего-либо, «невыразимости», присутствующая и у Буслаева. Оба поэта все же пытаются выразить невыразимое, и при этом с большой степенью уверенности и визуальности, но там, где Буслаев риторически восклицает, Амелин использует опыт эпохи художественной модальности и освобождает «дух» текста от «плоти» слова, проявляя его визуально выраженную музыку. Автокомментарий, как и вся поэма в целом, приобретает *игровое измерение, не присущее поэме Буслаева*.

Этот игровой принцип распространяется и на временной континуум поэмы: если у Буслаева время течет линейно, причем план земной ощущается как бранный, как краткий миг перед лицом вечности и Бога, то у Амелина время не линейно. Оно течет прихотливо, вперед и вспять, играет звеньями и кольцами, подчинено принципу «двойной экспозиции», сочетающей одновременные «изображения» прошлого и будущего

России. Так, поза Петра верхом на коне описывается через сравнение с памятником работы Фальконе, который на момент, описываемый в поэме, еще как бы и не существовал:

...Царь верхом на коне:
«Сам, — говорит, — поеду», — точно на пьедестале
громокаменном тусклый памятник Фальконе

с надписью: Petro Primo — Catharina Secu...da, —
п отвалилось наземь, — видно, задел ногой... [1, с. 257].

Причем на уровне стиля этот прием работает так же, как на уровне содержания, ибо в стихотворном тексте сталкиваются изысканно старинные и совершенно современные слова, а в большой степени стилизованный стихотворный текст прозаически и современно «пересказывается» в автокомментарии. Действительно, еще одна функция автокомментария у Амелина — *это создание двух стилей, двух языков, «осовременивание» прошлого, «прозаизирование» и «обытовление» фантастического*. Есть ли такая функция в поэме Буслаева? Скорее, нет: прозаический комментарий на полях у него действительно «яснее» стихотворного текста, но происходит это за счет въедливого толкования всего и вся, а не за счет принципиального изменения стиля. Амелин, напротив, *ничего не объясняет* и не растолковывает своему читателю, оставляя текст *свободным для интерпретаций* (и для считывания поэтических аллюзий, коих тут множество), но зато *играет на различиях стилевых регистров*.

Таким образом, в соотношении основного стихотворного текста с прозаическим текстом автокомментария у Амелина явственно задействованы такие принципы поэтики художественной модальности, как индивидуация смысла (который всегда личностен и не может быть сведен к общему для всех словарному «значению», как у Буслаева), отсутствие всякой и всяческой определенности, готовой и привилегированной точки зрения. Сам субъект речи теряет свою определенность, стационарность, плотность, а «авторский контекст» «утрачивает присущую ему нормально большую объективность по сравнению с чужой речью» [5, с. 131] и сам осознается как «чужая речь».

В «Веселой науке» сохраняется и такой принцип модальной наррации, как *открытый финал* — вопреки стилизованной «завершающей формуле» сюжет остается открыт. Если у Буслаева финал максимально заверченный («...Мария жизнь в небе получила» [3, с. 299] — дальше ничего уже не может быть, это немислимо), то у Амелина Брюс «вместе с прекрасной Флорой прочь упорхал. — Не ждете? / Ждите, — и Брюс вернется, — он и поныне жив!» (в комментарии: «Надежда на возвращение Брюса») [1, с. 258].

Открытость к интерпретациям проявляется у Амелина и на уровне персонажном. Его герой — своего рода трикстер, постоянно играющий с Петром Великим разные шутки; он и творец-Пигмалион, и великий ученый, чьи возможности вроде бы превосходят возможности человеческого разума, и божий «избранник», и вечный странник по миру, т. е. фигура многогранная. Напротив, у Буслаева фигура героини — баронессы Строгановой — совершенно определена и даже одномерна: это праведница, почти что святая, и какие бы то ни было иные интерпретации, по всем указаниям автора, неуместны.

Игра в поэме Амелина ощущается в самой интонации произведения. Как говорилось выше, Буслаев и в стихотворном тексте, и в комментарии предельно серьезен, Амелин же шутит, что ощущается и в соотношении основного текста с маргиналиями. Так, комментарий к строфам 90–92 гласит: «Ожидающий незваных гостей Брюс невозмутимо предается осмысленному отдыху...» [1, с. 256], тогда как нарративная «раскладка» основного текста ставит под сомнение данное «на полях» определение — отнюдь не ученые занятия занимают в этот момент героя: «Брюс преспокойно в башне наслаждается Флорой; / медленно попивает кофе, какао, чай; / в ноздри табак влагает...» [1, с. 256].

Тот же игровой принцип определяет рисунок стиха, в частности, изобилие сильных анжамбеманов между строфами, в поэзии XVIII столетия немислимых. А играя с барочным, казалось бы, приемом визуальной поэзии, Амелин преобразует его: если в русской поэзии XVII–XVIII вв. визуальные стихотворения имитировали своим внешним видом тот предмет, который описывали, то Амелин визуальным приемом не только воссоздает изображаемый предмет, но и регулирует ритм, т. е. музыкальную сторону стиха:

Вот составляет карту Русских земель, дотошно
все, что в пути приметил сверху, летя в Москву
из Петербурга, денно изображает, ночью, —
каждой речке и взгорку, всякому месту рву,

лугу и перелеску определяет, — берег,
линией непрерывной из-вива-ющий-ся,
резко проливом узким, где проплывает Беринг,
отделил от Америк, — нате, мол, наша — вся! [1, с. 248].

Получается, что Амелин стоит на крайне своеобразной позиции, воспроизводя принципы поэзии XVIII в. вообще и поэтической наррации этого периода в частности и одновременно преобразовывая их в соответствии с духом новой поэтики.

М. Н. Липовецкий ввел понятие «необарокко», имея в виду одну из двух линий русского постмодернизма (наравне с концептуализмом): «Концептуализм и необарокко во многом противоположны друг другу. Концептуализм тяготеет к авангардной эстетике <...>. Необарокко восходит к эстетике “высокого модернизма” <...>. Концептуализм подменяет авторское лицо системой безличных дискурсивных ритуалов <...>. Необарокко культивирует индивидуальный авторский миф <...>. Если концептуализму свойственны деконструкция и демифологизация авторитетных культурных знаков и целых языков, то необарокко, напротив, нацелено на ремифологизацию культурных руин и фрагментов. Концептуализм существует на границе между искусством и идеологией <...> в сущности, питаясь нарушениями эстетических конвенций. Для концептуализма характерен прием серийного нанизывания разнородных и разнообразных предметов, образов, дискурсивных фрагментов, символов и т. п., что острее всего передает антисистемный, деиерархизирующий и децентрирующий пафос этого типа художественного сознания. В необарокко же любое произведение организовано как автономная эстетическая система, хотя бы и хаотизированная, — каждый элемент осмысливается через место в контексте целого, а в художественной системе сохраняется дихотомия “высокого” и “низкого”» [7, с. 241–242]. Все сказанное применимо к случаю Амелина

и «Веселой науки» в частности — с тем дополнением, что Амелин сознательно играет с барочными топосами.

Даже в самом названии поэмы, отсылающем к поэтическому искусству (ибо так именовали свое занятие провансальские трубадуры), заключается типично барочная аналогия между наукой и поэзией. В нарративном отношении Амелин применяет наиболее яркую находку позднебарочной поэмы Буслаева — маргиналии-автокомментарий, с одной стороны, воспроизводя его внешнюю структуру, а с другой — переориентируя ее и превращая прием ученой поэзии, стремящийся истолковать читателю непонятное и дать единственно верную трактовку рассказанного и описанного в основном тексте, в прием игровой, направленный на смыслопорождающее столкновение стилей, эпох, мировоззрений и оставляющий все интерпретации «открытыми».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Амелин М.* Гнутая речь. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2011. 464 с.
- 2 *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 320 с.
- 3 *Буслаев П.* Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой // Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 288–299.
- 4 *Бухаркин П. Е.* Поэма П. Буслаева «Умозрительство душевное» в литературном движении петровской эпохи // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 4–19.
- 5 *Волошинов В. Н.* [Бахтин М. М.] Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.
- 6 *Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель.* М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2010. 512 с.
- 7 *Липовецкий М. Н.* Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов. М.: НЛЮ, 2008. 848 с.
- 8 *Майков В. И.* Елисей, или Раздраженный Вакх // *Майков В. И.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 74–135.
- 9 *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М.: Прогресс, Культура, 1993. 352 с.
- 10 *Панченко А. М.* Буслаев Петр // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 136.
- 11 *Сазонова Л. И.* Авторский комментарий в структуре произведения (Поэма «Умозрительство душевное» Петра Буслаева) // Литературоман(н)ия: к 90-летию Юрия Владимировича Манна: сб. ст. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 502–511.
- 12 *Семенова Е.* Парфенон в Кижях: Максим Амелин о дамских игрушках, орехе без скорлупы и языковом коде // Независимая газета. Ex Libris. 11 апреля 2013. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2013-04-11/2_parfenov.html (дата обращения: 20.10.2020).
- 13 *Серман И. З. М. В.* Ломоносов, Г. С. Сковорода и борьба направлений в русской и украинской литературах XVIII в. // Русская литература XVIII века и славянские литературы: исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 40–78.
- 14 *Тынянов Ю. Н.* О композиции «Евгения Онегина» // *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 52–77.
- 15 *Stanzel F. K.* Theorie des Erzählens. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 333 p.

© 2022. Veronika B. Zuseva-Özkan
Moscow, Russia

**TOWARDS THE HISTORY OF RUSSIAN POETICAL NARRATION:
PROSAIC AUTOCOMMENTARY IN THE POEMS
“THE SPECULATIONS OF THE SOUL” BY P. BUSLAEV
AND “THE JOYOUS SCIENCE” BY M. AMELIN**

Acknowledgements: The research was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00417).

Abstract: The paper aims to compare the long poems by Petr Buslaev (“The Speculations of the Soul”, 1734) and Maksim Amelin (“The Joyous Science”, 1999). The author proves the genetic relatedness between two poems and specifically focuses on the phenomenon of the prosaic stanza-by-stanza auto-commentary on the margins of the poetical text, which is extremely rare and unequivocally reveals the association between Amelin’s and Buslaev’s works. The author also dwells on the narrative subject (i. e. the subject of speech and consciousness) — both in the main poetical text and the prosaic auto-commentary of the poems — revealing the similarities and differences between the two literary works belonging to different epochs of poetics: traditionalist (or eidetic) and the non-classical phase of the poetics of the artistic modality. The analysis moves on with less detail onto all structural levels of both poems; the author establishes that Amelin, on the one hand, reproduces poetical principles of the 18th century in general and those of the poetical narration of the period in particular, and, on the other hand, he transforms them in accordance with the spirit of new poetics. While borrowing the most prominent feature of the late-Baroque poem by Buslaev — the auto-commentary on the margins of the poetical text, Amelin copies its outer appearance at the same time reorienting it and turning the device of the “learned poetry” that seek to explain to the reader all the obscure elements of the text and propose the only right interpretation of the poetical text into the literary game creating the meaningful clash of styles, epochs, and worldviews.

Keywords: Petr Buslaev, Maksim Amelin, long (narrative) poem, historical narratology, prosaic auto-commentary, poetical narration, Baroque and Neo-Baroque.

Information about the author: Veronika B. Zuseva-Özkan — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Department of Modern European and American Literatures, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Chief Research Fellow with the Center of Scientific Projects of the Office for Scientific Work, The Russian State University for the Humanities, Miusskaya Square, 6, 125047 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>

E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Received: October 28, 2020

Approved after reviewing: December 12, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Zuseva-Özkan V. B. Towards the History of Russian Poetical Narration: Prosaic Autocommentary in the Poems “The Speculations of the Soul” by P. Buslaev

and “The Joyous Science” by M. Amelin. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 192–207. (In Russian)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-192-207>

REFERENCES

- 1 Amelin M. *Gnutaia rech'* [Bent Speech]. Moscow, B.S.G.-Press, 2011. 464 p. (In Russian)
- 2 Broitman S. N. *Istoricheskaja poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2001. 320 p. (In Russian)
- 3 Buslaev P. Umozritel'stvo dushevnoe, opisannoe stikhami, o preselenii v vechnuui zhizn' prevoskhoditel'noi baronessy Marii Iakovlevny Strogonovoi [Speculations of the Soul, in Verse, on the Transition to Eternal Life of Her Excellence the Baroness Maria Iakovlevna Stroganova]. In: *Russkaia sillabicheskaia poeziiia XVII–XVIII vv.* [Russian Syllabic Poetry of the 17th and 18th Centuries]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1970, pp. 288–299. (In Russian)
- 4 Bukharkin P. E. Poema P. Buslaeva “Umozritel'stvo dushevnoe” v literaturnom dvizhenii petrovskoi epokhi [The Long Poem by P. Buslaev “The Speculations of the Soul” in the Literary Movement of the Epoch of Peter the Great]. In: *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, issue 26: Staroe i novoe v ruskom literaturnom soznanii XVIII veka [The Old and the New in Russian Literary Consciousness of the 18th Century], pp. 4–19. (In Russian)
- 5 Voloshinov V. N. [Bakhtin M. M.] *Marksizm i filosofiiia iazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke* [Marxism and the Philosophy of Language: The Main Issues of the Sociological Method in the Language Studies]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 192 p. (In Russian)
- 6 *Evropeiskaia poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniia: Entsiklopedicheskii putevoditel'* [European Poetics from Antiquity to Enlightenment: Encyclopedic Guide]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 7 Lipovetskii M. N. *Paralogii. Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: The Transformations of (Post)modernist Discourse in Russian Culture of the 1920s – 2000s]. Moscow, NLO Publ., 2008. 848 p. (In Russian)
- 8 Maikov V. I. *Elisei, ili Razdrzhennyi Vakkh* [Elisha, or Bacchus Enraged]. In: Maikov V. I. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966, pp. 74–135. (In Russian)
- 9 Mamardashvili M. *Kartezianskie razmyshleniia* [Cartesian Meditations]. Moscow, Progress, Kul'tura Publ., 1993. 352 p. (In Russian)
- 10 Panchenko A. M. Buslaev Petr. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [The Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 1, p. 136. (In Russian)
- 11 Sazonova L. I. Avtorskii kommentarii v strukture proizvedeniia (Poema “Umozritel'stvo dushevnoe” Petra Buslaeva) [Authorial Commentary in the Text Structure (Poem by Petr Buslaev “The Speculations of the Soul”)]. In: *Literaturoman(n)iia: k 90-letiiu Iuriiia Vladimirovicha Manna: sbornik statei* [Literaturoman(n)ia: Collection of Papers for the 90th anniversary of Jurij Vladimirovich Mann]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi institut Publ., 2019, pp. 502–511. (In Russian)

- 12 Semenova E. Parfenon v Kizhakh: Maksim Amelin o damskikh igrushkakh, orekhe bez skorlupy i iazykovom kode [Parthenon on Kizhi Island: Maksim Amelin on Ladies' Amusement, Walnut without Shell, and Language Code]. In: *Nezavisimaia gazeta. Ex Libris*. April 11, 2013. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2013-04-11/2_parfenov.html (accessed 20 October 2020). (In Russian)
- 13 Serman I. Z. M. V. Lomonosov, G. S. Skovoroda i bor'ba napravlenii v russkoi i ukrainskoi literaturakh XVIII v. [M. V. Lomonosov, G. S. Skovoroda, and the Movements Contest in the Russian and Ukrainian Literatures of the 18th Century]. In: *Ruskaia literatura XVIII veka i slavianskie literatury: issledovaniia i materialy* [Russian Literature of the 18th Century and Slavic Literatures: Studies and Materials]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, pp. 40–78. (In Russian)
- 14 Tynianov Iu. N. O kompozitsii “Evgeniia Onegina” [On the Composition of “Eugene Onegin”]. In: Tynianov Iu. N. *Poetika. Istoriiia literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 52–77. (In Russian)
- 15 Stanzel F. K. *Theorie des Erzählens* [A Theory of Narrative]. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht Publ., 1979. 333 S. (In Germany)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. В. Шадурский
г. Великий Новгород, Россия

РЕЦЕПЦИЯ АВВАКУМА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА АЛДАНОВА

Аннотация: Протопоп Аввакум интересовал Марка Алданова как личность, включенная в события истории России и связанная с преобразованием русской литературной традиции. Черты разных сочинений Аввакума обнаружены в публицистических («Армагеддон», «Огонь и дым»), художественных («Советские люди (в кинематографе)», «Пуншевая водка», «Повесть о смерти») и философских («Ульмская ночь») произведениях Алданова, который видит в Аввакуме гениального писателя и разрушителя естественного хода истории. В творчестве Алданова — мировоззренческая антитеза: он не принимает идеи Аввакума, борющегося на сохранение уходящих традиций, и не принимает идеи Ленина, сметающего традиции. По мнению Алданова, характеры этих исторических деятелей объединены разрушительной страстью, но Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин является источником ненависти, социального и политического зла. Отрицательный аспект рецепции состоит в неприятии позиции Аввакума, в признании «первобытной» природы его бунта и невежества. Неумная энергия Аввакума, его влияние, непреклонность и осмысленное желание расколоть общество, усилились в характере и поведении Ленина. В сравнении с отношением к Аввакуму Д. П. Святополк-Мирского и А. М. Ремизова проясняется амбивалентный характер алдановского изображения Аввакума. Положительный аспект рецепции — это восхищение стилем Аввакума, использование мотивов его сочинений в прозе Алданова. В повести «Пуншевая водка» образ Аввакума возникает в сознании подводящего итоги жизни М. В. Ломоносова, цитируются аввакумовские произведения; все это позволяет Алданову выразить идею счастья гения. В романе «Повесть о смерти» Алданов использует мотив «Жития протопопа Аввакума»: образ жены Лейдена, страдающей из-за поступков своего мужа и не осознающей его беду, создается в соотнесенности с ситуацией, в которой оказалась жена протопопа. Образ Аввакума формируется еще в первых публицистических статьях Алданова и меняется в его творчестве в 1930–1950-е гг. Алданов не создает персонажа Аввакума, но апеллирует к его личности, ведет с ним постоянный диалог. Аввакум из раскольника и предвестника большевиков превращается в помощника понимания смысла жизни («Пуншевая водка»), его слова и образы помогают Алданову представить развитие русской литературы («Ульмская ночь») и создать персонажей романов («Повесть о смерти», «Бред»).

Ключевые слова: образ, Марк Алданов, протопоп Аввакум, Владимир Ленин литература русской эмиграции, рецепция.

Информация об авторе: Владимир Вячеславович Шадурский — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>

E-mail: shadvlad@mail.ru

Дата поступления статьи: 20.08.2020

Дата одобрения рецензентами: 23.10.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Шадурский В. В. Рецепция Аввакума в творчестве Марка Алданова // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 208–220.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

Документальная и художественная проза, публицистика и литературная критика Марка Алданова развивались под воздействием европейской культуры и русской классической традиции в самом широком ее понимании. Одному аспекту рецепции русской классической литературы (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова) в творчестве Алданова уже посвящено немало статей и несколько монографий [33]. Алданов на протяжении всей жизни апеллировал и к идеям древнерусских писателей, пользовался цитатами из их сочинений, на их основе создавал образы, но изучение алдановского восприятия этой литературы еще только началось [31].

Для понимания рецепции Аввакума в литературе XX в. важны разные комментарии. Писали, что в начале XX в. протопоп Аввакум становится актуальной фигурой «неожиданно» [12, с. 338] и, напротив, что появление аввакумовской темы, с «пророческими» откровениями, естественно в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны [23, с. 438]. У Алданова обращение к Аввакуму происходит тоже в связи с осознанием фактов российской истории. Но слово автора «одного из самых интересных и своеобразных произведений русской литературы XVII в., созданного в переломную эпоху развития русской культуры» [14, с. 8] приобретает особое звучание в текстах Алданова.

В публицистической книге «Армагеддон» (1918), из-за запрета большевиков, изданной несколько десятилетий спустя [10], Аввакум называется предтечей Владимира Ленина. Для показа отрицательных черт Аввакума Алданов использует его же уничижительную фразу: «Ни ритор, ни философ, дидаскальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения» [10, с. 62]. Позднее в очерке «Советские люди (в кинематографе)» это высказывание будет применено снова при характеристике «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Изысканная риторика гнева, которой искусно владел «вождь мирового пролетариата», словно позаимствована из сочинений Аввакума: «Совершенно так же честил Аввакум ученика, который как-то пошел против его воли: “Не помышляй себе того, дурак, еже от Бога тебе, кроме покаяния, помиловану быти... Да придет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огонь яко содомлян, аще не зазришь души своей треокаянной! Кайся, трехглавый змий, кайся, собака дура!”» [10, с. 63]. Алданов приводит неполную цитату из «Письма к Алексею Копытовскому» [4, с. 237], воедино собирая ругательства, которые создают обманчивое впечатление, будто Аввакум ненавидел своих учеников. В процессе написания «Армагеддона» Алданов мог обратиться к нескольким редакциям «Жития...» Аввакума [14, с. 6–7], но цитирует так называемый «дружининский» автограф. И даже при таком

деликатном цитировании он допускает грубую контаминацию образов Ленина и Аввакума. Удивительно то, что Алданов не почувствовал и другого. В «книге толкований и нравочений» <...> Аввакум рассуждает не только о скором конце света, но и <...> о том, как никониане подготавливают приход антихриста в мир» [27, с. 45]. Эсхатологические настроения двух авторов были очень близки. Алданов предвидел, как европейскую цивилизацию влечет за собой в темное будущее «колесница Джагернатха» [10, с. 112], но его мировоззрение облекается в эстетические формы и символы («дракон», «колесница»), тогда как сознание Аввакума полно религиозного смысла.

В сборнике «Огонь и дым» (1922) Алданов использует сведения из биографии Аввакума, чтобы создать неожиданный образ Ленина-«раскольника»: «Да, он раскольник. Или вернее, в нем есть и раскольник. В душе Ленина живет подлинная жгучая ненависть к старому миру. Он ненавидит и презирает все проявления буржуазной цивилизации...» [6, с. 75]. Но Ленин — это влиятельный лидер. Влиятельностью отличался и его знаменитый предшественник, например, о необычайной силе воздействия Аввакума на окружающих в Пустозерске писали так: «К Аввакуму, как к пророку, стекались массы, жаждущие чудес и исцелений» [26, с. 277]. Ленин же в очерках этой книги представлен более опасным, чем Аввакум, потому что он «знаток гражданской войны, ее законов и психологии», у него хищная натура [6, с. 76]. И все же позиция Алданова в отношении Аввакума очень неожиданная: протопоп, отстаивающий традиции старого церковного уклада, вносится им в список тех исторических героев, которые препятствовали естественному развитию жизни, именно потому в их деятельности критик видит предвестие большевизма. Так, в очерке «Третий Рим и Третий Интернационал» притягательность коммунистических идей Алданов объясняет бунтарской удалью русских вождей: «Здесь уместно помянуть Ткачева, Нечаева и Аввакума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многих других» [6, с. 103–104]. Аввакум указан в перечне удалых бунтовщиков. В последующих литературно-критических статьях и художественных произведениях Алданов не станет корректировать эту эмоциональную мысль, и Аввакум как «фанатик» навсегда окажется в его «черном» списке.

В литературе первой половины XX в. к образу и творчеству Аввакума также обращались Д. С. Мережковский, М. А. Волошин, А. И. Несмелов, М. М. Пришвин, М. А. Кузмин, другие писатели. Важный этап развития рецепции Аввакума в русском зарубежье связан с именем Д. П. Святополк-Мирского. Так, в 1924 г. в Англии вышла книга переводов «Жития», которую Мирский сопроводил предисловием. Однако К. В. Мочульский восторженную оценку стиля Аввакума воспринял прохладно: ему показалось, что в преклонении перед автором XVII в. прослеживается неприятная тенденция литературы эмиграции: «намечающаяся реакция против художественного канона XIX в.» [20]. Пользу от открытия Аввакума критик не оспаривает, но горестно замечает: «В настоящую минуту Аввакум нам, пожалуй, нужнее Толстого — но будет ли он нам нужен завтра — это покажет будущее» [20].

Мирский свое понимание Аввакума и значение его для литературы изложил в нескольких работах [18; 35]. В целом Аввакум им понимается как «самобытный русский гений», который впервые для литературных целей применил русский язык [24, с. 31]. В книге Мирского об истории русской литературы (1926 г. — на англ. яз.) есть целая глава, связанная с протопопом: «Конец старой Московии: Аввакум». Естественно, Мирский обращает внимание на известную сторону Аввакума: его особый подвиг — подвиг раскольника, бунтаря, проявление небывалой мужественности: «Он пламенный и твердый боец, настоящий враг и настоящий друг» [24, с. 75]. Мирский оценивает

сочинения Аввакума и с эстетической стороны, ведь в его творчестве претворилось много того, что достойно создания новой традиции: «Аввакум — великий художник слова, и каждому русскому писателю есть чему у него поучиться» [24, с. 75]. Но традиции этой не было суждено появиться. По логике книги Мирского, если бы не упрямство Аввакума и не последовавшие испытания, он бы написал что-то еще более выдающееся, чем послания и «Житие».

Но вскоре в другом издании Мирский даст возможность Аввакуму заговорить иным голосом. В 1926 г. журнал «Версты» опубликует «Житие протопопа Аввакума», переписанное рукой А. М. Ремизова, в сопровождении его же примечаний. Этот новый текст был составлен на основе трех ранее известных редакций жития и переписан поморским полууставом. Ремизову Аввакум был близок как личность и творец. В его художественном сознании протопоп Аввакум тоже стал образцом героя, пожертвовавшего жизнью за убеждения. В зарубежье интерес Ремизова к Аввакуму только усилился, и благодаря идее редакции «Верст» он претворился в своеобразное «продвижение» «Жития». Позднее герой ремизовского произведения увидит себя последователем протопопа Аввакума и даже «отправится» с ним в ссылку: «Я никогда не скрывал своей привязанности к протопопу, даже когда протопопа в Сибирь загнали, и стало выражать к нему свои чувства опасно, и в спорах всегда я защищал наш природный русский язык его проповедей» («Царский венец» из кн. «Пляшущий демон», 1949) [21, с. 293]. Более того, он станет очевидцем казни своего «духовного наставника, любимого протопопа Аввакума» [21, с. 294]. Ремизов настолько высоко оценивал оригинальный слог Аввакума, что в книге «Подстриженными глазами», насыщенной аввакумовскими аллюзиями и реминисценциями, склад речи его жития он противопоставит даже стилю «Слова о полку Игореве», который назовет «невывлазно-книжным». Даже в последней книге писателя «Мерлог» целая глава будет отведена Аввакуму. «Ремизов, как Марина Цветаева, идентифицировал себя с бунтарями — Аввакумом, Разиным и Пугачевым, которые играли ключевую роль в русской истории и становлении национального самосознания в поворотные, связанные с насилием периоды, знаменовавшие собой переход от церковной культуры к светской» [25, с. 50], очевидно, что между Ремизовым и Аввакумом обнаружилась бунтарская связь. Алданов же в начале своего творчества был ярким противником подобных мятежников, его либеральное сознание могло принять только золотую середину.

Стихотворные переложения «Жития» были сделаны современниками Алданова. Мережковский изображал страдающего и смиряющегося протопопа, Волошин — страдальца за Христа и веру, Несмелов — сильный характер, противопоставленный «измельчавшим» потомкам [17, с. 408–412]. Но поэтический образ Аввакума Алданова не мог заинтересовать.

Остается открытым вопрос о влиянии на алдановскую рецепцию восприятия Аввакума русскими классиками XIX в. По наблюдениям Е. А. Маймина, идеолог-Аввакум Толстому был не интересен, но его высказывания, меткие, образные, тщательно отбирались писателем для своих будущих произведений; выписки, сделанные Толстым из сочинений протопопа Аввакума, «являются некими стилевыми образцами» [18, с. 504]. Для нас пока остается непонятным, знал ли Алданов об интересе Л. Н. Толстого к биографии и сочинениям Аввакума, знал ли об этой реакции на Аввакума И. С. Тургенева и А. И. Герцена? Вероятно, на Алданова могла произвести впечатление реплика высоко чтимого им И. С. Тургенева, переданная А. Н. Луканиной [5, с. 55–56]: «Я вспомнил житие протопопа Аввакума, вот книга! Груб и глуп был Аввакум, порол

дичь, воображая себя великим богословом, будучи невеждой, а между тем писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его. Я часто перечитываю его книгу» [21, с. 4]. Как бы то ни было, рецепция творчества Аввакума была продолжена в очеркостике и художественной прозе Алданова в 1930-е гг.

В основе очерка «Советские люди (В кинематографе)» (1933) представлен просмотр хроники с записью парада Красной Армии. Повествователь изображает разные планы: от вождей на мавзолее до созерцающей толпы. Выделим один нюанс: для описания главы советского государства М. И. Калинина Алданов использует ту же цитату из «Толкований» Аввакума, что применял в «Армагеддоне»: «...ни ритор, ни философ, дидакальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения» [11, с. 409]. Аввакумовский мотив приобретает еще одно политическое воплощение: сначала в образе Ленина, теперь в образе Калинина.

В повести «Пуншевая водка» (1938) Алданов показывает внутренний монолог Ломоносова, но монтирует его так, что реплики из разных произведений Аввакума выглядят цельным текстом. Как они вообще могли появиться у Ломоносова? [7, с. 500]. Первое издание «Жития» состоялось только в 1861 г., почти 200 лет этот текст находился под запретом, тайно переписывался старообрядцами и распространялся в рукописных списках. Выходит, что Ломоносов, тайно раздобыв «четкий список» «Жития», тайно его и читает. В этом эпизоде повести ученый перечитывает не сам текст «Жития», а другие произведения Аввакума. Сначала цитируется «Беседа первая. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания» [1, с. 127]. Второй фрагмент упомянутого сочинения Аввакума — это «Письмо к Симеону: («Чадо богоприимче!...»)» [3, с. 226–227], в тексте повести он размещен Алдановым после многоточия, будто Ломоносов, перевернув страницы списка аввакумовских произведений, продолжил чтение наугад: «А хотя и бить станут или жечь: ино и слава господу богу о сем. На се бо изыдохом из чрева матери своя. А в огне том здесь небольшое время потерпеть — аки оком мгнуть, так душа и выступит. Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся» [2, с. 500]. Третий фрагмент — это почти точная цитата «Из беседы восьмой. [Об Аврааме]» [2, с. 142], она тоже приведена после многоточия: «Много никониане людей перегубили, думая службу приносить Богу. Мне сие гораздо любо: освятилася русская земля кровью мученическою...» [7, с. 500]. Все три фрагмента передают важный посыл Аввакума: оставить добрую память, помня о смерти; не бояться страданий, принять необходимость самопожертвования на мученическом пути, в этом счастье, посланное Богом. Мысли Аввакума помогают Ломоносову обрести цельность, осознать смысл жизни: «Оттого ли, что этот человек не только так говорил, но в самом деле погиб на костре, хоть погиб ради мыслей и чувств, совершенно чуждых, даже просто непонятных профессору Ломоносову, или из-за собственных размышлений о близости смерти, о тщете жизни, — страница эта чрезвычайно его взволновала: вот кто не думал ни о высоком, ни о среднем, ни о подлом штиле, — а как писано, и не вздор ли штили! Он смахнул слезу, опустил книгу на колени и долго думал об Аввакуме, о себе: при всем различии, чувствовал в себе и какое-то, хотя отдаленное, сходство с сожженным протопопом, надеявшимся убедить мир, что в костре — счастье. “Да, затем что? не гроб ли?”» [7, с. 500–501]. Так, никем не узнанное счастье победы Аввакума, непостижимое торжество его любви к Богу, обретенное в смертельном пламени, сопоставляется с тайным представлением о счастье умирающего Ломоносова, «о самосожжении во имя счастья других» [32, с. 351]; «вся его жизнь ему казалась полной мук и горя, но было в ней несколько мгновений счастья, недоступного обыкновенным людям» [7,

с. 501]. Образ Ломоносова обретает метафизическую глубину благодаря подразумеваемому диалогу с Аввакумом.

Формирование образа Аввакума-«собеседника» продолжено Алдановым в книге «Ульмская ночь» (1953). В «Диалоге о русских идеях» стиль Аввакума сопоставляется со стилем старца Нила Сорского и опального князя-эмигранта Курбского [8, с. 363]. В «Диалоге о тресте мозгов» вспоминаются слова А. С. Хомякова, который называет лютеранскую церковь «немецкой Аввакумовщиной» [8, с. 419], — а по сути это рефлексия, вводящая новое отрицательное понятие: «Чуждыми гегельянству остались в Германии только непобедимое тупоумие строгих лютеран, так сказать, немецкая аввакумовщина...» [30, с. 301]. «Аввакумовщина» — это признак неуступчивости, оковы жизни, который, наряду с «достоевщиной», «окуровщиной», не принимается свободолюбивым сознанием Алданова.

Аввакумовская рецепция продолжена в «Повести о смерти» (1952–1953). Этот роман содержит всего несколько ассоциаций с «Житием», чтобы подчеркнуть верность и преданность героини: «Ведь смысл жизни Ольги Ивановны был в муже и в дочери, особенно в муже: дочь скоро выйдет замуж и уедет, а с мужем они будут неразлучны до могилы. Тятенька прочел ей как-то из бывшего у него списка знаменитый разговор протопопа Аввакума с женой. Слова “Марковна, до самая смерти” умилили Ольгу Ивановну до слез...» [9, с. 46]. Алданов вспоминает эпизод, когда обессилевшая протопопица обращается за поддержкой к мужу, но в утешение получает только новое обещание страданий [15, с. 32]. Ольга Ивановна тоже страдает в разлуке со своим любимым мужем, не зная о том, какая страсть препятствует его возвращению домой. Ей суждено умереть в счастливом неведении, в печальном ожидании мужа, разрушившего семью. Но это сопоставление оказывается не таким уж и оригинальным в общем контексте литературы зарубежья. Возможно, и сам Алданов не знал о том, что в 1939 г. в Харбине А. Несмелов в поэме «Протопопица» уже изображал Анастасию Марковну. У Несмелова она тоже трагический характер, ее муж увлечен страстью борьбы за старую веру и потерял любовь к жене и детям. Другой мотив «Жития», раскрывающий страдания детей Аввакума и Анастасии Марковны [28, с. 89], Алдановым не используется, так как взаимоотношения дочери Лейдена и Ольги Ивановны не напоминают страданий героев «Жития».

В романе «Бред» (1954–1955) создается образ другого известного писателя допетровской Руси, Нила Сорского. Героиня романа изучает нестяжателей и стригольников, пишет диссертацию об истории русской церкви, поэтому даже в таком тексте рецепция протопопа Аввакума подспудно осуществляется. Если Нил Сорский воплощает собой символ переделки священных текстов, то протопоп Аввакум символизирует отказ от правки церковных книг — зеркальная ситуация с разницей более полутора столетий.

Можно увидеть тенденцию того, как создается образ Аввакума в целом творчестве Алданова. Алдановское изображение Аввакума имеет амбивалентный характер. В первых публицистических работах выражена озлобленность на советскую власть, подчеркнута антибольшевистская позиция, эмоции определили выбор художественных средств. Отрицательные черты Аввакума собраны Алдановым для того, чтобы выразить еще большее неприятие гиперболического преемника «огнепального протопопа» — В. И. Ленина. Алданов видит в Аввакуме гениального писателя и одновременно воспринимает его как разрушителя естественного хода истории. Эта позиция вполне соотносится с той, которая была в XVIII в. свойственна просветителям, видевшим в Аввакуме врага прогресса и просвещения, с той лишь разницей, что они

отвергали всю книжную культуру старообрядцев. Вместе с тем в творчестве Алданова наблюдается мировоззренческая антитеза: он не принимает идеи Аввакума, борющегося на сохранение традиций уходящего мира; но также он не принимает идеи Ленина, сметающего традиции прошлого. По мнению Алданова, характеры этих исторических деятелей объединены разрушительной страстью, различия их небольшие: Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин живет ненавистью и является источником социального и политического зла. В 1930–1950-х гг. аввакумовская рецепция меняет свой характер: вместо деталей из произведений протопопа, вызывающих эмоции, Алданов использует мотивы его сочинений для портретирования исторических героев и вымышленных лиц. Содержание аввакумовской рецепции Алданова не столько объемно, как его восприятие Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского или Чехова. Остается сожалеть, что многие мотивы, образы Аввакума и даже тот факт, что «аввакумовская автобиография принадлежит к числу “тюремных” произведений» [16], остались без рефлексии Алданова.

Наблюдения за тем, как осуществлялась рецепция Аввакума в творчестве Алданова, позволяют говорить о постоянной соотнесенности образа Аввакума, аллюзий на его творчество и жизнь с образом Нила Сорского, других писателей допетровской Руси. В свою очередь, эта соотнесенность свидетельствует о сильном интересе и глубокой погруженности Алданова в духовный мир древнерусской литературы. В этой литературе он отыскивал то, чего не находил в творчестве Л. Н. Толстого, ведь «думы о смерти каким-то образом сочетались в нем с отсутствием способности к вере, как внутреннему озарению, сопереживанию и диалогу с Творцом» [29, с. 133]. В ней же Алданов обнаруживал огромный заряд духовности. Использование этого «заряда» было нужно Алданову для культурной и духовной самоидентификации, — ощущения себя частью русской культуры. Вместе с тем, воспринимая себя ее частью, Алданов развивал в себе лучшие качества «русского европейца», — как некогда именовали П. Б. Козловского и И. С. Тургенева: «...человека, для которого русская и европейская культурные традиции образуют единое поле историсофского дискурса» [13, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аввакум. Беседа первая. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения.* [М.]: Academia, 1934. С. 124–127.
- 2 *Аввакум. Из беседы восьмой. [Об Аврааме] // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения.* [М.]: Academia, 1934. С. 140–144.
- 3 *Аввакум. Письмо к Симеону: («Чадо богоприимче!...»)* // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 225–230.
- 4 *Аввакум. Письмо к Алексею Копытовскому // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения.* М.: Гослитиздат, 1960. С. 236–237.
- 5 *А. Л<уканина>. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Северный вестник.* 1887. № 2. С. 55–56.
- 6 *Алданов М. А. Огонь и дым.* Париж: [б.и.], 1922. 190 с.
- 7 *Алданов М. А. Пуншевая водка // Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 т.* М.: Правда, 1991. Т. 2. С. 426–507.
- 8 *Алданов М. А. Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М. А. Сочинения: в 6 кн.* М.: Новости, 1994–1996. Т. 6. С. 141–438.

- 9 *Алданов М.* Повесть о смерти // *Алданов М.* Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 25–408.
- 10 *Алданов М. А.* Армагеддон // *Алданов М. А.* Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т. Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.
- 11 *Алданов М. А.* Советские люди (в кинематографе) // *Алданов М. А.* Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т. Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 407–419.
- 12 *Базанов В. Г.* «Гремел мой прадед Аввакум!» (Аввакум. Клюев, Блок) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 334–348.
- 13 *Гарциано С.* Марк Алданов — «русский европеец», историософ и идеолог российского европоцентризма // *Уральский М.* Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. С. 16–26.
- 14 *Демкова Н. С.* Предисловие // *Житие протопопа Аввакума.* СПб.: Наука, 2019. С. 5–12.
- 15 *Житие протопопа Аввакума* / изд. подгот. Н. С. Демковой и Л. В. Титовой; отв. ред. А. Г. Бобров. СПб.: Наука, 2019. 441 с.
- 16 *Кожурин К. Я.* Протопоп Аввакум в русской литературе и поэзии // *Protopop-avvakum.ru.* URL: <https://protopop-avvakum.ru/protopop-avvakum-v-russkoj-literature-i-poezii/> (дата обращения: 15.03.2020).
- 17 *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // *Труды Отдела древнерусской литературы.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 408–412.
- 18 *Маймин Е. А.* Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // *Труды Отдела древнерусской литературы.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 501–505.
- 19 *Мирский Д.* О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // *Евразийский временник.* Берлин, 1925. Кн. 4. С. 338–350.
- 20 *Мочульский К. В.* [Рец.] The life of the Archpriest Avvakum by himself / trans. from the seventeenth century Russian by J. Harresson and H. Murrlees; with a preface by Prince D. P. Mirsky. L., 1924 // *Звено.* 1925. № 117. 27 апр. URL: <https://religion.wikireading.ru/102685> (дата обращения 20.03.2020).
- 21 *Ремизов А.* Огонь вещей. М.: Сов. Россия, 1989. 528 с.
- 22 *Робинсон А. Н.* Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–135.
- 23 *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // *Проблемы исторической поэтики.* 2005. № 7. С. 437–447. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2682> (дата обращения: 20.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2682
- 24 *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свинын и сыновья», 2005. 964 с.
- 25 *Слобин Г. Н.* Проза Ремизова. 1900–1921. СПб.: Академический проект, 1997. 206 с.
- 26 *Соколов А. Н.* Православная Церковь и старообрядчество. Н. Новгород: Кварц, 2012. 430 с.

- 27 *Сочива Т. А.* Апокалиптические мотивы в «Книге толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // Третьи Мяндинские чтения: сб. научн. тр. по мат. Всерос. научн. конф. (8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар) / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2016. С. 44–50.
- 28 *Туфанова О. А.* «Кто ково любить, тотъ о томъ печется...»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 89–100. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-89-100>
- 29 *Уральский М.* Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.
- 30 *Хомяков А. С.* О современных явлениях в области философии (Письмо к Ю. Ф. Самарину) // *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. 3-е изд. М.: Унив. тип. на страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 287–318.
- 31 *Шадурский В. В.* Поэтика образа Нила Сорского в произведениях Марка Алданова // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 1. С. 178–204. DOI: 10.15393/j9.art.2019.5721
- 32 *Шадурский В. В.* Анализ и интерпретация повести М. А. Алданова «Пуншевая водка» // Производство смысла: Сб. ст. и мат. памяти Игоря Владимировича Фоменко / ред.: С. Ю. Артемова, Н. А. Веселова, А. Г. Степанов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. С. 343–355.
- 33 *Шадурский В. В.* Марк Алданов — комментатор русской классики. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2016. 111 с.
- 34 *Mirsky D. S.* [Preface] // *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / trans. from the Seventeenth Century Russian by J. Harresson and H. Mirrlees with a Preface by Prince D. S. Mirsky.* L.: Hogarth Press, 1924. P. VII–XXX.

© 2022. Vladimir V. Shadursky
Veliky Novgorod, Russia

PERCEPTION OF AVVAKUM IN THE WORKS OF MARK ALDANOV

Abstract: What attracted Aldanov to the heritage of Archpriest Avvakum? The brilliant personality of a man who was involved in events in the history of Russia and was instrumental in transforming the Russian literary tradition. Features of a number of Avvakum's works are to be found in Aldanov's journalistic publications — “Armageddon,” “Fire and Smoke” — in his literary works — “Soviet People (in Cinematography)”, “Punch Vodka”, “A Tale of Death” — and in his philosophical treatises — “A Night in Ulm”. Aldanov sees the archpriest as a writer of genius, while simultaneously recognizing him as one who destroyed the traditions of history's natural course. In Aldanov's works one observes a dichotomy of opposing worldviews. While he rejects Avvakum's ideological struggle to preserve the traditions, he is also opposed to Lenin, whose ideology stresses extirpating past traditions. In Aldanov's view, these two historical personages are linked by their passion for destruction. They are distinctive the one from the other, however, in that Avvakum, steeped in delusions, is a mild-mannered,

persecuted martyr, while Lenin, who lives by hatred, is the fountainhead of social and political evil. Aldanov recognizes Avvakum as a writer of genius but also considers him dangerous as a force for influencing the minds of men. His negative perception of Avvakum consists in his rejection of the latter's stance; recognizing the "primordial" nature of his rebellion, he points up the absence of enlightenment. Avvakum's less than intelligent energy, his influence, obstinacy, and his deliberate attempt to fracture his society are features that recur and are intensified in the character and behavior of Vladimir Lenin. If one compares the approach to Avvakum of D. P. Svyatopolk-Mirsky and A. M. Remizov with that of Aldanov, the ambivalent stance of Aldanov's representation of the archpriest is clarified. Another consideration involves the delight of Avvakum's style, how Aldanov uses leitmotifs of the archpriest's works in his own prose. In the novella "Punch vodka", while summing up the life of M. V. Lomonosov, Aldanov cites Avvakum's works, by way of expressing his idea about the unique happiness of a genius, unattainable by ordinary people. In the novel "A Tale of Death", Aldanov uses a leitmotif from "The Life of Archpriest Avvakum, As Written By Himself": the image of the wife of Leyden. She suffers as a result of her husband's actions, while unaware of the paramount calamity of his life, on analogy with the situation in which the wife of the archpriest finds herself. As early as his first published articles Aldanov formulates his approach to the image of Avvakum, but that image is not static. Over the years his attitude toward the archpriest changes. Aldanov does not create Avvakum as a literary personage; rather, he invokes the personality of a writer, with whom a continuous dialogue is carried on. As his literary prose develops we see less of the Avvakum as hatemongering schismatic and precursor of the Bolsheviks, and more of the man who aids us in understanding the meaning of life ("Punch vodka"). His words and images also help Aldanov to display the development of Russian literature ("A Night in Ulm") and to create literary characters in his novels ("A Tale of Death", "Delirium").

Keywords: Image, perception, Mark Aldanov, Archpriest Avvakum, Vladimir Lenin, Russian Émigré Literature.

Information about the author: Vladimir V. Shadursky — PhD in Philology, Associate Professor, Novgorod State University Yaroslav-the-Wise, Bolschaya Sankt-Peterburgskaya St., bldg. 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>

E-mail: shadvlad@mail.ru

Received: August 20, 2020

Approved after reviewing: October 23, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Shadursky V. V. Perception of Avvakum in the Works of Mark Aldanov. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 208–220. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

REFERENCES

- 1 Avvakum. Beseda pervaiia. Povest' o stradavshikh v Rossii za drevletserkovnaia blagochestnaia predaniia [First Conversation. The Story of those who Suffered in Russia for the Ancient Church Pious Tradition]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, Written by him and his other Works]. [Moscow], Academia Publ., 1934, pp. 124–127. (In Russian)
- 2 Avvakum. Iz besedy vos'moi. [Ob Avraame] [From the Eighth Conversation. [About Abraham]]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie*

- ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, Written by him and his other Works]. [Moscow], Academia Publ., 1934, pp. 140–144. (In Russian)
- 3 Avvakum. Pis'mo k Simeonu: (“Chado bogopriimche!...”) [Letter to Simeon: (“Child of God! ...”)]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, Written by him and his other Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960, pp. 225–230. (In Russian)
- 4 Avvakum. Pis'mo k Alekseiu Kopytovskomu [Letter to Alexei Kopytovsky]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, written by him and his other Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960, pp. 236–237. (In Russian)
- 5 A. L<ukanina>. Moe znakomstvo s I. S. Turgenevym [My Acquaintance with I. S. Turgenev]. *Severnyi vestnik*, 1887, no 2, pp. 55–56. (In Russian)
- 6 Aldanov M. A. *Ogon' i dym* [Fire and Smoke]. Parizh, 1922. 190 p. (In Russian)
- 7 Aldanov M. A. Punshevaia vodka [Punch Vodka]. In: Aldanov M. A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1991, vol. 2, pp. 426–507. (In Russian)
- 8 Aldanov M. A. Ul'mskaia noch'. Filosofii sluchaia [A Night in Ulm. Philosophy of Chance]. Aldanov M. A. *Sochineniia: v 6 kn.* [Works: in 6 Vols.]. Moscow, Novosti Publ., 1994–1996, vol. 6, pp. 141–438. (In Russian)
- 9 Aldanov M. Povest' o smerti [A Tale of Death]. In: Aldanov M. *Povest' o smerti. Bred* [A Tale of Death. Delirium]. Moscow, Gud'ial-Press Publ., 1999, pp. 25–408. (In Russian)
- 10 Aldanov M. A. Armageddon [Armageddon]. In: Aldanov M. A. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of Contemporaries], comp. by T. F. Prokopov. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2006, pp. 5–112. (In Russian)
- 11 Aldanov M. A. Sovetskie liudi (v kinematografe) [Soviet People (in Cinema)]. In: Aldanov M. A. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of Contemporaries], comp. by T. F. Prokopov. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2006, pp. 407–419. (In Russian)
- 12 Bazanov V. G. “Gremel moi praded Avvakum!” (Avvakum. Kliuev, Blok) [My Great-grandfather Avvakum Thundered!] (Avvakum. Klyuev, Blok)]. In: *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: Istoki. Stanovlenie. Traditsii* [The Cultural Heritage of Ancient Russia. Origins. Becoming. Traditions]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 334–348. (In Russian)
- 13 Gartsiano S. Mark Aldanov — “russkii evropeets”, istoriosof i ideolog rossiiskogo evropotsentrizma [Mark Aldanov — “Russian European”, Historiosophist and Ideologist of Russian Eurocentrism]. In: Ural'skii M. *Mark Aldanov. Pisatel', obshchestvennyi deiatel' i dzhentl'men russkoi emigratsii* [Writer, Public Figure and Gentleman of the Russian Emigration]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 16–26. (In Russian)
- 14 Demkova N. S. Predislovie [Preface]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma* [Life of Archpriest Avvakum]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, pp. 5–12. (In Russian)
- 15 *Zhitie protopopa Avvakuma* [Life of Archpriest Avvakum], publ. by N. S. Demkova and L. V. Titova, ex. ed. by A. G. Bobrov St. Petersburg, Nauka Publ., 2019. 441 p. (In Russian)

- 16 Kozhurin K. Ia. Protopop Avvakum v russkoi literature i poezii [Protopope Avvakum in Russian Literature and Poetry]. In: *Protopop-avvakum.ru*. Available at: <https://protopop-avvakum.ru/protopop-avvakum-v-russkoy-literature-i-poezii/> (accessed 15 March 2020). (In Russian)
- 17 Mazunin A. I. Tri stikhotvornykh perelozheniia “Zhitii” protopopa Avvakuma [Three Poetic Transcriptions of the “Life” of Archpriest Avvakum]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, vol. XIV, pp. 408–412. (In Russian)
- 18 Maimin E. A. Protopop Avvakum v tvorchestve L. N. Tolstogo [Protopope Avvakum in the Works of L. N. Tolstoy]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1957, vol. XIII, pp. 501–505. (In Russian)
- 19 Mirskii D. O moskovskoi literature i protopope Avvakume (Dva otryvka) [On Moscow Literature and Archpriest Avvakum (Two Passages)]. In: *Evraziiskii vremennik* [The Eurasian Time Period]. Berlin, 1925, book 4, pp. 338–350. (In Russian)
- 20 Mochul'skii K. V. [Review] The Life of the Archpriest Avvakum by Himself, trans. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harresson and Hope Murrlees; preface by Prince D. P. Mirsky. London, 1924. In: *Zveno*, 1925, no 117, April 27. Available at: <https://religion.wikireading.ru/102685> (accessed 20 March 2020). (In English)
- 21 Remizov A. *Ogon' veshchei* [Fire of Things]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 528 p. (In Russian)
- 22 Robinson A. N. Tvorchestvo Avvakuma i Epifaniia, russkikh pisatelei XVII veka [Creativity of Avvakum and Epiphany, Russian Writers of the 17th Century]. In: Robinson A. N. *Zhizneopisaniia Avvakuma i Epifaniia: Issledovanie i teksty* [Biographies of Avvakum and Epiphanius: Research and Texts]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 3–135. (In Russian)
- 23 Rozanov Iu. V. Protopop Avvakum v tvorchestvom soznanii A. M. Remizova [Protopop Avvakum in the Creative Mind of A. M. Remizov]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2005, no 7, pp. 437–447. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2682> (accessed 20 March 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2682 (In Russian)
- 24 Sviatopolk-Mirskii D. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Novosibirsk, “Svin'in i synov'ia” Publ., 2005. 964 p. (In Russian)
- 25 Slobin G. N. *Proza Remizova. 1900–1921* [Prose of Remizov. 1900–1921]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 206 p. (In Russian)
- 26 Sokolov A. N. *Pravoslavnaia Tserkov' i staroobriadchestvo* [Orthodox Church and the Old Believers]. Nizhnii Novgorod, Kvarts Publ., 2012. 430 p. (In Russian)
- 27 Sochiva T. A. Apokalipticheskie motivy v “Knige tolkovanii i nravouchenii” protopopa Avvakuma [Apocalyptic Motives in the “Book of Interpretations and Teachings” of Archpriest Avvakum]. In: *Tret'i Miandinskii chteniia: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (8–9 iuliia 2015 g., g. Syktyvkar)* [Third Myandin Readings: a Collection of scientific Papers Based on the Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (July 8–9, 2015, Syktyvkar)], ed. by T. F. Volkova. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2016, pp. 44–50. (In Russian)
- 28 Tufanova O. A. “Kto kovo liubit”, tot” o tom” pechetsia...”: motiv liubvi k detiam v tvorchestve protopopa Avvakuma [“When you Love Somebody, you Look after

- them...” Motif of Love for Children in the Works of Protopope Avvakum]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 89–100. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-89-100> (In Russian)
- 29 Ural'skii M. *Mark Aldanov. Pisatel', obshchestvennyi deiatel' i dzhentl'men russkoi emigratsii* [Writer, Public Figure and Gentleman of the Russian Emigration]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019. 802 p. (In Russian)
- 30 Khomiakov A. S. O sovremennykh iavleniiakh v oblasti filosofii (Pis'mo k Iu. F. Samarinu) [About Modern Phenomena in the Field of Philosophy (Letter to Yu. F. Samarin)]. In: Khomiakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected works]. 2nd ed. Moscow, Universitetskaia tipografiia na strastnom bul'vare Publ., 1900, vol. 1, pp. 287–318. (In Russian)
- 31 Shadurskii V. V. Poetika obraza Nila Sorskogo v proizvedeniiakh Marka Aldanova [Poetics of the Image of Nil Sorsky in the Works of Mark Aldanov]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2019, vol. 17, no 1, pp. 178–204. DOI: 10.15393/j9.art.2019.5721 (In Russian)
- 32 Shadurskii V. V. Analiz i interpretatsiia povesti M. A. Aldanova “Punshevaia vodka” [Analysis and Interpretation of Mark Aldanov’s Short Novel “Punch Vodka”]. In: *Proizvodstvo smysla: Sbornik statei i materialov pamiati Igoria Vladimirovicha Fomenko* [Generating Meaning: A Collection of Papers and Materials in Memoriam of Igor V. Fomenko], ed. by S. Iu. Artemova, N. A. Veselova, A. G. Stepanov. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2018, pp. 343–355. (In Russian)
- 33 Shadurskii V. V. *Mark Aldanov — kommentator russkoi klassiki* [Mark Aldanov — Commentator of Russian Classics]. Velikii Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 111 p. (In Russian)
- 34 Mirsky D. S. [Preface]. *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself*, trans. from the 17th Century Russian by Jane Harresson and Hope Mirrlees with a Preface by Prince D. S. Mirsky. Leningrad, Hogarth Press, 1924, pp. VII–XXX. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-221-233>

УДК 81'37

ББК 81-3

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. А. Исаева

г. Краснодар, Россия

© 2022 г. Т. А. Епатко

г. Краснодар, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА *КОНЬ/ЛОШАДЬ*: ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация: Цель данного исследования — выявить лингвокультурную общность и региональную специфику концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ на основе анализа структуры и содержания лексико-семантического поля вербализаторов данного концепта. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые диалектные словари кубанских говоров послужили основой для выделения единиц ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ. Полученные результаты показали, что общекультурный концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ — один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. Для носителя русского языка конь был прежде всего домашним рабочим животным (тягловой силой или транспортным средством), а в связи с этим эмоционально и материально ценностным объектом. На языковом уровне проявилась региональная специфика концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ. В картине мира кубанского казачества конь был прежде всего строевым животным. Боевой конь символизировал особое предназначение казачества как военного сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России. Ценностная составляющая данного концепта была еще более весомой, чем в общерусской картине мира: конь играл огромную роль в жизни казака, а также был показателем его высокого социального статуса.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; региональная специфика; кубанское казачество; лексико-семантическое поле; вербализатор.

Информация об авторах:

Лидия Алексеевна Исаева — доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, д. 149, 350040 г. Краснодар, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2610-7880>

E-mail: vlisaev@rambler.ru

Татьяна Александровна Епатко — старший преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А. К. Серова, ул. Дзержинского, д. 135, 350090 г. Краснодар, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-0410>

E-mail: epatko.t.a@yandex.ru

Дата поступления статьи: 30.05.2021

Дата одобрения рецензентами: 06.07.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Исаева Л. А., Епатко Т. А. Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ: общекультурная и региональная специфика // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 221–233.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-221-233>

Введение

Концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ является одним из значимых концептов для понимания славянской лингвокультуры. В языковой картине мира кубанского казачества этот концепт занимает особое место: и мирная, и военная жизнь казака была тесно связана с конем — его постоянным спутником, помощником и товарищем.

Важным методом исследования концепта считается метод лексикографического описания имени концепта. Одним из приемов такого описания является создание лексико-семантического поля (ЛСП) основного его наименования.

Каждый концепт имеет набор своих вербализованных репрезентантов, или вербализаторов: лексем, фразеологических единиц, свободных словосочетаний, предложений и целых текстов. Вербализующие концепт лексические единицы можно выделить из толковых словарей, а затем путем полевого структурирования систематизировать их семантику, создав ЛСП вербализаторов концепта.

Построение такого поля, анализ его формы и состава позволяют путем определения базовых концептуальных признаков лучше понять структуру и содержание концепта как ментально-вербального образования. Чтобы проанализировать ЛСП вербализаторов концепта, необходимо определить количественный состав ЛСП; частеречную принадлежность образующих его лексических единиц; их распределение по ядерной и периферийной зонам поля; количественный состав и семантику единиц, синонимичных ключевой лексеме, служащей именем концепта (номинативную плотность концепта); семантическую соотнесенность единиц, образующих периферию поля, с центральной точкой — именем концепта. Все эти приемы позволяют выявить основные признаки, составляющие содержательную структуру концепта.

ЛСП вербализаторов концепта может быть основано на данных не только общерусских, но и диалектных словарей, а значит, включать в себя как общекультурный, так и региональный компоненты. В основе статьи лежит гипотеза о том, что построение общекультурного и регионального фрагментов ЛСП концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ и их сопоставление позволяет определить региональные особенности общекультурного концепта через выявление специфических этнографических и исторических единиц в составе поля и анализ их семантики.

Материалом исследования послужили 1708 лексических единиц, выделенных из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [5], и 498 лексических единиц, выделенных из словарей кубанских говоров: «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [3], «Словаря кубанских говоров» В. М. Пелих, В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой [11], депонированной рукописи словаря «Русский говор Кубани» под редакцией Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой [15], словаря П. И. Ткаченко «Кубанский говор» [16], «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной» С. Д. Мастепанова [9].

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: на основе языковых данных «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и словарей кубанских говоров построить лексико-семантическое поле вербализаторов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ; описать основные общекультурные концептуальные признаки; выделить региональные концептуальные признаки.

Изучение лексики кубанских говоров в лингвокультурологическом аспекте является **актуальным**, так как способствует реконструкции фрагмента языковой картины мира кубанского казачества, расширяя наши представления об этом субэтнотипе.

В статье использовались следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки и количественной обработки материала, метод полевого структурирования выбранных языковых единиц, анализа их семантики и описания результатов проведенных наблюдений.

Теоретической базой данного исследования стали работы, посвященные проблемам семантического поля Ю. Н. Караулова [8], В. Б. Тюрин [18], Н. А. Илюхиной [7]; диалектологии О. Г. Борисовой [2]; концептологии О. Е. Потаповой [14], А. Е. Петренко [12].

Исследованию ЛСП были посвящены труды таких ученых, как Ю. Н. Караулов [8], Н. В. Артемова [1], В. Б. Тюрин [18] и др. И хотя этот термин до сих пор не имеет однозначного толкования в лингвистике, большинство ученых выделяют следующие характеристики поля: ЛСП — это система связанных между собой семантических единиц; в центре ЛСП — ядерный элемент, связанный со всеми его компонентами; структура ЛСП состоит из ядра и периферии [18, с. 57]. В конце XX – начале XXI вв. в связи с развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в лексикологии сформировался взгляд на ЛСП как на фрагмент языковой картины мира, средство вербализации концепта [8, с. 273; 12, с. 23; 14, с. 51].

В данной работе под термином «лексико-семантическое поле» понимается широкое межчастеречное объединение слов с разной категориальной семантикой, связанных общим денотатом, взятым в совокупности его свойств и типовых ситуативных связей. При таком понимании ЛСП «конь/лошадь» представляет собой языковую репрезентацию, языковую проекцию концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ.

К вербализаторам концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ мы относим его базовые репрезентанты — лексемы *конь* и *лошадь*, а также все лексические единицы, в семантику которых входит сема 'конь', как обязательная, так и возможная, потенциальная: синонимы лексем *конь* и *лошадь*, их дериваты, слова, обозначающие свойства коня, а также различные аспекты человеческой деятельности, связанной с конем.

Критерием включения лексических единиц в ЛСП «конь/лошадь» является «соотнесенность их как средств номинации с конем, его свойствами и отношениями» [7, с. 42], т. е. способность лексем к прямой или метонимической экспликации концепта. Прямо эксплицируют концепт его базовые имена, *конь* и *лошадь*, а также их синонимы. Метонимически эксплицировать концепт могут лексемы, обозначающие действия коня, его свойства, элементы упряжи, и некоторые другие.

Единицами ЛСП являются слова, а точнее лексико-семантические варианты слов (ЛСВ), поскольку в состав данного поля входят и многозначные лексемы, отдельные значения которых включены в разные семантические парадигмы.

ЛСП «конь/лошадь» имеет определенную структуру, в которой выделяются ядро, приядерная часть, ближняя периферия и дальняя периферия. Полеобразующие признаки наиболее ярко проявляются в ядре и снижают свою интенсивность на периферии. Ядро ЛСП включает, как уже было сказано, основные имена концепта — лексемы

конь и *лошадь*, а также их синонимы. Семантика базовых репрезентантов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, их подробная сопоставительная характеристика на материале наиболее авторитетных в русской и советской лексикографии этимологических и толковых словарей является предметом изучения в статье Т. А. Епатко «Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка» [6].

В приядерную зону поля входят дериваты слов *конь* и *лошадь*. Ближнюю периферию составляет лексика, описывающая свойства коня. Дальнюю периферию образует лексика, характеризующая связанную с конем человеческую деятельность.

Построение и анализ общекультурного фрагмента ЛСП «конь/лошадь»

С целью выявления основных признаков общекультурного концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ был проанализирован «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, где зафиксирован разнородный лексический состав русского общенационального языка XIX в., в том числе и диалектная лексика, т. е. в контаминированной форме представлены как общекультурная, так и разнообразные региональные составляющие поля. Из этого словаря методом сплошной выборки было извлечено 1708 ЛСВ, из которых: 1019 существительных, 429 глаголов, 230 прилагательных, 25 наречий, 5 междометий.

По данным этого лексикографического издания, ядро ЛСП включает большое количество именовании объекта номинации: основные имена концепта — лексем *конь* и *лошадь*, а также их синонимы (всего 203 ЛСВ), из них дериватов лексем *конь* и *лошадь* — 21 ЛСВ. Столь значительное количество наименований этого домашнего животного является показателем высокой номинативной плотности концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, обусловленной значимостью денотата в действительности XIX в.

Наименования лошади, представленные в словаре В. И. Даля, включают различные семантические признаки, например: биологический отряд (*однокопытник*), родовое название (*скотина*, *животина* и др.), пол (*жеребец*, *кобыла*, *матка* и др.), возраст (*стригун*, *лошняк*, *жеребенок* и др.), физиологические характеристики, в том числе особенности внешнего вида (*мерин*, *гривач*, *белоножка* и др.), порода (*аргамак*, *битюк(г)* и др.), масть (*бурка(о)*, *воронко*, *игренка* и др.), способ хода (*иноходец*, *бегун*, *скакун* и др.), способность развивать скорость побежки (*рысак*, *спотыкала*), степень обезженности (*неук*, *объездок*), (*водовоз*, *дорожняки*, *коренник* и др.), способ упряжки (*пара*, *тройка*, *цуг* и др.) и некоторые другие.

Примечательно, что самую многочисленную группу образуют ЛСВ, именующие коня с точки зрения его назначения (31 ЛСВ). При этом большинство таких ЛСВ (29), а также ЛСВ, называющие упряжки лошадей (15), как и следовало ожидать, обозначают животных, используемых в качестве транспортного средства или тягловой силы, например: *возовик*, *сада*, *четверик*. Сему 'рабочая лошадь' актуализируют также ЛСВ *одер*, *одера*, *одрань*, *неспряга*, *неспряжь*. Сему 'верховая лошадь' включают всего 4 ЛСВ: *фарь*, *подъездок*, *аргамак*, *крымка*. Сема 'боевой конь' в семантической структуре синонимов слов *конь* и *лошадь* в материалах словаря В. И. Даля не выявлена.

Существенную роль коня в жизни человека того времени косвенным образом подтверждают лексические единицы ядерной зоны ЛСП «конь/лошадь», отражающие аксиологический аспект одноименного концепта. Уменьшительно-ласкательные (*конек*, *лошадка*, *жеребчик* и др.), пренебрежительные (*коншишка*, *лошаденка*, *клячонка*), шуточные (*возилка*) варианты названий животного выражают неравнодушие и различное отношение к нему человека.

В приядерную зону ЛСП входят дериваты слов *конь* и *лошадь*, характеризующие коня или деятельность человека, связанную с конем (всего 101 ЛСВ). Самые многочисленные группы составляют производные от базовых лексем, обозначающие человека, по роду своей деятельности связанного с конем (33 ЛСВ), в том числе всадника/всадников: *конник, конный, конница* и др.; того, кто так или иначе обслуживает коней: *конюх, конюший, коне(о)вод, коновал, лошевод* и др., а также человека, лишившегося коня: *бесконный, бесконничный, безлошадный*.

К группе производных лексических единиц, связанных с конем, можно отнести названия или характеристики повозок, устройств, приводимых в движение этими животными: *коноводка, конка, одноконный* и др. (6 ЛСВ), названия мест содержания коней или упряжи: *конюшня, коновязь, конепастьба* и др. (9 ЛСВ), названия продуктов коневодства: *лошадина, конина* и др. (5 ЛСВ).

Семный анализ рассмотренного материала свидетельствует о том, что границы между структурными частями ЛСП «конь/лошадь» размыты, поскольку многие лексические единицы манифестируют разные семантические признаки. Например, семантика некоторых ЛСВ, называющих человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми, саму такую деятельность или указывающих на то, что относится к человеку и его деятельности, включает также признак «назначение животного». При этом 8 ЛСВ (*конник, конница, коннопеший, коннопионерный* и др.) актуализируют сему 'боевой конь'; 8 ЛСВ (*коновод, лошевод (=хозяин коноводки), конка* и др.) актуализируют сему 'рабочая лошадь'; 3 ЛСВ (*конеристанье, конеристалище, конеристалищный*) актуализируют сему 'спортивная лошадь'.

Аксиологический аспект концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ отражают ЛСВ, называющие человека, промышляющего воровством лошадей, или его деятельность, вызывающую, как правило, неодобрение: *лошевод, коно(е)крад, коневор, конокрадство*. В этих лексических единицах выражается материальная ценность животного.

Ближнюю периферию ЛСП «конь/лошадь» составляет лексика, характеризующая свойства коня (439 ЛСВ). Самыми многочисленными являются ЛСВ, в лексическое значение которых входят признаки «состояние коня», «болезни коня»: *линка, мыт, мышьяки, обезножить* и др. (89 ЛСВ). Данные лексические единицы реализуют сему 'годность/негодность к работе' и отражают утилитарное, практическое отношение человека к лошади.

Функциональный взгляд человека на коня отражает и лексика, характеризующая животное с точки зрения назначения. Рабочую лошадь, выполняющую роль транспортного или тягловое средства, определяют 5 ЛСВ (*возовой, упряжной* и др.), верховую лошадь — 5 ЛСВ (*верховой, узданный* и др.), боевого коня — 1 ЛСВ (*боевой*). Сему 'рабочая лошадь' реализуют также лексические единицы, характеризующие роль коня в упряжке (9 ЛСВ).

Словарный материал свидетельствует, что одним из доминантных признаков коня человек считает и признак «способность к движению» (24 ЛСВ). С точки зрения способности к движению, в том числе к быстрому движению, характеризуют коня лексические единицы, обозначающие различные способы хода и бега лошади: *аллюр, беж, меть* и др. (39 ЛСВ), а также 9 ЛСВ, характеризующие беговые качества коня: *рысистый, скаковой, борзый* и др. Приведенные цифры подтверждают, что способность коня к движению, особенно к быстрому движению, была одним из важнейших свойств животного, эксплуатируемых человеком в его хозяйственной, спортивной и военной деятельности.

Практическое отношение человека к коню отражает и лексика, характеризующая связанную с этим животным человеческую деятельность и образующая дальнюю периферию ЛСП «конь/лошадь», наиболее объемную по числу представленных лексических единиц (965 ЛСВ). Вся лексика, включенная в дальнюю периферию поля, носит антропоцентрический характер.

Самыми многочисленными являются здесь ЛСВ, называющие человека, по роду своей деятельности связанного с конем: *драгун, жокей, выездчик* и др. (162 ЛСВ). К ним примыкают лексические единицы, называющие деятельность человека, связанную с конем: *гарманованье, гоньба, дужники* и др. (27 ЛСВ), а также обладающие широким значением «относящийся к такому человеку или к такой деятельности»: *корнетский, лихачев, наездников* и др. (27 ЛСВ). Из них сему 'рабочая лошадь' имеют 100 ЛСВ (*ванька, извозчик, ямщичанье* и др.); сему 'верховая лошадь' — 53 ЛСВ (*амазонка, всадник, наездник* и др.); сему 'боевой конь' — 40 ЛСВ (*драгун, кавалерист, эскадрон* и др.); сему 'спортивная лошадь' — 5 ЛСВ (*жокей, ристатель* и др.).

Утилитарное отношение к лошади отражают также ЛСВ, обозначающие продукты коневодства (11 ЛСВ), например, *волосяник* — «род лаптей из конского волоса, хвоста, гривы» [5, т. 1, с. 240].

Широко представлены в зоне дальней периферии ЛСП «конь/лошадь» и лексические единицы, в значении которых присутствует категориальная или потенциальная сема 'движение' (558 ЛСВ). ЛСВ, обозначающие элементы упряжи и сбруи, повозки и устройства, приводимые в движение лошадьми, а также конные состязания, выставки, имплицитно указывают на назначение животного, например, ЛСВ *седло, стремя, арчак* актуализируют сему 'верховая лошадь'; ЛСВ *дуга, борона* реализуют сему 'рабочая лошадь'; ЛСВ *скачка, заезд* — сему 'спортивная лошадь'.

Ценностную составляющую концепта КОНЬ / ЛОШАДЬ отражают такие ЛСВ с отрицательной и положительной коннотацией, как *уводины* (конокрадство), *рысачник* (любитель рысаков), *аргамачник* (любитель аргамаков).

Построение и анализ регионального фрагмента ЛСП «конь/лошадь»

Проекция концепта на систему национального языка охватывает и диалектную лексику. Чтобы выявить регионально-культурную специфику концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, мы обратились прежде всего к «Опыту словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [3], который отличается значительным объемом словника, а также включает в свой лексикографический дискурс лексические единицы как с украинской, так и с южнорусской языковой основой, которые О. Г. Борисова рассматривает как единую лексико-фразеологическую макросистему [2, с. 10]. В состав поля были включены также ЛСВ, выделенные из «Словаря кубанских говоров» В. М. Пелих, В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой [11], вобравшего в себя диалектную лексику, собранную в районах восточной части Краснодарского края и извлеченную из произведений кубанских писателей; депонированной рукописи словаря «Русский говор Кубани» под редакцией Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой [15], отразившего лексику, записанную в станицах, основанных казаками Кавказского линейного войска; авторского словаря П. И. Ткаченко «Кубанский говор» [16], вобравшего лексику западной и юго-западной части Кубани; «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной» С. Д. Мастепанова [9]. Лексика, представленная в этих словарях, хотя и была собрана во второй половине XX – начале XXI вв., но сопоставима, по нашему мнению, с языковым материалом словаря В. И. Даля, ведь диалектная лексика отражает, скорее, не актуальную, а ретроспективную картину мира кубанского казачества. Из перечисленных

словарей было выделено 497 ЛСВ разных частей речи, из них: 355 существительных, 80 глаголов, 41 прилагательное и причастие, 15 наречий, 6 междометий. 227 диалектных ЛСВ присутствуют в словаре В. И. Даля, 70 ЛСВ отмечены в словаре В. И. Даля, но в кубанских говорах приобрели другое значение, 203 ЛСВ в словаре В. И. Даля не обнаружены.

ЛСВ, называющие коня по таким признакам, как пол (*лошака, кобыляка*), возраст (*лошак, кунан, четвертак* и др.), родовое название (*худобынка, живность* и др.), порода (*дончак, маштак*), время рождения (*осенник*), помесь лошади с ослом (*катрук*), назначение (*коняка, конячка, глудун, строевик*), состояние (*задохлик, невоз* и др.), множество лошадей (*конва*), повышают номинативную плотность концепта КОНЬ.

Лексика кубанских говоров пополнила ЛСП «конь/лошадь» также лексическими единицами, включающими признаки: масть (*мурый, яблуквый* и др.); характерные внешние признаки коня (*мслаковатый*); части тела (*пыка, ганаши, живец* и др.); болезни, состояние (*клищук, опрокинуться, лэчэ(е)ный* и др.); биологические и психофизиологические свойства (*строгий, вылэкчэный, комызыстый* и др.); издаваемые звуки (*реготать, чмых* и др.); поведение (*затки, бзыкать, выбрык* и др.); движение коня (*выбрыкавать, тюпачить, тепать*); способы хода и бега коня (*вынород, рысца, навска(о)к* и др.); особые позы коня (*дыбки, гопки*); беговые или тягловые качества (*ездальй, жвавий*) и некоторые другие.

Кроме того, в кубанских говорах есть особые слова, называющие лошадь в зависимости от физиологических особенностей (*нежеречь, конек*), роли на скачках (*передок*), слово, называющее коня в разговоре с детьми (*кося*).

Наряду с лексическими единицами, характеризующими коня по уже указанным признакам, диалектные словари позволяют выделить особый пласт лексики, который составляют слова, отражающие различные аспекты военной службы казаков (68 ЛСВ). Все они содержат в своей семантической структуре обязательную или потенциальную сему 'боевой конь'. Эта сема присутствует уже в семантике самого слова — *казак*. По определению В. И. Даля, казак — это «войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении. Есть и пешие казаки» [5, т. 2, с. 72], т. е. казак — это прежде всего конный воин. В кубанских говорах есть особые лексемы, обозначающие казака-пехотинца: *пластун, сэрдюк*, а также устойчивое сочетание *пеший казак*. Как правило, в пехотных батальонах служили бедные казаки, которые не могли приобрести строевого коня. Однако именно строевой конь символизировал избранность, высокий социальный статус казака, его принадлежность к благородному военному сословию. По мнению историка О. В. Матвеева, такие представления уходили своими корнями во времена рыцарской конницы, когда пехотинец, в отличие от всадника, и воином не считался [10, с. 141]. Поэтому в системе координат 'свой — чужой' конь был для казака-воина не просто важным — центральным образом своего мира [4, с. 112].

Военная лексика кубанских говоров дифференцируется по следующим признакам:

- «конный(-ые) воин(-ы)»: *есаул, подьесаул, хорунжый, подхорунжый, вахмистр, прапорщик, приказный, уряднык, сотник, линейец, чорноморци, кубанцы, конвоец, значковый, джура, дэйнэки, сотня, делибаши, розвист* и др.;
- «служить в казачьих полках»: *казаковать*;
- «казачьи воинские регалии»: *клейноты, бунчук, значок*;
- «вспомогательные средства, которыми пользовались казаки-конники»: *салы*;

- «связанный с конем обряд»: *постриг, пострижэнье*. Это старинный обряд, который назывался также «Посаждение на коня»: мальчика, которому исполнялся год, в казачьей семье было принято впервые сажать на коня [17, с. 54–60];
- «казачья воинская экипировка»: *справа*. Существительное *справа* является дериватом диалектного глагола *справлять/справи(ы)ть*, имеющего значение «экипировать»: *Када козак шол на службу, йиго нада была справлять. Казаку нада была каня, и башлык, и бурку* [3, с. 397]. Синонимом ЛСВ *справа* являются лексемы *докматы, прыча(и)ндалы*. Слово *справка* обозначает как казачье снаряжение, так и процесс сборов казака на службу. *Справа* несла глубокое ценностное содержание: она была свидетельством готовности казака к его главному предназначению — военной службе. *Справа* включала казачий мундир (черкеску), оружие (шашку и кинжал) и, конечно, боевого коня, который являлся обязательным атрибутом полноценного воина [10, с. 140–141]. Боевой конь в кубанских говорах имел особое название — *строевик*. На высокий военный статус указывала и длинная черкеска конного казака — к короткой черкеске пластуна относились презрительно, она не считалась «настоящей» [10, с. 146]. Элементы казачьей *справы* обозначают ЛСВ с семой ‘казачья форма’: *черкеска, бекирка, газыри, бурка, кубанка* и др.; с семой ‘холодное оружие’: *рубач, сабель, табля, шашка* и др.

Большинство диалектных ЛСВ, включающих указанные признаки, можно отнести к этнографизмам-локализмам (термин О. Г. Борисовой). Под этнографизмами-локализмами автор понимает этнографизмы, которые обозначают «предметы, характерные для определенной местности или для определенного сообщества людей (в нашем случае таковым является казачество в целом)» [2, с. 274]. К таким этнографизмам-локализмам ученый относит, например, слова *нагайка, кубанка, шаровары, шашка* и др. [2, с. 274]. Считаем, что этнографизмами-локализмами являются и такие лексические единицы, как *бурка, бешимет, кинджал (гинджал, г(ч)инжал)* и др.

С этнографизмами-локализмами тесно сближаются включенные в диалектные словари историзмы — слова литературного языка, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий: *делибаши* («в старой Турции конный воин» [16, с. 106]), *сотня* («шестая часть казачьего конного полка» [16, с. 239]), *чепеги* — «холодное ударное оружие конных казаков в старое время» [16, с. 266]. Все описанные этнографизмы-локализмы и историзмы отражают особенности военной жизни казачьего сословия.

Можно предположить, что в кубанские диалектные словари вошла далеко не вся специфическая военная лексика казаков: материал для этих словарей собирался во второй половине XX – начале XXI вв., когда большинства мужчин, когда-то служивших в казачьих полках, уже не было в живых. Хотя информантами диалектной лексики нередко были женщины (О. Г. Борисова в предисловии к своему словарю называет их фамилии [3, с. 3]) лексика, представленная в диалектных словарях, довольно полно отражает военную специфику концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ в казачьей картине мира.

«Следы» такой лексики можно отыскать и в художественной литературе, исторических источниках, исторических исследованиях. Например, в монографии О. В. Матвеева «Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности» присутствуют лексемы, включающие следующие признаки: подготовка коня для службы (*вольтижировка, джигитовка*); элементы казачьего обмундирования (*папаха, тумак, тужурка, напатронники*); названия казаков, служивших в конных полках, а также названия воинских подразделений (*хоперцы, хопры, кавказцы, урупцы, полтавцы, таманцы, лабинец, закаспиец, сотенный, полу-*

сотня), приемы и способы ведения боя казаками-конниками (*лава, мельница, рубка, рубиться, рубать*) [10, с. 141–179]. Все эти слова, к сожалению, отсутствуют в словарях кубанских говоров.

Особенности мирного быта казаков отразились в таких зафиксированных в словарях этнографизмах-локализмах интересующей нас тематики, как: *щитына* — «сапожная нить из конского волоса» [16, с. 278], *кирпич (кырпыч)* — «сухой коровий или конский навоз, используемый как топливо» [3, с. 171], *доливка* — «смесь из глины, воды и коровьего или конского навоза для покрытия земляного пола» [11, с. 67]. Деревянные постройки на Кубани, где леса было мало, встречались редко, основным строительным материалом была глина, смешанная с соломой и навозом, часто конским [13, с. 13]. Отпливались казачьи хаты, за отсутствием дров, также часто высохшим конским навозом.

Некоторые лексические единицы ЛСП «конь/лошадь», извлеченные из словаря В. И. Даля, в составе кубанских говоров приобрели иное значение. Например, существительное *лошак* в словаре В. И. Даля толковалось как «полуконь, животное от осла и кобылы» [5, т. 2, с. 248], а в словаре О. Г. Борисовой обозначает жеребенка по первому, второму или третьему году [3, с. 219].

Региональный фрагмент ЛСП «конь/лошадь» образуют и такие ЛСВ, в семантику которых, по данным словаря В. И. Даля, сема 'конь' не входит: согласно словарю В. И. Даля, *юбка* — это «часть женской одежды» [5, т. 4, с. 687], а в кубанских говорах *юбка* — это еще и «часть конской упряжи, шлея» [3, с. 477].

В то же время кубанские говоры сохранили ЛСВ, включенные в словарь В. И. Даля, но затем вышедшие из употребления в общенациональном языке: *конячий, лошадина, лоша, выпряг* и др. В говорах эти архаичные слова литературного языка «в большинстве своем лишены оттенка устарелости» [2, с. 272]. Данные лексические единицы употребляются в кубанских говорах не только в прямом, но и в переносном значении, например: *зануздать* — «1. Надеть узду на лошадь. 2. (Перен.) держать кого-либо в зависимости, подчинении» [11, с. 89]. Метафоризироваться могут и другие диалектные единицы поля: *гужывать* — «заниматься извозом» [9, с. 33] и «гулять, устраивать застолье, пьянствовать» [11, с. 58]. Приведенные языковые акты убеждают в том, что ассоциативный потенциал объекта действительности — коня — и связанных с ним характерных действий, ситуаций используется в кубанских говорах для номинации других реалий, действий, ситуаций, а это, в свою очередь, свидетельствует о ценностном отношении кубанских казаков к коню.

Заключение

Итак, в результате исследования нами построено поле вербализаторов общекультурного концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, выявлены особенности организации этого ЛСП, позволяющие сформулировать основные признаки понятийной составляющей общекультурного концепта: конь — это прежде всего рабочее животное (тягловая сила или транспортное средство); животное, предназначенное для верховой езды; боевое животное; животное, предназначенное для спортивных соревнований; животное, способное к движению; животное, годное/негодное для использования. Такой функционально ориентированный взгляд человека на лошадь как на необходимого участника военной, спортивной, но, главным образом, трудовой, хозяйственной деятельности человека обуславливает антропоцентрический характер поля в целом, т. е. в основе поля вербализаторов общекультурного концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ лежит принцип антропоцентризма: конь описывается через восприятие его человеком, а в связи с конем подробно характеризуется и сам человек.

Анализ структуры ЛСП «конь/лошадь», лежащего в основе соответствующего концептуального поля, показал также, что общекультурный концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ — один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. В прошлом он был актуальным, ценностно значимым и коммуникативно востребованным. Обо всем этом свидетельствует высокая номинативная плотность концепта, отразившаяся в подробной детализации наименований лошади. Конь был одним из главных животных, участвовавших в жизни человека, поэтому так обширна лексика, не только именующая коня, но и описывающая его различные биологические, психофизиологические свойства, его поведенческие реакции, оттенки его физического состояния, болезни.

Лексические единицы поля отражают аксиологический аспект концепта: конь был для человека и эмоционально, и материально ценностным объектом.

В русской культуре концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ относится к сформировавшимся концептам, которые служат источником вторичной номинации, метафоризации, обогащающей содержание других концептов.

Фрагмент ЛСП «конь/лошадь», построенный на основе языкового материала, извлеченного из словарей кубанских говоров, дает возможность увидеть концептуальные признаки, не зафиксированные в словаре В. И. Даля, вобравшем в себя значительную часть диалектной лексики русского языка.

Лексические единицы, выделенные из словарей кубанских говоров, разносторонне характеризуют как свойства коня, так и различные аспекты человеческой деятельности, связанной с этим животным. Диалектная кубанская лексика повышает номинативную плотность концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ и его метафорическую диффузность. Анализируя кубанский диалектный фрагмент поля, можно сделать вывод, что ценностная составляющая концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ в картине мира кубанского казачества была очень весомой: конь, сопровождавший казака от рождения до самой смерти, играл огромную роль в его жизни.

Данные словарей кубанских говоров свидетельствуют и о том, что на языковом уровне проявляется также специфика понятийного компонента концепта в казачьей языковой картине мира: кубанские этнографизмы-локализмы и историзмы содержат в своей семантической структуре сему 'боевой конь' и отражают высокий социальный статус, особое предназначение и специфику военной жизни казачества как служилого сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России.

Перспективным является дальнейшее исследование лексической репрезентации концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ в кубанском казачьем фольклоре, что позволит смоделировать его полевую структуру и определить значимость в региональной картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Артемова Н. В.* Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: на примере глаголов лишения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 212 с.
- 2 *Борисова О. Г.* Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2018. 609 с.
- 3 *Борисова О. Г.* Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2018. 485 с.
- 4 *Бурдун С. В.* Лексическая репрезентация концепта КАЗАК, представляющего мужскую субкультуру «своего мира» в контексте кубанской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 109–114.

- 5 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1882. Т. 3. 576 с. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. 704 с.
- 6 *Епатко Т. А.* Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 213–217.
- 7 *Илюхина Н. А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта, Наука, 2010. 320 с.
- 8 *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 263 с.
- 9 *Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / сост. С. Д. Мастепанов. Армавир; Отрадная: Изд. В. Е. Шурыгин, 2013. 192 с.*
- 10 *Матвеев О. В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
- 11 *Пелих В. М., Андриющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г.* Словарь кубанских говоров. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 264 с.
- 12 *Петренко А. Е.* Семантические поля в романах Кретьена де Труа как репрезентация фрагментов языковой картины мира средневекового человека: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 242 с.
- 13 *Попко И. Д.* Черноморские казаки. М.: Вече, 2009. 441 с.
- 14 *Потапова О. Е.* Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»). Чебоксары: ИД «Среда», 2020. 164 с.
- 15 *Русский говор Кубани: Словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой // Деп. В ИНИООН РАН. 1992. № 47266. 415 с.*
- 16 *Ткаченко П. И.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.
- 17 *Ткаченко П. И.* Кубанские обряды. Краснодар: Традиция, 2010. 224 с.
- 18 *Тюрин В. Б.* Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. М. Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 211 с.

© 2022. Lidiya A. Isayeva
Krasnodar, Russia

© 2022. Tatiyana A. Yepatko
Krasnodar, Russia

**LEXICAL SEMANTIC FIELD OF VERBALIZERS
OF THE CONCEPT “HORSE/MARE”:
GENERAL CULTURAL AND REGIONAL SPECIFICS**

Abstract: The aim of study is to reveal the common linguocultural character and regional peculiarities of the concept “horse” by analyzing the structure and content of the semantic field of this concept’s verbalizers. The novelty of the research is due to the

fact that we have used the dictionaries of local dialects of the Kuban region as a source of lexical items — verbalizers of the semantic field of the concept “horse”. The results obtained show that the general cultural concept “horse” is one of the significant concepts in a retrospective picture of the world of the Russian people. For native speakers, horse was mainly a domestic animal — used for field work or transportation — and, therefore, an emotionally and materially valuable object. At the language level, we could reveal the regional specific character of the concept “horse”. For the Kuban Cossacks a horse was a charger. The charger was a symbol of the military character of Cossacks as the service class whose main duty was to stand guard over the state borders of Russia. The value constituent of the concept was even more significant than in the all-Russian language picture of the world — a horse was of great importance in a Cossack’s life and indicated a high social status.

Keywords: language picture of the world, horse, concept, regional peculiarities, Kuban Cossacks, lexical semantic field, verbalizer.

Information about the authors:

Lidiya A. Isayeva — DSc in Philology, Professor, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2610-7880>

E-mail: vlisaev@rambler.ru

Tatiana A. Yepatko — Senior Lecturer, The A. K. Serov Krasnodar Air Force Institute for Pilots, Dzerzhinskogo 135, 350090 Krasnodar, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-0410>

E-mail: epatko.t.a@yandex.ru

Received: May 30, 2021

Approved after reviewing: July 06, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Isaeva L. A., Yepatko T. A. Lexical Semantic Field of Verbalizers of the Concept “Horse/Mare”: General Cultural and Regional Specifics. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 221–233. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-221-233>

REFERENCES

- 1 Artemova N. V. *Osobennosti polevoi struktury leksiki sovremennogo russkogo iazyka: na primere glagolov lisheniia* [Peculiarities of the Field Structure of Words of the Modern Russian Language as Illustrated by the Verbs of Deprivation: PhD Dissertation]. Moscow, 2000. 212 p. (In Russian)
- 2 Borisova O. G. *Leksika i frazeologiya sovremennykh kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiia* [Lexical and Phraseological Items of The Modern Kuban Dialects as a Macrosystem: Model and Realization: DSc Dissertation]. Krasnodar, 2018. 609 p. (In Russian)
- 3 Borisova O. G. *Opyt slovaria kubanskikh govorov* [An Attempt of the Kuban Dialects Dictionary]. Krasnodar, KubGU Publ., 2018. 485 p. (In Russian)
- 4 Burdun S. V. Leksicheskaia reprezentatsiia kontsepta KAZAK, predstavliaiushchego muzhskuiu subkul'turu “svoego mira” v kontekste kubanskoii frazeologii [Lexical Representation of the Concept COSSACK Presenting the Male Subculture of the “Own World” in the Context of the Kuban Phraseology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, issue 11, pp. 109–114. (In Russian)

- 5 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1880. Vol. 1. 723 p. St Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1881. Vol. 2. 807 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa, 1882. Vol. 3. 576 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1882. Vol. 4. 704 p. (In Russian)
- 6 Epatko T. A. Leksicheskaia reprezentatsiia kontsepta KON" v etimologicheskikh i tolkovykh slovariakh russkogo iazyka [Lexical Representation of the Concept KON' (HORSE) in Etymological and Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 213–217. (In Russian)
- 7 Iliukhina N. A. *Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii* [Metaphorical Image in Semasiological Interpretation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 320 p. (In Russian)
- 8 Karaulov Iu. N. *Obshchaia i russkaia ideografiia* [General and Russian Ideography]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 263 p. (In Russian)
- 9 *Slovar' govora kazach'ego naseleniia stanitsy Otradnoi Krasnodarskogo kraia* [The Dictionary of the Cossacks Population Dialect of Stanitsa Otradnaya], comp. by S. D. Mastepanov. Armavir, Otradnaia: Izdatel' V. E. Shurygin Publ., 2013. 192 p. (In Russian)
- 10 Matveev O. V. *Istoricheskaiia kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX vv.): kategorii voinskoj mental'nosti* [Historical Picture of the world of the Kuban Cossacks (the end of 18th century – the beginning of the 20th century) — the Categories Military Mentality]. Krasnodar, Kuban'kino Publ., 2005. 418 p. (In Russian)
- 11 Pelikh V. M., Andriushchenko V. I., Ivanova R. Ia., Ivanova T. G. *Slovar' kubanskikh govorov* [The Kuban Dialects Dictionary]. Armavir, RITs AGPU Publ., 2009. 264 p. (In Russian)
- 12 Petrenko A. E. *Semanticheskie polia v romanakh Kret'ena de Trua kak reprezentatsiia fragmentov iazykovoi kartiny mira srednevekovogo cheloveka* [Semantic Fields in the Novels of Chrétien de Troyes as the Representation of Fragments of the Language Picture of the World of the Medieval Man: DSc Dissertation]. Moscow, 2016. 242 p. (In Russian)
- 13 Popko I. D. *Chernomorskie kazaki* [Black Sea Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2009. 441 p. (In Russian)
- 14 Potapova O. E. *Verbal'naia reprezentatsiia kontsepta. Leksiko-semanticheskoe pole kak fragment iazykovoi kartiny mira (na materiale LSP "more")* [Verbal Representation of a Concept. Lexical Semantic Field as a Fragment of the Language Picture of the World (As Illustrated by the LSF "sea")]. Cheboksary, ID "Sreda" Publ., 2020. 164 p. (In Russian)
- 15 *Russkii govor Kubani: Slovar'* [Russian dialect of the Kuban Region: Dictionary], ed. by E. P. Sheinina, and E. F. Tarasenkova. *Dep. V INIOON RAN*. 1992. No 47266. 415 p. (In Russian)
- 16 Tkachenko P. I. *Kubanskii govor. Opyt avtorskogo slovaria* [Kuban dialect. An Attempt of an author's Dictionary]. Krasnodar, Traditsiia Publ., 2008. 288 p. (In Russian)
- 17 Tkachenko P. I. *Kubanskii obriady* [The Kuban Rites]. Krasnodar, Traditsiia Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
- 18 Tiurin V. B. *Leksiko-semanticheskoe pole "Rodina" v lirike N. M. Rubtsova* [The Lexical Semantic Field "Motherland" in N. M. Rubtsov's Lyric Poetry: DSc Dissertation]. Nizhnii Novgorod, 2017. 211 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-234-246>

УДК 811

ББК 81-3

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. Г Твердохлеб
г. Оренбург, Россия

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИРОНИЧНОГО ИСТОЛКОВАНИЯ АНТРОПОНИМОВ В АФОРИЗМАХ

Аннотация: Работа посвящена описанию способов толкования антропонимов в афоризмах, построенных как дефиниция и по структуре напоминающих словарную статью. Выявлено, что в афоризмах-дефинициях в качестве заголовочных единиц частотны антропонимы (единичные имена собственные), не включаемые в словники толковых словарей. На большом иллюстративном материале показано, что в поясняющей части афористических определений для характеристики антропонимов активно применяются нетрадиционные для лексикографии способы истолкования. Предложена классификация способов ироничных толкований антропонимов в зависимости от семантики главного слова в пояснительной части: а) ложногиперонимический; б) оценочный; в) согипонимичный; г) повторительно-отличительный и д) формально-сигнальный. Композиционно-синтаксическая организация пояснительной части осложняется детализирующими определениями, которые выражаются разными грамматическими средствами, располагаются в пре- и в постпозиции по отношению к главному слову пояснительной части, вносят дополнительный смысл, эмоциональную напряженность и отражают авторскую позицию. Полученные в статье результаты могут быть интересны специалистам, занимающимся проблемами афористики, ономастики и лексикографии.

Ключевые слова: афоризм, дефиниция, словарная статья, истолкование, антропоним.

Информация об авторе: Ольга Геннадьевна Твердохлеб — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д. 19, 460844 г. Оренбург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8309-0245>

E-mail: ogtwr@gmail.com

Дата поступления статьи: 06.08.2020

Дата одобрения рецензентами: 12.01.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Твердохлеб О. Г. Специфические способы ироничного истолкования антропонимов в афоризмах // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 234–246.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-234-246>

I. Афоризмы как «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения» и «заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [23, с. 50] активно интересуют исследователей и сегодня. В большей степени анализируются их жанровые особенности [11; 16; 19], и особенно афористика определенного автора: Ф. М. Достоевского [15], Максима Горького [7]. Есть работы, посвященные их лингвистической характеристике [18], в частности лингвокультурной специфике [8] и когнитивному анализу конкретных языков: английского [27], вьетнамского [25], французского [26] и др. Менее изучена афористика на стыке с ономастикой и лексикографией, что и делает актуальным наше лингвистическое исследование, характеризующееся особо значимой в современной науке междисциплинарностью.

II. Продолжая наш [21] анализ афористических высказываний, в данной работе мы обратились к афоризмам, заключающим в себе атрибутивное суждение и характеризующимся наличием двух членов — логического субъекта и логического предиката (с точки зрения коммуникативного членения — Тема и Рема). Такие афоризмы по структуре напоминают статью в толковом словаре, также включающую два компонента: слово или словосочетание, нуждающееся в пояснении (находящееся в левой части; определяемое; заголовочная единица) и пояснение (пояснительная правая часть; определение) [2, 13].

Сплошная выборка из различных печатных и электронных собраний афоризмов [3; 5; 6; 14; 28; 29 и др.] выявила в позиции заголовочной единицы афористических дефиниций более 500 употреблений имен собственных, предназначение которых в системе языка — «выделять и идентифицировать» «единичные объекты (одушевленные и неодушевленные)» и репрезентировать «общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [24, с. 21]. Среди обнаруженных онимов, обычно отсутствующих в словниках толковых словарей, достаточно востребованными (около 100) оказались антропонимы.

III. По данным нашей картотеки, в афористических определениях антропонимов применяются лишь некоторые из традиционно [1] выделяемых способов истолкования слов. Так, в афористических дефинициях наиболее частотны гиперонимические истолкования антропонимов, например, Вагнер: композитор, музыка которого лучше, чем она кажется на слух (Видоизмененный Марк Твен); единичны примеры с отрицательным истолкованием, ср.: Всяк Станислав Ежи Лец в этом мире не жилец (Владимир Кнырь), перечислительным, ср.: Петр не только первый русский интеллигент, но и первый русский нигилист (Дмитрий Сергеевич Мережковский) или описательным, ср.: Гиппократ — его надо всегда цитировать по-латыни, потому что писал он по-гречески (Гюстав Флобер. Лексикон прописных истин) (Подробнее об этом см. нашу предыдущую статью: [22]).

Так как авторы афоризмов воспринимают окружающий мир каждый по-своему и описывают его с точки зрения накопленного ими собственного жизненного опыта, то могут давать образные афористические характеристики антропонимам не только принятыми в лексикографии способами истолкования, но и отличными от них специфическими способами. Отсутствие детального анализа функционирования в афоризмах-определениях антропонимов, а также разных типов их ироничного истолкования и определяет актуальность данной статьи.

IV. Хотя афоризмы по «синтезу мыслей, установлению связи между явлениями, точности и лаконизму» приближаются к науке, а по «выразительности и образности» — к художественному произведению [23, с. 6], и содержательно, и формально

они отличаются и от энциклопедической дефиниции (требующей научной точности и объективности), и от словарной статьи (характеризующейся «максимальной ясностью и простотой» [12]). Описываемые нами афористические определения антропонимов являются по существу ироничными, эстетическая сущность их состоит не только в эмоционально-ценностном отношении (субъективное отношение афориста к изображаемому персонажу), но и в логическом парадоксе для выражения противоположного [20, с. 59]. А потому антропоним, становясь «семантически обогащенным», начинает выступать «в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс ассоциативных значений» [24, с. 28].

Проведенный нами анализ выявил, что ироничные истолкования антропонимов, основанные на индивидуальном осмыслении какой-либо личности и его свойств, содержат и языковые особенности в структуре: 1) заголовочной единицы афористической дефиниции; 2) ключевого слова пояснительной части афоризма-дефиниции; 3) определений, детализирующих ключевое слово пояснительной части афоризма.

1. Для называния той или иной личности в позиции заголовочной единицы афористических определений с ироничными истолкованиями используются разного рода антропонимические лексемы. Возможности для передачи эстетических и ценностных установок автора афоризма в левой части дефиниции немногочисленны и связаны в большей степени с количественным составом.

В позиции заголовочной единицы ироничных афоризмов обнаруживаем:

1) однословный антропоним, номинирующий:

- a) (чаще) фамилии, ср.: Нет бога кроме Баха, и Мендельсон пророк его (Гектор Берлиоз); Хрущев: агроном, который сеял в Казахстане, а урожай собирал в Америке (NN);
 - b) (реже) псевдонимы, напр.: Сталин — это наиболее выдающаяся посредственность нашей коммунистической партии (Лев Троцкий);
 - c) (единично) имена, ср. яркий афоризм, где обыгрываются одно имя, репрезентирующее двух разных исторических персонажей: Есть два символа эпох в истории Москвы: один Юрий, который был политически Долгорукий, и второй Юрий, оказавшийся политически Близорукий (Елена Сиренка);
- 2) многословное (расширенное) наименование, включающее:
- a) (часто) имя и фамилию, при этом отмечаются как препозиция имени по отношению к фамилии, напр.: Морис Равель — самый точный из швейцарских часовщиков (Игорь Стравинский); так и постпозиция имени, ср. следующее афористическое толкование: Бардо, Брижит: секс-бомба французского производства; первое испытание состоялось в конце 50-х гг.; генеральный конструктор — Роже Вадим. Ныне используется в мирных целях (охрана животных) (Сильвия Чиз);
 - b) (редко) имя и отчество, ср.: Владимир Вольфович, вы — исчадие рая (Владимир Соловьев);
 - c) имя либо фамилию с титульным обозначением, напр.: Император Николай I — военный балетмейстер и больше ничего (В.О. Ключевский); Граф Толстой — предсмертная художественная гримаса дворянства (В.О. Ключевский);
 - d) сложную по составу фамилию: Римский-Корсаков — музыкальный иллюстратор видений; Рихард Штраус — суждений (Григорий Ландау);
- 3) словосочетание, ср.: Бедный Глинка своего рода русский Россини (Игорь Стравинский); Товарищ Сталин, вы большой ученый... (Юз Алешковский);

4) пара однородных членов, ср.: Шариковы, Шарликовы — казалось бы, разница в одну букву, а уже Европа (Алексей Анненков);

5) буква-символ, ср.: X — вечный оптимист. Этим он радуется все режимы (Станислав Ежи Лец); Актриса А. и актриса Б. могут сойтись лишь в одном: что актриса В. — никакая не актриса («Пшекруй»).

2. Пояснение, безусловно, наиболее яркая и непредсказуемая часть описываемых нами ироничных афористических дефиниций антропонимов, содержит гораздо больше возможностей для передачи эстетических и ценностных установок автора афоризма. Богатая фоновая информация культурного и исторического характера, присутствующая в коннотативном компоненте значения антропонима, в образной форме фиксируется афористом в пояснении при помощи разнообразных языковых (лексических, грамматических) средств.

Пояснительная часть крайне редко представлена однословным композитом и в абсолютном большинстве примеров является многословной (расширенной), в структуре которой выделяются:

- слово, называющее лицо, предмет или явление, находящиеся с определяемым лицом в какой-либо ассоциативной связи;
- (в большинстве случаев, но необязательно) определительный компонент, расширяющий объем афористической дефиниции, описывая отличительные признаки лица, предмета или явления, репрезентированных главным словом пояснительной части.

В зависимости от семантики главного слова пояснения выделяются несколько групп афоризмов, характеризующихся:

- 1 ложногиперонимическим способом истолкования;
- 2 оценочным;
- 3 согипонимичным;
- 4 повторительно-отличительным;
- 5 формально-сигнальным.

3. В качестве главного слова пояснительной части **ложногиперонимического** истолкования выступают имена нарицательные, выражающие признаки и свойства, присущие определяемому лицу по профессиональной деятельности (роду занятий), по увлечениям (хобби). Автор, акцентируя свое внимание на деятельности описываемого им лица в социальной области (политика, экономика, образование и др.), в области искусств (литература, музыка, балет и др.), в области науки (математика, физика и др.) или в области религии, создает индивидуальные, субъективные афористические дефиниции, имеющие в пояснительной части ряд языковых особенностей:

- a) название профессиональной деятельности (музыка) афористического персонажа обозначено не главным словом поясняющей части (имя существительное иллюстратор репрезентирует профессиональную деятельность лишь ассоциативно), а зависимым от него (именем прилагательным музыкальный), ср.: Римский-Корсаков — музыкальный иллюстратор видений; Рихард Штраус — суждений (Григорий Ландау). Др. пример, где использована лексема отец, употребленная в переносном (метафорическом) значении 'родоначальник' с акцентированием далее прямого значения 'один из родителей' при помощи ввода другой лексемы того же тематического класса (мать), ср.: Фрейд — отец психоанализа. А матери у психоанализа нет (Джермейн Грир);
- b) существительное, называющее персонаж по профессии, является отсутствующим в литературном языке окказиональным образованием (фаллоцентрик), характеризующимся ярко выраженной словообразовательной экспрессией,

- ср.: Фрейд — фаллоцентрик, считавший, что солнце вращается вокруг пениса (Эрика Джонг);
- с) род деятельности обозначается при помощи очень широкого понятия, без конкретного уточнения специальности: Сталин — просто ученик Ленина, дошедший до прямо-таки животного восприятия общества и людей. Такая животная психофизиология (Александр Сокуров);
- д) обозначается не основная профессиональная деятельность персонажа, ср., например, два афористических определения двух государственных деятелей, но охарактеризованных через сельскохозяйственную и научную деятельность: Хрущев: агроном, который сеял в Казахстане, а урожай собирал в Америке (NN); Товарищ Сталин, вы большой ученый, В языкознание знаете вы толк, А я простой советский заключенный, И мне товарищ — серый брянский волк (Юз Алешковский);
- е) персонаж характеризуется через его увлечение: Эйнштейн — единственный известный мне скрипач, который действительно был похож на скрипача (Джордж Бернارد Шоу);
- ф) антропониму метафорически приписывается другая профессиональная деятельность, которой реальный персонаж в действительности совершенно не занимался, ср.: Морис Равель — самый точный из швейцарских часовщиков (Игорь Стравинский); Император Николай I — военный балетмейстер и больше ничего (В.О. Ключевский); Добавим сюда пример, где ложногиперонимический способ толкования осложнен сравнением (с помощью сравнительного союза словно): Бах словно астроном, который при помощи цифр находит самые прекрасные звезды (Фридерик Шопен).

4. В качестве главного слова пояснительной части **оценочного** истолкования выступают лексемы, не только называющие лицо и характеризующие его по данному признаку, но и выражающие «интеллектуально-функциональную оценку» [17, с. 69] или отражающие «отношение говорящего к содержанию высказывания» [9, с. 124].

1) Авторы афористических дефиниций указанного типа используют:

- а) нарицательные оценочные существительные, «дающие нравственную, социальную, интеллектуальную оценку» [10, с. 53], ср.: Виктор Гюго был безумцем, который вообразил себя Виктором Гюго (Жан Кокто); X — вечный оптимист. Этим он радуется все режимы (Станислав Ежи Лец); Ельцин [Борис] — преступник. Россия разваливается под руководством этого алкоголика (Лев Рохлин);
- б) нарицательные оценочные существительные, «фиксирующие визуальную оценку» [10, с. 54], в частности, оценивающие особенности внешности по физическим чертам (лицо, фигура, одежда) и гендерному признаку, ср.: Бардо, Брижит: секс-бомба французского производства; первое испытание состоялось в конце 50-х гг.; генеральный конструктор — Роже Вадим. Ныне используется в мирных целях (охрана животных) (Сильвия Чиз). С оценкой наружности тесно связано изображение поведения персонажа, его манеры держаться, мимики, походки, жестов и т. д., ср.: Арнольд Шварценеггер — это спецэффект в человеческом облике (Барри Норман).

2) Антропониму в ироничных афористических дефинициях дается оценка при помощи лексем, необходимо содержащих:

- а) (несколько чаще) негативную коннотацию, ср. субстантивированное прилагательное (чокнутый): Берлиоз — обычный чокнутый: в нем нет ни капли таланта (Феликс Мендельсон).

- b) (в единичных примерах) положительную коннотацию, ср.: Нет бога кроме Баха, и Мендельсон — пророк его (Гектор Берлиоз); Доктор Мартин Лютер Кинг — не чернокожий герой. Он американский герой (Морган Фримен).

Интересно сопоставить два афоризма, где в качестве главного слова пояснительной части использовано субстантивированное числительное, но в одном случае (при помощи лексемы первый) дается положительная оценка антропониму: Пифагор первый, кто дал философии ее имя (Апулей); а в другом примере (при помощи лексемы второй) оценка снижена: Вольтер второй во всех жанрах (Дени Дидро).

3) Для оценочного истолкования используются мифологические, сказочные, религиозные образы, издавна применяются в качестве своеобразной апелляции к фоновым знаниям читателя, ср.: Сталин... был вурдалак... Надеюсь, что он в аду, и... что там нет выходных (Леонид Гозман). Ср. также случай осложнения оценочного способа толкования сравнением (при помощи сравнительного союза как): Ельцин как Баба-Яга, всегда против [6, с. 50].

4) Главное слово в пояснительной части оценочных выражений антропонимов может номинировать абстрактное понятие (называющее действия, состояния, признаки и др.: исчадие, спецэффект, гримаса), ср.: Владимир Вольфович, вы — исчадие рая (Владимир Соловьев); Сталин — это наиболее выдающаяся посредственность нашей коммунистической партии (Лев Троцкий); Граф Толстой — предсмертная художественная гримаса дворянства (В. О. Ключевский). Поскольку в этих афоризмах определяемое и определяющее принадлежат к разным семантическим полям и потому с логической точки зрения они мало сопоставимы, то такие дефиниции обладают большим выразительным эффектом.

5. Несмотря на то что функция различения индивидов друг от друга является для антропонимов «единственно необходимой и рациональной», без которой они «вообще теряют смысл» [4, с. 21], афористические определения используют яркий, выразительный способ толкования одного антропонима с помощью другого антропонима с дальнейшим уточнением отличительных признаков. Такой способ мы назвали **согипонимичный**. При таком истолковании не только дается характеристика антропониму, представленному в позиции заголовочной единицы, но и устанавливаются точки соприкосновения между разными персонажами, так как один антропоним рисуется как отражение другого.

1) Согипонимичный способ, при помощи которого выявляются совпадающие признаки у разных персонажей, представлен:

- a) в предложениях тождества, построенных по схеме 'Nom₁ — это Nom₁' (где Nom₁ обозначает имя существительное в форме именительного падежа), например: Сталин — это Ленин кавказской национальности (Аркадий Давидович);
- b) в предложении, где средством связи между субъектом и предикатом (репрезентирующими, например, имена собственные двух французских поэтов начала XIX в.: Ауффенберга, Арленкура) выступает глагольная лексема напоминает, ср.: Ауффенберга я не читал. Полагаю, что он напоминает Арленкура, которого я тоже не читал (Генрих Гейне).
- c) в предложении, где антропоним поясняется с помощью обособленного приложения, например: Бедный Глинка, своего рода русский Россини, был обетховенизирован и превращен в национальный монумент (Игорь Стравинский).

2) Два ироничных согипонимичных истолкования двух разных антропонимов (называющих, в частности, политических деятелей нашей страны, но правивших в раз-

ное время: Сталин, Ельцин) могут иметь не только абсолютно одинаковое синтаксическое построение (предложение тождества, построенное по схеме: ‘Nom₁ — это Nom₁’), но и (кроме самих согипонимичных антропонимов, занимающих позиции субъекта и предиката) один и тот же лексический состав (связка это и наречие времени сегодня), ср. два разных афористических выражения: Сталин — это Ленин сегодня [6, с. 460]; Ельцин — это Брежнев сегодня [6, с. 50].

3) При помощи двух антропонимов, называющих разные фамилии и находящихся в разных (левой и правой) частях афористического предложения тождества, может устанавливаться сходство между двумя разными лицами, занимающимися одной профессиональной деятельностью (композиторы Вагнер и Пуччини), например: Вагнер — это Пуччини в музыке (Джон Б. Мортон), либо достигшими больших высот в разных сферах деятельности (музыка и футбол): Месси — это футбольный Моцарт. Это я могу утверждать наверняка (Зинедин Зидан). Ср. также афористическое предложение с согипонимическим истолкованием (в составе обособленного приложения) антропонима (Глинка) через согипонимичный антропоним (Россини), которое дополнено адекативной лексемой (номинарующей национальность: русский), ср.: Бедный Глинка, своего рода русский Россини, был обетховенизирован и превращен в национальный монумент (Игорь Стравинский).

4) При помощи двух антропонимов, называющих фамилию и имя одного и того же человека (военачальника, советского и российского политика Альберта Михайловича Макашова) и находящихся в разных (левой и правой) частях афористического предложения тождества, может устанавливаться сходство между двумя разными наименования одного и того же лица, ср.: Даже Макашов немного Альберт [6, с. 252].

6. Мы выделяем **повторительно-отличительный** способ, при котором для антропонима приводится образное утверждение, включающее то же самое слово, что присутствует в позиции заголовочной единиц, и дополнительное пояснение в последующей части истолкования, ср. афоризм афоризмов с комбинированным отрицательно-повторительным способом истолкования: Актриса А. и актриса Б. могут сойтись лишь в одном: что актриса В. — никакая не актриса («Пшекруй»), где в группе и подлежащего, и сказуемого обнаруживаем повтор одной и той же лексики (актриса).

7. При **формально-сигнальном способе** дается не истолкование реального человека (номинарованного антропонимом), а метаязыковая характеристика знака (репрезентирующего антропоним) в объективной реальности как элемента этой реальности, например через введение лексики «буква»: Шариковы, Шарликовы — казалось бы, разница в одну букву, а уже Европа (Алексей Анненков).

Имя собственное, обладающее дополнительными культурными коннотациями (‘принадлежность определенной нации’), употребляясь с чисто представительным значением, вставляется в афористический текст в силу своей широкой распространенности, ср., в частности, номинации известных русских фамилий (Иванов и Петров) в афоризме: Бывают смешные еврейские фамилии: Иванов, Петров... (Ратмир Тумановский).

Ср. также более сложный пример с двумя антропонимами, обладающими дополнительными культурно-историческими коннотациями: Есть два символа эпох в истории Москвы: один Юрий, который был политически Долгорукий, и второй Юрий, оказавшийся политически Близорукий (Елена Сиренка).

8. Композиционно-синтаксическая организация правой части афористического изречения с описанными истолкованиями осложняется детализирующими определениями, при помощи которых расширяется объем афоризма-дефиниции, вносится допол-

нительная смысловая нагрузка (поясняется, уточняется значение ключевого слова поясняющей части, конкретизируются и актуализируются нужные детали, подчеркивается особая значимость некоторых признаков антропонима, отражается авторская позиция, передается эмоциональная напряженность).

Такие детализирующие определения, располагающиеся как в пре-, так и в постпозиции по отношению к главному слову пояснительной части, выражаются разными грамматическими средствами: именем существительным в форме родительного падежа, например: Фрейд — отец психоанализа. А матери у психоанализа нет (Джермейн Грир); притяжательным местоимением, например: Нет бога кроме Баха, и Мендельсон пророк его (Гектор Берлиоз); именем прилагательным и адъективным оборотом, напр.: Император Николай I — военный балетмейстер и больше ничего (В.О. Ключевский); причастием и причастным оборотом, например: Фрейд — фаллоцентрик, считавший, что солнце вращается вокруг пениса (Эрика Джонг); придаточным определительным, например: Виктор Гюго был безумцем, который вообразил себя Виктором Гюго (Жан Кокто).

Особый эстетический эффект достигается присоединением к одному ключевому слову поясняющей части сразу нескольких определений разных типов, напр.: Эйнштейн — единственный известный мне скрипач, который действительно был похож на скрипача (Джордж Бернанд Шоу).

Когда в правую часть афористом вводится несколько однородных детализирующих определений, описанные в работе специфические способы истолкования могут комбинироваться с традиционными, напр., с перечислительным способом, ср. однородные сказуемые (сеял, собирал), соединенные противительным союзом «а» в афоризме: Хрущев: агроном, который сеял в Казахстане, а урожай собирал в Америке (NN).

Таким образом, в афоризмах, построенных как дефиниция и по структуре напоминающих словарную статью, в качестве заголовочных единиц частотны антропонимы, не включаемые в словники толковых словарей. Отличаясь и содержательно, и формально от энциклопедической дефиниции и от словарной статьи, ироничное определение антропонима в афоризме может быть сделано через указание на разнообразные, порою парадоксальные признаки характеризуемой личности, фиксируемые нетрадиционными для лексикографии способами истолкования.

Жанрово ограниченные языковые особенности имеют все структурные элементы афористической дефиниции антропонима (заголовочная единица; ключевое слово и детализирующее его определение в пояснительной части). Для передачи эстетических и ценностных установок афориста больше возможностей содержит пояснительная часть афористического определения антропонима, где в образной форме при помощи лексических и грамматических средств могут отображаться самые различные особенности описываемой реальной личности; варьирование же заголовочной единицы связано в большей степени с количественным составом.

Пояснительная часть афористического определения антропонима обычно представляет собой многословную единицу, в структуре которой выделяются не только слово, называющее лицо, предмет или явление, находящиеся с определяемым лицом в какой-либо ассоциативной связи, но и композит, при помощи которого вводится описание отличительных признаков этого лица, предмета или явления.

Богатая фоновая информация культурного и исторического характера, присутствующая в коннотативном компоненте значения антропонима, фиксируется афористом при помощи главного слова в пояснительной части, в зависимости от семантики

которого мы выделили несколько групп афоризмов, с отличающимися от традиционно выделяемых в лексикографии способов истолкования: а) ложногиперонимическим; б) оценочным; в) согипонимичным; г) повторительно-отличительным; д) формально-сигнальным.

Композиционно-синтаксическая организация пояснительной части афористического изречения со специфическими истолкованиями осложняется детализирующими определениями, которые выражаются разными грамматическими средствами, располагаются в пре- и в постпозиции по отношению к главному слову пояснительной части, вносят дополнительный смысл, эмоциональную напряженность и отражают авторскую позицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Арбатский Д. И.* Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26–31.
- 2 *Арбатский Д. И.* Толкования значений слов. Семантические определения. Ижевск: Удмуртия, 1977. 100 с.
- 3 Афоризмы и высказывания // Сайт Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия. URL: <https://ktrk.sledcom.ru/folder/8759701> (дата обращения: 26.08.2022).
- 4 *Бестужев-Лада И.* Имя человеческое — его прошлое, настоящее и будущее // Наука и жизнь. 1968. № 7. С. 20–25.
- 5 *Борохов Э.* Энциклопедии афоризмов (Мысль в слове). М.: АСТ, 2000. 720 с.
- 6 *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 574 с.
- 7 *Верегитина И. В., Корнилов Н. С.* Крылатые изречения Максима Горького в военной афористике периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Мат. V Всерос. науч.-практич. конф. Пенза: РИО Пензенского гос. аграрного ун-та, 2019. С. 39–47.
- 8 *Вершинина А. А., Рыкова О. В.* Лингвокультурная специфика афоризмов об интеллектуальных качествах человека // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 227–232.
- 9 *Вольф Е. М.* Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. науч. тр. / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С. 15–32.
- 10 *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учеб. М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2000. 502 с.
- 11 *Глуханько Л. В.* Фразеологический подход к изучению афоризмов // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО. Мат. V Междунар. науч.-практич. онлайн-семинара (вебинара). Могилев: Изд-во Могилеского гос. пед. ун-та, 2019. С. 62–66.
- 12 *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики / авториз. пер. с польск. В. Ф. Конновой. М.: Прогресс, 1973. С. 213–214.
- 13 *Дубичинский В. В.* Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.
- 14 Жемчужины мысли. URL: <https://www.inpearls.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

- 15 *Кавацца А.* Семантика и функция афоризма «Победи себя и победишь мир» в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 3. С. 113–128.
- 16 *Королькова А. В.* Афористика: многообразие методологий исследования // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3 (47). С. 117–129.
- 17 *Лукьянова Н. А.* О семантике эмоционально-оценочных слов русского языка (неодушевленные существительные) // Семантическая структура слова. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1984. С. 69–88.
- 18 *Маринченко И. А., Васильева Е. В., Инполитова Е. С.* Приемы реализации языковой игры в афоризмах // Филологический аспект. 2020. № 4 (60). С. 78–86.
- 19 *Николаев Д. Д.* Русский сатирический афоризм 1905–1907-х гг.: поэтика и типология // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (198). С. 38–48.
- 20 *Пивоев В. М.* Ирония как эстетическая категория // Философские науки. 1982. № 4. С. 54–61.
- 21 *Твердохлеб О. Г.* Причастия в афоризмах // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 85–97.
- 22 *Твердохлеб О. Г.* Способы истолкования антропонимов в афористических определениях // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 82–91.
- 23 *Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И.* Афористика. М.: Наука, 1990. 415 с.
- 24 *Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 1990. 103 с.
- 25 *Хуонг Т. Т. Ч.* Реализация концепта «Судьба» во вьетнамских поговорках, фразеологизмах и афоризмах // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 20–23.
- 26 *Чекалина Т. В.* Специфика объективации концепта «Карьера» в паремиологическом и афористическом фонде современного французского языка // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Мат. IV Междунар. науч. конгресса / ред. Е. В. Полховская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 146–150.
- 27 *Яковлева И. Ю.* Композиционные особенности англоязычных афористических высказываний (на материале сборника К. Шатт encouragement for teachers) // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. 2019. № 9 (142). С. 216–222.
- 28 Aphorism.ru. URL: <https://aphorism.ru/theme> (дата обращения: 20.04.2020).
- 29 Citaty.info. URL: <https://citaty.info> (дата обращения: 20.04.2020).

© 2022. Olga G. Tverdokhlebo

SPECIFIC WAYS
OF IRONIC INTERPRETATION
OF ANTHROPONYMS IN APHORISMS

Abstract: The paper aims to describe the ways of interpreting anthroponyms in aphorisms constructed as a definition and similar in structure to a dictionary article. The

study reveals that in aphorisms-definitions, frequency anthroponyms (individual proper names), which are not included in the dictionaries of explanatory dictionaries, are used as heading units. A large illustrative material shows that within the explanatory part of the aphoristic definitions for the characteristic of anthroponyms, non-traditional ways of interpretation for lexicography are actively used. The author suggests a classification of methods of naive interpretations of anthroponyms depending on the semantics of the main word in the explanatory part: a) false-hieronymic; b) evaluative; c) hyponymic; d) repetitive-distinctive; e) formal-signal. The compositional and syntactic organization of the explanatory part is complicated by detailed definitions, which are expressed by different grammatical means; they are located in pre-and post-position in relation to the main word of the explanatory part; they add additional meaning, emotional tension and reflect the author's position. The results obtained may be of interest to specialists dealing with the issues of aphorism, onomastics and lexicography.

Keywords: aphorism, definition, dictionary entry, interpretation, anthroponym.

Information about the author: Olga G. Tverdokhleba — PhD in Philology, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., 19, 460844 Orenburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8309-0245>

E-mail: ogtwrd@gmail.com

Received: August 06, 2019

Approved after reviewing: January 12, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Tverdokhleba O. G. Specific Ways of Ironic Interpretation of Anthroponyms in Aphorisms. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 234–246. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-234-246>

REFERENCES

- 1 Arbatskii D. I. Osnovnye sposoby tolkovaniia znachenii slov [Main Ways of Interpretation of Word Meanings]. *Russkii iazyk v shkole*, 1970, no 3, pp. 26–31. (In Russian)
- 2 Arbatskii D. I. *Tolkovaniia znachenii slov. Semanticheskie opredeleniia* [Interpretation of Word Meanings. Semantic Definitions]. Izhevsk, Udmurtiia Publ., 1977. 100 p. (In Russian)
- 3 Aforizmy i vyskazyvaniia [Aphorisms and Sayings]. In: *Sait Glavnogo sledstvennogo upravleniia Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii po Krasnoiarskomu kraiu i Respublike Khakasiia* [Website of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia]. Available at: <https://krk.sledcom.ru/folder/8759701> (accessed 26 August 2022). (In Russian)
- 4 Bestuzhev-Lada I. Imia chelovecheskoe — ego proshloe, nastoiashchee i budushchee [The Human Name is its Past, Present and Future]. *Nauka i zhizn'*, 1968, no 7, pp. 20–25. (In Russian)
- 5 Borokhov E. *Entsiklopedii aforizmov (Mysl' v slove)* [Encyclopedia of Aphorisms (Thought in the Word)]. Moscow, AST Publ., 2000. 720 p. (In Russian)
- 6 Val'ter Kh., Mokienko V. M. *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian People]. St. Petersburg, Neva Publ., 2005. 574 p. (In Russian)

- 7 Veregitina I. V., Kornilov N. S. Krylatye izrecheniia Maksima Gor'kogo v voennoi aforistike perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Maxim Gorky's Catch-phrases in Military Aphoristics of the Great Patriotic War Period]. In: *Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual Issues of Theoretical and Applied Linguistics. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference]. Penza, Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2019, pp. 39–47. (In Russian)
- 8 Vershinina A. A., Rykova O. V. Lingvokul'turnaia spetsifika aforizmov ob intellektual'nykh kachestvakh cheloveka [Linguistic and Cultural Specificity of Aphorisms about Intellectual Qualities of a Person]. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2019, no 44, pp. 227–232. (In Russian)
- 9 Vol'f E. M. Sub"ektivnaia modal'nost' i semantika propozitsii [Subjective Modality and the Semantics of a Proposition]. In: *Pragmatika i problemy intensional'nosti: sbornik nauchnykh trudov* [Pragmatics and Issues of Intensionality. Collection of scientific works], ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Institut iazykoznanii AN SSSR Publ., 1988, pp. 15–32. (In Russian)
- 10 Vsevolodova M. V. *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka. Uchebnik* [Theory of Functional and Communicative Syntax. Fragment of the Applied (Pedagogical) Language Model. Textbook]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2000. 502 p. (In Russian)
- 11 Glukhan'ko L. V. Frazheologicheskii podkhod k izucheniiu aforizmov [Phraseological Approach to the Study of Aphorisms]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie predposylki podgotovki polilingval'nykh spetsialistov v UVO. Materialy V Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo onlain-seminara (vebinara)* [Theoretical and Practical Prerequisites for the Training of Multilingual Specialists in the Higher Education System. Proceedings of the V International Scientific and Practical Online Seminar (Webinar)]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2019, pp. 62–66. (In Russian)
- 12 Doroshevskii V. *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of Lexicology and Semiotics], authorized trans. from Polish V. F. Konnovoi. Moscow, Progress Publ., 1973, pp. 213–214. (In Russian)
- 13 Dubichinskii V. V. *Leksikografiia russkogo iazyka* [Lexicography of the Russian Language]. Moscow, Nauka: Flinta Publ., 2008 432 p. (In Russian)
- 14 *Zhemchuzhiny mysli* [Pearls of Thought]. Available at: <https://www.inpearls.ru> (accessed 20 April 2020). (In Russian)
- 15 Kavatsta A. Semantika i funktsiia aforizma “Pobedi sebia i pobedish' mir” v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo [Semantics and Function of the Aphorism “Conquer Yourself and You`ll Conquer the World” in the Works of F. M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no 3, pp. 113–128. (In Russian)
- 16 Korol'kova A. V. Aforistika: mnogoobrazie metodologii issledovaniia [Aphoristics: Variety of Research Methodologies]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no 3 (47), pp. 117–129. (In Russian)
- 17 Luk'ianova N. A. O semantike emotsional'no-otsenochnykh slov russkogo iazyka (neodushevlennye sushchestvitel'nye) [On the Semantics of Emotional and Evaluative Words of the Russian Language (Inanimate Nouns)]. In: *Semanticheskaiia struktura slova* [Semantic Structure of the Word]. Kemerovo, Kemerovskii universitet Publ., 1984, pp. 69–88. (In Russian)

- 18 Marinchenko I. A., Vasil'eva E. V., Ippolitova E. S. Priemy realizatsii iazykovoi igry v aforizmaxh [Methods of Implementing the Language Game in Aphorisms]. *Filologicheskii aspekt*, 2020, no 4 (60), pp. 78–86. (In Russian)
- 19 Nikolaev D. D. Russkii satiricheskii aforizm 1905–1907-kh gg.: poetika i tipologiiia [Russian Satirical Aphorism of the 1905–1907s: Poetics and Typology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no 1 (198), pp. 38–48. (In Russian)
- 20 Pivoev V. M. Ironiia kak esteticheskaia kategoriia [Irony as an Aesthetic Category]. *Filosofskie nauki*, 1982, no 4, pp. 54–61. (In Russian)
- 21 Tverdokhlebo O. G. Prichastiia v aforizmaxh [Participles in Aphorisms]. *Iazyk i kul'tura*, 2016, no 2 (34), pp. 85–97. (In Russian)
- 22 Tverdokhlebo O. G. Sposoby istolkovaniia antroponimov v aforisticheskikh opredeleniiaxh [Ways of Interpreting Anthroponyms in Aphoristic Definitions]. *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznaniiia i pedagogiki*, 2020, no 1, pp. 82–91. (In Russian)
- 23 Fedorenko N. T., Sokol'skaia L. I. *Aforistika*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 415 p. (In Russian)
- 24 Foniakova O. I. *Imia sobstvennoe v khudozhestvennom tekste. Uchebnoe posobie* [Proper Name in the artistic text. Textbook]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina Publ., 1990. 103 p. (In Russian)
- 25 Khuong T. T. Ch. Realizatsiia kontsepta “Sud'ba” vo v'etnamskikh paremiiaxh, frazeologizmaxh i aforizmaxh [Implementation of the Concept “Fate” in Vietnamese Paroemias, Phraseologisms and Aphorisms]. *Filologiiia i lingvistika*, 2019, no 1 (10), pp. 20–23. (In Russian)
- 26 Chekalina T. V. Spetsifika ob'ektivatsii kontsepta “Kar'era” v paremiologicheskome i aforisticheskome fonde sovremennogo frantsuzskogo iazyka [Specificity of Objectification of the Concept “Career” in the Paroimiological and Aphoristic Foundation of the Modern French Language]. In: *Inostrannaia filologiiia. Sotsial'naia i natsional'naia variativnost' iazyka i literatury. Materialy IV Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign Philology. Social and National Variability of Language and Literature. Proceedings of the IV International Scientific Congress], ed. by E. V. Polkhovskaia. Simferopol', IT “ARIAL” Publ., 2019, pp. 146–150. (In Russian)
- 27 Iakovleva I. Iu. Kompozitsionnye osobennosti angloiazychnykh aforisticheskikh vyskazyvanii (na materiale sbornika K. Shatt encouragement for teachers) [Compositional Features of English-language Aphoristic Utterances (Based on the Material of the Collection K. Shatt Encouragement for Teachers)]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no 9 (142), pp. 216–222. (In Russian)
- 28 *Aphorism.ru*. Available at: <https://aphorism.ru/theme> (accessed 20 April 2020). (In Russian)
- 29 *Citaty.info*. Available at: <https://citaty.info> (accessed 20 April 2020). (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-247-255>

УДК 811

ББК 81-3+85.32

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. В. Емельяненко

г. Люблин, Польша

ТЕРМИН-АССОЦИАЦИЯ-ОБРАЗ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Аннотация: В научной литературе бытует мнение о том, что термин — это нечто сознательно регулируемое человеком, но, как показывает практика, это не всегда так. Ярким примером данного феномена может послужить хореографическая терминологическая система. Объектом исследования являются хореографические термины в русском и польском языках. Цель — проведение сравнительного анализа с последующим выявлением общих и отличительных черт проявления влияния ассоциативно-образного мышления на терминологическую систему. Собранные термины были разделены на три условные группы: в первой группе оказались термины и понятия, общие для русского языка, с одинаковой славянской основой, во второй — свойственные только для данного языка термины, а в третью группу вошли термины, которые существуют в русском, но отсутствуют в польском языке. Как показывает данное исследование, хореографическое искусство и его терминологическая система находятся в неразрывной взаимосвязи между собой, а в терминах скрыт тайный смысл: какие ассоциации за ними стоят, таким и будет само искусство танца. При этом отсутствие четких терминов для определенных движений влечет за собой низкий уровень хореографического мастерства.

Ключевые слова: термин, хореография, мышление, ассоциация.

Информация об авторе: Виталий Викторович Емельяненко — аспирант, университет Марии Кюри-Склодовской, пл. Марии Кюри-Склодовской, д. 5, 20-031 г. Польша, Люблин.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5193-133X>

E-mail: ballet2008@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.09.2020

Дата одобрения рецензентами: 20.04.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Емельяненко В. В. Термин-ассоциация-образ в русском и польском языке на примере хореографического искусства // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 247–255.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-247-255>

Слова, термины, имена — это очи ума,
и без наименований различных порядков —
нет не только науки, но и восприятия.

П. Флоренский (1882–1937)

В ряде научных работ бытует мнение, что термин — это нечто сознательно регулируемое человеком, но, как показывает практика, это не всегда так. Достаточно часто на отдельные термины, понятия, а порою и целые терминологические системы имеют влияние исторические, культурологические, национальные и иные факторы, в том числе и ассоциативно-образное восприятие мира конкретного человека, определенной социально-профессиональной среды или даже целого народа. Ярким примером данного феномена может послужить хореографическая терминологическая система, которая находится в неразрывной связи с ассоциативно-образным восприятием движения(ий) человеческого тела с *движением (ями) окружающего мира*.

Объектом данного исследования является профессиональная хореографическая лексика, а точнее ее официальная составляющая, т. е. термины и понятия. Любую профессиональную лексику можно разделить на три составляющих: термины, профессионализмы и профессиональный жаргон, причем первые два, термины и профессионализмы, относятся к официальной составляющей. (Более подробно о данной классификации пишет в своих трудах современный болгарский ученый Илияна Генева-Пухалева [2]) При этом, утверждает исследователь, «терминология является ядром всякого специализированного языка»¹ [3, с. 14].

Каждой профессиональной среде присущ ряд своих терминов и понятий и в рамках своего терминологического поля термин является однозначным, но, по мнению профессора В. Даниленко, он является прежде всего простым словом и ничто языковое ему не чуждо. Термин — это единица языкового и специализированного пространства одновременно [4, с. 2–3]. В своих трудах ученый отмечает, что «терминология расценивается как подсистема общелитературного языка, т. е. терминология находится в пределах общелитературного языка, но на правах самостоятельного “сектора”» [4, с. 2–3]. Такое «административно-территориальное» положение терминологии обуславливает, с одной стороны, обязательность для нее общих тенденций развития общелитературного языка, с другой стороны, известную свободу, самостоятельность в развитии терминологии и даже возможность влияния ее на развитие общелитературного языка» [4, с. 11].

Цель исследования — провести анализ официальной профессиональной хореографической лексики в русском и польском языках в сравнительном аспекте, что позволит обнаружить общие и отличительные черты проявления ассоциативно-образного мышления в данных языках.

Предлагается использовать метод сравнительного анализа, в соответствии с его основными законами, т. е. исследованные языки будут рассмотрены как равноправные на основе конкретной сравнительной базы (*tertium comparationis*).

Известно, что история танца является ровесницей истории человечества, уходя своими корнями в глубокую древность первобытного общества, а современное профессиональное хореографическое искусство весьма разнообразно. Вершиной хореографического мастерства остается классический балет, следом за ним в танцевальной иерархии находится народно-сценический или характерный танец. Тем не менее с момента

¹ Пер. с болгарского — В. Емельяненко.

своего становления, как пластического отдельного вида искусства и до наших дней, всеми хореографами классического балета используются движения и рисунки танца, возникшие как язык коммуникации в глубокой древности. Через танец люди древности взаимодействовали с окружающим миром, выражали свои верования и отражали повседневный быт.

Во всем мире официально принята система хореографических терминов, которая возникла во Франции в XVII в., в основном путем реализации внутри французского языка, не без участия ассоциативно-образного восприятия, а самые первые термины имели итальянское происхождение и были общими для искусства музыки и танца (например *adagio*, *allegro*, *coda* и т. д.). Необходимо отметить, что при первом знакомстве с тем или иным движением и его французским наименованием в русской образовательной системе ставится акцент на дословный перевод каждого термина. Мягкий грациозный прыжок с открытием обеих ног в воздухе в *unagat* называется *pas de chat*, что дословно означает *шаг кошки*. Не трудно догадаться, что тело балерины при исполнении данного элемента напоминает кошку или по крайней мере должно напоминать кошку при правильном исполнении движения, т. е. налицо тайный, скрытый смысл того, какой должен быть пластический и эмоциональный посыл исполняемого элемента. Таких, можно сказать, *говорящих* терминов очень много во французской терминологии, а еще больше их встречается в славянских названиях определенных движений. И тут возникает вопрос о том, что все-таки первично: слово или жест — как начало движения, соответственно, как начало танца. Великая русская балерина Майя Плисецкая (1925–2015) говорила: «Вначале было слово, так считается. А я думаю, что вначале был жест, потому что жест понимают все, а слово не все» [5].

Французская терминология используется прежде всего в классическом танце, но также и в народно-сценическом, где существуют свои *национальные* движения, а соответственно, и их *национальные* названия-термины, в зависимости от страны или региона. С другой стороны, в классическом танце существуют национальные соответствия французских названий балетных движений. Например, *jete entrelece* в русском языке имеет второе название — *jete nepekидное*, это еще один феномен, присущий хореографической терминологии, — слияние русского и французского языка при образовании терминов. Рассмотрим этот термин с точки зрения ассоциативно-образного мышления, дословный перевод *entrelace* — «переплетать», но в русском терминологическом поле не случайно возникает его второе название — *неpekидное*, благодаря этому появляется иная динамика самого движения, что-то стремительно перекидывается (в реальности тело танцовщика), возникает ассоциация с перекасти-полем, т. е. с непрерывностью процесса, если движение исполняется легко, без напряжения. А если движение исполняется тяжело, тогда оно будет точно соответствовать французскому названию — *переплетению* ног. В польском языке имеется только французское название данного движения. Именно термины вне поля французской терминологии и представляют для нас наибольший интерес.

Необходимо отметить, что исследования хореографической лексики в сравнительном аспекте для славянских языков до сих пор не проводились, не считая обширного труда на эту тему балетного педагога Ванды Яковицкой, профессора Познаньской балетной школы (см.: [7]).

Можно предположить, что первые хореографические термины появились еще на Руси благодаря профессионализации искусства скоморохов.

Предлагаемые термины и профессионализмы не являются исчерпывающим собранием, представляя только самые распространенные и широко используемые.

Собранные термины разделены на три группы:

- 1 термины и понятия, общие для русского и польского языка с общей славянской основой;
- 2 понятия, обозначающие свои названия в русском и польском языке;
- 3 группа понятий, отсутствующих в польском языке, но используемых в русском языке (см. таблицы 1–3).

В первой группе (таблица 1) собраны термины и профессионализмы, которые являются общими для русского и польского языка и имеют общую корневую основу. С некоторой долей осторожности можно предположить, что в польском языке эти термины являются заимствованиями из русского, так как современная система хореографических терминов формировалась параллельно с самим хореографическим искусством, а современное искусство танца и его профессионализация произошла хронологически ранее в России, а потом уже в Польше.

Таблица 1
Table 1

РУССКИЙ	ПОЛЬСКИЙ / POLSKI
КЛЮЧ	KLUCZ
БЛИНЧИК	BLIŃCZYK
РАЗНОЖКА	RAZNÓŽKA
РЫБКА	RYBKA
ГОЛУБЕЦ	HOŁUBIEC
ГАЛОП	GALOP/CWAŁ
ВЫПАД	WYPAD
ПРИТОП	PRZYTÓP
ПРИПАДАНИЕ	PRZYPADANIE
ПРИСЯДКА	PRZYSIAD
ПОДСКОК	PODSKOK
СОСКОК	ZESKOK

Поддержка *рыбка* появилась в балете благодаря проникновению цирковых и акробатических элементов на балетную сцену, процесс этот происходил в несколько этапов именно в России, соответственно, сам танцевальный элемент *рыбка*, как и его название, впервые появилось в России и русском языке. Интересен и тот факт, что данный термин в оригинале широко используется и в не славянском языковом пространстве. Термин *блинчик* / *blińczyk* является калькой в польской терминологии, так как в польском языке такое слово отсутствует, а слово *блин* или *блинчик* переводится как *naleśnik*. Блинчиками называют определенные повороты, во время исполнения которых опорная нога танцовщика не поднимается на *полупальцы*, как при исполнении обычных *pirouettes*, а, наоборот, уверенно всей стопой прижимается к полу и сгибается в колене, отрываясь от пола исключительно для того, чтоб совершить поворот, рабочая нога при этом находится в положении *a la seconde*. Возможно, что данный элемент напоминает процесс выпекания блинов, а сам поворот является символом круга, так же как и блин является символом солнца, соответственно, круга. При анализе данного термина в русской и польской хореографической терминологической системе появляется вопрос так

называемой помощи слов-терминов во время процесса обучения хореографическому искусству: получается, что в русском языковом пространстве данный термин, впрочем как и многие другие, является не только каким-то абстрактным названием движения, а в определенной степени знаком, кодом, подсказкой того, как данный элемент должен исполняться, в то время как для польского языкового пространства хореографический термин *blińczyk* является иностранным словом, о значении которого польские танцовщицы могут только догадываться.

Термином *присядка* в русском языке может именоваться как отдельный элемент, так и целая комбинация движений, в то время как в польском языке данный термин обозначает только отдельный элемент.

Во второй группе терминов и профессионализмов (таблица 2) каждое понятие называется по-своему, но так же, как и в предыдущей группе, можно проследить процесс непосредственного перевода некоторых терминов на польский язык с русского, исключениями являются термины *веревочка / fryszka* и *поддержка / partnerowanie*.

Таблица 2
Table 2

РУССКИЙ	ПОЛЬСКИЙ / POLSKI
ВЕРЕВОЧКА	FRYSZKA
ЗАНОСКА	ZAKŁADKA
ПОДДЕРЖКА	PARTNEROWANIE
ПРЫЖОК	SKOK
ПОВОРОТ	OBRÓT
СТУЛЬЧИК	KRZESEŁKO

К сожалению, разгадать тайну происхождения польского термина *fryszka* так и не удалось, что является хорошей темой для дальнейших исследований, а вот термин *поддержка / partnerowanie*, относящийся к области дуэтного танца, имеет отличительную этимологию: в русском от глагола *держатъ / поддерживать*, а в польском — от заимствованного существительного *partner*, что в определенной степени указывает на стереотип отношения кавалера к даме: в русском языковом пространстве танцовщик является прежде всего тем, кто поддерживает балерину, в то время как в польском — танцовщик и танцовщица на сцене уравниваются, т. е. становятся партнерами.

К третьей группе (таблица 3) относятся термины и профессионализмы русской хореографической терминологической системы, которые не имеют своих соответствий в польском языке, при этом сами движения, которые они называют, встречаются не только в классической хореографии мирового наследия, но также широко используются в процессе обучения искусству танца во всем мире. Таким образом, например, когда в польской балетной школе изучается движение *ковырялочка*, педагог называет его примерно так: движение *поочередной смены положения стопы с пальцев на пятку с небольшим подскоком на опорной ноге*, т. е. использует описательный принцип именования движений. Не трудно догадаться, что данный подход именования движений, особенно в процессе обучения, является весьма неудобным, кроме того, в сознании ребенка, будущего артиста, не вызывает никаких эмоций и ассоциаций, соответственно, движение не может быть исполнено с правильной внутренней эмоциональной окра-

ской, что является одним из главных условий создания выразительного образа посредством хореографической пластики. Тут необходимо вспомнить и о собственном опыте работы балетном педагогом с польскими детьми дошкольного и школьного возраста; порой для того, чтоб добиться от ребенка необходимого результата, приходится придумывать на ходу название того или движения, именование которого отсутствует в польском языке, конечно же с соблюдением подбора правильных ассоциаций для детского мышления.

Таблица 3
Table 3

РУССКИЙ	ПОЛЬСКИЙ / POLSKI
КОВЫРЯЛОЧКА	_____
МОТАЛОЧКА	_____
МАЯТНИК	_____
ЩУЧКА	_____
ВЫСТУКИВАНИЕ	_____
ДРОБЬ/ДРОБУШКА	_____
ШТОПОР	_____
КАЧАЛОЧКА	_____
ГАРМОШКА	_____
ЕЛОЧКА	_____
ХЛОПУШКА	_____
КОЛЬЦО	_____
УПАДАНИЕ	_____
БЕГУНЕЦ	_____
ДОРОЖКА	_____
ПЛЕТЕНКА	_____
ВЫХИЛЯСНИК	_____
УГИНАНИЕ	_____
ТРИЛИСНИК	_____
ПОЛЗУНОК	_____
МЯЧИК	_____
ПОДСЕЧКА	_____
ПРИСЯДКА	_____
ВЫВОРОТНОСТЬ	_____

Обратим внимание на еще один термин из третьей группы — *упадание*. Существуют два довольно похожих движения в народно-сценическом танце, разница в исполнении между которыми основана на том, какая нога считается *ведущей*, *опорной* — *закрытая* или *открытая*, соответственно, первое называется *припадание*, а второе — *упадание*. Термин *припадание* относится к первой группе, так как имеет свое соответствие в польском языке, а производное движение и соответственно сам термин *упадание* присутствует только в русском и поэтому относится к третьей группе терминов.

Выводы

Подводя итог представленных выше разработок, необходимо отметить, что данное исследование не является исчерпывающим и таит в себе большое количество неразгаданных тайн хореографического языка двух славянских народов.

Особого внимания заслуживает диминутивная форма некоторых понятий, присутствующая обоим языкам, но более ярко выраженная в русском языке (*блинчик, рыбка, веревочка, ковчегочка* и т. д.). Прослеживается определенная тенденция использования диминутивов в терминологии для движений, не требующих большого пространства для исполнения, так называемые *партерные движения*, в то время как для названия движений, исполняемых в воздухе или требующих большого пространства, диминутив в основном не используется (*кольцо, подскок, прыжок, заноска*). Присутствие диминутивной формы в хореографических терминах и понятиях свидетельствует и о желании наделить хореографическую лексику определенной эмоциональной окраской, дарящей ласку, заботу, тепло — все то, что вызывает только положительные эмоции и безоговорочно находит отклик в душе как ребенка, ученика, так и профессионального танцовщика. Все эти *эмоции*, заложенные в языке, непременно будут «впитаны», «пропущены через голову и душу» (цитаты из высказываний балетных педагогов во время проведения уроков, репетиций, записанные В. Е.) и воплощены на сцене в танце посредством языка человеческого тела. Возвращаясь к высказыванию Майи Плисецкой о том, что вначале был жест, а потом слово, получается, что слово своему происхождению обязано жесту, тогда в нашей ситуации круг смыкается: благодаря слову рождается жест, т. е. танец, и каким будет слово, термин, наименование, таким будет и само искусство. Становится понятным, что в хореографической лексике термины перестают быть просто сухими наименованиями, как это зачастую происходит в других отраслях человеческой деятельности, где терминология не имеет никакого влияния на предметы, объекты, явления, которые она называет. В нашей ситуации термины берут на себя роль главных генераторов и являются соучастниками творения хореографического искусства. Хореографический термин можно сравнить с зерном, которое мы сажаем в землю (ухо ученика, танцовщика), из этого зерна вырастает дерево (хореографический текст), потом оно начинает цвести (балетный спектакль) и приносит плоды (непосредственное влияние на зрителя, его душевное состояние и, как следствие, на гармонизацию взаимоотношений между людьми).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ваганова А. Основы классического танца. М.; Л.: Искусство, 1963. 180 с.
- 2 Генов-Пухалева И. Терминологията на Европейския Съюз. Съпоставка на българската, гръцката, полската и английската терминология на правото на околната среда. К.: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2015. 229 с.
- 3 Даниленко В. Русская терминология: Опыт лингвистического анализа. М.: Наука, 1977. 248 с.
- 4 Обоймина Е. Майя Плисецкая. Богиня русского балета. М.: Алгоритм, 2017. 304 с.
- 5 Серебренников Н. Поддержка в дуэтном танце. Л.: Искусство, 1969. 135 с.
- 6 Яковичка В. О некоторых особенностях профессионального балетного словоупотребления в современном русском языке // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1978. Vol. 10. С. 35–41. URL: <https://bazhum.pl/bib/article/340840/> (дата обращения: 30.08.2022).

- 7 *Jakowicka W.* Балетная лексика в русском и польском языках. Р.: UAM, 1981. 163 с.

© 2022. Vitalii V. Emelianenkov
Lublin, Poland

TERM-ASSOCIATION-IMAGE
IN RUSSIAN AND POLISH
BY THE EXAMPLE OF CHOREOGRAPHIC ART

Abstract: There is an opinion found across the scientific literature that the term is something consciously regulated by a person, but as practice shows, this is not always the case. A choreographic terminological system may serve as a vivid example of this phenomenon. The present study focuses on choreographic terms in Russian and Polish aiming to conduct a comparative analysis with the subsequent identification of common and distinctive features of manifestation of the influence of associative-creative thinking on the terminological system. The collected terms were divided into three conditional groups: the first group included terms and concepts common to the Russian language with the same Slavic base, the terms that are unique only to a present language made into the second, while the third group contained terms that exist in Russian, but are absent in Polish. As the present study shows, choreographic art and its terminological system are inextricably linked, and since the secret meaning is hidden in its terms, what kind of associations will be found behind them, will determine the actual art of dance. At the same time, the author points out that the lack of clear terms for certain movements entails a low level of choreographic mastery.

Keywords: term, choreography, thinking, association.

Information about the author: Vitalii V. Emelianenkov — Postgraduate Student, Maria Curie-Skłodowska University, Maria Curie-Skłodowska Sq., 5, 20-031 Lublin, Poland.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5193-133X>
E-mail: ballet2008@mail.ru

Received: September 14, 2020

Approved after reviewing: April 20, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Emelianenkov V. V. Term-association-image in Russian and Polish by the Example of Choreographic Art. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 247–255. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-247-255>

REFERENCES

- 1 Vaganova A. *Osnovy klassicheskogo tantsa* [The Basics of Classical Dance]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1963. 180 p. (In Russian)
- 2 Genev-Pukhaleva I. *Terminologiiata na Evropeiskiiia S"iuz. S"postavka na b"lgarskata, gr"tskata, polskata i angliiskata terminologiiia na pravoto na okolnata sreda* [Terminology of European Union. Matching of Bulgarian, Greece, Polish and English Law Terminology of Environment]. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2015. 229 p. (In Bulgarian)

- 3 Danilenko V. *Russkaia terminologiya: Opyt lingvisticheskogo analiza* [Russian Terminology. Experience of Linguistic Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 248 p. (In Russian)
- 4 Oboimina E. *Maiia Plisetskaia. Boginia russkogo baleta* [Maya Plisetskaya. Goddess of Russian Ballet]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 304 p. (In Russian)
- 5 Serebrennikov N. *Podderzhka v duetnom tantse* [Support in a Duet Dance]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1969. 135 p. (In Russian)
- 6 Iakovitska V. O nekotorykh osobennostiakh professional'nogo baletnogo slovoupotrebleniia v sovremennom russkom iazyke [About some Features of Professional Ballet Word Usage in Modern Russian Language]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 1978, vol. 10, pp. 35–41. Available at: <https://bazhum.pl/bib/article/340840/> (Accessed 30 August 2022). (In Russian)
- 7 Jakowicka W. *Baletnaia leksika v russkom i pol'skom iazykakh* [Ballet Lexicon in Russian and Polish]. Poznań, UAM Publ., 1981. 163 p. (In Polish)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-256-268>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. В. Шаповалов
г. Москва, Россия

**РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ВОСКЛИЦАНИЯ
В СЛАВЯНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ
РУБЕЖА XI–XII ВВ. («ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»,
«ЧЕШСКАЯ ХРОНИКА», «ХРОНИКА ГАЛЛА АНОНИМА»)**

Аннотация: В статье рассматриваются риторические вопросы и восклицания в памятниках восточно- и западнославянской историографии рубежа XI–XII вв. Показано, что в «Повести временных лет» риторические вопросы и восклицания использованы для усиления оценки значимых для книжника фрагментов летописи, что служило целям формирования новой идеологии древнерусского государства. Сочетания в риторических фигурах оригинальных и заимствованных высказываний говорят об ориентации древнерусских летописцев по образцу Византии на библейскую риторическую традицию. Напротив, в западнославянских хрониках цитаты в риторических вопросах и восклицаниях практически отсутствуют. В «Чешской хронике» риторические фигуры часто сочетаются с различными выразительными средствами и могут относиться не только к содержанию, но и к форме повествования, в том числе находясь внутри фразы и являясь устойчивыми выражениями. Эти же особенности справедливы и в отношении «Хроники Галла Анонима», в которой риторические фигуры реже соотносятся с выразительными средствами, а их экспрессивный компонент проявляется более отчетливо. Делается вывод об актуализации субъективности повествования посредством риторических вопросов и восклицаний как общей черте рассматриваемых источников, что позволяет лучше понять мировоззрение и задачи создателей памятников средневекового историописания.

Ключевые слова: риторический вопрос, риторическое восклицание, Повесть временных лет, Чешская хроника, Хроника Галла Анонима.

Информация об авторе: Алексей Владимирович Шаповалов — аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, корп. 51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3230-3682>

E-mail: omeganom@yandex.ru

Дата поступления статьи: 31.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 20.03.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Шаповалов А. В. Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI–XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 256–268.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-256-268>

Риторические традиции Древней Руси XI–XII вв. складывались под влиянием византийской культуры главным образом в проповедях и похвальных словах (учительное и торжественное красноречие [19, с. 8–9]). С течением времени они проникали в памятники других жанров, в частности в послания, жития, хождения, летописи. Для изучения того, какие виды риторических фигур проникали в летописи и какие функции они при этом выполняли, представляется перспективным сопоставление древнерусских памятников и произведений других славянских историографических традиций. Это позволит увидеть, что в них принадлежит «общеславянскому слою», а что — отдельной литературной традиции [18, с. 20]. В литературе неоднократно отмечалось сходство древнерусских летописей и западнославянских хроник XI–XII вв. [4, с. 190–191, 199]. К таким произведениям относятся «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ), «Чешская хроника» (далее — ЧХ) и «Хроника Галла Анонима» (далее — ХГА), которые описывают синхронный период истории древних Польши, Чехии и Руси и лежат в основе историографии и национальных литератур своих народов. Эти памятники неоднократно изучались в сравнительном аспекте (исследователей интересовали конфессиональный и этнический компоненты содержания ХГА и ПВЛ [5, с. 345–363], случаи комментирования авторами ЧХ и ПВЛ «самого себя, своего собственного текста или его читателей» [11, с. 55], хронологическая точка отсчета национальной истории в ЧХ и ПВЛ [15, с. 182–183], сюжеты, мотивы и образы сказаний о первых правителях в ХГА, ЧХ и ПВЛ [20, с. 105–150]), однако сравнительного изучения риторических высказываний авторов этих текстов ранее не проводилось.

В древнерусском летописании часто встречаются такие риторические фигуры, как риторический вопрос (не требующее ответа суждение, которое облечено в форму вопроса) и риторическое восклицание (троп, основанный на эмоциональном переосмыслении содержания предложения)¹. Некоторые из них как проявления «азъ» летописца в ПВЛ рассмотрены О. В. Иванайнен [8, с. 437–443], однако в этой работе недостаточно внимания уделено источникам риторических фигур, их сочетанию друг с другом и с другими выразительными средствами. Настоящая работа посвящена сравнительному изучению риторических вопросов и восклицаний книжников² в текстах ПВЛ (по Ипатьевскому списку), ЧХ и ХГА.

В ПВЛ риторические вопросы книжники использовали с целью привлечь внимание читателя к фрагменту летописи (например, в полемике с приверженцами языче-

¹ Кроме риторического вопроса, выделяют медитативный вопрос (эмоционально оформленное размышление о сути явлений, не содержащее в себе ответа) и делиберативный вопрос (вопрос к самому себе, часто присутствующий во внутренней речи персонажей). Помимо риторического восклицания, различают риторическое обращение (направленное на привлечение внимания к адресату) и аверсию (обращение к заведомо отсутствующему адресату). Подробнее о различных видах риторических фигур и особенностях их употребления см.: [17].

² В работе не рассматриваются риторические вопросы и восклицания, включенные в прямую речь персонажей, так как они требуют отдельного изучения.

ства «волхвами»³: «кто оубо что рч чѣтъ ѡ творѣщихъ волшвныхъ дѣлѣ» [14, стб. 30 (912)]⁴ или молитвенного обращения к Богу (в этом случае риторический вопрос мог быть оформлен как прямая речь летописца: «Гси Иссе Хсе чѣто ти воздамъ ѡ всихъ таже ты въздасть намъ грѣшнымъ сущимъ» [14, стб. 103–104 (988)]). В риторических вопросах летописцы употребляли цитаты из Священного Писания, при этом само указание на цитату может присутствовать («и паки другыи проркъ рче кто тако Бѣ ѿемла грѣхы и престѹпага неправдѹ» [14, стб. 104 (988)] — [Мих 7: 18]) или отсутствовать («не любди братъ своего егоже видить Бѣ егоже не видить како можетъ любити» [14, стб. 195 (1078)] — [1 Ин 4: 20]). Это согласуется с ориентацией формирующейся книжной культуры Древней Руси на риторическую традицию Византии, для которой характерны «тончайшее варьирование и всесторонняя реализация изначально данных возможностей» [1, с. 263]. При повествовании о современных летописцу событиях риторические вопросы приобретают более выраженные субъективно-эмоциональные черты («не великихъ ли чѣтти достойни сѹтъ нашу жизнь хранѣще» [14, стб. 270 (1111)]) и могут свидетельствовать об образованности летописца («се оубо не ангѣлъ ли вожаше Ѡлександрѹ не поганъ ли повѣжаше и вси Ёлини кѹмирослѹжебници» [14, стб. 264 (1110)]). В последнем примере интересно, что в рассуждении о роли ангелов в Божьем промысле (проанализированном О. В. Иванайнен [8, с. 439–440]) летописец не просто сообщает о победах Александра Македонского, а использует риторический вопрос с целью дополнительно усилить правоту своей точки зрения.

Некоторые риторические восклицания в ПВЛ являются оригинальными высказываниями летописцев. С их помощью книжники выражали свою оценку («Ѡ злага лѣсть чловѣчьскага» [14, стб. 64 (980)], «не добро естъ престѹпати придѣла чюжаго» [14, стб. 173 (1073)]) или эмоцию («и выѣ тако» [14, стб. 23 (907)], «Колика ти радость» [14, стб. 104 (988)]). Подобные экспрессивные проявления нетипичны для средневековых памятников, в которых субъективное начало выражено слабо. Как отмечал С. С. Аверинцев, «в рамках любой традиционалистской культуры <...> не в чести спонтанные реакции на что бы то ни было» [1, с. 244]. Интересно восклицание, выражающее отношение летописца к значению Крещения Руси, которое приписано дьяволу («дѣволъ стѣнѣше глѣд оубы мнѣ тако ѿсюдѹ прогонимъ есмь» [14, стб. 102 (988)]). Как и риторические вопросы, риторические восклицания в ПВЛ могут являться цитатами, при этом факт их заимствования не оговаривается («велии бо Гсѣ и вельма крѣпость еѣ и разумѹ еѣо нѣс числа» [14, стб. 68 (980)] — [Пс 146: 5], «велии еси Гси чюднага дѣла твоя» [14, стб. 102 (988)] — [Откр 15: 3]). Это может быть связано с тем, что летописец полагал их известными своему читателю. Часто риторические восклицания в ПВЛ представляют собой молитвенные обращения («блгсѣнъ Гсѣ иже не дасть насъ в ловитьвѹ зѹбомъ имъ» [14, стб. 105 (988)], «Гси помилѹи» [14, стб. 202 (1091)], «Бѣ мои» [14, стб. 223 (1096)]), которые выражают традиционное для средневековья религиозное сознание⁵ их авторов. Некоторые из них, помимо этого, обозначают смысловую доминанту летописи («радисѣ Рѹское познаніе къ Бѹ начатокъ примиренію» [14, стб. 56 (969)], «хрѣстѹлюбивага застѹпника наша стрѣпца» [14, стб. 126 (1015)], «радѹисѣ ѿче нашъ и наставниче Федосии» [14, стб. 204 (1091)]). Для летописца эти

³ Об антихристианских выступлениях в Древней Руси см.: [12, с. 249–250].

⁴ Здесь и далее тексты источников цитируются по изданиям: ПВЛ — [14]; ЧХ — [10] (латинский текст — [21]); ХГА — [2] (латинский текст — [22]). В круглых скобках приведен год погодной записи (для ЧХ и ПВЛ), стихотворные строки выделены курсивом (для ЧХ и ХГА).

⁵ Подробнее о религиозном сознании Нестора Летописца см.: [7, с. 176–184].

фрагменты были важны как компоненты формирования новой идеологии — деятельности древнерусских книжников, которая на рубеже XI–XII вв. «не находит полных аналогов в активности духовенства других стран» [12, с. 255].

Риторические блоки (группы высказываний) являются не только проявлением индивидуального стиля и выражением идейной позиции автора [9, с. 35–38], но и средством достижения повышенного эмоционального воздействия на читателя (эффективность подобного стилистического приема отмечал ранее А. П. Сковородников [17, с. 270]). Особенностью ПВЛ является сочетание цитат друг с другом («се коль добро и коль красно же жити братома вкупѣ ... не вѣды дѣда глѣца что съ хвалиши ѡ злобѣ силне» [14, стб. 123 (1015)] — [Пс 132: 1, 51: 3]), а также цитат и собственных высказываний летописцев («доколѣ не насытитесь злобѣ вашихъ ... почто не здерьзастесь въ грѣсѣхъ вашихъ ... се во не поганьски живемъ ... то не поганьски ли есть се» [14, стб. 157–159 (1068)] — первые две фразы из [Мал 3: 5–14]). Сочетание цитат и оригинальных высказываний говорит о том, что древнерусские книжники воспринимали священные тексты как ориентир для собственных речений. Обращает на себя внимание использование риторических фигур для усиления отрицательной оценки книжником междоусобных войн киевских князей — одной из основных тем древнерусской ораторской прозы XII в. [19, с. 13–14]. Сочетаний риторических вопросов и восклицаний, не содержащих цитат, в ПВЛ немного («ѡмѣстыѣ примша ѡ Бѣ по правдѣ ... аще ли гата быста то по что глѣста тако не оумрети нама а ѡному мыслѣщю оубити га» [14, стб. 168 (1071)]). В этом отношении интересны рассуждения книжника о причинах поражения русских князей от половцев в 1093 г., в которых риторические фигуры усиливают дидактическое начало летописи («ѡ неизреченному члѣколюбью ... тмами любовь таже к намъ кдѣ во бѣ тогда оумиленье в насъ ... кдѣ бѣ в насъ оуздыханье» [14, стб. 215 (1093)], «да никто же дерзнетъ рещи тако ненавидми Бмѣ есмы кого во Бѣ тако любить такоже насъ оузлюбилъ есть кого во тако почтилъ есть такоже насъ прославилъ есть ꙗ възнеслъ есть никого же» [14, стб. 216 (1093)]). В приведенных примерах обращают на себя внимание немногочисленные повторы⁶ отдельных выражений («не поганьски», «кдѣ бѣ», «кого во тако ... такоже насъ»). Сочетания риторических фигур в ПВЛ отличают отнесенность к реальной ситуации древнерусской истории, а также ее оценка в традиционном для средневекового сознания провиденциальном ключе.

В ЧХ риторические вопросы относятся не только к содержанию повествования, но и к его форме. С их помощью Козьма Пражский выражает свою точку зрения на описываемые события («Что же удивительного?» [10, с. 30]⁷, «Что им было делать?» [10, с. 187 (1101), аналогичные высказывания с. 206 (1109), 241 (1125)]⁸) или объясняет отказ от подробного изложения событий («Зачем говорить об этом много?» [10, с. 60 (929)]⁹, «Следует ли об этом говорить?» [10, с. 221 (1116)]¹⁰). Это согласуется с наблюдением Г. Э. Санчука о том, что Козьма избегает пересказа других источников и несколько

⁶ И. П. Еремин отмечал, что в словах Кирилла Туровского (XII в.) повторяющиеся риторические вопросы или восклицания могут определять стилистический рисунок пространного фрагмента текста [6, с. 51–52].

⁷ «Quid mirum?» [21, p. 32]. Точность передачи риторических вопросов и восклицаний в русских переводах ЧХ и ХГА требует отдельного рассмотрения.

⁸ «Quid facerent?» [21, p. 108 (1101)], «Quid facerent?» [21, p. 117 (1109)], «Quid enim ageret?» [21, p. 132 (1125)].

⁹ «Quid multa?» [21, p. 46 (929)].

¹⁰ «Quid multa?» [21, p. 123 (1116)].

раз упоминает их [10, с. 13]. Подобный отказ от сообщений не характерен для ПВЛ. В ряде случаев риторические вопросы в ЧХ могут сочетаться со сравнением («Но какая беда может нанести больший вред, чем расположение врагов?» [10, с. 79 (999)]¹¹) или гиперболой («Но разве какие-либо башни, пусть самые высокие, или какие-либо стены, пусть самые прочные, могут противостоять любви и удержать того, кто любит?» [10, с. 91 (1021)]¹²). Это свидетельствует о хорошем знакомстве Козьмы с памятниками латинской литературы [10, с. 14–15]. Особенностью ЧХ является использование риторических вопросов для соединения повествовательных фрагментов хроники («что же дальше?» [10, с. 42, 46, 169 (1092)]¹³, «И что же?» [10, с. 84 (1002)]¹⁴, «Что же далее?» [10, с. 108 (1039)]¹⁵, «Что добавить еще?» [10, с. 122 (1055)]¹⁶, «Что же еще?» [10, с. 132 (1067), 144 (1074), 161 (1091)]¹⁷, «Что же затем?» [10, с. 138 (1073)]¹⁸). В приведенных примерах Козьма использует одни и те же высказывания (см. латинские выражения в сносках 13–18), что позволяет говорить об их формульности.

Риторические восклицания в ЧХ часто передают непосредственную реакцию Козьмы на описываемые события. Такие восклицания преимущественно краткие («Увы!» [10, с. 49]¹⁹, «О, изменчивая судьба!» [10, с. 116 (1041)]²⁰), некоторые из них могут встречаться внутри фразы («о суровая судьба человека» [10, с. 37]²¹, «о, страшная судьба!» [10, с. 75 (995)]²², «о, это предчувствие князя!» [10, с. 79 (999)]²³, «о, позорное деяние!» [10, с. 81 (1000)]²⁴). Молитвенных обращений в ЧХ существенно меньше, чем в ПВЛ («О, Иисусе, преблагий господи!» [10, с. 209 (1109)]²⁵). При повествовании о современных событиях риторические восклицания Козьмы становятся более разнообразными. Они могут состоять из двух высказываний («О, злой разум, о, негодная душа!» [10, с. 80 (999)]²⁶, «О, сколь неразумен был он в своей мудрости, сколь смел в своей смелости!» [10, с. 193 (1107)]²⁷), сочетаться с различными выразительными средствами²⁸, такими, как сравнение («О, сколько денег в тот день было отнято у несчастных евреев! Столько богатства не было вынесено из горящей Трои на Эвбейский берег» [10, с. 177 (1098)]²⁹) или гипербола («Ах, сколько деревень, сколько домов в подградье, сколько хижин и церквей увлекла она (*Влтава*. — *А. III.*) своим течением!» [10, с. 223

¹¹ «Sed quae pestis nocentior quam familiares inimici?» [21, p. 56 (999)].

¹² «Sed quae turres, quamvis altissimae, aut quae moenia firmissima amori resistere et amantem possunt excludere?» [21, p. 62 (1021)].

¹³ «Quid tamen?» [21, p. 37], «Quid plura?» [21, p. 39], «Quid multa?» [21, p. 101 (1092)].

¹⁴ «Quid multa?» [21, p. 59 (1002)].

¹⁵ «Quid multa?» [21, p. 70 (1039)].

¹⁶ «Quid plura?» [21, p. 76 (1055)].

¹⁷ «Quid multa?» [21, p. 81 (1067)], «Quid multa?» [21, p. 88 (1074)], «Quid multa?» [21, p. 97 (1091)].

¹⁸ «Quid tum?» [21, p. 85 (1073)].

¹⁹ «Ah!» [21, p. 40].

²⁰ «O fors fortuna!» [21, p. 73 (1041)].

²¹ «heu dira conditio humana!» [21, p. 35].

²² «heu dira condicio» [21, p. 54 (995)].

²³ «hah mens praesaga ducis!» [21, p. 56 (999)].

²⁴ «o indignum facinus» [21, p. 57 (1000)].

²⁵ «O Iesu, bone Domine!» [21, p. 118 (1109)].

²⁶ «Ah mala mens, malus animus!» [21, p. 57 (999)].

²⁷ «O stulta sapientia viri, immo audax audacia ducis!» [21, p. 111 (1107)].

²⁸ О средневековом учении о тропах и фигурах см. [3, с. 136–137].

²⁹ «O quantum pecuniae eis miseris Iudeis illa die est sublatum, nec ex succensia Troia tantum diviciarum in Euboyco littore fuit collatum» [21, p. 104 (1098)].

(1118)]³⁰). Использование в риторических восклицаниях различных выразительных средств говорит о высоком уровне образования чешского хрониста³¹.

Сочетания риторических фигур в ЧХ также достаточно разнообразны. Козьма Пражский часто употребляет два вопроса или два восклицания («Что же может сделать тело без головы? Что могут сделать без князя воины в битве?» [10, с. 51]³², «О, сколь удивительна милость божья! О, сколь непостижим суд его!» [10, с. 64 (967)]³³, «Зачем же я мешкаю с рассказом, излагая многие подробности? Почему я не излагаю быстрее то, что произошло тотчас же?» [10, с. 211 (1110)]³⁴), а также сочетает риторические вопрос с риторическим восклицанием («Нужно ли об этом говорить еще? Увы!» [10, с. 35]³⁵, «О, непреоборимая жажда золота! Куда девалось могущественное право Римской империи?» [10, с. 81 (1000)]³⁶, «Сколь удивительна благосклонность князя, а еще более достойна удивления его уступчивость <...> Скажи мне, слышал ли кто-либо, чтобы так кто-нибудь поступил?» [10, с. 222 (1117)]³⁷). Серия риторических вопросов и восклицаний в ЧХ может представлять собой самостоятельное авторское рассуждение, что нехарактерно для ПВЛ. Таково повествование о призвании чешского князя Пржемысла, первого из династии Пржемысловичей («И кто бы мог подумать, что они призовут себе в князья человека от плуга? И кто бы мог знать, где пашет тот, кто станет правителем народа? Или не ведает ничего восторг прорицания? Или разве есть что-либо такое, чего не смогло бы свершить волшебство магии? <...> И что же во всем этом удивительного? А какие чудеса творили с помощью своего искусства жрецы в Египте? Ведь с помощью своих чар они творили такие чудеса, каких не мог свершить с помощью бога даже слуга божий — Моисей!» [10, с. 39]³⁸). Рассуждение Козьмы, состоящее из риторических вопросов и восклицаний, содержится и при повествовании об оказавшемся под стражей князе Святополке [10, с. 194–195 (1107)]³⁹. Третья (последняя) книга ЧХ содержит рассуждение Козьмы о своем труде, в котором чередуются риторические вопросы и восклицания («Не пора ли мне бросить у берега якорь, или мне следует, пока бушуют ветры, натянуть паруса и устремиться в открытое море теперь? О, советчик мой, Муза, о друг мой, теперь что же ты посоветуешь мне? <...> О, если бы бог вернул мне, 80-летнему, прошедшие годы, — то время, когда ты, Муза, достаточно позабавилась со мной у магистра Франка в Лютихе, на ниве грамматики и диалектики! О, Муза! Благословенная и любезная к юношам, всегда стыдливая и никогда не стареющая, зачем же ты опять призываешь меня, старика? Зачем ты возбуждаешь

³⁰ «ah! quot villas, quot in hoc suburbio domus, casas et ecclesias suo impetu rapuit!» [21, p. 124 (1118)].

³¹ Об ориентации Козьмы Пражского на латинские и библейские образцы см. [13, с. 12–13].

³² «Quid facerent membra sine capite, aut milites in praelio sine duce?» [21, p. 41].

³³ «O mira Dei clemencia! O quam incomprehensibilia eius sunt iudicia!» [21, p. 48 (967)].

³⁴ «Quid multis moror? Cur non cicius quod sine mora factum est eloquor?» [21, p. 119 (1110)].

³⁵ «Quid plura? Proh dolor!» [21, p. 34].

³⁶ «O invictissima fames auri! ubi est potentissimum ius Romani imperii?» [21, p. 57 (1000)].

³⁷ «O mira ducis benignitas, sed magis admiranda aequanimitas, quem nec secularis delectat dignitas, nec contristat posita honoris sublimitas! <...> Talia quis unquam, audivit, dic rogo, facta?» [21, p. 123–124 (1117)].

³⁸ «Quis enim crederet quod de aratro sibi ducem praerogarent? Aut quis sciret, ubi araret qui rector populi fieret? Quid enim phitonicus furor nescit? Aut quid est, quod magica ars non efficit? <...> Quid mirum? Quanta egerunt artibus suis magi in Aegypto? qui pene totidem mira carminibus suis fecerunt, quot Dei famulus Moyses ex virtute Dei exhibuisse perhibetur» [21, p. 36].

³⁹ См.: [21, p. 112 (1107)].

мою отупевшую мысль? <...> О, Софистика, ты наука бодливая и желанная для тех, кто любит силлогизмы!» [10, с. 237–238 (1125)]⁴⁰. Приведенный фрагмент интересен не только автобиографическими упоминаниями, но и чертами изысканности, экспрессивности, субъективности — особенностями стиля, которые отличали Козьму от его продолжателей⁴¹ и последующих хронистов.

В ХГА риторические фигуры встречаются несколько реже, чем в ЧХ. Риторические вопросы Галла присутствуют в предисловиях к каждой из трех книг хроники. В предисловиях к первой и второй книгам Галл рассуждает о труде историографа, причем говорит о себе в третьем лице («Но что мешает располагающему временем читателю слушать то, о чем с трудом может найти сведения историк?» [2, с. 45]⁴², «Но зачем немой пытается говорить о красноречивых и зачем ребенок, обладающий малым разумом, пытается вникнуть в такие глубокие исследования?» [2, с. 64]⁴³). Это согласуется с желанием Галла остаться неизвестным (текст хроники не содержит упоминаний имени автора или сообщений о событиях его жизни [2, с. 5–6]). В предисловии к третьей книге хронист очерчивает круг тем и говорит, что о некоторых из них он не будет рассказывать («Что мне вспоминать об Александре Великом, об Антиохе, о царях Мидии и Персии или о языческих тиранах?» [2, с. 107]⁴⁴). В основном тексте хроники риторические вопросы Галла также немногочисленны. Они могут относиться к конкретной ситуации (что позволяет говорить о проявлении субъективности в этих случаях: «кто может понять величие бога?» [2, с. 29]⁴⁵, «Но почему же ты, бедный клирик, скрываешься и не решаешься признаться, что это ты вздохнул?» [2, с. 57]⁴⁶, «Какое решение принять, что делать, куда бежать?!» [2, с. 100–101]⁴⁷) или присутствовать в рассуждениях по поводу способа изложения событий («Что же мы медлим?» [2, с. 29, 131]⁴⁸, «Но зачем забегать вперед?» [2, с. 32]⁴⁹, «Но что мы об этом так много говорим?» [2, с. 45]⁵⁰, «Но что же однако?» [2, с. 53]⁵¹, «Что же далее?» [2, с. 62, 109]⁵²). В последнем случае использование сходных выражений позволяет говорить о топике риторических вопросов в ХГА (см. цитаты в сносках 48–52), число которых, однако, меньше, чем в ЧХ.

Риторические восклицания Галла присутствуют в предисловии ко второй книге хроники. Они обращены к лицам, которым Галл посвящает свой труд («О, великие

⁴⁰ «*utrum ibi figam littori anchoram, an etiam Nunc furentibus euris in altum carbasa tendam / Consule formosa mea doctricis nunc mihi Musa <...> O si mihi iam octogenario praeteritos Deus referat annos, quibus olim Leodii sub Francone magistro tum grammaticae tum dialecticae artis in viretus pratis mecum lusisti satis! O nimium amabilis iuvenibus et suavis, semper pudica, sed nunquam vetula, cur me repetis senem? Cur hebetem incites mentem? <...> O sophistica cornupeta, ultro viris syllogisticis appetenda <...>*» [21, p. 130–131 (1125)].

⁴¹ К продолжателям Козьмы Пражского относят магистра Гервазия, Сазавского монаха и неизвестного переписчика, подробнее см.: [16, с. 259–261].

⁴² «*Sed quid nocet ociosis lectoribus hoc audire, quod vix potest cum labore hystoriographus invenire*» [22, p. 64].

⁴³ «*Sed cur mutus fari nititur de facundis, vel ingenii puer parvi cur implicat se tam profundis*» [22, p. 112].

⁴⁴ «*Quid de Alexandro Magno, quid de Antiocho, quid de Medorum atque Persarum regibus, quid de tyrannis barbarorum memorarem*» [22, p. 212].

⁴⁵ «*quis valet Dei magnalia cogitare*» [22, p. 20].

⁴⁶ «*Sed cur miser clericelle latitas? Cur indicare gemuisse te dubitas?*» [22, p. 94].

⁴⁷ «*Quid consilii caperent, vel quid agerent, vel quo fugerent?*» [22, p. 196].

⁴⁸ «*Quid moramur?*» [22, p. 20], «*Quid multis moramur?*» [22, p. 266].

⁴⁹ «*Sed cur rota currum praecurrit?*» [22, p. 32].

⁵⁰ «*Quid multis moramur?*» [22, p. 64].

⁵¹ «*Sed quid tamen?*» [22, p. 84].

⁵² «*Quid plura?*» [22, p. 108], «*Sed quid plura?*» [22, p. 218].

святые отцы!» [2, с. 64]⁵³), и содержат просьбу о покровительстве (в том числе в стихотворном эпилоге «*Так прочтите ж в помощь нам это сочинение: / Будут многие хвалить нас, если вы поможете!*» [2, с. 65]⁵⁴). Как отмечал М. Л. Гаспаров, в средневековой переписке вступительное обращение являлось «главным знаком иерархических отношений» [3, с. 104]. Приведенные восклицания Галла Анонима не только подчеркивают эту иерархичность, но и усиливают экспрессию вступления ко второй книге хроники. В основном тексте ХГА риторические восклицания Галл употребляет с целью прославить деяния князя («О великое благородство и совершенство Болеслава <...>!» [2, с. 39]⁵⁵) или подчеркнуть свою точку зрения на описываемые события («Он это сделал!» [2, с. 123]⁵⁶, Збигнев «постоянно будет сожалеть о том, что так поступил!» [2, с. 133–134]⁵⁷). Последнее представляется существенным, поскольку, как отмечала Л. М. Попова, свое мнение Галл «редко выражает открыто», но «косвенно дает понять читателю свое одобрение или осуждение» [2, с. 17]. Как и Козьма Пражский, Галл Аноним практически не использует цитаты в риторических вопросах и восклицаниях.

Сочетания риторических фигур Галл Аноним употребляет преимущественно по отношению к польским князьям. Таково повествование о Болеславе I (Храбром, 967–1025) — правителе, время жизни которого наиболее удалено от времени написания хроники. Галл несколько идеализирует деяния Болеслава I, для чего использует сочетания риторических вопросов и восклицаний, а также гиперболизацию и противопоставление («Кто же способен достойно рассказать о его славных подвигах или битвах с соседними народами, не говоря уже о том, чтобы описать это и передать потомству? <...> Кто, как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их вплоть до Дуная захватил, под свою власть? <...> Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими народами, которых, как известно, он как бы попирает ногами?» [2, с. 33]⁵⁸, «*Горе, горе, Болеслав наш! Где же слава рыцаря? / Доблесть где, где честь твоя, щедрость где великая? <...> Вместе нынче восклицайте: "Горе всем сегодня нам! <...> Болеслав, ты нас зачем покидаешь, батюшка? / И господь как допустил, чтобы ты представился? / Почему господь не дал умереть нам, грешникам?"*» [2, с. 48]⁵⁹). Примечательно, что прославляющие Болеслава I фрагменты в ХГА относятся к началу и к концу повествования о нем. Употребление риторических вопросов и восклицаний не только в прозаических, но и в стихотворных фрагментах свидетельствует об образованности и высоком культурном уровне хрониста. В повествовании о Болеславе III (Кривоустом, 1086–1138), деяниям которого посвящены вторая и третья книги ХГА, сочетания риторических вопросов и восклицаний присутствуют в разных фрагментах хроники («*Равного ему по силе и на свете не было! / Кто на битву с нашим князем двинуться осмелится? <...> / Миром-то король при нем пользовался ж Венгрии! / О делах расскажешь*

⁵³ «Magni patres» [22, p. 114].

⁵⁴ «Nobis astate, nobis hoc opus recitate / Per vos, si vultis, opus est laudabile multis» [22, p. 114].

⁵⁵ «O magna discrecio magna que perfeccio Bolezlai» [22, p. 50].

⁵⁶ «Utique fecit» [22, p. 248].

⁵⁷ «semperque se fecisse penitebit» [22, p. 272].

⁵⁸ «Quis enim eius gesta fortia vel certamina contra populos circumquaque commissa digne valeat enarrare, nedum etiam scriptis memorialibus commendare <...> Numquid non ipse Vngaros frequencius in certamine superavit, totamque terram eorum usque Danubium suo dominio mancipavit <...> Quid igitur est necesse victorias et triumphos de gentibus incredulis nominatim recitasse, quas constat eum quasi sub pedibus conclasse» [22, p. 30–32].

⁵⁹ «Heu, heu Bolezlaue, ubi tua gloria, / Ubi virtus, ubi decus, ubi rerum copia? <...> Heu, heu Bolezlaue, cur nos pater deseris, / Deus talem virum umquam mori cur permiseris, / Cur non prius nobis unam simul mortem dederis» [22, p. 70–72].

разве славных Болеслава всех?» [2, с. 110]⁶⁰, «сколько милости оказал он беднякам! Сколько чудесных драгоценностей возложил на церковные алтари!» [2, с. 137]⁶¹). Это согласуется с наблюдением Л. М. Поповой о том, что «вся хроника проникнута мыслью о необходимости сильной княжеской власти» [2, с. 14], что характерно для средневекового жанра деяний (*res gestae*). С другими целями сочетания риторических фигур Галл использует существенно реже («Что же? Будем ли обвинять Збигнева и извинять Болеслава?» [2, с. 134]⁶²). На этом фоне сочетание риторических вопросов и восклицаний в молитвенном обращении к мученику Лаврентию выглядит в ХГА как частный эпизод («Великий мученик Лаврентий! Помилуй народ мой, заслуживший помощь твою! Что же теперь делать христианам? Куда им обратиться? <...> Великомученик Лаврентий! Возьми силу у народа наступающего!» [2, с. 111]⁶³).

Подводя итог, следует отметить, что риторические вопросы и восклицания в памятниках славянского исторического повествования рубежа XI–XII вв. встречаются эпизодически. К целям их употребления следует отнести экспрессивное выражение книжником своего отношения к описываемым событиям для воздействия на читателя, а также следование литературной традиции. Отметим мысль книжников о необходимости сильной княжеской власти, которая является одной из основных тем при использовании сочетаний риторических вопросов и восклицаний в ПВЛ, ЧХ и ХГА. Вместе с тем для каждого памятника можно выделить свои особенности употребления риторических фигур. Если в ПВЛ и ХГА количество риторических вопросов и риторических восклицаний примерно одинаково (16 / 18 и 28 / 21), то в ЧХ риторических вопросов в два раза больше, чем риторических восклицаний (32 / 16). Это говорит о том, что Козьма Пражский уделял большее внимание вопрошанию читателя, чем выражению своей точки зрения, и согласуется с более пространством характером риторических фигур в ЧХ, что снижает их экспрессивную нагрузку. Особенностью ЧХ и ХГА является употребление книжниками в качестве риторических вопросов и восклицаний одних и тех же выражений (что позволяет говорить об их топике), а также использование риторических фигур в стихотворных фрагментах и их сочетание с различными выразительными средствами (эпитетом, сравнением, гиперболой). Эти черты нехарактерны для ПВЛ, в которой количество риторических вопросов и восклицаний несколько меньше, они часто являются библейскими цитатами и сочетаются с собственными высказываниями летописцев. Подобное различие может быть связано с тем, что к рубежу XI–XII вв. на латинском языке было создано множество текстов, содержащих различные риторические фигуры, в то время как письменная форма языка и книжная традиция в Древней Руси еще только формировались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 488 с.
- 2 Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / вступ. ст., пер. и коммент. Л. М. Поповой; под. ред. В. Д. Королюка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.

⁶⁰ «*Non est hostis tanto duci congredi qui valeat / Et qui parem profiteri sese palam audeat, / Vngarorum rex per eum consistit pacificus / Non est tempus, quanta fecit, enarrandi singular*» [22, p. 220].

⁶¹ «*quantas elemosinas in pauperibus erogavit, quanta per ecclesiam et in altaribus ornamenta presentavit*» [22, p. 278].

⁶² «*Quid ergo? Accusamus Zbigneum et excusamus Bolezlauum?*» [22, p. 274].

⁶³ «*Martir Laurenti, populo succurre merenti! / Quid nunc faciant christiani, quo se vertant <...> / Martir Laurenti, populo vim tolle furenti!*» [22, p. 222].

- 3 *Гаспаров М. Л.* Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. С. 91–169.
- 4 *Гимон Т. В., Гунпиус А. А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья: сб. ст. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174–200.
- 5 *Дмитриев М. В.* Конфессиональные и этнические компоненты «стратегий различения» в Повести временных лет и Хронике Галла Анонима // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2007. Вып. 21. С. 345–363.
- 6 *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18. С. 50–58.
- 7 *Живов В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 170–186.
- 8 *Иванайнен О. В.* «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2017. Вып. 16–17. С. 389–582.
- 9 *Канафьева А. В.* Риторическое высказывание: формы, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 49 с.
- 10 *Козьма Пражский.* Чешская хроника / вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука; под. ред. Л. В. Разумовской, В. С. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
- 11 *Комендова Й.* Историографический метатекст в «Повести временных лет» и «Чешской хронике» Козьмы Пражского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 55.
- 12 *Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н.* Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. С. 235–262.
- 13 *Мельников Г. П., Петрухин В. Я.* Чешское «язычество» и «Славянские древности»: чешская средневековая традиция // Славяноведение. 2020. № 2. С. 11–17.
- 14 Полное собрание русских летописей. 5-е изд. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. 937 стб.
- 15 *Ранчин А. М.* Оппозиция «природа — культура» в историософии Повести временных лет // Натура и культура: Славянский мир. М.: Изд-во Ин-та славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 180–190.
- 16 *Регель В. Э.* О хронике Козьмы Пражского // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. С. 221–261.
- 17 *Сковородников А. П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. 480 с.
- 18 *Топоров В. Н.* Предыстория литератур у славян: Опыт реконструкции. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 320 с.
- 19 *Черторицкая Т. В.* Ораторское искусство Древней Руси // Сокровища древнерусской литературы. Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987. С. 5–30.
- 20 *Щавелев А. С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.

- 21 Cosmae Chronica Boemorum. Ed. R. Koepeke // MGH Scriptores. 1851. Т. IX. P. 1–132.
- 22 Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / trans. and annotated by P. W. Knoll and F. Schaer with a preface by Th. N. Bisson. Budapest: Central European University Press, 2003. 318 p.

© 2022. Alexey V. Shapovalov
Moscow, Russia

**RHETORICAL QUESTIONS AND EXCLAMATIONS
IN SLAVIC HISTORICAL NARRATION OF THE 11–12 CENTURIES
("RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE", "CHRONICA BOEMORUM",
"GESTA PRINCIPUM POLONORUM")**

Abstract: The paper addresses rhetorical questions and exclamations in East and West Slavic historical narration of 11–12 centuries, showing that in the Russian Primary Chronicle rhetorical questions and exclamations were used to strengthen the assessment of the chronicle fragments for new ideology formation of the Ancient Rus'. The combinations of original and borrowed statements in the rhetorical figures indicate the orientation of the Old Russian chroniclers following the Byzantine pattern to the biblical rhetorical tradition. On the contrary, there are practically no quotations in rhetorical questions and exclamations in the West Slavic chronicles. Thus in the Chronica Bohemorum rhetorical figures are often combined with various expressive means and can relate not only to the content, but also to the form of the narrative, including being inside the phrase and being stable expressions. The same features are true for the Gesta Principum Polonorum, in which rhetorical figures are less often correlated with expressive means, and their expressive component is more clearly manifested. The author comes to the conclusion, that actualization of narrative subjectivity by means of rhetorical questions and exclamations is a common feature of the sources under consideration, that allows better understanding the worldview and tasks of medieval history scribes.

Keywords: Rhetorical Question, Rhetorical Exclamation, Russian Primary Chronicle, Chronica Boemorum, Gesta Principum Polonorum.

Information about the author: Alexey V. Shapovalov — Graduate Student, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bldg 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3230-3682>

E-mail: omeganom@yandex.ru

Recieved: July 31, 2021

Approved after reviewing: March 20, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Shapovalov A. V. Rhetorical Questions and Exclamations in Slavic Historical Narration of 11–12 Centuries ("Russian Primary Chronicle", "Chronica Boemorum", "Gesta Principum Polonorum"). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 256–268. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-256-268>

REFERENCES

- 1 Averintsev S. S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the Origin of the European literary Tradition]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 488 p. (In Russian)
- 2 Gall Anonim. *Khronika i deianiia kniazei ili pravitelei pol'skikh* [Chronicle and Deeds of the Princes or Rulers of Poland], introd., trans. and comm. L. M. Popova; ed. by V. D. Koroliuk. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 172 p. (In Russian)
- 3 Gasparov M. L. Srednevekove latinskie poetiki v sisteme srednevekovo grammatiki i ritoriki [Medieval Latin Poetics in the System of Medieval Grammar and Rhetoric]. In: *Problemy literaturnoi teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e* [Issues of Literary Theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 91–169. (In Russian)
- 4 Gimón T. V., Gippius A. A. Russkoe letopisanie v svete tipologicheskikh parallelei (k postanovke problemy) [Russian Chronicles in a View of Typological Analogies (Articulation of the Issue)]. In: *Zhanry i formy v pis'mennoi kul'ture srednevekov'ia* [Genres and Forms in Writing Culture of Middle Ages]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 174–200. (In Russian)
- 5 Dmitriev M. V. Konfessional'nye i etnicheskie komponenty "strategii razlicheniia" v Povesti vremennykh let i Khronike Galla Anonima [Confessional and Ethnic Components of the "strategies of differentiation" in the "Primary Chronicle" and in the Chronicle by Gallus Anonymus]. In: *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time: Intellectual History Review]. Moscow, IWI RAS Publ., 2007, vol. 21, pp. 345–363. (In Russian)
- 6 Eremin I. P. Oratorskoe iskusstvo Kirilla Turovskogo [Kirill of Turov's Oratorical Art]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 1962, vol. 18, pp. 50–58. (In Russian)
- 7 Zhivov V. M. Ob etnicheskom i religioznom samosoznanii Nestora Letopistsa [About the Ethnic and Religious Identity of Nestor the Chronicler]. In: *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2002, pp. 170–186. (In Russian)
- 8 Ivanainen O. V. "Az'" letopistsa v "Povesti vremennykh let", ego varianty I sposoby vyrazheniia ["I" of Scriber in Russian Primary Chronicle, its Variants and Expression Ways]. In: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], 2017, issue 16–17, pp. 389–582. (In Russian)
- 9 Kanaf'eva A. V. *Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funktsii* [Rhetorical Utterance (Forms, Semantics, Functions): DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2011. 49 p. (In Russian)
- 10 Koz'ma Prazhskii. *Cheshskaia khronika* [Chronica Boemorum], introd., trans. and comm. by G. E. Sanchuk; ed. by L. V. Razumovskaia, V. S. Sokolov. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 296 p. (In Russian)
- 11 Komendova I. Istoriograficheskii metatekst v "Povesti vremennykh let" i "Cheshskoi khronike" Koz'my Prazhskogo [Historiographical Metatext in "Russian Primary Chronicle" and "Chronica Boemorum" by Cosmas Pragensis]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2017, no 3 (69), p. 55. (In Russian)
- 12 Litavrin G. G., Floria B. N. Obshchee i osobennoe v protsesse khristianizatsii stran regiona i Drevnei Rusi [Common and Special in the Process of Christianization of the Countries of the Region and Old Rus']. In: *Priniatie khristianstva narodami*

- Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy i kreshchenie Rusi* [Christianization by the Nations of Central and Southeastern Europe and the Baptism of Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 235–262. (In Russian)
- 13 Mel'nikov G. P., Petrukhin V. Ia. Cheshskoe “iazychestvo” i “Slavianskie drevnosti”: cheshskaia srednevekovaia traditsiia [Czech “Paganism” and “Slavic Antiquities”: Czech Medieval Tradition]. *Slavianovedenie*, 2020, no 2, pp. 11–17. (In Russian)
- 14 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. 5th ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1998. Vol. II: Ipat'evskaia letopis' [Hypation Chronicle]. 937 col. (In Russian)
- 15 Ranchin A. M. Oppozitsiia “priroda — kul'tura” v istoriosofii Povesti vremennykh let [Contraposition “nature — culture” in Historiosophy of Russian Primary Chronicle]. In: *Natura i kul'tura: Slavianskii mir* [Nature and Culture: Slavic World]. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies RAS Publ., 1997, pp. 180–190. (In Russian)
- 16 Regel' V. E. O khronike Koz'my Prazhskago [About the Chronicle of Kozma of Prague]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1890, part 270, pp. 221–261. (In Russian)
- 17 Skovorodnikov A. P. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrizitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Reference Dictionary. Expressive Means of Russian Language, Speech Mistakes and Flows]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 480 p. (In Russian)
- 18 Toporov V. N. *Predystoriia literatur u slavian: Opyt rekonstruktsii* [Background of Literatures among the Slavs: Reconstruction Experience]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1998. 320 p. (In Russian)
- 19 Chertoritskaia T. V. Oratorskoe iskusstvo Drevnei Rusi [Oratory Art of the Ancient Rus']. In: *Sokrovishcha drevnerusskoi literatury. Krasnorechie Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [Treasures of Old Russian literature. Eloquence of the Ancient Rus' (11–17 centuries)]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1987, pp. 5–30. (In Russian)
- 20 Shchhavelev A. S. *Slavianskie legendy o pervykh kniaz'iakh: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelei vlasti u slavian* [Slavic Legends about First Princes: Comparative-historic Study of Power Models among the Slavs]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007. 272 p. (In Russian)
- 21 Cosmae Chronica Boemorum, ed. by R. Koepke. In: *MGH Scriptores*, 1851, vol. 9, pp. 1–132. (In Latin)
- 22 *Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles*, trans. and annotated by P. W. Knoll and F. Schaer with introd. by Th. N. Bisson. Budapest, Central European University Press, 2003. 318 p. (In English)

Искусствоведение
History of Arts

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-269-278>

УДК 7.03

ББК 85(2)4

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. Н. Громов

г. Москва, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00261 А

Аннотация: Древнерусское искусство во многом типологически схоже с древнерусской философией. Поэтому рассмотрение древнерусского искусства, с философской точки зрения, имеет определенное методологическое значение. Древнерусские тексты можно условно разделить на три группы по степени насыщенности их философско-эстетическим содержанием. Первую группу образуют наиболее серьезные книги, включая «Источник знания» Иоанна Дамаскина, «Диоптру» Филиппа Пустынника, «Логику Авиасафа» и ряд других. Во вторую группу, наиболее многочисленную, входят произведения митрополита Илариона, Максима Грека, Кирилла Туровского, некоторые апокрифы и иные сочинения. В третью группу входят памятники деловой письменности. Произведения второй группы требуют тщательного текстологического изучения. Кроме памятников письменности, важно рассмотрение невербальных источников: памятников живописи, архитектуры, мелкой пластики. В целом, все они дают общее представление о древнерусском искусстве.

Ключевые слова: древнерусское искусство, древнерусская философия, группы источников, лингвистический анализ, комплексное изучение.

Информация об авторе: Михаил Николаевич Громов — доктор философских наук, Институт философии Российской академии наук, Гончарная ул., д. 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия.

E-mail: gromov@iph.ras.ru

Дата поступления статьи: 07.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 12.09.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Громов М. Н. Методология изучения древнерусского искусства и культуры // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 269–278.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-269-278>

Древнерусское искусство во многом типологически схоже с древнерусской философией, потому их совместное рассмотрение является важной методологической задачей целостного изучения древнерусской культуры. В обширном массиве переводных, общеславянских и оригинальных памятников древнерусской письменности можно условно обозначить три группы источников по степени насыщенности их философско-эстетическим содержанием.

Первую образуют тексты с ярко выраженной философско-эстетической проблематикой: сочинения Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита, «Диоптра» Филиппа Пустынника, некоторые статьи «Изборника 1073 г.», сборники типа «Пчелы», «Логика Авиасафа», ряд сочинений Максима Грека, Нила Сорского, Юрия Крижанича и другие подобные им источники.

Ко второй группе можно отнести произведения художественно-символической и морально-назидательной направленностью, сочинения публицистического характера, космологические, естественнонаучные, лексикографические и иные тексты, непосредственно примыкающие к философской литературе и содержащие серьезные размышления о мире и человеке: творения отцов церкви, беседы и толкования на библейские книги, многие произведения агиографического жанра, «Шестодневы», ряд летописных статей, «Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Поучение» Владимира Мономаха, слова Кирилла Туровского, некоторые апокрифы, ряд сочинений Иосифа Волоцкого, Зиновия Отенского, Симеона Полоцкого и множество иных источников.

Что касается текстов со сложным содержанием, составляющих третью группу источников, — деловая письменность, юридические акты, служебники, уставы, грамоты на бересте, граффити и т. п., — то и они могут представить интерес в качестве возможного объекта лингвистического анализа (впрочем, даже в этих источниках порою встречаются вкрапления философского характера: глубокомысленные сентенции, выдержки из богословской литературы, косвенные свидетельства об особенностях мышления, ценные данные о важных культурно-исторических событиях).

В рамках первой группы следует прежде всего выделить сочинения представителя поздней патристики Иоанна Дамаскина, пользовавшегося наибольшим авторитетом в области философского знания. Его фундаментальный труд «Источник знания» (Πηγή γνώσεως) включает три части: «Философские главы» (часто называемые «Диалектика»), «О ересях» и «Точное изложение православной веры» («Богословие», или «Небеса»). «Диалектика» является сугубо философским трактатом, созданным в духе перипатетической традиции; «Богословие» содержит главы с онтологическим и гносеологическим содержанием, а в сочинении «О ересях» описываются различные религиозные и философские школы, в том числе платоники, стоики, эпикурейцы, гностики [4].

При обращении к творениям Дамаскина невольно возникает вопрос: можно ли сочинения византийского автора считать источником по русской культуре? Думается, что можно. Ибо, во-первых, понятия, принципы, рассуждения Дамаскина формировали сам стиль древнерусского мышления, а его сочинения служили образцом для подражания; во-вторых, следуя средневековому литературному этикету, не поощрявшему выставление своего имени на первый план, древнерусские авторы, мысля уже самостоятельно, надписывали свои размышления именем почитаемого авторитета; наконец, в-третьих, внимательный анализ списков «Диалектики» и ее фрагментов, включенных в различные сборники, показывает, что первоначальный текст не только дополнялся маргинальными глоссами, но творчески дорабатывался и видоизменялся (так, в XVI в.

митрополит Даниил создал трактат «О философии внимамай разумно, да не погресиши» на основе III главы «Диалектики»).

Конечно же, византийский мыслитель никоим образом не может считаться древнерусским, а его тексты, написанные на греческом языке, — памятниками отечественной философии. Но славянский перевод «Источника знания» и других творений Дамаскина — уже явление общеславянской и древнерусской культуры, и потому многочисленные списки сочинений Дамаскина, их фрагменты, интерпретации, дополнения и реминисценции, содержащиеся в древнерусских рукописях, могут с полным основанием считаться источниками по истории отечественной мысли. Это справедливо по отношению к другим переводным сочинениям.

В 1371 г. сербский инок Исая перевел на славянский язык свод сочинений, приписываемый Дионисию Ареопагиту, с комментариями Максима Исповедника [10, с. 351]. В 1675 г. инок московского Чудова монастыря Евфимий сделал новый перевод корпуса сочинений Ареопагита. В XVIII в. был сделан еще один перевод части Ареопагитик. Сохранились десятки рукописей с сочинениями Дионисия Ареопагита, древнейшими из которых являются сербская конца XIV в. (РНБ. Гильфердинг. № 46) и выполненная рукой митрополита Киприана рукопись рубежа XIV–XV вв. (РГБ. МДА фонд. № 144). Ареопагитики состоят из книг «О небесной иерархии», «О божественных именах», «О церковном священноначалии», «О таинственном богословии» и 10 посланий к разным адресатам; они являются одним из важнейших философских источников всего европейского Средневековья.

К концу XIV в. также на Балканах была переведена «Диоптра» Филиппа Пустычника, византийского автора XI в. Вскоре она широко распространилась в славянских странах. Известно свыше 50 греческих и 160 славянских ее списков. «Диоптра» состоит из трех предисловий (Михаила Пселла, Константина Ивеста, самого Филиппа), плача инока к душе своей и диалога души и плоти, разделенного на пять частей. Данный источник представляет наиболее обширное и содержательное в древнерусской письменности сочинение, созданное в духе философской антропологии. «Диоптру» Филиппа Пустычника следует отличать от так называемой польской «Диоптры», памятника с аналогичным названием, издававшегося печатно [2]. В древнерусской среде вместо греческого названия иногда употреблялось славянское наименование «Зерцало».

Одной из самых распространенных с древности форм философствования была афористическая. В славяно-русской традиции она представлена переводами византийских сборников изречений. Ценнейшим источником в этом отношении является «Пчела». Сборник сентенций, притчей, нравоучительных эпизодов под аналогичным греческим названием Μέλισσα составлен в XI в. монахом Антонием путем объединения антологии античных авторов Иоанна Стобейского (V в.) и собрания высказываний христианских авторитетов Максима Исповедника (VII в.). С одной из сокращенных византийских редакций был сделан в конце XII – начале XIII в. перевод на русский. В славянской письменности М. Н. Сперанский выделяет четыре редакции: русскую, сербскую, болгарскую и названную им «русской 1599 г.». Последнюю точнее было бы назвать украинской, ибо она переведена с печатного издания К. Геснера (Цюрих, 1546) в Дерманском на Волыни монастыре, где работал просветительский кружок под покровительством князя Константина Острожского.

Описание источников первой группы хотя и требует кропотливого труда, но принципиальных затруднений не вызывает. В противоположность этому наиболее многочисленные источники второй группы для выявления в них философско-эстетиче-

ского содержания нуждаются в более тщательном текстологическом, терминологическом и собственно философском анализе.

Для атрибуции древнерусских текстов как источников философско-эстетического порядка необходим пересмотр традиционной их квалификации. В силу синкретичности средневекового сознания и иной системы жанров одни и те же тексты могут одновременно служить источниками разного порядка. Например, обстоятельно изученная «Повесть временных лет» может квалифицироваться не только как историческая хроника, по своим регистрирующим особенностям близкая к научнообразным сочинениям, не только как литературное произведение, отразившее народные предания и творческий вымысел ее составителей. Эта летопись, как многие другие, является многосоставным и многослойным источником, ценным в различных отношениях, в том числе философском.

В «Речи философа», статьях о казнях Божиих и небесных знамениях отчетливо проступает философия истории в средневековом ее понимании; в повествовании о деяниях языческих волхвов показывается отличный от христианского тип мировоззрения; упоминается о деятельности гностиков Симона и Менандра; есть статья о неопифагореце Аполлонии Тианском, «яко неистов на ся философеску хитрость имуще». В летописи можно выделить этические, эстетические, гносеологические и иные имеющие отношение к философии воззрения. Внимательный просмотр и анализ летописных, агиографических, эпистолярных, гимнографических, учительных, проповеднических творений древнерусской письменности может дать много ценной в философском отношении информации.

Квалификация источников как философско-эстетических требует серьезного изучения их содержания. Это можно проследить на примере творчества одного из крупнейших русских средневековых мыслителей Максима Грека. В обширном наследии Максима есть немало произведений с философским содержанием. Следует отметить антиастрологические («Слово противу тщащихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком»), полемические («Словеса супротивна по Иоанну Лодовику», где он выступает против ряда интерпретаций испанским гуманистом Вивесом сочинения Августина «De civitate Dei»), политические (послания Василию III, Ивану IV), догматические («Исповедание православна веры») и иные сочинения афонца. Особо следует выделить его «Беседу души и ума» и «Беседует ум к душе своей», написанные в жанре философского диалога.

Творения Максима Грека весьма насыщены философскими идеями, но эти идеи находятся в контексте самого разного характера, что требует внимательного изучения источника, название которого может не соответствовать ожидаемому содержанию. Например, статья «О пришельцах философех» [12] в действительности сообщает о приходящих учителях словесности, знания которых по греческому языку надо проверять с помощью составленных Максимом стихов (это своего рода квалификационный тест, один из первых в отечественной педагогике), в то же время статья, условно называемая «О грамматике» (Творения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника. Рукопись второй половины XVII в. ГИМ. Синод. № 107/54. Л. 132–133 об.), посвящена важной проблеме соотношения грамматики, понимаемой в широком смысле как учение о языке, и собственно философии. Здесь говорится о том, что античные мыслители создали особый язык для выражения сложных философских понятий, что большого труда стоит овладеть развитой эллинской речью, но без этого невозможно познание мудрости. Грамматика является преддверием философии. Эти мысли изла-

гаются также в более пространным «Беседовании о пользе грамматики», вошедшем в «Граматику» Мелетия Смотрицкого [8].

Кроме самого текста Священного Писания, к разряду философской и околофилософской литературы можно отнести многочисленные комментаторские, толковые, экзегетические, полемические и иные сочинения, начавшие складываться еще в период апологетики и ранней патристики. К необъятному кругу источников данной тематики следует причислить также апокрифические произведения, противостоящие каноническим, но входящие в общий цикл сочинений, сложившихся вокруг Библии. Одним словом, этот фундаментальный базис общечеловеческой цивилизации и европейской культуры должен быть непременно учтен в исследованиях по древнерусской философии.

Среди памятников письменности Древней Руси тексты с библейской тематикой занимают доминирующее положение. Их возвышенная духовность придавала всей древнерусской культуре серьезный философско-мировоззренческий характер, побуждала стремиться не к суетному, но вечному, не к мелкому, но великому, не к поверхностному, но сокровенному. В этом смысле средневековая литература гораздо философичней современной по своему духу, настрою, интенциональности. Любой, даже самый обыденный сюжет она рассматривала через призму непреходящих духовных ценностей. Весь спектр человеческих интересов подчинялся примату высших сакральных устремлений.

Обилие текстов данной группы общеизвестно. Заметим лишь, что существовали и специальные подборки назидательно-философского содержания. К их числу можно отнести сборник XVII в. (ГИМ. Син. № 17/251), содержащий Притчи и Премудрость Соломона, Песнь песней и Книгу Иова полностью, а Екклесиаст и Премудрость Иисуса сына Сирахова частично, но в достаточно полной мере. О подчеркнутом премудростном характере сборника свидетельствуют выделенные киноварью подзаголовки, в частности на л. 65 об. — «Премудрости похваление».

Весьма ценную группу источников составляют лексикографические памятники, в которых отразился процесс формирования отвлеченной лексики и становления абстрактного мышления. Петербургский филолог и лингвист Л. С. Ковтун, заметив, что «философские термины с древнейших времен начали уже устанавливаться в нашем языке» [6], выделяет четыре направления в русской средневековой лексикографии XIII–XVII вв.: 1) словари-ономастиконы; 2) словари символики (приточки); 3) словари славянорусские; 4) словари-разговорники. Особенно насыщены философскими сведениями Азбуковники, содержащие в основном тексте и разнообразных приложениях не только объяснения терминов, категорий, выражений философско-богословского характера из греческого, латинского, других европейских и восточных языков, но и определения философии, извлечения из творений Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Максима Грека, сведения о мыслителях прошлого, истолкования многозначных символов и множество иной информации [5]. Большое количество списков Азбуковников, наличие различных редакций с объемом от нескольких сот до 5,5 тыс. статей, сложность состава представляют значительные трудности в их описании, изучении и публикации, однако они остаются одним из перспективных источников во многих отношениях, в том числе философском.

Третью группу источников составляют все остальные тексты, не вошедшие в две первые. Но и в этих, казалось бы, совершенно далеких от мудрости источниках можно выявить информацию философско-эстетического характера. Так, в изданных известным историком, членом-корреспондентом РАН Я. Н. Шаповым древнерусских уставах

содержится немало ценных сведений о политической структуре феодального общества, сословных отношениях, особенностях мировоззрения, культурных традициях [13].

Или возьмем юридический памятник «Мерило праведное». Кроме «Русской Правды» Ярослава Мудрого и «Устава» Владимира Всеволодовича, он содержит выписки из библейских книг, «Пчелы», «Лествицы», творений Феодорита, Епифания Кипрского, Василия Великого, Афанасия Александрийского и других сочинений на темы власти, правды, клеветы, судов праведных и неправедных [9]. Столь же насыщены философскими идеями некоторые памятники медицинской литературы, содержащие извлечения из «любомудрых философов», статью «Галиново на Ипократа», «Problemata Aristotelis» и т. п.

Подобные примеры лишней раз напоминают о том, что нельзя механически переносить современные представления о соотношении философии и других отраслей знания на их действительную взаимосвязь в прошлом, когда недостаток рафинированно выделенной чисто философской литературы компенсировался широким распространением философских по своей сути идей, образов, символов и концепций в самых различных источниках, отразив тем самым рассредоточенное бытование философского-эстетического знания в общем контексте средневековой культуры.

Что касается источников абсолютно нефилософского плана, таких, как, положим, памятники деловой письменности, то они могут представить интерес в плане философско-лингвистического анализа. Состав лексики, наличие терминов отвлеченного характера, логическая и смысловая упорядоченность текста, отразившиеся в языке причинно-следственные связи, даже орфография, палеографические особенности источника могут дать определенную информацию об уровне и особенностях древнерусского мышления. Ведь скоропись XVII в. отличается от устава и полуустава предшествующих эпох так же, как мышление человека, стоящего накануне Нового времени, от традиционного мировосприятия человека раннего и зрелого Средневековья. Стиль барокко имел не только внешнюю эстетическую форму, но и свой мировоззренческий смысл, свое видение мира, что отразилось, в том числе, в памятниках литературы [7].

Атрибуция древнерусских рукописей как философских источников представляется сложным и трудоемким делом, ибо она требует хорошего знания памятников письменности, с одной стороны, и владения методологией философского анализа — с другой. Однако изучение средневековых текстов в этом аспекте представляется настоятельно необходимым. Оно не только обогатит наши представления об отечественной философии феодального периода, но и поможет глубже понять мировоззренческие основы древнерусской культуры в целом, в том числе древнерусского искусства.

К вербальным источникам по древнерусской мысли следует также отнести печатные книги XVI–XVII вв. В них публиковались как переводные сочинения с философской тематикой (творения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника и др.), так и произведения отечественных авторов (Максима Грека, Симеона Полоцкого, патриархов Иосифа и Иоакима и др.). В описании А. С. Зерновой учтена 501 книга, изданная в Москве, и 2 изданные патриархом Никоном в Иверском монастыре на Валдае («Рай мысленный» и «Брашно духовное») [3]. Если же к этим книгам добавить произведения различного жанра, издававшиеся в Киеве, Львове, Остроге и многих других местах, то перед нами предстанет значительный массив книгопечатной продукции в более чем 1000 наименований, преимущественно высокого духовного содержания со значительным философским элементом.

Старопечатные книги представляют особую категорию источника, отличающегося от рукописных книг. Они носят унифицированный характер, представляют собой

переходную форму от рукописной традиции к массовой печатной продукции Нового времени. Однако и они требуют индивидуального просмотра отдельных экземпляров, ибо в них могут присутствовать разнообразные заметки, глоссы, высказывания и дополнения текста. Например, «Требник иноческий», изданный в Москве в 1639 г. на Печатном дворе, содержит немало записей на полях, акцентирующих содержание: «зри», «разумно» и т. д. (экземпляр НБ МГУ. Шифр 50 qa 557).

Диапазон этого вида источников весьма широк: начиная с анонимных изданий московского «Апостола», первой печатной русской Библии, называемой Острожской, которую издал Иван Федоров в 1581 г., включая многочисленные издания отцов церкви, богослужебной литературы, переводов не только с греческого, но и с латыни (как, например, опубликованная в Молдавии в 1647 г. в Дельском православном монастыре книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу») и кончая публикациями конца XVII в. многих украинских, белорусских и русских авторов, которые имели хождение в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Следует выделить активную издательскую деятельность белорусского ученого монаха, писателя и просветителя Симеона Полоцкого [11]. Заняв при дворе царя Алексея Михайловича привилегированное положение в качестве наставника его детей и главного идеолога московского самодержавия, он издал несколько своих книг, которые являются ценным источником по истории отечественного философского знания и которые, к сожалению, не привлекли достаточного внимания представителей историко-философской науки.

Философскую мысль Древней Руси нельзя постигнуть, обращаясь только к вербальным источникам — текстам самого разнообразного содержания. Мудростью было пропитано в целом все бытие и сознание людей, потому ее отражение прослеживается в неисчерпаемом обилии следов человеческой деятельности, в разнообразии и множественности сохранившихся памятников культуры.

Данный тезис не следует вульгаризировать, представляя дело так, что буквально все виды деятельности и все продукты творчества относятся к философии. Речь идет о повсеместном присутствии философского элемента в контексте культуры и о разной степени его концентрации в зависимости от рода деятельности. Не все было мудростью, но всюду была мудрость. Положим, в духовной культуре, особенно в сфере этического или религиозного сознания, философский элемент присутствовал в несравненно большей степени, чем в политической или экономической практике. В литературном творчестве он выражен сильнее, нежели в деловой переписке или нормативных актах. В аскетическом самоуглублении монашествующих он ощущается несравненно глубже, чем в хозяйственной деятельности крестьянина.

Особенностью философского сознания в средневековом обществе вообще и древнерусском в частности было то, что оно, не выделившись в обособленную сферу созерцательной замкнутой деятельности, рассредоточилось во всем живом социальном организме. Это относится не только к философии в целом, но и, например, к эстетике как ее части. Как теоретической, четко выделившейся, обособленной, с докторами наук и специальными научными подразделениями, ее, разумеется, не было. Но сам эстетический элемент наполнял жизнь древнерусского общества не в меньшей, а даже в большей степени, нежели в современном обществе. Он был неотделим от устного и письменного народного творчества, архитектуры и культовой практики, яркой образной речи и облика древнерусских городов. Даже крестьянский дом и быт городских и сельских жителей, даже одежда стрельцов и монахов, даже крепостные сооружения,

свадебный или погребальный обряды — буквально все несло на себе печать высокого эстетического сознания и развитой художественной деятельности.

При этом существовала, преимущественно в имплицитной форме, но также и в виде переводных (статья «О образах» Георгия Хировоска в составе «Изборника 1073 г.») и оригинальных (трактаты Иосифа Владимировича и Симона Ушакова) профессиональных сочинений собственно древнерусская эстетика, понимаемая как теоретическое отражение художественного творчества, осмысление его на уровне категорий и концепций [1].

В целом практическая, творческая, активная сторона эстетической и философской деятельности на Руси была не ниже, а выше, нежели мы наблюдаем сейчас, хотя в теоретическом, спекулятивном, созерцательном отношении современная эстетика и философия более репрезентативны. Но что для общества лучше: иметь прекрасную архитектуру при слабом развитии архитектурной теории или груды книг по зодчеству и безликие города? Иметь активное воздействие мудрости на все сферы жизни при отсутствии профессиональных философов или обилие дипломированных философов в массе соответствующих учреждений наряду со слабым воздействием философии на все виды практики? С горечью отмечать низкий статус некогда почетного звания мудреца, которое присваивалось не бюрократическими инстанциями, но вырабатывалось общественным мнением зачастую вопреки официальным установкам?

Не доводя столь противоположные тезисы до взаимоисключения, все же следует учитывать их при оценке специфики и характера как культуры в целом, так и философии в качестве квинтэссенции интеллектуального развития на каждой его стадии. Тогда лучше будут поняты древнерусская и современная философская мысль и философствование как таковое. Важно трезво и объективно осмыслить ту ситуацию, при которой философская деятельность сконцентрирована в руках ограниченного круга профессионалов за счет ослабления ее позиций во всех остальных видах творчества как характерную черту современного бытия философии, имеющую не только определенные достоинства, но и существенные потери. Вследствие своей профессионализации и обособления философия во многом утратила активные позиции в обществе и стала походить на схоластическую «игру в бисер», по выражению Германа Гессе, что является общечеловеческой современной проблемой.

Но вернемся к древнерусской мудрости, точнее, к невербальным источникам с философским содержанием. Начнем с анализа самого массового вида художественной деятельности, органически связанного со всей жизнью людей и служащего основой синтеза искусств — архитектуры. На первый взгляд философия и архитектура могут представиться совершенно изолированными видами творческой деятельности, особенно современному сциентистскому мышлению, ограниченному шорами узкопрофессиональной ориентации. Однако многие мыслители, архитекторы, деятели культуры, стремящиеся охватить мир в целом, рассматривающие развитие цивилизации как единый созидательный процесс, приходили к идеям об общих точках соприкосновения, неслучайной близости и взаимном обогащении философской и архитектурной мысли в течение многих веков и тысячелетий их параллельного существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бычков В. В. Эстетическое сознание Древней Руси // Бычков В. В. Духовно-эстетические основы русской иконы. М.: Изд-во Института философии РАН, 2008.
- 2 Диоптра в переводе игумена Виталия. Кутейн. М.: Сибирская Благовонница, 2018. 576 с.

- 3 *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв. Сводный каталог. М.: [б. и.], 1958. 150 с.
- 4 *Иоанн Дамаскин* Источник знания. М.: РИПОЛ Классик, 2017. 592 с.
- 5 *Карпов А.* Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1877. 285 с.
- 6 *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. СПб.: Изд-во АН СССР [Ленингр. отд-ние], 1963. 445 с.
- 7 *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. СПб.: Наука, 1998. С. 165–214.
- 8 *Мелетий Смотрицкий* Грамматика. М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2000. 526 с.
- 9 Мерило праведное по рукописи XIV века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 698 с.
- 10 *Прохоров Г. М.* Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе. (Проблемы и задачи изучения). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 854 с.
- 11 Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / подгот. В. К. Былинин, В. П. Гребенюк, О. А. Державина и др.; под ред. А. Н. Робинсона. М.: Наука, 1982. 352 с.
- 12 Сочинения пр. Максима Грека. Иваново: Роцца, 2015. С. 286–288.
- 13 *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 239 с.

© 2022. Mikhail N. Gromov
Moscow, Russia

METHODOLOGY OF THE STUDY OF ANCIENT RUSSIAN ART AND CULTURE

Acknowledgements: The research is carried out with support of the grant 19-012-00261 A.

Annotation: Old Russian art and Old Russian philosophy have many similar typological features. Therefore, the consideration of ancient Russian art, from a philosophical point of view, has a certain methodological significance. Old Russian texts can be divided into three groups according to the degree of saturation of their philosophical and aesthetic content. The first group consists of the most serious books, including: “The source of knowledge” by John of Damascus, “Dioptra” by Philip the Hermit, “The logic of Aviasaph” and a number of others. The second group, the most numerous, includes the works of Metropolitan Hilarion, Maxim the Greek, Cyril of Turov, some Apocrypha and other works. The third group includes monuments of business writing. The works of the second group require careful textual study. In addition to monuments of writing, it is important to consider non-verbal sources: monuments of painting, architecture, and small plastic art. In the whole, all of them provide a general yet clear overview of the Old Russian art.

Keywords: Old Russian Art, Old Russian Philosophy, Groups of Sources, Linguistic Analysis, Complex Study.

Information about the author: Mikhail N. Gromov — DSc in Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St., 12, p. 1, 109240 Moscow, Russia.

E-mail: gromov@iph.ras.ru

Received: July 07, 2021

Approved after reviewing: September 12, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Gromov M. N. Methodology of the Study of Ancient Russian Art and Culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 269–278. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-269-278>

REFERENCES

- 1 Bychkov V. V. Esteticheskoe soznanie Drevnei Rusi [Aesthetic Consciousness of the Ancient Rus']. In: Bychkov V. V. *Dukhovno-esteticheskie osnovy russkoi ikony* [Spiritual and Aesthetic Foundations of the Russian Icon]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 2008. (In Russian)
- 2 *Dioptra v perevode igumena Vitaliia. Kutein* [Dioptra Translated by Abbot Vitaly. Kutein]. Moscow, Sibirskaiia Blagozvonitsa Publ., 2018. 576 p. (In Russian)
- 3 Zernova A. S. *Knigi kirillovskoi pečati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vv. Svodnyi catalog* [Books of the Cyrillic Press, Published in Moscow in the 16–17 Centuries. Summary Catalog]. Moscow, 1958. 150 p. (In Russian)
- 4 *Ioann Damaskin Istochnik znaniia* [John of Damascus. Source of Knowledge]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2017. 592 p. (In Russian)
- 5 Karpov A. *Azbukovniki, ili Alfavitny inostrannykh rechei po spiskam Solovetskoj biblioteki* [ABC books, or Alphabets of Foreign Speeches According to the Lists of the Solovetsky Library]. Kazan', Tipografiia Imperatorskogo Universiteta Publ., 1877. 285 p. (In Russian)
- 6 Kovtun L. S. *Russkaia leksikografiia epokhi srednevekov'ia* [Russian lexicography of the Middle Ages]. St. Petersburg, AN SSSR Publ., 1963. 445 p. (In Russian)
- 7 Likhachev D. S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vv. Epokhi i stili* [The development of Russian literature of the 10–17 centuries. Epochs and styles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, pp. 165–214. (In Russian)
- 8 Meletii Smotritskii *Grammatika* [Grammar]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2000. 526 p. (In Russian)
- 9 *Merilo pravednoe po rukopisi XIV veka* [The Measure of the Righteous According to the Manuscript of the 14 Century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 698 p. (In Russian)
- 10 Prokhorov G. M. *Korpus sochinenii s imenem Dionisiia Areopagita v drevnerusskoi literature. (Problemy i zadachi izucheniia)* [The Corpus of Works with the Name of Dionysius the Areopagite in Old Russian literature. (Issues and Tasks of Studying)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2006. 854 p. (In Russian)
- 11 *Simeon Polotskii i ego knigoizdatel'skaia deiatel'nost'* [Simeon Polotsky and his Book Publishing Activity], podgot. V. K. Bylinin, V. P. Grebeniuk, O. A. Derzhavina and other; ed. by A. N. Robinsona. Moscow, Nauka Publ., 1982. 352 p. (In Russian)
- 12 *Sochineniia pr. Maksima Greka* [Essays, etc. Maxim the Greek]. Ivanovo, Roshcha Publ., 2015, pp. 286–288. (In Russian)
- 13 Shchapov Ia. N. *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes of the 11–14 centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 239 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-279-296>

УДК 7.03

ББК 85.103

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. С. Белгородский
г. Москва, Россия

© 2022 г. М. Г. Котовская
г. Москва, Россия

© 2022 г. Э. Г. Швец
г. Москва, Россия

**СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ.
ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ**

Аннотация: В статье рассматриваются место и роль работы художников при штабах армий и в СМИ во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эскизы и подробные зарисовки были необходимы как визуальные документы для отчетов в военном ведомстве, для публикации в российской периодической печати и для личного пользования высокопоставленных лиц воюющей армии. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. рисунки и этюдные зарисовки для СМИ в редакции столичных газет присылали писатели, репортеры и художники, проходившие службу по призыву или находившиеся в действующей армии. В статье рассмотрены некоторые аспекты социальной жизни художников при штабах армий и в расположении русских войск. Статья написана с привлечением материалов социологического, исторического и искусствоведческого характера о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Авторы статьи предлагают обоснованную гипотезу об изменении концепции на проблему допуска СМИ на театр военных действий. В выводах статьи говорится о том, что именно вербальная и визуальная наполненность материалов о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., выполненная художниками, журналистами, писателями поднимали патриотические настроения в России.

Ключевые слова: театр военных действий, повседневные практики, СМИ, социальная парадигма, карьера, понятие о долге, творчество на войне.

Информация об авторах:

Валерий Савельевич Белгородский — доктор социологических наук, профессор, ректор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 52/45, 115035, г. Москва, Россия.
E-mail: rector@rguk.ru

Мария Григорьевна Котовская — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и этнографии Российской академии наук; профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 52/45, 115035, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1056-3432>

E-mail: kotovskaya53@gmail.com

Элина Григорьевна Швец — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1821-0586>

E-mail: elina_shvets@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.05.2022

Дата одобрения рецензентами: 25.07.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Белгородский В. С., Котовская М. Г., Швец Э. Г. Социология повседневности: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами художников // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 279–296.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-279-296>

Продолжая тему участия деятелей культуры и искусства в военных и научных экспедициях, мы предлагаем очерковое исследование о русско-турецкой 1877–1878 гг. войне глазами художников, современников той, далекой сегодня от нас войны.

Русско-турецкие войны были вызваны столкновением России и Турции в районе Черного моря и Балканского полуострова. Утверждая свое влияние в этом регионе, Россия объективно способствовала освобождению балканских народов от турецкого господства [9, с. 15]. Боевые действия развернулись на Балканах и в Закавказье [9, с. 15].

Это противостояние в череде русско-турецких войн XIX в. было первым театром военных действий, куда были допущены СМИ. При штабах русской армии всех уровней работали писатели, газетные репортеры и художники-корреспонденты. Они стали экзистенциальными хроникерами военных действий и теми, кто помог современникам следить и непосредственно соучаствовать в важной для России военной кампании. Информация в газетах появлялась быстро и регулярно. Многие материалы были проиллюстрированы гравюрами, сделанными с зарисовок художников-корреспондентов, работавших при штабах русской армии на Балканах (рисунок 1). Гравюра — тиражный вид искусства, что, как нельзя лучше, было использовано в СМИ XVIII–XIX вв. для иллюстрирования газет и журналов.

Рисунок 1 – Гравюра времен Русско-турецкой 1877–1878 гг. войны
 Figure 1 – Engraving of the Times of the Russo-Turkish War of 1877–1878

Писатели, репортеры и художники проходили службу по призыву или числились вольнонаемными сотрудниками при штабах русской армии. Мы, опираясь на литературу [1], уточним, что многие писатели и художники сотрудничали с издательствами российских газет и журналов. Репортажи и иллюстративный материал в российской печати с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для СМИ присылали писатели, репортеры и художники, находившиеся в действующей армии. Например, газета «Санкт-Петербургские ведомости» пользовалась большой популярностью у читательской аудитории, поскольку выходила в большом удобном формате и печатала последние новости, присланные своими корреспондентами и художниками с полей сражений [1, с. 14]. Литераторы и художники, отправленные в действующую армию, сотрудничали и с частными издательствами и были отправлены на фронт за счет издателей. Репортеры и писатели передавали по телеграфу в Россию новости о ходе и характере военных действий, а задачей художников, многие из которых проходили службу в должности художников-корреспондентов, было делать зарисовки на театре военных действий. Иногда задачи репортера и художника выполнял один человек.

Говоря о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., нужно перечислить некоторых хорошо известных творческих деятелей России, которые принимали участие во всестороннем освещении военных действий. Это писатели В. М. Гаршин и В. В. Крестовский, журналисты В. И. Немирович-Данченко, В. А. Гиляровский, художники В. В. Верещагин, В. Д. Поленов, К. Е. Маковский, Н. Н. Каразин, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Мы приводим имена лишь самых известных представителей творческой интеллигенции из числа тех, кто освещал военные действия для россиян и мирового сообщества, интересовавшегося ходом войны и событиями, происходящими в русской армии, в 1877–1878 гг. Отдельно мы выделяем тематику — война глазами художника: поля сражений и быт на войне. В этой статье предлагается рассмотреть графический нарратив и значение визуальных документов, созданных художниками в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и по ее завершению.

В художественной и специальной литературе о творчестве того или иного мастера иногда одной строчкой дана информация об участии его в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., подробности, как правило, опущены. Исключением, пожалуй, является только хорошо исследованное и достаточно присутствующее в литературе описание участия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В. В. Верещагина. В написанных о других художниках исследованиях их участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. незаслуженно забыто, вклад художников в визуализацию и освещение военных действий 1877–1878 гг. недостаточно изучен и представлен.

В многочисленных исследованиях творчества В. В. Верещагина балканская кампания и вклад художника в визуализацию военных событий 1877–1878 гг. описан и изучен подробно и во многих аспектах. В качестве примера мы приводим документально-публицистическое издание о художнике [7]. Безусловно, более информативна для нашего исследования книга, написанная В. В. Верещагиным «На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 года», о которой упоминают в своем исследовании о В. В. Верещагине А. К. Лебедев и А. Б. Солодовников [7]. В биографических исследованиях творчества В. Д. Поленова о его участии в двух войнах на Балканах сказано как о недолгой поездке на театр военных действий и отмечено о проявленной храбрости на войне. Более уточнений не представлено [6; 10].

Константин Егорович Маковский — художник, о котором до сих пор нет специального подробного исследования. Об его участии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. написано одним предложением и только по поводу создания картины «Болгарские мученицы» [4]. О пребывании на русско-турецкой войне Н. Д. Дмитриева-Оренбургского [8] и П. Я. Пясецкого [11] также написано пунктиром, и нет понимания всего объема графических и живописных работ, созданных непосредственно в годы войны.

Сегодня существует несколько Интернет-ресурсов, которые представляют иллюстративный графико-живописный ряд произведений, посвященных русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Актуальность предпринятого исследования представляется нам очень своевременной для понимания того, что пребывание в действующей армии представителей творческой интеллигенции не PR-предприятие для тех или иных действий государственных структур или личных целей литераторов и художников, а определенный взгляд на публичность освещения современной истории своего государства.

Так или иначе начиная с XVIII в. присутствие художников в составе важных походов, дипломатических представительств или официальных мероприятий было обязательным. Роль художника была скромной, но важной. Задачей художника было как можно точнее зарисовать событие, иногда к рисунку добавить сопроводительный текст, составить схему маршрута проводимого мероприятия или карту местности. Ко времени описываемых нами событий в повседневной жизни художника на войне почти ничего не изменилось. Они зарисовывали хронику боевых действий текущей войны, помогали инженерам-картографам составлять географические карты новых территорий и выполняли частные поручения своих товарищей и командиров. Частными поручениями были просьбы создания портретов, рисования пейзажей и небольших этюдов на память или для отправки в письме близким людям (рисунок 2). Художники также собирали бесценный графический материал для того, чтобы позднее выполнить по своим военным впечатлениям и полученному опыту творческие работы.

**Рисунок 2 – В. Д. Поленов. Зарисовки из русско-турецкой войны.
Болгарский домик. 1877 г.**
**Figure 2 – V. D. Polenov. Sketches from the Russo-Turkish War.
Bulgarian house. 1877**

Зарисовки художников и промеры новых территорий были рабочим материалом для инженеров-картографов, работавших в штабах воюющих армий. А далее эти предварительные чертежи карт попадали в издательство. Карты военных действий типографии И. Сытина, созданные им во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., были чрезвычайно популярны в армии и в СМИ для освещения военных действий в прессе [3, с. 23].

Одним из заглавных художников, который создал для современников «картинку» военных событий 1877–1878 гг., был Василий Васильевич Верещагин. В. В. Верещагин еще во время Сербско-черногорско-турецкой 1876 г. начал хлопоты о причислении его к Главному штабу русских войск, расквартированных на Балканах. К 1876 г. В. В. Верещагин имел огромный опыт участия в военных походах русской армии в качестве картографа или художника-корреспондента. Полтора десятилетия назад он, окончив Императорскую академию художеств и попробовав стезю свободного художника, устроился на службу в отдел картографии военного ведомства. По служебным делам штатскому картографу военного ведомства В. В. Верещагину часто приходилось бывать в различных губерниях огромной Российской империи. В 1868 г., когда художник работал в Средней Азии, бухарский эмир объявил России священную войну. В. В. Верещагин оказался в гуще событий уже в качестве военного картографа. Так начался его путь художника-хроникера военных событий. В Средней Азии В. В. Верещагин познакомился с М. Д. Скобелевым, сыном командира дивизии. Молодого генерала уважали за доблесть и офицеры, и солдаты [7, с. 93]. При штабах армий, в которых сражался М. Д. Скобелев, художник В. В. Верещагин прошел не одну военную кампанию. Участие в событиях на Балканах 1870-х гг. было осознанным выбором художника, побывавшего к этому времени уже на нескольких театрах военных сражений. Его целью было показать правду о войне и на войне. Это было нравственное и эстетическое кредо художника, гражданина России. Так свою миссию понимал Василий Васильевич.

Художник был прикомандирован к штабу главнокомандующего, но считал, что его место в гуще событий и центре сражений. Он в начале войны присоединился к дивизии генерала М. Д. Скобелева и старался быть как можно ближе к местам боевых действий. Его зарисовки и этюды «На Шипке все спокойно», небольшая картина «Пикет на Дунае» 1878–1879 гг., «Армия генерала Скобелева, празднующую победу над турецкими войсками под Шипкой в 1878 г.» 1879 г. — это документальные свидетельства жизни солдат на войне (рисунок 3). Исследователь творчества В. В. Верещагина А. К. Лебедев писал: «Не жалеет Верещагин красок для описания (и зарисовки) турецких зверств, которым подвергаются раненые и пленные русские солдаты. Жестокость врага не знает предела. Все раненые обречены на истязания и смерть» [7, с. 99].

Рисунок 3 – В. В. Верещагин. Дорога военнопленных. 1878–1879 гг.
Figure 3 – V. V. Vereshchagin. Road of the Prisoners of War. 1878–1879

Кроме потерь в русских войсках на полях сражений, пленения, солдаты массово замерзали зимой 1887–1888 гг. В дневнике В. В. Верещагин написал: «Каждый день солдаты падали десятками от турецких пуль и сотнями от мороза. Полки уменьшались до невероятной цифры» [7, с. 114]. Эту трагедию В. В. Верещагин запечатлел в триптихе «На Шипке все спокойно» (слова генерала Ф. Ф. Радецкого в донесениях главнокомандующему) [7, с. 114]. Во время войны В. В. Верещагин был ранен, вернулся и вновь принял участие в военном предприятии. О своем видении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В. В. Верещагин на основе своих дневниковых записей написал документальный очерк «На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года» [7]. Литературный текст, созданный на основе дневниковых записей, дополняет, а иногда служит хронологической основой для графического и живописного цикла визуализации военной кампании. Балканский цикл В. В. Верещагина не про театрализацию батальных сцен на манер правил исторической живописи, принятой в XIX в., не про эмоционально-психологическую характеристику отдельного героя визуального повествования, а про жизнь на войне. Про жизнь на войне очень разную для солдат и штабных офицеров, в сражениях и в военном лагере, в бесконечных долгих передислокациях войск зимой и летом. Василий Васильевич всегда был верен военно-исторической правде своих изобразительных повествований (рисунок 4).

Рисунок 4 – В. В. Верещагин. Александр II под Плевной. 1877–1878 гг.
Figure 4 – V. V. Vereshchagin. Alexander II near Plevna. 1877–1878 gg.

На полях сражений Василий Васильевич собрал много материально-вещественных свидетельств о войне. Это обмундирование солдат и офицеров, оружие, предметы быта. Как опытный художник, он знал, что все это понадобится, когда он в своей мастерской будет писать большие работы, собирающие воедино пережитые военные потрясения и впечатления. Например, картина, созданная после окончания войны в 1879 г. в ряду картин Балканской серии: «Шипка-Шейново (Скобелев под Шипкой)» в 1879 г. «Приветствие генерала Скобелева войсками под Шипкой» в 1878 г. Основное действие происходит на фоне первого плана картины, где художник изобразил убитых и раненых солдат. Генерал Скобелев, его сопровождающие и ликующие солдаты не главные герои этой картины. Они изображены поодаль и намного меньше, в масштабе дальнего плана картины. Первый и средний план картины занимает изображение лежащих на снегу убитых и раненых солдат. После окончания войны В. В. Верещагин возвращается в Париж, в свою мастерскую и в течение трех лет работает над созданием Балканской серии.

Стремясь показать правду о войне, художник создает Балканскую серию картин, очень резкую и правдивую. Вернувшись с Балкан в Париж, художник взялся за написание картин на индийскую тему, подготовленную к работе перед поездкой на русско-турецкую войну, и только после некоторого времени, все обдумав, приступил к формированию единого сквозного повествования войны на Балканах.

В 1879 г. В. В. Верещагин выставляет первые 20 картин Балканской серии в Париже и Лондоне. В феврале 1880 г. выставка Балканской серии открылась в Петербурге. Балканская серия навлекла гнев императорского двора, приближенные Александра II определили Балканскую серию как протурецкую. Тем не менее у Верещагина были все основания говорить, что в своей Балканской серии он создавал «картины русской жизни, русской истории» [7, с. 114].

После проведения серии выставочных проектов В. В. Верещагин хотел продать потенциальному покупателю всю серию целиком, его даже обвиняли в несговорчивости

и желании быстрого коммерческого успеха. Долго шли переговоры с Павлом Михайловичем Третьяковым о цене, но художнику и коллекционеру не удалось договориться. Василий Васильевич устроил аукцион, в результате которого часть картин была продана и попала в руки частных коллекционеров. Понимая историко-публицистическую и художественную ценность Балканской серии В. В. Верещагина, большинство картин все-таки приобрел П. М. Третьяков [7, с. 118].

Василий Дмитриевич Поленов был призван в армию и служил в должности художника-корреспондента и официального художника при главной квартире наследника-цесаревича Александра Александровича. Графические и живописные произведения, выполненные на театрах военных действий в 1876–1878 гг. Василием Дмитриевичем Поленовым, сегодня представляются как серия документальных свидетельств в изучении истории русско-турецкой войны. Участие в войне 1877–1878 гг. В. Д. Поленова незаслуженно забыто и недостаточно описано в исследованиях о художнике. В 1877 г. Василий Дмитриевич отправляется на Балканы на русско-турецкую войну в расположение Руцукского отряда великого князя Александра Александровича [10, с. 26]. У В. Д. Поленова уже есть опыт хроникера военных действий. В 1876 г. он, при содействии и по рекомендации А. В. Прахова, принимал участие в сербо-черногорско-турецкой войне в качестве репортера и художника. Писал заметки с полей сражений и зарисовывал события войны на Балканах. В период 1877 г. в России была проведена дополнительная мобилизация, и художника призывают в действующую армию. Действия Руцукского отряда, к которому прикомандирован В. Д. Поленов, хотя и были признаны успешными, но не играли решающей роли, такой, какая была отведена армии генерала М. Д. Скобелева в ходе русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. [2, с. 26].

В отличие от батальных сцен этюдов и картин В. В. Верещагина, посвященных событиям этой войны, В. Д. Поленов в своих графических и живописных работах изображает военный быт и местные пейзажи Болгарии, где был расквартирован штаб наследника-цесаревича Александра Александровича. Такие документально-художественные свидетельства невоенного описательного характера были так же традиционны для работы художников в составе действующих армий и на театрах военных действий. Одна из ключевых картин В. Д. Поленова этого периода — «Комната командующего Руцукским отрядом великого князя Александра Александровича». Картина была предназначена для подарка жене великого князя. Хотя Руцукский отряд был в стороне от района главных боевых действий, но и там время от времени проходили боевые столкновения. Изучив переписку В. Д. Поленова 1877–1878 гг., исследователь М. И. Копшицер пишет: «В начале ноября 1877 года Поленов прибыл в район Руцука, где расположена была главная квартира, представился великому князю и... принялся писать этюды на приготовленных заранее маленьких дощечках. В сражениях он на сей раз не участвовал, никаких наград не заслужил, но навсегда приобрел отвращение к войнам. В иной день он делает до шести этюдов, но, как правило, эти этюды носят характер очень мирный: нечто пейзажно-этнографическое» [6, с. 117].

Говоря сегодня об этих «пейзажно-этнографических» зарисовках, можно сослаться как на эпистолярное наследие самого В. Д. Поленова, так и на его визуальный нарратив в передаче впечатлений от войны, на которой он оказался. В. Д. Поленов писал в письме к И. Е. Репину: «Русская армия не живописна, вот турецкая — другое дело» [6, с. 118]. В письме Климентовой Поленов писал, что «сюжеты... человеческого изуродования и смерти слишком сильны в натуре, чтобы быть передаваемы на полотне». И признается: «Во всяком случае, я чувствую в себе какой-то недочет,

не выходит у меня то, что есть в действительности; там оно так ужасно и так просто». В письмах Поленов пишет обо всем так, что жутко становится. Он видел, как один смертельно раненный солдат, обезумев от боли и жажды, сгребал и пил собственную кровь, смешанную с его же мозгом, как другой в исступлении рыл около себя рукой яму, пока не умер. Он с удивлением узнал, что убитые наповал умирают с открытыми глазами: под человеком лужа крови, а он смотрит открытыми и погасшими глазами в небо. «И странное дело, — пишет Поленов, — тогда я на все смотрел почти спокойно, даже многих зачертил у себя в альбоме» [6, с. 118].

Будущий император Александр III всегда ценил творчество Поленова, каталог произведений изобразительного искусства императора, который был опубликован после войны, содержал в себе большое количество работ художника.

Свидетельства о службе Поленова в качестве художника-корреспондента можно прочитать в переписке великого князя Александра Александровича; 2 ноября 1877 г. наследник пишет жене: «На днях приехал к нам Поленов и уже начал рисовать. Он сделал уже масляными красками этюд моего домика премило, болгарскую церковь и еще несколько маленьких групп, а теперь начал нашу столовую, которая может очень хорошо удалиться и весьма оригинальна. Я непременно пришлю тебе некоторые рисунки, которые более будут окончены» [5, с. 30].

20 декабря 1877 г. наследник сообщает: «Моя милая душка Минни, вот еще прелестный вид из нашего села, на окрестности и на Балканы в ноябре месяце, в 5 ч. вечера после заката солнца. Сегодня Поленов начал масляными красками мою маленькую комнатку с моим портретом, за письменным столом, но комнатка так мала, что он должен был рисовать ее из другой, которая рядом и которая очень холодна, так что и он, и я сидели в теплых пальто и все-таки мерзли страшно. Кажется, что картинка удалется» [5, с. 31].

12 января 1878 г. великий князь Александр Александрович пишет брату — великому князю Сергею: «Минни недавно показывала тебе рисунки Поленова, которые я ей послал с письмами, если нет, то скажи ей, чтобы она тебе показала их, есть прелестные и с большим талантом сделанные. Поленов много сделал эскизов и рисунков, так что коллекция будет премилая и интересная» [5, с. 31].

Это документальные свидетельства места, времени и персоналий описываемых событий, для этого и был приглашен в ставку великого князя мобилизованный в армейские ряды художник В. Д. Поленов. Выполнены работы в графической документальной традиции своего времени и не противоречат горизонтам ожидания основного заказчика — великого князя. Это визуальные документы по форме исполнения, а по сути дальнейшего бытования — это графические и живописные произведения художника В. Д. Поленова. Увы, многие из этих картин и графических листов были утеряны после 1930-х гг.

Во время пребывания в Болгарии В. Д. Поленов выполнил четырнадцать этюдов маслом, а по возвращении в Россию написал по заказу цесаревича 11 картин. Все, кроме одной, были размещены в Александровском дворце. А картину «Кабинет государя наследника» Александр Александрович подарил Марии Федоровне — картина была помещена в ее кабинете в Гатчинском дворце [5, с. 164].

В период 1878–1883 гг. В. Д. Поленов выполнил шестнадцать полотен на тему русско-турецкой войны уже с позиции человека, пережившего эти события, осмыслившего их. Именно поэтому мы можем говорить о том, что сюжеты неотделимы от субъективных человеческих оценок, так же как человек неотделим от социума, в котором

и формируется его индивидуальный жизненный опыт, а значит, собственное мнение и собственный взгляд на окружающий мир. Взгляд художника на визуальный рассказ о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. языком пейзажного жанра и графических зарисовок из повседневной походной жизни, видимо, был понятен и дорог семье великого князя Александра Александровича. Например, картина «Главная квартира в Русчуке (Домик Государя Наследника)», 1883 г. х.м. 27,5×47,5, справа внизу монограмма и дата: В. П. 83 (рисунок 5) заказана художнику Александром III и приобретена уже после окончания войны в декабре 1883 г. за 600 руб. Ко времени заказа картины наследник Александр Александрович стал императором Александром III. Картина находилась сначала в 1-й Уборной Александра III, затем — во 2-й Уборной. С 1959 г. [находится.] — в ГРМ [2, с. 29].

Рисунок 5 – В. Д. Поленов. Главная квартира в Русчуке 1877 г.
Figure 5 – V. D. Polenov. Main Apartment in Ruschuk 1877

Картина эта, безусловно, является визуальным документом и экземпляром военных впечатлений художника и заказчика. Художник, основываясь на натуральных этюдах, предлагает свою версию живописного рассказа о событиях недавнего прошлого, а заказчик хочет сохранить в памяти пережитые события и впечатления посредством уже не бегло исполненного этюда, а полноценного художественного произведения.

Спустя шесть лет после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. император Александр III напомнил В. Д. Поленову, что за ним батальные картины о прошедшей военной кампании. Художник выполнил среди прочих, заказанных в 1883 г. императором работ картину «После боя. Близ селения Мечка». Об этой, не совсем характерной для творческой манеры художника работе, выполненной уже вслед ушедшим событиям, М. И. Копшицер в своей книге «Поленов» написал: «В Русском музее есть картина “После боя. Близ селения Мечка”. Датирована картина 1883 г. Ярко-зеленая трава, мирный ландшафт. Среди камней лежит на этой траве убитый солдат. Его окружают вороны и шакалы. Что это? Попытка через пять лет запечатлеть обобщенный образ войны? Но почему тогда именно “Близ селения Мечка”? Сражение при Мечке

произошло 30 ноября, а зима в этот год выдалась редкостно холодной. В начале января мороз достиг 25 градусов. Картина Поленова производит, разумеется, должное впечатление, причем впечатление это создается именно контрастом трупов и мирного солнечного пейзажа с яркой травой» [6, с. 117]. Картина эта написана по наброску, сделанному на следующий день после сражения при Мечке. Визуальное повествование В. Д. Поленова отличается авторским выстраиванием сюжета — размышления об ужасах войны не в динамике баталлий, а в статике ужасающих последствий или коннотации жизненных реалий на войне. Смысл живописного рассказа В. Д. Поленова по настроению похож на некоторые картины-обличения В. В. Верещагина из Балканской серии и отличен от батальных повествований, которые одно за другим появлялись на выставках в послевоенный период.

И в завершение повествования об участии художника В. Д. Поленова в военной кампании 1877–1878 гг. можно обратиться к письмам графа Шереметева, где говорится о том, что художник-корреспондент В. Д. Поленов выполнил шестнадцать полотен на тему русско-турецкой войны. Пятнадцать из этих работ были размещены в жилых комнатах императорской четы и в гостиной на запасной половине дворца, где каждый год проходили ужины в память Мечки (населенный пункт в Болгарии, где проходили боевые действия. «Всякий раз готовились особые меню, которые присылались всего чаще художником Поленовым, бывшим в Рушукском отряде при цесаревиче» [5, с. 107].

Константин Егорович Маковский — еще один художник, принявший участие в военных событиях 1877–1878 гг. и написавший, в частности, по впечатлениям этой войны известную картину «Болгарские мученицы». В некоторых альбомных изданиях написано, что К. Е. Маковский был добровольцем и сознательно приехал на Балканы, где сражались русские войска [4, с. 5]. Несколько месяцев К. Е. Маковский провел в штабе при главнокомандующем, где наблюдал за боевыми действиями. На этом же Альбоме есть информация о том, что В. В. Верещагин и К. Е. Маковский встречались во время пребывания на Балканах в штабе армии [4, с. 5]. Мы допускаем, что К. Е. Маковский был прикомандирован к штабу главнокомандующего, так же как и В. В. Верещагин. О пребывании на этой войне художника в альбоме Е. Дувановой говорится: «Маковский же больше интересовался бытом местных жителей, историей Балкан [баталлии для него не были поводом для вдохновения]» [4, с. 16].

Картина «Болгарские мученицы» (рисунок 6) — не документальный очерк о событиях войны, а жанровое произведение, выполненное в духе салонной живописи. Как у любого жанрового произведения, у этой картины есть иконография. Художник проиллюстрировал рассказы очевидцев об изнасиловании болгарских женщин африканизированными османскими башибузуками во время подавления Апрельского восстания 1876 г. Одной из целей войны 1877–1877 гг. было освобождения болгар от ига Османской империи. Яркая трагическая сцена наверняка служила для мобилизации общественного мнения в понимании праведной цели участия русской армии в этой войне и поддержки боевого духа русских солдат. Вероятно, существовали еще какие-то произведения, написанные на театре военных действий, а затем после возвращения художника с войны. Тема войны на Балканах была достаточно популярной в последующие десять лет, и вполне вероятно, что у художника были заказы на исполнение картин на эту тему. К. Е. Маковский был одним из самых востребованных художников своего времени, и его картины, выполненные для круга богатых заказчиков, разошлись по частным коллекциям. К сожалению, судьба таких картин чаще всего неизвестна.

Рисунок 6 – К. Е. Маковский. Болгарские мученицы 1878 г.
Figure 6 – K. E. Makovsky. Bulgarian Martyrs. 1878

Николай Николаевич Каразин — кадровый военный, этнограф, писатель и художник. В 1877–1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне не в качестве военного, а как художник-корреспондент при главном штабе. Н. Н. Каразин работает как репортер и публикует свои журналистские заметки о войне в ведущих газетах и журналах Петербурга, а также делает зарисовки, запечатлевает военные действия и быт русской армии. Н. Н. Каразин — прекрасный рисовальщик, и его карандаш точно фиксирует все подробности войны и человека на войне. Его фронтовые наброски так интересны, что перепечатываются не только в российских изданиях, но и в европейской прессе. Точность передачи событий и острый взгляд на ход военных действий приносят Николаю Николаевичу мировую известность как смелому корреспонденту и талантливому художнику-репортеру. К сожалению, материалы о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Н. Н. Каразиным так и не были собраны в одно издание и опубликованы отдельно после окончания войны (рисунок 7).

Рисунок 7 – Н. Н. Каразин. Этюд из русско-турецкой войны 1877–1878 годов
Figure 7 — N. N. Karazin. Sketch from the Russo-Turkish War of 1877–1878

Павел Яковлевич Пясецкий во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился в действующей армии в качестве военного врача в Шипкинском отряде. Он делал зарисовки, но это не было его основным занятием. К несчастью, он заболел тифом. В тяжелом состоянии П. Я. Пясецкий написал воспоминания о войне — «Два месяца в Габрове» [11, с. 19]. А позже по своим наброскам Павел Яковлевич создал картину-панораму «Торжества по случаю шипкинской победы» [11, с. 20].

Николай Дмитриевич Дмитриев-Оренбургский в ходе Балканской кампании и после ее завершения создал наибольшее количество батальных полотен. События на Балканах предваряла предыстория: Н. Д. Дмитриев-Оренбургский в 1867 г. был приглашен в качестве художника в свиту великого князя Николая Николаевича старшего. Предстояла поездка по Кавказу, Воронежской и Харьковской губерниям. Его задача состояла в художественной фиксации значимых мест путешествия и выполнении работ по просьбе или распоряжению великого князя. Из этого путешествия художник привез целый альбом карандашных рисунков и обзавелся необходимыми знакомствами. Когда в 1877 г. русская армия выступила в Балканский поход, Николай Дмитриевич, вероятно, по приглашению великого князя Николая Николаевича едет на Балканы. Он, как и многие творческие деятели, работает художником-корреспондентом в одном из штабов действующей армии, где командующим является Николай Николаевич старший. Он честолюбив и понимает, что художественная иллюстрация хроники значимой для России войны может для него обернуться императорскими заказами и профессиональной востребованностью. Николай Дмитриевич работал при штабе, вероятно, выполнял частные заказы великого князя и собирал необходимый для будущей серии картин о войне художественный материал. Уже после окончания военной кампании художник приехал в Петербург и сумел, используя свое знакомство с великим князем Николаем Николаевичем старшим, показать свои эскизы императору [8, с. 496].

Император заказал художнику несколько батальных полотен об уже закончившейся войне. И в течение десятилетия появилась целая серия картин: «Захват Гривиц-

кого редута под Плевной», «Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г.», «Последний бой под Плевной 28 ноября 1877 г.», «Бой на Систовских высотах конвоя императора Александра II», «Артиллерийский бой под Плевной. Батарея осадных орудий на великокняжеской горе», «Штыковой бой полков русской гвардии с турецкой пехотой на Систовских высотах 14 июня 1877 г.». Художник, живший во Франции, поначалу пробовал писать картины в Париже, но понял, что нужно вернуться в Россию и там работать над большим императорским заказом [8, с. 496]. Художник работал с документами, общался с участниками прошедших военных событий, даже предпринял поездку в Болгарию для работы над серией картин о прошедшей войне. В 1886 г. батальные картины Н. Д. Дмитриева-Оренбургского начали появляться на выставках. Выставки проходили с большим успехом. Еще спустя несколько лет, в 1896 г., художник написал портрет императора Александра III, который считается одним из лучших портретов императора Александра Александровича (рисунок 8).

Рисунок 8 – Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Портрет императора Александра III. 1896 г.

Figure 8 – N. D. Dmitriev-Orenburgsky. Portrait of the Emperor Alexander III. 1896

Место и роль художника на войне представляется нам вполне определенно — создание визуальных документальных свидетельств боевых действий и графическая фиксация характерного военного быта воюющей армии, помощь инженерам-картографам и выполнение частных поручений (рисование портретов и др.) командиров и друзей-однополчан.

Во время военных событий 1877–1878 гг. уже существовала и применялась фототехника, но еще сильна была традиция графической и живописной фиксации действительности художниками. Зарисовки художника — это взгляд на войну глазами человека, испытавшего и примерявшего на себя все тяготы войны.

После окончания войны 1877–1878 гг. на выставках в первое послевоенное десятилетие появляются картины известных художников о прошедших событиях. Но это уже были не документальные, а воплощенные языком живописи реконструкции и репрезентации прошедших событий. В списке произведений Павла Осиповича Ковалевского, Константина Аполлоновича Савицкого, Алексея Даниловича Кившенко, Льва Феликсовича Лагорио, Алексея Петровича Боголюбова, Адольфа Иосифовича Шарлеманя, Алексея Николаевича Попова, Виктора Викентьевича Мазуровского зритель на выставках мог увидеть картины батального жанра на тему событий войны на Балканах 1877–1878 гг.

Мы представили примерный, возможно, не совсем полный список имен художников, использовавших тему военных сражений на Балканах 1877–1878 гг. в живописных картинах.

Документально-повествовательное графическое и живописное наследие о военных событиях 1877–1878 гг. — это бесценный взгляд художника, современника событий на войну. Чем больше проходит времени после окончания войн, тем ценнее графические и живописные документальные свидетельства участников военных событий для исследователей и для потомков. Картина, этюд, зарисовки, созданные на войне, были своеобразными медиа своего времени с сюжетным повествованием. Именно для выполнения задачи создания визуального документа для истории и репортажа для современников и было определено место художника на войне. Глазами художника читатель и зритель увидел русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в режиме рисованных репортажей, графических очерков, живописных картин.

Картины, созданные после окончания войны, были художественным рассказом о благородной освободительной миссии русской армии в ходе военных действий. Написание картин по материалам, собранным в экспедициях, встречается в работе любого художника, побывавшего в военных экспедициях. Это часто творческое переосмысление собранного материала по возвращении домой и исполнение полотен или графических листов с учетом поставленных задач и приобретенных впечатлений. Часто по наброскам и зарисовкам, созданным на театрах военных действий, художники издавали графические альбомы, которые имели большую популярность. Традиционными были и заказы со стороны тех, кто являлся заинтересованными лицами в приглашении художников для работы в военных экспедициях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Берков П. Н.* История русской журналистики XIX в. М.: Книга, 1973. 288 с.
- 2 *Воробьев Б. В., Швеиц Э. Г.* Художественные репортажи и визуальный нарратив научных и военных экспедиций. М.: Изд-во ВУ Минобороны РФ, 2021. 80 с.
- 3 *Динерштейн Е. А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М.: Московские учебники, 2003. 368 с.

- 4 *Дуванова Е.* Константин Маковский. М.: Белый город, 2007. 320 с.
- 5 Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Мат. научн. конф. СПб.: ГМЗ Гатчина, 2006. 278 с.
- 6 *Копициер М. И.* Поленов. М.: Молодая гвардия, 2010. 332 с.
- 7 *Лебедев А. К.* Солодовников. В. В. Верещагин. М.: Искусство, 1988. 207 с.
- 8 *Матафонов В. С. Н. Д.* Дмитриев-Оренбургский // Русское искусство Очерки о жизни и творчестве художников второй половины XIX века. М.: Искусство, 1962. Т. 1. 692 с.
- 9 *Миловидова Н. В.* Воспоминания писателя и корреспондента В. И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. как исторический источник // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 29–31.
- 10 *Пастон Э.* Поленов Василий Дмитриевич. Л.: Художник РСФСР, 1991. 192 с.
- 11 *Принцева Г. А.* Сибирский путь Павла Пясецкого. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 273 с.

© 2022. Valerii S. Belgorodsky
Moscow, Russia

© 2022. Maria G. Kotovskaya
Moscow, Russia

© 2022. Elina G. Shvets
Moscow, Russia

**SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE:
RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878
THROUGH THE EYES OF ARTISTS**

Abstract: The study examines the place and role of the work of artists at the headquarters of the armies and in the media during the Russian-Turkish war of 1877–1878. Sketches and detailed sketches were necessary as visual documents for reports in the military department, for publication in the Russian periodical press and for personal use of high-ranking officials of the belligerent army. With the beginning of the Russo-Turkish War of 1877–1878, drawings and sketches for the media were sent to the editorial offices of the capital's newspapers by writers, reporters and artists who served under conscription or were in the active army. The paper deals with a number of aspects of the social life of artists at the headquarters of the armies and in the location of the Russian troops. The research drew upon sources and materials of a sociological, historical and fine arts nature on the Russian-Turkish war of 1877–1878. The authors of the paper come up with a reasoned hypothesis about conceptual change towards the issue of admission of the media to the theater of military operations. The conclusions of the study include highlighting that it was exactly the verbal and visual content of materials about the Russo-Turkish War of 1877–1878, contributed by artists, journalists, writers, that raised patriotic sentiments in Russia.

Keywords: Theater of Military Operations, Everyday Practices, Media, Social Paradigm, Career, the Concept of Duty, Creativity in War.

Information about the authors:

Valerii S. Belgorodsky — DSc in Sociology, Professor, Rector, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Sadovnicheskaya St., 52/45, 115035 Moscow, Russia.

E-mail: rector@rguk.ru

Maria G. Kotovskaya — PhD in History, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Ethnology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Sadovnicheskaya St., 52/45, 115035 Moscow, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1056-3432>

E-mail: kotovskaya53@gmail.com

Elina G. Shvets — PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Department of Art Theory and History, Russian State University for the Humanities, Chayanova St., 15, 125047 Moscow, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1821-0586>

E-mail: elina_shvets@mail.ru

Received: May 13, 2022

Approved after reviewing: July 25, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Belgorodsky V. S., Kotovskaya G. M., Shvets E. G. Sociology of Everyday Life: Russo-Turkish War of 1877–1878 through the Eyes of Artists. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 279–296. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-279-296>

REFERENCES

- 1 Berkov P. N. *Istoriia russkoi zhurnalistiki XIX v.* [History of Russian Journalism 19 Century]. Moscow, Kniga Publ., 1973. 288 p. (In Russian)
- 2 Vorob'ev B. V., Shvets E. G. *Khudozhestvennye reportazhi i vizual'nyi narrativ nauchnykh i voennykh ekspeditsii* [Artistic Reports and Visual Narrative of Scientific and Military Expeditions]. Moscow, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation Publ., 2021. 80 p. (In Russian)
- 3 Dinershtein E. A. *Ivan Dmitrievich Sytin i ego delo* [Ivan Dmitriyevich Sytin and his Enterprise]. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ., 2003. 368 p. (In Russian)
- 4 Duvanova E. *Konstantin Makovskii* [Konstantin Makovsky]. Moscow, Belyi gorod Publ., 2007. 320 p. (In Russian)
- 5 *Imperator Aleksandr III i imperatritsa Mariia Fedorovna. Materialy nauchnoi konferentsii* [Alexander III and the Empress Maria Fedorovna. Conference Proceedings]. St. Petersburg, GMZ Gatchina Publ., 2006. 278 p. (In Russian)
- 6 Kopshitser M. I. *Polenov* [Polenov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2010. 332 p. (In Russian)
- 7 Lebedev A. K. *Solodovnikov. V. V. Vereshchagin* [Solodovnikov. V. V. Vereshchagin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 207 p. (In Russian)
- 8 Matafonov V. S. N. D. *Dmitriev-Orenburgskii* [N. D. Dmitriev-Orenburgsky]. In: *Russkoe iskusstvo Ocherki o zhizni i tvorchestve khudozhnikov vtoroi poloviny XIX veka* [Russian Art. Stories of Life and Art of Artists of the Second Half of the 19th

- century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1962. Vol. 1. 692 p. (In Russian)
- 9 Milovidova N. V. *Vospominaniia pisatel'ia i korrespondenta V. I. Nemirovicha-Danchenko o rusko-turetskoi voine 1877–1878 gg. kak istoricheskii istochnik* [The Memories of a Writer and Reporter V. I. Nemirovich-Danchenko on Russian-Turkish War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no 5, pp. 29–31. (In Russian)
- 10 Paston E. *Polenov Vasilii Dmitrievich* [Polenov Vasilii Dmitrievich]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1991. 192 p. (In Russian)
- 11 Printseva G. A. *Sibirskii put' Pavla Piasetskogo* [The Syberian Way of Pavel Pyasetsky]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2011. 273 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-297-314>

УДК 726.5

ББК 85.113(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. И. Томилова
г. Москва, Россия

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАТ ПРИ НИКОЛАЕ II В КУЛЬТОВЫХ ПОСТРОЙКАХ (НА ПРИМЕРЕ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ)

Аннотация: Статья посвящена культовым постройкам, возведенным в память 300-летия Дома Романовых. Традиция возводить храмы-памятники имеет на Руси глубокие корни. Мемориальные церкви и часовни возводились в честь военных побед, важных исторических событий. В память 300-летия Дома Романовых на территории Российской империи было построено большое число как гражданских, так и культовых построек. Многие из них были созданы в неорусском стиле и имеют особое значение для развития отечественного зодчества и в наши дни. Сегодня существует большой общественный интерес к личности Николая II, к Дому Романовых, к историческим событиям начала XX в., к искусству и архитектуре 1910-х гг. К сожалению, многие из памятников зодчества этого периода по-прежнему остаются малоизученными. Это касается и культовых построек, возведенных к 300-летию Дома Романовых, лишь небольшая часть из них вовлечена в научный оборот. В рамках исследования были изучены архивные и библиографические источники по данной теме. При написании статьи были использованы методы стилистического и иконографического анализа особенностей архитектуры памятных храмов и часовен, сравнительный метод. В результате исследования был составлен список культовых построек в память 300-летия Дома Романовых, который включает 42 храма и 16 часовен.

Ключевые слова: храмы-памятники, часовни, Николай II, Российская Империя, 300-летие Дома Романовых, культовая архитектура, неорусский стиль, полистилизм.

Информация об авторе: Алевтина Игоревна Томилова — преподаватель кафедры охраны и реставрации культурного наследия факультета архитектуры, Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, ул. Мясницкая, д. 21, 101000 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1167-0785>

E-mail: alia-ilia@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.12.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Томилова А. И. Увековечивание исторических дат при Николае II в культовых постройках (на примере 300-летия Дома Романовых) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 297–314.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-297-314>

На период царствования Николая II пришлось большое число юбилейных исторических дат, которые с широтой и размахом отмечались в Империи. Но особую роль в развитии и распространении неорусского стиля в архитектуре сыграло празднование 300-летия царствования Дома Романовых. Оно выпало на последний мирный год имперской России, в связи с чем огромные планы по увековечиванию памяти об этом событии не были реализованы в полной мере. Тем не менее до наших дней сохранилось значительное число памятников архитектуры и проектов, посвященных 300-летию правления династии.

Подготовка к торжествам началась задолго до памятной даты. Праздник имел огромное значение для всех народов Империи. Именно при Романовых Россия выросла новыми землями и достигла одной шестой земного шара. Государство Российское стало мировой морской и военной державой. И поэтому празднества должны были стать всенародными, широко отмечаться как в центральных губерниях, так и на периферии, дабы показать единение царской власти и граждан Империи, а также подчеркнуть связь поколений сквозь века. Торжества эти были скептически встречены в либеральных кругах высшего общества, об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев: «...я чувствовала, что нет настоящего воодушевления и преданности» [10, с. 82], — писала Анна Вырубова о петербургских торжествах. Граф В. Н. Коковцев, в те дни председатель Совета министров Российской империи, отмечал, что во время празднеств не было энтузиазма [6, с. 117] и т. д.

Тем не менее юбилейные торжества нашли отклик у горожан, купечества, представителей военного сословия и в особенности у простого народа, крестьян, которые превозносили и даже обожествляли личность императора. Это в полной мере отражают многочисленные документы, хранящиеся в государственных архивах (например, в Российском государственном историческом архиве (РГИА), фонд 1320), и воспоминания современников. Так, А. А. Вырубова в своих мемуарах, изданных после революции, писала о путешествии царской семьи в 1913 г.: «Прибытие на Волгу сопровождалось необычайным подъемом духа всего населения. Народ входил в воду по пояс, желая приблизиться к царскому пароходу. Во всех губерниях толпы народа приветствовали Их Величества пением Народного Гимна и всевозможными проявлениями любви и преданности...» [10, с. 83]. И то же повторилось при посещении древней столицы: «...гудели все московские колокола. Восторженные приветствия во все пребывание Их Величеств в Москве повторялись каждый день, и казалось, ничто — ни время, ни обстоятельства — не изменит эти чувства любви и преданности» [10, с. 83]. А. А. Волков, камердинер императрицы Александры Федоровны, отмечал: «Везде — воодушевление населения, депутации» [2, с. 58].

Способы увековечивания юбилейной даты были различными:

- 1 Переименование населенных пунктов, улиц, площадей и т. п., а также присвоение гражданским и культовым постройкам названий «Романовские», «Николаевские», «в память 300-летия царствования Дома Романовых». Сюда же можно отнести и вновь создаваемые сады, скверы, тракты и т. п.

- 2 Установка монументов в память 300-летия царствования Дома Романовых (бюсты, памятники и скульптурные монументы, изображавшие Николая II, Михаила Федоровича Романова, Александра II¹, обелиски, памятники-киоты, арки², мемориальные доски).
- 3 Строительство гражданских зданий (приюты, богадельни, амбулатории, больницы, институты, училища, гимназии, семинарии, школы, церковно-приходские школы, медресе, музеи, народные дома, знаменные избы, банки, выставки) и культовых построек (храмы, часовни) в память 300-летия Дома Романовых.

В настоящей статье будут рассмотрены объекты культового зодчества, созданные в неорусском стиле к юбилею династии.

Традиция возведения храмов в память о каком-либо важном событии является древней на Руси, поэтому число подобных сооружений значительно.

В честь 300-летия царствования Дома Романовых православные храмы и часовни строились на всей территории Российской империи — от Прибалтики до Дальнего Востока.

Главенствующими стилями строительства были русский и неорусский, хотя встречаются храмы в неовизантийском и неоклассическом стилях, но их количество невелико.

В результате исследования на территории Европейской части России был выявлен 41 храм, возведенный в память 300-летия Дома Романовых (см. таблицу 1).

Из их числа 34 — из камня и кирпича и 7 — из дерева.

Стилистически они разделяются следующим образом: неорусский — 20, русский — 9, неоклассицизм — 3, неовизантийский — 4, необарокко — 1. Стиль четырех храмов выявить не удалось, так как не были найдены их изображения.

В данной статье будут рассматриваться храмы в неорусском стиле, так как они составляют большинство среди культовых построек в честь 300-летия Дома Романовых.

Национальное направление для строительства церквей и часовен подходило как нельзя лучше, так как юбилей был связан с историческими событиями. Среди храмов в неорусском стиле преобладают формы псковско-новгородской архитектуры, часть построек возведена в традициях зодчества XVI–XVII вв., а один воспроизводит черты владими́ро-суздальских церквей.

Главным храмом-памятником, возведенным в честь 300-летия Дома Романовых, стала церковь Федоровской иконы Божьей Матери в Санкт-Петербурге. Храм был построен на небольшом земельном участке, на пересечении Полтавской и Миргородской улиц, недалеко от Московского железнодорожного вокзала — на территории, при-

¹ Фигура царя-освободителя Александра II пользовалась большой популярностью среди крестьян. В Комитет для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых и в Строительный Комитет Министерства внутренних дел поступало большое число обращений с просьбой разрешить установить в том или ином населенном пункте памятник Александру II в честь 300-летия Дома Романовых. Возможно, что, помимо благодарности царю-освободителю, это было связано с желанием увековечить сразу два торжественных события в одном монументе — 50-летие отмены крепостного права в России, отмечавшиеся в 1911 г., и юбилей царственного Дома. Обычно на такие обращения отвечали отказом в связи с тем, что члены Комиссий считали невозможным выделять одного правителя из рода Романовых. Установка памятников Николаю II также оставалась под вопросом, так как он был ныне правящим царем.

² Для реализации предлагались в основном легкие, временные сооружения с портретами членов Дома Романовых или гербами.

надлежавшей подворью Городецкого Феодоровского монастыря, на народные пожертвования, сбор которых был организован на территории всей России.

Решение о строительстве нового собора было принято в 1907 г. В 1909 г. был создан строительный комитет под покровительством великого князя Михаила Александровича и объявлен архитектурный конкурс. Первая премия была присуждена Н. В. Васильеву, вторая — А. А. Джорогову, третья — С. С. Кричинскому. Несмотря на то что проект Кричинского занял только третье место, он наиболее точно отвечал требованиям конкурсного задания, в числе которых было соответствие образцам храмов времени воцарения Дома Романовых. Сам С. С. Кричинский на страницах архитектурного журнала «Зодчий» писал: «Храм спроектирован мною и выстроен в стиле церковей XVII века, по типу и образцам храмов Ростова Великого и его области (Юрьев Польской, Ярославль и пр.). Как известно, все пять ростовских церковей вместе с кремлем выстроены менее чем на протяжении 100 лет и в совокупности с крепостными стенами, башнями и палатами являют собою наиболее цельный и лаконичный образец русского стиля эпохи воцарения Дома Романовых. Вот главная и основная причина, побудившая меня изобразить этот период русского зодчества при составлении проекта» [5, с. 12].

И действительно, в облике Федоровского собора угадываются формы ростовских кремлевских церковей — Воскресения Христова, Григория Богослова и Иоанна Богослова. С. С. Кричинский дополняет вытянутый пятиглавый объем Федоровского храма с северной стороны нарядным крыльцом в стиле московского узорочья. По бокам его фланкируют две башни: северо-восточная построена в стиле ростовских крепостных сооружений с кубоватыми крышами, а северо-западная — практически точная копия Проездной башни Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Стены храма богато декорированы белокаменной резьбой, майоликовыми панно, поливными изразцами.

Можно предположить, что именно Николай II поддержал проект С. С. Кричинского, способствовал его реализации, так как он наиболее соответствовал его личным художественным вкусам. Высокая оценка царем проекта подтверждается также тем, что архитектору позднее было доверено строительство Федоровского городка в Царском Селе, возведение церкви Свт. Николая Чудотворца и Св. Благ. Вел. Князя Александра Невского в Санкт-Петербурге и ряда других значимых зданий, связанных с Домом Романовых.

Федоровский собор в Санкт-Петербурге, вероятно, мыслился как своеобразный стилистический образец для строительства памятных культовых сооружений в честь юбилея как в столице, так и на периферии. Однако язык московского, ярославского зодчества XVII в, перенасыщенный архитектурными деталями, был чужд Северной Пальмире, и не вписывался в ее строгий, классицистический облик. И в связи с этим в Санкт-Петербурге и пригородах в память 300-летия в данной стилистике помимо Федоровского храма архитектора С. С. Кричинского было возведено лишь три церкви: Архангела Михаила (архитектор А. К. Миняев, 1911–1914 гг.) в Ломоносове (ранее Ораниенбаум), Казанской иконы Божией Матери в Териоках (архитектор Н. Н. Никонов, 1910–1915 гг.) и 4-го стрелкового императорской фамилии полка в Царском Селе (архитектор Е. И. Константинович, 1913–1917 гг., не была достроена, разобрана).

Среди культовых построек в память 300-летия в столице Империи и северных губерниях преобладал неорусский стиль, базирующийся на интерпретации мотивов древнего псковско-новгородского зодчества. Так, например, в Санкт-Петербурге началось строительство храма Алексия Митрополита Московского при подворье Каля-

зинского Александро-Невского монастыря (архитектор Д. И. Милеев, прим. 1912 г.)³; в Тайцах, под Санкт-Петербургом была сооружена церковь Свт. Алексия, Митрополита Московского, (архитектор И. В. Экскузович, 1913–1914 гг.), в Терляево, у Павловска, — церковь Спаса-Преображения, (архитекторы А. А. Захаров, Н. Л. Раклицкий, 1912–1914 гг.); в Новгороде Великом — церковь Св. Александра Невского (архитектор К. К. Романов, 1913–1915 гг.), в поселке Батецкий Новгородской области — церковь сошествия Святого Духа (архитектор А. П. Аплаксин, 1911–1913 гг., не сохранилась, воссоздана в приближенных формах в 2007 г.), в Твери — Воскресенский собор Христорождественского монастыря (архитектор М. П. Омелюстый, 1912–1913 гг.). Все эти постройки имеют формы и мотивы, взятые из архитектуры древних памятников Новгорода и Пскова: для них характерна простота объемно-пространственной композиции, наличие звонниц северного типа, сдержанного декора и т. д. Обращение к псковскому и новгородскому зодчеству в данных случаях, скорее всего, не случайно и связано, во-первых, с близостью новгородской и псковской земель и, следовательно, доступностью для изучения памятников-прототипов. Во-вторых, возможно, важную роль сыграло творческое чутье архитекторов, которые стремились вписать создаваемые культовые здания в сложившуюся, в основном классицистическую, застройку столицы и пригородов, где подобные храмы воспринимались бы более органично, чем нарядные постройки в стиле XVII в. Вероятно также, что выбор стилистики мог зависеть и от комплекса идей, которые ассоциировались с псковско-новгородской архитектурой и были популярны в либеральной среде. Новгородская вечевая республика для части интеллигенции являлась идеалом политического устройства. И архитектурные образы, ориентированные на Новгород, были выражением демократических идей своего времени и «народоправства».

Иная картина складывалась в Москве и в ряде центральных губерний. Там для строительства памятных культовых сооружений в честь 300-летия Дома Романовых зодчие также обращались к неорусскому стилю, но использовали более широкий круг исторических прототипов: это и постройки Москвы XV–XVII вв., и псковско-новгородская архитектура, и храмовое зодчество Русского Севера, Владимира и Суздаля. Этот полистилизм находит свое объяснение в истории древней столицы: став центром, вокруг которого происходило объединение русских земель, Москва впитала и их художественные традиции. Так, в Москве существовали целые городские районы, заселенные переселенцами из Новгорода, Пскова, Твери. Псковские мастера-каменщики принимали участие в строительстве значимых храмов, в том числе в Московском Кремле. А в XVII столетии, после окончания Смуты и избрания нового царя Михаила Федоровича Романова на царство, полистилизм стал проявляться еще ярче. Он характерен и для московских зданий, возведенных в неорусском стиле в память 300-летия Дома Романовых.

Наиболее значимой постройкой, созданной к юбилею правления династии, стала церковь Воскресения Христова в Сокольниках. Она была построена по инициативе протоиерея Иоанна Кедрова в 1909–1913 гг., автор проекта — архитектор П. А. Толстых (при участии Л. И. Лазовского). Это крестово-купольный, четырехстолпный храм, завершенный восьмигранником с шатром и главой, вокруг которого сгруппированы еще четыре главки на барабанах. К рукавам креста примыкают дополнительные пониженные ячейки, также увенчанные главками. Храм окружен притворами, над одним из которых — северном — была устроена звонница. Стены здания украшают разноо-

³ Этот храм не был завершен до 1917 г. и в советские годы был разобран.

бразные декоративные элементы — кокошники, арки, закладные кресты, поливные керамические изразцы, размещенные на барабанах [4, с. 91]. Прямых прототипов у храма Воскресения в Сокольниках нет, но в его облике прослеживаются черты различных архитектурных школ Древней Руси: пятилопастное завершение с пониженными углами основного объема взято из зодчества Новгорода Великого, центральный шатер и горки килевидных кокошников боковых глав — из памятников Москвы XVII столетия, скатные крыльца на ползучих арках — мотивы псковской архитектуры и др.

Интересным примером стилизации столпообразных церквей XVI – начала XVII вв. является храм-памятник Свт. Николая Чудотворца и Свт. Алексия Митрополита Московского в подмосковном дачном поселке Клязьма, возведенный на средства купца И. А. Александренко в память 300-летия Дома Романовых архитектором В. И. Мотылевым по проекту художника С. И. Вашкова в 1913–1916 гг. Он представляет собой бесстолпный четверик с двумя приделами, основной объем которого перекрыт шатром с тремя ярусами килевидных кокошников и одной шлемовидной главой, приделы, в свою очередь, также имеют шатровые завершения. С запада — притвор со звонницей. Она расположена над входом в церковь. Стены храма украшены многочисленными майоликовыми панно. На западном фасаде — образы Свт. Николая Чудотворца и Алексия Митрополита Московского, над пролетом звонницы — Спас Нерукотворный в окружении херувимов, на фронтонах над окнами и в килевидных закомарах — вставки с орнаментами тератологического стиля с двумя вплетенными птицами, наличники с геометрическими и растительными орнаментами и др. Главный вход обрамлен белокаменным порталом.

В центральных губерниях среди возведенных в память 300-летия Дома Романовых культовых построек можно отметить те, которые были построены в стиле московского зодчества XVI–XVII вв.: церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Рязанской области (архитектор А. Г. Молокин, 1913 г.), старообрядческий храм Троицы во Владимире (архитектор С. М. Жаров, 1913–1916 гг.) и Федоровская церковь (архитектор И. А. Чарушин, 1915–1918 гг.) в Вятке (сейчас г. Киров, церковь не сохранилась).

Храмы в неорусском стиле в память 300-летия царствования Дома Романовых строились не только на исконных русских территориях, но и на землях пограничных губерний, которые вошли в состав Российской империи в XVIII–XIX столетиях. Например, в городе Вильманстранде в княжестве Финляндском (сейчас Финляндия, г. Лаппеэнранта) в 1913 г. по проекту Г. А. Косякова в честь 300-летия Дома Романовых был заложен полковой храм для драгунского финляндского полка. Это крестовокупольная, пятиглавая постройка, с запада — притвор с крыльцом и трехпролетной звонницей. Стены расчленены разновеликими и различными по форме окнами и декорированы кирпичными вставками, изображающими кресты. По бокам от перспективного портала главного входа расположены выложенные из кирпича узоры из растительного орнамента, обрамляющие круглые поля, на которых, скорее всего, должны были быть сделаны надписи-посвящения. Многочисленные ниши на стенах храма свидетельствуют о том, что на фасадах, вероятно, планировалось разместить керамические панно. Храм сочетает в себе черты московских больших пятиглавых соборов XVI–XVII вв. и мотивы каменного зодчества Русского Севера, воплощенные в щипцовых завершениях закомар и звонницы.

Еще один крупный храм к юбилею династии был возведен в Вильнюсе — Константино-Михайловская церковь (архитектор В. Д. Адамович, при участии епархиаль-

ного архитектора А. А. Шпаковского, 1911–1913 гг.). Его построили на средства действительного статского советника из Москвы — И. А. Колесникова, при содействии Виленского Духовного братства. Церковь имеет двойное посвящение: Св. Константина — в память общественного деятеля и покровителя православной веры на территории Речи Посполитой К. К. Острожского, 300-летие кончины которого отмечалось в 1908 г., и Св. преп. Михаила Малеина — тезоименного святого царя Михаила Федоровича Романова, первого из династии.

Храм представляет собой четверик с пятью луковичными главами. Каждая его сторона поделена на три прясла, завершенных полуциркульными закомарами. Центральные из прясел, более широкие и высокие, выступают небольшими ризалитами. К западному фасаду примыкает звонница с одним ярусом звона и одной луковичной главой на барабане. В храм ведут три перспективных портала. Стены церкви, ярус звона колокольни и барабаны ее глав прорезаны разновеликими арочными окнами. На главном западном фасаде, над входом устроено трехчастное византийское окно. Стены храма богато декорированы. Все углы оформлены сдвоенными колоннами с резными капителями. По всему периметру здания проходит аркатурный пояс. Простенки между окон, поле закомар и кокошников заполнены витиеватым растительным орнаментом и изображениями святых, изготовленным из цемента И. К. Возницким [8, с. 11]. «Для придания большего внутреннего благолепия храму и увеличения вместительности его главная главка основана не на отдельных столбах, а на системе перекрещивающихся арок...» [8, с. 11]. В основе форм и декора Константино-Михайловской церкви лежат мотивы Владимиро-Суздальского зодчества и архитектуры Москвы XV–XVII столетий, что объясняется тем, что основной заказчик строительства — статский советник И. А. Колесников был из Москвы и, по-видимому, желал в такой символической форме, через архитектуру, связать периферию — Вильнюс — с историческим центром Империи — Москвой.

В отдельную подгруппу можно объединить деревянные церкви в память 300-летия Дома Романовых, которые строились повсеместно. Например, церковь Апостолов Петра и Павла в ст. Карташевская (архитектор Н. Котович, 1913 г.); храм Казанской иконы Божьей Матери в Вырице под Санкт-Петербургом (архитектор М. В. Красовский, 1913 г.); Федоровская церковь в Молзино (не сохранилась, архитектор неизвестен, 1913 г.) и старообрядческая церковь во имя Св. Михаила Малеина в Тимково (архитектор И. И. Струков, 1912 г.) под Москвой, церковь Пантелеймона Целителя (не сохранилась, архитектор неизвестен, 1913 г.) в Ульяновске (Симбирск). Все деревянные церкви возведены в стилистике архитектуры Русского Севера и представляют собой либо небольшие постройки клетского типа, перекрытые двускатной кровлей, увенчанные одной главой и иногда дополненные шатровой колокольней, либо высокие шатровые храмы.

Наряду с церквями, одним из популярных юбилейных сооружений были часовни. Самый распространенный стиль для их строительства был русский, основанный на зодчестве XVII столетия (см. таблицу 1). Все приведенные в таблице постройки — это шатровые часовни с одной главой. Вместе с тем неорусский и неоклассический стили также представлены несколькими сооружениями: часовни в память 300-летия Дома Романовых (архитектор неизвестен, 1913 г.) у г. Чекалин Тульской области и в Твери (архитектор П. Ф. Богомолов, 1913 г.), а также Никольская часовня в Новосибирске (архитектор А. Д. Крячков, 1913 г., не сохранилась, воссоздана) — в неорусском; часовня в Нижних Вязовцах Зеленодольского района Татарстана (архитектор

А. В. Щусев, 1914 г.) — в неоклассицизме. Большинство часовен были выстроены из кирпича, часть — из дерева, как, например, часовня в память 300-летия Дома Романовых в Павловске (архитектор неизвестен, 1913 г.), но есть и уникальные — металлическая часовня в городе Сольцы Новгородской области (1913 г.). Она была изготовлена из листового металла, перекрыта четырехскатной кровлей с маленькой главкой.

Отдельного внимания заслуживают посвящения юбилейных храмов и часовен. Наиболее распространенными были:

- 1 Феодоровской иконе Божией Матери — особо почитаемой династией святыни. Именно Феодоровским образом инокиня Марфа благословила своего сына Михаила Романова на царство в 1613 г.;
- 2 Казанской иконе Божьей Матери — образу, связанному с событиями Смутного времени. Он сопровождал войско Дмитрия Пожарского, многие из первых церквей, построенные при царе Михаиле Романове были посвящены именно этой святыни.
- 3 Свт. Николаю Чудотворцу, Свт. Алексию Митрополиту Московскому, Св. Царице Александре, Св. Михаилу Малеину — тезоименным святым Николая II, царевича Алексея, Александры Федоровны и царя Михаила Федоровича.

Среди памятных храмов и часовен встречаются Троицкие, Преображенские и Воскресенские, что также имеет свое обоснование. Троица — образ единения на Руси с давних времен. С Троицкой иконой и Троицким монастырем связано начало освобождения русских земель от иноземного ига и их объединения вокруг Москвы в государство. Преображение и Воскресение Господне — это не только одни из главных православных праздников, но и символы новой жизни, возрождения. Все это, безусловно, свидетельствует о тех надеждах общества, которые были связаны с окончательным преодолением смуты 1905–1907 гг. в Российской империи.

Ричард Вортман в своей статье «Николай II и популяризация его образа. Новые способы репрезентации» рассматривает юбилейные торжества, пришедшиеся на начало XX в. (1909 г. — 200-летие Полтавы, 1912 г. — 100-летие Бородино, 1913 г. — 300-летие Дома Романовых), как своеобразный способ популяризации Николаем II своей личности, восстановления своего авторитета после русско-японской войны и революционных событий 1905–1907 гг. Более того, он пишет, что «Николай II порвал с традиционными формами репрезентации и перенес образ императора на рыночную площадь, в потребительскую культуру...» [3, с. 82]. Но была ли у императора в этом необходимость, ведь за мятежной революционной порой начался период расцвета и благоденствия, который продолжался семь лет. Конечно, празднества носили официальный, государственный характер, должны были отмечаться во всех губерниях, организовываться местными властями, которым в свою очередь предстояло отчитываться о проведении торжеств перед Комитетом. Но многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что инициатива по увековечиванию памяти 300-летия Дома Романовых в постройках исходила в основном не от властей (они занимались благоустройством населенных пунктов и праздничными мероприятиями, реже — сооружением зданий), а от населения. Чаще всего инициаторами строительства выступали крестьяне, представители купечества, руководители фабрик, военные. Финансирование велось также на их личные пожертвования, безусловно, выделялись и средства из местных, и даже государственного бюджетов, но их количество было не столь велико и не покрывало всех расходов. Все это свидетельствует о том, что не Николай II занимался популяризацией своей личности, а народ желал выразить свою благодарность царю, который воспринимался как отец,

его личность все еще оставалась сакральной. Поэтому в дни торжеств каждый хотел быть причастным к юбилею.

Строительство храмов и часовен в память 300-летия Дома Романовых в годы правления Николая II стало общенародным делом, способствовало единению различных слоев общества.

В стилистике памятных культовых сооружений преобладал неорусский стиль, который, возможно, если бы не начало Первой мировой войны в 1914 г. и революция февраля 1917, мог стать новым государственным стилем.

Традиция увековечивания важных государственных юбилейных дат с помощью строительства храмов и часовен остается востребованной и в наши дни, примером этому служит храм вооруженных сил России, возведенный в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Боханов А. Н.* Император Николай II. 4-е изд. М.: Русское слово, 2006. 565 с.
- 2 *Волков А. А.* Около царской семьи. М.: Част. Фирма «Анкор», 1993. 221 с.
- 3 *Вортман Р.* Николай II и популяризация его образа в 1913 году / авторизован. пер. Е. Островской и Ю. Кагарлицкого // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 78–103.
- 4 *Вострышев М. И., Шокарев С. Ю.* Москва православная. Все храмы и часовни. М.: Алгоритм, 2012. 542 с.
- 5 Зодчий: журнал архитектурный и художественно-технический / Санкт-Петербургское общество архитекторов. Пг.: Санкт-Петербургское о-во архитекторов, 1914. 1757 с.
- 6 *Кокорцев В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж: Иллюстриров. Россия, 1933. Т. 2. 504 с.
- 7 *Лиманова С. А.* Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М.: Кучково поле, 2017. 358 с.
- 8 *Миловидов А. М.* Виленский храм-памятник в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых и в память князя К. К. Острожского: (Ко дню освящения храма 9мая 1913 г.). Вильна: Вилен. св.-дух. братство, 1913. 36 с.
- 9 *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. М.: Центрполиграф, 2016. 381 с.
- 10 *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы из моей жизни. СПб.: Царское дело, 2016. 360 с.
- 11 *Швидковский Д. О.* Русская церковная архитектура накануне революции. М.: Архитектура-С, 2018. 408 с.

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 13. 1911 г. Д. 93. Дело Академии художеств по проекту храма в память 300-летия царствования Дома Романовых, предположенного к сооружению в городе Санкт-Петербурге при подворье Феодоровского Городецкого монастыря Нижегородской епархии.
- 2 РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2719. Дело о постройке и освящении каменного храма Спасо-Преображения в память 300-летия царствования Дома Романовых в дачной местности Тярлево-Глазово возле города Павловска.

3 РГИА. Ф. 1320 «Комитет для устройства празднования 300-летия Дома Романовых». Оп. 1. Д. 1–328.

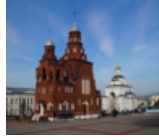

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Таблица 1 – Культурные постройки, возведенные
в память 300-летия Дома Романовых
Table 1 – Religious Buildings Erected
in Memory of the 300th Anniversary of the House of Romanov**

Название	Изображение	Сохранность / Принадлежность	Адрес	Дата постройки	Архитектор	Стиль
Храмы г. Санкт-Петербург и Ленинградской обл.						
Церковь Казанской иконы Божией Матери		Приходская церковь	Ленинградская обл., Гатчинский р-н, пос. Сусанина, 5-я линия, д. 40	1908–1913	Б. Н. Басин	Неорусский стиль
Храм Казанской иконы Божией Матери		Приходская церковь	г. Зеленогорск (Териоки), Приморское ш., д. 547	1910–1915	Н. Н. Никонов	Русский стиль
Церковь Архангела Михаила		Приходская церковь	Ленинградская обл., г. Ломоносов, Дворцовый просп., д. 61	1911–1914	А. К. Миняев	Русский стиль
Храм Феодоровской иконы Божией Матери		Приходская церковь	г. Санкт-Петербург, Миргородская ул., д. 1А	1911–1914	С. С. Кричинский	Неорусский стиль
Церковь Спаса Преображения		Приходская церковь	Ленинградская обл., Гатчинский р-н, пос. Старосиверская, ул. Школьная	1912	А. П. Аплаксин	Неоклассицизм
Церковь Спаса Преображения		Приходская церковь	Ленинградская обл, пос. Терляево	1912-1914	А. А. Захаров, Н. Л. Раклицкий	Неорусский стиль
Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери		Приходская церковь	Ленинградская обл., Гатчинский р-н, пос. Вырица	1913	архитектор В.П. Апышков, инженер Р.В. Красовский	Неорусский стиль

Церковь Святых апостолов Петра и Павла храм		Не сохранилась	Гатчинский р-н, пос. Карташевская	1913	–	Неорусский стиль
Церковь Алексия Митрополита Московского при подворье Калязинского Александро-Невского женского монастыря Тверской епархии		Не сохранилась, не была достроена до революции 1917 г.	г. Санкт-Петербург, ул. Ольги Берггольц, д. 26/21, угол ул. Пинегин	1913	Д. И. Милеев	Неорусский стиль
Храм 4-го стрелкового императорской фамилии полка в Царском Селе		Не была достроена до революции 1917 г., разобрана	Царское Село	1913–1917	Е. И. Константинович	Неорусский стиль
Церковь Алексия Митрополита Московского		Приходская церковь	Ленинградская обл., Гатчинский р-н, пос. Таицы, Гатчинское ш., д. 24	1915–1921	И. В. Эскузович	Неорусский стиль
Храмы северо-западных областей России						
Церковь Сошествия Святого Духа (воссоздана в 2004 с отступлением от авторского проекта)		Приходская церковь	Новгородская обл., пос. Батецкий	1911–1913	А. П. Аплаксин	Неорусский стиль
Церковь Александра Невского		При семинарии, действует	Новгородская обл., г. Великий Новгород, просп. Александра Корсунова, д. 56	1916	К. К. Романов	Неорусский стиль
Воскресенский собор		Собор Христорождественского монастыря в Твери, действует	г. Тверь, ул. Баррикадная, д. 1	1913–1916	М. П. Омелюстный	Неорусский стиль
Покрова Пресвятой Богородицы		Не действует	Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Ракула	1913–1915	–	Русский стиль
Храмы г. Москвы и Московской обл.						
Церковь Воскресения Христова в Сокольниках		Приходская церковь	г. Москва, Сокольническая пл., д. 6	1909–1913	Автор проекта П. А. Толстых, при участии архитектора Л. И. Лазовского	Неорусский стиль

Церковь Всех Святых		Приходская церковь	Московская обл., Чеховский р-н, с. Ивановское	1864–1869 — трапезная, 1883 — основной объем храма, освятили храм к 300-летию Дома Романовых	Основной объем храма по проекту архитектора К. В. Гриневского	Русский стиль
Церковь Троицы Живоначальной в Наташино (Ухтомском) С приделом Николая Чудотворца		Приходская церковь	Московская обл., Люберецкий р-н, г. Люберцы, ул. Урицкого, д. 1	1912–1913	М. Ф. Бугровский	Русский стиль
Старообрядческая Церковь Михаила Малеина в д. Тимково		Не действует, разрушена	Московская обл., Ногинский р-н, д. Тимково	1912	Гражданский инженер Н. И. Струков	Неорусский стиль
Церковь Николая Чудотворца у ст. Кашира	Изображение в настоящее время не найдено	Не сохранилась, вероятно, не была достроена	Московская обл., Кашира	1912	–	Стиль не установлен
Церковь Ермагена, патриарха Всероссийского в Гермогеновой пустыни	Изображение в настоящее время не найдено	Не сохранилась	Московская обл., Сергиево-Посадский р-н, ур. Гермогенова Пустынь (2 км от д. Алферьево)	1913	–	Стиль не установлен. Деревянная
Церковь Николая Чудотворца и Алексия Митрополита Московского		Приходская церковь	Московская обл., пос. Клязьма (г. Пушкино), Лермонтовская ул., д. 20	1910-е	Автор проекта С. И. Вашков, строил В. И. Мотылев	Неорусский стиль
Храм-школа Николая Чудотворца		Домовая церковь при школе, действует	Московская обл., г. Павловский Посад, ул. 1-го мая	1914	Механик шелковой фабрики А. А. Шестаков	Неоклассицизм
Церковно-приходская школа с храмом Феодоровской иконы Божьей Матери	Изображение в настоящее время не найдено	-	Московская обл., д. Молзино	1915	–	Стиль не установлен.
Храмы центральных областей России						
Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы		Приходская церковь	Рязанская обл., с. Пет	1912–1913	А. Г. Молокин	Неорусский стиль
Церковь Казанской иконы Божьей Матери		Приходская церковь	Самарская обл., Кинельский р-н, с. Красносамарское, ул. Советская, д. 2.	1908–1916	–	Неоклассицизм

Крестовоздвиженский собор		Собор Верхотурского монастыря, действует	Свердловская обл., г. Верхотурье, ул. Воинская	1905–1913	А. В. Турчевич	Неовизантий- ский стиль
Собор Николая Чудотворца		Собор Валуевского Успенского монастыря, действует	Белгородская обл., Валуйский р-н, г. Валуйки	1906–1913	–	Неовизантий- ский стиль
Собор Софии Премудрости Божией (Собор Троицы Живоначалной бывшего Троицкого Монастыря)		Монастырский собор, действует	Респ. Татар- стан, г. Лаише- во, ул. Черны- шевского, д. 24.	1901–1912	Ф. Н. Малиновский	Неовизантий- ский стиль
Троицкая старо- обрядческая церковь		Не действует, музей	г. Владимир, ул. Дворянская, д. 2	1913–1916	С. М. Жаров	Неорусский стиль
Собор Троицы		Восстанавли- вается	Владимирская обл., г. Юрьев Польской	1913	–	Русский стиль
Церковь Николая Чудотворца и Алексия, митрополита Московского в Ельце		Сохранилась, действует	Липецкая обл., г. Елец, ул. Советская, д. 20	1913–1915	–	Неовизантий- ский стиль
Церковь Николая Чудотворца в д. Курилово построена на средства купца С. Н. Сорокина		Приходской храм	Ярославская обл., д. Курилово	1913	–	Неорусский стиль
Церковь Феодоровской иконы Божьей Матери, (утрачена в 1963)		Не сохранился	г. Киров (Вятка), Наб. Грина, д. 7	1915–1918	И. А. Чарушин	Неорусский стиль
Церковь Феодоровской иконы Божьей Матери		Приходской храм	Респ. Крым, г. Бахчисарай, ул. Македонского, д. 2	1913	–	Русский стиль
Церковь Иоанна Златоуста		Не действует	Пермский край, Кунгурский р-н, г. Кунгур, д. Шубино	1910	–	Русский стиль

Церковь Пантелеймона Целителя в г. Ульяновске (Симбирске)	Изображение в настоящее время не найдено	Не сохранилась	г. Ульяновск, ул. Пушкинская	1913–1914	–	Стиль не установлен. Деревянная
Константино-Михайловская Романовская церковь		Приходская церковь	Литовская Респ., г. Вильнюс, Jono Basanavičiaus, g. 27	1911–1913	Инженер П. И. Соколов	Неорусский стиль
Полковая церковь в Вильманстранде (Лаппеенранте)		Передана лютеранской церкви	Финляндия, г. Вильманстранда (Лаппеенранта)	1912–1914	Г. А. Косяков	Неорусский стиль
Церковь Св. Николая Чудотворца (Брянская Николаевская церковь)		Дом органной и камерной музыки	Украина г. Днепрпетровск, просп. Калинина, д. 66	1913–1915	Епархиальный архитектор Полтавской губернии Г. Туровец. Интерьер- архитектор Е. Константинович	Необарокко
Церковь Симеона Столпника		Приходская церковь	Респ. Беларусь, Брестская обл., Каменецкий р-н, г. Каменец, ул. Гоголя, д. 1	1914	–	Русский стиль
Часовни						
Часовня в память 300-летия Дома Романовых. Посвящение не установлено		Не сохранилась	Ленинградская обл., г. Павловск	1913	–	Неорусский стиль
Часовня в память 300-летия Дома Романовых в Новоспасском монастыре. Посвящение не установлено		Действующая	г. Москва, тер. Новоспасского монастыря	1913	–	Русский стиль
Часовня в память 300-летия Дома Романовых в Твери. Посвящение не установлено		Действующая	г. Тверь, просп. Чайковского	1913	Инженер-строитель П. Ф. Богомолов	Неорусский стиль
Часовня Владимира Равноапостольного		Утрачена. Восстановлена по проекту арх. А. Мелентьева	г. Самара, ул. Максима Горького	1913	А. А. Щербачев	Русский стиль

Часовня Владимирской иконы Божьей Матери		Действующая	Московская обл., Люберецкий р-н, пос. Томилино	1913	М. Андреев	Русский стиль
Часовня Николая и Александры		Разрушена	Владимирская обл., Петушинский р-н, д. Старое Перепечино, ул. Советская, д. 3	1913	–	Русский стиль
Часовня Николая Чудотворца		Была утрачена в 1929 г., воссоздана	г. Новосибирск (Ново-Николаевск) Николаевский просп.	1914	Архитектор проекта — А. Д. Крячков, инженер Ф. Ф. Рамман	Неорусский
Часовня Феодоровской иконы Божьей Матери	 <small>Деталь часовни на иконе. 1914-1916 г.г. В. Савицкий, на Владимирской стороне, восстановлена в 1928 г. на месте 1914-1916 г.г. В. Савицкий. На часовней ико-</small>	Была утрачена в 1928 г.	Респ. Крым. г. Севастополь, пл. Ластовая	1912–1914	П. Ф. Абрамов	Русский стиль
Часовня Свт. Николая Чудотворца		Снесена в 1926 г.	г. Пермь, на пересечении ул. Покровской и Биармской, (сейчас Ленина и Плеханова)	1913	–	Русский стиль
Часовня в память 300-летия Дома Романовых. Посвящение не установлено		Разобрана в 1920-е гг.	г. Сольцы Новгородская обл.	1913	–	–
Часовня в память 300-летия Дома Романовых. Посвящение не установлено		Не сохранилась	Липецкая обл. (ранее Тамбовская губ.), с. Романово	1913	–	Неорусский стиль, деревянная
Часовня в честь 300-летия Дома Романовых. Посвящение не установлено		Действующая	Респ. Татарстан, Зеленодольский р-н, пгт. Нижние Вязовые, ул. Колхозная	1913	А. В. Щусев	Неоклассицизм

Часовня в память 300-летия Дома Романовых (Солдатская моленная). Посвящение не установлено		Не действует. На реставрации	Тульская обл., Суворовский район, г. Чекалин	1913	–	Неорусский стиль
Часовня Иоанна Предтечи		Действующая	Костромская обл., Сусанинский р-н, ур. Деревеньки	1913	–	Русский стиль
Часовня иконы Божьей Матери Всецарица		Домовая часовня при онкологическом диспансере	г. Кострома	1911–1913	В. М. Лопатин (?)	Неорусский стиль
Часовня Федоровской иконы Божьей Матери		Часовня построена при церкви Святого Александра Невского, действует	Грузия, г. Тбилиси	1913	–	Неорусский стиль

© 2022. Alevtina I. Tomilova
Moscow, Russia

**PERPETUATION OF HISTORICAL DATES UNDER NICHOLAS II
IN RELIGIOUS BUILDINGS
(IN THE CONTEXT OF THE 300TH ANNIVERSARY
OF THE HOUSE OF ROMANOV)**

Abstract: The paper addresses religious buildings erected in memory of the 300th anniversary of the House of Romanov. The tradition of erecting temples-monuments has deep roots in Russia. Memorial churches and chapels were erected in honor of military victories and important historical events. In memory of the 300th anniversary of the House of Romanov, a large number of both civil and religious buildings were built on the territory of the Russian Empire. Many of them were created in the neorussian style, and are of particular importance for the development of Russian architecture today. Today, there is a great public interest in the personality of Nicholas II, in the House of Romanov, in the historical events of the early 20 century and in the art and architecture of the 1910s. Unfortunately, many of the architectural monuments of this period are still poorly studied. This also applies to the religious buildings erected for the 300th anniversary of the House of Romanov, only a small part of which is introduced into scientific circulation. During the study the author drew upon archival and bibliographic sources on the chosen topic and used the methods of stylistic and iconographic analysis of the features of the architecture of memorial churches and chapels, and the comparative

method. Results obtained allowed providing a list of religious buildings in memory of the 300th anniversary of the House of Romanov, which includes 42 churches and 16 chapels.

Keywords: Temples-monuments, Chapels, Nicholas II, Russian Empire, 300th Anniversary of the House of Romanov, Cult Architecture, Neo Russian Style, Polystylism.

Information about the author: Alevtina I. Tomilova — Teacher of the Department of Protection and Restoration of Cultural Heritage of the Faculty of Architecture, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Myasnienskaya St., 21, 101000 Moscow, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1167-0785>

E-mail: alia-ilia@yandex.ru

Received: July 20, 2021

Approved after reviewing: December 15, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Tomilova A. I. Perpetuation of Historical Dates under Nicholas II in Religious Buildings (in the Context of the 300th Anniversary of the House of Romanov). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 297–314. (In Russian)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-297-314>

REFERENCES

- 1 Bokhanov A. N. *Imperator Nikolai II* [The Emperor Nicholas II]. 4nd ed. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2006. 565 p. (In Russian)
- 2 Volkov A. A. *Okolo tsarskoi sem'i* [Close to the Royal Family]. Moscow, Chastnaia Firma "Ankor" Publ., 1993. 221 p. (In Russian)
- 3 Vortman R. Nikolai II i popularizatsiia ego obraza v 1913 godu [Nicholas II and Popularization of his Image, 1913], authorized trans. by E. Ostrovskoi and Iu. Kagarlitskogo. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no 38, pp. 78–103. (In Russian)
- 4 Vostryshhev M. I., Shokarev S. Iu. *Moskva pravoslavnaia. Vse khramy i chasovni* [Moscow Orthodox. All Temples and Chapels]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. 542 p. (In Russian)
- 5 *Zodchii: zhurnal arkhitekturnyi i khudozhestvenno-tekhnicheskii* [Architect: Architectural and Artistic-Technical Journal]. Petrograd, Sankt-Peterburgskoe obshchestvo arkhitektorov Publ., 1914. 1757 p. (In Russian)
- 6 Kokovtsev V. N. *Iz moego proshlogo. Vospominaniia 1903–1919* [From my Past. Memoirs of 1903–1919]. Parizh, Illiustrirovannaia Rossiia Publ., 1933. Vol. 2. 504 p. (In Russian)
- 7 Limanova S. A. *Stolichnye torzhestva Rossiiskoi imperii v tsarstvovanie Nikolaia II* [Capital Celebrations of the Russian Empire in the Reign of Nicholas II]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017. 358 p. (In Russian)
- 8 Milovidov A. M. *Vilenskii khram-pamiatnik v oznamenovanie 300-letii tsarstvovaniia doma Romanovykh i v pamiat' kniazia K. K. Ostrozhsкого: (Ko dniu osviashcheniia khrama 9maia 1913 g.)* [Vilensky Memorial Church in Commemoration of the 300th Anniversary of the Reign of the House of Romanov and in Memory of Prince K. K. Ostrogsky: (On the Day of the Consecration of the Temple on May 9, 1913)]. Vil'na, Vilenskoe sviato-dukhovskoe bratstvo Publ., 1913. 36 p. (In Russian)

- 9 Ol'denburg S. S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaia II* [The Reign of Emperor Nicholas II]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 381 p. (In Russian)
- 10 Taneeva (Vyrubova) A. A. *Stranitsy iz moei zhizni* [Pages of my Life]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2016. 360 p. (In Russian)
- 11 Shvidkovskii D. O. *Russkaia tserkovnaia arkhitektura nakanune revoliutsii* [Russian Church Architecture on the Eve of the Revolution]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2018. 408 p. (In Russian)

LIST OF ARCHIVAL SOURCES

- 1 Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 789. Op. 13. 1911 g. D. 93. Delo Akademii khudozhestv po proektu khrama v pamiat' 300-letii tsarstvovaniia Doma Romanovykh, predpolozhennogo k sooruzheniiu v gorode Sankt-Peterburge pri podvor'e Feodorovskogo Gorodetskogo monastyria Nizhegorodskoi eparkhii [Business Academy of Arts in the Church in Memory of the 300th Anniversary of Reign of the Romanov Dynasty, is Expected to Construction in Saint-Petersburg Metochion of the Monastery of St. Theodore of Gorodets Nizhny Novgorod Diocese].
- 2 RGIA [RSHA]. F. 805. Op. 1. D. 2719. Delo o postroike i osviashchenii kamennogo khrama Spaso-Preobrazheniia v pamiat' 300-letii tsarstvovaniia Doma Romanovykh v dachnoi mestnosti Tiarlevo-Glazovo vozle goroda Pavlovsk [The Case of the Construction and Consecration of a Stone Church of the Savior-Transfiguration in Memory of the 300th Anniversary of reign of the Romanov Dynasty in Suburban Areas Tyarlevo-Glazovo Near the City of Pavlovsk].
- 3 RGIA [RSHA]. F. 1320 “Komitet dlia ustroistva prazdnovaniia 300-letii Doma Romanovykh” [“Committee for the Organization of the Celebration of the 300th Anniversary of the House of Romanov”]. Op. 1. D. 1–328.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-315-324>

УДК 7.038.11

ББК 85.12(2)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Т. Е. Патина
г. Москва, Россия

© 2022 г. О. В. Ковалева
г. Москва, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО АВАНГАРДА
В ПЕРИОД 1910–1930 гг.
ИДЕИ РУССКОГО ТЕКСТИЛЬНОГО АВАНГАРДА**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-312-90042

Аннотация: В статье представлен аналитический обзор изученной и обработанной информации по вопросу фундаментальной роли обучения художников в системе институтов и художественных школ авангарда первой четверти XX в. Рассмотрены основные теоретические аспекты, связанные с развитием и становлением русского текстильного авангарда. Для более глубокого и объективного понимания развития новаторских идей искусства послереволюционной России XX в. изучена деятельность основных идеологов русского авангарда в искусстве живописи: М. Ф. Ларионова, Н. С. Гончаровой, К. С. Малевича, В. В. Кандинского. В текстильном искусстве изучена деятельность В. Ф. Степановой, Л. С. Поповой, О. В. Розановой, а также деятелей, повлиявших на становление авангардных школ. Дано представление, как идеи авангарда продолжились в идеях супрематизма, конструктивизма и агиттекстиля. Сделан вывод о том, что исследование и изучение идей русского авангарда открывает новые возможности для развития современного российского дизайна.

Ключевые слова: текстильный орнамент, русский авангард, отечественная школа авангарда, текстильный авангард, конструктивизм, супрематизм, агиттекстиль, дизайн текстиля.

Информация об авторах:

Татьяна Евгеньевна Патина — аспирант, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Малая Калужская, д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1166-270X>

E-mail: patina.tati@gmail.com

Ольга Владимировна Ковалева — кандидат технических наук, доцент кафедры Искусство костюма и моды, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Малая Калужская, д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1160-5780>

E-mail: kovaleva-ov@rguk.ru

Дата поступления статьи: 07.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 10.04.2022

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Патина Т. Е., Ковалева О. В. Формирование и становление русского авангарда в период 1910–1930 гг. Идеи русского текстильного авангарда // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 315–324.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-315-324>

Концепции формообразования русского авангардного искусства 1910 – начала 1920-х гг. (неопримитивизм, лучизм, фовизм, кубизм, супрематизм, конструктивизм), изначально проявившиеся в области архитектуры и изобразительного искусства в целом, также повлияли на формирование художественного стиля в орнаментальном текстильном искусстве.

Историю русского искусства XX в. принято начинать с первых программных выступлений художников авангарда около 1910 г. В первую очередь это связано с деятельностью М. Ф. Ларионова и Н. С. Гончаровой.

М. Ф. Ларионов был идеологом нового понимания творчества, один из первых концептуалистов в авангарде, он считал необходимым постоянно идти дальше от всего уже найденного, от выработанной манеры. С середины 1900-х гг. он непрерывно выступает как создатель новых методов и стилей. Первым был неопримитивизм, ориентирующийся как на неклассические источники, так и на живопись западных мастеров (П. Гогена и А. Матисса и др.). Русский неопримитивизм демонстрировал материальность, упрощение, яркую декоративность цвета, лаконичность и огрубление форм через ориентир на национальное художественное наследие с целью решения задачи создания неких универсалий [6].

Затем М. Ларионов в 1912 г. изобретает лучизм, один из первых вариантов беспредметного искусства [6], призванный изображать не предмет, а отражающиеся от него световые лучи. Огромную роль в движении авангарда играли организованные Ларионовым выставки: «Бубновый валет» (1910–1911), «Ослиный хвост» (1912), «Мишень» (1913), «NQ 4. Футуристы, лучисты, примитив» (1914).

Н. Гончарова вместе с М. Ларионовым стояла у истоков зарождения направления лучизм, ее основным вкладом в искусство русского авангарда является орнамент в соединении с мотивами иконописи. Для ее творчества характерны полижанровость и богатство художественных приемов, в своих произведениях лучизма она обращалась к таким источникам, как скорость и движение машины, в отличие от М. Ларионова, который в своих работах в большей степени анализировал абстрактные структуры, цвет и линии [6].

Действующие художники-авангардисты искали новаторские приемы, и нередко в их творчестве пересекались пути решения творческих задач абстрактного искусства и подходов, диктуемых спецификой прикладных искусств, в том числе и текстильного орнамента. Русский текстильный авангард — это пересечение основных тенденций времени: орнаментальных традиций и авангардного поиска новой геометрической пластики средствами абстрактного искусства.

Жизненные перемены во все времена незамедлительно отражались на изменении художественно-творческих тенденций и методах обучения. Творческие методы

подготовки художников русского авангарда в области текстильного печатного рисунка в контексте развития отечественного дизайна первой четверти XX в. пережили некоторые изменения в связи с политической трансформацией, появлением новой системы ценностей и с развитием индустриальной цивилизации.

Предпосылки развития текстильного масштабного производства в России возникают еще в XVIII в., начиналось все с деятельности мастерских, чаще всего организованных в имениях аристократии [9]. Одной из важных задач таких мастерских было сохранять, поддерживать и развивать интерес художников к проектированию предметно-пространственной среды и развитию народного искусства в целом. Однако отсутствие качественных школ и отсутствие четкой системы подготовки квалифицированных специалистов текстильного производства препятствует становлению текстильной промышленности XVIII–XIX вв. [7].

До конца XIX в. в обучении текстильному орнаменту будущих специалистов для текстильных производств учили с преобладанием методов академического и ремесленно-технического образования [1]. Наличие канонов избавляло учеников-ремесленников от необходимости анализировать и учитывать в процессе создания орнаментированных полотен запрос потребителя, овладевая мастерством создания непосредственно в процессе анализа лучших образцов и механического подражания им. На этом этапе еще не было необходимости в проектировании.

Художественно-промышленные школы, ставшие на тот момент центрами, которые готовили кадры для текстильных производств уже в XIX в. принципиально отличались от предыдущих школ способом обучения. Конечно, наглядный принцип обучения и копирование остаются на многие десятилетия актуальными в обучении специалистов, но также учебные планы дополняются заданиями по художественным предметам, построенным по принципу «плоскость – объем – пространство», так начинающие специалисты осваивали урок того, что орнамент не обязательно должен быть связан с предметом и может быть выполнен в любом материале [1; 10].

В конце XIX – начале XX вв. развитие промышленности удешевило производство, и художественный текстиль стал повседневной необходимостью не только в верхних слоях общества, массовое потребление фабричных тканей привело к запросу на восполнение специалистов-техников для текстильных производств. Оборудование фабрик сложным текстильным ситцепечатным оборудованием стало важным этапом в развитии текстильной промышленности, именно с появлением машин на производствах начинает входить в систему обучения четкая система производственных практик и технологических знаний, потому как возникает потребность в решении проблем формообразования и культуры массового производства изделий повседневного назначения.

К 1913–1916 гг. обучение приобрело устойчивые формы, и учебные заведения уже работали в интересах развития русской промышленности, например, в Строгановском училище для специалистов по орнаменту преподавали продуманный комплекс специальных предметов (теория теней, перспектива, история искусства, история русского искусства, ткачество, набивное дело) [1; 3].

После реорганизации всей системы художественного образования в 1918 г. и слияния двух свободных государственных художественных мастерских в 1920 г. во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), далее после 1927 г. получивший название ВХУТЕИИ (Высший художественно-технический институт) преобладает наглядно-практический метод обучения специалистов художниками-практиками [1].

С приходом в первой четверти XX в. в систему образования выдающихся художников-практиков, работающих на фабриках, возникает не только усиление, но и развитие теоретического и методического обоснования в практическом обучении специалистов текстильному орнаменту, активно идет перестройка инженерно-технологической части обучения на текстильном факультете ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа [2].

В ответ на новый социальный заказ в учебном процессе существенно изменились методические установки. Непосредственно внедрением в учебный процесс первых программ подготовки и методик обучения советских художников-текстильщиков с высшим образованием занимались их авторы [1, с. 13], которые на тот момент уже имели профессиональный опыт абстрактного искусства, и многие из них параллельно занимались станковым искусством. В разное время на факультете преподавали такие значимые фигуры русского и советского искусства, которые на разных этапах своего творческого пути, со своими устоявшимися взглядами на вопросы подготовки специалистов художественного профиля, сделали многое для развития пространственных видов искусств, включая текстиль и костюм [1].

А. В. Куприн, параллельно занимавшийся экспериментами в области живописной композиции, вел во ВХУТЕМАСе курс «Общая композиция», на основе которого были построены последующие программы художественной пропедевтики в обучении специалистов текстильному орнаментальному искусству. На этом курсе давались основы построения орнаментальных композиций средствами графики, решались вопросы, затрагивающие пространство и объем. Прорабатывалось содержание таких понятий, как плоскость, поверхность, цвет, форма, фактура, материал, раппорт, ритм, масштаб, пропорции линий и плоскостей, симметрия, гармония, образ [1; 2; 3].

Л. В. Маяковская преподавала на момент середины 20-х гг. XX в. новационную технику нанесения орнамента на ткань при помощи аэрозольной краски — аэрографию (рисунок 1). С работами и подробностями творческой жизни Л. Маяковской подробно знакомит зрителя интересный проект «Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1932». Умело заключенные в простые геометрические фигуры (треугольники, круги, квадраты и т. д.), оригинальные цветовые сочетания, расплывающийся контур которых давал интересный эффект приглушенных тонов и мягкие переходы от одного цвета к другому.

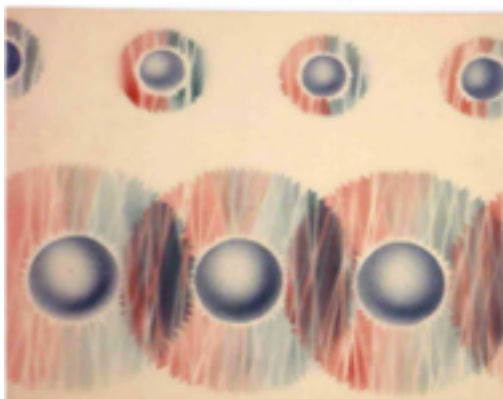

Рисунок 1 – Эскиз рисунка ткани Л. Маяковской (слева),
Л. Маяковская за работой (справа) 1910-е гг.
Figure 1 – Sketch of a Fabric Drawing by L. Mayakovskaya (Left),
L. Mayakovskaya at Work (Right) in the 1910s.

В. А. Фаворский вел новаторские по отношению к дореволюционному периоду дисциплины, посвященные способам организации художественных пространств, а именно: «Теория композиции» и «Графические отвлеченные задания», которые расширяли круг общих проблем основ текстильного изображения и давали практический выход теоретического изучения графических элементов и их свойств [1].

О. П. Грюн преподавал машинную набойку, на своем курсе он учил составлению раппортов орнамента, уделяя особое внимание порядку расположения в раппорте элементов орнамента.

Н. П. Ламанова преподавала курс «Применение ткани в costume». Она оказала важнейшее методическое влияние на проектирование всего советского моделирования одежды, вела поиски нестандартных, едва возникающих тенденций модных художественных направлений и рассматривала орнамент не просто как несущий декоративную функцию в costume, но и как соединяющий материал, как конструирующий форму, как разбивку плоскости в художественном и конструктивном отношениях [10, с. 283].

Н. А. Удальцова вела курс «Цвет», она рассматривала цвет как определяющее средство выразительности в текстильном дизайне, проводила эксперименты, связанные с оптическим смешением цветов, уделяла внимание симультанному контрасту, предпочитала простоту композиционных решений и вводила упражнения по подчинению композиции, определенным образом организованным геометрическим сеткам [3].

В. Ф. Степанова вела встроенный в учебный процесс авторский курс художественной композиции, который включал параллельный поиск характера орнамента в повседневной реальности начала 1920-х, а также модульный принцип работы с орнаментом на ткани для графического выделения членений costume и разработку графической структуры с учетом анализа пространственно-средовых проявлений с целью выработки студентами самостоятельных творческих концепций [1; 3]. Кроме того, В. Ф. Степанова активно разрабатывала и использовала в работе новаторские приемы визуального смещения элементов орнаментальной композиции, прозрачности и избирательности зрения, способствовавшие созданию пространственных и ритмических эффектов текстильных орнаментальных композиций [9].

Введение пропедевтических курсов в 1923–1924 учебном году стало методической основой первой дизайнерской школы и начальным этапом приобщения художников-текстильщиков к новациям формообразования [1, с. 14]. Благодаря этим курсам стилиобразующие процессы русского авангарда в сфере предметной среды, возникающие на других факультетах, постепенно стали интегрироваться и в среду художников-текстильщиков. Многие значимые фигуры русского авангарда, такие, как М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, К. С. Малевич, В. В. Кандинский, эпизодически работая в сфере орнаментации тканей, совмещали эту деятельность со своей основной художественной деятельностью, что способствовало поиску новых идей благодаря используемым в творчестве художников приемам и навыкам из смежных областей.

В сложный период для вузов страны, в 1930-м г., в связи с общей реформой образования, ВХУТЕИИ прекратил свое существование, его факультеты и экспериментальные лаборатории были расформированы по вузам Москвы.

С 1936 г. учебный процесс в вузах имеет положительные изменения: активно пересматриваются учебные планы, но восстановление работы до уровня крайних лет работы ВХУТЕМАСа не удается добиться, некоторые курсы утрачиваются полностью.

Для периода русского авангарда первой четверти XX в. характерна небывалая интенсивность творческих поисков художников-новаторов и возникновение новых

форм как реакция на новые обстоятельства, на новые технологии. Это время выявления и решения новых проблем, перекликающихся с новой зарождающейся областью творчества — дизайном.

Исходя из художественных особенностей, орнаментальный текстильный рисунок 1910–1930-х гг. можно разделить на группы по схожести визуального языка: 1) конструктивистские орнаменты; 2) супрематические орнаменты; 3) агитационные орнаменты. Визуальную характеристику этих групп можно увидеть на рисунке 2.

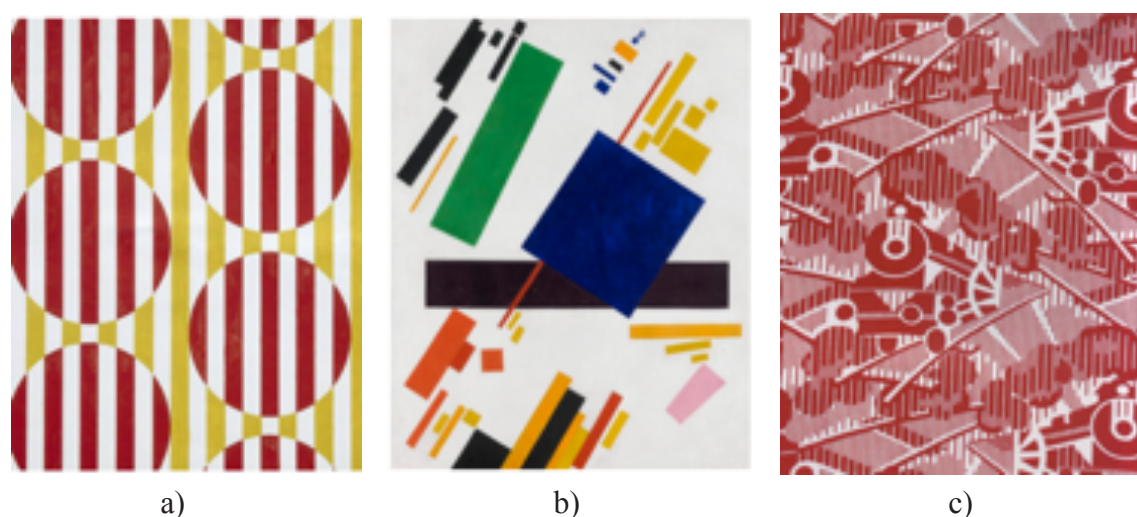

Рисунок 2 – Текстильные рисунки 1910–1930-х по схожести визуального языка:
 а) Конструктивистские текстильные орнаменты;
 б) Супрематические текстильные орнаменты;
 в) Индустриально-тематические агитационные текстильные орнаменты

Figure 2 – Textile Drawings of the 1910s and 1930s by Similarity of Visual Language:
 а) Constructivist Textile Ornaments;
 б) Suprematist Textile Ornaments;
 в) Industrial-Themed Propaganda Textile Ornaments

Рассмотрим каждую группу подробнее.

Конструктивистские орнаменты. Одна из главных концепций конструктивизма — функциональность (функция вещи всегда определяет поиск новой формы), замена эстетического критерия на целесообразность (костюм и ткань следует не украшать, а конструировать). Конструктивистские концепции в значительной степени были воплощены в рисунках текстиля (А. Экстер, Л. Поповой, В. Степановой), в театральной сфере (А. Экстер, Л. Поповой, А. Веснина) [5; 12].

Достаточно подробно по этому вопросу раскрыты теоретические и эстетические аспекты в труде Е. В. Сидориной «Конструктивизм без берегов» [8]. С. Киаег исследует и анализирует работы конструктивистов, созданные между 1923–1925 гг., в том числе и дизайн тканей [11]. Ключевое понятие, через которое конструктивизм можно более ярко описать по отношению к предыдущим направлениям, — это непрерывная индустрия, единство утилитарного назначения, производственной технологии, конструкции и материала [9; 13].

Супрематические орнаменты. В 1915 г. художник К. Малевич, используя достижения русского авангарда, ввел формально простое ответвление конструктивизма — супрематизм [9].

Применительно к быстро сменяемым «-измам» К. Малевич стремился найти однозначный, экспериментально обоснованный ответ на вопрос, как и почему импрессионизм сменяется сезаннизмом, кубизм — супрематизмом. И его ответ был в том, что пластическое формообразование и каждая система нового искусства имеет некоторый структурный модуль, первичную живописную «клетку», которая, как и биологическая, несет в себе целостную информацию о живописном организме и участвует в образовании всех его форм [5].

Приемы супрематизма в ключе орнаментации тканей активно использовали в 1916–1917 гг. в своих текстильных проектах Ольга Розанова, Любовь Попова и Надежда Удальцова, в лабораторных экспериментах художниц супрематическая орнаментальная композиция представляет изделие как картинную плоскость [4]. Супрематические орнаменты для тканей разрабатывали также К. Малевич, Н. Суетин, И. Чашник и др.

Агиттекстиль. Характерной особенностью данной группы текстиля чаще всего выступают мелкоряпортные композиции с индустриальными, сельскохозяйственными мотивами и тематикой нового агитационно-идеологического характера строящегося государства, которые активно использовались в 1925–1933 гг. в целях агитации идей революции.

Индустриально-тематические агитационные текстильные рисунки были воплощены в творческих поисках таких молодых авторов, как М. С. Назаревская, Н. В. Полуэктова, Л. Я. Райцер, М. В. Хвостенко и др.

Агиттекстиль прекратил свое существование в 1933–1934 гг., и уже во второй половине 30-х гг. в художественном текстиле вновь появляются традиционные орнаменты с широким разнообразием композиционных сюжетов.

Наглядно рассматривают применение графического языка орнаментальных композиций первой четверти XX в. в своих трудах Н. П. Бесчастнов и А. Н. Лаврентьев [3], Ю. А. Туловская [9], С. О. Хан-Магомедов [10], Ch. Lodder [12] и M. Rowell [13].

В развитии орнаментации текстиля в 1910–1930 гг. большую роль играл социальный заказ и задачи, поставленные перед художниками русского авангарда в соответствии с агитационно-идеологическим характером государства. Ключевые достижения русского авангарда стали достоянием промышленного дизайна, а потом и массовой моды, которая тиражировала творческие открытия в искусстве Н. Гончаровой, К. Малевича, В. Степановой, Л. Поповой и других значимых фигур русского авангарда.

Таким образом, русский авангард — явление многоплановое и разветвленное. Это огромный материал для предметного и художественного творчества в целом, запас идей и концепций, с одной стороны, с другой — огромная база визуальных изобразительных решений.

Исследование и изучение идей русского авангарда открывает новые возможности для развития современного российского дизайна. Можно говорить о том, что наследие русского авангарда активно используется в образовательной системе — это «каркас» современного обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бесчастнов Н. П. История развития школы дизайна в Московской гуманитарно-технической академии // Московская школа дизайна: костюм и текстиль. М.: Изд-во Всероссийского науч.-исслед. ин-та технической эстетики, 1994. С. 7–23.

- 2 *Бесчастнов Н. П.* Российская школа подготовки художников для текстильной и легкой промышленности. Становление и развитие. М.: Изд-во Московского гос. текстильного ун-та им. А. Н. Косыгина, 2005. 126 с.
- 3 *Бесчастнов Н. П., Лаврентьев А. Н.* Ткань авангарда. М.: РИП-холдинг, 2020. 336 с.
- 4 *Игнатенко Г. С.* Вышивая авангард: Супрематические вышивки на примере деятельности артели Вербовка 1900–1919 // *Артикульт.* 2021. № 3 (43). С. 68–73.
- 5 *Карасик И. Н.* К истории петроградского авангарда 1920–1930-е годы: События, люди, процессы, институты: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2003. 62 с.
- 6 *Котович Т. В.* Энциклопедия русского авангарда. Минск: Экономпресс, 2003. 416 с.
- 7 *Морозова Е. В., Громова М. В.* Ремесленные школы царской России и их роль в развитии отечественной текстильной промышленности XIX в. // *Вестник славянских культур.* 2021. Т. 59. С. 307–320.
- 8 *Сидорина Е. В.* Конструктивизм без берегов. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 654 с.
- 9 *Туловская Ю. А.* Текстиль Авангарда. Рисунки для ткани. Екатеринбург: TATLIN, 2021. 176 с.
- 10 *Хан-Магомедов С. О.* Пионеры советского дизайна М.: Галарт, 1995. 423 с.
- 11 *Kiaer C.* *Imagine no Possessions: The Socialist Objects of Russian Constructivism.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005. 344 p.
- 12 *Lodder Ch.* 'Liubov Popova: From Painting to Textile Design' // *Tate Papers.* 2010. № 14 (Autumn). URL: <https://www.tate.org.uk/research/tate-papers/14/liubov-popova-from-painting-to-textile-design> (дата обращения: 12.01.2022).
- 13 *Rowell M.* *The Russian avant-garde book 1910–1934.* N.Y.: Museum of mod. art, 2002. 312 p.

© 2022. **Tatiana E. Patina**
Moscow, Russia

© 2022. **Olga V. Kovaleva**
Moscow, Russia

**FORMATION AND EVOLVEMENT OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE
DURING 1910–1930.
IDEAS OF THE RUSSIAN TEXTILE AVANT-GARDE**

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project № 20-312-90042.

Abstract: The paper presents an analytical review of the studied and processed information on the fundamental role of the education of artists in the system of the avant-garde institutes and art schools in the first quarter of the twentieth century. The study explores the main theoretical aspects related to the development and formation of the Russian textile avant-garde. For a deeper and more objective understanding of the

development of innovative ideas in the art of post-revolutionary Russia in the 20th century it focused on the activities of the main ideologists of the Russian avant-garde in the art of painting: M. F. Larionov, N. S. Goncharova, K. S. Malevich, and V. V. Kandinsky. In the textile art there were studied the activities of V. F. Stepanova, L. S. Popova, and O. V. Rozanova, as well as other personalities who influenced the formation of avant-garde schools. The authors provide an insight into how the ideas of the avant-garde were kept in the ideas of suprematism, constructivism and propaganda textile. The paper allowed conclusion that the study and research of the ideas of the Russian avant-garde opens up fresh opportunities for the development of modern Russian design.

Keywords: Textile Ornament, Russian Avant-Garde, Russian Avant-Garde School, Textile Avant-Garde, Constructivism, Suprematism, Propaganda Textile, Textile Design.

Information about the authors:

Tatiana E. Patina — Postgraduate, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1166-270X>

E-mail: patina.tai@gmail.com

Ol'ga V. Kovaleva — PhD in Technology, Associate Professor of the Department of Costume and Fashion Art, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1160-5780>

E-mail: kovaleva-ov@rguk.ru

Received: February 07, 2022

Approved after reviewing: April 10, 2022

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Patina T. E., Kovaleva O. V. Formation and Evolvment of the Russian Avant-Garde during 1910–1930. Ideas of the Russian Textile Avant-Garde. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 315–324. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-315-324>

REFERENCES

- 1 Beschastnov N. P. Istoriiia razvitiia shkoly dizaina v MGTA [The History of the Development of the Design School in the Moscow State Technical University]. In: *Moskovskaia shkola dizaina: kostium i tekstil'* [Moscow School of Design: Costume and Textile of All-Russian Research Institute of Technical Aesthetics]. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut tekhnicheskoi estetiki Publ., 1994, pp. 7–23. (In Russian)
- 2 Beschastnov N. P. *Rossiiskaia shkola podgotovki khudozhnikov dlia tekstil'noi i legkoi promyshlennosti. Stanovlenie i razvitie* [Russian School for the Training of Artists for the Textile and Light Industry. Formation and Development]. Moscow, A.N. Kosygin Moscow State Textile University Publ., 2005. 126 p. (In Russian)
- 3 Beschastnov N. P., Lavrent'ev A. N. *Tkan' avangarda* [The Fabric of the Avant-garde]. Moscow, RIP-kholding Publ., 2020. 336 p. (In Russian)
- 4 Ignatenko G. S. Vyshivaia avangard: Suprematicheskie vyshivki na primere deiatel'nosti arteli Verbovka 1900–1919 [Embroidering the Avant-garde: Suprematist Embroideries on the Example of the Verbovka Artel Activities in 1900s–1919s]. *Artikul't*, 2021, no. 3 (43), pp. 68–73. (In Russian)

- 5 Karasik I. N. *K istorii petrogradskogo avangarda 1920–1930-e gody: Sobytiia, liudi, protsessy, instituty* [On the History of the Petrograd Avant-garde in the 1920s–1930s: Events, People, Processes, and Institutions: DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2003. 62 p. (In Russian)
- 6 Kotovich T. V. *Entsiklopediia russkogo avangarda* [Encyclopedia of the Russian Avant-garde]. Minsk, Ekonompress Publ., 2003. 416 p. (In Russian)
- 7 Morozova E. V., Gromova M. V. Remeslennye shkoly tsarskoi Rossii i ikh rol' v razvitiu otechestvennoi tekstil'noi promyshlennosti XIX v. [Tradesman's Schools in Tsarist Russia and their Role in the Development of the Domestic Textile industry in the 19th century]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 59, pp. 307–320. (In Russian)
- 8 Sidorina E. V. *Konstruktivizm bez beregov* [Constructivism without Shores]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2012. 654 p. (In Russian)
- 9 Tulovskaia Iu. A. *Tekstil' Avangarda. Risunki dlia tkani* [Avant-garde Textiles. Fabric Drawings]. Ekaterinburg, TATLIN Publ., 2021. 176 p. (In Russian)
- 10 Khan-Magomedov S. O. *Pionery sovetskogo dizaina* [Pioneers of Soviet Design]. Moscow, Galart Publ., 1995. 423 p. (In Russian)
- 11 Kiaer C. *Imagine no Possessions: The Socialist Objects of Russian Constructivism*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005. 344 p. (In English)
- 12 Lodder Ch. Liubov Popova: From Painting to Textile Design. In: *Tate Papers*, 2010, no. 14, Autumn. Available at: <https://www.tate.org.uk/research/tate-papers/14/liubov-popova-from-painting-to-textile-design> (accessed 12 January 2022). (In English)
- 13 Rowell M. *The Russian avant-garde book 1910–1934*. New York, Museum of mod. art, 2002. 312 p. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-325-332>

УДК 745.522+746.1

ББК 85.128

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. Д. Уваров
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВА ТАПИССЕРИИ В ИНТЕРЬЕРАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ В XX–XXI ВВ.

Аннотация: Статья посвящена эстетической организации предметно-пространственной среды общественных интерьеров при помощи введения объекта таписсерии. Автором выдвинута гипотеза, что внедрение объекта таписсерии в средовое пространство общественных зданий обладает широкими пластическими возможностями для организации взаимосвязей различных элементов дизайна интерьеров и создания гармоничной визуальной среды. Проявление в производстве таписсерий таких стилей, как абстракционизм, поп-арт, абстрактный экспрессионизм и минимализм, привело к возрождению ткацкого искусства. Главным объединяющим началом для картины и таписсерии является наличие изображения, причем не орнаментально-знакового, а сюжетно-тематического. Благодаря виртуозному мастерству ткачи умели с предельной точностью воспроизвести в плоскостном безворсовом ковре практически любое живописное изображение. В статье рассмотрены примеры синтеза архитектуры и текстильного искусства, а также аспекты влияния таписсерии на трансформацию среды интерьеров общественных зданий XX–XXI вв. На основе анализа мирового опыта применения таписсерии для общественных интерьеров выявлено, что данный вид искусства обладает широкими возможностями как эстетического, так и технологического характера. Взаимоотношения пластических форм архитектуры и таписсерии способны решать задачи синтеза искусств XXI в.

Ключевые слова: таписсерия, гобелен, шпалера, искусство ткачества, общественный интерьер, дизайн интерьера, архитектура, синтез искусств.

Информация об авторе: Виктор Дмитриевич Уваров — доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 115035 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0406-746X>

E-mail: artuwaroff@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.05.2020

Дата одобрения рецензентами: 05.08.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Уваров В. Д. К вопросу применения искусства таписсерии в интерьерах общественных зданий в XX–XXI вв. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 325–332. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-325-332>

Введение

Статья является продолжением общего цикла работ, посвященных искусству таписсерии.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в XXI в. человек большую часть своего времени проводит в помещении. Процессы урбанизации практически полностью исключили возможность наслаждаться окружающей средой. Зачастую человек получает агрессивную среду (гомогенные и агрессивные видимые поля), которая не только не доставляет эстетического наслаждения, но и порождает социальные проблемы. Именно поэтому среди проблем экологии человека одна из самых актуальных — видеоэкология. В агрессивной и гомогенной среде не могут полноценно работать фундаментальные механизмы зрения, а также нарушается связь между сенсорным и двигательным аппаратами (изображения, полученные правым и левым глазами, трудно слить в единый зрительный образ). Это напрямую вызывает ощущение дискомфорта. Возникает вопрос: чем мы можем помочь изменить ситуацию? Какими средствами мы можем смягчить технологизированный интерьер? Наше исследование показывает, что в деле решения этой проблемы большими возможностями обладает художественный текстиль и прежде всего таписсерия, обладающая повышенной экспрессией текстуры, красотой и достоинством материала. Автором выдвинута гипотеза, что внедрение объекта таписсерии в средовое пространство общественных зданий обладает широкими пластическими возможностями для организации взаимосвязей различных элементов дизайна интерьеров и создания гармоничной визуальной среды. Данная научная работа заполняет пробел в знаниях. Предметом настоящего исследования служит применение искусства таписсерии в предметно-пространственной среде интерьера. В качестве цели исследования выдвигается анализ принципов формирования современной таписсерии и стилистический анализ объектов пластики.

Методы исследования

Исследование предполагало комплексное использование таких методов, как литературно-аналитический метод, необходимый для уточнения отдельных фактов и обобщения информации из литературных источников, предметно-аналитический метод, метод диахронного и синхронного рассмотрения материала, методы дедуктивного и индуктивного анализа, абстрагирование, наблюдение и описательно-аналитический метод, нужные для структурного разбора визуальных материалов, выявления композиционных и цветовых особенностей произведений таписсерии, метод обобщения, выявивший общие свойства исследуемых объектов и их взаимосвязи.

Результаты исследования и их обсуждение

Основные результаты исследования заключаются в следующем.

Модные тенденции в декоре интерьера ознаменовали новую эру ковроткачества, которая пошла в ногу с основными движениями в изобразительном искусстве XX в.

Проявление в производстве таписсерий таких стилей, как абстракционизм, поп-арт, абстрактный экспрессионизм и минимализм, привело к возрождению ткацкого искусства.

Главным объединяющим началом для картины и таписсерии является наличие изображения, причем не орнаментально-знакового, а сюжетно-тематического. Благодаря виртуозному мастерству ткачи умели с предельной точностью воспроизвести в плоскостном безворсовом ковре практически любое живописное изображение.

Таписсерия как вид искусства развивалась столетиями. Были многие века расцвета, когда таписсерия была желанной драгоценностью в каждом доме, знатные особы украшали свои залы ткаными полотнами. Таписсерия всегда высоко ценилась, она обла-

дает широкими возможностями для облагораживания интерьеров. Создавались крупные мануфактуры таписсерии, к работе в которых привлекались лучшие художники и мастера своего времени. Иногда в полотна таписсерии вплетались нити, обвитые проволокой из драгоценных металлов, таких, как золото или серебро. Этот вид искусства всегда требует скрупулезного сосредоточения, каждое произведение уникально, и требуется большое количество времени для того, чтобы соткать прекрасное полотно.

XX столетие стало веком перемен и больших открытий. Ничто уже не могло оставаться прежним. Изменения коснулись градостроительства, выстраивались новые города, районы, городская среда менялась. Архитектура зданий приобрела новые очертания, благодаря новаторским технологиям строительства, при которых был использован несущий стальной каркас, были возведены первые высотные здания. «Форма всегда следует за функцией» [8] — эти знаменитые слова принадлежат Луису Салливану. Салливан был революционер от архитектуры, создатель первых небоскребов в Чикаго, один из основоположников национальной архитектуры США. Все области дизайна и искусства уже не могли оставаться прежними. Все было подчинено стремительно развивающимся потребностям XX столетия.

Большого внимания заслуживают принципы и концептуальный подход к среде общественного интерьера. При проектировании общественных интерьеров необходимо учитывать, что пространство несет информацию о целевой аудитории, какой направленности будет служить помещение, сколько времени и какое число людей будет им пользоваться. Городская архитектура и дизайн интерьера общественных пространств отображают характер общества в целом, а частный интерьер — отображение индивидуальности человека. Общественные интерьеры бывают различных направлений: демонстрационные и выставочные залы, конференц-залы, фойе и зрительные залы, вестибюли метро и гостиниц и многие другие функциональные пространства.

В статье «Таписсерия в интерьерах зданий, построенных в стиле “функционализм”», В. Д. Уваров и А. А. Середина отмечают: «Выдающийся историк, социолог и этнограф Клод Леви-Строс наделял таписсерию “терапевтическими” функциями, говоря о том, что она лучше других видов искусства может служить одновременно и украшением, и противовесом функциональной и утилитарной архитектуре, которая царствует в нашей сегодняшней жизни. Именно таписсерия, являясь, возможно, самым древним из всех искусств, предлагаемых нашей цивилизацией, способна оживить архитектуру, внедряя в нее плотное и спокойное творение человеческих рук и очарование изобретательного творческого духа, который непрерывно возрождается при помощи новых материалов и старых технических приемов ткачества» [10].

Архитектура диктует свои условия дизайну и декору интерьера, они в свою очередь обогащают и помогают звучать по-новому архитектурным сооружениям, добавляют краски и всевозможные оттенки предметно-пространственной среде. Новый век диктует новые порядки в создании архитектурных строений и дизайне интерьеров. Таписсерия тоже стала более многогранной по форме и функции. Изучение проектов с применением искусства таписсерии представляется чрезвычайно актуальным, так как на данный момент этот вид искусства обладает неограниченными возможностями [5]. Согласно С. Мкртчяну, «С точки зрения дизайна, материал, технологию и форму можно рассматривать как систему взаимозависимых, взаимосвязанных структурообразующих элементов. Каждый из этих элементов обладает собственным значением, но совместно они выполняют общую функцию — формирования проектной идеи и мотивации этой идеи, вложенной в предмет» [7].

Знаменитый французский архитектор Ле Корбюзье разработал уникальную концепцию для своих авторских таписсерий, они стали неразделимой частью архитектуры интерьеров. Построив город Чандигарх, на севере Индии, Корбюзье осуществил гармоничную связь ландшафта и города с архитектурой, которые в свою очередь выступают единым целым с внутренними пространствами и предметами дизайна.

Корбюзье создал законы, вывел формулы и написал научные труды, которыми пользуются архитекторы всего мира и по сей день. Обладая «гибким умом», он с одинаковой страстью подходил как к архитектуре, так и к живописи и таписсерии. Идея синтеза архитектуры и искусства выходит на первый план: «Все вокруг — геометрия!» [6]. Его произведения наделены собственным стилем. Интерьеры общественных зданий в Чандигархе Ле Корбюзье заполняет таписсериями огромных размеров. Мастер находит смелые решения для абстрактных композиций, наполняет их глубинным смыслом и наделяет символикой. «Акустическая таписсерия», сотканная для зала заседаний Дворца Правосудия по его картону, поражает своим размером, площадь ковра составляет 650 м².

Введение таписсерии в жилые и общественные интерьеры зданий позволило Ле Корбюзье достичь в произведениях композиционной новизны. К своим настенным произведениям он подходит со всей присущей ему строгостью, причисляя таписсерию к монументальному искусству [9]. Нужно отметить, что Корбюзье любил украшать таписсериями не только интерьеры, построенные по собственным проектам. Им было создано множество таписсерий и для других объектов. Для штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже он создал прекрасное полотно с одноименным названием, для Сиднейской оперы была соткана таписсерия «Жребий брошен», которая лишь недавно заняла свое законное место в помещении оперного театра.

Использование таписсерии способствует повышению акустических характеристик и снижению шума. Применение соответствующих передовых аудио-технологий может смягчить некоторые из архитектурных и инженерных проблем. Источник проблемы должен рассматриваться на стадии проектирования и строительства этих пространств, так что технология использования таписсерии может преуспеть в своей роли [4].

В послевоенные годы Марк Шагал создал несколько значительных художественных проектов в Израиле. Один из них, для зала заседаний израильского парламента (Кнессета), включал в себя серию из трех таписсерий и напольную мозаику. «Если бы я не был евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником» [3], — пишет Шагал в одном из эссе. Этот проект был очень важен для него. Вначале рассматривалась возможность создания витражей, подобных тем, что украсили синагогу «Хадассь», но позже художник принял решение изготовить таписсерии. Прежде он никогда не работал в этой технике, и это стало для него своего рода вызовом, с которым, впрочем, он справился успешно. Таписсерии отражают библейские сюжеты. Композиция состоит из трех таписсерий, высотой 4,8 м, ширина боковых полотен 5,5 м, а центральная часть триптиха имеет 9,5 м в ширину [13].

Шагал наполнил зал Кнессета цветом, светом и движением. В своих таписсериях, как и в живописи, он использует яркие, насыщенные краски. Его полотна всегда полны энергии. Хотя метафорическая сюжетная линия тяжело читаема, его полотна всегда наполнены энергией, летящими силуэтами и раздвоившимися лицами, ощущением «парящего хаоса» и полного «торжества цвета». Расположенная в центре зала, композиция из таписсерий приковывает внимание всех заседающих членов парламента.

Народный художник Республики Беларусь Александр Михайлович Кищенко — автор самой большой таписсерии в мире «Гобелен столетия», его размеры: 19х14 м. Художник-монументалист работал в интерьерах и экстерьерах общественных и административных зданий в Минске, Крыму, в павильоне Лейпцигской ярмарки и даже в Нью-Йорке. Особая грань таланта этого мастера — таписсерия.

Таписсерия «Чернобыль», созданная Кищенко для здания ООН в Нью-Йорке, имеет напряженную, статичную композицию, характерную для творчества советских монументалистов. Произведение, выполненное Александром Кищенко, полно метафор и символов, его можно читать как древнерусскую икону. Это «трагическое» произведение гармонично вписывается в зал заседаний Нью-Йоркского здания ООН, ведь и само здание, и организация созданы для поддержания и укрепления международного мира и безопасности.

Искусствовед Лариса Финкельштейн пишет о работе Кищенко: «Вспомнив слова Эсхила “искусство — глаза нации”, А. Кищенко сказал на торжественной церемонии передачи таписсерии: “Я привез вам глаза моей Беларуси”. В глазах этих отразилась боль и надежда, мудрость и тревога. В монументальной текстильной картине, размером свыше сорока квадратных метров, мастерски вытканной, словно выписанной тончайшей кистью, предстал своеобразный портрет Беларуси, с ее богатой историей, современной бедой и великой надеждой» [12].

Сейчас в мире возрастает интерес к искусству таписсерии. Можно наблюдать за тенденциями и развитием этого вида искусства на всевозможных выставках, фестивалях, биеннале и триеннале, на которых показываются достижения художников-новаторов новейшего времени, идущих в ногу с прогрессом. СМИ предлагают свои архетипы — маркетинговый ход, «звезды», привлекательность, универсальность, проверенность, психология, готовность, доверчивость, боязнь будущего, внушение, эксклюзивность, доверие [1]. Традиционное понимание искусства таписсерии по-прежнему остается популярным, так как ничто не может заменить той мягкости и нежности, которую дарит общественному интерьеру таписсерия. Дизайн интерьеров с использованием таписсерии основывается на общих закономерностях развития мирового художественного процесса от традиционализма до современности, он неразрывно связан с архитектурой [11].

Определение темы, размера, колористического решения композиции таписсерии во многом зависит от назначения архитектурного интерьера. Исследование С. А. Афонского дополняет работы ученых, которые делают акцент на чувства человека (запахи, звук, тактильные ощущения). По результатам анализа опроса можно сделать многообещающие выводы [2]. Поглощение шумов в залах общественных интерьеров возможно достичь при помощи внедрения в него таписсерии.

Заключение

Проанализировав результаты, можно сделать вывод о том, что гипотеза была доказана. Организация взаимосвязей различных элементов средового пространства интерьеров общественных зданий путем внедрения объекта таписсерии видится необходимой, так как он обладает широкими пластическими возможностями. В ходе исследования было выявлено структурообразующее значение техники исполнения и принципиальное воздействие качества и характера текстильного материала на конфигурацию объекта в процессе формообразования живописно-пластических и декоративно-орнаментальных композиций.

В результате проведенных исследований можно сделать вывод, что таписьер, создающий полотна для общественного интерьера, становится архитектором, выстраивающим конструкцию текстильного сооружения, просчитывающим все заданные параметры, дизайнером, создающим условия для решений вопросов синтеза искусств и художником-колористом, разрабатывающим оптимальные цветовые гармонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афонский С. А.* Возможности и результаты применения визуальных латентных образов в использовании метода извлечения метафор // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 2 (98). С. 135–141.
- 2 *Афонский С. А.* Новые стратегии коммуникации с целевой аудиторией: от коллективного к локальному бессознательному с помощью метода извлечения метафор // *La communication actuelle. Discours de transformations Recueildarticles.* Paris: Editions Astrée, 2019. С. 27–37.
- 3 *Будницкий О. В., Полян А. Л.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 496 с.
- 4 *Йенсен Т.* Архитектурное руководство для успешного проектирования систем конференц-связи // *Архитектура.* 2017. URL: https://www.shure.ru/integrated_systems/discover/educational/an-architectural-guide-to-successful-conference-system-design (дата обращения: 24.12.2019).
- 5 *Козырь Е. П., Уваров В. Д.* Эстетическое моделирование предметно-пространственной среды с использованием таписсерии // Сб. стендовых докладов: Междунар. Косыгинский Форум. 2019. М.: Изд-во Российского гос. ун-та им. А. Н. Косыгина, 2019. С. 77–81.
- 6 *Ле Корбюзье.* Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1970. С. 54–56.
- 7 *Мкртчян С. В.* Материал, технология и форма как системные элементы объектов дизайна // Материал-технология-форма как универсальная триада в дизайне, архитектуре, изобразительном и декоративном искусстве. Мат. междунар. науч. конф. М.: Изд-во Московской гос. художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова, 2018. С. 83–86.
- 8 *Салливан Л. Г.* Автобиография идеи // *Архитектура.* Нью-Йорк: Довер Кайндел Эдишн, 2012. 254 с.
- 9 *Уваров В. Д., Козырь Е. П.* Художественный образ в таписсериях Ле Корбюзье // *Искусство. Искусствоведение. Фундаментальные и прикладные науки сегодня.* США, Северная Каролина: Лулу Пресс, 2019. С. 1–4.
- 10 *Уваров В. Д., Середина А. А.* Таписсерия в интерьерах зданий, построенных в стиле «функционализм» // *Бизнес и дизайн ревю.* 2017. Т. 1, № 1 (5). С. 13–14.
- 11 *Уваров В. Д.* Творчество польских художников-таписсеров как часть славянской культуры // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 266–273.
- 12 *Финкельштейн Л. Д.* Гобелен «Чернобыль» — дар Беларуси ООН // *Искусствоведение.* Республика Беларусь. Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/events/chernobyl/gobelen.shtml> (дата обращения: 07.10.2019).
- 13 *Шагал М.* Марк Шагал и Израиль — история любви длиной в полвека // *Израиль для вас.* URL: <http://il4u.org.il/blog/about-israel/history/mark-shagal-i-izrail-istoriya-lyubvi-dlinoj-v-polveka> (дата обращения: 18.12.2019).

© 2022. Viktor D. Uvarov
Moscow, Russia

THE HISTORY OF THE USE OF TAPESTRY ART IN THE INTERIORS OF PUBLIC BUILDINGS IN THE 20–21 CENTURIES

Abstract: The paper deals with aesthetic organization of the subject-spatial environment of public interiors by introducing the tapestry object. The author suggests that the introduction of tapestry object into environmental space of public buildings has wide plastic possibilities for organizing the interrelationships of various elements of interior design and creating a harmonious visual environment. The manifestation of such styles as abstractionism, pop-art, abstract expressionism and minimalism in the production of tapestry led to the revival of weaving art. The main unifying principle for the painting and tapestry is the presence of an image, not ornamental and iconic, but plot-themed. Thanks to their virtuoso skills, the weavers were able to reproduce almost any pictorial image with extreme accuracy in a flat lint-free carpet. The study considers examples of the synthesis of architecture and textile art, as well as aspects of the influence of tapestry on the transformation of the environment of the interiors of public buildings of the 20th– 21th centuries. Basing on the analysis of the world experience in the use of tapestry for public interiors, it revealed that this type of art has wide possibilities, both aesthetic and technological. The author concludes that relationship between the plastic forms of architecture and tapestry is able to solve the issues of synthesis of the arts of the 21th century.

Keywords: Tapestry, Textile-art, Fiber-art, Public Interior, Interior Design, Architecture, Synthesis of arts.

Information about the author: Viktor D. Uvarov — DSc in Art, Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), 33 Sadovnicheskaya St., p. 1, 115035 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0406-746X>

E-mail: artuwaroff@yandex.ru

Received: May 04, 2020

Approved after reviewing: August 05, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Uvarov V. D. The History of the Use of Tapestry Art in the Interiors of Public Buildings in the 20–21 Centuries. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 325–332. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-325-332>

REFERENCES

- 1 Afonskii S. A. Vozmozhnosti i rezul'taty primeneniia vizual'nykh latentnykh obrazov v ispol'zovanii metoda izvlecheniia metafor [Possibilities and Results of Applying Visual Latent Images in the Use of the Method of Extracting Metaphors]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, 2018, no 2 (98), pp. 135–141. (In Russian)
- 2 Afonskii S. A. Novye strategii kommunikatsii s tselevoi auditoriei: ot kollektivnogo k lokal'nomu bessoznatel'nomu s pomoshch'iu metoda izvlecheniia metafor [New Strategies of Communication with the Target Audience: from the Collective to the

- Local Unconscious Using the Method of Extracting Metaphors]. In: *La communication actuelle. Discours de transformations. Recueil d'articles* [La Communication Actuelle. Transformations' Discourse. Papers collected]. Paris, Editions Astrée Publ., 2019, pp. 27–37. (In Russian)
- 3 Budnitskii O. V., Polian A. L. *Russko-evreiskii Berlin (1920–1941)* [Russian-Jewish Berlin (1920–1941)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 496 p. (In Russian)
- 4 Iensen T. Arkhitekturnoe rukovodstvo dlia uspeshnogo proektirovaniia sistem konferents-sviazi [Architectural Guide for All Conference Design]. In: *Arkhitektura* [Architecture]. 2017. Available at: https://www.shure.ru/integrated_systems/discover/educational/an-architectural-guide-to-successful-conference-system-design (accessed 24 December 2019). (In Russian)
- 5 Kozyr' E. P., Uvarov V. D. Esteticheskoe modelirovanie predmetno-prostranstvennoi sredy s ispol'zovaniem tapisserii [Aesthetic Modeling of the Subject-spatial Environment with Tapestry]. In: *Sbornik stendovykh dokladov: Mezhdunarodnyi Kosygin'skii Forum. 2019* [Collection of reports: International Kosygin Forum]. Moscow, A. N. Kosygin Moscow State Textile University Publ., 2019, pp. 77–81. (In Russian)
- 6 Le Korbiuz'e. *Arkhitektura XX veka* [Architecture of the 20 century]. Moscow, Progress Publ., 1970, pp. 54–56. (In Russian)
- 7 Mkrtchian S. V. Material, tekhnologiia i forma kak sistemnye elementy ob"ektov dizaina [Material, Technology and Form as the System Elements of Design Objects]. In: *Material-tekhnologiia-forma kak universal'naiia triada v dizaine, arkhitekture, izobrazitel'nom i dekorativnom iskusstve. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [In the Collection: Material-technology-form as a Universal Triad in Design, Architecture, Fine and Decorative Arts. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts Publ., 2018, pp. 83–86. (In Russian)
- 8 Sallivan L. G. Avtobiografiia idei [Autobiography of an Idea]. In: *Arkhitektura* [Architecture]. New York, Dover Kaindel Edishn Publ., 2012. 254 p. (In Russian)
- 9 Uvarov V. D., Kozyr' E. P. Khudozhestvennyi obraz v tapisseriakh Le Korbiuz'e [Artistic Image in the Tapisseries of Le Corbusier]. In: *Iskusstvo. Iskusstvovedenie. Fundamental'nye i prikladnye nauki segodnia* [Fundamental and Applied Sciences Today]. USA, Severnaia Karolina, Lulu Press, 2019, pp. 1–4. (In Russian)
- 10 Uvarov V. D., Seredina A. A. Tapisseriia v inter'erakh zdanii, postroennykh v stile "funktsionalizm" [Tapestry in the Interior of the Buildings, Built in the "Functionalism" Style]. *Biznes i dizain reviu*, 2017, vol. 1, no 1 (5), pp. 13–14. (In Russian)
- 11 Uvarov V. D. Tvorchestvo pol'skikh khudozhnikov-tapiss'erov kak chast' slavianskoi kul'tury [Creativity of Polish Tapissier Artists as a Part of Slavic Culture]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 266–273. (In Russian)
- 12 Finkel'shtein L. D. Gobelen "Chernobyl" — dar Belarusi OON [Tapestry "Chernobyl" — a Gift from Belarus to the UN]. In: *Iskusstvovedenie. Respublika Belarus'. Sait OON* [Republic of Belarus. UN Website]. Available at: <https://www.un.org/ru/events/chernobyl/gobelen.shtml> (accessed 07 October 2019). (In Russian)
- 13 Shagal M. Mark Shagal i Izrail' — istoriia liubvi dlinoi v polveka [Marc Chagall and Israel — a half-century Long Love Story]. In: *Izrail' dlia vas. 2017* [Israel for you]. Available at: <http://il4u.org.il/blog/about-israel/history/mark-shagal-i-izrail-istoriya-liubvi-dlinoi-v-polveka> (accessed 18 Desember 2019). (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-333-344>

УДК 7.075:339.375.2

ББК 85.101(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. В. Черняева

г. Барнаул, Россия

© 2022 г. Л. В. Балахнина

г. Тюмень, Россия

МЕЦЕНАТСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЫНКА РОССИИ

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью возрождения традиций собирательской деятельности в современной России. Социально-экономическая ситуация XXI в. сформировала особые условия для развития художественных практик: массовая цифровизация, тенденция инвестиций в искусство, важность сохранения авторского права (блокчейн в искусстве), идея создания бренда из имени художника и т. п. — все это намекает на глобальный кризис традиционного арт-рынка. Процесс адаптации художников к новым условиям проходит неоднозначно, так как исторический контекст развития арт-рынка диктовал различные варианты товарного обмена и собирательства, каждая эпоха имела свои специфические черты проявления товарного характера произведений изобразительного искусства. Произведения искусства первоначально предназначались исключительно для личного потребления. Переход предметов изобразительного искусства в другие руки совершался безвозмездно: как знак уважения, почета или в качестве ритуального действия. Постепенно эти узкие рамки преодолевались, и произведения изобразительного искусства стали все более выполнять общественную функцию, обслуживая религиозный культ, власть. Среди предпринимателей были настоящие ценители и знатоки искусства, собравшие превосходные коллекции, ставшие частью отечественного культурного наследия, национального достояния. Авторы статьи приходят к выводу о том, что в каждой исторической эпохе рынок произведений искусства имел свои особенности, произведение изобразительного искусства стало товаром в классическом понимании с появлением на рынке посредника; главной специфической чертой отечественного художественного рынка является его формирование на основе коллекционирования, связанного с меценатством и благотворительностью.

Ключевые слова: художественный рынок, благотворительность, меценат, коллекционер, галерист, искусство.

Информация об авторах:

Ирина Валерьевна Черняева — кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный университет, пр-т Ленина, д. 61, 656049 г. Барнаул, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0308-0969>

E-mail: gurkina-22@mail.ru

Лидия Васильевна Балахнина — кандидат искусствоведения, доцент, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, д. 6, 625003 г. Тюмень, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3067-866X>

E-mail: 89091812006@mail.ru

Дата поступления статьи: 08.11.2021

Дата одобрения рецензентами: 13.12.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Черняева И. В., Балахнина Л. В. Меценатство и благотворительность как особенности художественного рынка России // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 333–344. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-333-344>

Процесс формирования художественного рынка имеет долгую историю. В условиях рабовладения сохранилось мало достоверных сведений о том, кем были творцы прекрасного в этот период: рабами или свободными людьми. Самые необходимые потребности творцов-рабов в той или иной мере удовлетворялись, но без посредства товарно-денежных отношений. И все же в античную эпоху некоторые произведения изобразительного искусства меняли своих владельцев посредством заказа. Возмездный характер заказа уже означал состояние метаморфозы «вещь — товар», так как товарные признаки были налицо: оценка, гонорар, качество, условия передачи и т. д. В эпоху классического Средневековья рынок был сужен феодальной раздробленностью, крепостной зависимостью, монархическим и церковным всевластием, барской и царской вотчиной. Возмездный характер заказа не претерпел серьезных изменений. В эпоху Возрождения статус художника изменился: он стал свободным гражданином (мастером-ремесленником). Художник зачастую был приближен к властвующей знати. В экономике преобладает натуральное хозяйство, а рынок имеет местное (локальное) значение. С появлением национальных государств происходила трансформация местных рынков сначала в национальные, а впоследствии — в международный рынок. Постепенно уже не сам художник выполняет торговые функции, а посредник. Еще сохраняется заказ на произведения изобразительного искусства (общественный, предназначенный для убранства общественных зданий, и частный — для украшения личных владений), но появление на рынке посредника при купле-продаже знаменовало самый главный итог данного этапа — превращение произведений искусства в товар. После волны буржуазно-демократических революций в Европе положение кардинально изменилось. Победа капиталистического уклада привела к всеобщности купле-продаже, появлению массы свободных, но полунисших художников. «Характерному для феодализма подчинению художника церковью, или королем или вельможей, или помещиком, которые его содержали и заказывали ему произведения, соответствующие их вкусам и идеологии, капитализм противопоставил свободу творчества художника, сделав его обычным товаропроизводителем и творцом собственной продукции. Именно в это время и появилось само понятие “свободный художник”, не учитывающее, однако, того, что он попал в новую зависимость — зависимость от рынка» [6, с. 519]. Буржуазный уклад установил свои эстетические критерии качества произведений. Основными покупателями произведений изобразительного искусства становятся буржуа, банкиры, промышленники, купцы, преуспевающая интеллигенция. С возникновением индустрии услуг резко возрастает роль посредников (дилеров, продюсеров, менеджеров, галерейщиков). Эта роль, перво-

начально довольно скромная, постепенно оказывается решающей, господствующей, определяющей эффект реализации произведений изобразительного искусства в условиях индустриального и постиндустриального общества. Формирование художественного рынка в России в значительной мере отличалось от формирования западноевропейского, что отмечается Б. А. Денисовым, О. А. Кривцуном [7], Т. М. Степанской [11] и др. Исследователи выделяют следующие специфические особенности формирования художественного рынка в России: взаимосвязь художественного рынка с меценатством и благотворительностью, его формирование на основе коллекционирования [5]; сохранение многими художниками статуса крепостных до второй половины XIX столетия; превалирование заказа на создание произведений изобразительного искусства над свободной торговлей ими.

Исторический аспект в отношении традиций художественного рынка России, формы меценатства и мотивы благотворительности во взаимосвязи крупного капитала и культуры анализируются в работе А. Н. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» [2]. Изменению статуса художника в истории русской культуры, проблемам свободного художественного рынка в контексте развития современного изобразительного искусства посвящены исследования М. С. Кагана [6], О. Кривцуна [7], Т. М. Степанской [4; 11]. Тема меценатства и благотворительности купеческих сословий Алтая и Сибири представлена в научной литературе учеными В. А. Скубневским, Ю. М. Гончаровым [3], А. В. Старцевым [9; 10]. Источниками при написании статьи послужили: эпистолярное и мемуарное наследие [5]; материалы интервью с художниками, кураторами и владельцами художественных галерей Сибири; законодательные акты и нормативные документы Российской Федерации начала XXI в. [8; 12; 13].

Цель статьи — выявить характерные особенности меценатства и благотворительности в разные исторические эпохи и определить их роль в формировании современного художественного рынка России.

Формирование художественных коллекций, как отмечает доктор искусствоведения Т. М. Степанская, началось в XVII в., когда возникли крупные коллекции бояр А. С. Матвеева, Б. М. Хитрова, князя В. В. Голицина, содержавшие произведения живописи и графики западноевропейских мастеров. Целенаправленная организация музеев начинается в России с XVIII в., когда реформы Петра I, направленные на развитие культуры, способствовали возникновению художественных собраний, как в императорских дворцах, так и во дворцах и имениях знати.

Коллекционирование при Петре I осуществлялось с помощью специальных агентов [11, с. 361]. Эта традиция была продолжена и другими русскими императорами. Интересно отметить, что агентами Екатерины II по широкому и систематическому приобретению произведений классического искусства были как русские дипломаты, так и зарубежные корреспонденты. Так были основаны Кунсткамера (1714), Оружейная палата (1720), Эрмитаж (1764). Особенностью частного художественного собирательства в России в XVIII в. является то, что оно было замкнуто в придворно-аристократическом кругу и имело своим предметом классическое западноевропейское искусство [11, с. 361]. Наиболее значительными коллекциями являлись собрания произведений Я. В. Брюса, Д. М. Голицина, Н. Б. Юсупова, А. С. Строганова. В 1819 г. возник «Русский музей Павла Петровича Свинына», который был продан с аукциона в 1834 г. Музей Академии художеств был в XVIII в. единственным центром, где осуществлялось собирательство русской школы.

В середине и во второй половине XIX в. появляется плеяда крупных коллекционеров из среды московского купечества (Б. Т. Боткин, В. А. Кокорев, К. Т. Солдатенков).

К 1880-м гг. роль главного ведущего собирателя русской школы перешла к П. Т. Третьякову, а в 1893 г. состоялось открытие галереи братьев Третьяковых. Начало XX в. было отмечено открытием музея изящных искусств в Москве. Его картинная галерея — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — является ныне крупнейшим собранием памятников мирового искусства в России. Значительные частные собрания в начале века имели в Петербурге М. П. Боткин, А. А. Иванов, Е. Г. Шварц, А. А. Коровин, в Москве — В. Е. Цветков, И. С. Остроухов, Г. Г. и В. О. Гиршман, С. И. Щукин, И. А. Морозов, А. А. Бахрушин.

Своеобразие пути к арт-рынку в России наиболее ярко представлено в работах О. Кривцуна, который, занимаясь исследованием эволюции профессионального и общественного статуса художника в России, показывает его влияние на формирование и развитие арт-рынка. Он считает, что «стремительный путь, который проделала культурная биография художника в России, оказался очень спрессован: за полтора столетия (с середины XVIII до начала XX в.) эволюция общественного положения миновала все те значительные этапы, которые в Европе заняли около трехсот лет. Менявшийся статус художника в России отражал и динамику сдвигов в сословном самосознании российского общества» [7, с. 467].

Процесс профессионализации искусств воспринимался как «подтягивание» России к европейским стандартам. Вместе с тем культурно-художественная «европеизация» России приобрела яркие самобытные черты. Взаимоотношения художника и дворянской аристократии, художника и первой русской интеллигенции определяли противоречивые условия творческой деятельности и в конечном итоге особую судьбу художника в России.

Условия, в которых происходила профессионализация искусства и деятельность первых оплачиваемых художников, артистов, писателей, определялись в большой мере традициями дворянского сословия, ведущей социальной группы этого времени. Становление исторической психологии российского дворянства имело одну существенную особенность, радикально отличающую его от землевладельческой аристократии Западной Европы: российское дворянство было привилегированной общественной группой. Это объясняет культивируемую в нем идею благородства, основанную на служении государству, в отличие от идеи благородства западноевропейских аристократических кланов, возвысившихся на контракте с государственной властью. Полезность Отечеству, дворянская честь, верноподданнический долг, служение императору, знатность, слава лежали в основе идеалов благородства в России. Во второй половине XVIII в. к этим качествам присоединяются и такие ценности, как образованность и просвещенность.

С появлением казенных учебных заведений владение художественными способностями стало входить в состав хорошего образования, которым должны были блистать знатные граждане. В «Наказах» Екатерины II говорилось о «среднем роде» городских людей, специальном сословии, которые «упражняются в ремеслах, торговле, художественных науках» [7, с. 468]. В иерархии видов искусств в сознании дворянина конца XVIII – начала XIX в. высшую шкалу занимало изобразительное искусство и его представители — живописцы, скульпторы, архитекторы. Высокий статус изобразительного искусства диктовался насущными потребностями придворного обихода. Постройка дворцов, разбивка парков, установка скульптур, декорирование помещений, парадно-портретная, историческая живопись служили укреплению престижа царского и дворянского рода, и представляли симбиоз утилитарно-практического и художественного.

Знание инженерного устройства архитектурных сооружений, техники отливки скульптур, приемов композиции, перспективы и т. п. сближало деятелей изобразительного искусства с представителями точных наук. В глазах высшего общества польза от тех и других была очевидной. Не случайно в первой рисовальной школе, открытой еще в 1715 г. при Петре I, объединялись не только «живописна, скульптурна, граверна» мастерские, но и «столярное, токарное, медное дело». Показательно, что и самосознание больших мастеров того времени было таково, что они не чуждались прозаической работы, например, архитектор Растрелли брался, помимо основных занятий, за обучение механике; портретист Даннауэр преподавал устройство и починку часов и т. д.

Правовое положение выпускника Академии художеств в это время было неустойчивым, социальные привилегии были относительными — они целиком зависели от того места и чина, которое художник сможет получить в системе государственной службы, само же по себе звание «свободного и вольного художника» ничего не давало. Художественное достоинство творца определялось внехудожественными мерками. Показательна в этом отношении судьба К. Брюллова, возвратившегося в Россию из Италии, где выставлялась его картина «Последний день Помпеи», принесшая ему европейскую славу: сначала он узнал об отклонении Николаем I присвоения ему звания профессора, но через некоторое время Брюллов сумел поставить себя на равную ногу с аристократическими заказчиками, и в его мастерскую со всей Европы стекались за портретами канцлеры, великие князья, высшая титулованная аристократия, в том числе и Николай I, который впоследствии ему весьма покровительствовал.

Стремительное возвышение купеческого сословия повлияло на положение художника и восприятие его фигуры в обществе. Переход меценатства от известных дворянских фамилий (Шереметевых, Юсуповых, Мещериных, Белосельских-Белозерских, Тенишевых) к купечеству не был безболезненным. Поначалу сам факт собирательства и вложения денег не в привычные благотворительные акции — строительство церквей и больниц, а в «какие-то картинки» вызывал резкое осуждение в самой купеческой среде. Павел Третьяков, решив еще в 20-летнем возрасте составить завещание, в котором половину своего состояния (150 тыс. руб.) даровал на организацию в Москве «художественного музея или общедоступной художественной галереи», сопровождал его почти мольбой: «Прошу вникнуть в смысл желания моего, не осмеять его, понять...» [5].

Однако постепенно процесс сближения купечества с художественной интеллигенцией набирал силу, и примеры меценатства увеличивались, не проходили бесследно.

Следует отметить, что в целом сколько-нибудь крупные благотворительные пожертвования дворянства со второй половины XIX в., когда начался процесс его «оскудения», были довольно редкими. Буржуазия же, шедшую на смену дворянству, характеризовал широкий подход к благотворительности. Большую роль в создании художественных коллекций России сыграли отечественные коллекционеры и меценаты. Не имея каких-либо особых дарований в определенных областях художественного творчества, но обладая высоким эстетическим чувством и ощущая нравственную потребность способствовать прогрессу просвещения и культуры, они стремились обогатить жизнь людей созданием художественных собраний, выступали инициаторами и организаторами крупных начинаний в области культуры; оказывали всемерную поддержку писателям, художникам, музыкантам. Надо отметить, что они принадлежали к числу видных отечественных предпринимателей, деятельность которых, как профессиональная, так и культурническая, разворачивалась во второй половине XIX в. Именно

в этот период собрание и популяризация искусства и достижений культуры достигли наибольшего размаха за всю историю России. С позиции сегодняшнего времени очень важно оценить часто сложную и противоречивую деятельность меценатов в контексте того исторического времени: они не только «собирали, поощряли и пропагандировали», но и постоянно боролись с противодействующими силами, ломали стену непонимания и вражды, состоящую из традиций и сословных амбиций. Являясь в большинстве своем капиталистами и по рождению, и по роду занятий, они сумели подняться над узкоклассовыми интересами определенных социальных групп и сознательно действовали для достижения общенациональных целей. Их жизнь и бескорыстное служение общественным интересам являлась нравственным подвигом, который трудно переоценить.

Мотивы и смысл благотворительности в России, связь меценатства с крупным капиталом наиболее полно исследованы А. Н. Бохановым [2], который отмечает, что благотворительность являлась определенной исторической традицией, и это позволяет оценивать ее как типичную классовую черту.

Крупный предприниматель объективно был заинтересован в том, чтобы иметь высококвалифицированный персонал, способный овладеть новым оборудованием, новейшими приемами ведения капиталистического хозяйства, чтобы выдерживать жесткую конкуренцию. Отсюда их заинтересованность в развитии образования. Несомненным является и то, что рост классового самосознания буржуазии приводил к изменению «корпоративной психологии» и способствовал тому, что представители делового мира начали ощущать свою неразрывную связь с будущим народа, которое было немислимо без развития просвещения и культуры.

Были и другие причины, обуславливающие расходы не на потребление и расширение своего дела. Одна из них носила традиционный религиозный характер, диктовалась внутренней потребностью помочь другому человеку.

Некоторые исследователи отмечают, что природа меценатства в России во многом связана с традицией старообрядчества спасения и сохранения духовной культуры, а многие меценаты были старообрядцами. Кроме того, буржуазия в России была «молодой»: занятие предпринимательством редко распространялось более чем на два поколения в одном роду. Народные нужды, его обычаи, мировоззрение были им несравненно ближе и понятней, чем давно оторвавшемуся от корней русскому дворянству. Говоря о второй половине XIX в., один из мемуаристов справедливо заметил, что «Морозовы, Корзинкины, Рябушинские, Бахрушены и многие другие имели свои корни в деревне; они сами, или их деды и прадеды пришли из деревень с котомками и в лаптях, а потом стали миллионерами, но в нравственном развитии, в быту они оставались неизменными, только столичная жизнь отшлифовала их внешне» [2, с. 8]. Следовательно, благотворительность в данном случае является «регулятором» социального неравенства, часто неосознанным средством устранения общественного экономического дискомфорта, возникавшего в результате несправедливого соотношения труда и присвоения [10, с. 166].

Концентрируя огромные финансовые средства, получаемые за счет успешной торговой или промышленной деятельности, многие русские предприниматели, в первую очередь из числа старых купеческих семей, использовали их на благотворительные цели и для коллекционирования.

Высокий уровень образования и культуры, внешний «европейский» лоск отличали многих крупных предпринимателей, которые по мере развития капитализма все дальше и дальше уходили от расхожих образов ограниченных «аршинников» и «менял».

Подчас благотворительность, филантропия становились обязательными для отдельных купеческих семей и вызывались сугубо нравственными причинами. Показательна в этом отношении семья Бахрушиных, получивших общероссийскую известность как выдающиеся коллекционеры, меценаты, ученые. Коллекционирование стало главной страстью Алексея Петровича Бахрушина, завещавшего в 1901 г. свои коллекции Историческому музею (почти 25 тыс. книг и рисунков, картин, изделий из бронзы, собрание миниатюр, табакерок и т. д.). Как явствует из его послужного списка, А. П. Бахрушин в «службе не состоял и отличий не имеет» [2, с. 14]. Последнее обстоятельство очень знаменательно, так как жажда чинов, званий и орденов часто была главным стимулом общественной деятельности, в том числе меценатства. Это свидетельствует о том, что меценатство служило возможностью заслужить общественное признание, общественный престиж. Все формы общественных занятий в России считались «государственным делом» и поощрялись властью. Именно благотворительность часто открывала единственную возможность предпринимателям получить чины, ордена, звания и иные отличия, которых иным путем (в частности, своей профессиональной деятельностью) добиться было практически нельзя. Этот момент можно считать мотивом меценатства Л. С. Полякова, Л. И. Бродского и др.

Коллекционирование также часто служило целям социального «самоутверждения». Иногда это носило скандальный характер (например, мало разбираясь в искусстве и полагаясь на рекомендации случайных посредников и продавцов, А. А. Брокер собрал коллекцию живописи русских и европейских мастеров, большую часть которой составили подделки; характерным для этого предпринимателя было и пренебрежительное отношение к художникам).

Однако среди предпринимателей были и настоящие ценители и знатоки, собравшие превосходные коллекции, ставшие частью отечественного культурного наследия, национального достояния. Известно, сколь точными были художественная интуиция и вкус у Саввы Мамонтова, а природное чутье, непрерывное самообразование привели к созданию С. И. Щукиным уникальной коллекции французской живописи. Этим и подобным им меценатам были присущи такие качества, как постоянство в собирательстве, умение идти новыми путями, не следуя за модой. Этому доказательство — деятельность Павла Михайловича Третьякова — русского самородка, превратившего дело служения национальным интересам в главную цель своей жизни. Его деятельность способствовала не только развитию изобразительного искусства, но и непосредственно влияла на изменение отношения к нему в обществе, что отражалось в создании новых музеев. По оценке П. Е. Репина, «он довел свое дело до грандиозных, беспрецедентных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской живописи» [2, с. 78].

Как важный момент в развитии российского художественного рынка обратим внимание на тот факт, что традиции благотворительности имели свое продолжение в регионах. В частности, на Алтае в пореформенное время заметным явлением было дворянское предпринимательство, в лице горных инженеров и чиновников (например, коллекции книг, картин и гравюр имел начальник Алтайских заводов П. К. Фролов). Но наиболее ярко благотворительность в Сибири и на Алтае проявилась во второй половине XIX – начала XX вв. Она связана с гильдейским купечеством (Суховыми, Платоновыми, Морозовыми, Федуловыми, Сычевыми и другими алтайскими предпринимателями; В. П. Сукачевым, А. М. Сибиряковым, А. К. Трапезниковым — сибирскими благотворителями).

Следует отметить, что исследования предпринимательства на Алтае в меньшей степени коснулись персоналий деловых людей, истории отдельных купеческих семей, их быту и культуре. Еще меньше исследовалось участие буржуазии в общественной жизни, а также меценатство [9, с. 28]. Однако есть все основания для того, чтобы определить характерные особенности благотворительности на Алтае: преемственность семейной традиции, а также выделение средств на строительство храмов, общественных зданий, учебных заведений. Доктор исторических наук, профессор Ю. М. Гончаров указывает на то, что «особенно легко, если верить современникам, сибирское купечество жертвовало на образование. В этом отношении сибирское купечество представлялось современникам в более благоприятном свете, чем провинциальное купечество европейской части страны» [3, с. 223]. Им также отмечается, что пожертвования на развитие, науки, культуры и образования не исключали недоброжелательных взаимоотношений между предпринимателями и местной интеллигенцией.

Об этом свидетельствуют непростые отношения между Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым, с одной стороны, и иркутскими меценатами В. П. Сукачевым, А. М. Сибиряковым, А. К. Трапезниковым — с другой. Участие сибирского купечества в культурной жизни региона проявлялось также в коллекционировании предметов искусства. Особенно отличились в этом иркутские купцы. Например, В. П. Сукачев, получив крупное наследство после смерти своего дяди купца Трапезникова, приступил к сбору коллекции живописи. Картины русских мастеров приобретались в оригиналах, а западноевропейских — в копиях. В результате Сукачев создал картинную галерею, включавшую 100 картин. Она находилась в двухэтажном деревянном доме и занимала 12 комнат. Школьников в нее пускали бесплатно, а сборы со взрослых поступали в пользу Иркутских общедоступных курсов [10, с. 163].

Подводя итог определения роли меценатства и благотворительности в формировании отечественного художественного рынка, приходится констатировать о прерванности этой традиции в России, начиная с эпохи социализма. Следует отметить, что с начала 90-х гг. XX в. эта традиция начала восстанавливаться, потеряв при этом многие черты, а зачастую и мотивы благотворительности прошлых столетий. Этому есть несколько причин: современное законодательство, не стимулирующее благотворительность, менталитет предпринимателей современного времени, неразвитость художественного рынка, слабое поощрение государством. Следует отметить, что в последнее время со стороны государства начали предприниматься шаги в этом направлении: принят Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (последняя редакция 08.12.2020 г.) [13]. В ст. 2 Закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» среди целей благотворительной деятельности указывается «содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию общества». Существенным моментом закона (в редакции 2003 г.) являлось определение государственных гарантий благотворительной деятельности (ст. 18 «Поддержка благотворительной деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления») в следующих формах: предоставлении и льгот по уплате налогов, таможенных и иных сборов и платежей и других льгот; материально-техническое обеспечение и субсидирование благотворительных организаций; финансирование на конкурсной основе благотворительных программ и т. д. В редакции 2020 г. эти пункты в статье были утрачены. Комментируя этот документ, следует отметить, что Закон был принят еще в 1995 г. и до настоящего времени он не получил широкой реализации, так

как, с одной стороны, его декларативность не подкреплена действенным механизмом воплощения; не встречает адекватной поддержки со стороны органов местного самоуправления, заинтересованных в полном сборе финансовых средств в местный бюджет, с другой стороны.

К середине 2010-х гг. деятельность спонсоров науки и искусства приняла вид сформировавшегося движения, требовавшего урегулирования на государственном уровне. Поэтому был разработан ряд нормативных документов: Федеральный закон от 04.11.2014 № 327-ФЗ «О меценатской деятельности» [12], регламентирующий отношения между дарителем и одариваемым в правовой сфере; Распоряжение Правительства РФ от 15.11.2019 г. № 2705-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 г.» [8].

На рубеже XX–XXI вв. традиции меценатства на Алтае поддерживаются коллекционерами, основателями первых частных художественных галерей г. Барнаула А. П. Щетининым и С. Г. Хачатуряном (1955–2012). С 2005 г. по итогам краевой выставки учреждена ежегодная «Премия династии художников Щетининых». Благодаря инициативе и усилиям Анатолия Прокопьевича 4 ноября 2010 г. в Барнауле открыт памятник жертвам политических репрессий. Многолетняя работа над воплощением проекта, лепка, авторская доработка скульптуры «Прощание» (автор — скульптор П. А. Щетинин, 1987) осуществлялась непосредственно Анатолием Прокопьевичем Щетининым. Модель памятника и проведенная работа — дар городу Барнаулу от семьи Щетининых [4, с. 28]. Ежегодно ко Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. А. П. Щетинин делает памятные подарки и скидки на оформление произведений художникам-ветеранам. В 2005 г. С. Г. Хачатурян основал благотворительный «Фонд культуры Алтая», который оказывал помощь деятелям культуры, художникам, молодым талантам. За активную просветительскую деятельность он был награжден орденом «Меценат России».

Таким образом, в каждой исторической эпохе рынок произведений искусства имел свои особенности, произведение изобразительного искусства стало товаром в классическом понимании с появлением на рынке посредника; главной специфической чертой отечественного художественного рынка является его формирование на основе коллекционирования, связанного с меценатством и благотворительностью; в период социализма подлинного арт-рынка не существовало, в силу существования государственного заказа и отсутствия свободной купли-продажи произведений изобразительного искусства. В конце XX – начале XXI вв. традиции благотворительности возрождаются: формируется нормативно-правовая база, транслируется развитие культуры благотворительности, развивается международная деятельность в сфере благотворительности. Новые условия социально-экономической ситуации XXI в. формируют основу глобальных изменений в структуре арт-рынка, но далеко не все художники могут легко и быстро адаптироваться к ним: по-прежнему деятельность меценатов и благотворителей, собирателей художественных коллекций, должна являться поддержкой творцов и быть основой формирования отечественного культурного наследия, национального достояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Арт-рынок в Новой экономике: границы, инвестирование, управление. СПб.: КультИнформПресс, 2019. 134 с.
- 2 Боханов А. П. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 192 с.: ил.

- 3 Гончаров Ю. М. Сибирское купечество середины XIX – начала XX в. в представлениях современников // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. Вып. 3. С. 210–227.
- 4 Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края: научно-популярное издание / науч. ред. Т. М. Степанская. Барнаул: Графикс, 2012. 36 с.: ил.
- 5 Завещательное письмо П. М. Третьякова / Меценаты и коллекционеры: Альманах всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Памятники Отечества. 1993. № 29. С. 3–6.
- 6 Каган М. С. Эстетика как философская наука. Университетский курс лекций. Лекция 30 «Начало нового переходного этапа в истории культуры и проблема постмодернизма». СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 544 с.
- 7 Кривцун О. Художник в истории русской культуры: эволюция статуса // Искусствознание. 2000. № 1. С. 467–499.
- 8 Распоряжение Правительства РФ от 15.11.2019 г. № 2705-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=338259#03566902919291868> (дата обращения: 15.01.2021).
- 9 Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. 112 с.
- 10 Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. 215 с.
- 11 Степанская Т. М. Свободный художественный рынок и развитие изобразительного искусства в России // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 360–363.
- 12 Федеральный закон от 04.11.2014 № 327-ФЗ «О меценатской деятельности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=170477#05207319534424779> (дата обращения: 15.01.2021).
- 13 Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (последняя редакция 08.12.2020 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83777/ (дата обращения: 15.01.2021).

© 2022. Irina V. Chernyaeva
Barnaul, Russia

© 2022. Lidiya V. Balakhnina
Tyumen, Russia

PHILANTHROPY AND CHARITY AS THE FEATURES OF THE RUSSIAN ART MARKET

Abstract: The relevance of the study is due to the need to revive the traditions of collective activity in modern Russia. The socio-economic situation of the 21st century has generated special conditions for the development of artistic practices: mass

digitalization, the tendency to invest in art, the importance of preserving copyright (blockchain in art), the idea of creating a brand with the artist's name etc. — all these implies the global crisis of traditional art market. The process of adapting artists to new conditions is ambiguous since the historical context of the development of the art market dictated various options for commodity exchange and gathering, each era had its own specific features of the presentation of the commercial nature of works of fine art. The works of art were originally intended exclusively for personal consumption. The transfer of fine arts to other hands used to be free of charge: as a sign of respect, honor or as a ritual action. Gradually, these narrow frameworks were breached, and works of fine art increasingly fulfilled a public function, serving a religious cult, power. Among the entrepreneurs were real connoisseurs of art making excellent collections that became part of the domestic cultural heritage and national heritage. The authors conclude that in each historical era the art market had its own features, and the work of fine art became a commodity in a classical sense with the advent of an intermediary on the market; the main specific feature of the domestic art market is its formation on the basis of collecting closely related to philanthropy and charity.

Keywords: Art Market, Charity, Philanthropist, Collector, Gallerist, Art.

Information about the authors:

Irina V. Chernyaeva — PhD in Art, Altai State University, Lenin Ave, 61, 656049 Barnaul, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0308-0969>

E-mail: gurkina-22@mail.ru

Lidiya V. Balakhnina — PhD in Art, Tyumen State University, Volodarsky St., 6, 625003 Tyumen, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3067-866X>

E-mail: 89091812006@mail.ru

Received: November 08, 2021

Approved after reviewing: December 13, 2021

Date of publication: September 28 2022

For citation: Chernyaeva I. V., Balakhnina L. V. Philanthropy and Charity as the Features of the Russian Art Market. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 333–344. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-333-344>

REFERENCES

- 1 *Art-rynok v Novoi ekonomike: granitsy, investirovanie, upravlenie* [The Art Market in the New Economy: Borders, Investment, Management]. St. Petersburg, Kul'tInformPress Publ., 2019. 134 p. (In Russian)
- 2 Bokhanov A. P. *Kollektsionery i metsenaty v Rossii* [Collectors and Patrons in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 192 p.: il. (In Russian)
- 3 Goncharov Iu. M. *Sibirskoe kupechestvo serediny XIX – nachala XX v. v predstavleniiakh sovremennikov* [Siberian Merchants of the mid-19 – Early 20 Century in the Representations of Contemporaries]. In: *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and Entrepreneurship in Siberia]. Barnaul, Altai State University Publ., 2001, vol. 3, pp. 210–227. (In Russian)
- 4 *Dinastiia khudozhnikov Shchetininykh v kul'ture Altaiskogo kraia: nauchno-populiarnoe izdanie* [Dynasty of Shchetinin Artists in the Culture of the Altai Territory], research ed. T. M. Stepanskaia. Barnaul, Grafiks Publ., 2012. 36 p.: il. (In Russian)

- 5 Zaveshchatel'noe pis'mo P. M. Tret'iakova [Testament Letter of P. M. Tretyakov]. Metsenaty i kolleksiionery: Al'manakh vserossiiskogo obshchestva okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury [Patrons and Collectors: Almanac of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. *Pamiatniki Otechestva*, 1993, no 29, pp. 3–6. (In Russian)
- 6 Kagan M. S. *Estetika kak filosofskaia nauka. Universitetskii kurs lektsii. Lektsiia 30 "Nachalo novogo perekhodnogo etapa v istorii kul'tury i problema postmodernizma"* [Aesthetics as a Philosophical Science. University Lecture Course. Lecture 30 "The Beginning of a New Transitional Stage in the History of Culture and the Issue of Postmodernism"]. St. Petersburg. TOOTK "Petropolis" Publ., 1997. 544 p. (In Russian)
- 7 Krivtsun O. Khudozhnik v istorii russkoi kul'tury: evoliutsiia statusa [Artist in the History of Russian Culture: Evolution of Status]. *Iskusstvoznanie*, 2000, no 1, pp. 467–499. (In Russian)
- 8 Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 15.11.2019 g. № 2705-r "O Kontseptsii sodeistviia razvitiuu blagotvoritel'noi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda" [Decree of the Government of the Russian Federation of 15.11.2019 No. 2705-r "On the Concept for the Promotion of Charitable Activities in the Russian Federation for the Period until 2025"]. In: *Spravochno-pravovaia sistema "Konsul'tant Plius"* [Legal Reference System "Consultant Plus"]. Available at: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=338259#03566902919291868> (accessed 15 January 2021). (In Russian)
- 9 Skubnevskii V. A., Startsev A. V., Goncharov Iu. M. *Predprinimateli Altaia. 1861–1917 gg.: Entsiklopediia* [Entrepreneurs of Altai. 1861–1917: Encyclopedia]. Barnaul, Demidovskii fond Publ., 1996. 112 p. (In Russian)
- 10 Startsev A. V., Goncharov Iu. M. *Istoriia predprinimatel'stva Sibiri (XVII – nachalo XX v.)* [The history of entrepreneurship in Siberia (17 – early 20 c.)]. Barnaul, Altaiskii universitet Publ., 1999. 215 p. (In Russian)
- 11 Stepanskaia T. M. Svobodnyi khudozhestvennyi rynek i razvitie izobrazitel'nogo iskusstva v Rossii [Free Art Market and Development of Fine Arts in Russia]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2015, no 4 (53), pp. 360–363. (In Russian)
- 12 Federal'nyi zakon ot 04.11.2014 № 327-FZ "O metsenatskoi deiatel'nosti" [Federal Law of 04.11.2014 No. 327-ФЗ "On Patron Activities"]. In: *Spravochno-pravovaia sistema "Konsul'tant Plius"* [Legal Reference System "Consultant Plus"]. Available at: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=170477#05207319534424779> (accessed 15 January 2021). (In Russian)
- 13 Federal'nyi zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ "O blagotvoritel'noi deiatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiakh" (Accessed 08 December 2021) [Federal Law of 11.08.1995 No. 135-ФЗ "On Charitable Activities and Charitable Organizations"]. In: *Spravochno-pravovaia sistema "Konsul'tant Plius"* [Legal Reference System "Consultant Plus"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83777/ (accessed 15 January 2021). (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-345-358>

УДК 74+7.079

ББК 85.126(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. В. Хмельницкая
г. Омск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОЧЕРКА ОМСКОЙ ШКОЛЫ ДИЗАЙНА КОСТЮМА (OMSK FASHION DESIGN SCHOOL OFDS)

Аннотация: В статье исследуется путь формирования этнической направленности творческого почерка Омской школы дизайна костюма, систематизируется накопленный опыт в изучении этнического направления и его внедрения в образовательный процесс. Значительное внимание уделено деятельности фестиваля «Сибирская этника», направленного на развитие этнической культуры и национальных корней Сибирского региона. Рассматривается путь к рождению самого фестиваля, который является закономерным результатом многолетних исследований и творческой работы этнического и национального характера. Справочно описывается внедрение народных социально-культурных традиций в систему высшего образования и формирование эстетического воспитания при помощи фольклора и национального костюма с начала существования Омской школы дизайна. Сохранение и культивирование национальных традиций в Омской школе дизайна костюма имеет несколько воплощений и является своеобразным фундаментальным пластом духовного воспитания и приобщения к корням в образовательной среде. Во-первых, на основе русского народного костюма как художественного и конструкторского источника творчества в школе выстраивается обучение основам дизайн-проектирования костюма. Во-вторых, на кафедре «Дизайн костюма» в разные годы проводились фундаментальные и прикладные — археологические и этнографо-искусствоведческие — исследования значительной части территории Западной Сибири. Подобное внимание к народному костюму, его изучение, интерпретация художественно-конструкторской и смысловой составляющих закономерно нашли воплощение в новой форме художественного высказывания и популяризации этнических корней — Всероссийского фестиваля дизайна и искусств «Сибирская этника», который сегодня является площадкой распространения духовной и материальной культуры.

Ключевые слова: Омская школа дизайна костюма, «Сибирская этника», дизайн костюма, этника, национальный костюм, народный костюм.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Хмельницкая — аспирант, старший преподаватель кафедры «Дизайн костюма», Омский государственный технический университет, Проспект Мира, д. 11, 644050 г. Омск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3626-5081>

E-mail: khmelnitskayao@mail.ru

Дата поступления статьи: 23.01.2021

Дата одобрения рецензентами: 13.05.2021

Дата публикации статьи: 28.09.2022

Для цитирования: Хмельницкая О. В. Особенности этнической направленности развития творческого почерка омской школы дизайна костюма (Omsk fashion design school OFDS) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 345–358.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-345-358>

В каждом учебном заведении, где готовят профессиональных дизайнеров костюма, существует свой вектор развития и свое представление о смысловом наполнении профессии и ее социокультурной значимости. В Омской школе дизайна костюма (ОШДК)¹, наряду с проблемами качества изготовления одежды, ее многообразия, сложностью технологических процессов, существуют не менее важные аспекты, а именно сохранение и культивирование национальных традиций в одежде. Помимо утилитарной и художественно-декоративной функций национальной одежды, которые, несомненно, несут в себе большой потенциал для проектирования современного костюма, изучение этнических традиций и использование их в дизайне сегодня — это фундаментальный пласт духовного процесса в образовательной среде. Возрастание эстетической ценности народного творчества связано прежде всего с духовными запросами личности. Использование художником-модельером в оформлении и проектировании одежды самобытных, национальных художественных традиций способствует эстетическому воспитанию, развитию вкуса и формированию любви к культуре своего народа и своей страны.

Целью статьи является выявление и определение этнической направленности развития Омской школы дизайна костюма как одного из основных векторов развития школы. В связи с этим поставлены задачи проанализировать проявление этнического почерка в творческой деятельности ОШДК, проследить отношение к национальным традициям как к элементу эстетического и духовного воспитания, их проявление в учебном процессе и научных работах, в деятельности студентов, проиллюстрировать этнический почерк примерами студенческих работ.

В 2012 г. Омской школой дизайна костюма организован конкурс «Сибирская этника», который с последующего года проводится в качестве фестиваля. Проанализировав образовательный процесс ОШДК, становится видно, что, несмотря на относительную молодость конкурса, вектор развития и становления ОШДК с самого начала тесно переплетался с этническим компонентом, и появление такого конкурса как одного из главных событий города является очевидной закономерностью. Как отмечает Александр Хилькевич, международный аналитик моды, член жюри конкурса «Сибирская этника»: «Этно-фестиваль в Омске — единственный в своем роде. Его уникальность — в поиске и популяризации новых форм соединения традиционной культуры с современным искусством; а его главные задачи — формирование интереса к российской истории, культуре, укладу жизни разных народов; развитие темы этники и национальной идентичности через ее интерпретацию в модном костюме и актуальном дизайне» [9].

¹ Здесь и далее под термином Омская школа дизайна костюма подразумевается деятельность кафедры «Дизайн костюма» в составе Омского государственного технического университета. Специальность «Художественное моделирование» появилась в Омском технологическом институте, открывшемся в 1977 г. Вуз в этот период времени являлся уникальным по набору специальностей за Уралом.

В данной статье под термином «этника» подразумевается народное творчество и проявление духовной и материальной культуры различных этносов: благодаря территориальному расположению Омска, в ОШДК с момента зарождения школы формируется этнокультурный фактор. Омск является одним из крупнейших городов Западно-Сибирского региона, находится между Уралом и Алтаем, на юге граничит с Казахстаном. Кроме того, Омск выгодно расположен на пересечении Транссибирской магистрали и крупной водной артерии — реки Иртыш. Центральное месторасположение города на периферии, богатый этнический состав страны и высокая заинтересованность студентов из различных регионов способствовали разнообразию национального состава среди студентов. В свою очередь это способствовало формированию этнических тенденций в дизайн-проектировании костюма, которые сегодня являются одними из самых перспективных в дизайне одежды, а удовлетворение возросшего интереса к национальному и культурному наследию и самовыражение через подчеркивание этнических культурных корней стало одной из характерных задач регионального дизайна.

В основе этнического направления в ОШДК лежит народный костюм, а также образцы декоративно-прикладного искусства. Народный костюм, являясь символом культурного и художественного потенциала нации, всегда будет проводником национального самосознания, кладовой народной культуры, ремесленных и эстетических традиций. Кроме того, что народное творчество является источником вдохновения в художественном проектировании, следует отметить теоретико-методологическую ценность его применения в методологии проектирования костюма. В период 1920-х гг. советские художники по костюму начали активно изучать русский народный костюм и использование его элементов в современном костюме, считая, что на этой основе можно сформировать совершенно оригинальное направление отечественного моделирования [5, с. 42]. Влияние народного костюма на отечественную моду, его внедрение в методологию проектирования одежды во второй половине XX в. пролеживается у русских исследователей, историков моды, преподавателей (некоторые из них — по хронологии: Т. К. Стриженова «Из истории советского костюма» (1972), Г. С. Горина «Народные традиции в моделировании одежды» (1974), А. Дзеконьска-Козловска «Женская мода XX века» (1977), М. Н. Мерцалова «Костюм разных времен и народов» (1993), Ф. М. Пармон «Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества» (1994), М. Заламбани «Искусство в производстве» (2003), А. А. Васильев «История моды» (2012) и т. д.).

В 1980–1990-е гг. в системе высшего образования происходит актуализация этнического направления: высшие учебные заведения страны ставили перед собой задачу современного образования на всех уровнях — приобщение к культуре [8, с. 3]. В стране проводились ежегодные научные конференции («История культуры советского общества» (1990), «Этническая история и культура народов советской страны» (1991), «Русский вопрос: история и современность» (1994), «Художественное моделирование и народные традиции» (1995), «Народы Сибири и сопредельных территорий» (1995) и т. д.).

Таким образом, фестиваль «Сибирская этника» закономерно появился в период актуализации локальной культуры, при этом была подготовлена почва для ее появления как на уровне страны, так и в самом институте. С середины 1980-х гг. в ОШДК происходит основательное формирование этнографической платформы: на кафедре начинаются фундаментальные и прикладные исследования по проблемам «Моделирование молодежной одежды на основе народных традиций» и «Национальные традиции в современном дизайне костюма», причем с 1986 по 2001 г. данная тема являлась

стержнем госбюджетной научно-исследовательской работы кафедры [2, с. 60]. С 1986 г. под руководством профессора В. Б. Богомолова проводились археологические экспедиции и этнографо-искусствоведческие исследования сельской местности значительной части территории Западной Сибири. Студенты работали среди русских, татар, хантов и манси, шорцев, ненцев и других народностей [7, с. 70]. На кафедре дизайна костюма в этот период выходят методические указания «Проектирование моделей одежды на основе народного костюма как творческого источника» (1992), «Структурный анализ народного костюма (1989), «Моделирование трикотажных изделий на основе народного орнамента» (1994), «Использование мотивов русского народного орнамента в трикотажной одежде для детей» (1995) и т. д. Прежде всего, исследовалась проблема теории и методики дизайна на основе народных традиций. Большое внимание уделялось народной культуре, менталитету, социальной психологии и т. д. Культура, декоративно-прикладное искусство, костюм большинства народов России стали основой подготовки многих работ в этом направлении. Были годы, когда кафедра целиком работала по отдельным народам — русские, тюркские народы, народы Сибири и т. д. Сегодня конкурс «Сибирская этника» представляет собой большое социокультурное событие города и выходит за рамки модного городского события и направлен на популяризацию и актуализацию этнических корней, Сибири и Омска, в частности.

В творческих работах студентов ОШДК этническая направленность деятельности началась также практически сразу с момента рождения школы. Первые шаги были интуитивными, серьезным внедрением этнической составляющей в образовательный процесс был студенческий театр «Образ», состоявший из студентов и преподавателей [3, с. 54]. Театр был образован в 1980 г. и первые годы состоял из нескольких коллективов, которые образовывались экспериментально и стихийно. Учитывая экспериментальную направленность института² при открытии, творческие поиски происходили закономерно и постоянно. В студенческой иллюстрированной брошюре, выпущенной самим театром в 1988 г., очевиден вектор проектного развития нового для региона направления. В манифесте театра, представленном в брошюре и приведенном ниже, прослеживается идейная, эстетическая и творческая ориентация дизайнеров на использование в своей проектной деятельности национальных и исторических традиций формирования костюма: «Все мы, студенты и преподаватели, также бывшие выпускники ОмГИ, вышли из самого первого экзаменационного просмотра самых первых моделей, созданных студентами самого первого набора. Со временем под общей крышей студенческого театра “Образ” сформировалось несколько творческих групп, работающих в различных, но часто пересекающихся направлениях: фольклор, исторические реминисценции, роспись по ткани, авангард и т. д. Особенно богата область народного костюма. Если среднерусская полоса сравнительно изучена этнографами и искусствоведами, то Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север остаются для наших модельеров Терра инкогнита. <...> Может быть, именно поэтому модели, разработанные на местных традициях, имели такой осязаемый успех: бронзовая медаль ВДНХ в 1982 г., дипломы и медаль на Всероссийском конкурсе творческих работ студентов, “серебро” и “бронза” ВДНХ в 1985 г., представительство на Всесоюзной этнографической конференции 1987 г.» [6, с. 3].

² В 1977 г. открыт Омский технологический институт, в состав которого входит кафедра художественного моделирования (с 1994 г. кафедра дизайна костюма). Особенностью вуза была экспериментальная направленность художественных специальностей, которая давала студентам «творческую свободу», в отличие от других художественных вузов того времени, где главенствовал метод социалистического реализма.

Театр моды показывает маленькую частицу неиссякаемой фантазии русских людей, приоткрывает то, насколько тонкий вид, изобретательность и высочайшее мастерство у русского народа. В коллекциях моделей по мотивам народного творчества студенты видят многообразие форм и образов костюма, богатейший источник творческих идей в моделировании одежды. На рисунках 1–2 представлены студенческие эскизы второй половины 1980-х гг. из брошюры «Студенческий театр “Образ”», которые наглядно демонстрируют поиски новых форм костюма в синтезе фольклора и авангарда. На этих эскизах уже заметен творческий почерк ОШДК: многослойность костюма, сочетание различного ассортимента, различных фактур и форм в одном ансамбле являют собой интерпретацию народного костюма, когда цветовая гамма и пропорции ассортимента в ансамбле создают силуэт, а законченный образ формируется определенной концепцией, выраженной в колористическом, текстильном или стилевом решении, а также при помощи аксессуаров, обуви, прически, головных уборов, которые играли большую роль в тот период времени.

Рисунок 1 – Студенческие эскизы, вторая половина 1980-х гг.
Figure 1 – Student Sketches, Second Half of the 1980s

Рисунок 2 – Студенческий эскиз, вторая половина 1980-х гг.
Figure 2 – Student Sketch, Second Half of the 1980s

Во второй половине 1990-х гг. Омская школа дизайна костюма выходит на новый уровень: в стране начинают проводиться крупные конкурсы молодых дизайнеров. Дизайнеры Омской школы дизайна костюма начинают одерживать первые победы на конкурсах «Smirnoff» (Москва) и «Адмиралтейская игла» (Санкт-Петербург). Одна из причин успеха ОШДК на столичных конкурсах — самобытность коллекций, вызванная региональным характером школы. Несмотря на то что студенческие коллекции были авторскими и не имели единой стилистической направленности, общей чертой первых коллекций, вышедших на столичный уровень, являлась рукотворность, а популярным творческим источником являлся народный костюм. Это объясняется, во-первых, тем, что «народная тема» в проектировании одежды была актуальна в 1980–1990-х гг., и методология основ дизайн-проектирования костюма в ОШДК основана на изучении и применении структуры народного костюма. Во-вторых, богатый этнический состав студентов способствовал привнесению региональной и этнической специфики в профессиональное дизайн-проектирование костюма. Коллекция Зили Мирсояповой «Куклы» (1996) (рисунок 3) выполнена в лоскутной технике полностью вручную. Декоративность исполнения авторского лоскутного полотна, из которого сделан костюм, в сочетании со стандартным ассортиментом (блуза, юбка, жакет), традиционный силуэт для женской народной одежды в авторском исполнении был отмечен итальянским дизайнером Пако Рабанном на конкурсе «Адмиралтейская игла-96» как «образец настоящей моды, которая грамотно перенимает национальное достояние» [1, с. 38].

Рисунок 3 – Модель из коллекции «Куклы», З. Мирсояпова. 1996 г.

Figure 3 – Model from the collection “Dolls”, Z. Mirsoyapova. 1996

С середины 1990-х гг. студенты оттачивали свое дизайнерское ремесло на международных, российских и региональных конкурсах, создавая имя Омской школе дизайна костюма. Наряду с формированием авторского стиля школы, в ОШДК продолжается пропаганда народного творчества, его изучение национальных традиций, быта, культуры, использование исторических и национальных традиций в дизайне современного костюма. На рисунках 4–5 представлено развитие коллекции от эскизов до выполнения в материале коллекции «Морозко» Натальи Цуриковой (2007). Эскизы представляют собой поиск идеи, обыгрывание темы народного костюма и способы «переложения фольклора на современный лад». В этот период интерпретация народного костюма в современном происходит более деликатно и профессионально: используя богатый декор — принт, фактуру ткани, авторское полотно, массивные украшения ручной работы, автор верно выбрала ассортимент одежды лаконичных, но выразительных форм. Сложносочиненность ансамблей также формируется многослойностью, свойственной народному костюму, отсутствием ярко выраженного акцента ансамблей, большим количеством деталей. На лаконичных формах выбранного ассортимента одежды острее звучат характерные элементы народного костюма: платок, понева, головной убор кичка. Актуальность придают материалы и их выразительная фактура — бархат, шифон, вязаный трикотаж, плащевая ткань; а также фактура, выполненная вручную, — стежка, буфы, аппликации и вышивка бисером.

Рисунок 4 – Эскизы для коллекции «Морозко», Н. Цурикова, 2007
Figure 4 – Sketches for the collection “Morozko”, N. Tsurikova, 2007

Рисунок 5 – Коллекция «Морозко», Наталья Цурикова, 2007
Figure 5 – Collection “Morozko”, Natalia Tsurikova, 2007

Активное использование черт русского костюма отражает рост национального самосознания в массах. Дизайнеры тем самым приобщают самые широкие слои потребителей к сокровищнице народного костюма. Вместе с тем профессиональное, тактичное и бережное обращение с историческими и национальными ценностями может вдохнуть в них жизнь, придать им современное звучание, избежать опасности анахронизма. Таким образом, мода и костюм становятся одним из каналов приобщения личности к культурному прогрессу, а дизайнеры таким образом способствуют не только удовлетворению материальных запросов потребителей, но и стараются внести в этот процесс некую одухотворенность, причастность к непреходящим культурным ценностям.

Деятельность дизайнеров ОШДК, их авторское изложение национального костюма, многолетние этнографические исследования, фундаментальные и прикладные исследования национальных традиций в современном дизайне костюма, которые проводились с момента основания школы, закономерно привели к рождению фестиваля «Сибирская этника». Одна из главнейших задач фестиваля — воспитать любовь к народным и национальным традициям, умение со вкусом подойти к созданию современных форм костюма на их основе (рисунок 6–7).

Рисунок 6 – Коллекция “Кабы я была царица” В. Вейгант, 2015
Figure 6 – Collection “If I were a Queen” V. Wygant, 2015

Рисунок 7 – Коллекция «Кабы я была царица», детали
Figure 7 – Collection “If I were a Queen”, details

Внутри формата фестиваля «Сибирская этника» родился культурно-просветительский проект «Образы Покрова», связанный с демонстрацией женского головного убора — платка (рисунок 8). Примечательно, что первый раз конкурс провели именно на Покров день (14 октября 2012 г.).

**Рисунок 8 – Конкурс платков «Образы покрыва»,
Виктория Куклина «Снег», 2013**
**Figure 8 – Headscarf contest “Images of the veil”,
Victoria Kuklina “Snow”, 2013**

На конкурсе всегда представлено много рукотворных изделий — ручная вышивка, стежка, декорирование. Тщательно продумывается образ модели — макияж, прическа (рисунок 9). Заявленные критерии: свободная творческая интерпретация народных традиций, авторские техники и технологии, эксперименты с формой, декором, образным решением модели, ручная работа, шитье на уровне искусства [10]. На рисунке 10 представлена модель, победившая в номинации Гран-при 2017 г. Творческий источник — народный костюм, описан в учебнике Ф. М. Пармона «Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества» (1994): «Боярыни носили летом под верхней одеждой летники из атласа или другой легкой ткани. Изготавливались также телогреи, на которые надевались теплые и холодные душегрейки, похожие на сарафаны, только короче их, без пуговиц, с вырезом на груди. Под этой одеждой носили ферязи или сарафаны. Ферязи, напомилавшие сарафаны, представляли собой широкое платье, застегнутое спереди до низа, без рукавов. <...> Зимой богатые женщины носили кортели — шубы из дорогих горностаевых и собольих мехов, также носили длинные и широкие шапки, окаймленные атласом или парчой, а иногда еще и бобровой оторочкой, черным соболем или лисьим мехом и украшенные золотыми или жемчужными нашивками» [4, с. 26]. Такие разные подходы к работе с национальным костюмом демонстрируют широту его применения как творческий источник и бесконечное количество его интерпретаций, что еще раз подтверждает уместность его использования в современном костюме.

Рисунок 9 – Участник фестиваля «Сибирская этника», 2014
Figure 9 – Participant of the festival “Siberian ethnika”, 2014

Рисунок 10 – Коллекция «Посланница», А. Апалькова, 2017
Figure 10 – Collection “Messenger”, A. Apalkova, 2017

Образование и воспитание студентов в Омской школе дизайна костюма с применением этнического вектора стало одним из основополагающих принципов деятельности вуза, который преследует цель — подготовку к плодотворной практической работе, формирование принципов, определяющих структуру эстетического отношения к миру, — эстетической установки, эстетической потребности, эстетического вкуса. Только при условии, что будущий специалист научится этнические мотивы привносить в современную одежду чрезвычайно тактично, бережно и осторожно, чтобы они не «кричали» и не выглядели надуманно, извлекать то рациональное зерно, которое всегда присутствует в национальном костюме, можно будет говорить о втором рождении народного костюма, который органично войдет в нашу жизнь и сделает ее еще богаче, ярче и красочнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Адмиралтейская игла'96 // Город: Омский иллюстративный журнал. 1996. № 1. С. 37–38.
- 2 Азиева Е. В., Тимофеева М. Р. Использование традиций народного костюма и декоративно-прикладного искусства в методике обучения студентов художественных специальностей // Художественное моделирование и народные традиции: Мат. всерос. науч. конф. Омск: Изд-во Омского технического ин-та, 1995. С. 59–62.
- 3 Васильева Э. В. Студенческий театр моды как творческая лаборатория студентов и перспективы развития коллекции моделей одежды по народным мотивам // Художественное моделирование и народные традиции. Мат. всерос. науч. конф. Омск: Изд-во Омского технического ин-та, 1995. С. 52–55.
- 4 Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
- 5 Стриженова Т. К. Из истории советского костюма. М.: Сов. художник, 1972. 112 с.
- 6 Студенческий театр «Образ». Омск: Изд-во Омского технического ин-та, 1988. 24 с.
- 7 Толмачева Г. В. О роли эстетического образования в реформировании личности будущего специалиста // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование. Тезисы докладов междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Омского технического ин-та, 1992. С. 69–70.
- 8 Хвошнянская С. М. Приобщение к культуре // История культуры советского общества. Всесоюзная научная конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР». Тезисы докладов. Омск: Изд-во Омского технического ин-та, 1990. С. 3–4.
- 9 О региональном конкурсе «Сибирская этника» // Blogspot.ru. URL: <http://www.blogspot.ru> (дата обращения: 31.05.2020).
- 10 Сибирская этника: от конкурса до арт-резиденции // Sibetnika.ru. URL: <http://www.sibetnika.ru> (дата обращения: 31.05.2020).

© 2022. Olga V. Khmelnitskaya
Omsk, Russia

**ETHNICAL TREND FEATURES
IN THE CREATIVE STYLE DEVELOPMENT
OF THE OMSK FASHION DESIGN SCHOOL**

Abstract: The paper explores the emerging of ethnic orientation of the creative style of the Omsk fashion design school, systematizes the experience in studying the ethnic direction and its implementation in the educational process. Considerable attention has been paid to the activities of the Siberian Ethnic Festival, aimed at developing ethnic culture and national roots of the Siberian region. The study considers the path to the birth of the festival itself, which is a logical result of many years of research and creative work of an ethnic and national character. It also describes the introduction of folk socio-cultural traditions into the system of higher education and development of aesthetic education with the help of folklore and national costume from the beginning of the existence of the Omsk fashion design school. The preservation and cultivation of national traditions in the Omsk fashion design school has several incarnations and is a kind of fundamental layer of spiritual education and familiarization with the roots in the educational environment. Firstly, on the basis of the Russian folk costume as an artistic and design source of creativity, the school builds training in the basics of costume design. Secondly, the Department of Fashion Design has conducted fundamental and applied – archaeological and ethnographic studies of a significant part of the territory of the Western Siberia. Such attention to folk costume, its study, interpretation of artistic design and semantic components naturally found embodiment in a new form of artistic expression and popularization of ethnic roots – All-Russian Siberian Ethnic Festival of Arts and Design, which is now a platform for dissemination of spiritual and material culture.

Keywords: Omsk Fashion Design School, Siberian Ethnic Festival, fashion design, ethnic, folk costume, traditional outfit.

Information about the author: Olga V. Khmelnitskaya — Post-graduate Student, Teaching Senior Lecturer, Chair of Fashion Design, Omsk State Technical University, Prospekt Mira, 11, 644050 Omsk, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3626-5081>

E-mail: khmelnitskayao@mail.ru

Received: January 23, 2021

Approved after reviewing: May 13, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Khmelnitskaya O. V. Ethnical Trend Features in the Creative Style Development of the Omsk Fashion Design School. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 345–358. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-345-358>

REFERENCES

- 1 Admiralteiskaia igla'96 [Admiralty's Needle'96]. *Gorod: Omskii illustrativnyi zhurnal*, 1996, no 1, pp. 37–38. (In Russian)

- 2 Azieva E. V., Timofeeva M. R. Ispol'zovanie traditsii narodnogo kostiuma i dekorativno-prikladnogo iskusstva v metodike obucheniia studentov khudozhestvennykh spetsial'nostei [The Using of Folk Costume Traditions and Arts and Crafts in Teaching Art Students]. In: *Khudozhestvennoe modelirovanie i narodnye traditsii: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Artistic Modelling and Folk Traditions: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 1995, pp. 59–62. (In Russian)
- 3 Vasil'eva E. V. Studencheskii teatr mody kak tvorcheskaiia laboratoriiia studentov i perspektivy razvitiia kollektssii modelei odezhdy po narodnym motivam [Student Fashion Theater as a Creative Laboratory of Students and Prospects for the Development of a Collection of Clothing Models Based on Folk Motifs]. In: *Khudozhestvennoe modelirovanie i narodnye traditsii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Artistic Modelling and Folk Traditions. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 1995, pp. 52–55. (In Russian)
- 4 Parmon F. M. *Russkii narodnyi kostium kak khudozhestvenno-konstruktorskii istochnik tvorchestva* [Russian Folk Costume as an Artistic and Design Source of Creativity]. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1994. 272 p. (In Russian)
- 5 Strizhenova T. K. *Iz istorii sovetskogo kostiuma* [From the History of Soviet Costume]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1972. 112 p. (In Russian)
- 6 *Studencheskii teatr "Obraz"* [Student Theatre "Obraz"]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 1988. 24 p. (In Russian)
- 7 Tolmacheva G. V. O roli esteticheskogo obrazovaniia v reformirovanii lichnosti budushchego spetsialista [On the Role of Aesthetic Education in the Personality and Future Specialist Reforms]. In: *Industrial'nye tendentsii sovremennoi epokhi i gumanitarnoe obrazovanie. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Industrial Trends of the Modern Era and Humanitarian Education. Abstracts of Reports of the International Scientific and Practical Conference]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 1992, pp. 69–70. (In Russian)
- 8 Khvoshnianskaia S. M. Priobshchenie k kul'ture [Introduction to Culture]. *Istoriia kul'tury sovetskogo obshchestva. Vsesoiuznaia nauchnaia konferentsiia "Natsional'nye i sotsial'no-kul'turnye protsessy v SSSR". Tezisy dokladov* [Cultural History of Soviet Society. All-Union Scientific Conference "National and socio-cultural processes in the USSR". Abstracts of reports]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 1990, pp. 3–4. (In Russian)
- 9 O regional'nom konkurse "Sibirskaiia etnika" [About the Regional Competition "Siberian Ethnicities"]. In: *Blogspot.ru*. Available at: <http://www.blogspot.ru> (accessed 31 May 2020). (In Russian)
- 10 Sibirskaiia etnika: ot konkursa do art-rezidentsii [Siberian Ethnicities: from Competition to Art-Residence]. In: *Sibetnika.ru*. Available at: <http://www.sibetnika.ru> (accessed 31 May 2020). (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-359-371>

УДК 74.01/.09

ББК 85.118

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Н. И. Барсукова

г. Москва, Россия

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗНО-АССОЦИАТИВНЫХ ФОРМ ДИЗАЙНА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация: В статье раскрыты коммуникативно-семиотические свойства ассоциативных дизайн-объектов и возможности их применения на открытых городских пространствах. Образно-ассоциативные формы дизайна представлены как визуальные ориентиры и знаки, рассмотрены основные принципы визуального восприятия информации, заложенные в объекты знаковой коммуникации. В статье выявлен исходный набор критериев и приемов, обеспечивающий эффективный и функциональный процесс проектирования образных форм дизайна, которые выступают как знаки визуальной коммуникации. Применен феноменологический анализ знаковых процессов, исследованы семиотические особенности восприятия информации ассоциативных образных дизайн-форм и основные критерии и правила их проектирования. В статье анализируется процесс трансформации природных форм в образную проектную форму на основе ассоциативного метода проектирования, показывается разная степень условности проектного образа, от узнаваемого, стилизованного до абстрактного, подчеркивается необходимость сохранения четкой функциональной обусловленности дизайн-формы. Доказывается, что ассоциативное моделирование подчиняется тем же объективным закономерностям гармонизации, которые определяют разработку каждой дизайн-формы. Принцип ассоциативно-образной формы ярче раскрывает художественную идею, поэтому образная форма оказывает на зрителя более сильное эмоционально-эстетическое воздействие, чем простая утилитарная форма, и допускает возможность различного семиотического толкования. Высказано предположение, что ассоциация как связь двух представлений, когда одно, появившись, вызывает в сознании другое или несколько ассоциативных рядов, является визуально более приемлемой к появлению семиотических знаков в городской среде. К тому же любую ассоциативно-образную форму как семиотический знак можно толковать по-разному и добиться метафорической гибкости. Данное положение доказано экспериментальным путем: автором спроектирована световая дизайн-форма «Гнезда», которая, помимо семиотических, выполняет эстетические и утилитарные функции, являясь уличным светильником. Разное их расположение и группировка в город-

ской среде вызывает разные ассоциации. Однако, несмотря на возможность трактовок, дизайн-формы всегда должны обладать наглядностью и ясностью понимания. Данная тема рассмотрена в контексте проектных проблем создания визуально комфортной предметно-пространственной городской среды для благоприятной жизнедеятельности человека. Введенные в ткань городской застройки природные имитации способны минимизировать влияние техногенной урбанистической визуальной среды, насытить дополнительными смыслами, компенсировать недостаточность природных форм.

Ключевые слова: визуальная семиотика, ассоциативные образные дизайн-формы, визуальная коммуникация, световой сад.

Информация об авторе:

Наталия Ивановна Барсукова — доктор искусствоведения, профессор, Национальный институт дизайна, ул. Дубининская, д. 17, стр. 2, 115054 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9222-4885>

E-mail: bars_natali@mail.ru

Дата поступления статьи: 04.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 08.08.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Барсукова Н. И. Семиотические функции образно-ассоциативных форм дизайна в городской среде // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 359–371. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-359-371>

Одна из проблем современной урбанистической среды — утрата своеобразия городских пространств, что является одним из результатов пренебрежения проектировщиков к понятию «дух места», к культурным и региональным особенностям. Процесс переживания человеком значения своего окружения и отождествления с ним необходим не только для визуальной ориентации. Установление связи со своим окружением через осознание его границ и визуальные коды с их семиотическими смыслами способствует формированию привязанности к конкретному месту. Основные теоретические и методологические основы семиотики сформировались относительно недавно, но интерес к ним увеличивается, так как считается, что семиотика способна создать единый язык описания, применяемый к любому конкретному языку или знаку, а значит, применимый и к языку городского пространства и его символам [6].

Для изучения механизмов образования смысла в дизайне необходимой методологической основой являются труды Р. Барта, Ж. Бодрийара, У. Эко. Последний рассматривает архитектуру как систему знаков, причем понятие «архитектура» включает у него также дизайн и градостроительство. У. Эко существенно расширил систему знаков-символов, введя понятие «код». Код понимается им как некий вектор, который задает и систему константных общезначимых значений, и систему локальных, частных значений [19].

Смена архитектурных стилей, сохранение или, наоборот, перестройка имеющихся сооружений — все это фактически представляет собой семиотические эволюционные ряды, в которых замещаются одни объекты другими, но сохраняются старые названия и обозначения. Смена архитектурных стилей, утилитарных и символических объектов городской среды, уличной мебели и оборудования, социально-структурные

изменения — все они сохраняют «семиотическую» историческую память: одни знаки и символы наполняются новым содержанием и смыслом, другие исчезают.

Возможна в целом интерпретация городского пространства как семиотической системы, как текста, организованного с помощью визуальных знаков и знаковых систем [2, с. 9]. Пространство города можно изучать как собственное своеобразное семиотическое значение и как пространственную организацию [4, с. 117]. Знаки и символы выступают не только отражением уже существующих объектов, вместе с их осмыслением они создают социально-культурную среду города.

В статье используется понимание визуальной семиотики как научной области, включающей в сферу своего интереса визуальные аспекты всевозможных коммуникативных практик [1, с. 10]. Поскольку дизайн является одной из форм коммуникативной деятельности, активно формирующей визуальную культуру общества, основным ракурсом исследования является раскрытие визуальных смыслов ассоциативных дизайн-форм в городской среде.

Особую важность и интерес для раскрытия данной темы представляют работы, связанные с применением семиотического метода именно в дизайне, так как предполагается, что общие идеи семиотики уже известны. Знание основ семиотики необходимо как для создания, так и для верного понимания визуального контента объектов дизайна, что рассмотрено на примере символов и навигации в пространстве отдельно взятого вуза [15, с. 185]. Фактически семиотика является основой теории графического дизайна как визуальной коммуникации, в соответствии с которой весь графический продукт является знаковым и визуальным.

Целью этого исследования является выявление коммуникативно-семиотических свойств образно-ассоциативных дизайн-форм и их восприятие в городской среде, а также анализ процесса трансформации природных форм на основе ассоциативного метода. Визуальные аспекты коммуникации рассматриваются в тесной связи с раскрытием роли дизайн-образа как знака в городской среде, как элемента коммуникативной системы. Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью раскрытия темы заимствования природных форм при создании пластичного проектного образа для достижения гармонии в условиях урбанистической среды. Для этого необходимо более глубокое понимание семиотического потенциала дизайн-объектов и их визуального прочтения.

Необходимо указать на трудности применения и трактовки понятия «знак» в проектной культуре. Между архитектурными объектами городской среды и знаками, их обозначающими, существуют определенные взаимодействия: знаки способны выступать как нечто пассивное, только фиксирующее те или иные объекты, и как активное, побуждающее начало, воздействующее на поведение людей в этой среде. Визуальная семиотика позволяет как бы маркировать городское пространство. В семиотических знаках города кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, придание ему определенных смыслов, различение собственного личного индивидуального пространства и его соотношение с объективированным пространством всего города. Поэтому для исследования городской среды необходимо обращение к исследованию семиотического смысла городского пространства.

Показателен пример семиотического прочтения скульптуры «Иголка, нитка и узелок» скульптора К. Ольденбурга в Милане на площади Кадорна. В замысел авторов входила задача отразить трудолюбие и усердие жителей Милана. Однако миланцы

интерпретировали культурный объект иначе: на их взгляд внушительная по размерам скульптура иглы с разноцветной ниткой подчеркивает статус города как мировой столицы моды и стиля. Нить раскрашена в национальные цвета Италии — желтый, зеленый и красный — они же символизируют и транспорт Милана — три линии метрополитена соединяются в этой точке города на станции Кадорна, которая является важным местом в городских коммуникациях. Однако, не зная таких деталей, символы 2-го и 3-го рядов ассоциаций будут скрыты от зрителя, и скульптура будет восприниматься просто как яркий образ в стиле игровых постмодернистских объектов [3, с. 91].

В современной проектной практике среди направлений поиска аналогий и творческих источников особое место занимает живая природа. Как известно, в природе целесообразность неотделима от общей гармоничности ее форм. Структура природной формы, цвет, фактура поверхностей — все подчинено единому замыслу — оптимальному функционированию в данных условиях. Неповторимость и динамичность природных форм, усиленная цветовым решением — в этом заложена их способность эмоционально воздействовать на человека.

Имитация природных форм в проектной практике имеет разные подходы и названия. Самым известным направлением исследований является бионика, которая объединяет ученых, инженеров и архитекторов для создания устойчивых технологий [21, с. 93–98]. Бионический метод используют и дизайнеры для возможности переносить с объектов природы на дизайн-объект интересную идею, принцип, способ [8, с. 128, 80–91]. В англоязычной литературе чаще употребляется термин «биомиметика» — подражание природным аналогам [11, с. 112–135]. Термин используется в значении выработки подходов к созданию технологических устройств, при котором идея и основные элементы заимствуются из живой природы. Биомиметика является сознательным стремлением использовать безупречные принципы природы.

Дизайн в семиотическом контексте рассматривается в работах Е. Жердева, посвященных метафоре как коммуникативному средству дизайна. Он предлагает ввести в оборот дизайнеров термин «метафора» как универсальную категорию формирования художественной образности и биомоделирования в различных видах дизайна за счет многообразия ее проявлений и значений [7, с. 15–30]. Но метафору в дизайне надо понимать не как прямое сравнение по аналогии со словом, проектный образ создается по сходству в переносном значении.

Подражание природным формам называют и методом стилизации. Более опосредованно это связано с имитацией живых организмов или биоморфизмом, который моделирует естественные узоры, напоминающие природу и живые организмы на элементах и дизайн-формах. Искусство биоморфистов фокусируется на силе естественной жизни с бесформенными и смутно сферическими намеками на формы биологии и использует органические формы. Но создание пластически адекватных форм в дизайне возможно и при помощи аргументированного проектирования [9, с. 246–249].

Противоположным пластическому подходу является метод геометрического структурирования природных форм [23]. Закономерности в природе — это видимые закономерности формы, обнаруживаемые в природном мире. Эти паттерны повторяются в разных контекстах и иногда могут быть смоделированы математически. Р. Майнстоун раскрывает процессы проектирования, демонстрируя, как свобода выбора дизайнера была расширена за счет растущего понимания структурного поведения и указывает

особенности, которые отличают формы, созданные человеком, от форм, сформированных по своей природе [22]. Однако эффективные структуры и формы часто не имеют никакой эстетической ценности. Поэтому есть необходимость обратить внимание структурных инженеров и изобретателей на природную морфологию, чтобы создавать оптимальные модели, обладающие художественностью.

Даже внешняя имитация естественных форм помогает отразить красоту окружающей среды, что особенно важно для урбанизированных пространств. С помощью городского дизайна создается искусственная среда, которая отражает ценности общества и воспитывает художественный вкус. Поэтому важна эстетическая сторона объектов городского дизайна. Изучая исторические и теоретические вопросы о визуальности, исследователи раскрывают идеи стремления всей культуры к наглядности в современный период [13, с. 10–35]. К. Эллард отмечает негативное воздействие урбанизации на здоровье человека, что неизменно побуждает пересматривать принципы обустройства среды обитания с целью гармонизации [20, с. 86–97]. Важно учитывать и изменившуюся роль человека как активного участника среды [5].

В настоящее время формулируются направления исследований, связанные с изучением искусственной природы, что говорит о творческом и научном интересе к данной проблеме и особой актуальности выбранной темы. В частности, анализируются вопросы соотношения застройки и природы, архитектурных и естественных форм. Затрагиваются вопросы категорий красоты, структуры и функций дизайна, и соотношения этих категорий [12, с. 17]. В связи с этим актуальной становится и проблема сомасштабности объектов городской среды человеку.

В научной литературе определены и выявлены механизмы и приемы интерпретации природных форм в городской среде [14, с. 26–48]. А. Яковлев конкретизирует понятие «искусственная природа» и вводит новое понятие «природо-интерпретирующий объект» [18, с. 59]. Складывается новое направление в современном ландшафтном дизайне — арт-природный дизайн, в основу которого положена абстрактно-символическая компенсация природы в городском ландшафте. К настоящему времени в ландшафтную архитектуру и городской ландшафтный дизайн все активнее внедряются новые виды образного существования природных форм — искусственные имитации природы становятся полноправными элементами. Объекты могут как учитывать природные процессы, так и быть полностью искусственными — являющимися художественным и образным осмыслением природы.

Вопросам образа в дизайне посвящены также работы О. Чепуровой и Н. Щепеткова [16, с. 24–27; 17, с. 137–150]. Художественно-образное моделирование, в отличие от логического, основывается не на рациональном, беспристрастном и последовательном учете всех необходимых факторов, а прежде всего на эмоциональном, интуитивном и целостном видении конечного результата проектного процесса. Как известно, единство в образной форме рационального и эмоционального означает соответствие идеям целесообразного ее формообразования и субъективного, личностного авторского начала. При таком соответствии рождается яркий художественный образ, имеющий визуально-конкретный, эмоциональный характер. Однако, если рациональная составляющая превалирует, форма выглядит маловыразительной. При чрезмерной ее эмоциональной обусловленности она становится неопределенной, «размытой» по смыслу, несобранной. Можно сравнить это с кодово-мягким и кодово-твердым языками в семиотике.

Важными составляющими образа в дизайне являются его содержательное и формальное начало. Гармонизация этих принципов предполагает снятие в образе противоречия между его смыслом и формой, в которой он воплощается и тогда в содержательной композиции образной дизайн-формы рождается целостный образ, который будет обладать художественно-эстетической выразительностью. Образ в дизайнерских формах имеет и разную степень условности, начиная от близких к натуральным изображениям и заканчивая предельно условными, абстрактными символами. Здесь необходимо учесть единство содержания формы и функции, которые она выполняет. Если функции предусматривается обеспечение, прежде всего наглядности, ясности понимания образа, форма максимально приближается к изобразительной. При достижении быстроты и четкости ее восприятия с дальних расстояний, особенно в городской среде, она делается как можно более условной.

Другая специфическая черта образной формы — ее четкая функциональная обусловленность. Как и во всех бифункциональных искусствах, в дизайне образ заключает в себе конкретные идеи, которые придают дизайн-форме глубокий, содержательный характер. Если в форме раскрыта лишь одна из них, например «материальная», дизайн-объект может быть удобным, но не выразительным. Такая многоаспектность трансформации природного объекта разработки приводит к появлению в дизайн-процессе типологически-различных по содержанию и форме проектных моделей.

Любое произведение искусства — это результат ассоциативных представлений о предметах и явлениях реального мира, воссоздаваемых в памяти. Считается, что ассоциативный метод предполагает исследование различных соотношений контекстов среды [10, с. 236–241]. На наш взгляд, ассоциация как связь двух представлений, когда одно, появившись, вызывает в сознании другое или несколько ассоциативных рядов, является визуально более приемлемым к появлению семиотических знаков в городской среде. Есть мнение, что знак всегда конкретен, а символ многозначен. Важно то, что любую ассоциативно-образную форму как семиотический знак можно толковать по-разному и добиться метафорической гибкости.

Это нашло подтверждение при создании и восприятии световой формы «Гнезда» (ил. 2, б). При ее проектировании был применен метод интерпретации природных форм на основе ассоциативного метода. В качестве творческого источника для вдохновения были взяты природные формы деревьев и птиц, сидящих в гнездах. Главной задачей практического экспериментирования было не получение результата точного копирования природных форм, а выработка единых приемов формообразования живых структур. Прикладные функции образной формы — освещать городские пространства: пешеходные улицы, парки и другие рекреационные зоны. Поиск гармоничной формы для дизайн-проекта светильника содержал в себе все этапы: построение бионической структуры на основе природного аналога; конструктивная адаптация природного аналога в системе дизайн-проектирования — обобщение формы, стилизация, линейно-конструктивное построение природной формы при виде сверху, сбоку; построение ассоциативной модели при помощи компьютерной программы (ил. 1). Ассоциативное проектирование подчиняется общим объективным закономерностям гармонизации. В данном случае — наиболее яркое выявление художественных свойств каждого элемента и в то же время нахождение гармонической связи между элементами построенной на контрасте.

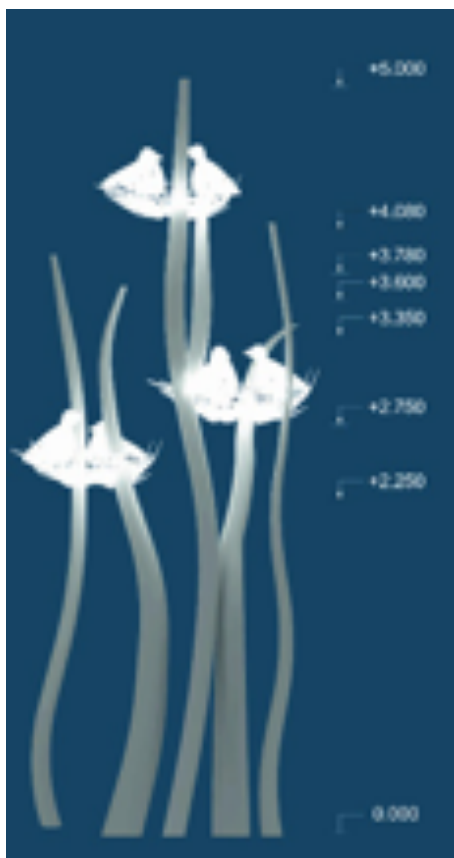

Иллюстрация 1 – Световая дизайн-форма «Гнезда». Проект Н. Барсуковой
Figure 1 – Light Design-Shape of the “Nest”. N. Barsukova's Project

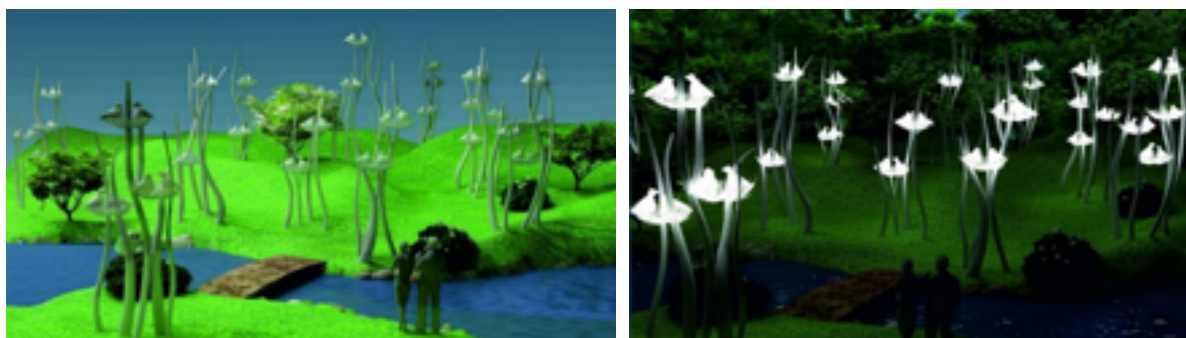

Иллюстрация 2 а, б – Световой парк «Белые птицы» в дневное и вечернее время суток. Проект Н. Барсуковой
Figure 2 a, b – Light Park “White Birds” in the Daytime and in the Evening. N. Barsukova's Project

Это один из способов формирования идеи и трансформации биоформы в дизайн-объект. Так как конструктивные системы в живой природе образуют определенную форму, создают объемно-пространственную структуру, можно сказать, что композиция природных форм обусловлена их содержанием, т. е. является смысловой. По ее особенностям можно судить о функциональной сущности формы. В данном случае основой трансформации является методика образного подхода, содержащая эвристический потенциал, с ориентацией на визуальную семиотику.

При восприятии «формы-ассоциации» у зрителя должны возникнуть смысловые аналогии с живой природой: в данном случае декоративная абстрагированная форма-конструкция городского светильника отсылает к ассоциациям образов птиц и деревьев. Очевидно, что для быстроты восприятия и ясности понимания нужно было создать наглядную, простую и лаконичную дизайн-форму, которая соответствовала бы принципу ее образной разработки или просто образности.

Экспериментальный дизайн-объект представляет собой стилизованные стволы деревьев с гнездами и сидящими в них птицами. Стальные конструкции опор фонарей с солнечными батареями по своей форме напоминают стволы деревьев (ил. 1). Проектный образ всегда должен быть функционален, и в данном случае освещение рассматривается не только как дизайнерская задача, но и инженерная. Были выбраны стальные бесшовные трубы с высокими эксплуатационными свойствами разной высоты — от 3,6 м до 5 м. В сечении — круг с уменьшением и расширением, гиб металлических труб осуществляется гидравлическим способом для достижения визуальной пластичности и гибкости, что должно вызвать ассоциации с естественным изгибом деревьев. Они сгруппированы в одну композицию и соединены между собой. На трубах крепятся «гнезда», расположенные на разной высоте.

Размеры светильника выполнены в масштабе небольших городских пространств для отдыха (ил. 2, а). Обычно такие рекреационные зоны отличаются камерностью. Например, структура пешеходных пространств вдоль улицы обретает человеческий масштаб, когда транзитное пространство или разбивается на серию «зеленых кабинетов», или имеет свои символы и знаки в виде современной сомасштабной человеку скульптуры или образных дизайн-форм, какими и являются данные световые формы «Гнезда». Рекреационная зона парков и пешеходных улиц располагает для неторопливой ходьбы с кратковременным отдыхом, поэтому здесь уместны осветительные приборы с образной составляющей. Специфика освещаемой рекреационной зоны требует внесения соответствующих конструктивных изменений и в проект опорной конструкции.

«Гнезда» представляют собой сетчатую структуру, выполненную из хаотично расположенной стальной проволоки, устойчивой к атмосферным осадкам и напоминающей соломинки и хворостинки (ил. 1). Основой для них могут быть сотовые или сетчатые композиционные материалы, обладающие легкостью и жесткостью, изготовленные из смеси усиленной волокнами эпоксидной основы и термореактивных смол для достижения сочетания легкого веса и прочности. Для «гнезд» могут применяться и бионические сетчатые оболочки из светодиодов — в этом случае в ночное время источником освещения будут и объемы птиц, и сами «Гнезда». Их количество может варьироваться — от двух до трех в каждом гнезде. В данном случае форма будет выразительнее, если в ней ярче выявляются художественные свойства применяемых материалов, — так образ через материал находит свое яркое условное выражение в форме.

Разное расположение и группировка светильников в городской среде вызывают разные ассоциации. Одиночно они могут быть установлены вдоль пешеходной улицы или в парках — в этом случае воспринимаются как бионические светильники, являющиеся символами живой природы. Самостоятельным проектом городского дизайна может быть концепция «Световой сад», если группы светильников установить на площадке, в уединенном месте, рядом с прудом или озером — для медитаций и отдыха (ил. 2, б). Такие «светоформы» с искусственным светом способствуют гуманизации городской среды, влияют на развитие вечернего туризма.

Время суток тоже влияет на семиотические функции световых дизайн-форм — собранные в несколько групп и расположенные в уединенном пространстве города днем они воспринимаются как место тихого отдыха, как возможность для созерцания и медитации. В совокупности это повышает визуальную привлекательность и разнообразие городской среды. В вечернее и ночное время это же место будет выступать в роли самостоятельного, светового сада под названием «Белые птицы» (птицы — светодиодные лампы белого свечения). Большинство опрошенных респондентов во время презентации данного проекта на выставке ответили, что название и образ напоминают им сад памяти о погибших воинах в Великой Отечественной войне. Белые птицы символизируют павших в боях за Родину. В темное время усиливаются контрасты, что зрительно подчеркивает художественные качества конструктивной структуры.

Итак, следуя положению о возможности формирования коммуникации визуальным способом, особенно в «оптически» организованных формах культурной деятельности, каким и является дизайн, можно сделать выводы. Возвращение индивидуальности образа городским ансамблям возможно не только на основе формирования архитектурно-художественных стилей, но и семантики и семиотики отдельных пространств с сохранением визуального кода. Создание устойчивых признаков места облегчает адаптацию человека в искусственной среде и становится для него одним из факторов психологического комфорта. Очевидна необходимость применения определенных приемов соорганизации природных и искусственных составляющих города для того, чтобы установить смысловые и коммуникативные взаимосвязи между человеком, природой и городской средой. Введенные в ткань городской застройки природные имитации способны разгружать техногенное визуальное поле урбанизированных пространств.

На семиотические функции образных дизайн-форм влияют место расположения, количество и группировка, время суток, размеры и материалы, из которых они сделаны. Семантическая трактовка и использование символического и аллегорического значения различных выразительных элементов, в частности в виде образно-ассоциативных форм городского дизайна, способствуют и эстетическому осмыслению современной городской среды. Экспериментальные уличные светильники могут сочетаться с объектами городского дизайна различной стилистики. Наряду с их основными функциями — инженерная (декоративный источник освещения) и эстетическая (формирование эстетически привлекательных городских пространств) — выявлены их коммуникативные функции, показана возможность интеграции световых форм в городскую среду пешеходных улиц и парков.

Выявлена креативная роль ассоциативного мышления в творческих процессах, связанных с дизайном, которые предметно, семантически и визуально формируют среду обитания. Включены доступные сведения о развитии ассоциативного мышления и применении его в проектной деятельности. Принцип ассоциативно-образной формы отражает адекватное раскрытие художественной идеи, оказывает на зрителя более сильное эмоционально-эстетическое воздействие, допускает возможность различного семиотического толкования. Здесь важно добиться равновесия художественной идеи, целесообразности и практичности дизайн-формы.

Анализ знаково-коммуникативных функций ассоциативных дизайн-форм показал, что заложенная в них семантика расшифровывается в контексте ценностных ориентаций и определенной социальной и культурной среды; могут появиться новые ассоциативные ряды при визуальном прочтении, которые автор не закладывал при проектировании. Это позволяет добиться семантической гибкости и многоплановости городской среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аванесов С. С.* Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 1 (1). С. 10–22.
- 2 *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.
- 3 *Барсукова Н. И.* Полистилистические приемы проектной культуры постмодернизма // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № S (76). С. 88–97.
- 4 *Барсукова Н. И.* Культурные коды в дизайн-проектировании городской среды // Образование. Наука. Культура. Мат. межд. науч. форума Гжельского государственного ун-та. Гжель: Изд-во Гжельского гос. ун-та, 2018. С. 116–119.
- 5 *Барсукова Н. И.* Русская повседневная культура — особенности организации жилого пространства // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 327–342.
- 6 *Барт Р.* Избранные труды: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
- 7 *Жердев Е. В.* Метафора в дизайне. М.: Архитектура-С, 2010. 464 с.
- 8 *Липов А. Н.* У истоков современной бионики. Био-морфологическое формообразование в искусственной среде // Полигнозис. 2010. № 1–3. С. 126–136, 80–91.
- 9 *Мирошников В. В., Мирошникова В. М.* Принцип аргументированного формообразования как основа пластической адекватности объектов дизайна // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. С. 246–249.
- 10 *Мкртчян С. В.* Ассоциативный метод проектирования в средовом дизайне // Учителя и ученики. Мат. межд. научн. конф. к 190-летию Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова. М.: Изд-во Московской гос. художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова, 2016. С. 236–241.
- 11 *Мюллер Т.* Биомиметика // National Geographic. 2008 (май). С. 112–135.
- 12 *Процюк М. В., Барсукова Н. И.* Бионические игровые формы на открытых городских пространствах // Архитектон: известия вузов. 2020. № 3 (71). С. 17.
- 13 *Сальникова Е. В.* Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2012. 52 с.
- 14 *Табышalieва Дж.* Природные формы в городской среде: дис. ... канд. архитектуры. М., 1992. 155 с.
- 15 *Хоменко О. В.* Семиотика дизайна: дизайн как средство коммуникации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1 (27). С. 184–193.
- 16 *Чепурова О. Б.* Теоретические проблемы формирования художественного образа в дизайне // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 9. С. 24–27.
- 17 *Щепетков Н. И.* Световой дизайн города. М.: Архитектура-С, 2006. 320 с.
- 18 *Яковлев А. И.* Формы существования искусственной природы в городской среде: автореф. дис. ... канд. археологии. М., 2006. 164 с.
- 19 *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: Symposium, 2006. 538 с.
- 20 *Эллард К.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / пер. с англ. А. Васильевой. М.: Альпина Паблишер, 2018. 287 с.
- 21 *Mehdi S., Mehdi K., et al.* Bionic architecture, forms and constructions // Research journal of recent sciences. 2014 (March). Vol. 3 (3). P. 93–98.

- 22 *Mainstone R.* Developments in structural form. 2nd ed. St. Louis, USA: Architectural Press, 2013. 384 p.
- 23 *Protsiuk M. V., Barsukova N. I.* Structural shaping as the basis of designing children's playground // IOP Conferens Series: Materials Science and Engineering. Vladivostok: Institute of Physics Publishing, 2018. P. 022101.

© 2022. **Natalia I. Barsukova**
Moscow, Russia

**SEMIOTIC FUNCTIONS
OF FIGURATIVE AND ASSOCIATIVE FORMS OF DESIGN
IN THE URBAN ENVIRONMENT**

Abstract: The paper specifies the communicative and semiotic properties of associative design objects and the possibilities of their application in open urban spaces. It also presents figurative and associative forms of design as visual reference points and signs and considers basic principles of visual perception of information, embedded in the objects of sign communication. The study reveals the initial set of criteria and techniques that provide an effective and functional process of designing figurative forms of design — signs of visual communication and examines the main criteria and rules for the design of associative figurative design forms and the semiotic features of the perception of information in these forms. The paper analyzes the process of transformation of natural forms into a figurative design form. The author, basing on the associative design method, traces different degrees of conventionality of the design image (from recognizable, stylized to abstract), emphasizing the need to maintain a clear functional conditionality of the design form. The study proves that associative modeling obeys the same objective harmonization laws that determine the development of each design form. The principle of the associative-shaped form clearly reveals the artistic idea, has a stronger emotional and aesthetic impact on the viewer than a simple utilitarian form, and allows for the possibility of various semiotic interpretations. The researcher suggests that an association as a connection between two representations (when one, having appeared, evokes in the mind another or several associative rows), is visually more acceptable to the appearance of semiotic signs in an urban environment. Any associative-shaped form as a semiotic sign can be interpreted in different ways and metaphorical flexibility may be achieved. However, the design forms must exhibit visibility and clarity of understanding for all social groups of the population. The author considers this topic in the context of design issues of creating a visually comfortable subject-spatial urban environment for a favorable human life. Natural imitations introduced into the fabric of urban development are capable of minimizing the influence of technogenic urban visual environment, saturating them with additional meanings, and compensating for the insufficiency of natural forms.

Keywords: Visual Semiotics, Associative Figurative Design Forms, Visual Communication, Light Garden.

Information about the author: Natalia I. Barsukova — DSc in Arts, Professor, National Design Institute, Dubininskaya St., 17, bldg 2., 115054 Moscow, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9222-4885>

E-mail: bars_natali@mail.ru

Received: July 04, 2021

Approved after reviewing: July 08, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Barsukova N. I. Semiotic Functions of Figurative and Associative Forms of Design in the Urban Environment. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 359–371. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-359-371>

REFERENCES

- 1 Avanesov S. S. Chto možno nazyvat' vizual'noi semiotikoi? [What can be Called Visual Semiotics?]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki*, 2014, no 1 (1), pp. 10–22. (In Russian)
- 2 Avanesov S. S. Vizual'naia semiotika goroda: perspektiva issledovaniia gorodskikh tekstov [Visual Semiotics of the City: the Perspective of the Study of Urban Texts]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki*, 2016, no 4 (10), pp. 9–22. (In Russian)
- 3 Barsukova N. I. Polistilisticheskie priemy proektnoi kul'tury postmodernizma [Polystylistic Methods of the Project Culture of Postmodernism]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no 5 (76), pp. 88–97. (In Russian)
- 4 Barsukova N. I. Kul'turnye kody v dizain-proektirovanii gorodskoi sredy [Cultural Codes in the Design of the Urban Environment]. In: *Образование. Наука. Культура. Материалы международного научного форума Гзельского государственного университета* [Education. The science. Culture. Proceedings of the International Scientific Forum of Gzhel State University]. Gzhel', Gzhel State University Publ., 2018, pp. 116–119. (In Russian)
- 5 Barsukova N. I. Russkaia povsednevnaia kul'tura — osobennosti organizatsii zhilogo prostranstva [Russian Everyday Culture-features of the Organization of Living Space]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 327–342. (In Russian)
- 6 Bart R. *Izbrannye trudy: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1994. 615 p. (In Russian)
- 7 Zherdev E. V. *Metafora v dizaine* [Metaphor in Design]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2010. 464 p. (In Russian)
- 8 Lipov A. N. U istokov sovremennoi bioniki. Bio-morfologicheskoe formoobrazovanie v iskusstvennoi srede [At the Origins of Modern Bionics. Bio-morphological Formation in a Simulated Environment]. *Polignozis*, 2010, no 1–3, pp. 126–136, 80–91. (In Russian)
- 9 Miroshnikov V. V., Miroshnikova V. M. Printsip argumentirovannogo formoobrazovaniia kak osnova plasticheskoi adekvatnosti ob'ektov dizaina [The Principle of Reasoned Shaping as the Basis of Plastic Adequacy of Design Objects]. *Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 7, pp. 246–249. (In Russian)
- 10 Mkrtchian S. V. Assotsiativnyi metod proektirovaniia v sredovom dizaine [Associative Design Method in Environmental Design]. In: *Uchitel'ia i ucheniki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 190-letiiu Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii im. S. G. Stroganova* [Teachers and Students. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 190th Anniversary of the Stroganov Moscow State Academy of Art and Industry].

- Moscow, Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts Publ., 2016, pp. 236–241. (In Russian)
- 11 Miuller T. Biomimetika [Biomimetics]. In: *National Geographic*, 2008 (May), pp. 112–135.
- 12 Protsiuk M. V., Barsukova N. I. Bionicheskie igrovye formy na otkrytykh gorodskikh prostranstvakh [Bionic Game Forms on Open Urban Spaces]. *Arkhitekton: izvestiia vuzov*, 2020, no 3 (71), p. 17. (In Russian)
- 13 Sal'nikova E. V. *Fenomen vizual'nosti i evoliutsiia vizual'noi kul'tury* [The Phenomenon of Visuality and the Evolution of Visual Culture: DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2012. 52 p. (In Russian)
- 14 Tabyshalieva Dzh. *Prirodnye formy v gorodskoi srede* [Natural Forms in an Urban Environment: PhD Dissertation]. Moscow, 1992. 155 p. (In Russian)
- 15 Khomenko O. V. Semiotika dizaina: dizain kak sredstvo kommunikatsii [Semiotics of Design: Design as a Means of Communication]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, 2018, no 1 (27), pp. 184–193. (In Russian)
- 16 Chepurova O. B. Teoreticheskie problemy formirovaniia khudozhestvennogo obraza v dizaine [Theoretical Issues of Artistic Image Formation in Design]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no 9, pp. 24–27. (In Russian)
- 17 Shchepetkov N. I. *Svetovoi dizain goroda* [Light Design of the City]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2006. 320 p. (In Russian)
- 18 Iakovlev A. I. *Formy sushchestvovaniia iskusstvennoi prirody v gorodskoi srede* [Forms of Existence of Artificial Nature in the Urban Environment: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2006. 164 p. (In Russian)
- 19 Eko U. *Otsutstvuiushchaia struktura: Vvedenie v semiologiiu* [Missing Structure: An Introduction to Semiology], trans. from Italian by V. Reznik, A. Pogoniailo. St. Petersburg, Symposium Publ., 2006. 538 p. (In Russian)
- 20 Ellard K. *Sreda obitaniia. Kak arkhitektura vliiaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Habitat. How Architecture Affects our Behavior and Well-being], trans. from English by A. Vasil'eva. Moscow, Al'pina Publ., 2018. 287 p. (In Russian)
- 21 Mehdi S., Mehdi K., et al. Bionic Architecture, Forms and Constructions. *Research Journal of Recent Sciences*, 2014 (March), vol. 3 (3), pp. 93–98. (In English)
- 22 Mainstone R. *Developments in Structural Form*. 2nd ed. St. Louis, USA, Architectural Press, 2013. 384 p. (In English)
- 23 Protsiuk M. V., Barsukova N. I. *Structural Shaping as the Basis of Designing Children's Playground*. IOP Conferens Series: Materials Science and Engineering. Vladivostok, Institute of Physics Publ., 2018, p. 022101. (In English)

ОТ РЕДАКЦИИ

Правила оформления статей

1. Статья, оформленная в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п.л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п.л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая таблицы и примечания. Дополнительные шрифты, если таковые использовались в статье.
2. Автор представляет рукопись по электронной почте: vsk_gask@mail.ru.
3. Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word*, формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов.
4. Первая страница должна содержать следующую информацию:
 - название рубрики, кегль — 14;
 - УДК (см., например, teacode.com/online/udc), кегль — 14;
 - ББК (см., например, <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), кегль — 14;
 - Фамилия и инициалы автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2022 г. **И. И. Иванов**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
 - Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.), аннотация и ключевые слова на русском языке, дата отправки (поступления) статьи, выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 12.
 - Далее — информация об авторе — имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее — текст статьи — выравнивание по ширине, без переносов.
5. В конце статьи приводится СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5.–2008 в виде нумерованного списка. Ф.И.О. печатается курсивом. Фамилия и инициала авторов пишутся отдельно.
6. Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [1], [2, с. 567], [3, с. 45; 4, с. 89], [10, л. 8].
7. Ссылки на архивные материалы даются в виде постраничных автоматических сносок.
8. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: *Times New Roman*, кегль 12.
9. После СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ на русском языке размещается информация на английском (отделяется знаком ***):
 - фамилия, имя (полностью), отчество (первая буква) автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2022. **Ivan I. Ivanov**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.

- Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.) (*Acknowledgements*), аннотация и ключевые слова на английском языке (*Abstract, Keywords*), выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 14.
 - Далее — информация об авторе (*Information about the author*) — имя, отчество (первая буква), фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее указывается дата отправки (поступления) статьи (*Received: January 26, 2018*)
 - Затем приводится REFERENCES (см. *рекомендации по подготовке References*).
10. Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., И. О. отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах: 30-е гг., а не тридцатые годы. Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в. Писать только полностью: так как, так называемые. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.
 11. Кавычки — только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“раз”, два, три, “четыре”».
 12. Иллюстрации представляются отдельно от статьи. Подписи к рисункам и таблицам приводятся на русском и английском языках.

ARTICLE REQUIREMENTS

1. An article, executed in accordance with the Bulletin requirements. The size of the article, including the tables, footnotes, endnotes, annotations etc., must be no larger than 40 000 characters together with space characters – not more than 1 p.s. (for postgraduate students — 20 000 characters together with space characters – not more than 0,5 p.s.). Custom fonts if any have been used.
2. The manuscript should be submitted via following e-mail: vsk_gask@mail.ru.
3. Text is written in *Microsoft Word*, Page size is A4, Margins are 20mm on all sides, Default font is *Times New Roman* Font size is – 14, Line Spacing is – 1,5, Indentation is first line — 1,25, Portrait orientation, No word breaking.
4. The first page of the article must be written as follows:
 - the name of the column, font size — 14;
 - UDC (see e.g., teacode.com/online/udc), font size — 14;
 - BBC (see e.g., <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), font size — 14;
 - At the center: Surname, first name, and middle name of the author(s) — bold, italics, lowercase, right align. The copyright and the year is placed before the Surname, first name, and middle name of the author (e.g.: © 2022 г. И. И. Иванов), font size — 14. Below: the city, country, font size – 12.
 - The title of the article center-aligned. Bold, italics, justified, unintended, font size – 14.
 - Next goes information about the financial support of the paper (grant and other), abstract and Russian keywords, date of sending(receipt) of the article, justified, no word breaking, font size is 12.

- Then goes the information about the author — first name, middle name, surname, scientific degree, academic rank (if any) or other status or position of the author(s) (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, address of the institution with a postal code, E-mail, font size — 12.
 - These are followed by the text of the article, justified, no word breaking.
5. REFERENCES are listed in the end of the article in the alphabet order in accordance with GOST 7.0.5.–2008. as a numbered list. The font used for the names of the author(s) is italic. The surname and the initials are written separately.
 6. References in the text should look as follows: [1], [2, p. 567], [3, p. 45; 4, p. 89], [10, l. 8].
 7. References on archive materials come in the form of automatic page footnotes.
 8. Commentaries come in the form of automatic page footnotes. The number of the footnote is placed in the end of the sentence followed by full spot. The font is Times New Roman, the font size is 12.
 9. After the LIST OF REFERENCES in Russian comes the following information in English (separated with ***):
 - Surname, full first name and middle name of the author(s) are aligned on the right side, the font is italics, bold and lowercase (ex.: © 2022. **Ivan I. Ivanov**), font size — 14. Further goes city or town, country, font size is 12.
 - The title of the article — center align. Bold, italics, justified, unintended, the font size is 14.
 - Then goes the information about financial support of the paper (grant etc.) (*Acknowledgements*), abstract and English keywords (*Abstract, Keywords*), justified, no word break, font size — 14.
 - The next is the information about the author (*Information about the author*) — first name, middle name, surname, academic degree, academic rank (if any), work position (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, E-mail, font size — 12.
 - Then goes the date of sending(receipt) of the article (*Received: January 26, 2017*)
 - These are followed by REFERENCES (see *Guidelines for preparation of References*).
 10. Abbreviations. At the first mention of a person the name and patronymic name should be specified with the first capital letters with full stop (e.g.: N. P.). Separate N. P. (initials) and surname with a space. The period of time comes in numbers (e.g.: 1930s, but not “the thirties”). The Russian dates should be abbreviated as follows (r. or rr.: 1920 r., 1920–1922 rr.). Not “century” or “centuries” but c. and cc. correspondingly. (in Roman numerals): IX c. Abbreviations include: etc., i.e., et al.
 11. Only inverted commas of this form (e.g.:« ») are required to use. If the quotation begins or ends with the quoted word, the use of both types of commas is required (e.g.: «“one”, two, three, “four”»).
 12. The illustrations should be submitted separately. Figures and tables captions are listed in English and Russian.

ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Научный журнал

Том 65
Сентябрь 2022

Выходит 4 раза в год

Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 32,8. Тираж 500 экз.

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Институт славянской культуры
129337, Москва, Хибинский проезд, д. 6

Изготовлено РИО РГУ им. А. Н. Косыгина